

СЕМЕН ВАКСМАН

Толевас книтка

Семен Ваксман

ПОЛЕВАЯ КНИЖКА

Пермь 2014

Ваксман С.И.

Пермь: Сенатор 2014 – 516стр.

ISBN 978-5-903236-13-8

Повествование об освоении земных недр и полетах в космос,
основанное на документальном материале.

ISBN 978-5-903236-13-8

© Ваксман С.И., 2014

© Издательство «Сенатор»,
оформление, 2014

ПОЛЕВАЯ КНИЖКА

*85-летию со дня открытия Волго-Уральской нефти
посвящается.*

*Автор признателен руководству института ПермНИПИнефть,
в первую очередь, Надежде Алексеевне Лядовой за сочувствие и
содействие в издании книги; благодарен всем людям,
с которыми свела судьба.*

Предуведомление

Книга основана на старых записных книжках (геологи их называют полевыми) автора и множества других людей. Совпадения событий, происходивших в моей жизни и в жизни страны, в которой мне выпало жить и умереть, с реальными событиями и действующими в них реальными лицами не являются случайными. Книга бессюжетна и в то же время многосюжетна, как и сама жизнь.

«Нет на свете дела труднее, чем писать простую, честную прозу о человеке».

Хемингуэй

«Трудиться надо, господа...»

Чехов

Глава 1. Утка-мандаринка

1

Город рос на семи холмах. Московские ходоки это знают — для них дивное московское словцо Разгуляй. На Большой Дмитровке гранитные плиты под углом пересекали булыжную мостовую, пешеходы это ногами чувствовали. Цветной бульвар, Трубная площадь выводили к Неглинке. Когда-то река с таким названием подрезала крутой песчаный берег, и мост был через нее — Кузнецкий мост, а еще дальше — Кремль, Боровицкий холм, Водовзводная башня. Кто это знает — не удивится, если вдруг на улице Неглинке среди лип и тополей вымахает речная ветла. Многие из холмов стерлись, а Сретенский остался.

Старые люди рассказывали, что на подъеме к Сретенке на Рождественском бульваре мальчишки припрягали к конке лошадей, вскакивали верхом. Рельсы без желобков для реборд колес; булыжник вровень с рельсами. Вагоны грохотали, мальчишки хлестали коней — сумасшедший трамвай! На вершине холма, на Сретенке (в названии улицы чудилось слово *встреча*) коней отпрягали. Дальше плато — Сретенский бульвар, Мясницкая с Главпочтамтом, напротив чайный магазин, который все звали *китайским*, потом Чистопрудный бульвар, Покровка. Чистые пруды — как большое зеркало в прихожей (Патриаршие — будто карманное зеркальце). Река Неглинка давала воду для пушкарей, печатников, колокольных мастеров, что жили на склонах Сретенского холма в горбатых ремесленных переулках — Колокольниковом, Пушкаревом, Печатниковом.

В питейных заведениях в районе кинотеатра «Уран» на Сретенке, где, как известно, нет ни одного проходного двора, всегда можно было встретить Железного Кирилла, он же Папа Карло, пижона и пьяницу, который знал пацанов на Сретенке и в переулках по нашу и по другую, равнинную часть — от Даева до Рыбникова.

На разбойной, очень непрестижной Трубе — Трубной улице, когда-то звавшейся Грачевкой, — одно время жил Антон Павлович Чехов. Наверное, он видел многое из того, что застали мы, — молочная, ремонт пишущих машинок, булочная, керосиновая лавка, подворотни, где тебя могли встретить ребята — руки в карманы, подбородок вперед. Зато на Трубной была масса проходных дворов, выводящих на относительно безопасный Цветной бульвар.

Семейная легенда Чеховых — в их родословном древе был Андрей Чохов, отливший Царь-пушку, скорее всего, в Пушкаревой слободе. И колокольный звон Чехов любил. В одном из его ранних рассказов «Сапожник и нечистая сила» действие происходит в Москве, а именно в Колокольниковом (у Чехова — Колокольном) переулке, в «четвертом доме от угла». Это мое родное гнездо — дом номер восемь, квартира шесть. А в квартире номер четыре жил мой лучший друг Волик — Всеволод. Мы даже ели с Воликом из одной тарелки, обнявшись: я держал ложку в правой руке, а Волик — в левой. За горами, за лесами, в городе Ленинграде жил двоюродный брат Всеволода, которого, естественно, называли Игорем.

Хотя глухая стена в нашем дворе частично обвалилась, масштаб обрушений был недостаточен, чтобы называть ее руинами. Наша стена — в пятнах старой краски, с выкрошенной кладкой, с проломленным брандмауэром — такой и должна быть настоящая стена. Перед ней была деревенская земля, где можно играть в ножички. Проигравший зубами вытаскивал из земли спичку. Лаз, выводящий в Печатников переулок и дальше, на Рождественский бульвар, не каждый мог найти, и далеко не всякий мог в него пролезть. Мы тупо вели тайные раскопки за флигелем у внутренней стены Рождественского монастыря, где Волик с упорством дятла намечал места, где могла быть зарыта библиотека Ивана Грозного. В футбол мы уходили играть на школьный двор, где можно было прикладисто приложиться к мячу. А в своем дворе — только бить пендели в стену, и не поводишься как следует. Правда, технари могли поднять мяч, поддержать его в воздухе, щечкой остановить. Я так любил футбол, что тайно брал в постель мяч — с треснувшей крышечкой, клееной-переклеенной камерой. Пальто у меня было с пуговицами в виде футбольных мячей.

У черной лестницы притаился тополь, засыпавший летом весь двор летучим пухом. Между стеной дома и тополем натянута веревка, и казалось, что он привязан к дому. Вечером от прогретой

брусчатки горбатого Колокольникова переулкa поднималась волна теплого воздуха, обнимала нас, маленьких, уходила вверх, туда, где взрослые. На Сретенке и внизу, на Трубной, теплый воздух был другим, более плотным, он не поднимался волной, а струился над асфальтом, как вода. Будто бежишь по краю озера, будто брызги теплой воды летят от сандалий, и цветущий май, и разматывается в руках катушка суровых ниток, и воздушный змей играет над головой. Солнце слепило окна дома, что против нашего, и напитывалась красным светом кирпичная кладка. Из подвала тянуло прохладой. Воспоминание было беззвучным. Не хватало детского плача, шипения карбида, «иди ужинать», грохота хлебных поддонов, сочных ударов по мячу.

Папа пропал без вести. Я говорил, что мой папа — в разведшколе, потом — что он Герой Советского Союза. Мне не верили, били за вранье. На большой перемене Седой вытащил плитку трофейного шоколада. Он неправильно ел его, обламывая целые кусмачики! А надо бы есть маленькими дольками, прижать к нёбу гибкий пластик и долго слизывать с него слоинки кончиком языка. Еще Седому отец прислал трофейную авторучку. Тогда я сказал, что мой папа — дважды Герой Советского Союза. Вот тогда Седой и сказал мне: «Гуммоз», — обидное слово, значения которого не знал никто. Оно считалось более обидным, чем «сексот». Я сунул очки в карман: «Повтори, что ты сказал». — «Гуммоз», — холодно произнес Седой, рванул на мне отложной воротничок и надвинул на глаза фуражку. Надо сказать, что фуражки мы носили так, чтобы получился профиль адмирала Нахимова, как на новом ордене.

Уже начинались салюты. Ценились балконы, с которых хорошо видно зарево огня. Папа не вернется. Я решил ничего не говорить об этом маме. Весна сорок пятого года, девятое мая! Какие лица были в этот день у измученных войной людей, какие облака, какая музыка из окон! Как летел над Цветным бульваром довоенный быстрый танец «Цветущий май»!

В «Пионерской правде» на стенде у здания Совинформбюро на Рождественке мы читали повесть «Охотники за женихом». Ждали: «продолжение следует...»

— Поехать бы в дебри Уссурийского края, — сказал Волик. — Найти таинственный необитаемый остров сокровищ. Там уссурийские тигры. Там виноград растет.

— Дикий виноград.

— Сам ты дикий. Там тигры, лианы. Там бархатное дерево.

В тот день, когда мне попал в руки «Остров сокровищ» Стивенса, я не пошел в школу. Какая школа? Убрать сходни, поднять якоря, поднять паруса! В море, на все ветра! Волна ударит водяной пылью в лицо, паруса схватят ветер. На нашей шхуне три мачты: фок-мачта, потом грот и на корме бизань-мачта; бушприт от форштевня с кливерами, и звенят натянутые снасти. Какая еще может быть школа, когда в трактире «Адмирал Бенбоу», что на берегу Бристольского залива, Черный Пес уже нашел Билли Бонса?! Слепой пират Пью уже дал ему черную метку! За окном нашей комнаты начала наливатьсЯ синева зимних сумерек, когда одноногий Сильвер прислонился спиной к бочке из-под яблок, где сидел Джим Хокинс. Много позже я вычитал у Юрия КовалЯ, что самая легкая лодка в мире сделана из бамбука, найденного в подвале одного из домов в одном из сретенских переулков. В том подвале всегда запах соли и водорослей, когда шумит прибой в водосточных трубах.

Без матросских песен невозможна тяжелая морская работа на палубе — под грохот шторма, скрип мачт, удары волн в скулы корабля. Моряки на старых парусниках ревели песни на фалах, когда поднимали паруса, или песни на шпиге, когда выбирали якорь. Одну из них, английскую, я перевел в юности:

*Тащи булинь, тащи булинь!
Булинь тащи, тащи, тащи!
Ори, что хочешь и свищи!
В любую непогодь и стынь
Тащи булинь, тащи булинь!
Раскачивай, тащи!*

Спал я на горбатом деревянном сундуке, обитом железными полосами, несколько напоминающем опрокинутый бочонок из-под яблок на палубе шхуны «Испаньола». Всю стену нашей десятиметровой комнаты занимала огромная карта Советского Союза — двадцать пять километров в сантиметре. Условный знак государственной границы — точки и тире. Возможно, точки обозначали пограничников, а тире — служебных собак (вид сверху). Где-то притаился Никита Карацупа с верным Индусом. В Байкал я упирался коленками, а перед глазами была мощная дуга Сихоте-Алиня, ровная линия побережья Японского моря, озеро Хасан, Владивосток, Уссурийск, рыбье тело Сахалина, даже плавник можно различить — мыс Терпения, а рыбий хвост — мысы Крильон и Анива, разделенные заливом. Дальше, как буйки рыбацкой сети, вставали из океана Курильские острова:

Итуруп, Уруп, Онекотан!

Или так:

*Кунашир, Уруп, Шиашкотан,
Симушир, Шумиу, Онекотан!*

Ниже обреза карты — потеки, разводы на стене. Если присмотреться, не сразу, конечно, но увидишь высокую волну с гребнем, разбитым в брызги, как на картинах Хокусая.

2

Я поступал на факультет журналистики МГУ. На собеседовании (у меня серебряная медаль) я лихо рассказал о речи Ленина на третьем съезде комсомола («Учиться, учиться и учиться»), об ошибках Гроссмана в романе «За правое дело», но засыпался на вопросе, какого рода слово «шимпанзе». Волик тоже с первого захода не поступил на физфак.

Я пошел в Парк культуры. До войны мы ходили сюда гулять — мама, папа, маленькая Светка и я — «пятилетка в четыре года», как опасно острил папа. Аллеи были пятнистые от солнца, и ласточки над рекой, и парашютная вышка, и на пруду — каменные лягушки, и гремело «И у мальчика пара зеленых у-удивительных маминых глаз». После войны и мамы не стало.

По Калужскому шоссе я шел мимо громады трех институтов, сросшихся крыльями с отступом от улицы: в центре горный с колоннами, слева «керосинка» — нефтяной имени Губкина, справа Институт стали имени Сталина — ИСИС. Потом Сталина убрали, но аббревиатуру сохранили: Институт стали и сплавов (хотя сталь, если глубоко задуматься, — тоже сплав). У нефтяного института толпились студенты в куртках с эполетами золотого шитья, в фуражках с высокой тульей, со скрещенными молоточками — вот где надо учиться, вот где мощь державная страны советской, — Московский нефтяной институт имени академика Губкина, геолого-разведочный факультет! Нефть — это кровь промышленности!

Потом по Крымскому мосту — в кинотеатрик «Авангард» (его давно нет), где одним сеансом шел старый фильм «Поезд идет на восток». «Авангард» — некоторые буквы не горели, и чудилось — «Ангара».

Приняли меня младшим коллектором во ВНИГНИ с гордой расшифровкой — Всесоюзный научно-исследовательский геологи-

ческий нефтяной институт, в девонскую лабораторию, к суровой Марье Филипповне Филипповой. «Девон» — одна из двенадцати геологических систем. «Девон» — так называли гостиницу в Альметьевске в честь гигантского нефтяного месторождения с нежным именем Ромашкино.

Мне разрешали смотреть образцы из опорных скважин. Эти невзрачные серые камни — доломиты! А эти плотные глины называются аргиллиты! Страсти кипели в нашей маленькой лаборатории! Оказывается, в европейской части, поближе к Уралу в позднедевонское время проходила узкая полоса, где породы несли в себе отпечатки, как говорила Марья Филипповна, «угнетенной фауны». Палеонтологи проверяли и перепроверяли себя, к великому Рухину возили образцы и шлифы в Питер. Однажды Рухин вышел за сигаретами и попал под машину, перебегая Литейный.

— Как теперь и жить? — рыдала Ирина Георгиевна Гасанова. Марья Филипповна и Сарра Михайловна обнимали ее.

«Как три сестры», — подумал я.

В ту пору я читал Ферсмана — «Цвета минералов». Он в грязи цвет открыл, и я полюбил грязь — красноцветы и пестроцветы, весеннюю черную, непролазную, блестящую полевую грязь средней полосы, буро-красную лесную землю, покрытую осенней листвой!

3

Волик, как и все физфаковцы, рвался на «ядро». Экзамен по теоретической физике принимал сам Ландау, и всей группе (потом из нее вышли академики и лауреаты) выставил «неуды». Льва Давидовича вызвали в деканат: «Неужели все такие олухи?» — «Представьте себе, это так. Флуктуация кретинов, колоссальная флуктуация кретинов!» Волик страшно огорчился, когда ему досталась специальность «морская акустика».

Я же поступал на геологоразведочный факультет губкинского института. Мы встретились на собеседовании — Валя Громека, Олег Супруненко, Люся Антоненко и я. Люся отдувала кверху прядку легких волос. Михал Михалыч Чарыгин вкусно выпевал слова:

— Друзья мои, вам неслыханно повезло. Вы будете заниматься самым интересным делом, какое можно только представить, — поисками и разведкой месторождений флюидов — нефти и газа.

Нефть — это очень капризная женщина. Флюиды — самые трудно-доступные полезные ископаемые, они уходят с места своего образования. Вам предстоит первыми взять в руки свежие керны горных пород с глубин два, три, четыре километра...

Люся — в запас не наглядеться! Наивные косички с капроновыми бантиками, белые носочки; только глянул на нее — и поплыл! Мы даже сидели вместе на лекциях какое-то время.

— Смешное слово — «кern», — сказала Люся. — «Я помню чудное мгновенье».

— «Кern» по-немецки — это «ядро», — прошептал я.

— Где-то ты очень смешной.

— У тебя все смешные.

Там девчонки смеются — ну всё на свете смешно, всё так смешно!

Я провожал ее до Автозаводской, размахивал руками, отступаясь в жемчужные края луж, в праздничный блеск осенней грязи, доказывая, что Ферсман похож на Экзюпери. Для них что главное — для одного камни, для другого — небо.

Люся слушала, плыла в своих туфлях-лодочках. Хотелось идти и идти рядом с ней мимо тусклых домов *усни-города*, одушевляемых тем, что она здесь живет.

— Ты представляешь, то, что для нас с тобой — обыкновенное бездорожье (как хорошо говорить «для нас с тобой», «ты»), для Ферсмана — липкая непрозрачная грязь южного чернозема или желтые, почти скрипящие грязи на гранитных массивах.

— Пойдем быстрее... Дальше не ходи, — сказала она.

— Почему?

— Потому что так надо.

Кто-то заглянул Люсе в лицо, присвистнул.

Позже Люся постриглась, да еще завитон сделала, отдувала кверху прядку легких волос, а чтобы не засмеяться, прикусывала уголок губы, отчего получалась полуулыбка, да плечиком поведет, и все прозрели — и Олег, и Юрка Малиновский, и все-все-все.

Соловьях соловью:

— I love you!

Лебедихе лебедь:

— Ich

liebe dich!

Я люблю Вас!

Yellow-blue bus!

О, я вами восхищен!

— Con amore!

— Das ist schön!

Сыграй про чудный город Сан-Луи! О, Сан-Луи! Под вельветовый баритон Вилиса Кановера — «It is the voice of America» — прошел этот свинг, этот сдвиг, этот блюз, этот джаз по запретным волнам. Ретрансляция на Союз через Танжер, пробивая вой глушаков, все непротыки эфира — эти имена: Луи Армстронг, Бенни Гудмен. Рушилось всё, но несокрушимым был чудный город Сан-Луи и вся охранная территория вокруг него, и розы, и шипы — больше, чем сами розы, и серенада лунного света, и чаттануга-чуча — весь этот джаз.

Юрка Перемышцев не расставался с гитаркой — клонил плечо и головой качал. Себя он считал вторым гитаристом в Союзе после Иванова-Крамского. Валька Соболев сказал: «Первый в мире, второй в Сибири».

Люся простудилась, и мы ездили к ней домой, на Автозаводскую. Мама ее чудесная подавала замечательный чай с фантастически вкусным яблочным вареньем, и Люся была в халатике с цветочками, в тапочках, каких-то изумительных тапочках, и все тянулись к ней с конспектами, и мелькали сладостные слова — формула Дюпюи, формула Дарси, канон Штилле, манжетное цементирование скважин по методу инженера Байбакова, теорема Коши и правило Лопиталья.

На «Три сестры» во МХАТе она со мной не пошла.

— Чехов вроде бы ничему не учит. О чем пьеса? Летят перелетные птицы... Снег идет... У Лукоморья дуб зеленый... Однажды... Жили-были... И что же, все исчезнем, как исчезает трава? «О, как играет музыка! Они уходят от нас, один ушел совсем, совсем, навсегда...» Ничего не происходит, и вдруг — цып-цып-цып — ни с того ни с сего один человек убивает другого.

— Сестры ноют, воют — в Москву! В Москву!

— Но Ирина-то уезжает не в Москву, а на кирпичный завод. И подполковник Вершинин — он хорошо делал свое дело, его солдаты потушили пожар. Город спасен, и он поёт: «Любви все возрасты покорны, трам-там-там-там...» Маша на этот же мотив: «У Лукоморья дуб зеленый... та-та-та». Это их тайный знак! Маша собралась уже уходить и шляпку надела, и вдруг приходит

Вершинин, и Маша снимает шляпку: «Я остаюсь завтракать». Это можно по-разному сказать: «Знаете что, я передумала. Я... остаюсь пить... чай...» Или: «Я пе-ре-ду-ма-ла... Я остаюсь пить чай!»

— Всё равно не люблю Чехова.

Перевёл: и тебя не люблю, и нечего.

На спуске у Минералогического музея Юрка Малиновский пролетел на прямых ногах по жуткой ледяной горе, и Люся за ним, и упала бы, но Юрка схватил ее, и они стояли, обнявшись, у всех на виду. В музее она по-хозяйски сунула свой номерок Юрке в карман.

Владимир Сергеевич Князев, читавший нам тяжелую науку кристаллографию, рассказывал:

— Камни надо смотреть влажными — так учил Крыжановский, второй минеролог после Ферсмана. Как-то раз, рассказывал он, в Ивделе сидели вечером у костра. Пошел разговор о камнях, да такой, что давая горшки развязывать узелки, камешки показывать. Ведро с водой притащили, хвастаются друг перед другом бериллами да изумрудами, аквамаринами да ониксами. Был там один молчун, последним показал камень. Аметист — красоты неопишущей. «Откуда?» — ахнул Крыжановский. «В Урале нашел», — так всегда говорят, когда темнят. «Я Урал знаю. В Урале такого быть не может. Это вы не в Урале нашли». И погрузил камень в воду. Тогда весь окрас и рубашки, и нижней одежды камня в свете костра преломляется в одну точку. И нюхом звериным по облику, по разливу васильково-синего цвета с переходом в водяную прозрачность Крыжановский определил: «Яблоневый хребет». Оказалось, тот молчун с семеновской бандой в Забайкалье сейфы грабил.

Князев научил нас определять минералы в шлифах — тонких срезах породы, закрепленных в слое прозрачного канадского бальзама. Положишь шлиф на предметный столик поляризационного микроскопа, шевельнешь верньером в скрещенных николях, и открывается блистающий мир: кварцевые массы, подобные тающим снегам, слюда, гордый оливин, ломающий плагиоклазы по номерам.

Записи Князев велел делать в полевых книжках вечного хранения, писать только на левой стороне, справа — кроки, рисунки, разрезы, колонки. Не запишешь — всё пропадет, всё уйдет в культурный слой. Писать только карандашом, обязательно карандашом, ведь чернила могут размыться дождем. Карандаши лучше кохиноровские, артикула ТМ, которые не мажут и не царапают бумагу. В полевой период работа от светладцати до темнадцати; гео-

лог должен быть гончей, которая идет по следу, в кровь разбивая лапы. Потом камералка — хороший свет, отличная бумага, обволакивающая музыка, заточенные карандаши, мягкие чешские резинки, миллиметровка в планшетах, хорошая, без крупинки, тушь — лучше ленинградская, чем березниковская.

Валька Соболев мурлыкал глупость из репертуара СТЭНа — студенческого театра эстрадных миниатюр:

*Есть на факультете девушка хорошая,
Пусть о ней нигде не говорят,
Я не знаю как, но любовь непрошенная*

*Прорвалась на сердце, словно я-ад.
Лекции прошли, все домой ушли,
Только я брожу по этажа-ам.
Видно зря песенка моя —
Нет ее ни здесь, ни там.*

Валька сказал:

— Три вещи надо делать очень быстро — признаваться в любви, занимать деньги и рассказывать анекдоты. Ты не умеешь ни того, ни другого, ни третьего. Давай-ка поиграем в слова. *Дроля!*

— *Зазноба.*

Валька сказал: «*Невзлюбить*», — и мне расхотелось играть в слова.

Мы хилили по Бродвею — по улице Горького от Пушкинской до коктейль-холла, или по малому Броду на Садовом кольце от кино «Форум» до «Экспресса» — это для сретенских ребят. Валька в круглой пижонской шапочке, в черных пижонских очках, звонил:

— В гражданскую, бывало: ночь-мороз. Помнишь, Сэм? Первая конная. Рысью! Галоп! Пить захотелось — шашку на ходу, р-раз! Наголо. На шашке — роса.

— Какая роса, Валя, если ночь-мороз?

— Так то в другой раз было, Сэм. Говорю тебе — на шашке роса. Дашь коню полизать, а что осталось — себе. Беляки попадутся — в капусту! От плеча до седла! Да, веселое было время. Тревожное, трудное, но веселое. Эй, красивая! Если обернется: «Был бы мед, а пчелы из Багдада прилетят».

— Ты что, старичок? Чувихи хоть куда, на всё готовые.

— Мне нравятся скромные и застенчивые девушки.

— Я им скажу, и они будут скромные и застенчивые. А что? Бывают и застенчивые. Скажу: мой друг нежной души, стесняется. У него с девушками проблемы, вообще со всем проблемы. Летим, значит, высота три тысячи пятьсот. Температура за бортом минус пятьдесят. Штурман идет по проходу, я говорю: «У ваших стюардесс ноги кривые. Позор»! Штурман: «Сам знаю, и капитан ругается, говорит: в следующем рейсе менять будем обязательно». Говорю: «Но чтобы хорошенькие были». Я в горы заезжал к альпинистам знакомым — ребята славные, конечно, но нахальные. Пикник, шашлык, вино. В Сванетии под свана работал, бородку отпустил, метров с восьмидесяти пяти вполне можно принять за свана, надел шапочку-сваночку, черные очки. Потом попал в Терскол, набил новые шипы...

Однажды на кавказской практике Валька после дневного маршрута потащил меня искать кристаллики горного хрусталя, которые, по рассказам, в изобилии водились в трещиноватых сланцах нижней юры.

Валька читал стихи из кавказского цикла:

*Ишака — ереванскую клячу —
Голой пяткой подбадривал в бок
И в Казбегах вонючую чачу
Наливал в неустойчивый рог.*

Гроза в горах началась внезапно. Мы потеряли дорогу. Первыми появились кавказские овчарки — молчаливые, мохнатые. Потом пастухи, по-русски они не говорили. Они дали нам желтого козьего молока, по куску сыра; проводили до тропы, выводившей на Военно-Грузинскую дорогу. Близкие мохнатые звезды, кремнистая дорога, взрослые люди, уводящие от грозы, неважно, своих ли, чужих детей...

...И сейчас можно найти «кварцевые погребя» на осыпях, на крутых склонах Бешеной балки.

...С тех пор в тех местах утекло немало крови.

...Когда-то Чехов проезжал по этой дороге.

4

Профессор Щелкачев — математик, физик, знаток подземной гидродинамики, ставший блестящим специалистом в области разработки месторождений нефти и газа. Британский облик, крах-

мальный воротничок, тихий голос. Мне нравилось предельно ясное название его работы — «Движение вязкой жидкости по трубе, внутри которой находятся трубки меньшего диаметра». Это теория подъема нефти по НКТ — насосно-компрессорным трубам, находящимся внутри обсадной колонны.

4 октября 1957 года Владимир Николаевич Щелкачев не смог провести плановое занятие на тему: «Основные дифференциальные уравнения движения упругой жидкости в упругой пористой среде». В аудиторию набился студенческий люд с разных факультетов. Он чертил на доске схему полета ИСЗ, то есть первого искусственного спутника Земли — так его называли в сообщении ТАСС. Мел крошился. Профессора было слышно в самых дальних рядах.

— Надо бы знать траекторию полета. Что такое высота 900 километров? Надо знать эллипс траектории. Тогда можно прикинуть время полета. Лучше всего запускать спутник в сторону вращения Земли со временем ее облета 24 часа. Пожалуй, трех стационарных спутников хватит, чтобы обслужить любую точку Земли.

— За исключением полярных областей?

— Совершенно верно.

— Для вас спутник — неожиданность?

— Вовсе нет. Это было объявлено в программе МГГ — Международного геофизического года. Больше полусотни стран проводят геофизические исследования нашей планеты по единой программе. Я не знаю, почему все так переполошились. Чей будет первый спутник — какое это имеет значение? Важно — какая будет получена информация.

Потом мы пошли в Парк культуры — тайный проход был за институтом, за учебной буровой. В чешском павильоне подавали пильзенское пиво с кнедликами, и музыка была «Зачем нам расставаться». Вадик Тихомиров допытывался:

— Земля проворачивается под спутником. Как это учесть?

— Если он высоко, то Земля успевает повернуться под ним со скоростью его полета. Тогда его можно подвесить над одной точкой.

— В апогее торможение должно быть меньше, чем в перигее.

— А еще должна влиять неравномерность поля силы тяжести.

Вадик на салфетке рисовал варианты схода спутника с орбиты при разных эллипсах его движения. Больше ни о чем мы не могли говорить. Потом под серым октябрьским небом все пошли в «Авангард» смотреть новое кино «Летят журавли».

Совсем недавно было лето, был Крым, страна синих гор, практика по геологической съемке. Бахчисарай, Коктебель, Сердоликовая бухта. Тихое-тихое море. Плоские камешки далеко летели по тихой воде, вырывая бурунчики. Тридцать лет назад здесь точно так же «пёк блинчики» молодой планерист Сергей Королев.

Глава 2. Если завтра война

1

Как и все люди в Коктебеле, Сергей Королев искал в прибрежной гальке сердолики, халцедоны, яшмы, хризопразы — одним словом, «фернампиксы» — прозрачные, иногда в ржавых рубашках; «лягушки» — эти были с цветными глазками. Я где-то прочитал, что художники — из тех, кто не надеялся на свою цветовую память, собирали здесь «пейзажных собак» — под номерами. Эти камни — «фернампиксы», «лягушки», «собаки» — делали людей счастливыми. Одну из своих книг Максимилиан Волошин назвал «Иверни» — по старому русскому слову «*ивернь*» — обломок. Макс ходил в венке из чобра, мяты, полыни, с металлическим обручем на голове. Из степи тянуло тонким запахом полыни. «Звезда Полынь» — это из первой книги Волошина. На его акварелях — красная полынная земля, индиговый воздух, карминное солнце; говорили, что такой пейзаж могут оценить только геологи и планеристы.

Дом Волошина с палубами-галереями похож на корабль. Здесь Осип Мандельштам вышептал под накат волны.

И море, и Гомер — все движется любовью.

Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,

И море черное, витийствуя, шумит

И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

Из коктебельской бухты так легко попасть во времена юности человечества, оказаться в Элладе, увидеть Икара, летящего к Солнцу на крыльях, скрепленным воском.

Однажды Королев с летчиком Арцеуловым и Максом Волошиным поднялись на крутой южный уступ горы Узун-Сырт. Ветер сорвал с Макса шляпу. Она поднялась и легла на пологом северном склоне.

— Это мощный восходящий поток, — сказал Арцеулов, — это рай для планеристов.

Когда-то, в прошлом веке, на уральской горе Качканар вот так же ветер сорвал шляпу с шотландского геолога Мэрчисона (о его экспедиции речь впереди) и опустил ее на склоне. Мэрчисону показалось, что он летит над Землей в сторону Тихого океана.

Планеры затаскивали на гору лошадьми. Королев — в шлеме, кожаной летунской куртке — шел, придерживая крыло машины. Он будет так же, опустив голову, провожать межконтинентальные ракеты на старт — в старом пальто с двумя счастливыми копеечками в кармане.

Здесь, на Узун-Сырте, он летал! Сам парил! В 1925 году, в девятнадцать лет на планере «Жар-птица» конструкции Тихонравова он стал *пилотом-парителем*. Это был не полет, а *подлет*. Он увидел, что облака сверху — розовые, хотелось петь навстречу ветру. Он читал книгу Отто Лилиенталя — «Полет птиц как основа летательного искусства». В Бауманском училище он проектировал авиетки и планер для высшего пилотажа. Свою первую машину он гордо назвал К-5 — Королев! Дипломная работа под руководством Туполева — легкий самолет СК-4. Сергей Королев!

2

Работать Королев начал в Москве, в подвальчике на углу Орликова переулка и Садовой-Спасской. Здесь размещалась ГИРД — группа изучения реактивного движения. Другая расшифровка названия — «Группа инженеров, работающих даром». Там поначалу и денег-то не платили. Нужно серебро для пайки — так из дома несли ложечки.

В ГИРДе работал странный человек по фамилии Цандер. Каждое утро он начинал день с фразы «Вперед, на Марс!»

— Рано еще, рано, Фридрих Артурович.

Утром Цандер удивлялся:

— А что, разве рабочий день уже кончился? Вперед, на Марс!

Королев смеялся:

— Фридрих Артурович, почему вы все время говорите о Марсе? Ведь Луна гораздо ближе.

В ГИРДе читали и почитали Циолковского. Одна из статей глуповатого школьного учителя математики и физики из Калуги назы-

валась просто: «Исследование мировых пространств реактивными приборами».

Королев занимался ракетами — планерами, соединенными с ракетным двигателем. Цандер поддерживал эту идею.

1929 год. В Соединенных Штатах Роберт Годдард в Розуэлле, штат Нью-Мексико, запустил первую в мире ракету на жидком топливе. Шлягер этого года — композиция Кармайкла «Stardust» — «Звездная пыль», ставшая джазовым стандартом. Это взлет к звездам.

Во всех газетах: открытие в этом году нефти в Верхнечусовских городках — первой нефти в Волго-Уральском регионе — изменило план первой пятилетки. Пермь должна догнать Грозный по добыче нефти! Королев думает: «Нам бы так рвануть с ракетами!»

3

Павел Иванович Преображенский, ленинградский профессор с булгаковской фамилией, был счастливым, фартовым геологом. Про таких людей, как он, у нас говорят «он родился в рубашке», а в Англии — «с серебряной ложечкой во рту». Советская власть ему не шибко доверяла. Жизнь его висела на волоске — ведь Преображенский был во Временном правительстве, а потом у Колчака министром народного просвещения. Пять министров-колчаковцев были расстреляны. Преображенского спасла телеграмма, посланная Ленину Максимом Горьким. Сибревком приговорил Преображенского к принудительным работам — поиски медных руд в киргизских степях. Пермские ученые добились, чтобы принудработы проходили в Пермском университете. После амнистии он был переведен в Ленинградский геолком.

Каким он был, Преображенский, этот счастливчик? Седые усы, борода, железные очки, демократическая кепочка, пальто в рубчик с дамскими пуговицами.

Константин Паустовский в очерке «Соль земли» назвал его «человеком, который устал открывать сокровища». Первая же скважина, пробуренная по его наметкам на реке Усолке, что возле Соликамска, 5 октября 1925 года в кунгурском ярусе пермской системы вскрыла пласт калийных солей мощностью в 120 метров. Москва сразу же изыскала деньги на разведку. Стране нужен калий! Долгое время ориентиром был пластик в несколько сантиметров — тонкое переслаивание соли и ангидрита, похожее на слипшиеся странич-

ки. Маркирующий пласт так и называли: «*книжечка*». Преображенский увеличивал и увеличивал расстояния между скважинами, но пласт не кончался. Очень скоро стало ясно, что открыто Верхнекамское месторождение калийных солей — крупнейшее в мире. Только в узкой полосе на широте города Березников залежи нет. Это «*прорва*», на геологическом жаргоне. Прорва не в том смысле, что здесь много калийных солей, а в том смысле, что их вообще нет, что они размыты рекой пермского времени.

Больше трех лет шла разведка калийного гиганта, но пласт и не думал кончаться. Тогда Павел Иванович размахнулся и скважину №20 заложил в 170 километрах южнее Соликамска, перемахнув через междуречье Косьвы и Чусовой. Мы не знаем, случайно ли было выбрано место, откуда Ермак отправился покорять Сибирь — Верхнечусовские городки у реки Рассошки. Мы также не знаем, искал ли профессор корневую аналогию в названиях речек — Усолка и Рассошка («*рассол*»?). Он мог поставить скважину где угодно — ведь она была рекогносцировочной.

4

На дежурных картах разбуренности территории Волго-Уральского региона, упрятанных в старинные сейфы, можно увидеть странные, непривычно большие номера скважин — 601, 701, 801, 901, 1001. Старые геологи помнят, что эти скважины бурились в начале тридцатых годов XX века и в разговорах называют их попросту — *губкинские скважины*. Чтобы понять, почему их так величают, перенесемся в апрель 1929 года.

Итак, профессор Преображенский ищет южную границу калийного месторождения. Обычная солеразведочная скважина №20, пробуренная на окраине села Верхнечусовские Городки, потрясла геологический мир, хотя калийной соли в ней не оказалось. Скважину хотели ликвидировать со стандартной формулировкой — «по геологическим причинам, как достигшая проектного горизонта», но Преображенский настоял на углублении. Потом объяснил свое решение: «Я хотел пройти зону солей и добуриться до артинского яруса, что ниже кунгурского яруса. О нефти я и не думал. Думал о том, что любая горная выработка в новом районе приносит пользу. Хотел обогатить геологию еще одним ранее неизвестным разрезом».

30 марта 1929 года с глубины 328 метров была поднята колонка пород — керн с трещинами, заполненными нефтью. Керн был послан Преображенскому в Ленинград. Профессор сообщил в Москву. Его срочно вызвал зампред Высшего совета народного хозяйства — ВСНХ — Иосиф Викетьевич Косиор:

— Что у вас там случилось на Урале?

Преображенский протянул столбик породы.

— Что это?

— Это нефтяной керн.

— Не употребляйте терминов без подготовки.

— Я сказал — «керн».

Косиор засмеялся.

— Почему вы смеетесь?

— Пушкин писал про Анну Петровну Керн. Вы думаете, это нефть? Павел Иванович, мне это не внушает доверия.

— Лучшего нет, — сказал Преображенский.

В Ленинграде его ждала телеграмма о том, что скважина номер 20 дала несколько пудов нефти. Это была первая промышленная нефть Волго-Уральского региона.

Профессор стал первым геологом, награжденным орденом Красного Знамени.

В пермском кинотеатре «Триумф» сверх программы вместо выступления куплетиста Коли Невинского показывали киножурнал «Нефть на Урале». Из скважины нефть поступала в отводную трубу и затем в бочку с водой. Ее, как сливки, собирали кружкой в ведро.

Апрель. Академик Губкин заявил, что открытие нефти в Верхнечусовских Городках имеет мировое значение, что нефтяное поле может простираться от Ухты до Эмбы. Губкинские скважины проектировались ниже пермской системы, ниже карбоновой системы — на достижение девона! Преображенский был осторожен: «За Землю не ручайся».

Нефть Верхнечусовских Городков — что это, случай? Но на случай наталкиваются те, кто его заслуживает. Случай щедр, но ненадежен. Сказано: «...И случай, бог-изобретатель». Сенсационное открытие в Предуралье изменило работу Всесоюзного съезда Советов, обсуждавшего план первой пятилетки. В те годы в системе управления еще действовал принцип обратной связи, скользящего плана.

Косиор, покинув заседание съезда, на пароходе «МОПР» отправляется в Городки. У пристани — митинг. Над самодельной трибуной плакаты: «Мы разбудим спящие недра!», «Да здравствует уральская нефть, бурно стремящаяся на помощь рабочим и крестьянам из глубины Земли!»

Возле устья скважины стоял милиционер в белой парадной форме. Колокол звонил — был праздник внешнего Николы. Нефть сорвала шланг и попала Косиору на его новые брюки-гольф. Преображенский сказал: «Ну как, Иосиф Викентьевич, есть нефть на Урале?»

В мае — постановление президиума ВСНХ СССР «О разведке нефти на Урале». Организовано особое бюро, потом трест «Уралнефть» во главе с бакинским нефтяником Константином Румянцевым.

Ждали приезда Горького. Посчитали, что если пять новых скважин дадут такой же результат, как и первая, Пермь может выйти на третье место в СССР по добыче нефти: Баку, Грозный, Пермь. В середине первой пятилетки Пермь должна была выйти по добыче нефти на пять миллионов тонн в год и догнать Грозный! Профессор Стрижов предложил пробурить не пять, а двадцать новых скважин. В сентябре правительственная комиссия в новом помещении «Уралнефти», уже освещенном электричеством, наметила программу бурения скважин на нефть вдоль западного склона Урала от Каспия до Печоры. Это и были те самые губкинские скважины. Положили железнодорожную ветку от Комарихи до станции, которую называли «Уралнефть». Представительству «Уралнефти» в Москве разрешалось напрямую работать с границей. Было решено ввести непрерывную рабочую неделю, закрыть церковь и винную лавку.

В начале июля скважина №20 заработала с дебитом 40 тонн в сутки. Скважины вокруг нее обозначили маленькую «вишню», погребок с нефтью в карбонатах артинского яруса.

5

В пермский бассейн Западного Техаса, названный так по возрасту заполняющих его слоев, нефтяные компании обычно посылали новичков и неудачников. Это была страна больших ранчо и маленьких городков, соединенных плохими грунтовыми дорогами.

Филипп Кинг, столкнувшийся с загадками пермского «слоеного пирога», был новичком. Он долго маялся, сопоставляя слои, — до той счастливой минуты, когда, листая один из толстых геологиче-

ских томов, наткнулся на рисунок, изображавший расположение пластов на склонах Тирольских Альп, который с великой точностью повторял нерасшифрованную структуру Техаса. Так что неудачником Филипп Кинг никак не был! Он нарисовал на карте рифовый барьер пермского возраста, погруженный в Землю на многие сотни метров. А потом началось открытие на этом барьере нефтяных залежей. К 1929 году рифовая модель была принята почти всеми геологами. Именно тогда в городе Мидленде вырос пермский небоскреб — «Пермиен билдинг», в котором разместилась Пермская нефтяная компания — «Пермиен ойл компани». Эта фирма и этот небоскреб названы пермскими, однако Филипп Кинг считал, что техасские геологи имеют больше прав на пермскую систему, чем кто бы то ни было на земном шаре.

Профессор Софроницкий рассказал мне о геологе, который первым понял, что залежь нефти в Верхнечусовских Городках спрятана не в какой-то непонятной «шишке», а именно в маленьком рифе пермского возраста. Пал Саныч считал, что нашим Филиппом Кингом стал ленинградский геолог Дуткевич, работавший в Прикамье. Он первый понял, что скважина номер 20 вскрыла погруженный мшанковый риф, подобный своим собратьям, во множестве обнаженным по берегам Сылвы. Как-то в Ухте, в фондах института ПечорНИПИнефть я, перебирая затертые карточки в каталоге, увидел фамилию Дуткевича — автора отчета геолого-съёмочной партии при управлении лагерей Ухткомбината — гигантского острова в архипелаге ГУЛАГа. Похоже, там-то Дуткевич и сгинул.

6

Как сопоставлять глубинные слои, если у тебя в руках только керн из пробуренных скважин? Фауна мшанок, криноидей — морских лилий, аммонитов — слишком крупна для этих столбиков.

Красивая девушка Дагмара Раузер-Черноусова увлекалась музыкой, живописью и... аммонитами. На старинном дагерротипе раковину этого закрученного моллюска с видимым усилием держит в руках шотландец Мэрчисон, опираясь на конторку (о нем речь впереди). В 1931 году нефтяники предложили Дагмаре, способному палеонтологу, заняться отпечатками фораминифер — мелких простейших организмов, весьма изменчивых во времени. Изучать их можно только в шлифах под микроскопом. Фораминиферы с греческого — «несущие отверстие». Форамен — форточка, отверстие.

Фораминиферы можно увидеть живьем, скажем, в морях Меланезии — там их масса. В колонках донного грунта — белый ил. Зелень плантаций, голубое море, сверкающие на солнце рифы и снегопад фораминифер. Достаточно маленького кусочка породы, чтобы точно определить его возраст, — можно дробно и сверхдробно разделять слои. Но простейшие оказались далеко не просты. Дагмара Максимилиановна сходу оценила новый метод — готовила специалистов, число которых доходило до двух сотен, пробивала микропалеонтологические лаборатории по всем нефтяным районам. Кладезь премудрости — ее труды! Она создала шлифотеку и картотеку всех фораминифер — открыла форамен, форточку в подземный мир! Она добилась издания журнала фораминиферщиков «Вопросы микропалеонтологии», вывела эту науку на первые позиции в мире. Перерывы в осадконакоплении она понимала как посмертную утрату информации. Маму Дагу любили, но и побаивались — она не стеснялась прямо сказать, если работа выполнена плохо, а потом утешала человека стихами русского немца Лунгерсгаузена:

*По старому поверью
Немецких мастеров
Ты должен твердо верить
В свой добрый молоток...*

После открытия нефти в Верхнечусовских городках понадобилось расшифровать разрезы скважин, представленных немцами — лучше сказать, почти немцами — известняковыми толщами. Местоорождение стало полигоном для фораминиферщиков.

В глухом ноябре сорок первого года Раузер-Черноусова работала на артинских рифах Стерлитамака, шиханах реки Белой, выделяла палеонтологические зоны. Они стали для геологов ключом для того, чтобы открыть дверь к сокровищам ишимбаевских нефтеносных рифов пермского возраста...

7

Уже в сентябре 1929 года скважина №20 перестала фонтанировать, пришлось пустить насос-качалку. Уральская нефть не шибко-то стремилась на помощь рабочим и крестьянам. Стало ясно, что залежь находится в теле очень маленькой ловушки, «*структуры*» — так геологи называют объект для бурения на нефть и газ.

Геологический разрез через Верхнечусовской риф с чередованием пористых и плотных участков напоминает небо в грозовых тучах. Не было никаких морей нефти. Не было нефтяного поля от Печоры до Эмбы. Надежда уходила с каждой новой скважиной. Все губкинские скважины были пустыми. Их бурили за счет метража, снятого с Верхнечусовского промысла. Москва уменьшила этот метраж вдвое.

В январе 1931 года на совещании геологов-нефтяников Губкину досталось за прожекторство. На совещании геологического сектора Союзнефти от 12 июля 1931 года, которое вел Губкин, наметили пять точек общим метражом 3000 метров, то есть ориентировались уже не на вскрытие девона, а на верхние горизонты — пермского возраста. Места для бурения были выбраны в районе Чердыни, Соликамска, Кизела и еще две скважины — в районе Губахи. Точки предложено было обосновать «самым опытным геологам» — Егеру и Дуткевичу. Академик Губкин, осторожный человек, передоверил это ответственное дело рядовым геологам, пусть и самым опытным. Одно дело бросить клич — искать нефть вдоль Урала, другое — отвечать за неудачу. В те годы легко можно было угодить во вредители.

Конечно же, губкинские скважины имели слабенькое обоснование, их можно вполне назвать рекогносцировочными — «wild cat», то есть «дикими кошками» на американском геологическом сленге. Но академик вел большую игру с недрами — вдруг повежет, как счастливчику Преображенскому с двадцатым номером, вдруг можно пришпорить время? В протоколе о закладке скважины №1005 у деревни Володин Камень, что к югу от Березников, запись — 17 ноября 1931 г., 9 часов 6 минут. Какая точность — до минут. «Время, вперед!» — название романа Валентина Катаева, лучшего из производственных романов того времени, названо по строке Владимира Маяковского.

Как-то в геологических фондах геолого-поисковой конторы, что была на улице Героев Хасана, нашли старинный альбом с фотографиями и разрозненными документами, как раз имеющими отношение к бурению губкинских скважин.

Поразительны лица на старинных фотографиях — теперь редко встретишь такие. Позади — ужасы коллективизации, впереди голод тридцать третьего года, репрессии, страшная война, которую выиграют эти люди. Ударника Федотова в буденовке можно не отличить от управляющего Усольской нефтеразведкой Кузнецова.

Как прекрасны уральские виды с дощатым буровым копром — обязательным элементом пейзажа! Как трудна работа — разгрузка в Лёвшине баржи с частями разобранной буровой из Чердыни — всё вручную! Как труден, как беден быт! Как малы радости — танцы под гармошку, выдача муки в ларьке! Как тяжело идет телега за молоком по лесной лежневке! Но на лицах людей разлита надежда: «Мы живем плохо, но дети наши будут жить хорошо». Будто о них писал Борис Пастернак:

*Всем им, вскользь промелькнувшим где-либо
И пропавшим на том берегу,
Всем им, мимо прошедшим, спасибо,
Перед ними я всеми в долгу.*

8

Открытие Преображенского было сделано в нужное время и в нужном месте. Было принято смелое решение — образовать трест «Востокнефть» с задачей широкого поиска нефти в том регионе, который позже назовут Волго-Уральской нефтегазоносной провинцией, «Вторым Баку». Вторым открытием стала барьерная полоса продуктивных ишимбаевских рифов в предуральской Башкирии — чуть более древнего возраста, чем Верхнечусовский риф. Но общее направление работ — не прижиматься к Уралу, а вести работы на Русской плите, прилегающей к Уралу.

Главные предвоенные открытия в Волго-Урале на юге — Ишимбай, Туймаза, Сызрань, Ставрополь на Волге (ныне Тольятти), Бугуруслан. Все эти открытия были сделаны благодаря тому, что когда-то профессор Преображенский настоял на углублении безвестной скважины №20! Буровики его не понимали: зачем мучить? Ведь проектный горизонт вскрыт, не надо мучить себя, не надо мучить коня.

А на пермской земле, несмотря на все усилия, новых открытий не было. Бурение губкинских скважин остановлено. И опять случай — скважина, заложенная на воду для Краснокамского бумкомбината, в июне 1934 года напоролась на скромную залежь полумертвой нефти в кунгурском ярусе перми — повыше слоев с нефтью в Верхнечусовских городках. И опять вспыхнула надежда. В Перми организована контора «Прикамнефтеразведка».

В 1936 году главный геолог Николай Павлович Герасимов, несмотря на запрещение «Главнефти», решил на углубление сква-

жины 7: проектный горизонт — верейский ярус среднего карбона, проектная глубина — 1200 метров. Ведь на Самарской Луке получен фонтан из этих отложений, из свиты «Б». Герасимов предположил, что нефть в породы перми проникла снизу, теряя легкие фракции. Что, если была вертикальная миграция?

Герасимов дал задание молодому геологу Павлу Софроницкому сбить данные по скважинам. Геофизических исследований — то есть каротажа — в скважинах почти не было. Что это за слово — «*каротаж*»? Когда-то француз Шлюмберже придумал спускать на кабеле в скважину зонд и, медленно поднимая его, вытягивать из земли информацию о недрах — как морковь-каротель из грядки. Первыми каротажками стали диаграммы КС — кривые кажущегося электрического сопротивления пород, ПС — кривые спонтанной поляризации, каверномер — кривые замера диаметра скважины. Но в те давние времена промысловая геофизика была редкостью. Разрезы скважин сопоставляли только по керну.

Николай Палыч понимал, чем может кончиться его самоуправство. Тоже — нашелся профессор Преображенский! И вправду, Герасимова срочно вызвали в Москву, на Мясницкую — то бишь Кировскую — на коллегию «Главнефти». Он велел Павлу собрать всю документацию, все «*жизнеописания скважин*» (теперь их зовут «делами скважин») — поедешь со мной! В один портфель все жизнеописания и уместились. Краснокамцам Герасимов велел присылать в Москву телеграммы — заверенные срочные, до востребования, после каждого долбления.

У Губкина смотрели карты с герасимовскими проектами. И тут Паша Софроницкий понял, что Николаю Палычу *шьют* дело. Началось заседание коллегии. Паша дежурил у окошечка огромного высокого Главпочтамта в зале с двойными рядами балконов. Это на той же Кировской, как раз против китайского магазина «Чай-кофе».

2 апреля 1936 года телеграмма из Краснокамска: «Поднят нефтяной керн из среднего карбона, свита «Б» при забое 1257 метров». Это не первоапрельская шутка — вчера было первое апреля! Паша: «Мы с Урала!» — купил по коммерческой цене плитку шоколада «Золотой ярлык» в китайском магазине. Здесь покой. Здание в виде пагоды. Внутри — будто попадаешь в большую чайную коробку: китайские вазы, зеркала, на которых нарисованы чайные розы и цветущие вишни. Запах только что размолотого кофе.

— Дальше вот что было! — воскликнул Пал Саныч.

Он промчался по Кировской, ворвался в наркомат, когда заседание коллегии подходило к концу.

Секретарше — шоколадку: «Я из Перми». Она взяла телеграмму. Паша остался за дверью, ухо и глаз приложил. Все сидят, в центре Губкин. «Герасимов и ему подобные льют воду на мельницу гидры империализма». Губкин, напуганный пермскими неудачами и своими дерзкими прогнозами, согласно кивал. Герасимов вытер смертный пот, принял телеграмму, прочитал, подал ее Губкину.

Губкин:

— Вопрос с перспективами среднего карбона Краснокамска ясен.

Так дело и не открыли на Николая Палыча.

— Как в кино.

— Как в плохом кино — подтвердил Пал Саныч.

Как дальше искать нефть, не знал никто. Зато обозначилась Краснокамско-Полазненская линия разведки. Нефть в среднем карбоне получена на Северокамском и Усть-Полазненском поднятиях.

9

В Западной Сибири нефть и газ — за семью замками. Губкин после своих неудачных прогнозов стал осторожнее. Оглядываясь на Верхнечусовские Городки, он симметрично считал, что надо бы прошупать восточный склон Урала. В июне 1932 года Губкин писал в «Правде»: «Пора начинать систематические поиски нефти на восточном склоне Урала». Правда, там другая геологическая позиция, там молодая платформа: девонские, карбоновые, пермские отложения — не осадочный чехол, а кристаллический фундамент, «кристалл», выше осадочный чехол — *юрская и меловая системы*. В пользу возможной нефтегазоносности центральной части Западно-Сибирской низменности Губкин высказывался осторожно. Самые крупные геологи крестили ее перспективы. Коровин рисовал «Тоболю» — выступ фундамента. Усов призывал искать нефть в континентальных отложениях Кузбасса и Минусинской впадины. Шатский плохо относился к Кузбассу, но был за Минусу. Архангельский считал, что систематические изыскания в Западной Сибири преждевременны — там нет нефтепроявлений на поверхности.

Между тем перед войной вышли статья в журнале «Нефтяное хозяйство» и книга В.Г.Васильева по материалам его экспедиции по широтному Приобью. Надвигалась война, и на материалы

Васильева почти никто не обратил внимания. А там были указаны места естественных выходов нефти в районе Сургута! Это была настоящая карта острова сокровищ.

О Василии Сенюкове, отчаянном геологе, Федор Пудалов написал авантюрный роман «Лоцман кембрийского моря». Сенюков нашел бурением кембрийскую нефть, правда, непромышленную, в Якутии, на реке Толбе.

Благодаря этому открытию он стал доктором геолого-минералогических наук, начальником главка, дважды лауреатом Сталинской премии.

Из записок Николая Байбакова:

«Звонки Сталина стали почти рабочими моментами. Один трудный звонок. Как обычно, с ударением в моей фамилии на второй слог, без предисловий Сталин сказал:

— Преду мной письмо вашего главного геолога Сенюкова. Он пишет, что надо бурить опорные скважины. Как вы на это смотрите?

Василий Михайлович об этом говорил давно. Он предлагал на первый взгляд крамольную вещь, чуть ли не авантюру: бурить скважины одновременно на огромных пространствах, не прибегая к трудоемким исследованиям. Но я не знал о намерении Сенюкова обратиться к Сталину напрямую.

— Это предложение заслуживает внимания. В то же время оно и опасное. Мы прогореть можем. Риск велик, но рисковать надо. Я поддерживаю это предложение».

Как-то в родной «керосинке» доцент Долицкий однажды прочел лекцию на тему «Дикие кошки» как способ разорения советского государства». Но лавры счастливица Преображенского многим не давали покоя. Сенюков безумно рисковал, обратившись в августе 1946 года к вождю, да еще и через голову начальства. Тем не менее развернулось бурение опорных скважин (некоторые называли их «аферными») в Европейской части и в Западной Сибири. За Уралом было намечено 26 точек. Институт ВНИГНИ, где я работал, и был создан для научного сопровождения работ на Русской платформе. Результат пятилетнего бурения — нулевой.

В 1951 году «лоцмана кембрийского моря» исключили из партии, сняли с работы. Он оказался на Лубянке. Смертный приговор отменил Сталин, сказав Берии: «Дважды лауреата Сталинской премии я тебе не отдам. Освободи его».

Газодинамическая лаборатория Валентина Глушко — в Ленинграде, в Иоанновском равелине Петропавловской крепости. Здесь был создан ЖРД — жидкостной реактивный двигатель, на котором в подмосковном Нахабино взлетела Р-1 — первая советская ракета на жидком топливе.

Замнаркома Тухачевский собрал вместе ракетчиков Москвы и Ленинграда в Реактивный институт в Лихоборах, на окраине Москвы. Во главе института — Клейменов и Лангемак. У Королева с женой Ксаной теперь своя квартира — на Конюшковской, у площади Восстания. В этом доме жил и Николай Каманин — Герой Советского Союза №2, летчик, спасавший челюскинцев.

Королеву нужен глушковский двигатель для ракетоплана — высотного самолета. Но институт работает над реактивными снарядами на порохе, то есть над будущей «Катюшей» — простым и мощным оружием.

Клейменов — Королеву:

— С тобой невозможно работать. Я Колчаку Пермь сдавал, а ты меня учишь!

Ракетоплан у Королева не получался, но он твердил, что поднимет потолок авиации до сорока километров — «все выше, и выше, и выше!» Он уже прикидывает свою будущую команду — Тихонравов, теоретик Борис Раушенбах (вместе парили над горой Узун-Сырт), двигателист Валентин Глушко.

Клейменов и Лангемак, создатели реактивных минометов, расстреляны в январе 1938 года. В марте 1938 года арестован Глушко, в июне — Королев. Приговор Королеву — десять лет. Колыма, золотой прииск Мальдяк, дорога к смерти. До конца жизни он хранил колымскую мятую алюминиевую кружку.

Потом московская «шарашка», что на Яузе, на улице Радио, группа Туполева, тоже арестанта.

Многие слышали, как Королев бормотал:

— Надо лететь на Луну.

— Чего-чего?

— Надо лететь на Луну.

— Вы с вашей Луной пускали деньги на ветер, вот вас и пересажали.

В 1939 году, когда полетела королевская крылатая ракета СК-9, ее создатель сидел в Новочеркасской пересылке.

Юрия Кондратюка на самом деле звали Александр Шаргей. Он вывел главную формулу ракеты, разработал наиболее рациональную траекторию ее полета. В 1918 году в старом журнале «Нива» прочитал о ракете Циолковского, но «Вестник воздухоплавания», где об этом говорилось подробно, нашел много позже. Кондратюк не только повторил исследование Циолковского, но и сделал новый вклад в теорию полета.

В 1927 году в Москву послан четвертый вариант рукописи. Ответил сам Владимир Ветчинкин: надо издать рукопись как можно быстрее «ради сохранения приоритета СССР в области межпланетных сообщений... В книжке освещены с исчерпывающей полнотой все вопросы, затронутые в других сочинениях, и, кроме того, разрешен целый ряд новых вопросов первостепенной важности, о которых другие авторы не упоминают». Он понимает, что Кондратюк — крупный талант типа Циолковского, ему надо перебраться в Москву.

Кроме самых близких людей никто не знает, что прапорщик Александр Шаргей воевал в армии Деникина. Бывший белогвардеец стал жить по чужим документам. Теперь он, элеваторный механик, работает над книгой с таким чудным, таким завораживающим названием — «Завоевание межпланетных пространств». После долгих мытарств книжка вышла как «издание автора» в Новосибирске в 1929 г. тиражом в 2000 экземпляров. Две главы не вошли в книгу: «Они слишком близки уже к рабочему проекту овладения мировыми пространствами — слишком близко для того, чтобы их можно публиковать, не зная заранее, кто и как этими данными воспользуется».

В 1933 году Королев предложил Кондратюку вакансию скончавшегося Цандера. Это давняя мечта Юрия — работать с ракетчиками в ГИРДе — подвальной лаборатории на Садовом кольце. Но он знал, что там есть первый отдел, где его быстро вычислят, — и отказался.

Все-таки Кондратюк отсидел свои три года, но как обычный *вредитель*. После отсидки занялся ветроэлектрическими станциями. Его покровитель Серго Орджоникидзе после разговора со Сталиным застрелился. Кондратюк ушел на фронт — ополченцем дивизии Кировского района Москвы. Погиб рядовым роты связи в феврале 1942 года под Калугой.

Его ранняя работа напечатана в 1964 году в сборнике «Пионеры ракетной техники. Кибальчич, Циолковский, Цандер, Кондратюк». Улица Кондратюка в Москве — рядом с улицами Королева и Цандера.

12

Вернер фон Браун на шесть лет моложе Королева. Он занимался астрономией — мама подарила телескоп. Он брал уроки музыки у самого Хиндемита. Он занимался планерами — летал, вернее, парил над горой Гальгенберг в родной Силезии. Размышления о полете на Луну привели его к опытам с петардами, прикрученными к домашнему автофургончику. Тиргартен-Аллее — это шумная берлинская улица, ведущая к зоопарку. Именно здесь Вернер поджег фитили. Фургончик рванул, распугивая прохожих, мимо гостиницы «Эдем». В зоопарке заготовили гуси, встрепенулась в гнезде на старой липе пугливая дальневосточная уточка-мандаринка. Мальчишка оказался в полиции.

Вернер прочел роман Жюль Верна «Из пушки на Луну» и немедленно начал писать книгу о путешествии на Марс. Чтобы осилить солидный том Оберта «Ракета в межпланетном пространстве», ему, уже студенту Берлинского политехнического института, пришлось основательно заняться физикой и математикой.

В сентябре 1930 года над входом в бывший военный склад севернее Берлина появилась вывеска «Берлинский ракетодром». Внушительно звучит: «Общество космических путешествий», хотя ракеты собирали из металлолома. Здесь Вернер познакомился с самим Обертом — тот уже создал двигатель на жидком топливе. Ракеты — это модно. Фильм Фрица Ланге «Девушка на Луне» (консультант — Оберт) пользуется успехом. Дело в том, что в Версальский мирный договор в список запрещенной военной техники союзники забыли вставить слово «ракеты». Поэтому вермахт и заинтересовался этим увлеченным мальчишкой — Вернером фон Брауном. Его покровитель — полковник Дорнбергер.

В конце 1933 года молодчики в серо-голубой форме СА появились на Берлинском ракетодrome. Фон Браун, высокий голубоглазый блондин, в двадцать два года защитивший докторскую диссертацию под грифом «Совершенно секретно», пришелся ко двору.

Ракеты-близнецы серии А-2 на обертовских двигателях названы детскими именами «Макс» и «Мориц». Вермахт создает ракетную

базу в Пенемюнде — безлюдном залесенном участке на севере полуострова Узедом в устье Одера. Армии нужны боевые ракеты, Люфтваффе нужны реактивные истребители. Фон Браун — технический директор центра в Пенемюнде. Он надеется, что под военные заказы дадут деньги и для космических проектов.

В 1939 году Вернер фон Браун успешно испытал свою ракету А-5. Первая ступень — на кислороде и керосине, вторая и третья — кислород и водород. Мягкая парашютная посадка на море. Всё идет прекрасно! Но Гитлер урезает долговременные проекты. Ведь все его войны молниеносны. Зачем нужны ракеты?

В гестапо так не считают. Весной 1940 года сам штандартенфюрер СС Мюллер наведлся в Пенемюнде. Он предложил фон Брауну вступить в нацистскую партию. Потом тот объяснял: «Если бы отказался, пришлось бы расстаться с любимым делом».

Глава 3. Война

1

Туполевской *шарашке* поставлена задача: серийный выпуск на новом омском авиазаводе самолета Ту-2, ставшего лучшим пикирующим бомбардировщиком Второй мировой войны. Королев стал замначальником фюзеляжного цеха. В редкие свободные часы продолжал набрасывать эскизы ракет. Губы его шевелились. Многие считали, что он «с приветом».

*Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои...*

Эти стихи Тютчева — в блокноте Королева.

Однажды он показал расчеты верному человеку.

— Сосчитано правильно. Но зачем это?

— Нам надо слетать на Луну. Обязательно!

— Куда слетать?

— На Луну.

Как-то Королев разузнал, что в Казани один зэк проектирует ракетные ускорители для Пе-2, «пешки», чтобы облегчить ее взлет с маленьких фронтовых аэродромов. Он сделал всё, чтобы попасть в Казань. Зэка звали Валентином Глушко. Он тянет срок восемь лет.

Королев — заместитель Глушко по летным испытаниям. Потом Королев в Горьком ставит ракетные ускорители РУ-1 на истребители Лавочкина. В 1944 году Королева и Глушко освобождают со снятием судимости, но без реабилитации. Королев награжден орденом «Знак Почета».

Семья его распадается. Он утешает маму: «Это не главное в жизни, и вообще всё это пустяки». А что не пустяки? Королев снова берется за ракетоплан. Он может добраться до стратосферы. Но сорок километров — это потолок. На большой скорости он неизбежно попадет в смертельное пике, как попала в него машина Бахчиванджи — великого испытателя. Крылатая ракета Королева СК-9 успешно прошла испытания, но не взята на вооружение. Это тупиковое направление.

Королев думает, *как дальше жить*.

2

С 1 июня 1942 года Гитлер взял в свои руки руководство операциями на Восточном фронте. Ему нужна нефть, а не Москва, которую прикрывают основные силы Красной Армии. В Генштабе фюрера не понимали. 1 июля 1942 года на совещании штабов группы армий «Юг» он заявил: «Если я не получу Майкопа и Грозного, я должен кончить с этой войной».

Из записок Николая Байбакова, тогдашнего замнаркома нефтяной промышленности: «В один из жарких июльских дней меня вызвал в Кремль Сталин. Неторопливо подал руку, взглянул спокойно и просто, негромким вполне будничным тоном проговорил: «Товарищ Байбаков, Гитлер рвется на Кавказ. Он объявил, что если не захватит нефть Кавказа, то проиграет войну. Нужно сделать всё, чтобы ни одна капля нефти не досталась немцам». И, чуть-чуть ужесточив голос, Сталин добавил: «Имейте в виду, если вы оставите немцам хоть одну тонну нефти, мы вас расстреляем». В то время и в той ситуации, очевидно, иначе и нельзя было говорить. Я молчал, думал и, собравшись с духом, тихо сказал: «Но вы мне не оставляете выбора, товарищ Сталин!» Он остановился возле меня, медленно поднял руку и слегка постучал по виску: «Здесь выбор, товарищ Байбаков. Летите. Думайте, решайте вопрос на месте». Мы выполнили задание товарища Сталина. Уже после освобождения Краснодара нашими войсками мы, вернувшись на промыслы,

обнаружили значительный запас труб, завезенных из рейха. Мы даже получили трофеи». Байбаков прожил 97 лет.

Операция «Эдельвейс» по захвату кавказской нефти началась 25 июля. Намечалось три удара от Ростова силами группы армий «А» — на Грозный, Баку; вдоль Черноморского побережья на Туапсе и через перевалы: спуститься в Закавказье, в помощь наступающим войскам. Особая задача — корпусу «Ф» (командир — Гельмут Фельми) — выход в Иран, Ирак, Персидский залив, Индию.

Группа армий «Б» прикрывает южные армии, наступая в сторону Сталинграда. Задача — перекрыть Волгу до устья. Начальник Генштаба Гальдер был против — сил хватит только на удар по Сталинграду.

Против ожиданий группа «Б» успешно развивает наступление в направлении Сталинграда. 28 июля, через три дня после начала немецкого наступления, Сталин подписывает приказ №227 «Ни шагу назад».

Гитлер меняет свой план: надо сбросить русских в Волгу, идти до устья, перерезать поставки грузов. И на южном направлении у немцев успехи. 10 августа взят Майкоп: вот она — первая русская нефть! Фашисты отрезали почти все нефтяные районы, кроме Волго-Урала. 21 августа горные стрелки хауптмана Грота подняли на западную вершину Эльбруса штандарт со свастикой. Грот награжден Рыцарским крестом, а его стрелки — железными крестами. В предвещии победы над русскими по всей Германии вывешивали праздничные флаги.

На пути к Грозному и Баку остался последний рубеж, который защищают три армии. 2 августа командиром 44-й армии, передний край которой проходил по рубежу рек Терек и Урух, назначен мастер обороны Иван Ефимович Петров, генерал-майор, который 73 дня защищал Одессу, затем 250 дней — Севастополь. Петров похож на школьного учителя — очки, манера говорить. Он контужен, у него подергивается голова. За спиной — нефтяные промыслы Грозного и Баку. В армии две азербайджанских, одна армянская и одна грузинская дивизии. Дороги забиты беженцами. Петров устроил кухни, полевые бани — забирал себе отступающих кадровых, обученных солдат, пополнял ими национальные дивизии — «Я на вас надеюсь». На Грозный наступало сорок дивизий. Немецкая первая танковая армия прорывалась к Грозному через Моздок. 25 августа город взят. Оборону армии Петрова пробивали 100 танков с десантом, но она удержала позиции.

Нефть с бакинских промыслов отправляли в Черный город на нефтеперегонные заводы, снимали сливки — бензиновую и керосиновую фракции, остальное снова закачивали в пласт — до лучших времен. Нефтепровод Баку — Батуми был демонтирован. Кто-то придумал фантастический план снабжения. В Баку цистерны снимали с колес, спускали на каспийскую воду, загружали не полностью, а так, чтобы не тонули, и буксиром на плаву — в Красноводск. Там снова на колеса и гнали через Ашхабад, Ташкент, Саратов — на Москву.

Осенней ночью — длинный звонок в квартире Михаила Федоровича Мирчинка, недавно назначенного замначальником геологического отдела Наркомата нефтяной промышленности. По затемненной Москве его привезли в Кремль.

Сталин не предложил Мирчинку сесть. Тот старался прижаться к стене, к дубовой панели, а перед ним стоял вождь с нераскуренной трубкой. У него было землистое лицо.

— Красноводский порт не может принять много *систерн*...

То ли акцент, то ли по-морскому сказано — *систерны*.

— Если они... возьмут Баку... что у нас останется? Какие промысла, какая добыча?

— Сызрань. Кинзебулатово. Ишимбай. Яблоневый Овраг. Краснокамск. Бугуруслан. Туймаза. Суточная добыча.

Мирчинка выручила память — он никогда не пользовался телефонными справочниками. Он читал нам в Губкинском курс «Месторождения нефти и газа», добычу знал по всем промыслам, и накопленную, и текущую, суточную и годовую. Полевая книжка осталась в Наркомате, в сейфе. А вдруг бы сбился, запаниковал. Но он не сбился и не запаниковал. Вдруг ему показалось, что он не назвал Кинзебулатово. Осенью сорок первого, когда буровики уже совсем собирались уходить, можно сказать, и ушли, да вернулись, чтобы поднять обсадные трубы, и — фонтан, к сожалению, открытый.

Сталин стоял перед Мирчинком, сжимая в руке незажженную трубку.

— Что еще?

— Эмба.

— Эмбу не считайте. Она у линии фронта.

— Кинзебулатово...

— Не повторяйтесь.

Такая ярость была в этих простых словах — «не повторяйтесь».

— Я понятно сказал?

— Верхнечусовские Городки.

В 1945-м году Верхнечусовской промысел прекратит добычу. Всю свою нефть, до последней тонны, этот маленький погребенный риф отдал для фронта, для победы.

Командующим группой армий «А» назначен Клейст. 24 сентября он заявил, что выпьет бокал за здоровье фюрера в Баку. План: главный удар силами трехсот танков нанести через Эльхотские ворота — долину между хребтами, выводящую к Грозному и Орджоникидзе. Гитлер дал Клейсту моторизованную дивизию СС «Викинг». Прорваться к Грозному фашистам не удалось. Петров отбил и фланговый удар секретного корпуса «Ф», которому ставилась задача прорваться к Персидскому заливу.

3

Из старых записных книжек.

В войну Байбаков приезжал в Пермь. Отсюда забирали всё, что попадется на глаза. Пять станков только и удалось отстоять.

Хорошилова, оператор подземного ремонта:

— Война началась — копали котлованы, буллитов не было. Возили лес, трубы. Я сначала была помкочегара. Мужики — мастера, бурильщики — с бронью. А у женщин работа полегче — сучкорубы, помкочегара. А качалки ой, шибко чижелые.

Степанов Иван Егорович, работал у мастера Никишина:

— В школе я изучал естествознание, интересовался породами. Работал помбуром, но мог за тормоз подержаться, виру-майну погонять. Послали бурильщиком на новую буровую. Как-то, помню, бурение не шло. Я приподнялся над забоем, промылся, 28 метров проходки дал за долбление. Многие хотят пройти мимо тяжелой работы — мешков с цементом, бурильных труб — их «бурилкой» зовут.

Экзюпери: «Мы хотим свободы. Тот, кто работает киркой, хочет, чтобы в каждом ударе кирки был смысл. Когда киркой работает каторжник, каждый ее удар унижает каторжника, но если кирка в руках изыскателя, каждый ее удар возвышает изыскателя».

В октябре 1942 года немецкая ракета А-4 вышла в космическое пространство (правда, она разбилась при возвращении на Землю). На банкет пригласили и старого Оберта. Фон Браун получил железный крест первой степени.

Гитлера не интересовало изучение космического пространства. После Сталинграда у него вся надежда на ракеты «Фау», названные по первой букве слова *Vergeltung* — «возмездие». Приказ фюрера: массовое строительство ракет в Пенемюнде на заводах фирмы Цеппелин.

В июле 1943 года фон Браун — Зигфрид, истинный ариец, фаворит Гитлера — сделал блестящий доклад в Вольфшанце, ставке фюрера в Восточной Пруссии. Фон Браун предложил подвижный старт ракет, Гитлер настоял на пусковых шахтах.

Расплата наступила через месяц, в ночь с 18 на 19 августа. Черчилль обыграл Гитлера. Сразу после того, как англичане дешифровали аэрофотоснимки полуострова Узедом, восемь самолетов-разведчиков «Москитос» пошли на Берлин. Почти все немецкие истребители подняты в воздух. И вот тогда-то на Пенемюнде был обрушен страшный удар полутысячи британских бомбардировщиков.

Начальник штаба ВВС Германии Гешоннек застрелился. Ракетчиков теперь подчинили гестаповцам Гимmlера. Каммлер, строитель Освенцима, сооружает в горах Гарца подземный завод «Миттельверке» для выпуска А-4. Цеха вырублены на семидесятиметровой глубине. На поверхности — концлагеря «Дора-Миттельбау» и Нордхаузен. В Польше создается полигон Близна. Заключенные построили старты, после чего все строители были уничтожены. В Пенемюнде оставили опытное производство. Экспериментальную лабораторию направили в Кохель, в 40 километрах от Мюнхена, теоретиков — в курортное место Гармиш-Партенкирхен.

Фон Браун не хотел переходить в подчинение СС. В марте 1944 года был у него тяжелый разговор с Гимmlером. В гестапо заявили, что фон Браун мечту о космических полетах ставит выше создания «Фау-2». Фон Браун арестован, вместе с ним Гельмут Греттруп. Из штеттинской тюрьмы их вытащил полковник Дорнбергер.

8 сентября 1944 года на Лондон из района поблизости от Гааги одна за другой запущены две ракеты «Фау-2». Лёту до цели — пять минут. Обе попали в пригороды Лондона. Фон Браун: «Наша «игрушка» превратилась в оружие уничтожения». Начиналось-то с петард для автофургончика на Тиргартенштрассе.

Отто Скорцени спешно начал отбор летчиков-смертников для пилотирования «Хейнкелей-111» с «Фау-1». Первый удар намечен по Магнитогорску, следующие цели — Куйбышев, Свердловск, Челябинск, Пермь. Удар планируется и по Ленинграду. Эшелон с шестью «Фау-2» не дошел до Пскова — подорвали партизаны.

В январе 1945 года с Пенемюнде запущена новая ракета А-9, нацеленная на Нью-Йорк. Ей не удалось успешно приземлиться. 14 февраля 1945 года с седьмой площадки Пенемюнде взлетела последняя «Фау-2». После этого началась срочная эвакуация.

Каммлер отправляет команду фон Брауна в город Обераммергац, в «Альпийскую крепость». В баварских Альпах уже цвели эдельвейсы. Шофер заснул за рулем, машина улетела в кювет. У фон Брауна сломана рука, повреждено плечо.

2 мая фон Браун с младшим братом Магнусом и еще пятью ракетчиками перебрались через Альпы в Австрию. 5 мая они попали в плен к американцам.

Допрос фон Брауна:

— Считаете ли вы, что можете стать гражданином Соединенных Штатов?

— Попытаюсь стать.

5

Еще гремели бои. Королев думает, как дальше жить. Ракетоплан — химера. Он встретился с Михаилом Клавдиевичем Тихонравовым из ВНИИ-4. Его квартира забита книгами. На старинном буфете — мраморные слоники. Тихонравов сказал Королеву:

— Я вернулся к идее ракетного полета человека в стратосферу: одноступенчатая жидкостная ракета, два человека поднимаются на двести километров, спуск на парашютах.

— Такую ракету можно построить сегодня?

— В том-то и дело, что можно. Вы слышали о «Фау-2»?

— Конечно.

— А я и видел. У нас ничего подобного нет. Сергей Павлович, я видел его камеру сгорания. Такой огромный горшок! Тяга не мень-

ше 25 тонн! Немецкая работа. И другие железки видел. В Польше ракета упала в болото. Партизаны разобрали ее и переправили ее в Англию. Там один офицер нашел кусок замороженного патрубку, и они узнали состав окислителя: жидкий кислород.

У Королева дух захватило. А Тихонравов уже прикидывал, как разогнать ракету и вытащить полезный груз на орбиту Земли.

Глава 4. После войны

1

В сорок пятом году еще раз вспыхнула надежда — хорошая девонская нефть, полученная из скважины 8 на Северокамском месторождении.

Ия Терентьевна Куропаткина:

— После того как получили фонтанную нефть, вся бригада мастера Кропачева сутки отсыпалась. И я повалилась. Какие сны хорошие снились! А наутро началась война с Японией. Я с пробками поехала в трест «Молотовнефть» — двухэтажный особняк на Советской, 26. Какие надежды были на девон! Ведь добывали-то тогда только двести тысяч тонн в в год.

Нефть в нижнем карбоне, который выше девона, тогда еще не получили. Только в 1949 году возобновили разведку Полазненского месторождения. Хорошая нефть получена из песчаников яснополянского горизонта. Тогда еще не понимали, что напоролись на главную кладовую Пермского Прикамья, главную продуктивную толщу — «угленоску», «яснополянку». После строительства Камской ГЭС с заполнением Камского водохранилища, Камского моря, как его называли, почти всё месторождение оказалось под водой. Все коммуникации «морского» промысла выведены на сушу. Кусты скважин огородили «банками» — шпунтовыми оболочками, засыпанными песком и гравием.

Владимир Иванович Овечкин:

— На берегу стояла будка прораба, так и звонили из министерства: «Дайте будку Обгорелова».

В 1951 году годовая добыча нефти по области превысила миллион тонн в год.

Тюрингия отходила в советскую зону оккупации. Поэтому союзники рушили шахты завода «Миттельверке», гнали к себе на секретный полигон «Уайт Сэндз» — «Белые пески» в штате Нью-Мексико — вагоны трофеев, тонны секретной документации. Нам же не досталось ни одной собранной ракеты «Фау-2», ни одного полного комплекта документации по ней. На Советский Союз из крупных немецких ракетчиков работал недолгое время лишь Хельмут Греттруп, тот самый, что побывал вместе с фон Брауном в штеттинской тюрьме за разговоры о полете на Луну.

Но в Германии уже работали команды наших поисковиков. Королева среди них не было. Полковник Глушко — в бригаде ракетчиков генерала Соколова. Разместились в Бляйхероде, где раньше жил фон Браун. Там же — бригада генерала Петрова, в которой работал майор Черток, в скором будущем — верный помощник Королева. Лучший трофей в Пенемюнде — папка с техническим отчетом по ракетам А-9 и А-10, нацеленным на бомбардировку Нью-Йорка.

Черток придумал создать в Бляйхероде институт Рабе (сокращение от «ракетен-бетриб» — ракетное предприятие). Греттруп и его команда согласились работать на русских, хотя некоторым из них американцы предлагали работу по операции «Оверкаст» («Изгнанник»). Греттруп возглавил подземный ракетный завод «Миттельверк», вновь заработавший под названием «Центральверк».

Летом в Германию прибыла новая бригада ракетчиков. Королева среди них опять не оказалось. Он появился только в начале сентября — вчерашний эзк был в новенькой подполковничьей форме с подозрительным отсутствием наград. Он сам пробился в страну поверженных. Здесь он нашел еще двух человек для своей будущей воображаемой команды — Мишина и Чертока. Мишин, как ищечка, вышел на след ракетного технического архива — он оказался в Праге — и отправил в Москву уйму документации.

Как-то раз собрались все вместе посмотреть старый фильм Фрица Ланге «Девушка на Луне». По сюжету авария мешала людям вернуться на Землю. Когда зажегся свет, один Королев остался сидеть в кресле, погруженный в раздумья. Для него возвращение людей из космоса — это реальная проблема. Себя он видел лидером будущего большого дела. Вместе с Греттрупом Королев работал над ракетой, позднее ставшей известной как Р-1, по сути — «Фау-2».

Сейчас ее можно увидеть на постаменте при въезде в Подлипки, то есть в город Королеве.

В ту пору нарком вооружений Устинов был единственным большим начальником, который интересовался ракетами. Он велел Рябикову, своему первому заму, слетать в Германию. Кстати сказать, когда наркомат эвакуировали в Пермь, Рябиков замещал Устинова. На вилле в Бляйхероде Королев сделал внушительный доклад. Рябиков доложил Устинову, Устинов после некоторого колебания — Сталину.

Королеву сообщили:

- К нам из Берлина едут Устинов со свитой, ученые.
- Кто именно из ученых?
- Челомей.

Кто такой Челомей? В 1944 году англичане прислали в Москву самолет-снаряд, подбитый над Британией. Тогда Челомей впервые увидел «Фау-1», изделие мюнхенского инженера Пауля Шмидта. Светлой июньской ночью к Челомею приехали нарком авиапромышленности Шахурин, маршал авиации Новиков и повезли в Кремль, к Маленкову, который курировал отрасль.

- Вы можете сделать такой самолет? — спросил Маленков.
- Подобный двигатель я сделал еще в 1942 году.

Маленкову так понравился этот мальчишка (ему только тридцать лет), что его назначили главным конструктором КБ, который занимался непилотируемой авиатехникой, выделили полигон у города Джизака в Узбекистане. Через год полетел самолет-снаряд 10-X, который, в отличие от немецкого, запускался не с наземной эстакады, а с бомбардировщика Пе-8.

2

Британия больше других пострадала от ударов «Фау-2». Поэтому англичане, захватившие несколько готовых ракет, в октябре 1945 года решили устроить показательные пуски. Операцию назвали «Бэкфайр» — «Ответный огонь». Условная цель — в Северном море, 180 километров от берега. От нас пригласили троих — Соколова, Победоносцева и Глушко. Сергей Королев успел на последний пуск «Фау-2». Он добился того, что его взяли шофером к генералу Соколову. Для этого пришлось временно надеть капитанские погоны — неудобно же подполковнику возить начальство.

Журналист Ярослав Голованов как-то беседовал с американцем Уильямом Пикерингом. Пуски «Фау-2» тот помнил, а Королева — нет:

— Если бы я знал, что будет потом...

Королев стоял за колючей проволокой, позади, где и положено стоять обслуге. Он смотрел во все глаза: «Фау-2» громоздка — эстакады, протяженные стартовые комплексы. Разгонные пороховые тележки — наверное, это шло от сумасшедших мальчишеских опытов фон Брауна с петардами на Тиргартен-Аллее.

Королев прощался со своим ракетопланом. Великое противостояние начиналось для него с нуля.

3

После войны маме Даге дали награду, которую получали фронтовики за личное мужество и за отвагу в боях — орден Красной Звезды. Эту хрупкую женщину, микропалеонтолога, наградили боевым орденом — наверное, это единственный такой случай.

Старые палеонтологи рассказывают, как дело было. Сталин лично просматривал списки представленных к награждению орденом Трудового Красного Знамени.

— Кто по профессии эта... Даг-мара Макси-милиановна Раузер-Черно-усова?

— Палеонтолог.

— Палеонтолог?

— Микропалеонтолог.

— Микро-палеон-толог. За что даем орден?

— На шиханах Стерлитамака она выделила зоны по фораминиферам. Работала день и ночь, в дождь и снег.

— Когда?

— В ноябре сорок первого.

— Там волки были?

— Были, товарищ Сталин.

— Они были?

— Были, товарищ Сталин.

— Ши-ханы. Фор-мини-феры. Что такое фораминиферы?

— Изменчивые организмы, различаемые в шлифах. Это крайне важно для нефтяников. Они смогли расшифровать немые толщи.

Помолчал, запоминая новые слова.

— Предлагаю дать товарищу Раузер-Черноусовой... (качнул сухой рукой) орден Красной Звезды.

За исследование фораминифер мама Дага получила Ленинскую премию. В семьдесят шесть лет она еще работала на шиханах Шах-Тау. Через двадцать лет эта гора будет скрыта — содовому заводу нужно сырье. Когда Дагмаре Максимилиановне исполнилось сто лет, она надела орден Красной Звезды и сама приготовила праздничный обед. Орден Красной Звезды отличается от других орденов — рубиново-красная эмаль на кончиках лучей частенько отбивается.

Выиграть Отечественную войну нашей стране было бы труднее, если бы мама Дага стала художницей, или музыкантом, или специалистом по аммонитам, а не по фораминиферам.

Она прожила 104 года и чуть не до последнего дня консультировала геологов. Академик Наливкин писал: «В каждом разделе ее работ сквозит, сияет увлечение, я бы сказал, радость». Все ее работы с тридцатых годов посвящены фораминиферам, и только им, открывающим форточку в земной космос. На юбилейном адресе коллеги изобразили ее в шикарной шляпе из фузулиниды, в платье, отделанном фораминиферами, в руке веер из мшанки.

Глава 5. Спутник

1

1946 год. У американцев есть атомное оружие. Они способны нанести удар по Москве и другим центрам с ближних авиабаз. У них есть план «Дропшот» — так называется укороченный удар в теннисе. Ракеты им не особенно и нужны. У Советского Союза нет ни ядерного оружия, ни способа доставить его через Атлантику. Всё это напоминает договор между Великобританией и островами Зеленого Мыса, по которому британские самолеты имеют право пролетать над территорией островов Зеленого Мыса, а самолеты островов Зеленого Мыса имеют право пролетать над территорией Великобритании. Маленький нюанс: острова Зеленого Мыса не имеют своей авиации...

Задача: сделать межконтинентальную баллистическую ракету, способную доставить ядерный заряд в любое место на земном шаре, способную сбивать американские высотные самолеты. Наши истребители поднимались только на 16 километров. Высота в 20 километров недостижима и для зенитной артиллерии. Сталину докладывали — прежде всего нужна зенитная ракета земля-воздух. Этой ракетой 1 мая 1960 года будет сбит самолет Пауэрса У-2 над Уралом.

Что у нас есть? НИИ-88, головной институт — Гонор, Победоносцев; НИИ — связь, это Рязанский; НИИ-10 — гироскопы, Кузнецов; НИИ-456 — двигатели, Глушко; стартовые комплексы — завод «Компрессор», Бармин.

Приказ по НИИ-88: Королев — главный конструктор отдела №3, работающего над изделием №1, то есть ракетой «Фау-2», она же — Р-1. Испытания на ракетном полигоне Капустин Яр в ста километрах к востоку от Сталинграда. Адрес — «Москва-400».

2

В доме на Конюшковской дочка читала Жюль Верна — «Из пушки на Луну». Отец сказал: «Наташка, люди скоро будут на Луне». В Москве он почти не жил, перебрался в Калининград, он же Подлипки — чудесное название. Эти Подлипки выросли из имени богатого чаеоторговца Перлова, построившего «китайский» магазин на Мясницкой, тот самый дом, где Паша Софроницкий купил плитку шоколада «Золотой ярлык» для секретарши.

В Первую мировую войну, когда немцы начали наступление на Петроград, решено было оружейный завод, что у Литейного моста, эвакуировать в город Пермь. Не получилось — пушечная Мотовилиха воспротивилась. Тогда для питерцев подыскивали Подлипки. Пермь в сложном раскладе упустила шанс стать главным ракетным центром страны. Так или иначе, НИИ-88 оказался в Подлипках. «Бывают странные сближения»: «Унтер-ден-Линден» — это берлинская улица «Под липами».

Королев в Германии отобрал немецких ракетчиков во главе с Греттрупом для работы в Советском Союзе. Их разместили на озере Селигер. Спустя годы фон Браун сказал: «Их вклад в русскую космическую программу можно почти не принимать в расчет. Они должны были писать отчеты о том, что было в прошлом, но, можно сказать, они были выжаты как лимон».

10 октября 1948 года — пуск первой баллистической ракеты Р-1. За месяц стартуют восемь машин. Итоги более чем скромные. Королев сказал: надо, чтобы штекеры входили как «папа в маму». Этот афоризм идет по всей электрике до сих пор. Вторая серия пусков — Р-1 летит хорошо. Похвала Алексея Исаева, любимого двигателялиста Королева — «молодцы, потные черти». Хоть Р-1 приняли на вооружение, Королев не любил эту машину — она чужая. Ему не нравились стабилизаторы — с ними надо расставаться. Еще: две трети объема «Фау-2» занимают топливные баки. Как фон Браун этого не заметил? Надо совместить ракету с баками. Надо избавиться от немецкой фундаментальности!

У Челомея же дела шли не лучшим образом с его крылатой ракетой — приняли на вооружение только в 1953 году. Авиаконструктор Артем Микоян, брат сталинского наркома, задумал сделать свою ракету и забрал у Челомея КБ. У того осталось только профессорство в МВТУ. Однако вскоре Челомею удалось перехватить сына Хрущева Сергея, толкового парня, сильного в автоматике, выпускника Энергетического института. Челомей снова в деле — делает крылатые ракеты второго поколения для подводных лодок. У него заводы в Тушино и Реутово, авиазавод имени Хруничева в Филях ОКБ-52. Он водил Сергея на все совещания, пел о нем дифирамбы отцу. Теперь ему не страшен Устинов, яростный враг «разгребателя грязи». Его изделия, в том числе универсальная ракета УР-100 — «сотка», принимаются на вооружение. Челомей — член-корреспондент АН СССР, Герой Соцтруда, академик, потом еще раз Герой. Что значит — полезные связи!

А Королев влюбился! Ее звали Нина Ивановна, Нина. Она переводчица. Дочь, Наташа, в клочья изорвала фотографии отца, бросала трубку, когда он звонил, чтобы поздравить с днем рождения. Он сидел с трубкой в руках и плакал. Письмо писал — не решился подписать «папа», поэтому — «твой друг Сергей».

В эти дни пришло озарение — у новой ракеты должна отделяться головная часть! Он придумал: пока будут делать Р-2, надо провести опытные отстрелы головки на Р-1. Его поддержал ученый совет НИИ-88. Особенно радовались физики — газовый хвост ракет мешал изучению космической радиации. Королев их понимал — для науки-то ракеты и нужнее всего.

Вернер фон Браун, немецкий аристократ, изъясняющийся на ломаном английском, — в руках американцев. У него шов на левой руке и шрам на верхней губе. Он доставлен в Бостон, в резиденцию армейской разведки. На допросе сказал: «Отец не раз говорил мне, что новая политика завершится трагедией не только для народа Германии, но и для многих других народов. Однако я был фанатично увлечен ракетостроением и пропускал его ужасающие прогнозы мимо ушей».

Команда немецких ракетчиков отправлена в Эль-Пасо, штат Техас, на левом берегу Рио-Гранде. За рекой — Мексика. Центром ракетных исследований выбрана база в Форт-Блиссе. Стартовые площадки — на артиллерийском полигоне Уайт-Сэндз в восьмидесяти километрах от Эль-Пасо. Недалеко от Уайт-Сэндз — полигон, где Оппенгеймер испытывал первую атомную бомбу, и стартовая площадка в Розуэлле, откуда Годдард запустил жидкостную ракету в 1929 году — году, когда появился шедевр Кармайка «Звездная пыль», когда русские открыли первое месторождение в Волго-Уральской провинции.

«Команда из Пенемюнде» жила в казармах, окруженных колючей проволокой. Работали по полугодовым контрактам с армией США. Семьи у всех — в лагере «Оверкаст» неподалеку от Мюнхена. Задача — собрать ракеты «Фау-2» и провести запуски. Над фон Брауном много начальников. Непосредственное руководство — майор Джеймс Хемилл из Нью-Йорка. Он подчинен полковнику Тофтою из Вашингтона — руководителю ракетной программы сухопутных войск. На полигоне Уайт-Сэндз тоже есть начальник.

Дневник фон Брауна: «Американцы незлопамятны. Меня прозвали «Голландец». Меня приглашают на партию покера или блек-джека... Однажды вечером я наблюдал, как солнце садится за склонами гор Сакраменто. Этот хребет — в 160 милях, но выглядел рядом. Вряд ли эти красоты меня когда-либо очаруют».

Эйнштейн и другие ученые обратились к Трумэну: немецкие ракетчики не достойны стать гражданами США. Военное министерство для секретности переименовало операцию «Оверкаст» («Изгнанник») в «Пейперклип» («Бумажная скрепка»).

Тем временем военные моряки сделали проект «Викинг». Цель — запустить спутник с научными приборами на околоземную орбиту.

Контракт с Лабораторией аэронавтики Калифорнийского технологического института. Но те вскоре доложили руководству ВМФ, что не способны сделать эту работу. Тогда моряки предложили летчикам сухопутных войск совместную работу по спутнику. Ответ уклончив — авиаторы скрыли от моряков, что уже заключили контракт с «Рэнд проджект», подразделением компании «Дуглас».

В мае 1946 года команда фон Брауна удачно запустила «Фау-2» — дело знакомое. Но фон Браун равнодушен к своей ракете. Нужно двигаться вперед. А как?

Компания «Рэнд проджект» предложила запустить спутник с помощью «Фау-2» — сами ничего не могли сделать. Заказчик отказал — слишком дорого. Впрочем, может быть, не хотели связываться с командой из Пенемюнде.

Осенью немцам продлили контракты на год, разрешили посещать окрестности Эль-Пасо, позволили приезжать родственникам. Перед новым, 1947 годом интервью с фон Брауном появляется в журнале «Тайм». На фото двухметровый голубоглазый блондин, руки в карманах, стоит в сборочном цехе на фоне своей ракеты. Он женится на кузине Марии Луизе фон Квисторп — свадьба в Германии.

Возник проект «Бампер» — «Фау-2» как первая ступень и ракета «Вак Корпорал», созданная калифорнийской Лабораторией реактивного движения, — вторая ступень. Запуски — на 70 километров из Уайт-Сэндз и мыса Канаверал.

После завершения этого проекта за фон Брауна взялось ФБР. Заключение «Фон Браун не является военным преступником, но потенциально опасен для США» означало, что он подлежал депортации. Директор ФБР Эдгар Гувер рекомендовал лишить немцев доступа к любой секретной информации. Руководитель армейской разведки Чемберлен объяснил Гуверу, что немцы были союзниками в борьбе против коммунистической угрозы. Новое заключение по фон Брауну: «В душе он был оппортунистом. Для США не представляет опасности». Гувер разрешил немцам получить визы и стать легальными иностранцами. Что ж, фон Браун — примерный семьянин, примерный прихожанин, примерный работник. Он со своей командой живет в песчаной пустыне в ожидании работы. Вокруг гремучие змеи, стервятники. В ноябре 1948 года Форт-Блисс, пограничная застава, праздновал столетие. Почта выпустила марку в три цента с изображением стартующей «Фау-2». О немцах никаких упоминаний.

Что делать дальше? Фон Браун пытается поднять интерес общества к ракетным делам; отправляет рукопись под названием «Марсианский проект» нью-йоркскому издателю. Отказ. С упорством Мартина Идена он рассылает свой труд. Восемнадцать отказов. Зато Вилли Лей, старый приятель по берлинскому «Обществу космических путешествий», пробивает стену равнодушия — его популярная книга понравилась известному писателю-фантасту Артуру Кларку. И все-таки: на полигоне Уайт-Сэндс старились ракеты «Фау-2»; не хватало даже гаечных ключей метрической системы.

Артиллерийско-техническая служба сухопутных войск подала в Министерство обороны предложение — пусть классные специалисты фон Брауна займутся работой над спутником.

В сентябре 1948 года Советский Союз испытал атомную бомбу. Только после этого в Пентагоне поняли, что им нужны ракеты, способные нести ядерные заряды. Фон Браун получил вид на жительство в Соединенных Штатах. Для этого он переправился через Рио-Гранде в мексиканский город Сьюдад-Хуарес, где получил визу на въезд в США. Через пару часов вернулся в Эль-Пасо.

Его с командой перевели из Эль-Пасо в Хантсвилл, штат Алабама, на реке Теннесси, неподалеку от знаменитой Чаттануги, прославленной фильмом «Серенада Солнечной долины». Сюда же перебрались несколько сот работников «Дженерал Электрик» — главного ракетного подрядчика армии. Редстоунский арсенал в Хантсвилле стал центром ракетной техники. Фон Браун — технический директор группы разработки управляемых снарядов.

Теперь у Брауна дом на холме — три спальни, терраса. У него уже две дочери. Он получил права на управление легким самолетом. Он ныряет с аквалангом. На реке у него лодка, водные лыжи.

В середине 1950 года разразилась корейская война. И сразу задача — создать баллистическую ракету класса «земля-земля» для ядерной боеголовки. Ее называли «Фау-2» второго поколения. «Редстоун» — имя ракеты, по названию города, приютившего немецких изгнанников. «Редстоун» — это «красный камень», что созвучно с британским «old red sandstone» — «древним красным песчаником», отнесенным Родериком Мэрчисоном к девонской геологической системе. Кровь обагрила землю Британии после ударов «Фау-2».

Подполковник Хемилл добыл две сотни секретных патентов Годдарда. Фон Браун оценил их... Но всё это немцы знали. Фон Брауну

было достаточно одного собственного патента США — «Снаряд с ракетным двигателем».

Теперь фон Браун чувствует себя более уверенно. Он сказал коллеге: «Мы можем мечтать о ракетах и Луне до скончания века. Пока не поймет народ, а вслед за ним те, кто платит по счетам, всё совершенно бесполезно. Ты побеспокойся о расчетах, а я обращусь к людям».

Толчком стал симпозиум в Хейденском планетарии в Нью-Йорке в октябре 1951 года. Координатор — Вилли Лей. Там были Артур Кларк, журналисты из «Кольерс». Этот журнал с тиражом три миллиона и пригласил фон Брауна написать серию статей о космосе. Это была удача: «После изматывающего дня работы над редстоунским проектом так приятно расслабиться, переместиться на поверхность Луны и приступить к красочному описанию волнующих приключений. Я смешиваю «Мартини», ставлю пластинку с Бранденбургским концертом и пишу, пишу, пока не встанет Мария и не напомнит, что через два часа я должен быть на службе».

Вот названия статей фон Брауна: «Пересекая последние рубежи», «Человек на Луне: путешествие», «Исследование Луны», «Выживание человека в космосе», «Маленькая космическая станция», «Можем ли мы попасть на Марс?». Читатели завалили редакцию письмами. Статьи переизданы в расширенном книжном варианте — «За космический рубеж», «Завоевание Луны» и вместе с Вилли Леем — «Исследование Марса». Теперь имя фон Брауна известно всей Америке. Его публикации повернули страну к ракетам, к забытой идее спутника. В статье «Превосходство в космосе» он показал себя настоящим ястребом. Вот его идея: спутник — это шаг к созданию военной космической станции с постоянным экипажем. Страна, которая первой запустит ее, будет обладать «абсолютным оружием».

Август 1952 года — первый запуск ракеты «Редстоун» с мыса Канаверал. Но чтобы довести ее до ума потребовались годы.

В июне 1954 года энергичный капитан Джордж Гувер из Управления военно-морских исследований собрал в Вашингтоне небольшой круг ракетчиков. Предложение: вывести на орбиту спутник. Тут же набросали схему: первая ступень — фон-брауновский «Редстоун», следующие ступени — блоки небольших твердотопливных ракет, тоже из арсенала сухопутных войск. Проект назвали

«Орбитер». Фон Браун: «Если мы не сделаем это первыми, это нанесет удар по престижу США». Он-то лучше других понимал, что для успеха нужны деньги, деньги и еще раз деньги.

4

В 1948 году группа Тихонравова из НИИ-4 представила на сессию Академии артиллерийских наук, где директором был генерал-лейтенант Благонравов, доклад по ИСЗ — искусственному спутнику Земли. Сначала — отказ. Но интеллигентные люди, одни фамилии чего стоят — Тихонравов и Благонравов, — договорились. Доклад состоялся, и Королев в него впился:

— Вы инженеры с большой буквы.

У Королева был союзник — академик Келдыш и его мальчишки.

Королев становился лидером. Его отдел — ОКБ-1 во ВНИИ-88 — разрастается. Самые близкие люди — Мишин — Васюня, Пилюгин — Колюня, Победоносцев, Исаев, Бабакин, Бушуев, Охупкин.

Заместитель Королева, зав. отделом систем управления — Янгель Михаил Кузьмич, улыбчивый человек. И вдруг он становится начальником Королева — руководителем НИИ-88 вместо Гонора, снятого на волне антисемитизма, называемого борьбой с космополитизмом. Богуславского и Чертока Устинову удается отстоять. Нарком во всем обвиняет Берия, но никак не товарища Сталина.

Королеву не хочется быть в подчинении у Янгеля. Он вступает в партию, но с опаской — не реабилитирован. Правильно говорят, что беспартийный человек — это полчеловека.

5

В работе ОКБ-1 — множество машин, среди них первые варианты межконтинентальной ракеты Р-7. Тихонравов задумал пакет баллистических ракет, которые могли бы разогнаться до первой космической скорости.

В 1953 году начинается эскизная разработка «семерки».

После первых испытаний водородной бомбы сам Малышев, «ядерный» зампред Совмина, приехал к Королеву. В Семипалатинске он получил облучение, ставшее для него роковым.

Малышев:

— Сколько весит ракета?

Королев:

— 170 тонн.

— И сколько она может поднять?

— 3 тонны.

— Термоядерная бомба весит 6 тонн.

— Тогда надо перевязать всю машину. Это другая ракета.

— Что для этого нужно?

— Нужно постановление правительства.

— Пишите проект постановления...

Февраль 1954 года — первый разговор о спутнике с Устиновым. Р-7 еще на бумаге.

Генерал Мрыкин, представитель Минобороны:

— Не о чем говорить.

В ОКБ-1 шутили: «Получен втык в один мрык».

Проектирование у Королева, как обычно, начиналось задолго до официальных документов. Уже в июле завершен эскизный проект. Как раз в это время у американцев появился проект «Орбитаер». Но у них уже есть ракета «Редстоун»!

Для Р-7 придумали маленькие двигатели специально для управления. Глушко сказал, что идея дурацкая, и проектировать эти двигатели он не будет. Это была точка расхождения на всю жизнь. В ОКБ-1 сами сработали двигатели управления. Первые «семерки» летали с ними. Потом Глушко все же сделал более совершенные движки.

В июле 1954 года на базе Днепропетровского авиазавода создается КБ Янгеля. Теперь не только Королев может делать дальние ракеты.

6

Королев любил основательность: антикварные напольные часы, внушительный стол зеленого сукна — для заседаний. Письменный стол — на львиных лапах, на столе — бумага, карандаши. Разговор без бумаги — сухой разговор. Так разговаривают геологи — рисунок, два-три слова.

В августе 1956 года королевское ОКБ выделено из НИИ-88. Королев естественно и просто становится главой совета главных конструкторов — «великолепной шестерки». В первом составе: Королев, Глушко — двигателист; два управленца: Пилюгин — автономная

система без участия Земли, Рязанский — радиосистема с докладом Земле, Бармин — стартовые комплексы, Кузнецов — гироскопы.

Люди влюблялись в Королева, и начальство тоже, особенно Хрущев. Феокистов писал о «великом честолюбии Королева». Да, Королев хотел, чтобы его считали всемогущим, и он был всемогущим. Да, он летал своим самолетом. Да, он любил решать задачки, которые не решал никто. Если сам не мог решить — находил людей, которые могут это сделать. Нужна система ориентации в космосе — взял задачу у Пилюгина, выпросил у академика Келдыша Бориса Раушенбаха — вчерашнего ссыльного. Тот сделал то, чего не сделал никто, — придумал, как гироскопами, оптическими датчиками «схватить» Луну, Солнце, Землю, Сириус, другие навигационные звезды, вцепиться и не отпустить.

Раушенбах, лицо немецкой национальности, считал себя счастливым:

— В лагере у меня была прекрасная должность: контрольный мастер кирпичного завода. Я получал четыреста граммов хлеба и варил траву, так что питался хорошо.

В «пермской» пьесе Чехова «Три сестры» немец Тузенбах тоже собирался работать на кирпичном заводе. Потом дуэль, на которой он был убит.

Спецпереселенца вытребовал себе авиаконструктор Болховитинов. Раушенбах жил в лагере, но занимался разнообразными заковыристыми задачками — боковая устойчивость самолета, испаряемость ракетных топлив, устойчивость горения в жидкостных двигателях. Потом — шарашка в Рыбинске. Поблизости, на озере Селигер, жили немцы-ракетчики группы Греттрупа. Рядом — поселки Котлован, Чухлома и вечные русские Холмы, Холмцы...

Потом Раушенбаха забрал Келдыш, а у него уже Королев вырвал себе старого знакомого по Узун-Сырту.

Бармин сказал о Королеве: «Сергей, умеющий при необходимости играть русского интеллигента, в своем ближайшем окружении не поощряет деликатности и хороших манер». Метод Королева — «развалить избу», то есть изругать в доску — отбивайся! Фразы Королева: «за апрель не ходить», «за июль не ходить». Не успел — «получай арбуз». На Богомолова кричал: «Мальчишка! Убирайтесь отсюда! Я с вами работать больше не желаю!» А тот улыбался. На него нельзя обижаться. Или скажет жалобно: «Не мешай. У меня много работы». В нем был артистизм прирожденного лидера.

Скажем, Королев говорил Охупкину:

— Серега, придумай что-нибудь, облегчи ракету.

Потом токарю покажет эскиз на бумажке:

— Понимаешь, что мне нужно? Выточишь?

— Выточу.

Токарь идет на тиски. Всё! Идея обжелезена.

Записка жене: «Я ушел на завод, но не работать, а просто походить и отдохнуть».

Между тем конфликт с Глушко разрастался. Точка разрыва — разные взгляды на окислитель ракетного топлива. Королев — за экологичный кислород, Глушко — за азотную кислоту. Испаряющийся жидкий кислород не устраивал военных — он кипит уже при минус 183 градусах, к тому же взрывоопасен.

Глушко закрыт, не допускает панибратства. Впрочем, близких друзей нет и у Королева. Для дружбы нужно свободное время.

7

И вот что оказалось! Уолт Дисней, весьма успешный человек, следил за публикациями фон Брауна в журнале «Кольерс». В начале пятидесятых в Анахайме, штат Калифорния, он сделал Диснейленд, напоминавший сад Тиволи в Копенгагене. Один из участков в своем парке Дисней назвал «Tomorrow-Land» — «Страна будущего». Это была Терра инкогнита, Пера маа, далекая земля. Дисней придумал путешествие на Луну. Его любимый художник Уорд Кимбалл, который делал «Белоснежку», «Пиноккио» и еще много чего, показал Диснею эскизы и сценарий телевизионного фильма на эту тему. Дисней был в восторге. Обычно прижимистый, он протянул Кимбаллу чистый лист бумаги и сказал: «Напишите сами, сколько вам нужно»

В команду Кимбалла согласился войти и фон Браун. Он часто ездил из Хантсвилла в Лос-Анджелес для консультаций с подрядчиками, которые строили ракеты «Редстоун» и «Юпитер». Требование Диснея — никакой фантастики! Ракеты и спутники должны выглядеть как настоящие. Вечера фон Браун проводил в студии Диснея. Самая красивая девушка группы готовила ракетчику кофе, подавала печенье и включала магнитофон с записями классической музыки.

За фон Брауном по-прежнему следит ФБР. Его почта читается, его телефон прослушивается. Он брал такси из Голливуда до Лонг-Бич, там катер напрокат и — на остров Санта-Каталина. Там можно

хоть всю ночь нырять с аквалангом. Свобода! На рассвете — назад. В отеле — душ, потом работа в студии.

На национальном телевидении появился первый сюжет — «Человек в космосе». Фон Браун — обаятельный, уверенный в себе — говорил с легким немецким акцентом:

— Я покажу вам свой проект четырехступенчатого орбитально-го ракетного корабля. Пассажирскую ракету можно построить за десять лет.

Коралловый атолл в Тихом океане. Центр управления, прожекторы полосуют предрассветное небо. Воют сирены. Обратный отсчет. Голос диктора дрогнул: «Человек вступает в рискованный спор с неизведанными опасностями космоса».

Наутро после показа, рассказывают, Диснею позвонил президент Эйзенхауэр и попросил пленку с записью передачи — он хотел показать «надутым генералам из Пентагона», как они должны работать по космосу.

Вскоре после телешоу «Человек в космосе» Вернер фон Браун стал гражданином Соединенных Штатов. Сорок немецких ракетчиков, их жены и дети также принесли клятву гражданина США. Мэр Хантсвилла заявил: «Я рад, что вы выбрали нас. Никого мы не принимали в наше сообщество с большей радостью».

«Диснейленд» открылся в июле 1955 года. Известные актеры, в том числе будущий президент Рональд Рейган, — экскурсоводы аттракциона «Ракета к Луне». В «Стране будущего» — белая с красным ракетой высотой 23 метра, с обводами «Фау-2». Ревут двигатели, видно пламя. Воздух выпускается из подушек сидений, пассажиры вжимаются в кресла, на экране уходит куда-то Анахайм. Синее небо, диск Земли, звезды, наконец, Луна. Корабль облетает ее и возвращается. Голос: «Благодарю Вас за участие в путешествии. Прошу не забывать свои вещи при выходе из космического корабля».

Через две недели президент Эйзенхауэр объявил, что Соединенные Штаты запустят ИСЗ во время МГТ — Международного геофизического года. Сроки его проведения — с 1 июля 1957 года по 31 декабря 1958 года. На следующий день после заявления Эйзенхауэра Академия наук СССР также объявила о намерении запустить спутник.

Фон Браун в ужасе, он пишет Кимбаллу: «Ради Бога, не говорите, что телевизионное шоу вызвало заявление президента». Ужас, скорее всего, был наигранным. Международный геофизический год — это был его шанс.

Королев захвачен работой над «семеркой». После заявления Эйзенхауэра Хрущев ставит задачу — первыми выйти в космос. Полигон Капустин Яр мал для Р-7. Для нового космодрома выбрали разъезд Тюратам в Казахстане, на берегу Сыр-Дарьи. В 400 километрах к югу — городок Байконур, давший имя космодрому. Впрочем, это имя тогда употреблялось редко, как и слово «космодром». Обычно — «полигон», «Тюратам». Жить здесь трудно — здешний едучий ветер солдаты прозвали «хот-табычем».

Аэродром Дальний в Тюратаме в народе зовут Ласточкой. Отсюда на своем ИЛ-14 Королев летал на свой аэродром Внуково-3. Заправлялись в Уральске. Здесь подавали бесподобные язычки в желе с картофельным пюре под густую деревенскую сметану.

Рядом с Тюратамом выстроен город Ленинск-10. Пароль — «Айвенго». Были на секретном Тюратаме три уровня опасности — «Скорпион — 1, 2, 3». Конструктор скафандров Гай Северин острил: «Если Королев на полигоне — код «Скорпион-4». Королев, когда узнал, вспыхнул: «Скорпионом никогда не был и не буду». Он был по-ребячески обидчив.

«Семерку» сделали за три года на авиазаводе в Куйбышеве. О ней хочется петь песни и слагать стихи! Из чего она состоит? «А», «Б», «В», «Г», «Д» — четыре боковушки и центральный блок — это обычная двухступенчатая ракета. Потом блок «Е» — первый вариант трехступенчатой ракеты. Три буквы пропускаем — «Ж» (неприлично), «З» (похожа на цифру), «К» (военная маркировка). Блок «И» — более мощный вариант блока «Е». Блок «Л» — четвертая ступень. С ним ракету можно разогнать до второй космической скорости — 11,2 км/с — и улететь к Луне.

Придумали: как только двигатели набирали силу, способную уравновесить массу машины, фермы откидывались в стороны, освобождая ракету. Конечно, жидкий кислород неудобен для военных. На старте видно, что она в парах жидкого кислорода. Но ракета идеальна для запуска на орбиту больших грузов.

В апреле 1957 года член-корреспондент АН СССР Королев был реабилитирован военной прокуратурой. Он перестал быть «врагом народа», которого пожалели. На радостях Королев рассчиты-

вал уже в конце весны запустить спутник. Рязанский сделал для него хороший сигнал — «бип-бип».

9

Когда попытка сотрудничества родов войск в создании спутника провалилась, фон Браун предложил свою схему и назвал свой срок — середина 1956 года.

Моряки были за свою ракету «Авангард». Ей отдано предпочтение. Группу фон Брауна отвергли — как это так, проект, финансируемый правительством США, будет выполнять немецкая команда? Конечно, теперь это граждане США, но всё же, всё же, всё же...

Сразу после заявления Эйзенхауэра о спутнике фон Браун предложил разработать баллистическую ракету средней дальности (БРСД) с радиусом действия 2400 километров, которая могла бы поднять груз весом в одну тонну. Название — «Юпитер». Министерство обороны одобрило этот проект, а для подстраховки — и программу летчиков по ракете «Тор».

В Редстоунском арсенале закипела работа. Теперь в сухопутных войсках два управления — баллистических ракет (бригадный генерал Медарис) и второе — ракет и управляемых снарядов (известный нам полковник Тофтой). Фон Браун — директор отдела конструкторских работ. Кроме того, на нем информация и реклама — все знают, что у него это хорошо получается.

Команда из Пенемюнде строит ракеты «Юпитер» и «Юпитер-С» — модификация боевой ракеты «Редстоун». В Пентагоне заподозрили, что немцы могут взять да и поднять в космос спутник без спроса. Перед первым запуском «Юпитера С» генералу Медарису приказано лично проверить четвертую ступень — нет ли в ней топлива.

Пуски прошли успешно. Парочка ракет «Юпитер-С» поддерживались в готовности — на всякий случай, мало ли что. Между тем после первого успешного полета «Юпитера С» министр обороны Чарльз Уилсон решил покончить с борьбой родов войск за первенство в выходе в космос. Он издал директиву: сухопутные войска занимаются ракетами с дальностью не более 320 км; ВВС и ВМФ отвечают за ракеты с большей дальностью. Фон Браун официально отстранен от космических исследований. Он раздражен: «Я предполагаю, что, когда мы наконец доберемся до Луны, нам придется пройти через русскую таможню».

Тем не менее немцы завершили работу над «Юпитером» и передали его ВВС для развертывания в Италии и в Восточной Турции. Фон-брауновские ракеты доставали до Москвы и Ленинграда.

10

15 мая 1957 года — первый старт «семерки». Королев, как всегда, приходил на вывоз ракеты. Шел впереди (две копейки в кармане), когда она выезжала из ворот МИКа — монтажно-испытательного корпуса. Потом садился в машину, выходил из нее на повороте к старту, молча смотрел на громадину.

Ракета развалилась. Взрыв боковухи — негерметичен стык одного из трубопроводов.

Королев:

— Со старта ушла отлично! Ракета летать будет!

11 июня — второй пуск. Ракета со старта не ушла.

— Ладно, что не взорвалась.

Клапан поставили вверх ногами. Неудача — по вине ОКБ Королева. Взаимные обиды: Глушко — Бармин — Королев.

Королев (спокойно):

— А не заняться ли нам другой проблемой?

Достал торт с шоколадным зайцем:

— Нина прислала.

Тяжелое объяснение в ЦК по поводу спутника. Королев забирает к себе Тихонравова и Раушенбаха.

11 июля — третий старт. Как в сказке — «в третий раз забросил старик невод...» Ракета пошла в зенит, но развалилась. Пилюгинцы перепутали полярность. Маршал авиации Неделин предлагает снять ракету с испытаний. Глушко согласен.

Вот они сидят друг против друга — Королев и Глушко.

Глушко:

— Ракеты гибнут чаще всего по вине Королева.

Королев:

— Нет ракет Королева, а есть *наши* ракеты!

21 августа — четвертый пуск. Ракета долетела до полигона — Камчатского ракетного стрельбища, но БЧ, боевая часть, разрушилась,

когда входила в плотные слои атмосферы. Королев знал, что БЧ разрушится. Через год только научились спасать «голову».

Тихонравов уже прибрасывает спутник. ПС — простейший спутник. Вся аппаратура — радиопередатчик. Келдыш был противником спутника без начинки. Первые варианты ПС Королеву не нравились по другой причине:

— Почему он не круглый? У американов (так он звал соперников) «Эксплорер-1» похож на огрызок граненого карандаша.

Кто-то оговорился, назвал спутник — СП.

Королев:

— СП — это я, а ПС — это спутник..

Но по сути он слился с этой обтекаемой железкой.

Баллистик Георгий Гречко рассчитывал траекторию полета в Вычислительном центре АН. Считали вручную до четвертого знака, а надо бы до шестого — седьмого. Машинное время в ВЦ выделяли ночью. Утром Гречко с рулоном спешил в Подлипки.

7 сентября пятый пуск.

Королев шел, опустив голову, погруженный в себя. Так, опустив голову, держась рукой за планер, он поднимался когда-то на гору Узун-Сырт.

Через неделю нашли воронку с обломками БЧ. «Семерка» научилась летать! Королев решил, что следующая ракета полетит со спутником. Тихонравов принес на подпись Королеву «Технический отчет о возможности запуска ПС-1». Королев пишет на обложке: «Хранить вечно!»

Понятно, почему военным людям не нравится «семерка». Ее надо долго готовить. В шахте ее нельзя держать. На старте она парит, нужна подпитка. На вооружение Р-7 поставлена только в январе 1960 года — и потому только, что никакой другой ракеты, способной нести водородную бомбу, тогда не было. Через три года военные с радостью приняли новую МБР Р-16, сделанную Михаилом Янгелем — Р-16. В ней использовались азотные высококипящие компоненты, столь ненавидимые Королевым.

Вроде бы ничего неожиданного в запуске спутника не было. Было сообщение о его запуске в рамках Международного геофизи-

ческого года. У нас учредили комиссию по межпланетным (!!) сообщениям во главе с несекретным, но представительным академиком Седовым. Более того, за две недели до шестого старта «семерки» Королев в Колонном зале на заседании в честь столетия Циолковского заявил:

— В ближайшее время с научными целями в СССР и США будут произведены первые пробные пуски ИСЗ.

Работники первого отдела решили, что текст согласован на самом высшем уровне. Они-то не знали, что в США на март 1958 года намечен запуск спутника, многозначительно названного «Авангард». Королев это знал. Он, как и Хрущев, был одержим этим стремлением — «догнать и перегнать». Догнать! Перегнать!

Запуск нашего спутника намечен на 6 октября 1957 года. Но вдруг появилась экспресс-информация, что именно на этот день в США намечен доклад «Спутник над планетой». И Королев дрогнул: а вдруг? И на всякий случай сдвинул старт на два дня раньше.

Госкомиссия установила: потёк электролит. Перед самым стартом оказалось, что оторвался плохо припаянный кабель.

Вечер 4 октября. Королев руководил пуском из бетонного бункера в трехстах метрах от старта.

В 22:30 двигатели взрели, и ракета ушла в ночное небо Тюратама. Через полтора часа после взлета первый спутник завершил первый виток вокруг Земли — «бип-бип-бип». Сообщение ТАСС — орбита спутника «до 900 километров над поверхностью Земли».

Ярослав Голованов: «Впервые на Земле нечто, подброшенное вверх, не упало».

Американский журнал «Тайм» объявил Хрущева человеком 1957 года — его портрет на обложке январского номера за 1958 год. Самая большая сенсация года — русский спутник.

12

Вечер 4 октября 1957 года.

— Господа! Экстренно! Газета «Нью-Йорк таймс» сообщила о запуске спутника на орбиту высотой 900 километров. Я бы хотел поздравить советских коллег с их достижением...

Президент США Дуайт Эйзенхауэр вернулся в Вашингтон из загородной резиденции, не доиграв партию в гольф.

Фон Брауна попросили подойти к телефону, когда он был в офицерской столовой Редстоунского арсенала на приеме в честь заступавшего на должность министра обороны Нила Макэлроя.

— Вас беспокоит «Нью-Йорк таймс», доктор.

— В чем дело?

— Что вы об этом думаете?

— О чем?

— О русском спутнике, который они только что запустили.

«Красная Луна» — так называли они наш спутник.

Фон Браун вернулся к столовую:

— Мы знали, что они собираются это сделать. «Авангард» не справится с этим. У нас же есть все необходимое. Ради Бога, развяжите нам руки и дайте что-нибудь сделать, — он обратился к Макэлрою. — Когда вы вернетесь в Вашингтон, там будет сущий ад. Я хочу, чтобы вы знали: мы можем запустить спутник на орбиту за шестьдесят дней с того момента, как вы дадите нам зеленый свет.

Командующий сухопутными войсками Брукер возразил:

— Не за 60 дней.

— Именно за 60 дней.

Медарис:

— Нет, Вернер, 90 дней.

Две ракеты «Юпитер С» уже два года хранились на мысе Канаверал.

В Вашингтоне Брукер заявил, что потребуется четыре месяца, чтобы запустить спутник.

8 ноября вышел пресс-релиз: «Министр обороны дал указания командованию сухопутных войск приступить к запуску спутника Земли с помощью модифицированной ракеты «Юпитер С».

Но Вашингтон запретил готовить «Юпитер С» к пуску. Медарис сделал запрос — означает ли директива, что моряцкая ракета «Авангард» стоит первой в очереди к стартовой площадке и должна ли команда из Хантсвилла ждать окончательного решения. Ему ответили, что он правильно понял указания.

Медарис заявил, что если директива не будет изменена и группа из Хантсвилла не получит полномочий на запуск «Юпитера С», то

он подаст в отставку. Вернер фон Браун и доктор Пикеринг из Калифорнийского технологического института, делавший спутник, готовы сделать то же. Пентагон сдался, и «Юпитер С» начали вывозить на космодром.

Между тем «Авангард-1» уже на стартовой площадке. 6 декабря 1957 года. Идет прямая трансляция. Обратный отсчет. Двигатель заработал, ракета приподнялась, опрокинулась и взорвалась. Из кустов раздавался радиосигнал спутника. Репортер Дороти Килгаллен воскликнула: «Пойдите же кто-нибудь, найдите его и добейте!»

13

29 января 1958 года ракета «Юпитер С/Эксплорер-1» заняла свое место на стартовой площадке на мысе Канаверал. На спутнике — «Эксплорер-1», прибор для регистрации космических лучей. За запуск ракеты отвечал старый друг фон Брауна доктор Курт Дебус, руководивший первыми запусками «Фау-2» на Пенемюнде. Запуск отложен из-за непогоды.

31 января ракета устремилась в темное небо над мысом Канаверал. В это время фон Браун находился в центре связи в Пентагоне.

Спутник должен был пролететь над радиоприемной станцией в Сан-Диего через 106 минут после старта.

В урочное время Пикеринг спросил Сан-Диего:

— Вы его слышите?

— Нет, сэр.

Прошла минута, потом вторая:

— Теперь вы его слышите?

— Нет, сэр.

— Какого черта вы его не слышите?

Брукер — фон Брауну:

— Что случилось, Вернер?

Молчание.

Пикеринг:

— Они слышат его, Вернер, они слышат его!

Фон Браун взглянул на часы на стене и у себя на руке.

— Спутник опоздал на восемь минут, — сказал он.

Брукер пожал руку фон Брауну. Позвонили президенту, который в Джорджии играл в бридж.

Эйзенхауэр: «Соединенные Штаты успешно вывели научно-исследовательский спутник на орбиту вокруг Земли. Это часть вклада нашей страны в Международный геофизический год».

Он не сказал, что началась великая космическая гонка, и русские были впереди американцев на 4 месяца, точнее — на 119 дней.

«Эксплорер-1» составил карту поясов радиации, окружающих Землю, которые были названы поясами Ван Аллена в честь автора эксперимента.

Глава 6. Михал Иванович

1

В дни первых спутников произошло событие, сначала оставшееся незамеченным. Первые открытия нефтяных месторождений в Волго-Уральском регионе были случайными.

Некоторые скважины вскрывали верхнедевонские чистые известняки большой мощности — до 700 метров, что говорило, казалось бы, об их постоянном опускании. Почему же они сейчас занимают высокое положение? Ответ был таков: изменился знак движений, произошла инверсия. Так поднятия и звали — инверсионные, или бескорневые структуры. Или еще — структуры сталинградского типа, по месту их первого обнаружения. Некоторые скважины вскрывали, напротив, громадные мощности глин, получивших название сарайлинской толщи. Сарайлинка не находила никакого объяснения. В ее основании залегал слой доманикитов — четырехкомпонентной породы, состоящей из известняков, глин и битумов, схваченных кремнеземом.

Поисковики выявляли и затем готовили нефтегазовые ловушки (в последние годы исключительно сейсморазведкой) — объекты для бурения. Ловушки могли быть продуктивными, могли быть пустыми. После того как получали флюид, начинали работать разведчики — надо оценить промышленную ценность месторождения. Рубили лес под площадки, шли тягачи с длинномерами и тяжеловесами, «трубачи» тащили обсадные трубы, бурились и испытывались скважины. Если доказана промышленная ценность месторождения — приходили разработчики, эксплуатационники.

Но с 1929 года и до открытия молодого геолога Кости Шершнева, о котором речь впереди, искали флюиды наугад...

2

Владимир Абрамович Долицкий дал нам с Вадиком Тихомировым курсовую работу по полевой геологии — одну на двоих. «Вот вам пакет с каротажками — пермские отложения Бугурусланского района, план расположения скважин, их высоты над уровнем моря, амбарная книга с описанием керна и фауны — и вперед, надменные корсары! И помните: геолог должен обладать напористостью слона, благородством льва, фантазией молодого щенка, чем еще? Мудростью совы, зоркостью орла, хитростью лисицы».

О Долицком рассказывали: он мог опознать любую каротажку с оборванным адресом. «Откуда она? Волго-Урал? Или, может, Средняя Азия?» Долицкий вглядывался в кривую, внюхивался, крихтел. Наконец, крикнув, объявлял: «Скважина пробурена на Главном девонском поле, юг Ленинградской области». Случайно отыскивали адрес — граница Ленинградской и Псковской областей.

Мы сидели вечерами в лаборантской под картиной, изображающей юрский пейзаж и воздушную схватку птицеящеров — рамфоринхусов. Один из них явно проигрывал. Но у него оставалась возможность маневра, что давало некоторый шанс. Мы шуршали каротажками, рылись в литературе, некоторые скважины в лицо опознавали. Не было двух одинаковых разрезов. Самое главное — найти репера, характерные всплески, *вздрог* на кривых, протащить их как можно дальше.

Долицкий появлялся изредка, расхаживал по лаборантской, с большим удовольствием смотрел на наши согбенные спины. Вдруг читал с выражением:

— *Есть горькая супесь, глухой чернозем,
Смиренная глина и щебень с песком.
Окунья земля, травяная медынь
И пегая охра, жилища пустынь...*

— Это очень хорошие геологические стихи, ребятки. Это готовый геологический разрез.

— Чьи стихи-то?

— Николай Клюев. Вы его не проходили.

Владимир Абрамович закрывал от наслаждения глаза, мотал головой, одним пальцем двигал ленту.

— А вот здесь вы наврали, как зеленые лошади. Песчаничек пропустили, — капризно надувал губы, — как хорошо он по профилю тянется, пик, пичок, пичужка с легким придыханием посередине. Так — слой за слоем — и разбирайтесь, ловите ритм слоистости. Большими мазками наметим будущую картину. Я вас научу музыке геологии, тончайшей игре, «джокко пианиссимо». При этом вы должны пройти узкой тропой между болотом переусложнения и западней переупрощения. Я проложу вам рельсы, а дальше — вы сами, выражаясь вашим студенческим сленгом, будете биться мордой о стены. Пусть вы ошибетесь, пусть! Ваша задача, как это ни парадоксально звучит, ошибаться как можно чаще, отсекая неверные азимуты, и в конце концов вы придете к истине, следуя старому нашему девизу — «Умом и молотком». Устали? Устали... Так наслаждайтесь усталостью. Что может быть лучше усталости после работы?

Так говорил Владимир Абрамович, поправляя подтяжки, упиваясь своей речью.

— В пермских отложениях Шотландии нашли древние фульгуриты — звездообразные трубчатые тела, уходящие в толщу песка, — Долицкий соединил пальцы, изображая эти звездчатые тела. — Ископаемая молния ударила много миллионов лет назад! Спекшиеся зерна красноватого песка соединены тонкими фибрами обесцвеченной породы. Удар молнии намагнитил песок.

Однажды в лаборантскую заглянула Люся. Смотреть на нее было трудно, как на солнце. «Му-ученики, — она так сказала, — хоть бы свет зажгли».

— Молчи, несчастная, — сказал Вадик, — может, у нас спецздание.

Она погладила меня по рукаву бобочки. Я дернул головой и на секунду прижался щекой к ее теплой руке.

— А знаете что? Я... выхожу... замуж.

— Это всё заживет, — сказал я, поднял голову и увидел юрский пейзаж и дерущихся птицеящеров.

— Бедный рамфоринхус, — сказала Люся.

Подумал: «Любовь пройдет. Пройдет и заживет».

Загорались огни на Большой Калужской. Вахтеры знали нас в лицо. Как бы поздно мы ни уходили, всегда светилось несколько окон.

Потом Долицкий смотрел итоговые карты, тяжело дышал, вы-
звоя из вороха на стеллаже тяжелый том.

— Форш Николай Николаевич в свое время разобрался с перм-
скими отложениями Бугуруслана. Только в одном месте, на юго-за-
паде у вас *ни в дугу*. Ни в дугу, — он с удовольствием повторил но-
вое для себя выражение. — Почему неудовольствие написано на
вашем лице, товарищ Тихомиров?

— Может, у него ни в дугу.

Вадик терпеть не мог делать ненужную, на его взгляд, работу.

— Ну, проверили Форша, — сказал Долицкий и, как бы в утеше-
ние, добавил:

— Николай Николаевич — родич Ольги Форш. Той самой, кото-
рая написала роман с геологическим названием «Одеты камнем».

Посмотрел на меня, подмигнул:

— *Девушка с газельими глазами вышла замуж за американца. За-
чем Колумб Америку открыл?*

Он был из счастливой породы людей, способной цитировать
стихи, словно прибегая к самому простому и естественному спосо-
бу выражения мысли.

— Я дам вам, Семен, очень хороший совет, хотя, конечно, советы
хороши только тогда, когда их спрашивают. Надо чаще перечиты-
вать Пушкина. Когда мне плохо, я всегда Пушкина читаю. Это кла-
дезь премудрости. Как нам всем повезло, что у нас есть Пушкин!
Кстати, какие смешные фамилии — Пушкин, Гоголь, Толстой.

Вадик увел разговор в сторону:

— Глубокие скважины вскрывают ниже перми карбон и девон.
Попадаютс я иногда такие странные разрезы — то шестьсот метров
чистых известняков, то глин метров четыреста. Почему?

— Этого не знает никто.

— Вот этим и надо было заняться! — вскричал Вадик. Он любил
трудные задачи.

Молча ехали в опустевшем метро. В пустом вагоне я достал из
балетки томик Грина — «Дорога никуда». Вадик заглядывал через
плечо, фыркал: «Птички тюх-тюх, листья шур-шур. И вообще, пер-
вая любовь бывает раз в жизни. В крайнем случае — два. Или три».
Почему-то становилось легче от этих слов.

Однажды я увидел Люсю и Юру Малиновского в читалке. У Тани
волосы вразлёт, синяя ленточка, тонкая блузка сиреневая. Она по-

правляла Юрке ворот белого свитера домашней вязки, как бы норвежского, и он сам как викинг, и они касались локтями. «Как дай вам бог любимой быть другим»... Но ведь у Пушкина — «Я вас любил» — когда-то давно любил, поэтому у него честно: «Как дай вам бог любимым быть другим».

Кто знает, почему одному хорошо и другому хорошо. Или почему одному хорошо, а другому плохо? Спросите, и вам скажут — нет ответа.

3

Преддипломная практика — в новосибирской «Запсибнефтегеологии». После беседы с главным геологом Мироновым я отправился в Колпашево — деревянный городок на Оби с торцовыми мостовыми: идешь по играющим просмоленным плашкам, по годовым кольцам.

В конце рабочего дня геологи убрали карты в сейфы: «Студент, сегодня был трудный день, приходи завтра». Я стоял растерянный — куда податься? — когда ко мне подошел маленький человек, похожий на боксера в весе «мухи» на излете карьеры — «Варачев Михал Иванович, можно — Мишка».

— Где остановился? В гостинице мест нет? У меня отдельный номер, есть диванчик.

Вечером мы с Михал Ивановичем отправились в пивную «Волна», она же «Голубой Дунай», на берегу Оби, у пристани. Там гудели бумовики.

— Такой случай был. Я как раз в товарищеском суде состоял. Один помбур в столовой рассказывал про жену механика — у нее-де на попке красивая очень родинка, ему жена рассказала, вместе с ней в бане парилась. А механик с оператором за одним столиком сидел, как раз кефир в бутылке раскручивал. Прислушался — что-то говорят про родинку его жены, ну и, не долго думая, приварил оператора кефиром по кумполу. Рваная рана, кровь с кефиром... Наверное, тебя пошлют в Пудино к Фузееву. Там ничего этого нет, — Михал Иванович обвел рукой столики, бочки с пивом вдоль стены. — Из табаку там «Пушка», наверное, сорок первого года выпуска, махорка и капитанский табак. Курил махорку, так кашлять стал, мешаю с капитанским. Адская смесь, но от комаров помогает: насквозь продымился.

— Мишка, переходи в Сургут, нам геолог нужен!

Он поднял руку и потряс ею: потом поговорим.

— Когда пиво холодное — жизнь прекрасна.

Оказывается, была у Михал Иваныча большая мечта — открыть нефть в новом необжитом районе, где раньше никому неизвестно было, есть она там или нет. И другая мечта, поменьше — в шестьдесят лет выйти на пенсию и поселиться в маленьком научном центре. Но не в Новосибирском академгородке — он казался ему слишком большим. Ему нравился город Дубна, о котором много писала «Комсомольская правда». Хотелось, чтобы вокруг было много молодежи, причем молодежи ученой, идущей по тропе науки. В мечтах виделась ему тихая парная река с играющей рыбой, туман, теплый рассвет. Но сначала надо было увидеть нефть, свою собственную нефть. Конечно, он видел примазки нефти по трещинам в керне. Но ведь хорошо известно, что настоящая живая нефть почти не оставляет в породе следов. Так, только легкий запах бензина в расколе и вытяжка в хлороформе цвета крепкого чая. «Ну вдарь, вдарь, — думал он, разламывая керн по трещине, — пусть рванет, пусть, пару ребер не пожалею ради такого дела. Провести бы пальцами по темной струе в желобе, чтобы она вздрогнула, как живая!»

Вторая мечта спрятана глубоко внутри. Но изредка он позволял себе помечтать о подмосковном научном городке. До Западной Сибирской низменности — ЗСН он называл ее — поработал в Минусинской впадине. Понял, что там нефти нет. Огромные размеры ЗСН оставляли некоторую надежду.

На этом месте его рассказа у нашего столика появился хмурый человек в толстом, грубой вязки свитере: «Переходи к нам, Миша. В Сургуте наконец-то опорную скважинку закручиваем». Я упивался новыми для меня буровицкими словами — башмак колонны, цементный стакан. Техницизмы с бытовизмами.

Михал Иваныч медленно тянул светлое бочковое пиво, и глаза его светлели.

— Погоди, Рауль Сабирыч, со своим Сургутом. С пятьдесят второго года не могут забуриться. Кстати, побывали наши бурилы во Франции, рассказывали про Париж. «Молодцы французы! Смонтировали буровую в центре Парижа». На следующий год снова приехали. «Что нового в Париже?» — «Да ничего нового. Когда еще закончили вышкомонтажные работы, до сих пор нулевку не забурили».

— Почему так плохо работают? — Рауль Сабирыч не врубился в анекдот. Михал Иваныч слабо улынулся, повернулся ко мне, достал блокнот. Премудрости нефтяной геологии он пытался постиг-

нуть чистой логикой, практическим опытом и мужицким здравым смыслом.

— Как вводятся поправки? Рассказывай, но представь, что я ничего не знаю. Ни-че-го! Но только без формул.

— Без формул нельзя.

— Но ведь формулы больше для красоты, — неуверенно сказал Михал Иванович. — Геология-то простая — всю территорию низменности покрывает глинистая толща турон-палеогенового возраста; под ней километровая толща глинисто-песчаных пород юры и мела, в том числе пачка песчаников сеноманского яруса мощностью 200–400 метров.

Мы вышли из пивной. Рауль Сабирыч не отставал от нас. Ветер от реки раздувал комарье. Все-таки стемнело, но вода реки будто светилась.

Михал Иванович протянул мне флакон репудина:

— Под бровями не мажь, в глаза попадет.

Я не удержался: «Река раскинулась, течет лениво и моет берега. Над скудной глиной желтого обрыва в степи грустят стога».

Рауль Сабирыч повернулся ко мне:

— Ты! Романтик-херомантик! По-э-зия! Да этот романтизм до первого ревматизма. Запомни, парень: здесь с этим не считаются. Здесь этим пре-не-бре-га-ют.

Мы спустились к Оби, хватаясь за прутья ивняка. Я разминал в пальцах вязкую комковатую глину.

— Чеганские глинки, — сказал Михал Иванович, — тянутся от Урала до Енисея.

Рауль Сабирыч съехал за нами по откосу на крепких кривых ногах. Я глянул на него и сказал назло:

— Долицкий нам читал: «Как близорукий шах над перстнем бирюзовым, над книгой влажных глин, над книгой земной, которой мучимся, как музыкой и словом».

Михал Иванович остро глянул на меня, давая понять, что оценил стихи:

— Это уж точно геолог писал. Осенью поеду в отпуск, к сестре в Краснодар. Буду в оперетту ходить.

Он метнул в воду плоский камень. Тот удивительно далеко полетел. Михал Иванович считал блинчики.

— В Сургут так в Сургут, Рауль Сабирыч. Как решат партия и правительство.

В гостинице мы далеко за полночь проговорили под грохот сапогов подвыпивших буровиков. Михал Иванович достал кипятильник, заварил индийский чай со сломом.

— Если мясо-рыба йок, знаешь нашу пищу — утром чай, в обед чаек, вечером чаище.

— Михал Иванович, кто такой Эрвье? Только и слышишь — Эрвье, Эрвье, Эрвье.

— Мощный мужик. Юрий-Рауль Георгиевич. Лицо римского сенатора, говорит значительно, как грузин, хотя корни французские. Геолог по образованию и призванию. В войну — гидросапер, бурил для армии артезианские скважины на воду. Потом работал в Молдавии, но потянуло в Сибирь. Сначала — в Коркино, на Южном Урале искал нефть. Там я с ним и встретился. Такие мужики — один на тысячу. Через голову начальства вышел на Москву, выбил десять двухквартирных домиков, два грузовика, лично привез со Сталинградского тракторного шесть С-80. Ему звонит Шиленко Афанасий Кузьмич, управляющий, бывший буденовец с сабельным шрамом на лице и орденом Боевого Красного Знамени на груди: «Отдай два трактора». — «Нет!» Шиленко приехал в Коркино с замполитом Чеболтаевым. «Кто за то, чтобы Эрвье снять с работы?» В зале ропот. И Шиленко забирает Эрвье главным инженером. Недавно возглавил Тюменское геологическое управление. Объединил буровиков с геофизиками. Те упирались — «долото сомнет геофизику», а куда они денутся от папы Юры.

— Вы, Михал Иванович, напоминаете мне Дика Сэнда, пятнадцатилетнего капитана.

— Скорее, пятидесятилетнего. Я ведь из беспризорников. В войну в Магадане работал на обогатительной фабрике. Я уже вольняшкой был. До меня техником по учету оборудования работала жена механика. На работу она приходила в белом платье и на стул надевала чехол. У меня же чистыми были только глаза и зубы. Однажды полетел вкладыш подшипника. А лимит на олово и баббит выбран. Директор повесил объявление: «Имеющие посуду и предметы алюминиевого происхождения просьба сдать в обмен на эмалированную и фарфоровую посуду». Конечно, никакой такой посуды у него не было. Форму сделали. Глину прорвало. Когда всё сделали, тут же в дробилке повалились у валков. Спали, пока слесаря подшабровывали, — и снова за работу. Да ты уже спишь, друг сердешный!

Пудинская опорная скважина в Обь-Иртышском междуречье — одна из самых удаленных. Туда надо добираться по Оби до реки Нарым, по Нарыму — до реки Парабель, а по реке Парабели — до маленькой речки Чузик. Говорили, что в Нарым ссылали кулаков, а в Пудино — самых ярых вражин. Одна из буровых закладывалась еще севернее, в Сургуте, туда-то и звали Михал Иваныча.

Слава богу, Михал Иваныч упросил каротажников из Средне-Обской экспедиции взять меня на АН-2. Они везли на скважину перфоратор. Впервые в жизни я летел на самолете. Перфоратор катался по полу и лупил по ногам. Реки проплывали за окном, реки и болота. Простые имена на карте: Круглое, Чебачье, Щучье озера, Плотбище, река Ивана Степановича, села Комаровы, Асмановы.

— В тайге можно бурить только по рекам, а в тундре — везде, — учил меня вчера Михал Иваныч в колпашевской пивной «Волна».

В Пудино я напросился на квартиру к Ивану Карпычу. Он на скамеечке у палисадника строгал новую палку — пожаловался мне, что у старой палки из черемухи этой весной ручка разогнулась. Иван Карпыч звал меня Гришкой, как сына, который *погинул* на войне.

Записи в календаре старшего геолога Пудинской нефтеразведки Семена Михайловича Фузеева:

1. Сварщик.
2. Фланцы 3 дюйма.
3. Лошади + ГСМ.
4. О наливнушке, о паузке.
5. Олифа, листовое железо, габардин, соль.

— Видите, тезка, чем приходится заниматься, — сказал Фузеев. — Но я покажу вам керн. Смотрите, какие глины — малиновые, даже розовые, я бы сказал — тонкоцветные.

— Много марганца, — важно сказал я.

— У меня к вам просьба — купите мне двухтомник старого Наливкина, Дмитрия Васильевича, — «Учение о фациях». Я упиваюсь его стилем: «В ордовикское время на Урале было темно-синее теплое тропическое море». Темно-синее! Найдете — век благодарить буду. Я хочу чувствовать породу. У слоя может быть какой угодно облик, лицо, фэйс-фация, но если в этом и еще в каком-нибудь слое одни и те же органические остатки, эти слои одновозрастные.

Наши новосибирские ученые Гулари и Ростовцев выделяют свиты с диахронными, то есть несинхронными, границами кровли и подошвы. Они против член-корра Сакса пошли. Нашли нефтематеринскую битуминозно-глинистую баженовскую свиту в верхней юре — берриасе. Гулари выделил в глинах пятьдесят разновидностей. Я хочу погрузиться в литологию.

— Я о Ростовцеве слышал от Варачева. Вы его знаете?

— Знаю. Так же, как Ростовцева Николая Никитича. Это ленинградец, окончил Горный институт. Его группа готовила проект бурения сеньюковских опорных скважин. Потом он переехал из Ленинграда в Новосибирск. Наша Пудинская опорная тоже не имеет успеха. Сургутская опорная, наверное, будет последняя.

5

*Как будто кланяясь Христу,
Вхожу в избу, пригнувшись низко.
— Вам чай да сахар!
— Вот те стул,
Вот ложка, хлёбальная миска.
Хоть ешь щербу, хоть брагу пей.
Да не сымай ты, парень, бродни!
Поймал кого?
— Пять штук язей.
Мне очень повезло сегодня.
— Ну, чтоб всегда тебе везло!
Резную поднимаю ложку
Рукой, тяжелой, как весло.
Дед долго крутит «козью ножку».
Люблю обычай я простой,
Чтоб без особенных приличий —
Еда, какая есть, — на стол,
И эти дедовские притчи,
Как оmyвает дождь Луну
По четвертям, до самой полной,
И про отеческу войну,
И, ты не помнишь, стары войны.
Мы до полночи говорим —
Геологи такие гости —
Какой суровый край Нарым.*

— А я детей в России рóстил, —
Дед говорит, — сослали нас,
Зажиточных хозяев то-есть,
В горячу пору, третий Спас.
И началась другая повесть:
Где молотяга? Кони где?
Какие это были кони?
Где эти кони? Где оне?
Где эти кони? Далеко они.
Да ты уж спишь, как я гляжу.
А я усну ли — и не знаю.

Укрывшись с головою, я лежу
И, спящим притворяясь, засыпаю.

Последняя строфа у меня сначала была в духе того времени — «враг», «обрез».

Но Люся сказала:

— Ты хорошего человека обидел, — и ножкой чудной дрыгнула.

6

Хрущев сказал правду о деревне в сентябре 1953 года, когда был избран первым секретарем ЦК КПСС. Продукции сельское хозяйство давало меньше, чем в 1913 году. Колхозники жили за счет приусадебных участков. Натуральную повинность взымали заготовители — около миллиона человек. Остатки крестьяне продавали — нужно уплатить подати финагентам и расплатиться за облигации госзайма. Колхозник мог держать только одну корову, податью облагалось каждое плодородное дерево — поэтому сады вырубались. Хрущев предложил больше платить колхозникам, снизил налоги. Простая вещь — материальная заинтересованность! Хрущев настоял на освоении целинных земель Казахстана и юга Сибири. В феврале 1956 года на XX съезде партии он выступил с докладом, разоблачающим культ личности Сталина, а в августе стало ясно: целина даст рекордный урожай. Прирост промышленной продукции составил 11%.

Кажется, Никита Сергеевич сам не ожидал этого — очень быстро выросло производство зерна, молока, мяса. Дальше будет еще лучше — в решениях январского, 1956 года, пленума — пункт о

широком внедрении кукурузы! Объявлена цель — сохранить достигнутые темпы и за 3-4 года догнать Америку по мясу, молоку и маслу. Разумелось, что американцы будут стоять на месте. Мнение специалистов, что по мясу СССР сможет догнать США только в 1975 году, Хрущев отверг как бюрократическое.

Иван Карпыч сказал мне, что с нынешнего 1958 года отменены обязательные поставки продуктов со дворов колхозников. Перед моим отъездом он надумал написать письмо о «способии», то есть «пензии», и чтобы я отдал его Хрущеву. В ту пору пенсия колхозникам была не положена. Письмо от Ивана Карпыча о «пензии» знающие люди посоветовали мне сбросить в почтовый ящик большого дома, что на Старой площади, что я и сделал.

Право на небольшую пенсию колхозники получили лишь в феврале 1964 года.

7

Тема моей дипломной работы — «Перспективы нефтегазоносности Обско-Иртышского междуречья». Семен Михайлович махнул рукой.

— Перспективы... Когда-то Каганович взял красный карандаш, линейку и отмерил сто километров к северу и к югу от Транссиба — искать нефть здесь! Найдете — пригоню вагон армянского коньяка. Не найдете... Понятно? Перспективы...

— Но ведь есть газ в Березово на севере. Я читал — там Петр Великий повелел сделать острог для государственных преступников, и первым был Алексашка Меньшиков.

— История такова. Сталин умер, и Берия решил полностью закрыть работы на нефть и газ на севере Западной Сибири. Хватай мешки, вокзал поехал! Оборудование перевозили в европейскую часть. Две недобуренные опорные ликвидировали. Вообще запретили работать к северу от Ханты-Мансийска. Сейсмопартии из Березово убрали. Березовская опорная должна была стать последней. Местоположение по проекту — Казымская культбаза. Но река Казым обмелела. Баржи с оборудованием не могли дойти до точки заложения. Тогда начальник буровой партии Быстрицкий сдвинул ее на два километра к югу. Вскрыли фундамент на полтора километра выше проекта. Потом Быстрицкого сняли.

— За перенос точки?

— Нет. Дело вот в чем. В опорной скважине сейсмокаротаж входит в обязательный комплекс. Геофизики ушли обедать — приготовили всё для взрыва. Пришел техник, снова заложил заряд, врубил детонатор. Двое погибших. Вот от греха подальше Эрвье перевел друга своего Быстрицкого на юг, в Покровку, кстати, родину Гришки Распутина. Ладно. По каротажу пластов нет, но Березовская скважина — опорная, надо испытывать через колонну. Правда, был подозрительный пластик — с метр. Но как при простреле перфоратором точно попасть в него? Лев Ровнин, новый главный геолог треста «Тюменьнефтегазгеология», предложил испытать объект открытым забоем, без перфорации. Есть опасность — колонна висит, может оборваться. Бригада после разбуривания цементного стакана в башмачной части начала подъем бурильных труб после промывки без долива глинистого раствора в скважину. Вдруг — выброс раствора, потом — газовый выброс, двести метров буринструмента пролетело через секцию вышки. Фонтан взревел. Прибыло начальство — тюменское, московское. Вышка — ледяная. Одного москвича убило куском льда — касок в то время не было.

На устье скважины не было фонтанной арматуры, был снят превентор, перекрывающий колонну в случае необходимости. Если бы всё было по правилам, скважину задавили бы глинистым раствором и открытия не было. Никто в Тюмени никогда не работал с нефтью, тем более с газом. Как определить дебит? Взяли от трактора медную трубку, от единственного в Березово сепаратора — манометр, соорудили трубку Пито. Дебит газа — более миллиона кубометров в сутки, воды — тысяча кубометров в сутки. Возникло предположение, что газ — в трещинах гранитов фундамента.

Быстрицкого, теперь героя дня, вернули в Березово — ликвидировать аварию. План глушения: запасти большой объем глинистого раствора, убрать вышку и расчистить устье. На одном из отводов перекрыли задвижку. В другой отвод насосы качают раствор. Это легко сказать — скважина заглушена...

Пятьдесят первая по счету поисковая скважина открыла Западнo-Сибирскую нефтегазоносную провинцию. Что тут началось! Министр Байбаков требует увеличить объем работ в районе Березово. Сейсмпартии возвращают в Березово. Открыли несколько газовых месторождений, протянули газопровод в Свердловскую область...

Я собирался ехать на работу в Западную Сибирь — по договору, с сохранением московской прописки. Три года — кооперативная квартира. Еще три года — машина. Ехать собирался к Варачеву, к Фузееву, к Ивану Карпычу. Эрвье, Быстрицкого, Ровнина я знал по рассказам.

Глава 7. Вперед, на Луну!

1

Натянули антенну, врубили приемник, и над площадкой №2 — «бип-бип-бип». Королев понимал, что означает это «бип-бип-бип», и хотел, чтобы все на полигоне это понимали. На митинге он говорил высоким штилем, несвойственным ему, и голос его срывался:

— Дорогие товарищи! Сегодня свершилось то, о чем мечтали лучшие умы человечества! Пророческие слова Константина Эдуардовича Циолковского о том, что человечество вечно не останется на Земле, сбылись...

Испытателям выдали по чайнику спирта.

Ночью Королев полетел в Москву на любимом Ил-14 с любимым, и не только за фамилию, командиром корабля Анатолием Есениным. Тот вышел из пилотской кабины:

— Мир гудит, Сергей Павлович: спутник, Россия...

Хрущев прямо сказал:

— Близится сорокалетие Октября.

Королев хорошо понимал политику:

— А что, если запустить спутник с собакой?

— Давайте собаку! Собаку! Но к празднику!

Этим делом занимался сам Благоврагов. 3 ноября второй спутник с собакой Лайкой ушел в космос. Он передавал биение собачьего сердца.

В третьем спутнике, уже с приборами, Королева больше всего интересовали солнечные батареи. Что касается моделей стратосферы, Королев в споры не вмешивался. Его дело — поднять приборы в космос, а модели — это ваша работа.

Пуск неудачен. Едва поднявшись, ракета с третьим спутником пошла кувыркком. Об аварии у нас не сообщили. Второй экземпляр этого спутника — «летающая лаборатория» — стартовал без подключений 15 мая 1958 года. Вот и получилось, что спутник с аппаратурой мы запустили через три с половиной месяца после «Эксплорера-1». Физику Сергею Вернову этот запуск принес мировую славу — открыта внешняя зона радиационного пояса Земли.

2

Королев понимал: теперь надо добраться до Луны. Устинову Луна совершенно не нужна. Союзник Королева — Келдыш. Если нарастить «семерку» еще одной ступенью, то она может уйти к Луне.

Январь 1958 года. Келдыш и Королев пишут в ЦК письмо: есть две задачи лунной программы: первая — попасть в видимую поверхность Луны, и вторая — сфотографировать ее обратную сторону. И в том, и в другом случае надо быть первыми! Королев еще в Германии говорил: «Мы этому фон-браунишке нос натянем».

Легендарное совещание по лунникам у Королева:

— Товарищи! Мы получили задание: доставить герб Советского Союза на Луну! Срок — два года. Совещание объявляю закрытым.

Первые запуски лунника терпят неудачу. «Семерку», которую нарастили лунным блоком «И», вскоре после старта начинал бить непонятный *колотун* (слово Ярослава Голованова), и ракета разваливалась. С этим разобрались только после испытаний на огневых стендах у Глушко.

К концу 1958 года ракета-носитель для лунника готова. Готов и стартовый комплекс. Теперь вопрос — как доказать, что мы попали в Луну? Для полета на Луну нужна надежная двусторонняя радиосвязь: космос — Земля, Земля — космос. Приборист Рязанский занимался радиоуправлением с Земли. «Старый мыш, мудрый мыш», — в шутку говорил о нем Королев. Но «мудрый мыш» отставал. Королев нервничал: он хотел пустить лунник к новому 1959 году. Поставили на лунник самодельный выпел с датой и гербом. Время шло, а «бобы» (так называют на полигоне неожиданные помехи) вылезали один за другим.

В Луну ракета не попала — прибористы подвели, но блок «И» экзамен выдержал. Промазали совсем немного — на 5000 километ-

ров. Мы не смогли признаться, что программа полета не выполнена. Журналисты назвали «Луну-1» «мечтой». Королев стерпел — для пользы дела.

Потом — неудача за неудачей. Королев не дал отложить программу: «Тогда американцы нас обгонят». Этот довод действовал. «Луна-2» стартовала 12 сентября 1959 года. На Земле засекли натриевое облако, выпущенное последней ступенью ракеты-носителя. Стук метронома на луннике оборвался сразу после полуночи. «Луна-2» попала в склон одного из кратеров к востоку от моря Ясности.

*О, первый дым строений плотных,
О, звездный небосвод-кроссворд!
Я пробую, как старый плотник,
Ладонями пилы развод.*

Эти несовершенные строки отвечали ожиданиям того времени.

3

На следующий день после того, как наша ракета врезалась в Луну, правительственный Ту-114 прибыл на военный аэродром рядом с Вашингтоном. Хрущев ликова! Глядя прямо в глаза Эйзенхауэру, сказал ему об успехе нашего лунника. Радость свою продлил в Белом доме, когда вручал генералу копию вымпела с нашим гербом — шарик наподобие футбольного мяча, составленный из металлических пятигранников:

— Контейнер с вымпелом, где изображен герб Советского Союза, доставлен на Луну! Несмотря на свое очевидное первенство, мы не претендуем на Луну и своей территорией ее не считаем.

Это был хороший футбол!

Домой Никита Сергеевич возвращался по суше и морю, через американский Дальний Запад. Ему очень понравился город Сан-Франциско, а в этом городе — висячий мост Золотые Ворота через залив — серебряное копьё, устремленное к океану. И Владивосток ему понравился — маленький, закрытый, уютно спрятанный в сопках город. И бухта Золотой Рог ему пришлась по душе, Спортивная гавань, где качаются яхты.

Приморскому партийному секретарю сказал:

— Говорят, здесь виноград растет, как в Крыму.

— Широта-то крымская, а долгота колымская.

— Вот что, Штыков, надо превратить город в советский Сан-Франциско. — Тряхнул кулаком. — Надо сделать его визитной карточкой Советского Союза на Дальнем Востоке. Что для этого нужно?

— Прежде всего нужна строительная база.

— Будет тебе Главвладивостокстрой.

— Нужен мазут для флота.

— Я вам уже говорил: нефть из Туймазов не погону. — Голос сорвался. — У себя пошуйте. Может, и найдете топор под лавкой. И не надо нефть гонять по длинной трубе.

Не сказал, что сами могли додуматься.

— Вот так, крестьяне.

И первый секретарь ЦК КПСС, прицелившись золотым пером, подписал указание о создании Суйфунской нефтяной партии.

4

А что же американцы? После запуска на орбиту «Эксплорера-1» фон Браун знает весь мир. Он — человек года, журнал «Тайм» поместил его портрет на обложке январского номера. Эйзенхауэр вручал ему медаль «За выдающиеся заслуги» — высшую награду для гражданских служащих.

В начале 1958 года фон Браун в Пентагоне участвовал в обсуждении лунного проекта. Он предложил построить большую ракету-носитель. Появилось название «Аполлон» — применительно к суперносителю и к лунному кораблю.

В июле 1958 года создано НАСА — Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства. Попытки запустить лунник не удаются ни летчикам, ни группе фон Брауна. «Рейнджеры» тщетно пытаются провести телесъемку Луны с близкого расстояния. Правда, «Ranger-4» сумел упасть на обратную сторону Луны. Только через два с половиной года после нашей «Луны-2» американская станция достигла спутника Земли.

НАСА запускает проект «Меркурий» — вывести в космос корабль с человеком на борту. Для этого нужна команда фон Брауна с готовой ракетой «Редстоун» и проектируемым «Сатурном».

В июле 1960 года начал работу гражданский Центр космических полетов имени Маршалла, в составе которого — Редстоунский арсенал. В Хантсвилле начались испытания новой ракеты «Сатурн-1».

В статье, напечатанной в еженедельнике «Америкен уикли», фон Браун создает миф о себе — «Человек космоса: история моей жизни». Он рассказал о том, как он, человек, преданный науке, был арестован гестапо по приказу рейхсфюрера СС Гимmlера из-за увлечения космическими ракетами. Фон Браун писал: «До нас доходили слухи о жестокостях в концлагерях. Поначалу в них было невозможно поверить». Он не вспомнил о своих посещениях концлагеря «Дора».

В сентябре 1959 года, когда советский выпел попал на Луну, фон Браун осмелился появиться в Лондоне.

Английский репортер:

— Как вы теперь относитесь к своей работе во время войны и к последствиям, которые она имела для моей страны?

Фон Браун:

— Я очень сожалею, что наука была использована во зло, но старая английская поговорка гласит: «Права моя страна или нет, но это моя страна», и это относится также и к Германии. Лондон всегда был моим любимым городом. Я сожалею о случившемся.

Его закидали тухлыми яйцами.

Вскоре новый скандал с фон Брауном. В Вашингтоне — премьера фильма студии «Коламбия пикчерз» «Я стремлюсь к звездам» с Куртом Юргенсом в роли фон Брауна. Пикеты, демонстрации в Лондоне, Нью-Йорке, Мюнхене. В Бельгии, Голландии фильм запрещен, в Мюнхене освистан левыми. Пикеты в Лондоне, демонстрации в Нью-Йорке.

Через тридцать один год философ Мераб Мамардашвили скажет: «Если мой народ выберет Гамсахурдия, то я буду против моего народа». Он умрет от инфаркта в аэропорту Внуково после того, как грузинские националисты не пустят его на рейс в Тбилиси.

Королева по-прежнему никто не знает. Он мистер Икс, никому не ведомый главный конструктор. В прессе появлялись статьи какого-то профессора Сергеева — никто не знал, что это Королев. Его выбирают в академики, он получает квартиру, ему строят особняк в Останкино. Очень часто Королев решал вопросы с Хрущевым или Косыгиным через голову Устинова. Конечно, он понимал, что

никто ему не даст столько денег, сколько дают военные. В 1959 году, уже после лунников, начались испытания сверхдальних ракет в акваторию Тихого океана. Военные успокоились.

По Луне: надо решить вторую задачу лунной программы — сфотографировать обратную сторону Луны. Это оказалось труднее, чем попасть в нее. Ведь чтобы навести на Луну фотоаппарат, надо привязать лунник к каким-нибудь небесным ориентирам. Как это сделать — Пера мaa, земля неведомая. Никто в мире не знал, как решить эту задачку. Но именно такие задачи увлекали Бориса Раушенбаха. Он пришел к Келдышу: «Я хочу разобраться в этом деле».

Королев сказал Пилюгину:

— Значит, ты отказываешься делать систему ориентации? Хорошо. Тогда я передаю ее Раушенбаху.

— Он не сделает...

— Он сделает... уже в этом году!

У Раушенбаха ставка на молодых — двух Жень — Башкина и Токаря. Токарь предложил красивую идею: для ориентации одной из осей спутника по земной вертикали, то есть по направлению к центру Земли, нужен прибор, чувствительный к инфракрасному излучению поверхности нашей планеты. Раушенбах подхватил: надо сканировать таким прибором эту границу и отстроить ИКВ — инфракрасную вертикаль. Еще Токарь придумал аналог гирокомпаса, который позволяет спутнику лететь только носом вперед. Раушенбах, используя эти идеи, создал теорию ориентации для орбитальных объектов. Новая система своим «кормовым» оптическим датчиком найдет Солнце, а потом «носовым» датчиком найдет Луну и уже не будет выпускать ее из виду ни в каком случае.

Раушенбах решил не строить никаких математических моделей, а сразу сделать вещь, которую можно пощупать и убедиться, что она работает. Он сел и нарисовал коробочку, и она ожила, как в «Театральном романе» Булгакова. Провода, резисторы, конденсаторы и прочее покупались в магазине «Пионер» на улице Горького. Когда Женя Башкин увидел, чем занимается Борис Викторович, он решил, что тот — авантюрист. Рассказал шефу о своих подозрениях через несколько лет, когда оба получали за систему космической ориентации «Луны-3» Ленинскую премию.

Идея работала и в межпланетных станциях. Их ориентировали по Солнцу и яркой звезде южного полушария Канопус.

Глава 8. Поезд идет на восток

1

Я собирался ехать на работу в Западную Сибирь — вместе с Рено Арутюняном, Валей Соболевым, Галей Габелко, Юрой Перемышцевым. Теперь Юра считал себя не вторым, а четвертым гитаристом в стране — после Иванова-Крамского, Гремينا и Кузнецова.

Между тем Вадик Тихомиров завел разговор об утке-мандаринке, об арсеньевских местах, о Сихоте-Алине, о самом юго-востоке страны, самом ее краешке. Места в Приморье были недоговорные. Не хотелось бросать московскую комнату, оставлять одну сестренку. Вадику что — он подмосковный, из поселка «Заветы Ильича».

— Пойми, московской прописки у меня не будет... никогда.

— Зато утку-мандаринку увидишь. Нарядные такие красногрудые уточки, на деревьях живут. Обитают только в Приморье. Будем жить на берегу Тихого океана. Отгрохаем виллу на берегу Тихого океана: ванна, эстонские халаты с кистями. Камин, конечно, камин. Женишься. Представляешь — вечером сядешь у камина, будешь читать Мелвилла, смотреть на огонь, слушать Гершвина — «К нам в дом вошла любовь, и стало светло...» Или же: «Вечер, шумит у ног морской прибой».

Какой прекрасной была Москва в то лето! Как пряно цвели липы и прохладны были подворотни. Продавщицы в булочной на Сретенке здоровались со мной. Французские булки были с неровной поджаристой корочкой посередине; калорийные булочки с толченым арахисом обсахарены; рижский хлеб, посыпанный мукой, заворачивали в бумагу. Нести его полагалось, отведя в сторону руку. Запах теплого хлеба плыл вниз по переулку, смешивался с запахом карбида. Домовит и уютен был город. Неслись вниз машины с Рождественского бульвара на Трубную, к бульварам и Неглинке, и город хотел удержать меня этим спуском, дождем, после которого запах липы заплывал на площадь.

Свечка, маленькая хозяйка, — в мамином переднике с петухом. Мама так делала когда-то: губами прикасалась к моему лбу — не захворал ли? Она остается одна в большом городе.

Волик уходил на «Витязе» — порт приписки Владивосток. Тетя Корочка говорила:

— Зачем тебе это нужно, Сенечка? Бросать Москву, Светочку, комнату, наконец. Зачем тебе терять московскую жилплощадь. Ты просто не представляешь себе, что значит потерять постоянную московскую прописку.

Дядя Андрюша сказал:

— Сеня вступает в жизнь в такое прекрасное время — первый год новой семилетки!

Заваривались сразу три чайничка, зажигался свет под оранжевым абажуром, подавалось варенье в розетках — из кондитерской на Кировской, рядом с кафе «Ландыш», и домашнее — из лимонных корочек, райских яблочек, и сухое киевское — цукаты.

Я уходил домой, взяв почитать заботливо завернутые в крафт-бумагу книги — «Цвета минералов» Ферсмана и «Рисунки Пушкина» Цявловской. Лежал, заложив руки за голову. Но настоящая звериная тоска пришла перед самым отъездом, когда выписывался и вдруг дошло — я никогда не вернусь в родной город.

Скоро мы получим пропуска в закрытый город Владивосток, в долину реки Суйфун, где Уссури-Ханкайский линеамент (красивое слово!) пересекает Сихоте-Алинь, как полоса света от проходящей по переулку машины, дрожа, продвигается по потолку нашей комнаты. Как-то занесло нас на Арбат, в тихий музей Скрябина. Будто в гости пришли — уютная прихожая с венецианским фонариком. Здесь Ван Клиберн играл. Абажур, круг света выхватывает сидящих за столом, яблоко на подоконнике. На конторке огромные страницы «Предварительного действия». На нотном стане — летящие штрихи, над конторкой — подкова.

Паша Флоренский собирался в провинцию Хейлуцзян — советско-китайская экспедиция. Из книг взял томик «Евгения Онегина».

— Тебе хватит этого на весь сезон?

— Да этого на всю жизнь хватит!

И началось!

— *Ей р-рано нр-равились романы,
Они ей заменяли всё.*

И Паша подхватывал:

— *Она влюблялася в обманы
И Ричардсона, и Руссо...*

Отец Вадика Иван Сергеич был проводником в нашем вагоне поезда номер один «Владивосток — Москва». Приговаривал: «Омск — Томск — Ачинск — Москва — Чита — Челябинск! Ухта — Инта и Воркута, и далее везде! А поезд шел — чик-чик-чик-чик — в Чикаго!»

Иван Сергеич сказал: «Сейчас будет Пермь. Здешние говорят — Пермь, Пермь».

На перроне торговали калеными семечками, земляникой в кулечках, шаньгами: «Кому шаньги, кому горячи картонны шаньги?» Еще тонированным гипсом торговали — Василий Теркин с гармошкой; у хозяйки Медной горы глаза — как ласточки: «Что, Данила-мастер, не выходит каменный цветок?»

Иван Сергеич любовался нами, шутил на пермский манер:

— Ешь-ешь, кума, я не гляжу, что ты девятую шаньгу доедаешь.

Позже я узнал, что у финноязычных вепсов (раньше их звали «весь»), и ныне живущих между Ладогой и Онегой, есть такое понятие — *Пера маа*, означающее «дальняя земля», «далекая земля», «берег дальний», Заволочье («чудь заволочская», земля за волоком, за холмом, за бугром). Просторечное «Перемь» ближе всего к корневому «Пера маа». Может быть, глухой звук зазвенел колокольцем — перемь стала бьярмой, биармией — тайна в этом. Марина Цветаева придумала такое слово для обозначения российской глуши — Чермь. Может быть, она соединила названия двух городов — Пермь и Чердынь.

Новгородские дружинники проходили через страну вепсов — махнули рукой на юг: «Что там?» — «Там? Ээсти маа, Эстония, ближняя земля»; на восток — «А там что?» — «Пера маа», дальняя земля». Зазимовали новгородцы на реке Вычегде и назвали это место Пермью Вычегодской, а один из притоков реки — Вишерой, в честь новгородской речки. Ласкало слух на чужбине родное слово — Вишера. Потом новгородцы проникли в верховья Камы. Её большой левый приток они, не мудрствуя лукаво, снова окрестили Вишерой, а ее приточек, для разнообразия, — Вишеркой.

А откуда появилось это имя — «Пермь Великая»? Сюда вел путь не только с запада, но и с юга — от Каспия, теплого хазарского моря. С юга шли сюда золото и серебро, а на юг уходили меха, драгоцен-

ная рухлядь. Но никогда не было могучей страны на северо-востоке Европы со столицей в Чердыни. А громкое имя — Пермь Великая — есть. Откуда оно?

Может быть, дело тут в псковском следе? Скорее всего, псковичи назвали дальнюю страну Пермью Великой в честь реки Великой, впадающей в Чудское озеро около Пскова? Есть в тех краях и маленькая речка Чудово. Чудское озеро, чудь. Пермь Великая! Мы пскопские!

Однажды в «гармошке» — длинном автобусе номер 45, идущем на пермскую окраину Крохалевку, слышал я такой разговор:

— Чего молчишь, Ваня? Говорю: хорошо до чего на даче-то!

Ваня молча погрозил пальцем.

— Ты чего, Вань, чего? Я говорю: на речке хорошо, на Чусовой!

— Чего хорошего-то?

— Как чего хорошего? Птички поют.

— Птички щебечут! Говорю тебе — не то слово!

— А какое слово — *то*?

После затяжной паузы было значительно сказано, с поднятой рукой:

— Урал. Понял? Ур-рал, Перемь! Мы — с Урала. Понял? А то — птички тюх-тюх, листики шорх-шорх...

Человека создают холмы, реки, леса, дома, ветры. Слово «Пермь» было сказано именно так, как оно произносилось в древности: Перемь, Пера маа. Оно отвердело в языке землепроходцев, которые прошли через страну вепсов и понесли это слово на восток — Пермь Вычегодская, Пермь Великая. Внучка моя в первом классе писала его с двумя мягкими знаками — «Перьмь» — и получается имя, теплое, как варежка. Борис Пастернак в «Докторе Живаго» придумал для Перми хорошее, с разливом гласных, имя — город Юрятин...

«Гений местности». Люди так и зовут себя — сибиряк, он же чалдон, или помор, или уралец, мы — пскопские, мы — вятские, мужики хватские. Так и пошли гулять по белу свету псковское слово «Великая», новгородское слово «Вишера», меняя значение и сбивая с толку историков и лингвистов. «Миграция топонимов» — вот как называют это явление историки. В России — четыре Переяславля, и все они стоят на реках, которые зовутся одинаково — Трубеж!

В конце концов москвиты и ростово-суздальцы вытеснили новгородцев и псковичей. Великий князь Василий Васильевич прислал в Чердынь наместника из подмосковного города Верея. И это на-

звание закрепилось на пермской земле, есть даже такое село — Вереино. И характерный слой пермских пород, установленный в этих местах, получил название «вереинская пачка».

«Пермь Великая» стала жить своей жизнью — «Красивое имя — высокая честь!» Имя — ведет, имя вытаскивает территорию.

Для тех, кто ищет Биармию — Пера маа — Перемь — Пермь, дальняя страна все время ускользает, смещается, отодвигается. На то она и дальняя страна. «О Русь, ты уже за холмом...» А что дальше, за другим холмом? Слово уходило всё дальше и дальше на восток.

Викинги искали Биармию, арабы — страну Вису, Вишеру. Севернее Вису была страна мрака Югра, народ которой торгует мехами. А еще дальше на севере — море, в котором плавают огромные рыбы с клыками — моржи. И всё это была Пера маа.

3

Пера маа, дальняя земля... Дальняя «землица», как писали в казачьих «скасах», то есть сказах, рассказах, донесениях по службе. До края континента и за краем его — дальняя земля, большие Камни за Уральским Камнем, большие реки, текущие на север.

1 сентября, в первый день нового 1581 года вверх по Чусовой и дальше по Серебрянке из Верхнечусовских городков двинулся отряд Ермака. Началось великое движение русских на восток. С Чусовой повернули на речку Серебрянку. Через 260 лет команда Родерика Мэрчисона прошла по пути Ермака в обратном направлении, и на речке Серебрянке перевернулась лодка, но были спасены драгоценные полевые книжки. Люди Ермака разведали путь на Обь через Средний Урал.

Впрочем, холмогорские торговые люди на Севере уже давно и сушей, и морем ходили на Обь, и дальше — к Енисею. На реке Таз возле Обской губы нашли «место удобное, накрепко, и водяно, и лесно» и там поставили не какой-нибудь острожек, а настоящий город с домами, кремлем-детинцем, посадом, двором воеводы, церквями, пушными ярмарками — город, обнесённый крепостной стеной со сторожевыми башнями — Мангазея, что значит «земля около моря». «Златокипящая Мангазея!»

Пожар спалил дочиста деревянный город. Остались сосны, ели, овраги, заросшие кустами смородины. Ненцы зовут это место

Тагеревхард — «разломанный город». Кто знает, как сложилась бы судьба этой земли, если бы не был закрыт торговый морской ход англичанам и голландцам в этот некогда мощный форпост России?

Из Мангазеи путь лежал на Лену. И открывалась за далью даль, и чаялось на востоке, далеко ли, близко ли Теплое море, дорога к пряным островам. Вслед за Ермаком еще до учреждения Сибирского приказа на восток до самого океана шли охотники, рыбаки, ремесленники, крестьяне «с топором в руке и с мешком семян на плече» и, конечно, искатели приключений — посмотреть, какие в «землях неведомых» живут «человецы незнаемые». Безмерное богатство было у них — не «государев ясачий сбор», а свобода, ее журавлиная тяга и извечная привычка к мужеству.

Какие суровые названия на древних чертежах: Жиганск, Шелопутино, Кличка, Урка! Места суровые — и нравы суровые. Зима — ранняя, весна — поздняя. Легкой работы нет, а есть работа, от которой кони дохнут. Люди понимали, как труден путь и как трудно жить на дальней земле. Но они были готовы к этому пути и к этой жизни. Громадные, столь трудные пространства нужно было удерживать малыми силами — казачьими линиями, и точно — острогами. Ерофей Павлович Хабаров нашел на Лене соляные источники, завел соляную варницу, распахал землицу, поставил мельницу, занялся пушным промыслом.

Илья Перфильев на кочах спустился по Лене до моря, добрался до устья Яны. Лена — Яна! За Яной тобольский казак Иван Ребров направил коч «морем вперед», открыл Индигирку, поставил острог. За Яной новый Камень, который позже назовут хребтом Черского. Иван Москвитин добрался до Охотского моря. Реку с эвенкийским именем Акат переделали в Охоту, и море стали звать Охотским. Охота вела казаков на восток, охота увидеть Теплое море, хмель дальней реки, дальней землицы! Кочи Москвитина прошли по Амуру до китайских постов. Казаки добрались до устьев рек Алазея и Колыма.

*Лена — Яна — Индигирка
— Алазея — Колыма!
Это дальняя землица,
Это Перемь — Пера маа!*

Стали поговаривать о том, что есть еще какая-то большая река к востоку от Колымы. Казаки челом били воеводе — дайте постро-

ить коч, мы пойдем искать эту реку. Челом били! Василий Бугор, открыватель Лены, просил выдать крупу, соль, толокно для похода, за что был бит прилюдно батогами. Потом был скандал — «воровской» побег казаков на далекую речку. Бугор с казаками ночью захватил коч и пустился вниз по Лене. По дороге отбирали снасти, паруса, где-то купили второй морской коч, добыли свинец, порох, промысловых собак, скот и говядину. За ними гнались служилые люди Стадухина на стругах и берегом на конях. Бугра настигли около Яны, в устье которой зазимовали и беглецы, и преследователи. Беглые казаки переходили к Стадухину, и он «своею дуростью» пошел на Анадырь сушей. Захватили коч и пошли морем на неведомую реку за Колымой. Не нашли ее и отправили горячего Юшку Селиверстова с донесением о достижении *Не-обходимого* мыса — он же Чукоцкий нос, Святой нос, Ледяной нос, мыс Дежнёва. Это восточная точка России, северо-восточная окраина Азии. Там он подал челобитную — просил отпустить его на новые реки, показывал отписку Стадухина: Юшке-де «морской ход за обычай». А Стадухин собрал отряд из самых надежных беглых, и Васька Бугор был среди них (потом его сманил Дежнёв). Добрались до Анадыря, пошли по «сторонним рекам». Они сделали первую лоцию Охотского побережья.

Русская волна с ошеломляющей быстротой шла на Камчатку, через Берингов пролив до Аляски, где главный форпост наречен был Новоархангельском. И морской путь Студеным морем от Северной Двины до Берингова пролива и дальше до Амура пробili наши мореходы. В русской Америке основан Форт-Росс — неподалеку от гавани Сан-Франциско. Россия осваивала Аляску и острова. На карте смешные названия: в группе Крысыих островов на Алеутской гряде есть маленький остров Кыска.

И японцы встревожились — послали экспедицию на почти безлюдный Хоккайдо и даже на Сахалин, Уруп, Итуруп.

А с другой стороны на запад из Монреаля продвигались шотландцы из Северо-Западной пушной компании, и лидером в этом движении были Александр и Родерик из клана Маккензи. Имя «Родерик» подсказывает возможное родство путешественников с Родериком Мэрчисоном. На картах остались река, залив, хребет с одинаковым названием — Маккензи.

Индейцы говорили, что видели в заливе белых людей. Они меняли на медвежьи шкуры изделия из железа. Встревоженные шотландцы поспешили выйти к океану, к которому они продвигались

не сто лет, как русские, а триста. Александр Маккензи: «Мы можем получить господство во всей торговле пушниной по всей Северной Америке от 48-го градуса до полюса, за исключением той ее части, которая на Тихом океане является владением России».

Илья Сельвинский:

Россия!

Я!

Ты вышла в океан!

4

На станции с названием «Ерофей Павлович», в том месте, где сибирская чугунка пересекает Урку, приток Амура, Иван Сергеевич в третий раз сменил нам постельное белье, принес в судках «рас-сольничек горячий со дна пожиге», добыл к нему в привокзальном буфете пирожки с медвежатиной.

Во Владивостоке он незаметно смахнул слезу, и мы расстались.

Вокзал так походил на Ярославский, что я невольно обернулся в поисках Казанского с золотым петушком на шпиле. И так захотелось в Москву! В Москву! В Москву! И вдруг в шесть утра — «Говорит радио Владивостока!» — и начали вызванивать позывные — вступление к «Хованщине», «Рассвет над Москвой-рекой». Мы шли, качаясь после недельной дороги. В ресторане «Челюскин» нам подали меч-рыбу. В киоске «Союзпечати» мы купили открытки — «Так цветет женьшень». Остановились в сто пятом номере гостиницы «Золотой Рог» — каютообразном, со скошенным потолком. Потом пошли куда глаза глядят.

— Где здесь у вас море?

— Море у нас везде.

И открылся нам край континента — Спортивная гавань открылась, где яхты качались, ближние звались «Полюс» и «Чилим», с красными буйками, с горящими на солнце окнами домов на том берегу Амурского залива. Волна, вздыхая, бежала вдоль берега, высунав язык, как легавая, и солнцем полна голова. В порту стояла у причала немагнитная шхуна «Заря» — длинный бушприт, медные ручки, отполированные ладонями поручни. На берег брошен трап, но медная вежливая табличка предупреждала: «Визитов нет». «Визитязь» уже ушел.

Ветер. Этот ветер называется бриз.

Мы ушли на косу, бросились в синюю соленую тихоокеанскую воду. Ушли, когда начался прилив. Утром облака повторяли очертания бухты. Морская зыбь напоминала поверхности раковин. На другом берегу Амурского залива солнце отразилось в окнах домов, и было больно на него смотреть.

Много раз мы еще будем во Владивостоке — увидим сквозь морось расплывающиеся красные огни на мачте телецентра, услышим, как рвут весной лед на Амурском заливе — сначала сирена, потом взрывы — у-ух! Вечером в день Военно-Морского Флота прожектор будет блуждать по набережной, выхватывая танцующих в праздничной толпе. Будет салют, и пепел от ракет будет медленно опускаться. Зимой Амурский залив будет усеян рыбаками; в буфете от ресторана «Лето» будут подавать подогретое пиво тем, кто возвращается со льда, и холодное — тем, кто идет на лед.

Но никогда мы не увидим Владик таким, как в то хрустальное августовское утро, когда радио вызванивало «Рассвет на Москва-реке».

Глава 9. Суйфун

1

Игорь Ипполитович Берсенов, главный геолог Приморского геологического управления, оглаживал свою ученую бороду, шурился, разглядывая цветастую геологическую карту Союза, персидским ковром висевшую на стене. В юго-восточном углу карты сошлись все цвета геологической легенды.

Берсенов шлифовал следующий блок разговора. Ничего он не мог понять в Мингео — родном министерстве. Сквозь плотный шум машин со стороны Пресни на Большую Грузинскую доносился странный звук, слабый, будто дальний скрип уключин. На старой территории зоопарка между прозрачными весенними деревьями даурский журавль, вежливо ступая бамбуковыми ногами, деликатно погружал длинный клюв во влажную землю. Посреди пруда игрушечный человечек беззвучно вбивал круглые камни в искусственный островок. Ялик лежал на берегу.

Цель разговора — дайте на олово пару миллионов карбованцев. Ради этого Игорь Ипполитович несколько дней склонял на свою

сторону чиновный люд — кураторов, плановиков, подымался выше-выше, висел на ногах у заводделами, а те уже влияли на верхнее начальство.

Ветер потянул бумаги со стола. Хозяин кабинета собрал их, расчистил, придавил штучками кимберлита из недавно открытой в Якутии трубки взрыва, легкомысленно названной местными геологами «Обнаженной», стряхнул пепел в раковину гигантского двустворчатого моллюска. Дикie гуси с подрезанными крыльями кричали на большом пруду; на скрип уключин походил их размытый крик.

Берсенеv вздохнул:

— Ну какая может быть нефть в Сихоте-Алине? Олово, цинк, золото — другое дело. Вот город Владивосток. Он стоит на гряде полуострова Муравьева-Амурского. Она разделяет Сучанский угольный бассейн и долину реки Суйфун, залитую неоген-четвертичными базальтами до озера Ханка. Что под базальтами — неизвестно, но на дне озера — красные, как мясо, граниты, называемые ханкайскими. Граниты уходят в Китай. Еще О’Генри писал: «Это так же бессмысленно, как искать нефть в гранитах».

Секретарша принесла чай, вазочки с халвой.

— Вы не понимаете политики, Игорь Ипполитович. А я за свою сознательную и бессознательную жизнь много собак съел по этому вопросу. Лично я противился всеми фибрами и жабрами, но пойми, — поднял палец, — это указание первого секретаря, следовательно, директива: найти нефть вот здесь, в одном из необъятных уголков нашей Родины. Вот в чем соль зарыта. Возьми четыре угольных станка с Сучана, там уже нечего искать, и прямо с этого времени начинай бурение в долине реки Суйфун. Вы хотите, чтобы и шашлыки изжарились, и чтобы шампуры не сгорели. Так не бывает. Я нахожусь в тяжелых рамках: вы ко мне толпами ходите, обрубить меня хотите по рукам и ногам. Вы думаете, мы халву только едим и на зоопарк смотрим...

— Долина реки Суйфун залита базальтами. Придется бурить «wild cat», «дикие кошки», скважины без обоснования.

— Надо, чтобы мы без стыда и совести могли, глядя в глаза всем и каждому, сказать: мы сделали всё, чтобы решить ваши предложения, дорогой Никита Сергеевич. Деньги на нефть нам дают в большом квадрате. Не обижайтесь, я хочу, чтобы вы ушли с добрыми глазами...

— На олово бы добавить пару миллиончиков.

— На олово ни копыя.

Шелестел легкий весенний дождь. Пруд потемнел, трепетал под ветром. Игрушечный человечек на ялике приблизился к берегу, бросил весла и побежал под тент кафе «Пеликан». Когда-то там подавали необыкновенно вкусные маковые баранки, мягкие, осязаемо зернистые.

Тогда мы с Вадиком ничего этого не знали, просто отправились на Океанский проспект в Приморское геологическое управление к главному геологу Берсеневу. Оттуда — в Уссурийск, потом в Новоникольск, до остановки Развилка и дальше в долину реки Суйфун, что по-китайски звучит серьезно — «Река смерти», и еще дальше — в село Борисовку. Бесконечен мост через реку Суйфун, с ленивой силой несущую в Тихий океан то, что в отчетах называется «галька сихоте-алиньских пород». Охранник в строгой фуражке вышел из караулки: «Куда?» — «В село Борисовку». — «Зачем?» Гордо: «Искать нефть в отрогах Сихоте-Алиня, в межгорной впадине между антиклинальной грядой полуострова Муравьева-Амурского, на котором стоит Владивосток, и китайской границей». А под мостом — ирисы, густо-синие, почти фиолетовые, с мечевидными листьями, но некому их дарить, а впереди сопки, как будто бы рядом, но не приближаясь, и на одной из них — белое пятно, как небрежно брошенная салфетка. Это Борисовка.

Здесь, на краю континента, в сборно-щитовом домике я увидел Михал Иваныча — маленького, радостного, лысоватого, родного Михал Иваныча!

— Мин херц! Какими судьбами?

Мы обнялись.

— Друг сердешный!

Я оглянулся и увидел столы камералки, заваленные образцами, железную печь и щелястые стены с плакатами: «Одиночные маршруты приводят к несчастью», «Остановись, когда ослеплен транспортом» и над вешалкой — «Не забудь надеть каску».

Михал Иванычу — лет сорок с небольшим гаком. Он был холост, сохранил мальчишеские манеры, да и чувствовал себя пацаном. Ему было легко с молодыми людьми. О Колыме он никогда и никому не рассказывал. Хотел бы совсем ее забыть, но по ночам она набрасывалась на него. Он хватал курево, в темноте открывал дверцу печи и дымил.

У него была своя система, казалось бы, мелких, но на самом деле чрезвычайно полезных привычек. Например, горячий обед во что бы то ни стало. В час дня он бросал все дела и принимался разминать жесткий брикет концентрата. Фитонциды — это обязательно. Люблю чеснок — колбасой пахнет! Бритву Михал Иванович хранил в мешочке для образцов, спички — в аммонитной бумаге, не пропускающей воду. Портянки признавал только байковые, в крайнем случае — из фланели. Когда бывало шибко тяжело на душе, он насвистывал мелодии Гленна Миллера из «Серенады солнечной долины»: «Мне декабрь кажется маем», «В настроении», «Лунный свет», а если уж совсем туго — бацал «Чаттануга Чу-чу». Помогала ему эта самая Чу-чу, и эти веселые американские ребята в пиджаках с вот такими плечами, и встают все тромбоны, все саксофоны. Невеста Гленна Миллера ходит, волнуется — где же ее жених? А он раскатывает под дивную музыку с Соней Хейни, молодой — если не сказать юной — девушкой, жуткая история, жуткая трагедия. Правда, какая может быть особенно жуткая трагедия, если у них есть ванна, горячая вода, если им не надо топить печь. Еще была у Михал Иваныча аристократическая привычка пить по утрам шампанское, конечно, если позволяли обстоятельства.

2

Мастер Каратин, похожий на индейского вождя, будто прислушивался к чему-то. Рукой он придерживал коробку с радиоприемником «Огонек», вслушивался в шум мотора. Маленький шофер вел машину на подъем, высоко подняв голову, чтобы видеть дорогу перед капотом, и от этого казался таким же надменным, как мастер.

— Язык устал говорить тебе: стучат пальцы. Коробка передач вот-вот загремит.

Вдоль долины тянулись рисовые поля. Зеленый рис прорывал синюю воду в чеках — так, кажется, это называется. Я обернулся. В кузове на глине лежал мой неподъемный чемодан. Его распирали купленный во Владивостоке роскошный том — «Сокровища Дрезденской галереи», придавивший двухтомник «Спутник полевого геолога-нефтяника», неизвестно зачем взятый «Атлас звездного неба» и подарок тети Корочки — шубные рукавицы с кроличьим мехом, очень теплые, но огромные, как боксерские перчатки. Еще втиснуты купленные во Владике, в книжном на Тигровой улице черный двухтомник Хемингуэя, «Моби Дик». На чемодан броше-

ны брезентовый плащ и сапоги — мужественные геологические сапоги с пряжками, с мушкетерскими отворотами. Дали на складе и «энцефалитку» — удобную куртку, травяно-зеленую, под цвет природы. Я ее сразу же надел. Бывает так: наденешь вещь и чувствуешь — моя.

Вадик уехал вчера на Сандугу, скважину номер пять. А сегодня пришел в камералку мастер Каратин, заполнил ее собой: «Где мой геолог?» Как зовут, и не спросил: «Поехали, геолог».

Взяли на складе радиоприемник «Огонек», лопаты, заехали на какое-то обнажение. Каратин разминал в пальцах глину — он, оказывается, шестипалый. Глина ему не нравилась — шибко оскольчатая, для бурового раствора не подходит. Наконец, нашли хорошую, которая легко распускается в воде: «Держи, геолог, лопату-комсомолочку! Бери больше, кидай дальше!» Открыли борта, накидали машину. Пот градом. Я протер очки, уперся подбородком в черенок лопаты.

— Вот они как получаются — ямочки на подбородке! Что стоишь, будто хлебные карточки потерял? Поехали!

Дорога становилась всё уже и уже, и базальтовые карнизы всё ниже и ниже нависали.

— Крутишь баранку, словно от телеги колесо.

— Люфт.

— И передок не мог включить.

— Машина чужая, Иван Харитоныч.

— Не волокешь в машине.

— Другой раз к бабе не знаешь, как подойти, не то что к чужой машине.

— Ты шофёр, Володя. Шофёр! В любой машине ты должен понимать каждый звук, каждый писк, каждый шелест.

Уже не видно белое пятно на Борисовской сопке.

— Закрой жалюзи.

Слово «жалюзи» Каратин произносил как «жéлезы». Вода шумела под колесами, под кабиной, подступала под радиатор. Каратин высматривал брод, по-чапаевски командовал, выбрасывая вперед руку — вправо, прямо. Я потихоньку рассматривал топографическую ситуацию, скопированную из дела скважины, — неправильные восьмерки сопки, кружево горизонталей, ниточки рек. На за-

паде карта захватывала гряды полуострова Муравьева-Амурского. По восточному обрезу — государственная граница. Она шла от озера Хасан и упиралась в озеро Ханка. Скважина №3, куда мы направлялись, — между сопками. Речка в широко разработанной долине называлась Шуфан. Я старался найти что-нибудь приметное, вроде белого пятна на Борисовской сопке, и не находил. По сводке на третий номер должны приехать каротажики из Сад-города.

Мелькнул между сопками сигнальный огонь. Вышка и тепляк с пронумерованными бревнами открылись сразу, как только выехали за сопку.

Река, камень в реке, спор реки с камнем, хруст гальки под сапогами... Рекамень, сапогалька...

Каратин, не разбирая дороги, с приемником под мышкой, шел к мосткам буровой. Там его поджидал каротажник с усталыми глазами, красивый, как Жерар Филипп.

— Что у тебя, Арбузов?

— Скважина не пускает, мастер. До забоя не можем добраться.

— Шли с утяжелителем?

— Конечно. Не пускает.

— Заладил — не пускает, не пускает. Мне надоела эта бесконечная песня.

Все молчали. Слышно, как шумит река. Глину уже разгружали. Мой чемодан и сапоги с плащом сбросили на землю.

— Я уже замучился с этой дырой, мастер. У меня горит вызов в рудную партию на Дальней Речке. Что будем делать?

Каратин будто в нерешительности. Жерар Филип в стеганке скрестил руки на груди и выглядел бы очень эффектно, если бы не как бы заплаканные глаза.

«А вправду, что делать? — размышлял я. — Зонд не проходит в скважину. Ведь отверстие в земле — миллиметров сто, не больше. Не пускает какой-то уступ или глинистая корка на стенке. Ведь скважину надо все время шевелить, качать глинистый раствор».

— А чего ты меня-то спрашиваешь? — вдруг вспылil Каратин. — На то геолог есть! Он решает эти вопросы. Вот его и спрашивай.

Все столпились вокруг меня. Только один — нос облуплен, как молодая картошка, лежал на мостках, удобно подстелив робу, смотрел на облака. Что же мне делать? Как во сне, когда хочешь проснуться и не можешь. Индейское лицо мастера непроницаемо.

Я опустил голову. И все молчали, и все смотрели на меня. Рабочий, лежащий на трубах удобно, как на пляже, повернулся на бок и,

подперев голову ладонью, внимательно смотрел на меня. Я глянул почему-то на люльку верхового рабочего, самую верхушку вышки. Неслись по небу облака. Вышка чесала брюхо облаков. Ветер свистел, и она дрожала, как перебираемые пальцами струны арфы. Как в органе, стояли рядами трубы бурового *«инструмента»* — в просторечии *«свечи»*. Они заведены за *«палец»*. То есть ограничитель на залитом раствором *«подсвечнике»*. Я подошел к ротору, заглянул в скважину и зачем-то — «Хо-хо-о!» — крикнул вниз. Эхо вернулось приглушенным, подземные гулы и шорохи в нем прослушивались. Сердце мое трепыхалось. Я, именно я должен сейчас решить, что делать всем этим людям — бурильщику, помощникам бурильщика — помбурам, верховому, дизелисту, Жерару Филиппу. Я заметил, что мастер закрыл рот рукой — смеется? Пусть смеется. Допустим, свинтят свечи в колонну, опустят в скважину. Дадут насосами промывку. Арбузов будет ждать. Поднять колонну — еще смена. А на Дальней Речке простой. А ведь может быть, что скважину проработают, а зонд снова не пройдет. Или так — отпустить Арбузова, пусть едет на Дальнюю Речку, а на обратном пути сюда. Что же мне делать? Что делать?

И вдруг:

— Иван Харитоныч, а что бы вы сделали?

Каратин закашлялся, как мне показалось, от смеха.

— И молвил он, сверкнув очками: вперед, орлы, а я за вами.

Мыть надо скважину, мыть!

— А каротажники?

— Подождут... Вот только стукнет мне шестьдесят годков — дня работать не буду. Пенсию буду получать, пока государю тошно не станет...

И вот уже верховой поднимается по лестнице, и бригада тянется на буровую. Дизелист вразвалку идет в дизельный сарай, напевая «В рейс уходят корабли, удаляясь от земли, и большие корабли, и малые...» И рабочий, который лежит на мостках и смотрит в небо, говорит: «Эх, лежать вот так, лежать, а потом взять и полететь!» — и медленно поднимается и, волоча свою робу, идет к рычагу лебедки. Значит, это бурильщик. И вот уже дизель: «чах-чах-чах», и заревел, и завыл, и железо лязгает на буровой.

Начался спуск колонны. Бурильщик включил лебедку и на холостом ходу поднимал элеватор вверх, к *«капитанскому мостику»*. А в Западной Сибири люльку верхового зовут *«голубятней»*. Вер-

ховой вывел трубу из-за пальца, прикладисто защелкнул элеватор: «чак-чак». Бурильщик посмотрел вверх. Нос у него, как молодая картошка. Глядя вверх и в то же время следя за перемещением помбуров вокруг ротора, бурильщик приподнял, или, как говорят, «подорвал» свечу. Она качнулась, поплыла. Помбур подхватил нижний край. Буровики ступали как кошки. Когда они поднимают, свинчивают и опускают стальные трубы, в их движениях согласованность и точность кордебалета. Труба с шумом ушла в землю, как поезд метро уходит в туннель. Вахта спускала свечи сначала как бы нехотя, как бы разогреваясь, но постепенно ход начал убыстряться. Движения становились всё увереннее и увереннее. Всё быстрее уносились вниз трубы.

Каратин что-то кричал в грохоте буровой.

— Желнин! Серега! Язык устал говорить: осторожней подрывай свечу. Как только ребята успевают ее хватать!

Но Желнин, похоже, не мог изменить ритм работы, потому что движения рабочих напоминали кордебалет. Именно кордебалет.

3

— Вот твоя койка, — сказал Каратин и сел на панцирную сетку, продавив ее чуть не до пола. Кровати стояли вдоль стены. Длинный стол — посередине тепляка.

В каптерке, за переборкой среди старых роб — кернокол и люминескоп. Флакон с соляной кислотой — на подоконнике. Здесь же — замазученный буровой журнал. В углу — ящики с необработанным керном.

Я прошелся по тепляку, привыкая. Каратин молча сидел на кровати, разминая «Беломор». А вахта уже с грохотом входила в барак. Сбрасывали в угол жесткие брезентовые роботы. Яростно отмывались теплой водой. Врубили новенький приемник «Огонек». «Увы-ы», — запел он, нагреваясь. И вот все сидят за грубым, из дюймовых досок, столом: «Ну, скоро там? Живей! Неси! Горяче сыро не бывает!» Повар в зюйдвестке разливает суп. На закуску — енотовое сало с чесноком. Каратин выжидал, пока все уместятся за столом.

— Я был в городе Уссурийске. Там, — он махнул в сторону двери, — на Некрасовской улице, у почтамта под стеклом висят фотографии. — Он выдержал паузу и ожег взглядом дизелиста. — И твоя фотография, Геннадий Пославский, и фотография твоего друга из рожевской бригады висят в «Крокодиле» у почтамта, в «Не прохо-

ди мимо», рядом с босяками и проститутками. Я сам видел. Обе ваши морды хорошо видать. Вернее, одну видать, а другой и морды поднять не может. Ты фестивалил в городе Уссурийске, ты пил одеколон в чайной на базаре. У меня волосы дыбом шевелились — и это мой дизелист, который пел когда-то в ансамбле Тихоокеанского флота! Учти, мне все известно. Что было потом, помнишь?

— Не помню, Харитоныч.

— Ты давал дрозда на танцах на Зеленке — на Зеленом острове — с девушками, у которых нарисованы и губы, и глаза! Ты прорвался к микрофону, ты пел «Простор голубой, волна за кормой». Смотри у меня, Пославский. Понял? — Мастер потряс узловатым пальцем.

— Понял, Харитоныч.

Враз успокоившись, выговорив всё, что его мучило, Каратин спросил у кока:

— А на второе что?

— Рисовая каша.

— Каша рисовая, черпак маленький. Мне со дна пожиже.

Как в большой крестьянской семье, хватали миски, тянулись за хлебом после старшего.

— У нас на фронте был один рязанский. Баптист. Стрелять, говорит, не могу. Не буду стрелять. На кухне буду работать, дрова колоть, то-сё. Пэтээр таскать — таскал, но не стрелял. Я говорю: ложись, веру мать! Стреляй! Его отдачей кэ-эк звезданет! Там наваливаться надо для амортизации.

— Эх, скорей бы на пенсию да внучат понянчить.

— Ты женись сперва.

— С аванса женюсь...

— Эх, Дуня! Люблю твои блины.

— Больше ешь, квадратней будешь.

— А ты чего локти расставил, — сказал мне сосед, провинившийся дизелист Пославский. Вправду, все сидели, прижимаясь плечами.

— Сразу видать, не служил, — сказал Каратин. — Ведь не служил в армии?

— Кто был, тот не забудет, а кто не был, тот будет, — сказал бурильщик Желнин. — Был у нас в армии солдат по фамилии Дубинский. Честь он отдавал так — ладошка дугой, пальцы крабом, колени сгинаят, локоть к ремню прижмет. Ох, и любил я Дубинского за эту его честь.

Каратин захохотал, как жеребец.

Я направился в каптерку, разложил по порядку ящики с керном; дух захватило: вот она, «книга влажных глин», и читать ее надо с самого начала — слева направо и сверху вниз.

По «Огоньку» передавали Второй концерт Рахманинова. В Уссурийске мы с Вадиком шли под насыпью, а откуда-то издалека приносило слоями эту музыку. Мы поднялись на дамбу. Самое начало, звук этот мучительный...

— Ну и музыка.

— Хреновина какая-то.

— Сашок, ты ближе всех, поищи легкую музыку!

— Найди авиамаyak!

«Оставьте эту музыку», — хотелось вскричать.

4

4 октября 1959 года. Передавали «Торжественную увертюру» Глазунова — как в финале фильма «Машенька».

— Коля Журило, ты ближе всех, найди радиостанцию моряков.

— Погодите, ребята, сейчас будет важное сообщение.

— Тогда прибавь звук.

Ровно через два года после спутника «Луна-3» начала свой полет. Королев в Подлипках. Новости из узла дальней космической связи на горе Кошка под Симеизом: радиосвязь плохая, телеметрия нечеткая. Королев не выдержал и вылетел в Крым.

Тянуло дымком полевой кухни. Виден катерок, идущий к Ялте. Доложили: температура внутри станции растет.

— Почему перегреваемся? — спросил Королев оператора. — Я жду от вас предложений. Подключайте всех нас! Подключайте любого человека в Москве, в Советском Союзе! Я даю вам все линии связи.

На лунник идут команды, и температура там падает. Первая попытка передать фотоснимки от Луны не удалась. Ожидали, когда станция подойдет к Земле.

Первый снимок достали из проявителя. Королев положил его на дрожащую ладонь. Изображение было мутным.

— С той стороны она тоже круглая, — сострил Черток.

Королев гневно посмотрел на него. В такие минуты он не принимал шутки.

Богуславский снял с ладони СП сырой снимок и разорвал его:

— Сейчас, Сергей Павлович, сейчас добавим фильтры, помехи уйдут.

— Зачем же ты, Евгений Яковлевич, так сразу?.. Ведь это же первая, понимаешь, первая фотография...

Через несколько минут Королеву принесли новый снимок, и на нем проступили восемь крупных лунных образований, доселе неведомых людям.

На обратном пути в Симферополь Келдыша после таврического муската из погребов комбината «Массандра» несколько развезло, а Королева потянуло на рассказы о Коктебеле, о планерах, о горе Узун-Сырт...

Снимок обратной стороны Луны был опубликован в день открытия сессии Верховного Совета СССР. Как ликовал Никита Сергеевич!

Перед новым 1960 годом Королев собрал всю королевскую рать — потом это стало традицией. У него в руках атлас — «Первые фотографии Луны»:

— Знаете что? Келдыш хочет сфотографировать обратную сторону Луны при косом солнечном освещении. Ему нужен контраст тени и света. С главным теоретиком спорить трудно.

5

*Как будто бы сквозь сон благословение —
Рукой меня нечаянно коснись,
Твоей руки — прости — прикосновение,
Как будто бы рябиновая кисть...
Я Вас любил, но если Вам угодно,
У края континента, по весне
Я часто вспоминаю, как у горла
Ты застегнула пуговичку мне.*

Я стащил энцефалитку, вздохнул, тихо сказал: «Спокойной ночи, Люся», — и заснул, едва голова коснулась подушки.

— Кончай клопа давить, — мастер Каратин тряс меня за плечо. Рядом с ним стоял красивый Арбузов. Сам он по врожденной интеллигентности не решался будить меня.

Теперь мастер безжалостно будил бурильщика Желнина:

— Сережа, вставай, мама приехала.

Это постоянные шутки. Сергей затуманено смотрел в потолок, не глядя, доставал с тумбочки пачку «Севера». Ему бы петь баковые песни, какие воют матросы во время ночных собачьих вахт...

Ночная смена уже натягивала робы и уходила на буровую.

Я, моргая, ничего не соображая, копировал на стандартную бумагу сырые ещё каротажки — это было знание о Земле, которого ни у кого и никогда не было.

Каратин:

— Что на забое? Скоро уголь? — появился Каратин.

— Не знаю.

— Не знаю? Ты не должен произносить таких слов! Я должен знать, когда пускать дробовую коронку, чтобы не размыть уголь. Если он будет, конечно.

Ночная вахта начинала спуск. Орал дизель, и свет в тепляке то разгорался, то почти угасал.

— Ладно, спать. Утро мудро, — сказал Каратин. — Спать, спать, старуха, утром будем деньги считать...

6

В кернохранилище — стеллажи, ящики с керном. Сверху, прямо под базальтами, шла свита шоколадных мергелей нижнего карбона, почти красных от вулканического пепла. Под ними — свита узорчатых песчаников. В свежем керне — сочный травяно-зеленый цвет. Я ощущал тяжесть, плотность, зернистость пород, их структуру и текстуру.

За столом тесно. Когда рука Сергея Желнина легла на мое плечо, теплая волна накатила: это моя бригада здесь, в дебрях уссурийской тайги. Мне повезло — я попал на край континента, я стоял на песчаной косе в Спортивной гавани, втягивая запах водорослей, вглядываясь в коричневую дымку на горизонте. Можно за гривеник попасть на мыс Диомида. Кому-то не повезет, и он будет жить с пригвожденной к душе мечтой...

— Надоела твоя каша рисова, черпак маленький! Разленились совсем, — грохотал Каратин. — Я не скажу — никто не догадается. Нет мяса. Как это, нет мяса? Шалдеев, завтра на смену не выходи. За мясом пойдешь. А за тебя постоит, — он посмотрел на меня.

— Я могу постоять.

— А сможешь?

— У нас в Западной Сибири...

— Ладно. У вас в Западной Сибири. Вечером приму у тебя технику безопасности, чтобы Дергачев не привязался. Расскажешь четвертый способ искусственного дыхания — его никто не знает, кроме Дергачева.

Метчик ткнулся в ноги, лег безвольно, сладко свернулся, не поднимая глаз. Признал за своего. Настоящий буровицкий пес, вырос среди муфт, переходников, коронок. И Метчиком-то его называли в честь аварийного инструмента. Ах ты, шерстяной. А пыли в тебе, пыли! Целый килограмм одной только пыли. Глаза у Метчика, как у драматической актрисы — карие, с поволокой, мечтательные.

Он еще не знает, что его берут на охоту, повизгивает во сне и лапой подрагивает. Наверное, снится, что он догоняет зверя и, выкладываясь, гонит его.

С керном хорошо устроиться возле речки. Вода с детским лепетом обегала базальтовый валун. Вершина его горела на солнце, и брызги высыхали на глазах. Пористые прослой будто впитывали воду. Я глянул на зеленые песчаники. Они поблекли, не были уже такими ярко-зелеными. Они покрылись разводами, узорами. Узорчатые! Закисное железо туфогенного цемента окислилось. Я начал отбирать образцы из последнего долбления. Может быть, эти песчаники — аналог угленоски Сучанского бассейна. Кубические кристаллики пирита в керне золотились на солнце.

Сергей Желнин присел на корточки.

— Древнегреческие породы пошли. Точно жди уголь.

Откуда-то в толще серых песчаников прослой непонятной породы — явно магматической? Как он оказался среди сероцветных озерно-болотных песчаников?

7

С Колей Журило мы будем каждое утро переплывать Шуфан — кто дольше продержится. В ноябре: всё, всё, ничья, ничья, всё отмерзает — уши, пальцы, всё остальное! Коля засмеялся: ладно, пусть будет ничья. На что я мог надеяться? Весной, когда едва вскроются реки, Коля на длинный выходной будет уезжать к своей девушке в Раздольное. Между льдинами будет переплывать

Суйфун. Одежду — в ремень, на голову, в зубах нож — ногу порезать, если сведет. На том берегу мужики хотели его выпороть. Костер развели, обсушили...

Коля тщетно выискивал любовные сцены в томе «Моби Дика», обернутом в «Тихоокеанскую звезду». Ему нравились первые гордые слова «Моби Дика». Он так и здоровался: «Зовите меня Измаил». Я же нашел такую фразу для себя: «Он целыми днями стирал пыль со старых словарей и грамматик своим необыкновенным носовым платком, украшенным, словно в насмешку, пестрыми флагами всех наций мира».

Я дал Коле томик Шергина, и он впился в «Митину любовь», про Машеньку Кярстен. Он готовился к длинному выходному, начинал чешские штиблеты:

— Ребята, с какой я пацанкой познакомился в Уссурийске на Зеленом острове! Она сама из Раздольного, где красные казармы. Любашей зовут. Я не могу вам передать. Глаза такие карие-карие. Голос тонкий-тонкий...

— Ты, Коля, выбирай, чтобы баба была самостоятельная. Лучше искать в колхозе, чтобы она труд понимала. А твоя девочка, наверное, избалованная до потери сознания, — зевая, говорил Каратин.

— Ничего вы в этом деле не понимаете, Иван Харитоныч. Молодость свою позабыли. Она мне свою карточку подарила и написала: «Мои мечты только о тебе».

— А чего тут понимать, Коля? Почти любую бабу можно с панталыку сбить. Главное запомни: женщина любит теплый бок.

— ...Смеется пискляво-пискляво, ну как колокольчик всё равно. Каждую ночь на ум прибегит. Глаза, главное, карие-карие, волосы рыжие-рыжие. Я почему ее часто вспоминаю? Нравится она мне очень, Харитоныч. И всё тут.

— Любовь, значит? А есть она? Ведь на Дальнем Востоке, как говорится, цветы без запаха, а женщины без любви.

— ...Волосы у нее, как трехмиллиметровая медная проволока. А для вас, Харитоныч, привлекательная женщина — это квадратная такая ласточка — центнерочка, с сигаретой в зубах, конь-баба, коня на скаку остановит, в горящую избу введет и так далее...

Под эти разговоры я уснул. Проснулся ночью. Каратин будил Сергея Желнина: «Вставай, мама приехала». Сергей с закрытыми глазами протягивал к тумбочке руку, доставал «северину», разминал ее.

— И ты, геолог, кончай клопа давить.

Сергей встал за рычаг: «Поехали!» Я неловко ухватился за трубу. Она напряглась, потянула, как живая. Следующая свеча пошла легче, сразу вошла в муфту. Но кордебалет не получался, я сбивал ритм заминками. Я не мог его поймать, лишь изредка получалось: движение, рывок, шаг в сторону, и — у-ух — труба проваливается в землю, лишь муфта торчит. Верховой машет рукой, цепляет элеватор к следующей трубе. Вот она трепещет на весу, лови ритм, пошло-пошло-пошло, хватай свечу, чтобы она не потянула тебя, как живая, хватай ее по-кошачьи, царапным движением, чтоб не она тебя, а ты ее потянул, слушай, слушай — «лови кермак!». Потом пойдет: движение, рывок, шаг в сторону, и — у-ух! — свеча уходит в землю. Одна, другая... И вот уже инструмент на забое. Сергей начинает бурение, и самая верхняя квадратная рабочая труба — «*квадрат*» — начинает медленно подаваться в землю, незаметно и неотвратно, как ход часов.

Ноги подкашивались от работы с железом. Колени болели — ведь упираешься в ротор, когда тянешь свечу. Я вышел на мостки, вдохнул воздух осени, увидел сопки — зеленые ближние и синие — дальние. Кричали: «Сема, иди сюда, вода согрелась!» Разделся, стоял и кричал, наслаждаясь.

8

Сергей привык к тому, что приходится вставать ночью, натягивать робу, идти сквозь дождь, ночь-полночь, на буровую, — терпелся, приморгался. Он знал норы своего станка ЗИФ-1200. Ему нравилось держать тормоз лебедки, ощущать в руке вес колонны, невообразимо хрупкой и тонкой. Он находил удовольствие даже в том, чтобы в одиночестве стоять у рычага, следя за продвижением «*квадрата*» в глубину. Прижав к его грани «электрическую» косточку у локтя, он мог определить по вибрации буримость породы, когда дать слабину, а когда нажать. Полметра прошел, дал нагрузку — вое, дальше не идет; приподнимись над забоем, дай промывку, нажми как следует, еще пару-тройку метров возмешь. Именно — возмешь пару-тройку метров. В движении штоков насоса была гармония хорошо взаимодействующих механизмов. Помбуры, те, конечно, могут и подремать во время бурения. Кончил бурить, свистнул, выглядывают из-за печки, как зайцы. Спуск-подъем нравился Сергею по-другому. Здесь был азарт, здесь нужен темп.

Ночная смена всегда поднимает шум. Если спишь, обязательно проснешься, а не спишь, так и не уснешь до самого утра. А если уснешь, зажигается свет — кому-то захотелось ночью чайку пошвыркать. Если ночью не выспишься, то лучше всего уйти днем в сопки. Ведь зимой в Приморье снега почти не бывает. По Пришвину: Сибирь по морозу, Италия по солнцу. Но холодно только на северных склонах сопки. На южных склонах тепло, на плотном слое листьев маньчжурского дуба хорошо спалось в ватнике и в ватных штанах!

9

— Сенька, друг сердешный!

— Михал Иванович! Как добрался-то?

— Напрямик, как воробышки летают. Дело у меня такое, — сказал Михал Иванович. — Из управы в камералку папку прислали с заявкой на нефть. Еще до войны один старый корневищик, помирая, рассказал сыну, что, гоняясь за подранком, увидел на склоне сопки Каменной, как нефть вытекает из расселины. Сынок этот, загибаясь с великой похмелюги, рассказал свояку, а тот сигнализировал Штыкову, в крайком партии: «В просьбе слёзно прошу не отказать, заранее склоняюсь в глубоком пардоне». Это дело взяли на контроль, в итоге приходит Берсеневу бумага на бланке — «Ваши соображения», а тот, вместо того чтобы написать косую резолюцию «Соображений не имеется», отправил всю переписку в борисовскую камералку.

Что шепчет погода? Просвет в тучах — синий платочек — стремительно уносило на запад. Облачная кудель обволакивала «капитанский мостик». Каждый год тихоокеанские тайфуны краем накрывают Приморье. Поэтому мастер Каратин всегда тщательно изучал долгосрочный прогноз погоды и график бурения скважин, называемый в просторечии «ковром бурения». Те скважины, которые по ковру влетали в бурение на август–октябрь, он старался перенести по рельефу как можно выше. Аварий и каких-либо ЧП он не признавал наотмашь. Да и слова этого — «авария» — не применял: «Такого у меня быть не может». Всё должно работать. Тогда он спокоен: «Я не знаю, что такое простой. Подъём, выбил керн и маши верховому на капитанский мостик — нечего курить, майна. Потом дави, но не ломай инструмент. А не будешь давить — плана не будет». Я не знаю, что такое простой. Подъём, выбил керн и

маши верховому — нечего курить, спуск. Потом дави, но не так, чтобы инструмент ломать, чтобы скважинка не ёкнулась. Если потеряешь ствол, ставь мост — и в сторону. Бурильщику что нужно? Твердость. Он, бурильщик, очень хорошо чувствует, если ты дрогнул. Ведь надо держать на рычаге давление атмосфер в сто двадцать.

Каратин почему-то холодно поздоровался с Михал Ивановичем, но «по ручкам», как он выражался.

Спросил у меня:

— Шалдеева не видел?

— Вася кабана взял. Сам в трусах, чтобы одежду в крови не вымочить.

— Значит, дичина есть. Бочонок гидрожира есть. Сухофрукты есть. Сейчас дождик не страшен. Не ходовая часть.

Каратин перебирал — не забыл ли чего-нибудь запасти. Нет, пожалуй, не забыл. Соль, рожки есть. Теперь и мясо есть. В резерве китайская свиная тушенка «Великая стена». Хлеба, правда, мало. Ничего, пока всё крутится и вертится. За оборудование можно быть спокойным, хотя, конечно, то, что крутится и вертится, когда-нибудь сломается.

Каратин почему зуб имел на Михал Ивановича? Ведь именно тот посоветовал владивостокскому начальству пригласить Дергачева. Того выписали аж из Якутии, хоть о нем дурная слава шла. Этому самому Дергачеву когда-то дали задание: сделать рекогносцировку по Среднему Вилюю. Взял он двух оленей и двинулся в путь. Проходят положенные две недели, проходит контрольный срок, начались поиски — безуспешные. Заявился он через два с половиной месяца. Решили устроить товарищеский суд и выгнать к едрене фене. «Хорошо, — говорит Дергачев, — хорошо, но давайте разбираться». — «Чего тут разбираться?» — «У меня оправдательный документ есть». — «Какой еще документ?» — «Полевая книжка». Оказывается, Дергачев дошел со своими оленями до ближайшего стойбища, продал их якутам. Дальше пошел пёхом. Добрался до верховьев, соорудил плот и спустился вниз, причем каждый день расписан был в пикетажке. После этого Дергачева понизили — он стал ответственным за взрывные работы. Работал, пока у него не подорвались два взрывника. Потом ушел на драгу. Вместе со вскрышей смыл торфа и золотоносные пески. Драга работала летом, а зимой вмерзала в лед. Чтобы быстрее начать промывку, обычно весной лед вокруг драги посыпали угольной крошкой.

А Дергачев, великий — в кавычках — взрывник, задумал для быстрой подорвать лед. В итоге драга пошла ко дну — вместо льда подорвали понтоны, на которых она держалась.

Послали Дергачева в шахту. Он так организовал дело, что штрек сходу завалился. Руководство решило, что этого... чудака можно использовать только на поверхностных работах, и послало на открытую разработку угля. Он создал такую схему загрузки вагонеток, что поезд оборвался к чертям. Что-то, а ломать Дергачев умел, и ломал на совесть. Тогда-то его и сделали инспектором по технике безопасности. И человек нашел себя! За малейшее нарушение — штраф. Взрывник Добрынин должен был провести отпалку шпуров, но запил, и отпалку провел его помощник. Закончил честь по чести, сложил детонаторы в подсумки. Появляется Дергачев — «Что делали?» — «Вентиляционный ход». — «Кто взрывал?» — «Добрынин». — «Не лгите! Он пьяный на сопке валяется». И штраф — триста рублей.

Дергачев постоянно давал сигналы в комитет по труду. Скажем: элеватор пять дюймов — кому пришло в голову изменить ручку? Нужно иметь руку музыканта или же снять рукавицу.

Настроение у Каратина было скверным — накануне в управе он, старый зубр, дважды провалил экзамен по ТБ инспектору Дергачеву. В первый раз мастер не смог ответить на вопрос «Ваши действия при разливе ртути». Во второй раз Дергачев спросил: «Чему равно расстояние от валимого дерева до соседних деревьев?» — «Равно высоте дерева». — «А если валишь самое первое дерево? Не знаешь?» — Вот после этого и запоешь «Горная стража меня не поймала».

За что мастер ругаться не мог, так это за недра. Он знал, что они, недра, способны на подвох, и относился к ним с подозрением. Если будет подвох, то надо превзойти себя и сделать это в самый нужный момент. Но эта скважина номер три — что конь добрый, ни один камешек не упадет.

Каратин считал, что в Сучане ему нет равных в умении вырывать у недр товарные метры бурения. Но в глубине души он понимал, что Рожев ему ровня. На Суйфуне их соперничество возобновилось.

— Здорово, Иван, — кричал Каратин по рации, — как жизнь? Потихонечку? Как скважина ведет себя? Полегонечку? Моя тоже ведет себя ничего. Что? Помбур Сергеев получил слом правой ноги выше колена с последующим гипсованием конечности? У нас ничего подобного не должно быть! Ребятки, осторожней надо работать.

Проходку запиши... Солярка есть. Вот с куревом плохо. Курю махорочные, так печонка от них болит. «Беломору» нету. Но ничего, это не ходовая часть. У тебя всё? У меня всё.

Дождь начался бесшумно, постепенно набирая мощь. Это муссон, да, это настоящий муссон. Я посматривал на лампочку — ага, подняли керн; брезентовый плащ на плечи — и на буровую, пряча на груди полевую книжку. Кажется, дождь будет идти всегда.

И вот уже вода бежит через дорогу. Буровая кажется кораблем, застигнутым непогодой, мостки — палубой, тепляк — кубриком. Вдруг буровая снимется с якоря и поплывет куда-нибудь? Вышка как будто вздрагивает от порывов ветра. Вода отвесно падает с потемневшего неба. Сводка погоды по радио — через каждые два часа. Ветер от сильного до штормового. Реки в долинах стремительно взбухают. А на буровой всё в порядке: насосы мощно подают в скважину глинистый раствор; победитовая коронка на забое спокойно режет светло-серые песчаники; квадрат неотвратимо подается в землю.

В тепляке Вася Шалдеев в верблюжьем свитере сидит по-турецки на кровати, и в руках у него миска рисовой каши.

— Сперва-то я думал козла подстеречь. Он гавкал, и Метчик подался на его гавканье. Дождь начинается. Вдруг — идет. Гляжу — кабанчик. Шерсть черная, морда вытянута, клыки торчат. Огрел его картечью, он сел. Еще! Метчик ну его трепать. Он упал в воду, я его хлест! Добил ножом.

Мы с Михал Ивановичем играли в шахматы за обеденным столом, потягивали чай из железных дембельских кружек. Михал Иванович играл неважно, смело двигал пехоту, разрушая прикрытие короля. Бросая вперед пешки, он приговаривал: «Вперед и только вперед!» Он отрезал кусочки от плети лимонника, бросал в чай:

— К нам геологиня приехала. Из пермского техникума. Светой звать. Миловидная.

— Смазливая?

— Нет, хорошенькая.

— Куда ее?

— На мелкий картировочный станок. Исключительно полезный хлебный станок — пусть с разломами разбирается. У нее комплекс отличницы.

«Огонек» между сводками погоды передавал «Поэму экстаза» Скрыбина.

— Опять эта хреновина, — сказал Гена Пославский — То ли дело — «Раскинулось море широко».

— Да нет, это не хреновина, — раздумчиво сказал Сергей Желнин. — Может быть, мы просто не понимаем, откуда ты знаешь? Ведь не зря же эту херню гоняют с утра до ночи.

— Пива охота с корюшкой. В ресторане «Уссури». Или у нас дома, в ресторане «Сучан». А тут еще дождь. Да еще и музыка такая — плакать хочется.

— Аж душа плачет, — насмешливо сказал Каратин.

— *Стою на пролустаночке,
В кармане две тараночки,*

А с пивом пролетают поезда...

Оркестр еще не соткал небо, и труба еще не рванулась ввысь.

— Серега, в елку гвоздь! Раньше была музыка, куда твое дело. Эх! «Метелица», «Подгорная»!

— Оставьте эту, — сказал я.

Когда-то забрели мы с Вадиком в тихий музей Скрябина в арбатский переулочек за театром Вахтангова. Дом со стертыми ступенями, музыка из окон. Букет из белых лилий. «Вас как зовут? Сеня, какие цветы вы любите? Ландыши? Петр Ильич любил ландыши. А вы, Вадим? Розы? Вагнер их любил. Александру Николаевичу нравились белые лилии».

Безумное превышение сил! Написать «Поэму огня» со световой клавиатурой, звуковыми вихрями. Задумать «Мистерию» — на языке звука, жеста, цвета. Начать ее колоколами, звучащими с неба в индийском храме с прозрачной текучей архитектурой, с колоннами из благовоний, исполнять «Мистерию» семь дней, пригласить Коонен и Качалова, передать краски заката, ввести шепот хора, страдать от невозможности этого желания! И не отказаться от невозможного, а начать писать «Предварительное действие». Его партитура лежала на конторке. Скрябин всерьез считал, что музыка может изменить жизнь! Шептал, умирая: «Да как же вы без меня-то будете?»

— Да он чеканутый был, — сказал Каратин. — Ку-ку. Чудак был. Му-му.

— Нет, Харитоныч, он был такой: все говорят — нельзя. А я сделаю! Я знаю таких ребят. А вы, Иван Харитоныч, ничего не читаете. Газеты все больше на раскурку идут. И на пыжи.

— Я вам, дьяволам, приемник «Огонек» в разведкоме выбил. Орёт на весь тепляк, любую пластинку вам сыграет. Правда, пластинки еще купить надо. Я вам шахматы привез, мелкашку — стреляйте по мишеням, соревнуйтесь, чтобы о девках меньше думали. А вы что сделали — в бараке стреляли по васькиным часам «Полет»! А тебе скажу, Желнин: я «Три мушкетера» читал.

— Он «Три мушкетера» читал! Кто победил: король или кардинал? А куда миледи делась?

Каратин задумался.

— Эх, ребята, — сказал Сергей Желнин. — Вам Сема давал почитать книжку американскую, а вы его самого Хемингуэем прозвали. Гена Пославский прочитал вещицу под названием «Мужчины без женщин» и как начал хохотать, я говорю: «Ты чего хохочешь? Что там смешного?» И помнишь, что ты, Генка, сказал? «Так, одну херню вспомнил, буфетчицу одну с «Капитана Мелехова», зашла как-то ко мне в радиорубку...» А ты знаешь, Харитоныч, что Ленин сказал?

— Что?

— Ты ведь коммунист, а Ленин сказал, что каждый культурный человек должен знать все богатства человечества.

— Ты точно знаешь, что Ленин так говорил?

— Точно.

— Да я ведь больше по железкам. Растения от меня сохнут — баба так говорит. Иной раз вздумаешь книжку почитать, так буквы мелкие. Было бы мне годков помене. В школе я, конечно, изучал естествознание и породами очень интересовался. Эх, куды, куды вы удалились, золотые дни моей весны. Ну ничего, ничего, опять начну Конан-Дойля, том первый изучать. В Сучане буду в кинокартину ходить.

— Он естествознание, видите ли, изучал, — бурчал Сергей. — Вы как хотите, а мне надо выспаться. Человек не машина, поспать и отдохнуть надо. Мне в ночную — за рычаг и виру-майну гонять. А вы, того и гляди, скажете: «Вставай, мама приехала».

Хорошо засыпать под японскую музыку. Японцев, в отличие от «Голоса Америки», не глушили. Чего глушить-то? «В эфире «Альбом японской музыки и поэзии». Ансамбль Китамура исполнит композицию «Осенний клен и полная Луна смотрят на вас». Когда все покрыто красным пожаром, кажется, что на тебе, о Фудзияма, кимоно из кленовых листьев. Всем вам привет из далекого Токио».

Токио — это для Москвы далеко, а здесь, на сопках такое же красное кимоно из листьев манчжурского клена.

Утром:

— Васька, принеси трубу — «четверку», наставиться надо.

— Что с тобой?

— Острый шлангит.

Это из постоянных утренних шуток. Также:

— Почтарочка приходила? Письма есть?

Первое время бурно переписывались с ребятами — какие новости? Хабар бар? Рено Арутюнян — уже старший геолог Игримской группы партий Березовской экспедиции. Я болел за Западно-Сибирскую низменность, впитывал имена: начальник — Рогожников, главный инженер — Подшибякин, главный геолог — Юдин.

10

Мы ждали уголь.

— На забое песчаник. Режется, как репа, — доложил Сергей Михал Ивановичу.

Чтобы уголь не размыло, надо спускать специальный керноотборник.

— Мин херц, следи за раствором. Угольная крошка может пойти. Если, конечно, уголь есть.

Сергей медленно менял нагрузку:

— Я к угольному пласту всегда крадучись подхожу, как бы на цыпочках.

Мы с Михал Ивановичем стояли у желоба с раствором, выходящим из скважины. Ровная тугая струя раствора, теплая от земного тепла, шла с километровой глубины. Угольной крошки не было.

— Я, наверное, плохой геолог — мотаюсь по стране. Может, надо знать какой-то кусок земли, как никто на свете его не знает. Как я начинал? Представь край холода, голода, олова и золота. Там два времени года: мороз и гнус. Партию забросили в конце зимы, с «весновкой» то есть. В войну рабочие в партиях ходили в лаптях, полагалось четыре пары на сезон, а геологу давали чуни — облитые галоши с брезентовыми голяшками. К середине лета пооборвались, конечно. В полевой книжке я писал стихи:

О тундра, тундра, как ты пустынна.

В тебе лишь гнуса изобилье,

А для людей одно унынье...

*Стояла дикая жара,
Скотину жрала мошкара...*

— А в тундру-то как попал?

— Я уже вольным был. В военкомат писал: «Прошу направить туда, где не берут пленных». Ладно, дело прошлое.

— А в тундру-то как попал?

Михал Иваныч зачерпнул бегущий в желобе раствор, процедил между пальцами. Крошки не было.

— Скажу так, мин герц: не по своему желанию довелось мне изучать геологическое строение этой труднодоступной, но весьма перспективной территории северо-востока нашей необъятной родины. Один раз, в июле уже, встретили звенка. «Спирта есть?» — «Нет, — говорим, — спирта». — «Курево есть?» Мы достали махорку, а он — газетку, сложенную в шестьдесят четыре раза, вытертую на сгибах. «Магаданская правда» называется. Я ее развернул и завопил: «Люди, война кончилась!» Мы выпили половину спирта энзе и один раз выстрелили в серое небо. Я всю газету прочитал — от «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» до телефонов редакции. На последней странице мелким шрифтом объявление: «Прием на курсы коллекторов-съемщиков в Магадане». Я сказал начальнику, что ухожу. До Магадана триста километров. Начальник, конечно, не хотел отпускать. Но я взял овса, нож, спички, карту мелкомасштабную. Завернул ее в аммонитную непромокаемую бумагу и сунул за пазуху...

Шум дождя прорвался. Каратин вошел, пригнувшись, сбросил с плаща воду, сходу черпанул раствор.

— Заблудился я. Одну речку переходил четыре раза. Вроде вашего Шуфана. Один раз видел человека. Видать, беглый зэк. Прошли на встречу друг другу по гальке. Веришь, ни один камень под ногой не лязгнул. После этого спал сидя, с ножом в руке. Нож выпадет, — проснешься. Шел я, шатаюсь. Над головой качается серое небо, под ногами тощая земля. Увидел огонь — пошел напрямик, не боясь, руки расставил. Вошел в избу — человек сеть плетет. Жильем пахнет, печь топится. Очнулся на лавке. «Что с тобой?» — «Сам хочу знать, что со мной». Вот так до Магадана добрался, стал коллектором.

— Раствор — что гусь, — сказал Каратин. Он провел пальцем по вздрагивающей шелковистой струе.

— Что девичья грудь, — задумчиво сказал Михал Иваныч и закурил.

— У вас была девушка? — спросил я.

— Друг сердешный, кого любить было? Белых медведиц? — Михал Иваныч засмеялся. Как всегда, улыбка трогала у него только углы губ.

— А ведь это не смешно.

— Я не говорю, что это смешно. Учусь на старости лет. Сiju ночами с кофе и табаком. Помнишь наши наши разговоры в Колпашево? Ведь я боюсь формул. Дебит скважины: Q для меня — «о» с хвостиком. Шучу, шучу. Английского боюсь страшно!

— Я чувствую, порода меняется, — кричал Сергей от рычага.

— Вот и крошечка, — сказал Каратин. — В Сучане перед первым рабочим пластом идет с вершок сажистой породы.

Я процедил раствор сквозь пальцы и, приблизив к глазам, увидел крупинки угля — полуматовые, чуть поблескивающие. Так просто. Никто не говорил что-нибудь вроде «Мы открыли новый угольный бассейн. Получай, Родина, подарок!» Только Каратин сказал: «Ёк-макарёк! Уголек!»

11

Каратин держал гадюку корявыми слесарными пальцами, оттягивая шкуру, как изоляцию, разглядывал белые мешочки с ядом под зубами. «Ишь, на буровую ползут, бедолаги. А яду дюже много. Голова у них необтекаемая».

Каратин был старым сучанским буровиком. Его звали за глаза Дедом, а в глаза просто мастером. Когда в Сучане собрали народ, бросили клич: «Кто поедет в долину реки Суйфун искать нефть?» — он не собирался никуда ехать. От дома далеко, если пошлют — другое дело. Но когда мастер Иван Рожев, старый соперник, поднял руку, Каратин поразмыслил и тоже напросился. А что? Дети выросли. В Сучане он мог бурить с закрытыми глазами, но работы на уголь здесь сворачивались. Неведомый Суйфун тянул к себе. Мастера, «два Ивана для выполнения плана», комбинировали, перебирали, кроили списки добровольцев. Это были по большей части ребята после армии, сплошь охотники и рыбаки.

Иван Рожев — спокойный, средних лет, был рассудительнее и дипломатичнее Каратина. Некоторые его кандидатуры он отверг сходу.

— Я, конечно, не на все сто процентов, но могу определить, что чего стоит, Харитоныч. Сабурова светлоусатого не бери. Отлично работает только на глазах, а так дисциплинка хреновая. Монологи

Арбенина читает. С ним хлебнешь горя. Теперь о твоих ребятах. Дизелист Геннадий Пославский — отчасти провинный. На море ходил радистом. Маленько подраспустился во флотском ансамбле с дисциплинкой. О нем была нелестная характеристика. Я специально обращаю внимание на такой фактор, как пьянка.

Рожев, сам бывший моряк, помбуров второй руки называл по-морскому — «секонд», то есть второй помощник.

— Пославский может подкеросинить, но на работе ни-ни. Я ему говорил: «Вы работаете ничего, но вы иногда напиваетесь. Мало того, вы деретесь». Проведи с ним беседу один на один. Ему можно верить, Харитоныч. Далее. С Шалдеевым дружит Желнин, в основном на почве рыбалки и охоты. Но как дружит? Примерно, как мы с тобой. Соревнуются, одним словом. Желнин не скажет: «У меня шестеренка накрылась, у меня шестеренка вышла из строя». Ты знать не будешь, что у него ломалось. Помнишь, как он перегонял трактор из Кавалерово? Утром в чайной рассказывал, я сам слышал: «Как грязь на траках подсохла, я взял зубило и всю ее вырубил. Трактор свой как яичко очистил». Крепкий, умный, самостоятельный, отличный парень. Ему можно верить.

Народу на буровые не хватало. На автобусной остановке «Развилка» повесили объявление: «Требуются...» Пожаловали из деревни Пушкино братья Землянко — корневищники, ловцы рысей и тигров для зоопарка. Потом пришли два бича типичных: Вася Расстегин — гигант в шапочке-зюйдвестке и галошах, и Кокуев, в энцефалитке на голое тело. Седые лохмы, всё имущество — коробка из-под монпасье «Бом-Бом» с замазученными гаечными ключами.

Этого жуткого Кокуева мастер поместил рядом со мной. Братья Землянки свозили его в свое село Пушкино. Там он отмылся в баньке. Но я по-прежнему с ужасом вглядывался в его ужасное лицо с седыми лохмами. Как было не вспомнить Мелвилла! Измаил со своим старым ковровым саквояжем появился в Нью-Бедфорде в гостинице «Китовый фонтан», где ему по недостатку мест довелось оказаться в одной постели под лоскутным одеялом с гарпуником Квикегом, который не расставался с черным божком Йоджо, гарпуном и томагавком, похожим на остролицего младенца. Книга Германа Мелвилла о белом ките по имени Моби Дик — любимое чтение российских бродяг. Стоять на самом краешке страны и знать, что где-то во глубине континента есть дом, в котором тебя ждут, в котором тебя любят...

Кокуев доставал из тумбочки коробку из-под монпасье, перебирал ключи, из которых особо ценил швейцарский разводной, а также шоферские ключи семнадцать на четырнадцать и семнадцать на девятнадцать.

Однажды я увидел краем глаза — геройская «Золотая звезда» блеснула. Кокуев драил ее солдатским порошком «Асидол» для чистки пуговиц и предавался несбыточным мечтам.

— Ничего, Сема, ничего. Как-нибудь соберемся и съездим на запад, в Петрозаводск. Сходим в ресторан «Похиелла», что означает «Северное сияние». У меня ведь семья была, пока не забичевал.

— Героя-то за что дали?

— За Днепр, за правый берег. — Зевнул. — Тогда многим давали за правый-то берег.

— Страшно было?

— Как тебе сказать. Я ведь тебе про войну такое порасскажу, что ты ни в одной книжке не прочитаешь. Правда — она ведь страшная. Помню, дело такое было. Немцы подогнали, дураки, два состава враз. Мы выкатили сорокапятки, как влупили. Они из вагонов полезли, а наши тридцатьчетверки между составами ходят и уютжат. Туда заходили танки зеленые, а назад выходили красные. Вот так, братишка.

Его поставили дизелистом. Расстегин одно время на траулере коком ходил, его определили поваром.

— Мастер, но ведь у него такой видок!

— Не он первый, не он последний. Компот из сухофруктов и макароны по-флотски всегда изладит. Не брать же бабу. Баба — она и есть баба. Вокруг же ребята молодые, горячие жеребцы. Известно, чем это дело кончается. А мужик — он и есть мужик.

Расстегин был доволен: «Поближе к кухне, подальше от начальства и от магазинов. Мастер мне деньги на книжку будет переводить. Накоплю — в Гродеково съезжу. Там у меня вдовушка есть. Я бабы уже два месяца не трогал. Так что запевай, товарищ, песню самую угрюмую, у меня кровати нет, а я жениться думаю».

Мы-то с Вадиком грязное белье рюкзаками отправляли с Иван Сергеичем на подмосковную станцию «Заветы Ильича». Потом отец сказал Вадiku: больше ничего не присылай, мать обрелась стираючи.

Я упросил братьев Землянко показать мне, как растет женьшень! Миша Землянко обул меня в ичиги, чтобы не топал кирзовыми сапогами, не то корень затаится, заснет. «Кажин год дает по два ли-

сточка по кругу. До верха дойдет лет за пятнадцать — тогда зацветает». Он отогнул папоротник, выкопал корень костяной лопаткой, уложил в короб из кедровой коры.

— Грамм с четыреста пятьдесят корешок потянет. Одна грамм-мулька четыре с полтиной стоит. Видишь, голова, руки, ноги, шишка. Голова болит — берешь от головы, рука — от руки. Есть на примете еще корешки, и не одна семья. Никто не должен знать. Ты вот что скажи, геолог, как найти золотой сундучок? Не знаешь? Чему тебя учили? Бежит ручеечек, моет-моет песочек, а золотишко само в вороночке копится, само намывается. Найдешь такой сундучок — и можно больше не работать.

Бурая листва лежала на светлой и коричневой земле. Тени и куски света сквозь листву пятнами и полосами падали на землю, и земля ловила этот свет. Он обесцвечивал траву. Я боялся ступить на этот ковер.

12

Железную печку раскочегарили до розового сияния. Тогда в тепляке минуты комфорта. Метчик под столом грызет топорщице. Его ласкали:

— Ну что, собака, скоро прилетят вальдшнепы?

Метчик умно смотрит карими глазищами. Я лежал на койке поверх спальника, заложив руки за голову, слушал дождь, сверчков, короедов. Михал Иванович долбил английский. Дифтонги застредали в горле. Герундиальные обороты громоздились на абсолютные конструкции.

Коля Журило в который уже раз доставал чешские ботинки. Так он и не успел уехать на выходной. Сочинил стихи для Любаши:

*Любовь есть мученик народа,
И как гранит тверда она.
В моей любви нет поворота,
И нет измены никогда.*

Гена Пославский лежал без майки, разглядывал альбом «Дрезденская галерея». Грудь его украшала роскошная татуировка — парусник, идущий в полном ветре.

— Да брось ты, Колька, чистить обувь. Ты бы еще галстук, галстук нацепил. Лучше посмотри картинку: ангела с облаков спускаются. На скрипочках играют. Ишь, отъели задние мостики.

— Лучше «Третьяковскую галерею» смотреть. Там есть такие вещи, как Иван Грозный с сыном, Аленушка, медведи на отдыхе...

— В Сучане был крокодил под стеклом, когда зверинец привезли. И удав.

— А я на западе, в Москве, жирафа видел. И кота-камышана. Попугаи! Чего они творят! Так, а это что за картинка? Художник Леонардо да Винчи. «Мадонна Литта». Пацан шкодный — мать прихватил, а есть-то и не хочет, балуется. А другой рукой какого-то птенца прижал. Мамаша куда смотрит? Куда смотрит? В окне — вроде как наши сопочки. А в небе — будто след от самолета инверсионный.

Я достал полевую книжку и карандаш:

*Я часто думаю о том...
Я думаю — Мадонна Литта,
Она же просто мать с дитем,
Хотя, конечно, знаменита.
Она так смотрит на дитя,
Как только матери умеют,
И сердце у меня немеет —
Мне кажется, что это я.
Она же смотрит на меня!
В моей руке зажат щеглёнок,
Я изо всех своих силёнок
Сжимаю этого щегла.
Я помню этого щегла!
В окошке голубело что-то.
Ах, да! В промоине окна
Я помню след от самолета...*

— «Шоколадница». Художник Лиотар. Ручки какие, передничек! Дамистая, гладкая! А туфелька, туфелька — чуть-чуть видна. Взять бы эту шоколадницу — сладкая, небось, по темному ночному делу! Ходил я как-то в баню в Уссурийске, в номера. Как Зощенко нас учил: баня не театр, хошь — не хошь, а раз в год сходить надо. В бане, как сейчас помню, лозунг висел: «Разнополая помывка в номерах строго воспрещается, кроме инвалидов без конечностей». Сижую, жду. Вдруг приходит мужик. Приходит мужик, а с ним такая кралечка в самом соку, под вид этой шоколадницы — чуть-чуть срыжа, брови строгие, а талия, талия! Грудь — мрамор. Сидят они, значит, ждуют номер на двоих. А девка такая — у меня аж всё заныло внизу живота. Ну почему не я? Почему не я?

— А я помню, около льва долго стоял. Ребята дразнили его, и он нервничал. Шикарный зверь. Развернулся на пацанов и ссыканул, как из брендспоя. Деятель! Мужики: га-га-га.

— Я взял кило конфет. То белому медведю кинешь, то обезьянам. Всё раскидал.

— Мне в зверинце слона было до чего жалко! Доходной стоит. Клычки небольшие, ногу поднял.

— А утку-мандаринку кто-то видел?

— Опять ты, Самэн, со своей мандаринкой. Нет ее здесь! Она на корейских рисовых чеках водилась. А потом корейцев выселили в Среднюю Азию, и утки не стало.

— Сейчас корейцы возвращаются, поди и утка вернется...

— Хрен вернется.

— А еще в Третьяковке сильнейшая картина есть — «Три богатыря», — сказал Иван Расстегин. — Я их нарисовал, три на два метра, когда в бухте Ванина от трипака лечился...

— Иван, ты ведь кормишь нас! Где трипак-то схватил?

— Да была у меня одна подруга — шалаболка. Я ее как-то раз изобразил, да не понравилось, загрунтовал на хрен. Потом трех котят нарисовал, опять не понравилось, тоже загрунтовал на хрен. Думаю: надо хорошую картину написать, из Третьяковской галереи — «Три богатыря». За литр спирта мне достали открытку. К примеру, нужно нарисовать черного коня — берешь простую сажу и даешь искру крап-лаком. Так что если кто будет в ветдиспансере бухты Ванина...

— Не надо!

— Петро, расскажи, как рысь для зверинца ловил!

И все смотрят на меня и Михал Иваныча — такого вы не слышали.

— Телогрейку погубила. С дерева прыгнула, на хрен, за плечо цапнула, всю вату вырвала на хрен. На кино ее снять не успели, так мы отпустили, — зевнул, — потом снова словили, на хрен.

И примолкли сучанские ребята. Рысь они, конечно, видали — после Корейской войны ее много стало в Приморье. И амбу видели, тигра то есть. Но ловить зверя живьем, да еще и выпускать его!

Почти у всех в жизни было море. Много чего узнал я в приморских тепляках: что это значит — пить чай на клотике с кранцами, встать лагом к волне, носом на волну. Швартовы на кнехтах! Фал на нагеле!

Гена Пославский уже начал свой бесконечный рассказ о том, как «Капитан Мелехов» бил лед в проливе Вилькицкого. Как бывший радист, он иногда сдвигал слова.

— Пролив Вилькицкого, пролив Вилькицкого. — Он сидел на койке, свесив тяжелые руки. — Ледовая проводка! Мы триста миль били лед, а это ой много — триста миль. Нам кто мог доставить продукты? Проклятый пролив Вилькицкого! Проклятый Югорский шар! Проклятый Ю-шар!

И вдруг запел:

— *Но моряки об этом не грустят!* У нас в Бухте провидения водки не было, а спирт стоил, дай бог памяти...

— У вас в Бухте провидения! А ты знаешь, почему картошка в Певеке? На материке говорят: если ты попал в Певек, ты уже не человек.

— Ты чего делал в Певеке-то?

— Чего делал? Золото искал. Есть такая контора — экспедиция четвертого района в Новоникольске. Ищут всё, кроме нефти, от Таймыра до Курил...

— Женька, ты где, сокол, поседел так? Днепр? Правый берег?

— Не, это пятьдесят второй год, как раз на ноябрьские. Парамушир, поселок Северокурильск, рыбзавод. Его тогда смыло с рыбзаводом. Море отошло, корабли легли — а я в сопки ушел. Потом, хренак, волна пришла с дом десяти-ети-этажный, цунами, весь поселок накрылся.

— В газетах ничего не писали.

— Захотел! А я после того забичевал. Но, хусим, денег заработаю, и — в Петрозаводск, к семье. Но сначала — в ресторан «Похиелла», что значит «северное сияние».

*Простор голубой,
Волна за кормой!
Гордо реет над нами
Флаг отчизны родной!*

— Материк тебя не погубит, Генка, а погубит простор голубой.

Дождь стучит по крыше тепляка. Дрова трещат в печке.

— Спать, спать, старуха. Что там на улице?

— Ветер поднимается.

— Помню, полковое знамя целовал. Оно бьется на ветру, я не могу поймать его губами, чуть не прокусил.

Я проваливался в сон. Всплывали куски разговоров, скрученные, как дождь, засыпал и просыпался.

— Разве это ветер? Раз в армии мы шли с учебного корпуса, так еле держали друг друга за шинелки. Последнего оторвало — летел через всю спортплощадку. Потом взводами посвязались — искали его...

— Это что. В Мангово на флотских складах салаги только по два часа стояли.

— Э! На Северном Сахалине стояли через час, и еще караул усиленный. Телогрейка, полушубок, шуба. Через час плечи отваливаются. Щеки вазелином мазали.

— Раз заблудился. Спирту хватанул, на другой батальон попал...

— ...Как говорил товарищ Огурцов, заслушаем клоунов...

— Вот вы говорите — мечта, — сказал Кокуев.

— Мы не говорим.

— Не говорите, а думаете. Вы знаете, что есть у меня мечта — на запад поехать, в Петрозаводск, посидеть в ресторане «Похиелла». Как-то раз рейс кончился, я деньги получил — и на материк. Добрался до Экимчана. А там была перевалочная база северного завоза с запасами на пять лет. Я туда давно стремился, потому что там, говорили мужики, полно было пива и водки. В чипке водки не оказалось, только спирт питьевой. Пива там тоже, конечно, не было. Откуда там может быть пиво? Ничего там не было, кроме спирта питьевого. Очнулся я утром на снегу, гол, как сокол. Только звездочка в масленке, масленку никогда не трогают. Вернулся кое-как в Раздольное — и снова в рейс. Но мечту затаил. В следующий раз баба меня в машину усадила до Майкита. Там я закупоросил, снова меня обчистили. Еле вернулся в Раздольное. Ушел в рейс.

— Как в сказке, — сказал Вагин.

— Ага, как в сказке. Из рейса пришел — и вперед, на запад! Думаю: я всё равно доберусь до Петрозаводска. У меня ведь там законная жена и пацанка. Даже сон приснился — культурно сижу в ресторане «Похиелла». Баба меня аж до Благовещенска проводила, купила билет на самолет, взяла такси, таксисту дала на кофе — гони до аэропорта и не останавливайся. Таксист говорит: «Не беспокойтесь, гражданка, доставим в целости». Мчимся по Благовещенску. Пролетаем ресторан «Амур». Я говорю: «Шеф, тормози!» Тот жмет на газ. «Тормози, говорю!» — Сунул ему полсотни. С шиком подкатил к «Амуру». Пиво, водка, музыка. Достал сотенную пачку рублями, обертку сорвал, рубли бросаю — фью, фью, фью — в оркестр веером! «Журавлей» на все! Только начали играть — милиция появляется. А что я сделал? Ладно. Утром очнулся. Не судьба, думаю, побывать на западе. Опять в рейс!

Разговоры стихли, и все слушали неспешный рассказ обычно молчаливого Жени Кокуева. Дождь стучал по крыше, на которой

Михал Иваныч испытывал палочку твердой туши для маркировки ящиков с керном, якобы неразмокающей твердой китайской туши.

— Ладно. В следующий раз баба сама меня в Благовещенске в самолет усадила. На дорогу купила две бутылки водки и пузырь перцовой. Чтобы я, значит, по шалманам не бегал. И что же вы думаете? В самолете встречаю Пескова, с которым когда-то в рейсе был! «Здорово!» — «Женька, ты?» Надо встречу отметить. Достая водку, достаю перцовку. Конечно, на геракловы подвиги потянуло. С соседями разодрались. А соседи чуть не инкассаторами оказались, с оружием. Ну, разоружил одного. Самолет сделал вынужденную посадку на каком-то военном аэродроме. Меня в каталажку — и домой. Потом ещё раз попытался на запад попасть...

— Ещё раз? — заржал Каратин.

— Но я как Петр Первый — всё равно найду выход к Балтике.

Вахтенный дизелист прибежал:

— Генка, вставай! Масляный радиатор полетел!

Гена Пославский толкнул Вагина:

— Витя, дай закурить, я с тобой еще не успел поругаться.

— Одна на ночь осталась, радист. Ладно, бери, потом мне бычок оставишь.

— Кокуев, штаны подай. И сапоги заодно. Да и сам собирайся.

Каратин тоже натягивал сапоги. Шевельнул носком гильзу на полу: непорядок. Чья?

— Наверное, серёгина. Он всегда гильзы теряет.

— Да, шестнадцатый калибр. Серёгина. Зачем мне всё это нужно, — ворчал Каратин, — уехать в Сучан; мне, мастеру, найдут работу в конторе — карандаши точить. Доработать до шестидесяти — и ни одного дня больше на буровой...

Михал Иваныч протянул Каратину махорочную сигарету:

— Чем богат. На обелиске на Шаманском перевале в Восточном Саяне я видел надпись — «Друг, остановись и покури».

Капризный на табак мастер вообще-то не уважал изделия фабрики имени Клары Цеткин, но теперь и «Клару» закурил. Чем не запаслись — так это табаком. Надо учесть на будущее.

Я надел первую робу, какая попалась, и поспешил за мастером.

Когда дизель запел, закричал, Каратин хлопнул меня по плечу. Я опустил грязные руки в ведро с соляжкой и только так оттер их. Сладкий запах соляжки остался. Гена Пославский подал мне чистые обтирочные концы. Откуда-то вытащил заначку — остатки махорки в алюминиевой масленке. Содрал газетную обертку с книги (ди-

зелисты читали моего бедного черного Хемингуэя). Постукивал пальцем по масленке, ни крупинки не просыпал. Дизель уверенно гнал теплый воздух.

В тепляке Гена Пославский рассказывал:

— Двигатель чах-чах-чах. Ну, думаю, я ему прочитаю молитву. А он: лях-лях-лях и, на малых оборотах, — ковыль-ковыль. Вон что ты хотел, вон что ты хотел. Но я продрал все дырки, он и заорал не своим голосом: та-та-та, чуть в разнос не пошел. Обороты то прибавит, то убавит. Всё соляркой забило.

Он убрал в тумбочку «Дрезденскую галерею», сел на кровати, свесив тяжелые руки, достал свою книжечку.

По свидетельству Бориса Шергина, в обычае многих поморов с берегов Студеного моря было ведение записей. Была у людей необходимость оставлять «памяти», «морские предания» — вырезать на дереве, высекать на камне что-либо о себе и о товарищах своих, «дабы свеча не угасла»:

*Корабельные плотники Иван с Ондреяном
Здесь скончали земные труды,
И на долгий отдых повалились,
И ждут архангеловой трубы...*

Смерть воспринимается как «долгий отдых»...

На мысе Могильном у пролива Вилькицкого Гена Пославский занес в книжечку эпитафию, которую, подобно Роберту Стивенсону, написал себе лейтенант Жохов:

*Не кинет золотом луч утренней Авроры
На лиру чуткую забытого певца —
Могила глубока, как бездна Тускароры,
Как милой женщины любимые глаза.
Когда б он мог на них молиться снова,
Глядеть на них хотя б издалека,
Сама бы смерть была не так сурова,
И не казалась бы могила глубока.*

Мастер Каратин во сне звал жену, говорил ясно и спокойно: «Катя! Катя!»

Тайфун с красивым именем «Кармен», возникший над перегре-
тыми тропическими водами Тихого океана у Марианских остро-

вов, рванувшийся со скоростью курьерского поезда на Японию и накрывший своим крылом Приморье, разогнавший высокую волну с загнутыми хокусаевскими гребешками, после недельного буйства затухал. Еще передавали по радио погоду через каждые два часа, но бледное солнце уже просвечивало сквозь тучи. В долинах уже спадала вода. Солдаты рубашками ловили рыбу в колеях и жарили ее на здоровенных армейских сковородках.

Тихо, светло в лесу после дождей. И деревья распрямлялись, и птицы начинали петь, и дальневосточная уточка-мандаринка осмелилась выпустить утят из родного гнезда в старой дуплистом липе. И во Владивостоке, в управлении на Океанской Игорь Ипполитович Берсенева, запустив пятерню в бороду, разглядывал карту бассейна реки Суйфун.

Коля Журило уехал на длинный выходной. Михал Иванович отправился проверять заявку на нефть, взял меня и Сергея Желнина, свободного от вахт. Сергей надел поверх энцефалитки зеленый, под цвет природы, армейский бушлат. Шел впереди, бесшумно скользя между деревьями. Тяжелые краснощекие фазаны с зелено-синей побегалостью в пере долго трусили, потом взлетали с разбега, как тяжелые самолеты. Следы — как стрелки.

Щуки водились в изобилии в таежных реках, где вода цвета крепкого чая, как вытяжка из нефтяного керна. Щуки грелись на отмелях против берега. Сергей почему-то шепотом сказал:

— Она глотает блесну, тянешь — торчит во рту, как пряник.

Я шел, раздвигая высокую траву, и чувствовал себя Гербертом из «Таинственного острова». Мы напились холодной родниковой воды. Я растянул пряжки, стащил сапоги, размотал портянки.

— Надо было байковые взять, — сказал Сергей, сочувствуя.

Сергей показывал по-хозяйски: дикий абрикос, пробковое дерево.

— Это лежка кабанов. Здесь кабан стоял на коленях, а потом здесь прошла козочка. А тут два козла дрались, а козочка стояла, наблюдала. А это заячья лежка. Заяц спит, как человек. Растянется и сон дает, клопа давит. А это — видели? — козочка помахала платочком — так у нас говорят. Сзади у нее белое пятно, как на Борисовской сопке. Это чтобы козлятки не потеряли маму.

Михал Ивановича интересовали те места, где базальты были прорезаны долинами речек — там можно прокладывать сейсмопрофили.

Сосны, похожие на итальянские пинии, привлекли его внимание. Кроны их походили на дым вулкана, расплзающийся под ветром.

Мы остановились у чистой реки. Склоны сопки были красны от багульника. Ленок стоял у берега, чуть шевеля плавниками. Он шел на червя. При насадке червь упирался и выпускал землю. Ленков жарили на прокаленном камне. Шкура у них сразу отставала.

Лежали, глядя на огонь.

— О чем задумался, Михал Иванович?

— Размышляю на общегеологические темы. Как базальты изливались? Базальтовая лава, как известно, жидкая, не в пример гранитной. Но как базальты изливались на поверхность? И если нефть тут была, то как она уцелела, если так жарило и парило?

— Михал Иванович, почему ты тогда, в Колпашево, взял меня в геологический отдел.

— Друг сердешный! Я стоял у окна, вижу — что за композитор, что за пенёк, ботва вместо прически? Ты шел по торцовой мостовой, смотрел под ноги, будто считал годовые кольца в срезах. Но если бы я вздумал, дорогая поэтесса, рассказать об этом Генке Пославскому или Коле Журило...

Сергей:

— Коля, наверное, ботинки чистит. Крем достает щеткой, как собака консерву.

— Поёт о Любаше: глаза такие карие, и голос как колокольчик.

— Она ему фотку свою подарила с надписью: «Мои мечты только о тебе». А Каратин с Рожевым говорят по рации: «У тебя всё? У меня всё».

— А Генка Пославский о краболовах рассказывает. Или о том, как «Капитан Мелехов» бил лед в проливе Вилькицкого.

— А может быть, спорят, где картошка дороже — в Певеке или в бухте Провидения. Или базарят, как лучше ловить селедку.

— А потом мастер придет: «Вставай, мама приехала!»

— Какой сегодня Орион яркий, — сказал я.

— Где?

— Видишь вон ту яркую звезду? Это Бетельгейзе — альфа Ориона. В поясе охотника Ориона. Он ищет Плеяд, семь сестер. Он их любил на Земле, но боги превратили его в созвездие. А он и на Земле их ищет.

В лесу кто-то бил тоненьким молоточком по наковаленке.

— Бурундук. Как Дерсу Узала говорил про муравья: «Его тоже люди, только рубашка другой. Обмани понимай, сердись понимай, всё равно как люди».

Засыпая, я подумал: звезды общие, как хорошо, что звезды общие, она видит те же звезды, звезды как скважины вбиты в небо. Как гвозди. Или так — звездная пыль.

И приснилось мне время, которое называлось «довойны». Перед новым годом я заснул в гостях у Толстихиных, а проснулся дома.

— Мама, а как это я у Волика заснул, а проснулся у нас дома?

А мама взяла меня на руки, и качает:

— Ах ты, миленький, маленький. Да я тебя сонного перенесла.

Отца во сне не было, но я твердо знал, что он где-то рядом.

Пройдет время, и ничто не будет напоминать о скважине номер три. Останется бетонный репер на устье. Глыба базальта в реке будет все так же разговаривать с водой, но никто не будет пытаться разобрать этот смутный язык. Облака будут медленно плыть, распадаясь в высоком голубом небе.

В сопке Каменной нефть высачивалась из недр и стекала вниз из расселины. Она была темной и маслянистой. Сергей рванулся первым. Он разделся, швырнул одежду на другой берег. Бросился в воду, его сбило, снесло течением.

— Нефть! — кричал он. — Идите сюда! Все идите сюда! Радужная пленка!

«А вдруг?» — подумал я. Ведь может быть такое — «а вдруг!»

Михал Иваныч равнодушно шел к сопке Каменной. Он взял молоток и ручкой ударил по луже. Пленка распалась на угловатые куски.

— Гидроокислы железа. Я насмотрелся на них. Нефтяная пленка при ударе расходится кругами. Давайте хоть обнажение рассмотрим. Хорошо видны три излияния. Верхняя часть каждого из них — пористая: ювенильные газы отходили. По этим пузырьчатым зонам и двигалась вода. Железа растворенного полным-полно.

14

17 марта 1960 года американский авианосец «Кирсердж» подобрал в океане нашу танкодесантную самоходную баржу с четырьмя солдатами. Она была сорвана со швартовых в заливе острова Иту-

руп. Сорок девять дней носило баржу. Ребята голяшки сапог, ремни и меха гармошки съели. А книгу Джека Лондона не тронули — Асхат Зиганшин сказал: нельзя, книга библиотечная. У одного из солдат фамилия — Поплавский. Гена Пославский, как услышал это, начал собирать вещи.

— Несерьезный ты человек, Гена, — сказал Каратин. — Что из того, что фамилии похожие?

— Даже не в фамилии дело, Харитоныч. Денег мало.

— Ты двести рублей получаешь, тебе мало!

— Я с осени столько не получал.

— Как же не получал? Я получал, а ты не получал.

— Так вы за бездетность не платите.

— Женись и ты.

— Мне здесь не проханже. Что за жизнь в тепляке? Горел бы этот дизель синим пламенем. Что за жизнь в лесу — хуже казармы. То ли дело море. Помню, шли мы Четвертым Курильским проливом, Четвертым проливом. Попали в рифовую ловушку. Подняли штормовые паруса. Шли, меняя галс, пока не вышли вслепую. Уйду на краболов. Он выйдет из бухты Диомида ловить сайру и злого охотского краба. С марта по октябрь буду в море. В нейтральных водах к нам будут подходить японцы в желтых робах и кидать девочкам конфеты. А наши будут кидать им буханки хлеба.

Меня тоже понесло:

— А по ночам тебе будет сниться буровая, застигнутая тайфуном, как корабль в море.

Друг Витя Вагин сказал практически:

— Лучше всего, радист, устраивайся мотористом на кавасаки. Там двигатель одноцилиндровый.

— Хоть куда, но на море.

15

Машины не было, и я решился идти в Борисовку с отчетом пёхом. Снег выпал, столь редкий в наших местах. Метчик лаял на него. Потом решился и побежал. Если идти, считая шаги, вести кроки карандашом ТМ на левой странице полевой книжки — никогда не заблудишься. Белая салфетка обнажения на вершине Борисовской сопки смутно выделялась в дубняке, упорно державшем ржавую листву. Маньчжурский дуб до сих пор помнит, что когда-то он был вечнозеленым.

Борисовка сверху была в дымах, светлой, пряничной. В камералке тепло, печка топится, можно прижаться спиной. Новенькая — Светлана, чудо в перьях, глаза сияющие, удивленные, хохотушка в шапке с помпоном — приняла у меня отчет.

— Откуда вы?

— Есть на севере далекий городок между двумя горами — Банной и Липовой, Пермь называется.

Как при этой девочке в вязаной шапочке с помпоном будут изъясняться мужички-буровички, на каком языке? Они мычали, выбирая выражения как можно менее народные. Благоухающий Михал Иванович корпел над картой, ловко управляясь с пропорциональным циркулем. На стене между геохронологической таблицей и ковром бурения на осеннее-зимний период появился портрет Олега Стриженова из «Советского экрана».

— Михал Иванович, над вашим столом висит карта с грифом «Для служебного пользования». Немедленно убрать в сейф!

— Слушаюсь!

Курить Михал Иванович выходил теперь на улицу. Стоял на крыльце радостный:

— Как тебе Светик? А, ничего не понимаешь! Рядом с молодой просто постоять, тем более посидеть, — уже счастье. Глянешь на нее — и петь хочется. Так нет, — стукнул кулаком по перилам, — управление хочет забрать ее на Дальнюю Речку. Она хорошо проявила себя на мелком картировочном станке.

Помолчал, негодуя.

— Где мой брегет? Сейчас придет Тихомиров, и мы все идем в السينما смотреть «Серенаду Солнечной долины». Я видел эту картину на заре туманной юности. Потом я дам обед. Повод: я ликвидировал хвост по английскому. Хау а ю?

— Лучший фильм всех времен и народов! Про музыку я и не говорю. Гленн Миллер секретарше кинул монетку: «Купите себе шоколадку». Вернулся, еще монетку бросил: «С орешками». С орешками! Хорошо! Я в Уссурийске был — там в столовке горкой хлеб бесплатный. Студенты пируют — берут по пять стаканов чая. Что-то дрогнуло в душе: может, Никита прав? Может, и впрямь к коммунизму идем?

Михал Иванович поставил на плитку кофейник, расстелил на столе хрустящую скатерть, разгладил ее и только потом водрузил ред-

кое печенье «Садко» в коробке. Он очень любил печенье именно «Садко», именно в коробках. И чтобы скатерть была хрустящая, накрахмаленная, а не клеенка кухонная, прорезанная и прожженная, или того хуже — газета. Хозяйке квартиры он заказал квас по собственному рецепту — «в вековых традициях русского кваса». Салат из крабов с зеленым горошком Михал Иванович приготовил собственноручно. Крабов с трепыхающимися клешнями ему доставили из Владивостока, прямо с рынка. Он жалел, что нигде не мог достать индюшку, была у него мечта — в хорошую минуту приготовить ее с черносливом.

Он поставил фокстрот «Вся компания в сборе».

— Сеня, друг сердешный, хау ду ю ду! Утар кунак чай шарга, что в переводе означает: садитесь, друзья, чай пить будем. Это надо же, ребятки, — аглицкий я осилил! А то я уже начал петь «Разлуку».

И действительно запел фальшиво и вдохновенно: «Вот умру, вот умру я».

Света засмеялась:

— Великий Карузо!

— А мне, Светик, запрещали петь в школьном хоре. Я только рот разевал, когда пели «Гибель Чапая», но уж в припеве я базла-ал! А в пьесе «Часовые революции» я играл беспризорника. Но петь мне и здесь запрещали. На сцене делали мрак, а за сценой за меня мальчонка выводил «Могилку» дрожащим голосом.

Он прислонился ко мне плечом:

— Ты заметил, какие у нее глаза?

— Твист-твист-твист-эгей! — Михал Иванович пытался попасть в ритм. — «Как вы это делаете, молодежь? Нет дучше рок-н-ролла, чем вальсы Штрауса», — и сразу перешел на румбу. — «Румба — кривые ноги! Румба — большой живот!» Показываю движения линды, был такой танец. Я был лучший линдач Западно-Сибирской низменности. По-русски это называется «о-кей», что в переводе означает «вери велл». Звучит? Эх, как Любочка Орлова отплясывала — тюх-тюх-тюх-тюх, разгорелся мой утюг!

— Больше не пейте, Михал Иванович! — строго сказала Светлана.

— А я говорю: «Лей еще!» — «А может, хватит, Кид?» — «А я говорю: лей еще!» Это Джек Лондон, рассказ «За тех, кто в пути!». Ладно, ребятки, я свои недостатки буду взвешивать сам. А если Светик будет против, я исчезну, как метеор.

— Садитесь за стол, — сказала Света. Она разливала кофе. — И вы совсем не старый.

— Бара бир, — шумел Михал Иванович. — Я знаю все правила этикета — вилка слева, нож справа. Женщина первой подает руку, мужчина — ногу. Но когда передо мной острые глазенки, я, как со-сна, раздваиваюсь. «Сенкью вери матч», что в переводе означает «сенька веру мусх». Ничего никогда не бойся. Говорят, Айседора Дункан принимала ванну из шампанского. У меня сюрприз — шампанское! Вернее, дункан.

Михал Иванович вежливо щелкнул бычок в поддувало.

— Сеня, проводи Светика.

И галантно подал ей городское светлое пальто.

Когда я вернулся, он курил на короточках перед раскрытой дверцей печи.

— Эх, хороша дивчина. И спереди навешано, и сзади, как говорится, нашито. Ты ее провожал, что вы там делали — неизвестно. Люди молодые, дело темное. Как родит, так и разнесет ее... Пройдет десять-пятнадцать лет...

— Зачем вы это говорите?

— Зачем, зачем... Когда-то я думал, что буду жить лет триста, как слон. Как-то сердце прихватило, и дошло до меня: я как все. Я умру, как все. А ведь я мальчишкой себя чувствую, мин херц.

Михал Иванович:

— Когда я был маленьким, конопатым, одна штанина выше другой, я хотел быть, — он загибал пальцы: капитаном подводной лодки дальнего, самого сверхдальнего плавания — раз, художником лучше Репина — два.

Вадик:

— А я писал сочинение «Кем быть»: кем угодно, только не врачом и не учителем.

— Это почему же?

— Страшно.

Михал Иванович:

— Пацаном на Колыму попал, и молодость мою мерзлота прихватила.

— А как на Колыму попал?

— Вот про это не спрашивай.

Зачем им это знать, то, что мне жизнь сломало. Я не стал просить власти о реабилитации. Почему они не нашли меня? Почему они не извинились передо мной? Почему никто передо мной не изви-

нился? Что бы я ни говорил, до конца мне никто не поверит. Так зачем им это знать — то, что сломало жизнь маленького тощего детдомовца. Носил какую-то невероятную серую блузу чуть не до колен, пятьдесят второго размера. В этой блузе в Пермский университет поступил, на геолфак. Общую геологию нам читал Герасимов, Николай Палыч. Так зачеты он у себя дома принимал, за чаем с хорошим печеньем. Он мне как отец был. Меня, шкета, и геологии учил, и жизни. Про Мэрчисона, открывателя пермской системы, рассказывал. Сынишку назвал Индрикатерием, мы его Индриком звали. Чай, печенье. Про открытие залежи в карбоне на Краснокамском месторождении рассказывал, про дело, которое ему шили, да не дошили — случай помог. Я с тех пор полюбил чай за хорошей скатертью, да еще чтобы лампа с абажуром. Никогда раньше так хорошо не было. И вдруг — новое дело завели на Николая Палыча.

И вот ему эти зачеты на дому, чаи и печенье. Комсомольцев на внеочередное собрание подняли. Говорят, так и так, надо осудить Герасимова. Я поднялся в своей серой блузе: «За что? За что осудить-то? Вы что, люди? Николай Палыч столько хорошего для нас сделал. Из меня человека сделал». Нет, не понимают. Я ушел, дверь хлопнул — и на пляж. Весна жаркая была. В общежитие поздно пришел, сайку принес к чаю. Лежал на койке, руки за голову, думал, что будет с Николай Палычем. А сосед мой Гришка Гольдштейн, инструктор планеризма, рассказывал, как он свою девушку в кино водил. Чаю напились с Гришкой. Полсайки осталось, я в тумбочку сунул. Уснуть не могу.

Вдруг комендант входит, с ним двое. «Товарищ Варачев!» — говорит. Никогда меня не звал иначе, чем «шкет» и «Мишка». А тут — «Товарищ Варачев, к вам пришли. Один раз уже приходили, да вас дома не было». Сунули мне бумагу — обыск. «Где ваши вещи?» — «Какие вещи? Всё в тумбочке». — «Пошли, товарищ Варачев». Гриша говорит: «Возьми сайку-то». — «Я вернусь через час». Вот так и попал на Колыму, олень безрогий.

Из полевой книжки Варачева:

*Выбрал я не зря горный факультет,
Трудную судьбу бродяги,
Лучшие по болотам тонать много лет,
Чем всю жизнь марасть бумаги.
Мы будем петь и пить со страшной силой,
И разгоняя всюду тишину,
По сантиметрику, по сантиметру*

*Коронка режет, режет глубину.
Закатилось солнце спать за облака,
Тянется ночная смена,
Я гляжу на шпиндель своего станка,
Хочется уснуть мгновенно.
Смерть придет внезапно грязной и босой,
Где-нибудь в горах Бырранга,
Стукнет по затылку даже не косой,
А шестиметровой штангой.
Но мы будем петь и пить со страшной силой,
И разгоняя всюду тишину,
По сантиметрику, по сантиметру
Нас на веревках спустят в глубину.*

16

Прощай, скважина номер три! И базальтовый камень на Шуфа-не накрыло с головой. Собирали ломы, гвоздодеры, всё, что может пригодиться для демонтажа. Вдруг сверчка стало слышно. Видать, он и раньше пел, но за ревом дизелей его не было слышно: «Ты сверчка видел?» — «Не видел». — «И я не видел. А он есть!» И все стояли и слушали сверчка.

— Их порошком «Прима» хорошо выводить.

— Молчи!

И сразу сверчок умолк. Плохо как-то без него. Неуютно.

И вдруг он снова запел, и другой запел, будто слышали наш разговор.

Одинокий сверчок.

И другой одинокий сверчок.

Да они уж не так одиноки!

На устье скважины, где обвалившийся базальтовый карниз вел бесконечный смутный разговор с набегающей водой, остался бетонный репер. Когда в верховьях шли дожди, камень и репер накрывало с головой.

Точка для скважины номер четыре выдана рядом с дорогой на аэропорт Артем. Охотники были недовольны, зато Коля Журило обрадовался. Раскатали пронумерованные бревна тепляка и собрали на новой точке.

Арбузов приехал:

— Ничего не понимаю. Перед гамма-каротажом замерил космический фон — феерический, зашкаливает на втором масштабе. Придется ехать на базу в Сад-город за другим счетчиком, переписать.

Присел на корточки, почтительно смотрел, как я отмечаю на разрезе границы пластов. Непонятного прослая магматических пород среди болотных песчаников не было.

— А почему, собственно, вы считаете их болотными? — спросил Арбузов.

Почему-то мы были на «вы». Я показал в керне ходы илоедов и углефицированные растительные остатки.

— Как это увлекательно!

Уезжать ему не хотелось. Вдохнул и отправился к станции, загребая ногами.

Женя Кокуев не зря боялся переезда. Он получил на руки деньги, рванул на попутке в аэропорт Артем и после произведенных там бесчинств похитил в ресторане «Полет» балык, угнал мотоцикл «Иж» и был схвачен милицией в поселке Раздольное.

— Иван Харитоныч, где Кокуев?

— Я этого твоего бича в Артеме еле вытащил из милиции. Мне такие не нужны. Как бы он у меня других ребят не сбил с панталыку.

— А где он?

— Где Кокуев — не знаю. Поди, опять на запад рванул. А Расстегин отправлен на Сандугу. Рассказывают, Ан-2 попал в болтанку. Вася смотрит — люди пакетики просят. Так он смастерил огромный куль из «Тихоокеанской звезды». Когда прилетели, сказал: «А я думал — чего давать будут». На Сандуге как раз начальство из управы приехало. Вася в своей энцефалитке руку выставил, как шлагбаум. Как Федя Костров, речь толкнул: «От имени Организации объединенных наций приветствую свободный народ Кубы!» Так они все под его грабкой прошли, а Игорь Ипполитыч, сам знаешь, какой лось. Теперь кока опять искать надо.

А тут еще слух прошел, что Хрущев едет на встречу с Мао, великим кормчим. Артемовский аэропорт приводили в порядок. Буровую — тоже. На площадке верхового, «капитанском мостике», появился красный флаг — Каратин взял в местное под расписку. Коля Журило на спуск-подъем чуть не в галстук выходил. Ведь Первый секретарь по дороге в аэропорт может углядеть флаг, транспарант «Владивосток — визитная карточка Советского Союза на Дальнем Востоке» и пожелает заехать на буровую.

Арбузов приехал из Сад-города — у всех операторов жуткий космический фон. Кривой ГК — гаммокароотажа — не будет. Ребята на базе сказали, что где-то в Казахстане испытывали бомбу. Ветры принесли пепел, и наши дожди высадили его на побережье.

17

В 1959 году госзакупки мяса увеличились на треть. Хрущев: «Мы перегнали США по производству масла на душу населения». Это правда: американцы в те годы переходили на высококачественный маргарин. У нас же колхозы и совхозы скупали скот у населения, пускали под нож недокормленный молодой.

Братские страны были заморожены нашими планами по кукурузе и целинному зерну — оно им нужно. Однако теперь Хрущев говорит, что кукуруза должна давать 200–250 центнеров зеленой массы с гектара — иначе ее невыгодно сеять. На целине — сухо-вей. Братья перестали заниматься своим зерном — в фураже им отказано. Или взять наше Нечерноземье — разрешили оставлять у себя зерно — пусть кормят скот. А они вместо зерна стали сеять однолетние травы.

Хрущев честен: «Если не принять необходимые меры, то мы можем скатиться к положению, которое у нас было к 1953 году». И еще — вложения на сельское хозяйство урезаются, отменили натуроплату колхозникам, заставляют колхозы быстро расплатиться за технику, переданную из МТС.

Пары! Чистые пары в увлажненной зоне! Да это же вторая целина, если их распахать, да посеять пропашные — кукурузу, свеклу, подсолнечник. Они не боятся сорняков, пропалывать можно машинами. Хрущев принялся бороться с травопольной системой, но предупреждал: нельзя всю траву брить до синевы. Хрущев себя не щадит — выступал за навоз, пренебрегая минеральными удобрениями. «Последним романтиком» назвал Никиту Сергеевича журналист Анатолий Стреляный.

Хрущев снова отправился за океан, на этот раз на лайнере «Балтика». В октябре 1960 года — как раз астрономическое окно, удобное для первого межпланетного пуска на Марс. Как Никите Сергеевичу хотелось повторить прошлогодний триумф с лунным выпелом, запустить американам еще одного ежа за пазуху! Ничего другого, кроме Марса, у него нет.

Нужно вывести корабль сначала на орбиту спутника, а уж оттуда стартовать к цели. Чтобы послать к Марсу или Венере машину, нужны четыре ступени. Всё — в первый раз, прочитать негде, спросить не у кого. Всё — белый лист.

Третья годовщина первого спутника. Королев послал в Ташкент на самолете за фруктами и вином для коллектива. А тут «бобы» пошли. Отложить старт нельзя. Следующее окно — через два с лишним года.

Ракета не вышла на орбиту. Королев пишет Нине: «Видимо, природа ревниво хранит свои тайны». Хрущеву нечем удивить американцев.

Следующего окна для старта к Марсу надо ждать 25 месяцев. Королев создает принципиально новую межпланетную станцию. Ему нужны на «Марсе» надежные двигатели для коррекции траектории. Исаев завален работой:

— Ну сам подумай — зачем мне еще и эти движки сажать к себе на шею?

— Тогда подскажи: кто мне их сделает? Кто это может сделать? Кто, кроме тебя? Это принципиально новый, это межпланетный двигатель, ты понимаешь? Это же фантастика, Алексей! Я просто, извини, не в состоянии понять, как можно отказываться от такой работы?!

В феврале 1961 года открывается окно на Венеру. Началось время межпланетных полетов! Через семь дней после запуска контакт со станцией потерян — «программник сдох». Утешение — установлен рекорд дальней космической связи.

18

Разговор с Мао не получился. Прямо кормчий ничего не говорил, но Хрущев всё понял и, глядя в его круглое лицо с незатухающей улыбкой, процитировал Ленина: «Владивосток далеко, но город-то нашенький». Надо перевести — не просто наш, а *нашенский*, расейский Влади-восток. Мао загадочно кивал. А во Владивостоке Штыков и говорит: «Они прекращают поставки на гигантский масложиркомбинат, ориентированный на китайскую сою». Это как понимать прикажете? Тогда я прямо скажу: «Владивосток должен стать советским Сан-Франциско».

Дорога в аэропорт отличная. Земля здесь богатая, должна расти соя. Своя соя, чтобы не зависеть от Китая. Надо потолковать

с Лысенко. Ему пустил ежа за шиворот Курчатова. Я говорю: «Игорь Васильевич, мы вас очень ценим и уважаем, а здесь вы неграмотный, не суйтесь к этому делу!» Так нет же — втайне от меня выразил своих генетиков. И Лаврентьев в Новосибирске своевольничает. В Академгородок, в свою Золотую долину из Москвы, как он сам сказал, маленьких сволочей не взял, а большие сволочи сами не поехали. Это, конечно, хорошо, что он на периферии научный центр сделал, но зачем было институт генетики создавать с Дубининым во главе? Трофиму Денисовичу насолить? И вдруг в Пекине, в аэропорту вижу Лаврентьева. Он, оказывается, в нашу делегацию пробился, чтобы встретиться со мной. Я ему: «А вы тут что делаете?» — а он мне: «Никита Сергеевич, возьмите меня с собой, в ваш Ил-18».

Пейзаж здесь непривычный — сопки, сопки. Какая-то вышка с красным флагом в лесу, спрятанная между сопками. Спросить у Штыкова — что они там ищут?

В самолете Хрущев сказал Лаврентьеву:

— Вы, кажется, математик, Михаил Алексеевич, а тоже, как и Курчатова, лезете в биологию.

— Никита Сергеевич, автор третьего закона термодинамики Вальтер Нернст в часы досуга разводил карпов.

— Почему именно карпов? Лучше бы он разводил свиней или кур.

— На этот вопрос Нернст отвечал так: я не развожу теплокровных, я развожу только тех животных, которые находятся в термодинамическом равновесии с окружающей средой.

Хрущев поднял палец и рассмеялся:

— Хорошо сказано. Я ценю юмор этого... Нернста, но почему вы не хотите работать с Лысенко?

— Лысенко — мракобес.

Хрущев хватил кулаком по столику:

— Я так думаю, что придется сделать оргвыводы по руководству Сибирским отделением.

Самолет шел над Байкалом. Солнце сложно отражалось от поверхности воды, так что края облаков отсвечивали голубым.

Хорошо, что Хрущев не заехал на буровую. Вывал шоколадных мергелей в скважине зажал колонну труб. Каратин сам встал за рычаг, махал шестипалой рукой, чуть не до пола сгибаясь от ярости:

— Двигаетесь, как загробные тени! Дети какие-то собрались, мать вашу дивизия!

Каратин, не терпевший простое и тем более осложнений, а еще пуще — аварий (обрыв труб, рваные их края, смятая в макароны стальная колонна на забое), сам встал за рычаг. На этой планете он был один на один с бунтом недр. Мат стоял такой, что привелось быть женщине, она бы с ходу забеременела. Он физически чувствовал, как идет непроизводительное время, а именно та часть баланса времени, которая называется «борьба с осложнениями». Он знал, что его друг мастер Иван Рожев сейчас дает метры, проходку, а он, Каратин, эти метры теряет. Из неторопливого доставалы, хозяйственника, до гвоздя знающего буровую, он превратился в яростного мужика, один на один ведущего борьбу с осложнением. Он не мог допустить, чтобы осложнение перешло в аварию. Осложнения он всегда брал на себя. Он понимал этот свой недостаток, но ничего не мог с собой поделать. Авария — это сжатое время, ее допускать нельзя.

Он вырвал прихваченную колонну, передал рычаг Желнину. Руки у него дрожали. Выпил дембельскую кружку холодной воды:

— С вами запоешь «разлуку».

Во время натяжки радиоприемник «Огонек» запылал, оправдывая свое название. Его затушили, набросив телогрейку.

— Почему насос качал на одном штоке?

— Сальники, Харитоныч.

— Сальники, сальники. Я уже слышал эту бесконечную песню. Дети собрались. Вот тебя заставить прыгать на одной ноге!

19

А в Западной Сибири все-таки получили первую промышленную нефть! «Вот ты, Миша, уехал отсюда, а мы-таки нашли флюиды», — так высокопарно и в то же время злорадно писал Михал Иванычу Руль Сибирский, то есть Рауль Сабирыч. Разворот работ намечался, но возвращаться туда Михал Иваныч не хотел, хотя Сабирыч настойчиво приглашал его. Гордость не позволяла придти на готовое. Он утешал себя: «Корифей Губкин после того, как обжегся с западным склоном Урала, обнадежил по восточному склону. В Березово случайно нашли газ, пошли на юг — почему бы не быть нефтишке?» В центре же низменности ничего нет.

Профессор Бакиров, руководитель моего диплома, несколько раз спрашивал: «А знаете ли вы о мало-атлымской нефти? Это двести километров южнее Березова». Я: «Угу, угу». Что это за нефть — два с половиной барреля в сутки?

Но геофизики пошли по восточному склону еще дальше — прощупать верховья реки Конды. Это триста километров на юг от Малого Атлыма. Подготовили несколько куполков — Шаимскую структуру.

В скважине №2 получили баррель, проще говоря, бочку нефти в сутки. Затем в скважине №7 сработали открытым забоем, как в Березово, и получили чуть побольше. Начальник экспедиции Шалавин сообщил в управление про 300 тонн в сутки. Установили емкость, проложили трубопровод. Прилетело тюменское начальство во главе с первым секретарем обкома Щербиной.

— Открыть задвижку!

Нефть пошла, начались поздравления.

— Кто перекрыл задвижку?

— Она открыта.

Скандал! Оказалось, дебит — 3 тонны в сутки. В конце концов конфуза Шалавину не простили.

Нефтяные ловушки в Шаиме устроены так же, как газовые в Березово: продуктивны слои на склонах поднятия, а свод — «лысый», без породы, способной вместить нефть, то есть без *коллекторов*. Поэтому скважину №6 заложили на крыле. Работала бригада мастера Урусова — коренного сибиряка, бывшего десантника. Керн описывала Галя Габелко — девушка из нашего *потока*. Она первая увидела в образцах под люминисцентной лампой золотистое свечение. В Тюмень взяли балетный чемоданчик — «балетку» с керном. На зеленом столе в кабинете Эрвье расстелили каротажки. В пласте мог быть ВНК — водо-нефтяной контакт в зоне выклинивания юрских песчаников, но решили рискнуть и прострелять весь пласт. В июне 1960 года была получена первая промышленная нефть Западной Сибири — 300 тонн в сутки.

Эрвье: «Открыли задвижку. Конец трубы начал вздрагивать, и оттуда хлынул мощный поток нефти с газом. Озеро ожило, по нему стала пробегать рябь с беловато-желтой пеной. Нужно было видеть лицо молодого геолога Галины Габелко».

Много лет спустя на совещании по неструктурным ловушкам в Волгограде меня поместили в одну комнату с тюменским сейсмо-разведчиком Львом Трусковым.

— Я готовил к бурению Шаимскую структуру. Ее разбурила бригада Урусова. Шутили: Трусов — Урусов. Урусову вся слава досталась: Герой, депутат.

Перед сном говорили о геологии.

Плыл потолок — облака, опаловые облака, сквозь серое чуть брезжит синева, это аморфный кремнезем, неровное небо, слоистый дым, течет речка, да по песочку, бережочек точит. Может, это не облака, а сизый дым, трава, осока, река, туман над водой, даже будто пахнуло сыростью, а на том берегу — костер, дым над водой стелется.

20

Эрвье приехал в Западную Сибирь с Быстрицким и Григорьевым. Внешне суровый, он был доступным, добрым и отзывчивым человеком. Эрвье выискивал способных людей. Он дважды в год планоно езжал все экспедиции на катере. Если вода мелкая — брал баржу. Уже в мае выбирал зарплату за декабрь и тратил ее на различные встречи. Сам Эрвье под обкомом ходил: скажем, построил дом — отдай часть квартир строителям, властям, ученым. Что поделаешь — это жизнь.

Его друг — Александр Григорьевич Быстрицкий. Невысокий, полный, веселый, похож на клоуна Карандаша, носил меховой костюм — чтобы не так смешно было на морозе. Таков первооткрыватель сибирского газа. Получил горное образование, потом закончил летную школу. Всю войну — штурманом на бомбардировщике. После войны искал нефть в Молдавии. Рвался в Западную Сибирь: «Сплю и вижу во сне глухомань, где можно начинать, как пахарю, от первой борозды».

С Николаем Ивановичем Григорьевым Эрвье был знаком еще по Южному Уралу. В войну тот был разведчиком, тяжело ранен — пуля прошла сквозь голову у правого глаза. Он носил танкистский шлем. Инвалиду первой группы с шестью классами образования и орденом Славы как жить? Петь по электричкам? Скрыл инвалидность, в Валдае выучился на бурильщика, стал мастером.

Как-то Эрвье приехал на буровую. Брезентовая палатка приспособлена под мехмастерскую. «Голые, а бурите. Как?» — «Привожу раствор с местного завода». — «А за какие шиши угольщики тебе его дают?» — «Меняю на бензин, солярку, трос — две растяжки от вышки вынужден отдать. Бурить-то надо». — «Тебя следовало бы наказать, да ладно».

Глава 10. Спит Земля в сиянье голубом

1

*Довоенная считалка...
Неужели позабыл?
Молоков — Каманин...
Жалко, хоть бы кто-то подсобил!
Чкалов — Громов — Коккинаки —
Ляпидевский — Байдуков —
Гризодубова — Раскова —
Леваневский — Беляков!
Над страну проносились
Громовые имена.
Как они произносились!
Самолеты — семена
С красных кленов облетели,
Но пропеллеры в зенит
Песню красную пропели,
Но она еще звенит...
Сам того не понимая,
Что я вспомнить захотел,
Я внезапно вспоминаю
Среди неотложных дел:
Самолетик улетает,
Самолетик улетает,
Улетает, Улетает,
Улетает... Улетел.*

Николай Иванович Каманин стал Героем Советского Союза №2 за спасение челюскинцев. Ему было тогда двадцать пять. Молодой Каманин похож на Гагарина — глазами, улыбкой. Товарища Сталина, обласкавшего его, Каманин почитал всю жизнь. Во время войны он командовал авиационным корпусом. Выучил летать сына в четырнадцать лет. Аркадий закончил войну с тремя боевыми орденами, стал самым молодым летчиком Второй мировой войны и умер от менингита в восемнадцать лет. Может быть, поэтому Каманин оставил пост замначальника Главного штаба ВВС и стал руководить ЦПК — Центром подготовки космонавтов — в сорока

километрах от Москвы, в Щелково. Рядом с ребятами он возвращался в свою молодость, в тридцать четвертый год.

Он был строг, никогда не шутил с ребятами, добивался от них беспрекословного послушания. Настойчивая опека Каманина далеко не всегда нравилась космонавтам. Хотя иногда им отказывало чувство юмора. Как-то посмотрели в кино комедию Георгия Данелия «Тридцать три». Там Евгений Леонов в скафандре под позывные «Евровидения», качаясь, стоит в чистом поле — на что намек? Просили Каманина запретить выпуск фальшивой ленты на широкий экран. Он посмотрел картину и от души посмеялся. Но картину все же положили на полку.

На свой страх и риск взял в кадровый резерв ЦПК старшего лейтенанта с замечательной фамилией. Константин Ветер самостоятельно готовился к полету в космос — получил высшее образование, специально тренировался, совершил шестьсот парашютных прыжков.

2

В мае 1958 года Феоктистов предложил сделать спутник для полета человека, и Королев загорелся. Конкурент — спутник-шпион. На Королева жмут военные. В «детском саду» Феоктистова уже прибрывают корабль-спутник, хотя никакого решения еще нет. Королев увидел в чертежах шарик спускаемого аппарата: «О, сфера! Это здорово!»

В июле Королев вместе с Тихонравовым составляет записку в правительство о перспективных работах. Она начинается замечательной фразой: «Околосолнечное пространство должно быть освоено и в необходимой мере заселено человечеством». В такой манере писал Циолковский — «Исследование мирового пространства космическими аппаратами», «Свободное пространство», «Грёзы о земле и небе», «Вне Земли». Грёзы! Предлагается создать Институт межпланетных исследований — «межпланетных», не иначе.

В ноябре на Совете Главных конструкторов принимается мудрое решение: делать корабль-спутник для полета человека, который можно переделать в спутника-шпиона.

А как будет садиться аппарат? Королев недолюбливал парашюты, называл их «тряпками». Есть идея — вместо парашюта применить ротор, то есть большой винт над аппаратом, который, враща-

ясь, тормозит его на спуске. Королев не нашел энтузиастов этой идеи. «Тряпки» надежнее.

Работы шли с невероятной быстротой. Никогда не было такого азарта, такой гордости за себя, за товарищей, за своего Главного.

Королев уломал Исаева:

— Алексей Михайлович, собираемся мы запустить корабль с человеком. Нужен двигатель, который бы нам этого человека вернул на Землю...

Как делать тормозную двигательную установку — ТДУ — не знал никто. Как зарыться в атмосферу? Как запеленговать корабль, когда сгорят антенны? Дело неведомое.

Исаев сделал ТДУ за невероятно короткий срок — за семь месяцев.

Королев:

— Одна просьба: установка должна быть абсолютно надежной.

— Сергей Павлович, вы ведь знаете, что абсолютно надежной никакая конструкция быть не может...

— Может!

— Должна, а не может! Ведь она не дублирована.

Сентябрь 1959 года. Первый запуск ТДУ — двигатель не запустился.

Забыли поставить нож в клапане горючего. После этого Исаев запретил ночные работы.

— *Панама*, — сказал Исаев. Это такое ругательство в его устах.

Апрель 1960 года. Исаев сдал двигатель Королеву.

Кто будет первым? Русский? Американец? В 1960 году из пяти кораблей-спутников взлетели четыре. Из четырех на орбиту вышли три. Из этих трех приземлились два. Из двух вернувшихся приземлился нормально один — пятый. При третьем пуске благополучно вернулись на Землю собачки Белка и Стрелка.

В марте 1961 года — два успешных пуска беспилотников, шестой и седьмой. Шестой корабль — с собакой Чернушкой. Седьмой — с собакой Звездочкой (так назвал ее Гагарин) — приземлился возле города Воткинска. Это родина Чайковского. На седьмой старт была приглашена шестерка космонавтов. 3 апреля было принято решение правительства о запуске в космос пилотируемого корабля.

Главком ВВС Вершинин (чеховская фамилия) сказал Каманину, что американцы планируют полет человека в космос на 28 апреля.

Каманин:

— Раньше нас они человека не запустят. В марте у них был большой провал: капсула «Меркурия» не отделилась от носителя и затонула в океане.

Джон Кеннеди вступил в должность президента США в январе 1961 года. Он понимал, что Штаты отстали от Советского Союза по военным ракетам. Фон Браун назначен первым директором Центра космических полетов. Его заместитель Эберхард Рес и все технические директоры — из «команды Пенемюнде». Редстоун передан в ведение НАСА. Без немцев не могут обойтись.

Армейское досье на фон Брауна: «Эти документы должны сохранять гриф «совершенно секретно» и не должны стать доступными для всех в обозримом будущем. Эти материалы содержат компрометирующую информацию об одном из наиболее важных для нас немецких ученых, имигрировавших в Соединенные Штаты после Второй мировой войны. Материалы требуют высокой степени защиты в интересах национальной обороны».

3

Юрий Гагарин летал на северном аэродроме недалеко от города Никеля. Он понравился и Каманину (тоже смоленский), и Королеву.

Королев:

— Ну, кто хочет посидеть в корабле, *орёлики*?

«Орелики» — это словцо возьмет себе Алексей Леонов.

— Разрешите мне?

Сбросив ботинки, Гагарин в носках поднялся по стремянке к люку.

У него реакция классного летчика. Пока другие раздумывали, он: «Разрешите мне?»

Королев так же («Разрешите мне?») прорывался в Германию, чтобы попасть на испытания «Фау-2». И сейчас он, немолодой уже человек, сам хотел полететь в космос. Даже набросал черновик заявления. А вдруг?

Итак, Гагарин понравился — не только потому, что первым вызвался сесть в кресло корабля, он еще и ботинки снял. Да еще улыбнулся! Проницательный Леонов сказал: «Юра, поздравляю. По-моему, выбор пал на тебя». Еще он сказал о друге: «Он никогда

и никому не бросался в глаза, но не заметить его было нельзя». Петр Алейников, Ваня Курский — вот на кого был похож Гагарин — улыбкой, обаянием, умной простотой. Любил повторять: «Как учили!» Быковский: «Юра был себе на уме, но без подлянки». Он вспоминает, что впервые о том, что первым полетит Гагарин, заговорили как-то вдруг в самолете, когда шестерка ребят первого призыва осматривала будущее место посадки «Востока» под Саратовом. Гагарин тогда удивился: «Почему именно я?»

Первый дублер — Герман Титов. Настораживала импульсивность — если срывался, становился неуправляемым. Начальник ЦПК Карпов отметил в Титове прямоту.

Григорий Нелюбов, второй дублер Гагарина, — отличный летчик, спортсмен. Он откровенно завидовал Гагарину. Перед полетом на космодром они втроем — Гагарин, Титов и Нелюбов — фотографировались на Красной площади. Нелюбов был человеком нестандартным, «душа компании», любитель шумных застолий, и это раздражало Каманина.

Теперь об Алексее Леонове. Он чуть было не передумал идти в космонавты. Сначала сходу дал согласие летать на «новой технике». Но между двумя медкомиссиями он женился, узнал, что его переводят в ГДР. Как все летчики, он опасался медиков. Приехал отказываться. Гагарин и ребята из первого отряда уговорили остаться.

Гагарин и Титов в скафандрах провели в реальном «Востоке» свою последнюю тренировку. Надо вжиться в корабль, прочувствовать — это будет твой земной дом.

8 апреля Госкомиссия кроме всего прочего отметила: почему нерусское имя Герман? Юрий — много лучше. Потом Левитан пророчески трепетным басом — «Ю-урий Га-га-рин».

4

— Первым полетит Гагарин, Титов — запасной.

Заметна радость Гагарина и досада Титова.

— Завтра вам объявят официально.

Титов опять не может скрыть досаду.

10 апреля — день рождения Наташи, дочери Королева.

11 апреля. Вывоз ракеты назначен на семь, но у телеметристов какая-то заминка. Наконец ворота МИКа распахнулись, и Королев пошел вдоль ракеты, сжимая две копейки в кармане пальто.

— Человек летит. А ведь я его знаю давно. Привык к нему. Он мне как сын.

Вечер накануне полета. Гагарин слушает русские песни. Говорит Каманину:

— Завтра лететь, а я до сих пор не верю, что полечу, и сам удивляюсь своему спокойствию.

Королев же не находил себе места. Перед сном пытался читать, вызвал машину, поехал к ребятам, пожелал спокойной ночи. Юра и Герман о чем-то разговаривали перед сном. Мы никогда уже не узнаем, о чем. Спали спокойно — как учили.

Королев не спал всю ночь. Утром, перед стартом Юрий не мог сдерживать улыбку.

— А чему ты, собственно, улыбаешься?

— Не знаю, Сергей Павлович — наверное, человек я такой... несерьезный.

Подъем в 5:30.

— Как настроение?

— Сергей Павлович, да вы не беспокойтесь, все будет хорошо.

Юрий вышел из автобуса. Расставание затянулось — его едва выпустили из объятий. Он шел к ракете, она была праздничной, вся в белом — кислород испарялся. Вдруг обернулся: «Ребята, один за всех и все за одного!» Он был д'Артаньяном — с солнцем в крови.

Речь Гагарина перед стартом вполне стандартна, но в ней была необычная фраза: «Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением».

На КП связь с бортом держали Королев, Каманин и Попович. Были какие-то неполадки с герметичностью крышки люка. Гагарин — «Кедр», Королев — «Заря». В ожидании Гагарин насвистывал «Родина слышит», попросил поставить записи — «Ландыши», «Сердце, тебе не хочется покоя...»

Голос всегда строгого Каманина был непривычно теплым.

Гагарин первым из людей увидел всю Землю — черную, с синей бахромой: «Вижу Землю! Она голубая! Красота-то какая!» При переходе связи на Колпашево какое-то короткое время связь с Гагариным прервалась. У Королева задрожал микрофон в руке.

Леонов был на Камчатке — ребята из первого отряда космонавтов разъехались по разным точкам для связи. На активном участке сквозь треск:

- Как у меня дорожка?
- Дорожка отличная. Всё в норме.
- Спасибо, Блондин.

5

Команда на разделение спускаемого аппарата и приборного отсека вовремя не прошла. Считалось, что металлические ремни, соединяющие их, отгорят сами, и они действительно отгорели. Не случись этого, корабль сорвался бы в нерасчетный спуск, который позднее испытал на себе Борис Волинов на «Союзе-5». Раскрылся купол тормозного парашюта. Транспарант: «Приготовься: катапульт!» Раскрылся парашют. Управляя стропами, Юрий ушел от погружения в ледяную воду Волги. Было тихо. Гагарин в оранжевом комбинезоне сидел на пригорке и пел. Мы уже не узнаем, что он пел. Пожилая женщина торопливо уходила, тащила за собой девочку.

- Куда вы? Я русский! Как вас величают?
- Тахтарова Анихайят. Русские зовут меня Анна Тимофеевна.
- Да вы что? Мою маму так зовут! А что это за деревня?
- Село Смеловка Саратовской области.
- Я учился в Саратове!

Задолго до сообщения ТАСС американская радарная станция на Алеутских островах запеленговала радиосигналы Гагарина. Прошло 23 минуты с момента старта в Тюратаме, когда Кеннеди был разбужен поздним звонком. Он ждал этой новости. Белый дом уже заготовил приветственное послание Хрущеву.

Многие заметили — суровый Королев подобрел после полета этого маленького лейтенанта, орёлика, ставшего сразу майором. А Гагарин, наверное, хотел побыть капитаном. Капитан Гагарин!

*Я видел землю в профиле сечении
От корня гор и до корней травы,
Но землю нашу в голубом свечении
Пока смогли увидеть только вы,*

*Отважные разведчики Вселенной.
Вы увидели черный небосвод
И проследить сумели постепенный
К прозрачно-голубому переход.*

*Но разобраться ежели получше,
Кто первым был — не знаем мы пока.
Ведь много лет тому назад поручик
Тенгинского пехотного полка*

*Вел репортаж с космического судна,
В иллюминатор упираясь лбом:
«В небесах торжественно и чудно.
Спит земля в сиянье голубом».*

Перед самой Москвой у ИЛ-18 — эскорт из семи истребителей: по два на крыльях и три на хвосте. Этого Юрий не ожидал. По радио: «Друзьям-истребителям — горячий привет. Юрий Гагарин». Не ожидал он и красной ковровой дорожки на аэродроме. Одернул шинелку, поправил белый шарфик. На ковровой дорожке у него развязался шнурок. Мировая слава обрушилась на безвестного за-полярного летчика. Как мы все радовались тогда:

*За то воевала Россия во мгле,
И громы ракет не эхо ли,
Чтоб Юрий Гагарин, а не Джон Гленн,
Первым сказал: «Поехали!»*

Мистер Икс — Королев с Ниной были прижаты к стене у Арсенальной башни и еле добрались домой. Митинг они смотрели по телевизору. Неимоверна секретность аэрокосмоса в те годы. Зав. оборонным отделом ЦК Сербин настойчиво советовал Королеву не брать с собой на официальный юбилей жену. Это выглядело не как соблюдение секретного режима, а как унижение.

Келдыш получил предложение Шведской академии наук присудить Нобелевскую премию человеку, руководившему запуском первого спутника. Никита Сергеевич ответил, не раздумывая: «Автор спутника? Весь советский народ!»

Потом был Большой театр, «Славься!» Глилки, Георгиевский зал. Было объявлено — Гагарин приземлился в спускаемом аппарате.

Его ставили в ложное положение — ведь он катапультировался и спустился на парашюте. В 1964 году «Восход» уже имел систему мягкой посадки и космонавты приземлялись в корабле. Указание ЦК — ни строчки о Гагарине без визы Каманина.

Кеннеди отправил Хрущеву поздравительную телеграмму.

6

Приморье, апрельский денек. Небо в тот день было задумчиво-синим, с просвеченными слитками облаков, в синьку маканых, с волоконцами.

Смена закончила подъем. Выбили керн из грунтоноски. Я начал разбирать керн, свежее долбление. Буровики вышли продышаться на мостки.

Коля Журило бежал из тепляка по щедрой грязи в своих светлых пижонских чешских ботиночках фирмы «Батя» — собирался на длинный выходной. Что-то кричал, уносимое ветром.

— Полетел! Наш! В космос! Наш полетел!

— Кто?

— Гарин вроде!

— Инженер Гарин?

— Майор Гарин! Музыку гоняют, Сема. Похоже, того чеканутого, о котором ты рассказывал.

Труба пошла, как ракета! Гарин! Юрий Гарин!

Свечи только свистели. Первая ступень! Пошла! Вторая ступень!

Хватай свечу, лови кермак,

Не ловится назло.

Железо нянчить на руках —

Такое ремесло!

Не успели опомниться, как инструмент оказался на забое и коронка начала медленно, но неотвратимо врезаться в недра.

В апреле воздух кажется гибким. Нарождаются туманы и плывут по чистым водам. Жизнь кажется бесконечной. Если придется когда-нибудь расстаться с голубой Землей, то лучше всего именно в апреле уйти за синим дымом, за речным сиреневым туманом, когда цветет дикая груша и начинает ход по рекам красноперка, когда небо именно опаловое. Переливы серого и голубого, кремнистый раковистый излом, типичный для скрытокристаллических силикатов.

Американцы еще в 1957 году начали отбирать кандидатов для полета в космическом корабле «Меркурий». У них отбор кандидатов более жесткий, чем наш. Астронавтом мог стать лишь квалифицированный летчик-испытатель со степенью бакалавра наук и с налетом не менее 1500 часов. Налет Гагарина — чуть больше 200 часов.

5 мая 1961 года капитан первого ранга ВМФ Алан Шепард поднялся на ракете «Редстоун» в космос и через пятнадцать минут приземлился за полтысячи километров от мыса Канаверал в капсуле «Меркурия».

После советского спутника вице-президент Линдон Джонсон заявил:

— Я не верю, что нынешнее поколение американцев хочет примириться с положением, когда каждую ночь приходится ложиться спать при свете «коммунистической луны».

А теперь еще и этот русский, который облетел Землю...

По традиции президент США в январе каждого года обращается к сенату и палате представителей с «Посланием о положении страны». Кеннеди ломает традицию. Через полтора месяца после полета Гагарина он выступает со вторым посланием, где ставит государственную задачу: «Сейчас время сделать большой шаг, время для более великой новой Америки, время для американской науки занять ведущую роль в космических достижениях, которые могут дать ключ к нашему будущему на Земле. Я верю, что это наша страна примет на себя обязательства достижения великой цели — высадки человека на Луну и безопасного возвращения его на Землю до конца настоящего десятилетия». Слова Кеннеди о «большом шаге» повторит Армстронг — уже на Луне.

Так началась программа «Аполлон» — когда еще не был повторен полет Гагарина. После ряда неудачных пусков «Ranger-4» сумел упасть на обратную сторону Луны, но съемка с близкого расстояния не удалась. НАСА передает лунную программу от BBC группе фон Брауна. Для него это подарок ко дню рождения сына, которого назвали Питер Константин (второе имя — не в честь ли Циолковского?).

В октябре 1961 года — меньше, чем через полгода после речи Кеннеди, — в космос полетел «Сатурн-1», способный забросить на орбиту полезный груз в 10 тонн. Через десять месяцев после полета Юрия Гагарина — орбитальный полет первого астронавта США Джона Гленна на корабле «Меркурий». Почему выбрали именно его первым астронавтом? Может быть, сработало: Гленн Миллер — Джон Гленн. Он увидел сноп огней над городом Перт в Австралии. Слово Перт, напоминающее «Пермь» — память о городе в Шотландии. Похоже, у Гленна были шотландские корни. «Glen» — так называют в горной Шотландии узкие лесистые долины. В 1941 году Гленн бросил математический факультет колледжа и пошел добровольцем в морскую авиацию. Потом воевал в Корее, сбил три советских МиГ. Он баллотировался на пост президента США. Тогда придумали кричалку: «John Glenn is my man» — «Джон Гленн — это мой парень». В семьдесят семь лет Гленн снова поднялся в космос.

Как раз после полета Гагарина Михал Иванович получил еще одно письмо от Рауля Сабырыча.

— Получается, что зря я уехал из Западной Сибири. Сейчас все поют: космос, Гагарин. А ведь чуть раньше Гагарина нашли все-таки большую нефть в центре низменности, в самых больших болотах. Еще при мне из Нарыма перебросили партию Подшибякина в Баграс, на таежную протоку Мега, всего в полтора-два километрах от Сургута. И тут появляется Салманов.

— Кто такой Салманов?

— Фарман Курбан-оглы — партизан тамошний. Этого парня я по Кузбассу знаю. Он был на преддипломной практике где-то в сургутских краях. Вот и пошел Фарман в Сибирь за большой нефтью. А надо тебе сказать, что в этом Сургуте перед войной закартировали выходы нефти. Но разведочное бурение в низменности остановили. Новосибирское начальство послало Салманова в Кузбасс. С начальником экспедиции по фамилии Данилов он сработался, а с начальником партии Даниленко — нет. Газа там было в Борисовке — чайник вскипятить. Кстати, на Суйфуне меня неприятно поразило это название — Борисовка. Фарман поднял шухер. Про-

бурили пустую скважину, зачем-то полезли в Кузнецкий Ала-Тау. В это время открывают газ в Березово. Данилов назначил Фармана начальником нефтеразведки в селе Ивановка. На совещании в Новосибирске тот сходу заявил главному геологу Миронову — надо вернуться в Сургут.

10

Об этом написано много книг, сняты фильмы «Сибириада», «Стратегия риска», поставлены спектакли, остались записи участников событий.

Вместе с Даниловым Фарман на АН-2 полетел в Сургут. Реки, болота, лесные гривы. В конце Черного Мыса выбрали место для базы.

В Кемерово Салманов зашел в управление малых рек. Ему сказали:

— Вы везучий человек. Баржи можем выделить через неделю. Но суда должны вернуться до наступления холодов.

— Очень хорошо!

Разрешения на переезд от новосибирского начальства нет. Но нашлись в Ивановской нефтеразведке люди, которые сказали: «За большой нефтью — хоть на Луну».

Сделали плоты. Семьи разместились на брандвахте. Это бревенчатое сооружение служит речным вокзальчиком на пристанях. Связь по рации с управлением прекратили. Из Новосибирска дозвонились по межгороду: почему рация не работает? Радист Гуров поддержал Салманова: «Надоело кричать по рации: в Кузбассе снова торричеллиева пустота».

Я заметил, что это выражение — «торричеллиева пустота» употреблял и Михал Иваныч, добавляя: «И пустыня Гоби».

На третьи сутки караван подошел к Томску. Салманов выехал в Новосибирск.

Начальник связи: «Почему, товарищ Салманов, целую неделю не выходите на связь? Поднимись на третий этаж — там тебе врежут. Гурова с работы снимем сегодня же».

Начальник управления Номикосов гневно сказал:

— Нефтеразведку перебрасываем на Борисовскую площадь. Энтузиасты Кузбасса ждут там большой газ.

— Уже поздно, баржи отправлены на север.

— Не много ли берете на себя, Фарман Курбанович?

Перерыв на полчаса. Принято соломоново решение:

— Пусть перебазировются. А потом Салманова переведем назад, в Кузбасс.

В Сургуте устроились поначалу на речном вокзале. На зиму арендовали здание под контору. Из местных жителей создали плотничьи бригады готовить площадку под строительство на Черном Мысу. В сентябре 1957 года на баржах из Кемеровской области прибыли на Черный Мыс молодые специалисты — геологи. Среди них Евграф Тепляков — Граня, рыжий чуб, выпускник Томского политехнического, книгочей, как и друг его Брехунцов.

Салманов стал начальником Сургутской нефтеразведки, главным геологом — Савельев. На первой скважине фонтана не было. Не было его и на второй, и на третьей, и на четвертой скважинах.

По установленному Мингео делению к востоку от 72 градуса восточной долготы на отрезке широтного течения Оби в Тюменской области работы на нефть и газ вело Новосибирское управление. Салманов требует: «Раз мы работаем в Тюменской области, то подчиняться должны Тюменскому управлению. Эрвье свои буровые два раза в год объезжает на катере. А мы свое начальство, главного геолога Миронова, не видим». Москва решила вопрос в пользу Тюмени.

Салманов жмет на геофизиков. У них намечилось новое поднятие — Мегионское.

— В этом году не успеем оконтурить.

— Нам надо монтировать буровую.

— Подождете до будущей зимы.

— Мы не можем ждать. Нам надо монтировать буровую.

Как Мегион поднимали? Трактор утонул в болоте. Пришлось возвращаться. Привезли на лошадях мотопомпу с рукавами, ручные насосы для закачки воздуха. Водолаз Валерий Демирский влез в скафандр, взял в руки шланг с наконечником, включил фонарь и шагнул вниз — размывать водой няшу. Няша — это вещество, из которого сложено болото, по словарю Даля — «вязкая жидкая топь». На восьмиметровой глубине водолаз пробивал водяной струей путь к тракторному буксирному гаку. Зацепил трос, дал сигнал к подъему. Вылез весь в иле.

В сентябре 1959 года, когда только спала полая вода, пришло известие о шаймской нефти. В Тюмени только и разговоров было о перспективах шаймского Приуралья. Предлагали перебросить в Шаим станки из Сургутской экспедиции. Упреки — в Сургуте до-

рогой метр. Конечно, дорогой — глубины-то большие. А Шаим — это восточный склон Урала. Геофизические работы для Сургута прекращены. Подшибякина забрали из Нижневартовской партии главным инженером в Березовскую экспедицию. Вся надежда — на Мегионское поднятие.

В конце января простаивали четыре буровые, в том числе и Мегионская. Салманов прилетел туда. На мостках мастер Норкин, бывший фронтовой разведчик.

— Где бригада? Почему простаиваете?

— Пошто Василия Тихоновича Подшибякина от нас забрали?

— Он на повышение пошел. Укрепление приуральских экспедиций.

В буровом журнале помета: «О» — «ожидание талевого каната». Канат весь в «ершах».

— Пока не сменю талевый канат, не позволю касаться рычага лебедки.

— Канат будет через несколько дней.

Как привезти бухту троса весом полторы тонны из Тюмени? АН-2 не возьмет. Для ЛИ-2 нет площадок. Салманов — к командиру вертолетчиков Хохлову. Заметил, что височки Ивана Тихоновича подкрашены. Дело в том, что летчики панически боятся медкомиссий — спишут за милую душу. Бухта троса в полторы тонны — верхний предел грузоподъемности Ми-4 с малым запасом горючего. А его надо под защелки. Хохлов сам полетел — не хотел подвергать опасности своих ребят.

В ноябре 1960 года начали испытывать Мегионскую скважину. Первый объект — вода. Потом авария — сто метров бурилинструмента оборвали. Два объекта пропустили. Четвертый объект — сухой. Нижняя часть пятого объекта — вода. Верхняя часть — водонефтяная эмульсия, непромышленная нефть. Шестой объект — вода. Станок решили по зимнику перетаскивать на новую точку — ведь март уже кончается.

На одной из скважин — осложнение. Эрвье в гневе:

— Езжайте в Шаим, поучитесь бурить!

А на каротажках Мегионской скважины вьедливый Савельев замечает пластик, смахивающий на нефтяной. Это валанжинский ярус в меловых отложениях, выше юрских, продуктивных в Березово и в Шаиме. Рискнули его прострелять — в аккурат за три недели до полета Гагарина.

Ночью радист получил из Мегиона радиограмму: «Салманову. Скважина фонтанирует чистой нефтью дебитом 200 тонн в сутки. Высочинский. Тепляков». Радист не поверил: «Повторите. Мегион, повторите». Салманов: «Откройте скважину. Проведите отвод к озеру. Утром буду». Первая в низменности нефть из меловых отложений, из валанжина. И какая нефть! Салманов отправил телеграмму в Тюмень и Москву с одинаковым текстом: «В Мегионе получен фонтан нефти дебитом 200 тонн. Вам это ясно? Приветом Салманов».

Хотя первую скважину на Мегионе еще до передачи Сургутской нефтеразведки в Тюмень утверждал Миронов, лавров новосибирцам не досталось.

В апреле — переезд на новую точку №62 в Усть-Балыке. В сентябре Эрвье и Ровнин, будучи в обкоме партии у первого секретаря Щербины, заявили, что к XXII съезду будет открыто два месторождения, и одно из них — Усть-Балыкское. В скважине 62 два пласта для испытания — в том же валанжине, но чуть повыше мегионского пласта. Первый объект — вода с пленкой нефти. Надо ставить цементный мост и уходить на верхний пласт. Но оказалось, что не хватает НКТ — насосно-компрессорных труб. Навигация кончилась, по рекам забереги. Один отважный капитан доставил трубы из Сургута. Поставили мост, отсеки воду. Второй объект дал 200 тонн в сутки.

Радиограмма Эрвье от Ровнина, Салманова: «Скважина лупит по всем правилам. Месторождение многопластовое, очень крупное». Чувствуется, что авторов радиограммы распирает от радости. В тот же день в Шаиме открыли Мортмынское месторождение. По правде сказать, это был один из куполов Шаимского месторождения. Но в Москву ушла телеграмма: «Подарок съезду — открыто два новых месторождения нефти».

У Салманова много завистников. В обкоме партии сыпались анонимки — кто-то из своих писал. Тогда к ним относились серьезно. Обвинения: строил аэродром, не предусмотренный планом, помогал местному колхозу техникой, запчастями, горючим; строил спортзал. Уже в следующем году Эрвье предложил Салманову написать заявление об уходе. Так он оказался в Нефтеюганске главным геологом Усть-Балыкской экспедиции. К этому времени Усть-Балык стал Нефтеюганском, Нях-Няганью.

Но и в Нефтеюганске Салманов задержался ненадолго.

Глава 11. Летят утки

1

Мастер Каратин наконец-то успокоился. Хоть и с опозданием против графика, но удалось спустить обсадку и перекрыть едучие, зыбучие мергели. Их зацементировали — загнали цементный раствор в кольцевое пространство между стенками скважины и обсадной колонной, прижали раствор деревянной пробкой и оставили затвердевать. Наступило тихое время, которое в справочниках называется ОЗЦ, то есть «ожидание затвердевания цемента».

Можно ехать пить пиво с корюшкой в зеленый город Уссурийск, в славный ресторан «Уссури».

— Как пива попьешь, грудь во какая становится.

Грудью мастер называл живот, а кадык — началом груди.

Можно заехать на пасеку к старику Бессмертному — свежего медку отведать в сотах, да чтобы пчелки гудели, да речка бежала, да три уточки выплывали против течения...

— Опять стою на краешке земли,

Опять плывут куда-то корабли!

— Витек, ты чего это Генкину песню запел?

— Вот что, ребята, — сказал Витя Вагин, мрачно перебирая свое богатство — коллекцию гаечных ключей, — в город поедем — надо фотку сделать общую. Генка уехал, и мы все можем разъехаться.

— Правильно, — сказал Коля Журило, — а потом в ресторан «Уссури» на пиво с корюшкой.

— И уйдет последний пароход,

Р-р-разрезая лунную дорогу!

ГАЗ-63 — «Ласточка» — летел вдоль протоки, среди цветущих абрикосов. Стояли в кузове, держали друг друга за плечи.

Выехали на грейдер. Вдруг Володя Вовна развернулся и помчался за мелькнувшей встречной машиной. Масляная полоса тянулась по дороге. Догнал, посигналил. Шофер вышел недовольный, ткнул сапогом баллон, присел на корточки.

— Кабы баллон, я бы не гнался за тобой, — сочувственно сказал Володя. — Поддон у тебя пробило.

В зеленом городе Уссурийске над базарчиком, где можно купить всё — от заспиртованного краба в банке до адмиральского мундира, от бамбуковой колыбели до японского портсигара с видом

Фудзиямы — в красном ворохе кленовых листьев, в котором спря-
талась уточка-мандаринка, над толкучкой, над развалами барахол-
ки медленно всё еще прокручивалась наглядная агитация в виде го-
лубой планеты: «Товарищи, советская земля отныне стала берегом
Вселенной!»

*Этот шарик — голубой,
А внутри его — огонь.*

На базаре шла игра в вертушку: «Выиграл сом с большим усом!
Можно ставить, можно не ставить! Рупь поставишь — два возъ-
мешь, два поставишь — хрен возьмешь!» Я купил там однажды
японскую миниатюру — вид Фудзиямы, склон ее покрыт красным
ковром кленовых листьев. Фудзи — вулкан, покрытый вечными
снегами — обитель богов, и сама гора — божество. Хокусай! На его
гравюрах всё происходит в присутствии Горы — мальчишки ли за-
пускают воздушного змея, крестьянин ли гонит буйволов...

В фотографии на Некрасовской долго рассаживались. остано-
вились на варианте «футболисты, выигравшие Кубок страны». За-
дние стояли, скрестив руки, Каратин в центре как бы держал приз.
Передние сидели на корточках — одна рука на коленке, а другая как
при низком старте. Двое легли симметрично.

Коля Журило достал дамское зеркальце: «Не нравится мне мое
лицо. Подбородок какой-то хреновый. Неволевой». Почему-то вол-
новались, охорашивались, как у Шергина:

*— Экипажецка рубашка,
Норвецкой вороток.
Окол шеечки платок,
Словно розовый цветок!*

На выходе с барахолки — безногий чистильщик с орденом Крас-
ной Звезды на старом офицерском кителе. На остриях звезды эмаль
облупилась. Сказал нам с Вадиком:

— А вы, ребята, я так думаю, геологи.

— Почему вы так решили?

— Угадал, значит. Оба сурьезные. И в кирзачах. Давайте, почищу.
Бесплатно.

Подошел мужик с кошелкой. Достал бутылку, стакан и, всхлипы-
вая, налил безногому.

— Выпей, калека. У меня брат на Орловско-Курской... Сам под
Жлобиным контужен. Как живешь-то?

— Живу. Костыль вот плащ рвет подмышкой немилосердно...

На Зеленом острове духовой оркестр играл веселую музыку, но издалека она не казалась такой уж веселой. Город уютный, чистенький, зеленый, но в самом этом слове — «Уссурийск» — свист ветра и рык тигра. Так в фамилии Пржевальского спрятано ржание его лошади. Но люди в этом городе — обыкновенные, они стоят в обыкновенных очередях в обыкновенные магазины. А какие девушки гуляют по Некрасовской! И ведь некоторые смотрят на тебя! А на них смотреть невозможно. Сейчас она пройдет, за угол канет...

*Случайно попадая в города,
В своих энцефалитках некрасивых
Пью светлое бочоночное пиво,
Смущение скрывая, и когда
Из окон музучилища — труба,
И звук её, усталый и простудный,
О, если б знали вы, какую трудной
Без музыки становится тропа!
Мы грузим концентраты и табак.
Труба поёт. Не знают горожане,
Что музыка собою выражает.
О, месяц май в болотных сапогах!
Ты слышишь, как ракитница поёт,
А дятел петь не может от восторга.
Уже идёт по рекам красноперка,
И груша дикая по берегам цветет!*

Шли мы по городу в пижонских своих сапогах с мушкетерскими пряжками. На скамейках Зеленого острова — влюбленные, и по аллеям тоже...

— Брожу один среди множества любви, — вспомнил я чью-то строчку.

— А меня тянет к обобщениям, — сказал Вадик. — Первая стадия: «Ты меня любишь?» — «Да-а. А ты меня?» — «Я тебя очень-очень люблю». — «А ты меня не разлюбишь?» — «Ни-ког-да!» — «Если ты меня поцелуешь, то для меня что-то очень хорошее случится». — «А для меня?» — «И для тебя чуточку». Вторая стадия: «Ты меня любишь? Любимая, что тебе купить?» Потом: «Дорогая, разреши пропустить кружечку пивка». И наконец: «Моя женушка, моя лапочка говорит: когда же ты наконец сдохнешь?»

Стемнело. Свет из окна падал на траву, и трава казалась синей.

2

Михал Иванович сидел, нахохлившись, над структурной картой по кровле узорчатых песчаников, подрагивая ногой и насвистывая «Чаттануга». На пачке «Севера» — коробок спичек, на столе дымитса кружка чая крутого заvara.

Четко проступала крупная впадина, уходящая одним крылом к гряде полуострова Муравьева-Амурского, другим крылом — к ханкайским гранитам. До сих пор никто на свете не знал ни тектонику, ни стратиграфию этого куска Земли.

Самый главный вопрос: может ли быть вообще нефть в Суйфунском, теперь уже ясно, что угольном бассейне? Он просматривал керн по всем буровым, раскалывал по трещинам, внюхивался в него, закрывая глаза для концентрации обоняния, просвечивал его люминоскопом, желая увидеть золотистое свечение, отбирал пробы газа из раствора при помощи списанного насоса Комовского, который он привез из Западной Сибири, ездил в управление, сидел в библиотеке, рылся в фондах. Он всё больше жалел том, что поддался порыву и поехал на Дальний Восток.

Знакомые по Кузбассу писали, что начинается разведка в бассейне рек Зeya и Бурея. В самой Зeya-Буреинской впадине нефти пока не обнаружено, но она была в смежной впадине Сунляо в Китае, и туда вели погребенные Поярковские ворота.

3

Скважина номер пять начала газировать ночью. С начала смены всё было спокойно. Мерно стучали штоки насосов. Бурильщик Желнин готовился начать подъем труб, чтобы сменить стершуюся на забое победитовую коронку. Вдруг глинистый раствор начал пыхать, как нарзан. Потом раствором хлобыстнуло под капитанский мостик.

Желнин сказал по-военному:

— Это произошло в ноль часов восемнадцать минут.

Михал Иванович, узнав о газопроявлении на пятом номере, секунд тридцать сидел, закрыв глаза: «Газ. Неужели промышленный? Я же об этом мечтал, когда коллекторить начал, песок от глины, наносы от коренных пород научился отличать».

Раствор пронизывался струйками газа, будто чайник закипал. Пузыри медленно всплывали и лопались. При поджигании — хлоп. Иногда раствор как бы закипал. Насос Комовского, бутылка Савченко — пробы в бутылках из-под «дункана». В ящик, и во Владивосток!

Заклучение: свободный водород, водород из мантии Земли, чуть загрязненный атмосферным воздухом. Водород не горит, но взрывается.

4

Паша Флоренский:

— Люся с Юркой Малиновским и маленьким Мишкой — на Кубе. Игрушечный дворец для внуков диктатора Батиста Мишка называет «батистовым дворцом». Олег на Камчатке.

— Пишет?

— Знаешь ведь, как мы пишем на Руси. Раз в сто лет соберешься к празднику, открыток пошлешь штук пятьсот. И тебе пришлют штук пятьсот. И слова — с праздником, желаю и так далее. А от души написать боишься. Мысль изреченная есть ложь; а пером на бумаге — и подавно...

Я плыл с утренним московским человеком, думал: «У них нет каменного материала». У меня был каменный материал. Князев протянул руку, и я вложил в нее заковыристый шлиф — тонкий срез породы, закрепленный на стеклышке канадским бальзамом, породы, вскрытой третьим номером. Князев закрепил шлиф на предметном столике микроскопа, протер окуляр.

— Горы надо смотреть в микроскопе, сказал кто-то великий. Это долерит — тот же базальт, что и на поверхности, но кристаллизованный на глубине.

Не отрываясь от окуляра, Князев протянул руку, а я вкладывал в нее шлифы из кассеты.

— Вижу обожженные песчаники, горячий контакт. Эва, как их опалило!

Смотрел карты. Откинулся в кресле:

— Значит, дело было так. Трещинное излияние, дайка. По трещине базальт поступал на дневную поверхность, широко разливался. Я вас чему учил — смотреть. Внимательно смотреть! На Тянь-Шане, в Сихоте-Алине, у черта на куличках. В Москве, нако-

нец! Набережные, мосты, придорожные камни! Метро — чего там только не увидишь — музей!

В Третьяковке я долго стоял в зале Александра Иванова. Не «Явление Христа» разглядывал, а этюд «Камень и вода». Как этот камень блестел от брызг! Стоял и мучился — его нельзя потрогать. Он так похож на отвалившийся базальтовый карниз в реке возле третьего номера. Зашел в любимый «Уран» на любимой Сретенке на ковбойский фильм с Гойко Митичем, ФРГ — Югославия. Ковбои скакали в Большом каньоне. Мальчишки в первых рядах пятками подбадривали лошадей. Нисколько не занимали меня погоны. Я вглядывался в породы, пытаюсь отличить кливаж от истинного простирания пород. Вот что волновало — диабазы, прорывающие слои известняков. «Как близорукий шах над перстнем бирюзовым». Обнажение на берегу Суйфуна продолжало линии заката.

Ломали кафе «Ландыш», филипповскую кондитерскую, доламывали родную Тургеневскую библиотеку. Когда-то я с бьющимся сердцем поднимался по скрипучей лестнице в юношеский зал.

На станции «Кировская» я долго стоял, разглядывая стену в метро. Уфалейский мрамор — серый, волнисто-слоистый. Трещины — разрушенный пейзаж, навевающий меланхолию.

У памятника Маяковскому люди читали стихи — свои, чужие. «Маяковский, «Про это». — «Всю поэму будешь читать?» — спрашивали из толпы. «Всю». Попал во Дворец спорта, на вечер Булата Окуджавы. Луч прожектора прошел по сцене и остановился на гитаристе в черном свитере. «Вы уж меня извините, пожалуйста, — по-домашнему оправдывался Булат, — гитара чужая». По стадиону прокатывался шелест. Как в застолье гитарист подкручивал колки, настраивал гитару. Поднял голову:

— В последнее время пристрастился писать про животных — аистов, муравьев, про то, как два кузнечика зеленых в траве, насупившись, сидят...

Вечером, за чаем, дядя Андрюша сказал:

— Пять тысяч человек — ты подумай, Корочка, — пришли слушать стихи. Это замечательно!

Вдруг вскричал:

— Сенечка, замри, замри! Вот так держи руку, как держал, — он схватил карандаш и квадратик ватмана с телефонного столика. — Это неповторимо.

— Я делаю альбом с выкрасками минеральных пигментов. Синего цвета не хватает, — сокрушалась тетя Корочка. — Вот зеленого много. Но оттенки, оттенки... Недавно Пикассо просил у нас волконскоитовую краску, удалось найти только в Пермской области, в Очерском районе.

Для Михал Ивановича я подбирал грузинские вина по номерам; для Вадика на Кузнецком в «Книжной лавке» купил красный томик японской поэзии. Во Внуково тщательно упаковал в аэрофлотовскую сумку все интеллигентные сосуды, японские переводы Веры Марковой — туда же. Это только в рекламе — «Летайте самолетами «Аэрофлота»! Девять часов полетного времени! Губчато-резиновые кресла!» Все равно лететь до Владика меньше суток не получается. Сумку спёрли в Хабаровске, прихватил какой-то разиня. Видать, соблазнительное горлышко выставилось.

5

Вадик примчался с мыса Песчаного, рядом с Владивостоком, где мастер Рожев забурил новую скважину.

— Есть идея насчет Борисовской сопки и белого платочка на ней.

На вершине ветер, набравший скорость в океане, рвался в долины. Только снизу обнажение казалось сверкающим. Вадик молотком по-хозяйски расчистил его, отбил кусок грязно-кремового туфопесчаника с раковистым изломом. Крикнул:

— Эээ!

Ветер понес крик в долину. Он стоял на вершине со штуфом породы, и муссонный норд-ост ветер трепал его каштановые волосы — вид, будто с обложки журнала «Разведка недр».

— Мы стоим в жерле потухшего вулкана, забитого туфом. И к этому вулкану из мантии Земли прут водородные струи, одну из которых мы подсекли. Значит, мы открыли месторождение туфа. Везувий! Кракатау! Какое слово клокочущее — Кр-ра-ка-тау! Когда-нибудь напишут в главе «История геологической изученности» «обветренные разведчики нефти спустились с вулкана в цветущую долину реки Суйфун».

— Не знаю, Вадик, стряхнут ли через сто лет пыль с отчета Суйфунской нефтяной партии.

— Опять романтизма пошла...

Михал Иванович достал два билета на мощнейший футбол: «Луч» (Владивосток) — «Динамо» (Москва), одна тридцать вторая финала кубка. Когда еще будет такое? Матч состоится при любой погоде. Болельщик ломил на матч спецрейсами с Сахалина, из Петропавловска-Камчатского, Хабаровска.

— Это вам со Светиком.

— А вы?

— Без меня, — сказал Михал Иванович.

Когда шли к остановке Развилка по мосту через Суйфун, Светка увидела цветы под мостом — огромные ромашки, сбежала вниз. Охранник вышел из будки, стоял, перегнувшись, ждал, когда она поднимется с охапкой...

Как раз из-за букета на стадионе и вышла заминка. Ее оттерла толпа. Хорошо — морячки подхватили ее, подняли на руки и пронесли на трибуну. Одной рукой она прихватила краешек платья, а другой удержала туфельки и букет.

Когда динамовец Шабров в падении головой забил решающий мяч, Светка схватила меня за руку. Я провел пальцем по ее руке, и она по моим пальцам.

— Что это у тебя?

— Трубой зашибло.

— Когда это было?

— Давно-о это было. На третьем номере.

Потом мы пошли куда глаза глядят. От Луговой до мыса Эгершельд, по Океанскому проспекту и Тигровой улице вышли к бухте Золотой Рог, к Спортивной гавани. Песчаная коса уводила нас, качались с двух сторон яхты, а мы шли и шли по косе, и волна вдоль берега легавою бежала, высунув язык. Светка спрятала руку в карман моей куртки, подняла кверху лицо. Губы у нее были холодные.

— Скажи мне что-нибудь.

— Что?

— Что-нибудь. Ладно, не говори.

Мы стояли, обнявшись. Луч прожектор obeжал косу и остановился. Светка сморщила нос.

— Сделай так еще. И еще.

Она морщила нос и смеялась, прижимаясь к моему лицу холодной щекой.

Нам сразу дали полдома во временном поселке геофизиков — работы на нефть сворачивались. Теперь Володя Арбузов со своей командой ночь-полночь останавливались у нас. Володя доказывал, что будет девочка. Ударили по рукам, разнимал Иван Саввич, арбузовский шофер.

Рожать Светлана уехала к родителям в Пермь, вернулась с трехмесячным Тимкой. На уссурийском базаре я купил у старого корейца бамбуковую детскую кроватку, легкую, как перышко. Володя Арбузов привез бутылку шампанского.

— За мной не заиндевет. А это Тимуру, — Арбузов достал книгу. — Алан Милн, купил во Владике. Про мальчика Кристофера Робина и его игрушечного медвежонка Винни-Пуха.

— Милн? Не слышал.

— И я не слышал. «— Пух, обещаю, что ты меня никогда-никогда не забудешь. Никогда-никогда! Даже когда мне будет сто лет. — А сколько тогда мне будет? — Девяносто девять. — Обещаю. — Пух, если я... если я буду не совсем такой...»

— Светка, тебе-то лет сколько? — спросил Иван Саввич.

— Девятнадцать будет.

— Ну, девка золотая! И мальчонка у тебя золотой! Еще рожай! Ребятишки у тебя золотые будут!

Тима уже начал вставать и раскачивать свою бамбуковую колыбель.

Лозунг Хрущева: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Назван срок — 1980 год. За год до этого срока началась Афганская война.

В новой программе партии говорилось о строительстве коммунизма. А как его строить? Хрущев придумал управленческую реорганизацию — расшевелить бюрократов.

XXII съезд партии — пора забыть о соревновании с Америкой. Но последний романтик твердит: «Это будет!» Люди пишут в ЦК письма: в магазинах нет мяса и масла. Может, плохо организована торговля? Хрущев: «Это, конечно, не так... Мяса у нас просто не хватает». Зато Советский Союз обошел США по выплавке стали. Правда, американцы переключались на новые материалы. О кукурузе: Хрущев объясняет — у нее длинный вегетационный период, в южных районах время налива совпадает с засухами.

«Сам я был пастухом, а теперь народ и партия поставили меня на пост Первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР. Видимо, и среди пастухов бывают неплохие люди». Каманин — примерно то же: «Что стало бы со мною, если бы не было Октябрьской революции? Меня бы постигла участь отца. Я бы сидел в темной конуре и чинил стоптанную обувь для обывателей заброшенного и пыльного города Меленки». Вот так — постигла бы участь отца, чинившего людям обувь. Сошлись во взглядах «разгребатель грязи» и его яростный противник, убежденный сталинист Каманин.

Урожаи на целине после 1958 года перестали расти, а в 1963 году резко упали. С середины шестидесятых годов мясо исчезает из свободной продажи (исключение — привилегированные города). С 1963 года начинается импорт зерна — 12 млн тонн; в 1984 году он достигает 46 млн тонн.

Образцы возили дробить в Находку. В порту бастовали грузчики — не желали грузить канадскую пшеницу Ким Ир Сёну. Там я увидел растяжку: «Хрущеву нужен мир, а нам — гидрожир». Мне удалось раздобыть бутылку соевого масла. У соседей мы, как люди, купили мешок картошки. Как это хорошо — картошка, жаренная на соевом масле! Ладно, что Тимке в детской консультации отпустили «Дитячче харчуванне».

В ново-никольской чайной из спиртного только шампанское. В получку столики заставлены «дунканами». Мужики распивали айседорин напиток, икая и матерясь. В поисках спирта шофера гоняли аж до Хабаровска.

8

Буровики-то понимали, что это такое, когда геологи пишут окончательный отчет, говорят о мобилизации средств, когда на утреннюю оперативку приходят вербовщики из дальних экспедиций.

Каратин горячился:

— Ну чего приехали? Ваш приезд мне как серпом по сами знаете какому месту. Дайте хоть скважины добурить. Шпарьте назад, на свою Дальнюю Речку.

— Не волнуйся, Харитоныч — говорил рассудительный Рожев. Давай поговорим с ними, узнаем, как у них с деньгами, с жильем, как у них с охотой и рыбалкой.

— Да пойми, Иван, опять нам куда-то ехать надо, чегой-то искать. Сколько у нас все-таки недостатков. Прав, прав был Зощенко. То нефть ищи, то не ищи. Это всё геологи баламутят.

— Геологи не виноваты, Харитоныч. Давай-ка опять кадрами займемся. Я, конечно, не могу на все сто процентов определить, но что за человек, я могу сказать.

— Мы будем вместе — два Ивана. Будем вместе. Ты извини, если что не так.

Они знали, что предстоит самое трудное — повести людей за собой. Если бригада идет за тобой, ты — настоящий мастер.

Да, геологи писали окончательный отчет, и все понимали, что это означает. Я дождался, когда камералка опустеет, чтобы лучше описать связь базальтов с подводящими каналами. Уткнулся лбом в сцепленные руки.

Михал Иванович сказал:

— Я уезжаю, Сема. Из этого роя не выйдет... ничего. Насос Комовского забираю с собой.

Я уже знал про Зея-Бурею.

— А как же мы? А если скважина загазует?

— Этот насос списанный. Я его из Западной Сибири вёз.

— Я не отдам его, Михал Иванович.

— Иди ты знаешь куда!

— Знаю. Я ходил.

— Иди второй раз.

— Послушай, Михал Иванович.

— Зачем мне слушать.

— Да я тебе говорю.

— Нечего мне говорить...

И ушел. На нас ему плевать. Выкручивайтесь, мальчики, как можете. Ведь он сидел на Колыме, друг сердешный, сидел. Конечно, тогда *ни за что* сажали. Но и ведь и *за что* тоже сажали. Кто его знает, за что сидел.

Вспомню об этом — закрою глаза, помотаю башкой, если рядом никого нет — повою. Друг сердешный!

Буровики уже отправляли на Камчатку наши станки ЗИФ-1200, коим вышли сроки. Рассказывали:

— Геологу в Петропавловске всегда есть где переночевать — на Советской улице. Если Олега нет дома — ключ под ковриком. Охотничий домик.

- Олег? А фамилия?
- Фамилия украинская...
- Не Супруненко ли?
- Он самый.

9

— Что ж, посмотрим ваши веселые картинки, — вкусно говорил Берсенов. Сверху суйфунский планшет был так красиво залит серым цветом базальтов. Что под ними — мы ничего не знали. А там новый угольный бассейн...

— Весь суйфунский планшет испортили, скажи, Евланов, — обратился он к великому съемщику.

Евланов недоверчиво разглядывал каротажи. Он не привык иметь дело со скважинами. Его стихия — обнажения, канавы и шурфы.

— Игорь Ипполитыч, ребята нашли интересные вещи... — удар по карте ребром ладони. — Не только уголь, вулкан нашли с туфом в жерле. Этот туф — отличная добавка к цементу Спасского завода. Ребята из Артемовской экспедиции примчались.

— Им надо нефть искать. Нефть, а не вулканы. Я вас, ребята, научу, как нефть искать.

Игорь Ипполитыч закатал рукава, взял карандаш, хищно изогнулся над картой.

— Вы нашли купол. Вот он, Борисовский купол. А вы ходите вокруг него, как коты вокруг сметаны.

Но точку не поставил, бросил карандаш.

— Нужен тяжелый станок. Но денег нет. Вся техника идет в Западную Сибирь. Там такое творится — жемчужина на жемчужине: Усть-Балык, Мегион.

Вадик:

— Точку поставить нетрудно — в свод. А есть ли флюиды на Суйфуне? Органического углерода в породах — кот наплакал. Это — главное. А так искать нефть, как мы искали, — глупо и безнравственно.

— Москва вопрос о нефти сняла с контроля. У нас ведь как — умер Максим, ну и хрен с ним. Сначала — хорошо, хорош-шо, всё хорош-шо-о, всё правильно. Правильно! Вдруг кто-то вякнул: «Непра-а... Нет, правильно! Правильно! Непра-а... Неправильно!» И — сначала тихо, потом громче-громче: «Неправильно!» И все:

«Неправильно!» На Грузинской мне так и сказали: на нефть — ни копыя.

Хлопнул ладонью, широкой, как лопата, по столу:

— У меня глупое, но жизненное предложение: едем все вместе в партию к Евланову, в бухту Лавайза. Там он ведет ревизионную съемку.

Дорога вышла к морю.

— Хозяйство Евланова, — сказал Берсенов. — Помню, в войну видел табличку в лесу: «Хозяйство подполковника Блюдечкина». Евланов знает Сихоте-Алинь, как свою квартиру.

— Евланов, запевай!

— Игорь Ипполитыч, вы же знаете, я не могу петь.

— Как это не можешь петь? Есть такая нежная лирическая песня — ее могут петь все. Ладно, не пой. Будешь дирижировать.

Главный геолог управления закрыл в блаженстве глаза: «Ой, цветет калина в поле у ручья...» и неожиданно взревел:

*Любил папаша сыр голландский
Московской водкой запивать!*

Надо запомнить этот день, задержать его в памяти — тихая вода бухты Лавайза, сопка, горящая на солнце, крик фазанов, пущенный накат волны на гальку. Высокий берег океана — клиф, под ним — ниша, выбитая прибоем, а еще ниже — полоска пляжа.

Спирт питьевой, минеральная вода «Ласточка» охлаждались в ручье. Вадик резал хлеб, пластал огурцы с пупырышками, сателлитами, крапчато-лапчатые, селедочку тихо-атлантическую.

Евланов потянулся за хлебом, из-под рубашки вылез «вальтер». Улыбнулся, пряча оружие:

— У меня пуп броневой. Мой северный сосед свой «вальтер» в рюкзаке таскает. Медведь кинется, и охнуть не успеешь.

— Евланов, расскажи ребятам про месторождение алунитов. Стесняешься? Не хочешь — не говори.

Игорь Ипполитович повернулся к нам:

— Партия Евланова нашла очень хорошее месторождение алунитов. Это такое комплексное сырье. Старые съемщики бесхитростно писали в полевых книжках — кремнистая порода. Трое наших подсчетчиков — Обнимайло, Абдулов и Поцелуйко — отправились в Москву защищать запасы по месторождению, которое называли куда как оригинально — «Восток-2». Всё прошло хорошо,

отметили, на радостях отбили телеграмму на имя своей сотрудницы Зиновки: «Отчет защитили отлично Обнимаю Поцелуйко Абдулов». На почте, конечно, упростили: «обнимаю целую Абдулов». Муж у нее страшно ревнивый. Утром Зинуля приходит на работу со здоровым синяком. «В чем дело, Зиновка?» — «Да ночью пошла на кухню, руки вытянула, как Буратино, а створка шкафа раскрытая, как на грех, как раз пришлось по носу — между рук!»

— Вы хотите развеселить нас, Игорь Ипполитович, — сказал Вадик.

— Ребятки, у вас такой каменный материал — что вы сидите на нем? Пишите статьи! А вы гундите: да кому это нужно? Пусть-де статьи пишут, кому делать нечего. А мы-де настоящим делом занимаемся. Пишите, тогда ничего не потеряется. Дальневосточный тост:

Чтобы Тихий не обмелел,

Чтобы рыбаки не остались без работы!

— После этого надо выпить, крикнуть и сказать: «Крепка же советская власть на Дальнем Востоке!»

— Я полагаю, что это очень серьезный тост, — сказал Вадик.

На защите нас хвалили. Берсенева говорил о бесценном материале, который дала Суйфунская нефтяная партия. Слово «линеамент», диковинное и летучее, мы слышали от него. Уссури-Ханкайский линеамент! Оказывается, что мы всё время были в центре диких споров о поперечной зональности, казалось бы, строго северо-восточного Сихоте-Алиня, как на Океанском проспекте было принято ударять. Берсенева показывал диковинные аэрофотоснимки, обещал в самом скором времени достать редчайшие аэрокосмоснимки — зря, что ли в небе спутники летают. Вот он — широтный линеамент, уходящий на запад, к родной Москве. Берсенева ребята разбила Сихоте-Алинь на пластины, собрали осколки Китайской платформы, посмотрели на континент со стороны океана! Им так не хватало нашей информации: вы — гении в трусиках!

Защиту отчета отмечали в ресторане «Челюскин», где гудели бывшие китобои из бывшей китобойной флотилии «Алеут» — она вернулась на базу. Китобои становились теперь краболовами и тунцеловами. И гремел весь вечер марш китобоев из оперетты Дунаевского «Белая акация», и время от времени кто-нибудь из мариманов, колыхаясь, подходил к оркестру и швырял деньги: марш

китобоев на все! Сергей Желнин заказал «Чаттануга Чу-чу», бацал степ (Михал Иванович обучил), но недолго — опять грянул марш китобоев.

Тосты у них были несерьезные:

— *Чтоб буй стоял и лодки плыли!*

— *И чтоб до смерти девки снились!*

Но в глазах тоска — киты кончились.

10

В автобусе:

— Эй, на тральщике! Весь залив — слушай мою команду! Три года за Родину! Ур-ра! Пролив Вилькицкого, пролив Вилькицкого. Мы триста миль били лед, а это ой много — триста миль. Нам кто мог доставить продукты? Проклятый пролив Вилькицкого!

Под моим окном цветет черная смородина,

Жизнью радостной живет дорогая родина!

Кондукторша:

— Замолчишь, нет, лешак?

— *Раскинулось море широко!*

— У, лешак, шары-то позаливал! На улице будешь петь.

— Не желаете пропустить стаканчик «Чёрной смородины»? Не желаете? Ну и правильно.

— Лешак!

— Но моряки об этом не грустят! Триста миль «Капитан Мелехов» бил лед, и никто, никто не мог доставить ему продукты. А вы знаете, когда люди долго не кушают, они как волки становятся, как волки. А я человек спокойный, спокойный. Натощак я очень спокойный. Еще был случай у острова Жохова...

— Генка! Пославский! Как ты здесь оказался?

Он не удивился нисколько.

— Серега, мне не проханже на Дальнем Востоке. Живот у меня болит, ох, и болит. Только «Ласточка» помогает, напиток «Ласточка» помогает. А все проклятый пролив Вилькицкого. На улице, на Китайской улице меня за хобот взяли. У меня нет прописки и нет пропуска. Ни прописки, ни пропуска. А мне надо выйти в море. Я, как Петр Первый, все равно выйду в море! Но мне объявили: вам закрыты виза номер один — иностранные порты, виза номер два — нейтральные воды, виза номер три — прибрежные воды.

— В рейс уходят корабли,
Удаляясь от земли,
И большие корабли, и малые...

Я сказал:

— Завтра в два часа найдешь мастера Каратина в управлении на Океанском проспекте.

— Когда усталая подлодка из глубины идет домой... Не желаете пропустить стаканчик «Черной смородины?»

— Ты понял? В два часа в Приморском геологическом управлении на Океанском проспекте!

11

Последнее письмо от Вальки Соболева из Салехарда: «Я быстро прошел путь от начальника партии до лаборанта. Завхоз Перевалов говорит, что здесь, если не пить, быстро опустишься. Я предложил тост: «За вашу низость, Перевалов, за мой возвышенный позор». Больше от него писем не было.

Михал Иванович написал Вадику: «Мин херц, привет тебе из Зея — Буреинской, или, как здесь мрачно острят, из Зря-Буреинской впадины. В геологическом отношении здесь, образно говоря, пустыня Гоби и торричеллива пустота. Поярковские ворота, ведущие в Китай, в нефтеносную впадину Сунляо, сузились до размеров узенькой-узенькой калиточки. Вот такие дела, друг сердешный». Мне — никаких приветов.

Вадик собрался в Москву:

— Поеду устраиваться в головной институт, к Мирчинку. Хочу работать у Гуляевой Лидии Александровны, миссис Марпл. У нее — лучшее, что есть в нашей органической геохимии. Так работать, как мы, — нельзя. Должна быть система: вот нефтематеринские породы, вот каналы миграции — отследить путь нефти до зон аккумуляции. Если их нет — как она заклинивается в ближайшей ловушке.

— Ты будешь Эрклеюм Пуаро! А я прочитал в одном журнальчике рассказ «Останутся воспоминания». Фото автора — лицо тертого шофера, рубашка с открытым воротом. Город Пермь. Фамилия? Кажется, Астафьев.

— Не слышал.

— Я тоже. Но рассказ хороший. В Перми есть нефть. К тому же там Светкины родители живут.

При ликвидации партии полагается составить и сдать в центральное хранилище эталонную коллекцию керна по кускам из разных скважин, чтобы люди после нас могли работать с нашим каменным материалом. Вот этим делом я и занимался. Сергея Желнина отрядили помогать мне — растаскивать ящики. Мы ждали машину. Хорошо бы, конечно, чтобы прислали Володю Вовна на 15-19, на его боевой «Ласточке» — ГАЗ-63. У нее два ведущих моста.

— Когда работаешь, как щегол, тонкий, и жрать все время хочется, — ворчал Сергей — А сейчас ходишь, как директор, — пузо вперед.

От нечего делать он колол дрова, а как хотелось постоять за рычагом лебедки, чувствуя твердеющей рукой нарастающий вес колонны. —

— Сидим с тобой, Сема, как суслики, машину ждем. Если снег пойдет, тут и «Ласточка» сядет.

— А где-то далеко-далеко, где кочуют туманы, где теплые сортиры, мудрые геологи изучают Сихоте-Алинь, Японское море. Летом будут анализировать нашу эталонную коллекцию.

— Не тоскуй.

Я пошел за дровами. Прижимая поленья подбородком, я вошел в тепляк. Сухая береста белела кольцами в расщелине между бревнами. Эти привычки от Михал Иwanyча — копить бересту, держать бритву в мешочке для образцов, иголку с ниткой закалывать в подкладку динамовской кепки с прорезиненным козырьком, портянки чтобы из байки. Грамотно разместил в печке бересту, выложил колodцем дрова — сухие еловые поленья. Выждал, пока огонь займется, раскрыл дверцу и стал глядеть на ровное пламя. Сунул еще одно полено, и оно стрельнуло — пихта попалась. Я смотрел на отсветы огня в поддувале.

Сергей Желнин ласкал Метчика:

— Ну, что собака, скоро вальдшнепы прилетят?

Метчик умно смотрел на него карими глазищами. Я вышел на крыльцо. Какой-то странный звук донесся, не похожий ни на треск горящих дров, ни на далекий звук приближающейся машины. Пожалуй, звук походил на скрип уключин. Я поднял голову к темнеющему небу. Звук уходил всё дальше и всё выше.

— Ах, какие уточки полетели, — сказал Сергей и положил мне руку на плечо. — Ах, какие уточки! И куда же эти уточки полетели, на ночь глядя?

12

Ничего-то мы с Сергеем не знали о том, что творится в мире.

Американцы на «Маринере-четвертом» получили отличные снимки Марса, пролетев на высоте 9920 километров. Нам никак нельзя отставать: окно на Марс открыто с 24 октября по 4 ноября 1962 года. Королеву говорили: отложите работы по Марсу в этом году. Как это можно? Он никого не слушал: мы должны проложить дорогу! Готовились три пуска: дважды пролететь рядом с Марсом и последним пуском попасть в него. Королев шутил:

— Надо одолеть бога войны, раз с богиней любви не получилось...

Но бог войны оказался рядом, на Земле.

В августе началась переброска на Кубу ракетного и ядерного оружия. Кеннеди заявил, что США не потерпят размещения на Кубе наших ракет и начинают морские маневры. Хрущев не обратил внимания на слова молодого президента. Под видом рыбацкого поселка создавалась судовой верфь и база для подводных лодок.

12 сентября Хрущев пишет Кеннеди: ракеты на Кубу не будут посланы ни при каких обстоятельствах. Плотные облака, укрывшие Кубу в конце сентября и в начале октября, мешали фоторазведке.

10 октября самолеты-разведчики У-2 обнаружили: в джунглях появились автодороги. Кеннеди приказал усилить съемки, но тут на Кубу обрушился еще один тайфун.

14 октября — на стол Кеннеди легли фотоснимки советских ракет средней дальности СС-4 на западе Кубы. Военные настаивали на бомбардировке всех ракетных установок. Кеннеди же приказал начать блокаду. Американские войска во всем мире приведены в состояние повышенной готовности. Стратегические бомбардировщики с полной ядерной нагрузкой поднимались в воздух, и, как только один приземлялся для заправки, другой поднимался в воздух.

16 октября, 8:00. Совещание у Кеннеди. Большинство — за удар по ракетным базам с воздуха. Перерыв на десять минут. Кеннеди по-стариковски погрузился в сон — ровно на десять минут. Принесли новые снимки ракет СС-5, достающих до любого штата.

17 октября. На новых снимках — новые пусковые площадки.

21 октября — на полигоне Байконур запустили марсианскую ракету. Блок Л включился, но через 17 секунд ракета взорвалась. Американцы сумели отличить космический пуск от боевого. На старт поставлена новая ракета.

Ура! Мне удалось найти интервал с долеритовой дайкой, прорывающей слои в скважине №3. От души отлегло. Эту дайку должны видеть грядущие поколения геологов.

22 октября. Кеннеди по телевидению объявил о морской блокаде Кубы: «Это лишь первый шаг. Пентагон получил приказ к проведению дальнейших военных мер». Хрущев, узнав о содержании речи Кеннеди, отправился в Большой театр. Многие не понимали президента — нужен немедленный воздушный удар! Командующий группой советских войск на Кубе получил полномочия использовать девять боеголовок в случае нападения США.

24 октября. Советское правительство заявило протест против блокады Кубы и просило созвать Совет безопасности ООН. Вооруженные силы приведены в состояние повышенной боевой готовности, отменены отпуска и демобилизация старших возрастов. Кастро объявил о всеобщей мобилизации. В Карибском море появились советские подводные лодки. Два советских корабля приблизились к линии блокады. Их прикрывала подводная лодка. На встречу шел авианосец «Эссекс» с вертолетами, оснащенными для борьбы с подводными лодками. Потом наши разрешили досмотр судов, чтобы идти в порты Кубы. Монтаж ракетных установок продолжался.

Послание Джона Кеннеди Хрущеву: «Мое желание, чтобы оба мы держались осмотрительно и не допускали, чтобы события осложнили положение и еще более затруднили контроль над ними».

Хрущев приказал судам остановиться на линии блокады и предложил Кеннеди срочную встречу. Кеннеди согласился, но только после устранения с Кубы советских ракет.

25 октября. Над Кубой сбит самолет У-2. Летчик погиб.

В этот день на полигоне Байконур появились автоматчики. Приказ: снять со стартовой позиции №1 корабль, подготовленный к пуску на Марс и срочно готовить дежурную ракету Р7А с боевым зарядом. Цель — пуск по Соединенным Штатам. Ждать команду из Москвы. Черток затянул дело с установкой боевой ракеты до приезда Роберта Кеннеди в советское посольство.

Стихи из полевой книжки.

*В зеленый город Уссурийск везли корейцы рис.
По речке Сандуге — лоза. В лозе кричал фазан,
И камни, яркие от брызг, слепили мне глаза.
Когда-нибудь я вспомню этот день.*

Вечером Кеннеди получил письмо от Хрущева, продиктованное лично и даже не отредактированное. Теперь Хрущев призывает Кеннеди проявить сдержанность, не отрицает, что на Кубе есть советские ракеты. Он предлагал Кеннеди снять блокаду и дать обязательство не вторгаться на Кубу. Тогда СССР заберет или уничтожит ракеты. Это был шаг к компромиссу.

27 октября. Пока американцы готовили ответ, пришло второе послание от Хрущева с дополнением: американские ракеты «Юпитер» должны быть выведены из Турции. Кеннеди принял предложение, сделанное в первом письме, и проигнорировал второе. Секретное дополнение: США уберут свои ракеты из Турции, но позднее — после ликвидации кризисной ситуации.

28 октября, 9:00 — по радио передано послание Хрущева: «Советское правительство отдало распоряжение о возвращении в СССР всего этого оружия». Это произошло менее чем за сутки до назначенного правительством США вторжения. В послевоенный период мир никогда еще не подходил так близко к новой мировой войне.

С Марсом этой осенью у Королева ничего не получилось.

Глава 12. Начало лунной гонки

1

Итак, объявлена национальная задача США на шестидесятые годы — посещение Луны. На юге Флориды строится «лунный порт» Кейп Кеннеди, окруженный городками Порт Канаверал, Коко-Бич, О'Голли. Рассмотрено множество проектов корабля и ракеты-носителя. В январе 1962 года НАСА одобрило проект трехступенчатой ракеты «Сатурн-5». Первая ступень — на керосине и жидком кислороде, вторая и третья ступени — на жидком водороде и жидком кислороде. Вверху — лунный модуль, который должен был

опуститься на поверхность Луны. В служебном модуле — топливо и ракетный двигатель, нужные для полета до Луны и обратно. В командном модуле — три астронавта. По первоначальному проекту «Сатурн-5» мог послать на Луну груз в 45 тонн.

Ракету «Сатурн-5» должна делать группа фон Брауна, модули — Центр пилотируемых космических полетов в Хьюстоне.

В сентябре 1963 года Управление по пилотируемым космическим полетам возглавил Джордж Мюллер. До него первая попытка сесть на Луну намечалась на конец 1971 года. Мюллер сказал: есть срок, названный Кеннеди, — конец десятилетия. Все ступени «Сатурна-5», должны испытываться одновременно. Фон Браун всегда работал последовательно — элемент за элементом. Для «Фау-2» было три тысячи опытных пусков. Мюллер заставил фон Брауна сдать ся.

Как добираться до Луны? Подробности споров стали известны из статьи Дэвида Шеридана в журнале «Лайф». Было три сценария полета. Проще всего — прямой полет: построить большую ракету, погрузить на нее всё нужное и взлететь. Отдельные ступени, выполнившие задачу, должны отваливаться. Фон Браун и Максим Феже, один из конструкторов корабля «Меркурий», были за прямой полет с Земли на Луну. Потом фон Браун поддержал второй сценарий — старт с геоцентрической орбиты. Космическая станция не нужна. Компоненты корабля запускаются с помощью двух или более ракет. Они сближаются на околоземной орбите, и команда собирает лунный корабль. После сборки — старт к Луне. Преимущество метода — нужны небольшие ракеты. Недостаток — никто не знал, можно ли будет сблизиться на орбите.

Третий сценарий — встреча на селеноцентрической орбите. Метод предложен в 1961 году безвестным инженером Джоном Хуболтом из Исследовательского центра имени Лэнгли в Хэмптоне, штат Вирджиния. Корабль поднимается на околоземную орбиту, а затем на окололунную. Там от корабля отделяется лунный модуль с двумя астронавтами, который спускается на поверхность Луны. Потом он взлетает и встречается с модулем, остававшимся на окололунной орбите. Затем астронавты возвращаются на Землю.

Хуболта занимался в основном динамическими нагрузками на стендах НАСА, вовсе не глобальными задачами. Он любил простые решения. При спуске на лунном модуле упрощается всё. Испытать на Земле толком ничего нельзя — лунное притяжение в шесть раз слабее земного. Во время старта лунный модуль сложен как зонтик

внутри оболочки «Сатурна», защищавшей его от трения атмосферы. Главное преимущество метода — экономия в весе. Можно было выполнить полет с помощью одной ракеты-носителя «Сатурн-5».

В 1960 году на английский была переведена работа Кондратюка (он же — бывший белогвардеец Александр Шаргей) с формулами полета к Луне. Доктор Лоу рассказывал: «Мы разыскали маленькую неприметную книжечку, изданную в России сразу же после революции. Автор ее — Юрий Кондратюк — обосновал и рассчитал энергетическую выгодность посадки на Луну по схеме «полет на орбиту Луны — старт на Луну с орбиты — возвращение на орбиту и стыковка с основным кораблем — полет на Землю». Так что в работе Хуболта отчетливо прослежен русский след.

Сначала предложение Хуболта было высмеяно. Но он как мог пробивал свою идею. Однажды ему удалось выступить на совещании по программе «Аполлон». Но в последнюю минуту начальство попросило его не говорить о стыковке на окололунной орбите. Тогда Хуболт пишет письмо помощнику директора НАСА Роберту Сименсу: «Пережив состояние человека, вопиющего в пустыне, я испытываю ужас при одной мысли об отдельной личности и целых комитетах... Дайте нам разрешение, и мы доставим людей на Луну в очень короткий срок — и мы обойдемся без всякой хьюстонской империи». Тот дал ход письму, и положение изменилось. Хуболт: «Когда фон Браун изменил свое отношение к стыковке на окололунной орбите в 1962 году (и я уважаю его за это), я рассчитывал, что последнее препятствие преодолено». НАСА присудило Хуболту награду «За выдающееся научное достижение», оценив его «предвидение и настойчивость».

Ракетчики из Хьюстона дважды встречались с фон Брауном. В июне 1962 года после шестичасовой дискуссии тот согласился с идеей Кондратюка — Хуболта.

В сентябре Кеннеди посетил Центр космических полетов. Он остановил споры, вспыхнувшие после доклада фон Брауна, обратился к администратору НАСА Джеймсу Уэббу:

— Вы руководите НАСА, вам и решать.

Уэбб был на стороне фон Брауна.

20 ноября конгресс урезал запрошенный Кеннеди бюджет для НАСА. Через два дня президент был убит. НАСА переименовало Центр управления пуском в Космический центр имени Джона Кеннеди.

Новый президент Линдон Джонсон не позволил закрыть программу «Аполлон». Довод: «США разработали более мощные ракеты, чем имеющиеся в данный момент в СССР». Фон Браун из ракетостроителя превратился в управляющего, контролирующего подрядчиков — компании «Боинг», «Дуглас», «Американ Авиэйшн».

Если конгресс рубит деньги на Луну, их нужно найти на стороне. Фон Браун снова выходит на Диснея. Дело в том, что аттракцион «Страна будущего» благодаря усилиям самого фон Брауна устарел. В Хантсвилле, где есть музей ракетостроения, Дисней увидел слайды и макеты — программа «Аполлон», ракеты «Сатурн», Центр имени Кеннеди — увидел, загорелся и начал скупать земли, прилегающие к Космическому центру. В ноябре 1965 года объявлено, что здесь будет новый центр развлечений — «Мир Уолта Диснея».

2

Нашим военным нужна надежная небольшая ракета, которую можно долго держать в шахте заправленной. Работа шла в трех КБ: у Королева — Р-9, у Янгеля в Днепропетровске — Р-16, и у Челомея — универсальные ракеты УР-100, УР-500 (будущий «Протон»). Янгель сразу начал с ракеты среднего радиуса — «для Европы», как он шутил. Он стал первым, несмотря на страшную аварию с гибелью множества людей, в том числе маршала Неделина. За ним — королёвская «девятка». Она сделана под новые ядерные заряды, весила всего 82 тонны («семерка» — 300 тонн). Мишин — Васюня, Василёчек — придумал замкнутый цикл переохлажденного кислорода — это позволяло «девятке» довольно долго находиться в шахте на боевом дежурстве. Раньше совет главных работал только на Королева. Теперь главные могли выбирать, на кого работать.

Министр обороны Малиновский прямо сказал: «Луной мы не будем заниматься, для этого есть Келдыш, есть Академия наук». Сверхтяжелые носители, решающие научные задачи — космическое излучение, жизнь планет и звезд — одним словом, есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе — это военным вообще не нужно.

Королеву в лицо говорили: «Вы стреляете городами».

В Минобороны ходила шутка: «Янгель работает на нас, Челомей — в унитаза, а Королев — на ТАСС».

Июнь 1960 года — постановление, явно написанное рукой Королева, — о создании мощных ракет-носителей, космических кораблей и освоении космического пространства на 1960–1967 годы. Планировалось создание исследовательской базы на Марсе. Семь лет отводилось для создания королевской «ракеты мечты» — Н-1. Почему Королев так назвал ее? Склоняются к тому, что «Н» означает «Носитель». Я же думаю — в честь дорогих Сергею Павловичу имен — Нина и Наташа.

Сергей Хрущев полагает, что «Королев окончательно потерял интерес к делам военным». Иногда он становился высокопарным, как Цандер: «Друзья, перед нами Луна. Давайте же дружно работать ради великой цели освоения Луны!» Черток как-то заметил: Королев шевелит губами. Разобрал шелест:

— Надо лететь на Луну. Надо лететь на Луну.

Луна была нужна Королеву, Келдышу, но не военным.

Декабрь 1961 года. Президент Академии наук Келдыш пригласил известных наших астрономов на встречу у Сергея Королева.

Вопрос интересный: что представляет из себя поверхность Луны? Нам предстоит посадить космический корабль на Луну, а мы не знаем свойства лунного грунта. Пыль? Твердый грунт? Что скажут астрономы?

Обсуждение затянулось. Склонялись к тому, что Луна скорее твердая.

— Да, но Томас Голд утверждает, что слой пыли имеет большую толщину... Как будто это подтверждают и денситометрические исследования Копала...

Королев:

— Товарищи, давайте исходить из того, что Луна твердая.

Кто может поручиться? Кто возьмет ответственность?

Есть апокриф: для ускорения дела главный конструктор вырвал из блокнота листок, начертил: «Луна твердая». И твердо расписался: «Королев».

Через некоторое время — новое секретное совещание. Ученые из Радиофизического института с помощью метода дискретных радиоисточников получили новые данные о лунной поверхности:

— Наиболее вероятно, что Луна покрыта пористой породой типа базальта, слегка припорошенной пылью. Ваш аппарат и люди не провалятся и не утонут в пыли...

Май 1962 года. Королев подписал эскизный проект суперракеты — стометровой, трехступенчатой. Первая и вторая ступени — кислород и керосин, третья — кислород и жидкий водород — «богом данное топливо», как говорил Исаев. Правда, хранить водород трудно, кипит при минус 252,6 градуса. Первый набросок Н-1 предполагал, что ракета поднимет на орбиту от 20 до 40 тонн — почти восьмикратное увеличение мощности в сравнении с «семеркой». Этот вариант был в работе, когда Хрущев вызвал Королева на Совет обороны, который проводился в Пицунде. Речь шла об Н-1. У Королева было правило — большому начальству нужны точные слова и, главное, яркие плакаты. Ничего лишнего — скорость, вес, высота, дальность.

Хрущев спросил:

— А давайте-ка посоветуемся, нужна ли нам ракета на 20–40 тонн?

Королев ничего не понимал — раньше Хрущев поддерживал идею Н-1.

— Можем ли мы сделать ракету на 75 тонн?

Теперь понятно — военным нужна большая орбитальная станция.

— Такая ракета сможет поднять на орбиту космическую станцию с несколькими боеголовками. Мы должны ответить ударом на удар немедленно!

Хрущев хватил кулаком по столу.

Ракету «перевязали» на 75 тонн. А что, если не 75 тонн, а 80-85? Ведь тогда можно отправляться на Луну. Сергей Хрущев: «В необходимости соревнования за приоритет высадки на Луну Королев не сомневался».

На столе Хрущева папка «белого ТАССа» — американцы запустили тяжелую ракету «Сатурн-1», которая вывела на геоцентрическую орбиту основной блок лунного орбитального корабля. Американцы на «Сатурнах» в беспилотном режиме отрабатывали будущий полет лунного «Аполлона».

Королев на Совете главных сказал, что борьба за выбор типа ЖРД задержала работу. Нет надежды на появление в ближайшее время водородного двигателя. Королев и Келдыш напрямую обратились к Хрущеву:

— Так летим или не летим на Луну?

Хрущев:

— Луну американцам не отдавать! Сколько надо денег, столько и найдем.

Секретное постановление: в сентябре 1968 года сесть на Луну и вернуться домой.

Так начиналась отчаянная гонка — в ней был не только политический, не только военный, но и спортивный интерес, будто бы это хоккей с шайбой, где надо непременно побить хваленых заокеанских профи. У фон Брауна уже есть двигатель на водороде. Американцы богаче, экономика у них помощнее нашей.

Уже в июле 1962 года группа Феоктистова начала проектирование корабля. Сначала он назывался 7К и имел три модификации: 7К-ОК (орбитальный полет вокруг Земли, он-то и станет «Союзом»), 7К-ЛОК (лунный орбитальный корабль; беспилотный вариант назовут «Зондом»), 7К-ЛК — лунный корабль, он так и не полетел. Корабль проектировался, а ракеты для него не было. Королев не стал ждать суперракеты для полета на Луну — предлагает варианты с «семеркой» и армейскими ракетами на твердом топливе. Все варианты бракуются. Нужна ракета Н-1!

В стране трудности с экономикой, а Королеву нужны немеренные миллиарды. Тем не менее в сентябре 1962 года — новое постановление по ракете Н-1: она должна полететь через четыре года. Власти еще верили Королеву. Ракета должна вытащить на околоземную орбиту 90 тонн, а после установки форсированных двигателей — 130 тонн.

После посещения Совмина Королев растерян:

— Все лихорадочно ищут по команде Хрущева пару миллиардов рублей для сельского хозяйства. Что происходит в стране?

Глава 13. Лоцман Пермского моря

1

С большой робостью отворил я дверь с табличкой «Главный геолог треста «Пермнефтегеофизика» К. С. Шершнев». Константин Степанович — красивый, подтянутый, энергичный, умный, остроумный, великолепный, в новом финском костюме, в накрахмаленной рубашке изумительной белизны — протянул руку

мне, мальчишке, который искал работу на пермской земле. Левая рука — в черной перчатке: после войны много чего взрывчатого находили пацаны на северных склонах Кавказских гор. На столе свежие номера «Советской геологии» и «Geophysics».

— Где работал?

— В Суйфунской межгорной впадине.

— Где это?

— В Сихали.

— В Сихали?

— В Сихоте-Алине.

По молодости лет я щеголял местными словечками — Владик, Сихали.

— Как же, в свое время сдавали «Геологию Союза». Помнится, геологическую карту Южного Приморья называли «взбесившимся монпансье». Чуть не все системы обнажены. Большие поля базальтов — неоген-четвертичные, верно? Кое-что помню!

2

По улице Куйбышева — сплошные бетонные заборы, трубы, заводские корпуса, завод за заводом. Вдруг — стела, взлетающий самолетик, а в сквере — Чкалов, чуб-чуб-чубчик кучерявый из-под шлема вьется на ветру, в унтах, в летунской курточке, с планшеткой, из-под руки глядит в хмурое небо, и каждую весну, слава богу, не снесли, еще и краской-серебрянкой выкрасили, и трамвай еще гремит, рельсы изгибаются, косвенно обозначая место, где когда-то стоял под снос частный дом с упёртым хозяином. Редко-редко маленькие улочки, вроде Хлебозаводской, по которой далеко заплывает хлебный дух, выводят на улицу Героев Хасана, незаметно переходящую в Сибирский тракт — и там тоже завод, который как только ни звали: патефонный, минный, велосипедный, «Велта» или, в войну, — «завод, где директором товарищ...».

Первое задание — собрать в фондах ГПК материалы по будущей Ножовской площади. Было когда-то на выезде из Перми, в том месте, где улица Героев Хасана переходит в Сибирский тракт, двухэтажное бревенчатое строение травяно-зеленого природного цвета — Геолого-поисковая контора, ГПК, дом 68, а при конторе — гараж, мастерские, шлифовалка и другие полезные службы. Контора эта — сразу за «Велтой». В уютном зеленом двухэтажном бревенчатом строении, ныне снесенном, в ту пору кипела жизнь.

Старинные фолианты в геологических фондах начинались, как это предусмотрено инструкцией по составлению геологических отчетов, с главы «История геолого-геофизической изученности территории», а в этой главе частенько встречалась дежурная фраза: «В 1841-м году шотландским геологом Родериком Импи Мэрчисоном была установлена пермская система». Старые геологи шутили: банки, контролирующие списание денег на геологоразведочные работы, не пропускали отчеты без этой фразы.

Место для занятий мне отвели во флигеле, который звался моргом.

— «Спутники» Веры Пановой читал? Приходит в наш город военно-санитарный поезд. Раненых куда? Где место есть. Умерших — во флигель, прозванный моргом. Сколько лет прошло, а название осталось. На той неделе пришла машина из Оренбурга. Водитель на проходной подает командировку. Вахтер: «Машину в гараж. А ночевать будете в морге». — «Как — в морге?» Чужие пугаются, а свои так привыкли.

«Морг» — вроде красного уголка, а скорее всего, ПДПС советских времен — «постоянно действующее производственное совещание». На стене геологическая карта Пермской области, карта тектоники Евразии и геохронологическая таблица — все двенадцать глав геологической истории снизу вверх — кембрий, ордовик, силур, девон, карбон, пермь, триас, юра, мел, палеоген, неоген, четвертичный период. После Южного Приморья, где на поверхности обнажены все двенадцать геологических систем и геологическая карта напоминает многоцветный персидский ковер, я оказался в Перми. Здесь на карте преобладает палевый цвет, цвет пермской системы — «главное пермское поле» на планете, и по незнанию такой пресной казалась мне в те молодые годы геология восточной окраины Русской плиты!

Из суксунской нефтеразведки в морг привезли самоварчик с медалями. В «морге» много хороших людей побывало, много песен спето в застолье, особенно в великие праздники — День геолога и День нефтяника. Пал Саныч Софроницкий, знаток пермских отложений, очарованный камнем, здесь был частый гость. Он не изменял полевым привычкам — носил штормовку, крепкую обувь, удобную шляпу. Истинный полевик, он любил вещи, не требующие электророзетки — механическую бритву «Спутник», батареечный транзистор. Профессора, родившегося на берегах Оки и не утратившего, к счастью, оканья, все звали по-простецки Пал Санычем.

Его интересовали не только сами пермские отложения, но и всё, что связано с именем «Пермь». Особая любовь — Соликамская депрессия, гигантская залежь калийных солей в лунежской пачке иреньского горизонта. На кафедре геологии в университете хранится целая библиотека подаренных Пал Санычу авторефератов — 920 штук! Его любовь к геологии была необъятна — во время войны с Японией он в свободное время изучал по второму тому Обручева мезозой Манчжурии и Монголии — «обогастил свою память великолепными разрезами». Пал Саныч, будучи помощником начальника штаба дивизии, сетовал, что при марше к городу Шанхайгуань на Желтом море смог заниматься лишь геоморфологией, а не геологией, как ему хотелось бы.

Петр Евсеич Коробецких (плащ защитного цвета, клетчатая рубашечка, яловые сапоги) здесь высказывал максимы:

— Геолог должен сидеть на одном месте, иметь крепкие, отполированные до зеркального блеска штаны, золотую голову и очень твердую задницу, — просоленную, отшлифованную, блестящую, дубленую, как романовский полушубок, широкоформатную, как хороший японский телевизор. Он должен быть скептиком, желчным, никому не доверяющим, всё проверяющим и перепроверяющим, и только тогда согласным, когда деваться некуда. Тогда пиши отчет — по принципу Флобера: «Ласкайте каждую фразу до тех пор, пока она не улыбнется вам».

Тем не менее Шершневу выговаривал ему на защите:

— Есть две вечнозеленые фразы: Козьмы Пруtkова — «Нельзя объять необъятное», и моя: «Говорите и пишите как можно кратче!»

Сохранился его похвальный отзыв — «Отчет по сейсмопартии №11 достиг идеального уровня, по нему можно учиться. Он содержит двадцать три страницы и написан согласно инструкции».

Петр Евсеич:

— Я раньше был оглоедом, потому что высказывал: дайте и мне сказать и не перебивайте. Теперь я надеюсь на молодых людей с претензиями.

Здесь, в «морге» палеонтолог Петр Константинович Чудинов, исследователь ящеров пермского времени, рассказывал, как он пишет статьи с профессором Эвереттом Олсоном после раскопок в Техасе или в пустыни Гоби, или на пермской земле, в Очерском районе. Всего три страницы: история вопроса, что сделано авторами, что надо сделать, выводы.

Чудинов — высоколобый, легкие светло-русые волосы, фетровая шляпа. Приезжал в Юго-Камск, в дедовский дом каждую осень — после экспедиционного лета. Жил с братьями в лесах — брал ружье, нож, томик Генри Дэвида Торо «Уолден, или Жизнь в лесу» или же Сергея Аксакова, гороховый концентрат, московскую копченую грудинку. Ручей, удочки, шелест листьев. Он знал землю и жизнь тех, кто когда-то жил на ней. В честь знаменитого друга — Ивана Антоновича Ефремова — Чудинов назвал одного из пермских ящеров ивантозавром. Я побывал однажды в московском доме у Петра Константиновича. В его маленьком кабинетике — стол, кушетка, книги до потолка, из раритетов — пробковый шлем, карманный Будда, откопанный в пустыне Гоби, где когда-то было государство чжурчженей. Чудинов рассказывал:

— Был у меня в гостях профессор Олсон — проскочил по коридору, уперся в стенку: «А где же, собственно, сама квартира?»

Здесь мой друг палеонтолог Виталий Хурсик, затем ставший, как это иногда бывает, аэрогеологом, задушевно беседовал с будущими работниками своей лаборатории:

— Спасибо за предложение, Виталий Захарьевич. Вы меня берёте, а я должна вам честно сказать, как начальству, чтобы вы знали, — я ведь всё равно рожать буду. У меня мальчонка один, и болезный, а случись чего? Дело у меня на выклинивание идет, так что я, красоте своей не рада, рожать буду, в декрет уйду.

— Беру.

— Смотрите же.

3

— Конечно, Дагмара Максимилиановна — великий человек. Я же простой советский ботаник. Вернее, палеоботаник, — тихо, будто оправдываясь, говорил Сергей Викторович Мейен, московский гость. — Но вы не подумайте обо мне плохо. Я умею выючить оленей, устраивать баню в палатке и ориентироваться в тайге по аэрофотоснимкам.

Он посмотрел на стену «морга», украшенную космическим снимком — фотопортретом Земли.

— Понимаю, что никогда не будет века ботаники, тем более палеоботаники. Кажется, что это что-то вроде филателии. Какие-то мелочи — жилочки, клеточки, листья травы. Удача — это когда в

угольном пласте находишь простой с виду тяжелый черный булыжник, англичане зовут их «угольными шарами», немцы — «торф-домитами», а мы — «угольными почками». Шахтеры ругаются, а нам, палеоботаникам, радость. Распилишь почку, а там настоящая кладовая сюрпризов: пропитанные растворами солей листья, шишки, спорангии — мешочки со спорами, семена растений, которые жили в каменноугольном или пермском периодах. Шлифы открывают древние миры. И давно минувшие пейзажи оживают, и первый из них — торфяное болото, прародина угольного пласта. В девонское время болот не было, потому и угля не было. Планета наша стала зеленой не очень давно — в конце девона. В таинственном девоне земля стала зеленой!

— А из космоса земля голубая!

Геологи притащили к чаю дары осени — кто круглую картошечку, кто лимон, кто малосольные огурчики с пупырышками, а кто и просто кусок колбасы по 2,20. Анвар Нигматуллин принес к чаю туесок клюквы — нашел недалеко от Перми, в лесу за Дивьей; шел по лесу да и провалился в карстовую воронку. И — о радость! Днище воронки выстлано крупной сладкой клюквой. Очень она хороша с байховым черным чаем из пачек, где изображены слоны и пальмы.

Сергей Викторович держал веточку клюквы двумя пальцами:

— Клюква вроде бы влаголюбивая, на болоте растет. Но посмотрите на листочки: очень мелкие, похожи на брусничные, но жестче — типичная внешность сухолюбивого растения. Но болота промерзают, кустики вечнозеленой клюквы лишаются почвенной влаги. Вот клюква и бережет воду. А в тенечке, в карстовой воронке клюкве много лучше. Она защищена от света. Ведь когда света много, а азота мало, хлорофилл погибает...

Пал Саныч Софроницкий пододвинул Мейену чашку с нарисованной птицей, заокал:

— Чай бордовый,
Чайник новый,
Кипяченая вода,
Лимон свежий,
Ваня резал.
Кушай, милая моя!

— Спасибо. Возьмем сыщиков. Допустим, они нашли пулю. На нее наносят спецжидкость, вроде аптечного коллодия. Получается

прозрачная пленочка. Она повторяет неровности ствола. Вторую пулю посылают в спецмишень, снимают вторую пленку — «реплику» — и сличают с первой пленкой. Если оттиски царапин одинаковы, значит, обе пули выпущены из одного пистолета. Мы «реплики» снимаем с листьев! Экспедиция капитана Скотта сумела отобрать в Антарктиде четырнадцать килограммов образцов. На многих образцах — отпечатки листьев глоссоптерисов. Название дано по языковидной форме листьев: по-гречески «глосса» — язык.

Капитан Скотт! Бороться и искать...

Найти и не сдаваться!

— Я люблю точность, Сергей Викторович. На самом деле — *най-ти и не пожать плодов*.

— Плоды были. Скотт мог бы написать диссертацию на тему «Сравнение климата и флоры пермского периода Антарктиды, Индии и Сибири». Он бы нарисовал такую картину климата земного шара на рубеже карбона и перми: тропический пояс, а к северу и к югу — внетропические зоны — Ангарида и Гондвана. И вот что интересно: между гондванской и тропической флорой не отмечается никакой смеси даже в пограничных районах. Индия на границе перми и карбона отгорожена на севере «великой палеоботанической стеной». Первые образцы с отпечатками растений из перми Приуралья привез из России еще Мэрчисон.

— Пару ящиков у него сперли, когда сломался тарантас.

Кажется, магнолия была первым цветком на планете Земля.

4

Однажды в «морге» заговорили о Мэрчисоне.

— Ох, и отчаянный был этот шотландский парнишка! Три геологические системы открыл, три из двенадцати! Мы, бывало, перед трудными зачетами выводили на него Николай Палыча. И он сразу зажигался: «Ни черта бы из Родерика не вышло, если бы не Шарлотта!»

— Николай Палыч — это кто?

— Это Герасимов, наш профессор геологии в университете, сам из отчаянных. Он наглядно знакомил студентов со строением аммонитов: «Енцов, на стол! Ложись на стол, не бойся! На живот, на живот ложись!» Хватить студента одной рукой за ноги, другой за голову, и — ноги к голове! «Сейчас мы это дело в натуре изобразим.

Вот так, всем видно? Вот так и только так закручивались юрские аммониты!» Бывало, Николай Палыч в азарте указкой лупил по столу: «Ох, и шалопай был этот Родерик в юности! Если бы не Шарлотта, так бы и гонял со сворой собак за красными лисицами по всей Англии!»

— Шарлотта?

— Это его жена! Лотта, именно Лотта заставила его в тридцать три года полезным делом заняться — геологией. Открыл силур — раз! — Николай Павлович загибал палец. — Девон — два! Пермь — три! — мощным ударом припечатывал загнутые пальцы. — Величайшего геолога из него сделала жена!

Как же получилось, что много лет назад в Россию приехал высокий, спортивный, невозмутимый, внешне бесстрастный шотландец с открытым, доброжелательным, но в то же время гордым и, если присмотреться, несколько надменным лицом, примчался сюда, чтобы странное короткое слово «Пермь» узнали во всем мире? На дагерротипном снимке он смотрит нам в глаза, аристократически опираясь на конторку и с видимым трудом удерживая в руках спирально закрученную раковину аммоноидеи, названной его именем.

Почему же нас так волнуют эти шотландские имена: Лох-Несс, Эдинбург, Абердин, Инвернесс, Перт? И флаг-то у нас с шотландцами один, андреевский: синее полотнище, пересеченное наискосок белым крестом. Триста лет назад этот крест соединился с прямым красным крестом на белом фоне — с английским флагом Святого Георга. В слове «Перт» чуть ли не наша Пермь, «дальняя земля», высвечивается. И поселок Москва есть шотландский, и стоит он на речке Волге. Имя это — «Москва» — появилось как раз после русских экспедиций Мэрчисона. Упорство горцев-хайлендеров часто уподобляют стойкости кленов шотландских гор, кленов, которые не склоняются под ветром, которые ломаются, но не гнутся, подобно чертополоху — символу Шотландии. Шотландцы признают королеву Великобритании, но называют ее Елизавета Первая, а не Вторая, потому что королева Елизавета времен Шекспира была королевой лишь для англичан. И четвертый куплет британского гимна не поют в Шотландии — об усмирении горцев.

Вальтера Скотта так радовали в земляках «дух товарищества, который в короткое время сплывает молодых людей, неприхотливость — «глоток эля, кусок хлеба, молитва на ночь и вместо постели немного сухого сена», особое их гостеприимство и особая

чувствительность горцев к легендам, сказкам, песням. Рядом с горцами жили «фейри» — земляные люди. С ними можно было поиграть в травяной хоккей возле холма, в двухстах ярдах от дороги, ведущей к озеру Лох-Килгаррон. Победителю фейри дарили большую пустую бутылку голубого стекла, без пробки. Сумерки, ветер завывает, но горит в очаге торфяной огонь. На столе молоко, масло, мед, хлеб. Если поставить на стол бутылку, она постепенно заполняется туманом, в котором различимы какие-то люди, какие-то знаки и предвестия. Туман — может быть, это ключ к пониманию характера людей, обитающих в нем.

— Случалось ли вам видеть фей?

Невозмутимый ответ:

— Вы хотите спросить, не докучают ли они мне?

Шотландские короли короновались по кельтской традиции на «камне судьбы», и этот камень встроен в английский трон, и барды пели о давно прошедших временах.

5

В стародавние времена, когда в горах страны туманов не было власти закона, в Хайленде, горной Шотландии, стране *хайлендеров*, правил клан Маккензи, воинственный и жестокий. Другие семейства с ним враждовали, в особенности клан, куда входили Мэрчисоны. В конце концов Кеннет Мэрчисон женился на девушке из клана Маккензи, и это был конец многовековой вражды кланов — история Ромео и Джульетты, но со счастливым концом.

Первенец — Родерик Импи — родился в Террадейле, что в диких горах северо-западного Хайленда. Отчим — полковник, дядя, Александр Маккензи, — генерал. Понятно, что Дик (таким было уменьшительное имя Родерика) хотел быть только военным! В семь лет его определили в пансион в романтическом городе Дарем. Это было самое замечательное место для совершения подвигов. Выходки Дика заметно превосходили средний уровень мальчишеских шалостей с черным порохом и предательским льдом. Именно здесь у него был первый опыт исследования недр на глубине. Некоторые храбрецы спускались в дренажный колодец, но только Дик проник на всю глубину и потом протиснулся на четвереньках по горизонтальному лазу. Повернуть никак невозможно, и он продирался к выходу, распутивая крыс. И наконец появился при свете дня на склоне холма, расцарапанный в кровь, в разодранной одежде, под

радостные крики поджидавших его друзей. «Вперед и без пощады!» — это девиз Мэрчисонов.

Дядюшка сказал, что из Дика может получиться добрый солдат, и определил его в Королевский военный колледж в Грейт Марлоу возле Лондона. В любом, самом маленьком деле Дик не хотел и не мог быть вторым. Любимые предметы — военная топография, фехтование, верховая езда! В 16 лет он стал знаменосцем 36-го пехотного полка под началом полковника Роберта Берна. Он увидел обветренных солдат в красных британских мундирах, которые прошли огонь, воду, медные трубы и чертовы зубы и теперь отправившись в Португалию на войну с Наполеоном. Эспедиционным корпусом командовал Коммодор — Артур Веллеслей, будущий герой Ватерлоо герцог Веллингтон. Дядюшка Александр Маккензи был его заместителем.

Высадка со шлюпок на пустынном пляже. Родерик обернулся: с катера сходил на берег Коммодор. Как завидовал Дик его адъютанту — мальчишке по имени Фицрой Сомерсет!

Возле Вимейру Дик впервые понюхал порошу. Сэр Веллеслей: «Где знамя 36-го полка?» Дик взглянул в его веселые глаза: «Оно здесь, сэр!»

В одной деревушке на пару с барабанщиком Джеймсом Дик купил ослика, чтобы разместить на нем пожитки. Потом под ударами французов началось настоящее бегство британцев к Ла-Корунье. И ослик потерялся, и Джеймс куда-то подевался. Родерик шел по грязной дороге, подобной болоту, и спал на ходу. Разбитые вдрызг башмаки просто разваливались. Наконец он остался один. Будто кадр кинофильма: в маленькой деревушке Родерик сидит на скамейке, грызет репку, которую выкопал в поле. Он может не догнать свой полк, и тогда два варианта: трибунал или плен. Главное — спасти полковое знамя.

Через много лет в России Мэрчисон вспомнит о деревенском сапожнике — добром человеке, который привел в порядок его башмаки, и о его молодой жене. Она вымыла теплой водой распухшие ноги несчастного мальчишки, и он никогда не забудет осторожные прикосновения ее рук. Он все же разыскал свой полк. Отряд генерала Мура избежал окружения, но из шестисот человек осталось только пятьдесят. Французы всё же настигли британцев, генерал Джон Мур был убит. Родерик, склонив знамя, стоял у могилы человека, на смерть которого Чарльз Вольф напишет строки неразгаданной силы:

*Не бил барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили,
И труп не с прощальным ружейным огнем
Мы в недра земли опустили...*

Во глубине России, на пермской земле, у вечернего костра молодой геолог Николай Кокшаров будет петь «Вечерний звон» — романс Алябьева, и Мэрчисон угадает в нем «Those evening bells» Томаса Мура — кажется, переложение армянской народной песни...

Родерик жил надеждами на военную карьеру. Ведь адъютант Коммодора Фицрой Сомерсет теперь стал его секретарем. Родерик же добился только назначения в Сицилию в качестве дядиного адъютанта. Но он мечтал прикоснуться к оперативной работе, к принятию стратегических решений! Военная карьера кончена. Потом Родерик возьмет судьбу в свои руки, и судьбой его станет геология. Но это будет не скоро. В ту пору он не знал, что скалы, реки, пещеры, водопады, обнажения пород, даже обычная грязь, такая разная, станут ему так интересны.

Он стал шотландским лэрдом, владельцем Террадейла, хайлендером, жителем горной Шотландии. В то время путешествие из Эдинбурга через Грампианские горы было рискованным делом. Дилижанс всё же пробился через проходы в горах. Местный овчар нес по тяжелым снегам двух девочек, как пару овечек. Через много лет на Урале Родерик увидит таких же людей, для которых не существует ничего невозможного.

Родерик часами бродил по Террадейлу, окрестностям своего поместья, скакал по вересковым пустошам, продирался через моховые болота, сухостой, кочкарник. Скоро вся Земля — *Omnis terra* — станет его владением.

А Фицрой Сомерсет уже подполковник гвардейского пехотного полка! Тут как раз Наполеон высадился во Франции, но сто дней его так быстро пролетели! Родерик опять не успел — упущен последний шанс на продвижение. А Фицрой, конечно же, в штабе Веллингтона. Под Ватерлоо он потерял правую руку выше локтя. Но службу Фицрой не оставил — как без него обойдется Коммодор?

Родерик пенял на свою несчастную судьбу. Будто вчера это было — битва у Вимейру, возглас Коммодора: «Где знамя?» — и ответ: «Оно здесь, сэр!»

Ее звала Шарлотта, Лотта — генеральская дочка, умная, образованная, старше его всего на три года. Вскоре они обвенчались в маленькой романтической церквушке и всю жизнь будут отмечать этот день на краю лета — 29 августа.

Что делать военному отставнику двадцати трех лет отроду? Родерик сказал себе: «Я люблю охоту, стрельбу, рыбную ловлю. Чего же более? Стану сельским священником». Но утро почему-то неизменно начиналось с псарни, с замечательных охотничьих собак.

Лотта убедила мужа в том, что он ничего не добьется в жизни, если не станет по-настоящему образованным человеком. Они отправились на континент. Кажется, Родерик готовил себя к будущей профессии, о которой не имел тогда понятия. Но он сознательно развивал свою необычайную способность схватить главные черты ландшафта, свой «хищный глазомер».

Он заболел античностью: «Я взглядом поднимал упавшие колонны, возрождал руины. Я восстанавливал то, что разрушили готы». Он составил путеводитель по Древнему Риму. Лунной ночью он бродил по Колизею, а выбрав безлунную ночь, под градом камней поднялся к огненному кратеру Везувия. Планета говорила с ним на смутном, пока непонятном языке.

Шарлотта считала, что эти два года были для Родерика более важными, чем восемь армейских лет. Он стал разбираться в искусстве лучше, чем она сама. Однако впереди его ждал другой соблазн. Он нашел замечательное занятие — охоту на красных лисиц. Он всей душой отдался этому спорту, стал одним из лучших, если не лучшим, ред-фокс-хантером Северной и Центральной Англии. Охотничий журнал Родерик вел ежедневно, с присущей ему обстоятельностью. Он вел таблицу с колонками, в которых скрупулезно отмечал работу каждой из двенадцати собак.

Как-то незаметно Мэрчисон подошел к тридцати трем годам. Шарлотта познакомила мужа с ученым соседом Гемфри Дэви. Тот убеждал Мэрчисона в прелести занятия наукой: там свой азарт, свои приключения — приключения мысли. Может быть, дело так было: после охоты Родерик ехал, опустив поводья, и вдруг (вдруг!) обратил внимание на то, что слои, обнаженные на склоне холма, если продолжить их благородный изгиб по воздуху, можно проследить и на соседнем холме. А куда они идут дальше, эти слои? Вот же

он, этот пласт, и в нем раковины, присущие только ему, «древнему красному песчанику» — «old red sandstone», олд реду. Может быть, дело тут в мальчишеской тяге к кладоискательству, которой, как писал знаменитый наш ученый и писатель Иван Ефремов в своей «Дороге ветров», очень многим обязаны такие науки, как археология, палеонтология и геология.

Наконец-то Мэрчисон нашел себе дело по душе — полевую работу, переходящую в камеральные занятия, то есть обработку наблюдений. Теперь вся его жизнь состояла из поля и камералки.

— Я сегодня продрался через вересковую пустошь, протащил слои красноцветов на четыре мили. Лотта, полкоролевства за рюмку виски!

— Дик, милый, мне не нужно полкоролевства! Мне нужна Omnis terra, вся Земля!

— Считаю, что она твоя! А когда спустишься с небес, приготовь хаггис из доброго бараньего рубца с потрохами, настоящий шотландский хаггис...

Родерик — ориентировщик от бога: «Я придерживаюсь своего нюха, подобно настоящей собаке, натасканной на лис». Даже не охотником он себя называет — охотничьей собакой, идущей по следу лисицы. Он ищет верхним и нижним чутьем: «Я льстил себя надеждой, что я понял долину». «Понял долину» — это личное отношение. Он готов к любой, самой черновой работе: «Я отправился с тяжелым сердцем, чтобы пересечь сто двадцать миль баварских галек».

Начиналась другая погоня, которая привела его к тому, что он завоевал всю Землю — с большой буквы, со всеми ее океанами и континентами, и увидел, как она мала, голубая планета. И Шарлотта стала его помощницей. В погоне за слоями она разъезжала по округе, коллекционируя ископаемых. В ее полевой книжке великолепные рисунки. Иногда она не могла удержаться и оставляла рядом с зарисовками обнажений изумительные пейзажи: река, озеро, деревья, горы, холмы.

Первым его другом стал насмешник Адам Седжвик, кембриджский профессор, священник — резкие черты гордого лица, орлиные глаза. Он научил Родерика правилу великого землемера Смита: «Вижу — пишу, не вижу — не пишу». Смит понял простую вещь — возраст породы определяется не только ее веществом, но

и набором ископаемых организмов. Кто-то из друзей даже сказал, что, если вдуматься, геологическая съемка — это вариант охоты на красных лис. Родерик поставил себе цель: сделать оглавление Книги Земли.

Родерик с Седжвиком поехали в Шотландию — разобраться с положением «древнего красного песчаника». Что подстиляет *олд ред* и что его перекрывает? Седжвик дружил с поэтом озерного края Вордсвортом, который посвятил другу такие строки:

*О ты, который отбивает молотком
Куски породы от скалы несчастной,
Которую сберечь природа тщицалась...*

А нам могучий глас нашего русского шотландца Михаила Лермонтова чудится:

*И железная лопата
В каменную грудь,
Добывая медь и золото,
Врежет страшный путь...*

7

Фицрой Сомерсет уже генерал-майор. Пустой рукав вызывал огромное уважение в армии. Но Родерик завидует не ему, а любопытному молодому человеку по имени Чарльз Дарвин, который некоторое время работал у них с Седжвиком коллектором, или, можно сказать, рабочим для таскания рюкзаков с образцами. Ведь ему вскоре предстояло отправиться вокруг света на гидрографическом судне — шестипушечном барке «Бигль», правда, в качестве неоплачиваемого натуралиста.

Зачем завидовать генералу? Ведь он, Родерик, знает Землю не на штык лопаты. Он может спроектировать туннель под Темзой, он знает, куда пойдут пласты угля на глубине! Но главное: он чувствует в себе силы, чтобы установить комфортный порядок со слоями на острове, на континенте, на всей Земле: «Вперед и без пощады!»

«Олд ред» у Мэрчисона с Седжвиком — общее любимое детище. Ключ к его разгадке дала родная Шотландия. Новая система была названа «девоном» — по названию графства Девоншир. «Олд ред», «древний красный песчаник» — это есть девонская система.

Дальше, дальше! Пересечение Альп, выход к Адриатике — это было приближение к России, к таинственному Уралу. Родерик зна-

комится с немецкими геологами — они ближе к России, лучше всех знают ее геологию.

Были и маленькие радости. Мэрчисон разыскал старую каменноломню возле Боденского озера, куда забрался когда-то легконогим побивателем рекордов в ходьбе, и не зря разыскал: «Старый охотник за лисами, подобный мне, не мог не радоваться первой ископаемой лисице». Это была последняя дань Родерика благородной охоте.

Девять лет Мэрчисон с Седжвиком распутывали британскую «*граувакку*». Есть такая серая порода, казалось бы, однообразная, неинтересная — клубок ниток мулине. Седжвик первым почувствовал её неразгаданные ритмы: «Какое восхитительное слово — граувакка! В нем есть загадка. Нужно разгадать ее». И Родерик проникся её тайной притягивающей прелестью. Он неотступно думал об этой граувакке и о «древнем красном песчанике», «олд реде». Как устроены эти слои, как они соотносятся друг с другом?

В Уэльсе, стране древних силуров, Родерик понял, что граувакка находится под девоном. Он добавлял слой за слоем к толще под ним и наконец почувствовал, что ей нужно дать имя: «Я работал в «Терра инкогнита», которую в 1835 году назвал именем «силур».

Его спрашивали:

— Почему вы придумали такое странное имя для нашей родной, всем понятной граувакки?

— Запомните раз и навсегда: силур — это имя для системы слоев по всей планете.

Родерик стремительно шел вперед! Его избрали в Королевское общество, президентом которого был Гемфри Дэви. Друзья нарекли Родерика королем Силурийским, лордом Граувакка, посмеиваясь над его страстью к пышным титулам.

Родерик различал нижний и верхний силур, а Седжвик нижний силур назвал по романскому имени Уэльса — «кембрием», кембрийской системой. Так возникла точка разрыва старой дружбы. Именно в это время началось охлаждение между друзьями, которое привело к полной нетерпимости.

Однажды в книге постояльцев гостиницы в маленьком баварском городке Мэрчисон заметил фамилию немецкого геолога Лепольда фон Буха и через две ступеньки по лестнице бросился

к нему в номер. Как можно было упустить возможность познакомиться и побеседовать с патриархом европейской геологии!

Фон Бух следовал словам великого Канта: «Надо вести себя так, как будто от тебя зависит судьба мира». Когда к нему попали образцы пород из России, он немедленно пишет Мэрчисону: дорогой Родерик, похоже, что в России те же слои, что и в Британии, только они залегают под малыми углами, более спокойно, подобно стопке салфеток на столе.

8

Мэрчисону не терпелось раскатать ковры силура и девона на просторах России. Экспедиция 1840-го года далеко не забиралась. Кампания была превосходная. Француз Эдуард де Вернейль, страстный любитель музыки и поэзии, частенько распевал вместе со вчерашним горным кадетом Николаем Кокшаровым во время маршрутов дуэты или арии из «Нормы», «Семирамиды», «Вильгельма Телля», «Роберта». Мэрчисон и немец Кейзерлинг подпевали.

Перед геологами открылось огромное поле красноцветных пород, и Родерик обрадовался — эти русские красноцветы есть добрый старый британский олд ред, то есть родной британский девон. Коля Кокшаров, мальчишка-меломан, спорил с Мэрчисоном: эти красноцветы — вовсе не девон, они значительно выше. Шеф не терпел возражений. Времени и так решительно не хватало. «В Архангельске, — писал Родерик, — всё было легко, исключая два больших обеда на двадцать пять персон каждый. Мы были в компании русских, норвежцев, немцев и англичан — на этих языках и говорили за столом».

Свежим сентябрьским утром на борту судна, идущего в Лондон по Балтийскому морю, Мэрчисон пишет письмо разбитому ревматизмом Седжвику: «Я теперь более подвижен, чем когда-либо, — планирую Урал с одной стороны и Аллеганские горы с другой».

Николай Кокшаров, исполняя приказ, направлялся к месту службы на монетный двор в Екатеринбург, горную столицу России. Где-то далеко был Петербург, Петергоф, еще дальше, почти нереально — Париж, Лондон.

А Мэрчисон еще не знает, что образцы, упакованные в крафтовую бумагу и уложенные в ящики, вскоре откроют ему новую страну — Пермью, расположенную где-то между карбоном и триасом.

Он еще не знает, куда ему лучше ехать — на Урал или в Аллеваны, то есть Аппалачи. Он еще не знает, как фантастически близки по геологической позиции Урал и Аппалачи. Он еще не верит Кокшарову.

Однажды в занесенный снегом Екатеринбург пришло письмо из Лондона в конверте с грифом «Почтовая служба Ее Величества Королевы Великобритании». Мэрчисон признавал свою неправоту в летних спорах с Кокшаровым, которого он назовет в своей капитальной работе 1845 года «сведущим горным инженером».

Вот что писал Мэрчисон:

«Любезный Кокшаров! Пересмотрев и обсудив мои путевые заметки, я нашел, что вы были правы». Обращение — «любезный Кокшаров». Потом будет неизменно — «мой милый Кок!». Кок — это Петушок. Они переписывались всю жизнь.

Теперь ясно — летом 1841 года надо снова ехать в Россию. Аппалачи подождут.

По высочайшему повелению поручик Кокшаров командирован для сопровождения новой экспедиции Мэрчисона. На следующий день Кок уже мчался в Петербург на перекладных. Император Николай высочайше повелел начальникам Уральских горных округов: «Оказывать господину Мэрчисону и ученым спутникам его всевозможное содействие к удобнейшему изучению хребта Уральского». Для геологов — лучшие лошади на всех станциях.

Вторая русская экспедиция 1841 года — самое замечательное из путешествий Мэрчисона. Конечно, и Кавказ интересовал геологов, но туда не пустили — «горячая точка». Пришлось разделить на два отряда. Мэрчисон гонялся за краснокветами, выслеживал их, как некогда хитрых красных лисиц.

Но вначале была двухнедельная работа в Подмосковном каменноугольном бассейне. Конечно, никто из геологов не обратил внимания на тройку, проследовавшую из Москвы на юг.

Поручик Тенгинского пехотного полка Михаил Лермонтов после отпуска, который исхлопотала бабушка Елизавета Алексеевна, возвращался к месту назначения — в Ставрополь, на линию. Он не хотел ехать на Кавказ. Куда угодно — в Персию, в Хиву, только не на Кавказ! У него напечатан роман «Герой нашего времени» и сборник из 28 стихотворений. Он мечтает об отставке, у него большие литературные планы.

Он уже отличился на Кавказе — особенно в штурмовой колонне в бою на реке Валерик. После боя был представлен к ордену св. Вла-

димира с бантом и к именному оружию, но царь вымарал его фамилию из списков. Лермонтов не мог надеяться ни на повышение чина, ни на военные награды, ни на отставку. Раненый Дорохов именно Лермонтову передал свой отряд, и этот отряд стали звать лермонтовским. «Славный малый, — сказал Дорохов, — не сносить ему головы».

Императрице Шарлотте нравился отчаянный поэт — как он поёт, рисует, играет на скрипке и фортепиано; он вслух читал ей «Демона». Она упивалась «Героем нашего времени», запершись в спальне. Император сломал замок, вышвырнул книжку. Да как она смеет читать Лермонтова, этого уродца, да еще в супружеской постели! Николай посылает его именно на Кавказ: «Счастливого пути, господин Лермонтов!»

9

Давным-давно в шотландской деревушке Эрсильдаун на реке Твид жил бродячий певец Томас Лермонт. В один прекрасный день Томас-стихотворец с лютей подмышкой отправился навестить знакомого фермера и вдруг на лесной тропинке увидел королеву эльфов верхом на белом коне, в гриве которого звенели серебряные колокольчики. И Томас сказал:

— Позволь мне поцеловать тебя, прекрасная королева.

— Если ты меня поцелуешь, Томас, то вернешься к людям только через семь лет.

И Томас поцеловал королеву в уста.

Он вернулся домой через семь лет, наделенный даром предвидения, и написал знаменитую книгу «Все пророчества Шотландии». В ней есть точная дата — 18 марта 1285 года, когда Томас предсказал великую бурю, и граф Мэрч не рискнул отправиться на охоту. Очень может быть, что этот охотник Мэрч и есть предок Родерика Мэрчисона.

А самый первый Лермонт, по имени Георг, еще раньше, в 1057 году, упоминается в истории, где «прямого наследника Шкотской земли Малькольмуса изгнал тиран Макбетус и отца Малькольмуса Дункануса Третьего испугил». В московском Разрядном приказе сохранилась поколенная роспись рода Лермонтовых, восходящая именно к временам борьбы Малькольма с Макбетом.

О древности шотландской ветви своего рода Михаил Юрьевич мало что знал. Не ведал он о Томасе-стихотворце, о девизе Лермонтов — Ливингстонов: «Пока дышу — надеюсь»; понятия не имел о Джеймсе Лермонте, хранителе сокровищ Шотландии, о Джоне Лермонте, садовнике и поэте...

Многие Лермонты из линии Балькомы стали рейнджерами, солдатами удачи, и среди них Георг Лермонт. Он был польским наемником в войне 1612 года, держал оборону Белой — тверской крепости. Потом Георг со всей «шкотской» ротой перешел на русскую сторону, отбивал королевича Владислава и гетмана Ходкевича от Можайска, дрался с поляками у Арбатских ворот, дослужился до звания ротмистра рейтарского полка, перешел в православие, стал русским дворянином, погиб под Смоленском и похоронен при монастыре под Чухломой.

Имя отца нашего великого поэта — Юрий — восходит к солдату удачи Георгу Лермонту и к самому первому Георгу Лермонту, который бился с тираном Макбетусом.

Когда Михаил Лермонтов писал «Нет, я не Байрон, я другой», он знать не знал, что Байрон его родич, что в XVII веке одна из дочерей Джеймса Лермонта вышла замуж за сэра Вильяма Гордона, а на его дочери Екатерине Гордон женился барон Байрон, потомок древнейшего норманнского рода, и сына их звали Джордж Гордон.

Вот такая удивительная история, причудливая, как узор старинного клетчатого гэльского пледа.

Лермонтов был отчаянно отважен в штурмовой колонне на реке Валерик. После боя он представлен к ордену св. Владимира с бантом, но император Николай вымарал его фамилию из списков. Раненый Дорохов именно Лермонтову передал свой отряд, и этот отряд стали звать лермонтовским. «Славный малый, — сказал Дорохов, — не сносить ему головы».

Шарлотте императрице нравился отчаянный поэт — как он поёт, рисует, играет на скрипке и фортепиано; он вслух читал ей «Демона». Она упивалась «Героем нашего времени», запершись в спальне. Император сломал замок, вышвырнул книжку. Да как она смеет читать Лермонтова, этого урода, да еще в супружеской постели! Николай ссылает его на Кавказ: «Счастливого пути, господин Лермонтов!»

Есть в Шотландии такое место, где Малькольм раздавал наделы своим сподвижникам, и Лермонту в их числе, и называется это мес-

то не как-нибудь, а *Omnis terra*, что означает «вся Земля». Через много-много лет наш русский Лермонт увидит «в сиянье голубом» всю Землю, а не только *Boot-hill* — «сапожный холм», куда вассалы каждый год приносили по сапогу земли со своих поместий. Великое дело традиция. «Время — лучший реформатор», — так считал Бэкон.

10

Теперь бросок команды Мэрчисона — на север, на Усолье, где краснокветов не было. Маршруты пролегали и по правобережью Камы — Кондас, Пыскор. Вечером — костер, облака. В вечереющем небе — оттенки благородного опала, переходящего в халцедон. «Звездное небо, как пламя горящего спирта, озаряло голубым движущимся отсветом черную землю». Так через много лет Борис Пастернак увидит небо над пермской землей — небо в алмазах.

Северная точка путешествия — Усолье, Соликамск. Это зачарованное место. Это тропа Мэрчисона, первая дорога. Лермонтов записал стихотворение «Выхожу один я на дорогу...»

В 27 лет он увидел Землю с верхней точки. Гагарину тоже было 27 лет, когда он закричал: «Вижу Землю! Она голубая!» Владимир Одоевский подарил Лермонтову, когда тот уезжал на Кавказ, сафьяновую записную книжку для стихов с надписью на первой странице «Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил ее мне сам, и всю исписанную». Лермонтов отдался своей картиной «Крестовая гора». Через месяц с небольшим он заметил: «Я заполнил наполовину книгу, которую мне подарил Одоевский, что мне, вероятно, принесло счастье». «Вероятно, принесло счастье».

Никто из них внимания не обратил на тройку, проследовавшую из Москвы на юг. Поручик Тенгинского пехотного полка Михаил Лермонтов после отпуска, который исхлопотала бабушка Елизавета Алексеевна, возвращался к месту назначения — в Ставрополь, на линию. У него напечатан роман «Герой нашего времени» и сборник из 28 стихотворений. Он мечтает об отставке, у него большие литературные планы. Он отличился на Кавказе — особенно в штурмовой колонне в бою на реке Валерик. После боя был представлен к ордену св. Владимира с бантом и к именному оружию, но царь вымарал его фамилию из списков. Лермонтов не мог надеяться ни на повышение чина, ни на военные награды, ни на отставку. Но

у него есть сафьяновая книжечка для стихов! Софье Карамзиной пишет из Пятигорска: «Мною овладел демон поэзии, или — стихов. Я заполнил половину книжки, которую мне подарил Одоевский... Пожелайте мне счастья и легкого ранения». «Выхожу один я на дорогу...» — уже написано. После следуют еще два стихотворения — последние.

...Лермонтову приказано ехать в Ставрополь, на линию, но он оказался в Пятигорске. Мы не знаем, что он читал в последнюю ночь, но Печорин перед дуэлью с Грушницким взял в руки «Пури-тан» Вальтера Скотта: «Я читал сначала с усилием, потом забылся, увлеченный волшебным вымыслом. Неужели шотландскому барду на том свете не платят за каждую отрадную минуту, которую дарит его книга? Наконец рассвело. Нервы мои успокоились».

Через две недели, 15 июля, Лермонтов был убит Мартыновым у подножия Машука, в четырех километрах от Пятигорска. Стрелялись в грозу. Больше четырех часов Лермонтов, еще живой, лежал под проливным дождем, укрытый шинелью. Врача на месте дуэли не было.

*Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя...*

Его секунданта Васильчиков поскакал за доктором и экипажем и вернулся через два часа без доктора и без экипажа.

О других дорогах, приводящих к зачарованному месту, — речь впереди.

11

Об экспедиции Мэрчисона хорошо думается как раз в городе Перми, на Сибирской улице: брести к Каме, всматриваясь в фасады старинных домов, в жемчужные края луж, осеннюю грязь в её праздничном блеске. Идешь к реке, минуешь Королёвские номера, откуда увели на расстрел последнего российского императора Михаила Романова; гостиницу «Центральная» — «семиэтажку» постройки тридцатых годов, выросшего в землю конструктивистского «небо-скреба», где в военном году умирающий Тынянов дописывал роман о Пушкине, где Хачатуряна в счастливую минуту обожгла самая динамичная из золотых мелодий двадцатого века — «Танец с саблями», улетающая за Каму, к Варыкино — Иваке, Всеволодо-Вильеве, к Любимовской пристани, где качается вода, качаются звезды, качает-

ся отражение в воде городских фонарей, качается будто бы камера в руках влюбленного юноши — да так, что виден дом смышляевской библиотеки на углу Сибирской и Петропавловской, где встретились Лара и Юрий Живаго. Потом мимо шахматного клуба, углового продмага, в просторечии — «магазина речников», выйдешь на набережную и увидишь несуразно-прекрасное здание, где питерские львы у входа по-кошачьи трогают чугунные ядра, и дом Мешкова, и Любимовские пристани, и садик под названием «Козий загон», и железнодорожную станцию Пермь I, куда злая судьбина занесла Осипа Мандельштама — «в говорливые дебри вокзала, в ожиданья у мощной реки». А впереди Кама, и на нас отраженно из закамской дали смотрит девочка Женя из пастернаковского «Детства Люверс», и она успокоится от простых слов: «Это Мотовилиха».

12

После Соликамска соединенные отряды экспедиции Мэрчисона двинулись на юг — с выходом по Сибирскому тракту на Кунгур, Екатеринбург.

Отражались в тихой воде Сылвы, Шаквы, Иргины рифы пермского возраста — окаменевшие взрывы жизни. Будто о них строки Ивана Бунина:

*На жестких склонах каменные плиты
Стоят раскрытой Книгой Бытия.*

И только в одном-единственном погруженном пермском рифе в следующем веке в Верхнечусовских Городках будет вскрыта маленькая залежь нефти — первой нефти Волго-Уральской провинции.

«Мы вступили в бесконечный уральский лес. Болотистая дорога превосходила все, что могло возникнуть в моем воображении. Колеса, состоявшая из сгнивших досок и круглых деревьев, казалась безнадежной, но не для проворных русских коней. Если разрушенная доска уходила вниз, лошадка не спеша тянула ногу, в то время как другая нога боролась со скользкой доской, при помощи эквилибристики получая опору. Добавьте к этому деревья, включая гордые сосны, лежащие поперек дороги, необъятные ветвистые корни, осоку и высокую, до самого живота лошади траву, и вы получите представление об уральской дороге».

Наконец путники вышли из зоны лесов и поднялись на вершину Урала. Качканар — это снежные вершины, скалы, нависшие над мрачными сырыми лесами, в долинах — море сосен. Качканар —

это настоящий Урал. На этой дикой горе жили ястребы. Утром Родерик проснулся от их криков.

Вся Земля лежала перед ним. Опаловые тучи шли на восток, и Родерику показалось, что он летит над Землей.

Он посмотрел на уходящую к востоку тайгу (есть такое хмурое русское слово «тайга»): какая необъятная страна, сколько же еще на Земле работы для геологов! Берм, Биармия. «Berm» по-английски — берег, береговой уступ. «Пера маа», «Биармия» — дальняя земля. Ветер сорвал с Мэрчисона шляпу и унес в сторону Тихого океана. За океаном была Австралия. Тоже дальняя страна.

13

А еще вот что может быть. Борей — так называли древние греки холодный северный ветер. Он дует из студеных запредельных мест, из Гипербореи. Можно в шутку составить такой ряд: Борей — Бр-р — Октя-бр-рь, Ноя-бр-рь, Дека-бр-рь — Бор-рея — Би-ар-рмия — Бер-рмия — Пер-рмь...

Биармия или Пермия? Пусть будет тайна.

У Перми, устроенной по-питерски, с прямыми улицами, выходящими к широкой реке, — узнаваемый силуэт с вертикалью галереи, если смотреть с правого берега Камы. Только в этом городе есть улица Леонова и улица Беляева. Только здесь — в Мотовилихе, в Первогороде — есть улица, именуемая Красной площадью.

У Чердыни тоже есть амбиции — она строилась на семи холмах, и Кремль у нее был — деревянный, шестибашенный, и звались эти башни Спасская, Тайницкая. Это глубинная Россия.

Урал в геологическом и во всех других смыслах — хребтина России, проходящая не по краю, как это обычно бывает, а прямо по середине континента. Рифей — Гиперборей — Пояс — Каменный пояс — Земной пояс, а чаще просто Камень.

Урал, Шотландия, Черногория...

Горы по своему образу лепят человеческие характеры...

Уральцев, шотландцев, черногорцев нельзя согнуть — их можно только сломать.

Семь раз отряд Мэрчисона пересекал Урал, семь раз смятые в крутые складки уральские породы сменяли пологие, почти гори-

зонтальные слои Западной Сибири. Средний Урал как бы продавлен, стерт временем. Его можно пересечь и почти не заметить. Но это — Урал.

Тексты и рисунки разрезов и обнажений в полевых книжках Родерика частенько окрашены лирическими текстами о «живописной красоте диких ущелий камня Мултык», о «пещерах Ермака, в которых, по местному поверью, этот завоеватель Сибири со спутниками находил убежище».

На широте Златоуста вышли на границу Европы и Азии. На вершине от полноты чувств де Вернейль запел слышанный в Петербурге российский гимн «Боже, царя храни» — великая музыка князя Львова полетела части света. Потом русские вместе с англичанами пропели «Боже, храни короля», британский официальный гимн, бывший ранее и российским, а также «Правь, Британия, морями» — гимн неофициальный.

14

Спуск по уральским рекам затруднен из-за множества мельничных запруд. Каждый раз надо было выходить из лодки и протаскивать ее. Родерик записывал в дневнике русские слова: «Stupai! Poskarea! Poshol!» Родерик вглядывался в лица русских. Как понять этих людей? Взять хотя бы фантастический сплав по пересохшей Серебрянке до Чусовой. Для иностранных гостей управитель завода подполковник Москвин решил открыть плотины верхних запасных прудов, изготовить лодки — несколько мелких и одну большую. «Спуск по Серебрянке в пятьдесят миль, — писал Родерик, — был одним из самых памятных в моей жизни. В прекрасный солнечный день река стала судоходной! Воды в реке было недостаточно, чтобы утонула мышь, и однако случилось чудо: речное ложе наполнилось, и мы под аплодисменты погрузились в шестивесельную лодку.

На этой флотилии спустились мы не без затруднения через пустынное ущелье. Для движения большой лодки, нагруженной провизией и нашими вещами, количество воды оказалось недостаточным, даже в маленьких челнах нелегко было избежать переборов или подводных камней.

После плавания в продолжение нескольких часов одна из лодок опрокинулась, и геологи испытали неприятность неожиданного купания в быстром потоке. Большую лодку нередко переталкивали через стремнины наши отважные и веселые гребцы. Мы с де

Вернейлем плыли в каноэ. Когда мчались через какие-то столбы, лодка опрокинулась. Я спас мою полевую книжку (смотри пятна), но мой плащ, сумка, трубка утонули. Мы выкарабкались на берег, и нашу лодку вытащили. Местные жители, которые ловили рыбу, развели огонь, чтобы мы могли просушиться. Волкодав лежал рядом с нами. Мы осмотрели обнажения известняков, содержащих девонские окаменелости, и глинистых сланцев».

Как же можно пропустить обнажения родного девона!

Мэрчисон увидел то, чего нельзя увидеть из окна экипажа. «Посреди такого народа исчезает и самая мысль о возможных затруднениях. Проваливался ли мост — через некоторое время как бы по волшебству возникал на его месте новый. Натыкались ли путешественники на почти безводную речку — она на их глазах, как бы сверхъестественною силой, делалась судоходною, и они могли спускаться по ней на лодках. На местах мелководных крепкие молодцы, оживляя тяжкий труд громкими песнями, переносили лодки на плечах чрез мели и пороги. В грязь и сушь, в зной и в стужу, никогда не было ропота, и «можно» было единственным отзывом этих необыкновенных людей».

Поплыли дальше. На каменистых берегах — великолепные антиклиналы и синклиналы, то есть выгибы слоев кверху и книзу. «Наши лишения вполне были вознаграждены сделанными нами в течение целого дня наблюдениями между Серебрянским заводом и Чусовою о строении долины, по которой извивается река Серебрянка в диком ущелье на расстоянии около 70 верст. На мели лодка закружилась в вальсе, дно ее было пробито, и мы прибились к берегу. Потом была прекрасная вечерняя сцена. Верстах в трех от устья реки были мы принуждены оставить лодку и ночью прошли по сырым джунглям русского леса много миль — никакого жилья не было ближе.

Не ранее двух часов пополудни мы, голодные, насквозь промокшие, достигли наконец теплых и сухих крестьянских изб деревни Усть-Серебрянка, вытащенные, перемещенные, выжатые, базлающие (pulling, hauling, shoving, shouting). Вскоре мы сидели с хозяевами в теплой комнате со спящими вокруг детьми.

Я проснулся от яркого солнца. Наши обувь и одежда были высушены на частокале. После чаепития мы отправились на большую реку Чусовую, в которую как раз впадала Серебрянка. Теперь у нас не было никаких трудностей в сплаве».

Путникам не пришлось доставать бумаги с двойными печатями — их просто согрели, накормили и напоили, как это принято

на Урале или в нагорьях Шотландии. Они прошли вспять дорогу Ермака — Серебрянка, Чусовая, Верхнечусовские Городки.

Вот оно, счастье: лодка перевернулась, часы, трубка, сумка утонули, но драгоценнейшую полевую книжку удалось спасти! Ведь не даром они пишутся твердым карандашом на плотной бумаге и хранятся на груди! На всю жизнь осталось воспоминание о ночевке в деревенской избе с ее «живыми сувенирами», нехитрой крестьянской еде — щи да каша вместо ростбифа и пудинга, русских долгих разговорах обо всем на свете.

15

За несколько лет до экспедиции Мэрчисона в России побывал французский маркиз Астольф де Кюстин. Его пригласил император Николай — поездить, посмотреть, да и написать при случае книгу со сладкими словами.

Маркиз действительно написал книгу, немедленно запрещенную в России. И Мэрчисон оставил нам свои записи. Кажется, они ведут спор — маркиз де Кюстин и Родерик Мэрчисон.

Де Кюстин: «Запахи кожи, спиртных напитков, кислой капусты, пива, сала от солдатских сапог, мускуса и амбры от господ смешивались самым невыносимым образом и не давали возможности дышать. Величайшее удовольствие русских — пьянство, другими словами — забвение. Несчастные люди! Им нужно бредить, чтобы быть счастливыми... В России нет больших людей, потому что нет независимых характеров, за исключением немногих избранных натур, слишком малочисленных, чтобы оказать влияние на окружающих».

Мэрчисон: «Если мне придется указать на особо выдающуюся черту в русском национальном характере, то это будет твердая, не отступающая ни перед какими препятствиями воля».

Де Кюстин: «Я предчувствовал, что предстоит отказаться от удовольствия быстрой езды, и уже выучил русское слово «тише», противоположное тому, что всегда говорят русские путешественники. В России быстрая езда превращается в страсть, которая служит предлогом к совершению всякого рода бесчеловечных поступков».

Мэрчисон: «На все нетерпеливые возгласы путешественников «вперед» всегда был один веселый ответ «можно».

Де Кюстин: «Я никогда не забуду дрожи ужаса, охватившего меня при первом взгляде на колыбель современной русской импе-

рии. Кремль стоит путешествия в Москву! Грань между Европой и Азией. При преемниках Чингис-хана Азия в последний раз ринулась на Европу; уходя, она ударила о землю пятой — и отсюда возник Кремль. Стены Кремля — это горный кряж. Если б великан, именуемый Российской империей, имел сердце, я сказал бы, что Кремль — сердце этого чудовища. Кремль — жилище призраков.

Мэрчисон: «Силою волшебного слова «можно» русские и на Москва-реке, и на Неве соорудили памятники, которые могут соперничать с величайшими произведениями древности и новейшего времени».

Будто стоит за спинами спорящих Уинстон Черчилль: «Джентльмены, я заявляю, что Россия — это загадка, обернутая в мистику и скрытая в тайне».

Старые кадры военной хроники: 1944 год, военный аэродром. Уинстон Черчилль медленно движется вдоль строя почетного караула, переводя взгляд от одного солдатского лица к другому: как эти люди смогли сломить хребет фашизму? Как?

Мэрчисон прожил в России много месяцев, да не в столице, а в глубине. Тяготы русских дорог он переносил с британской невозмутимостью. Он вместе со всеми сидел у костра, слушал русские песни — шлягеры того времени, от которых сладко сжимается сердце, — «Вечерний звон», «Однозвучно гремит колокольчик»:

*И умолк мой ямщик, а дорога
Предо мной далеко-далека...*

Некоторые полагают, что эту песню придумал пермский ямщик Иван Макаров, гонявший по Сибирскому тракту. Может, правда, а может, и нет, но такая легенда есть.

Маркиз де Кюстин заметил: «Печальные тона русской песни поражают всех иностранцев. Но она не только уныла — она вместе с тем и мелодична, и сложна в высшей степени».

В этом шотландец и француз сошлись.

Де Кюстин продолжает: «На месте императора я запретил бы подданным не только жаловаться, но и петь. При деспотическом режиме даже искусство теряет свой безобидный характер и становится скрытым протестом».

Родерику особенно понравились русские слова «быстрее», «пошел» и более всего именно это слово — «можно», которое он назвал волшебным. У де Кюстина другое мнение: «Бывают минуты, когда,

не обращая внимания на мои протесты и упорное повторение русского слова «тише», ямщики пускают лошадей во весь опор. Тогда, убедившись в тщетности попыток их урезонить, я умолкаю и закрываю глаза, чтобы избежать головокружения. Впрочем, до сих пор мне не попалось еще ни одного неумелого возницы, а многие отличались поразительной ловкостью и искусством.

Мэрчисону быстрая езда сама по себе радость, но главное — надо спешить, спешить! Время дорого, сезон кончается.

16

По вечерам стало быстро темнеть. Работа занимала весь световой день — маршруты начинались в шесть утра, а то и в пять. Сам Мэрчисон работал и в темноте.

— Что вы видите? — спрашивал Кокшаров Мэрчисона.

— Почти ничего не вижу, зато всё слышу. Есть три звука от удара по камню молотком. Пифф-пафф-пуфф. Пифф — гранит. Пафф — известняк или песчаник. Пуфф — слышите, как звук тонет в глине?

Наконец, Родерик снял с шеи лорнет с пятикратной лупой и серебряным карандашиком.

Так работал и Сергей Павлович Королев — на своем Ил-14 (командир корабля — Есенин, Анатолий Есенин) старался летать из подмосковных Подлипков на Байконур и обратно по ночам: «Рабочее время надо беречь». Путник в ночи! Однажды он назначил эксперимент на 31 декабря, 18:30.

Очередная встреча отрядов была назначена в Оренбурге. «Ехали мы вдоль гладкой беспредельной степи к Оренбургу. Палимые сильным зноем, несказанно обрадовались мы, усмотрев показавшиеся вдали городские шпили и колокольни. После пустынных степей усладительно было зрелище покрытых зеленью известняковых холмов. Мы провели несколько приятных, незабвенных дней в густой тени дубовой рощи, в так называемой «кочевке» — летнем месте пребывания господина генерала от кавалерии Перовского, бывшего тогда военным губернатором Оренбурга».

Времени было мало, но Родерик не удержался от искушения познакомиться со знаменитым генералом Пероа. Так появился боковой маршрут, не предусмотренный планом. Хлебосольный Василий Алексеевич Перовский, храбрый солдат, несчастливый герой Хивинской экспедиции, куда не смог попасть Лермонтов, затащил геологов к себе на «кочевку», как он называл свой загородный дом

с флигелями для прислуги в лесистой долине на краю степи, в шестидесяти верстах от города. Вечером стража играла вечернюю збрю. Геологи обследовали окрестности, а вечера проводили в приятном обществе.

В молодости Перовский, высокий кареглазый офицер свиты, весельчак, душа общества, внебрачный сын министра народного просвещения Алексея Разумовского, в хорошем доме на Патриарших прудах познакомился с воспитанной московской барышней Авророй Крамалиной. Это было в мае 1812 года. Они играли на клавикордах, распевали дуэты и вскоре повенчались. И вдруг война! Под Бородино армия Барклая держала Багратионовы флеши, атакованные маршалом Мюратом, итальянским королем. Перовский был адъютантом Милорадовича. Во время короткого перемирия после битвы Перовский был послан на аванпосты. По дороге его захватили люди маршала Даву. Так Перовский попал в плен. Потом была Польша, Пруссия, госпиталь, Орлеан, Блуа, Тур, побег, поимка, освобождение — русская армия вступила в Париж. Аврора Перовская воевала в партизанском отряде и была расстреляна французами. Перовский так больше и не женился.

Перовский прельщал дорогих гостей изысканной кухней — страсбургскими пирогами, дорогими винами, занимал интересными разговорами. Он резонно считал, что ничто так не облегчает преодоление языкового барьера, как кьянти. В его доме комфорт цивилизации уживался с дикостью. Отблески ночного костра, лунный свет — на пиках башкирской охраны в живописных костюмах.

Пели «Вечерний звон». Василий Алексеич расчувствовался и презентовал геологам роскошную карту, на основе которой впоследствии была составлена геологическая карта хребта Уральского.

— С детства люблю географические карты, — сказал Василий Алексеич. — Милорадович поручил мне топографическую съемку. Ведь после Бородино все ждали сражения при Воробьевых горах. Однако же было отступление после совета в Филях.

Перовский совершенно откровенен с гостями:

— Когда провалилась Хивинская экспедиция, весь гнев обратился на меня. Если бы не император, со мной было бы покончено. Но он заявил, что все зависит от мнения герцога Веллингтона, который, кажется, был маршалом русской армии. Он был так знаменит, что его заподозрили в желании устроить военный переворот. Заключение Веллингтона было получено через барона Бруннова: «Я

держусь того мнения, что генерал Перовский действовал как искусный генерал. Если бы он не отступил, потеряв четверть войска, он мог бы потерять всё. При таком жестоком холоде успех был невозможен». Император не только простил меня, но и дал оренбургское губернаторство. Так что я всем обязан вашему знаменитому герцогу. Я прошу вас, когда вы вернетесь в Англию, при случае передайте ему мою благодарность.

— Лермонтов в шести дуэлях ни разу не выстрелил. Хотя его Печорин безжалостно расправился с Грушницким. И Пушкин, слава Богу, никого не убил на дуэли. Вот судьба истинных поэтов. Я ведь знал о его дуэли. Накануне поехал к Вяземскому, прождал его до утра. Да-а. На кочевке у меня он не был, жил у приятеля своего Даля — тот служил у меня чиновником для особых поручений. «С Пушкиным на короткой ноге», — это ведь я говаривал. Его ведь у нас за ревизора из Москвы принимали.

Ред-фокс-хантеру Мэрчисону Перовский предложил охоту на птиц или же стрельбу в цель. Вино ли тому было причиной или еще что, но Перовский умудрился отстрелить себе сустав пальца: разговаривая, по привычке держал палец на дуле и нажал на курок. Первый сустав на пальце был отстрелен ранее на охоте. Пуля просвистела мимо уха Кокшарова.

— Ну, мой милый Кок, вы сегодня были на вакансии, — сказал ему Мэрчисон.

Нет, из кочевки надо уезжать. И чем скорее, тем лучше. Наутро же отправились в дорогу. Остановились на привал и обнаружили, что в коляске полно жестянок с парижскими консервами и бутылок с шампанским. Это был прощальный дар губернатора.

Приключения продолжались. Ночью на пути из Илецкой Защиты за путешественниками погнались разбойники, они что-то кричали по-башкирски. Ямщик и фореитор, башкиры, тоже закричали и что есть мочи погнали лошадей, да так, что песок полетел из-под колес. Мэрчисон не растерялся, схватил бутылку шампанского и выставил горлышко из полузакрытого тарантаса в виде пистолета. И ведь помогло — одноколка отстала. «Что это было?» — спрашивал Кокшаров ямщика. «Шалят, бачка, шалят. Ничего, батюшка, это бывает».

После визита к Перовскому Родерик не удержался и решил еще раз пересечь Урал, бросить прощальный взгляд на Сибирь, сбить север с югом. Ведь теперь у него была подаренная Перовским замечательная карта Южного Урала, превосходящая все другие. Судо-

вые журналы и карты были сверхсекретны с незапамятных времен. Самой древней (четыре с половиной тыщи лет!) карте на шумерской глиняной табличке нет цены. Однажды римская эскадра преследовала карфагенское судно, и капитан загнал его на скалы, но не позволил врагам захватить карты. Он стал национальным героем.

Время остановлено в записях Мэрчисона от 8 сентября 1841 года: «Де Вернейль спал в хижине, а сам я в экипаже. Казацкая почтовая станция, похожа не на русскую, а на ирландскую. Стены из плетеного камыша. Пишу в служебной комнате в 10 квадратных футов, высотой 6,5 фута. Большой стол в углу. Дверь 4 фута в высоту и окна 18 на 9 дюймов. На столе лежит почтовая книга. Все стены чисто вымыты, стол хорошо вычищен, пол чисто подметен». Почему снят этот кадр? Родерик знает, что он будет тосковать по России, что он будет вспоминать этот неказистый дом, эту хижину, этот сентябрьский день. «Уезжайте только для того, чтобы вернуться».

Из записок Мэрчисона: «Проехав двадцать тысяч верст по удаленным районам без потери булавки, между Новгородом и Москвой мы были дважды ограблены. Украдены были постели и вещи, находящиеся в задней части экипажа. Только один зажатый сундук и остался. Я положил рядом двустволку де Вернейля и решил уложить первого вора, который приблизится». Можно представить разочарование грабителей, вскрывших ящики с образцами уральских пород.

Позже сын «искусного капитана» Петра Карпинского Александр выделит активную линию от Польши до Мангышлака, названную его именем — линия Карпинского, кряж Карпинского. Молодому Карпинскому было тесно на Русской плите: «Геологу нужна вся Земля!»

К югу от линии Карпинского Мэрчисону ехать нельзя — «горячая точка». На Кавказе шла война.

Мэрчисон удивился своей радости при виде Кремля. Император спросил его: «Так вы видели генерала Перовского? Он мой добрый друг. Я надеюсь, что вам было приятно встретиться с ним. Я его люблю. Он храбрый солдат и чистосердечный человек». Николай расспрашивал Мэрчисона о здоровье, о родных, о планах. Тот собирался на следующий год поехать на Алтай, родину Кокшарова. «Приезжайте, когда хотите. Я всегда буду рад видеть вас», — и Николай двумя руками, как старому другу, пожал руку Родерику.

Русскую дворнягу, которую Родерик вез в подарок Шарлотте, называли Жулик, на французский манер — Жюлик.

17

Полевые книжки Мэрчисона — на развороте слева рисунок, справа описание обнажения — писаны, как положено в геологии, грифелем, чтобы дождь не смыл записи, — *river Kama, town Perm, river Serebrjanka*. Они хранятся в термостатах в фондах Британского королевского геологического общества.

Четыре года Родерик корпел над материалами русских экспедиций, с публикациями не спешил. Он сам себе сделал подарок к пятидесятилетию.

Идея о необходимости выделения новой геологической системы была высказана именно Родериком в письме старому профессору фон Вальдгейму Фишеру от 8 октября 1841 года: «Мы решились обозначить пласты особым наименованием; оно имеет географический корень и происходит от древнего царства Биармии, или Перми».

Только в 1845 году, весной в Лондоне вышел грандиозный труд на английском языке — первый том «Геологии Европейской России и Уральских гор», с рисунками, гравюрами, литографиями. Геологические разрезы по Донбассу, Уралу и Тиману были выполнены в акварели! Текст написан Мэрчисоном с участием Кейзерлинга (северо-восток территории).

На сводной геологической карте указано, что в ее составлении принимал участие поручик Кокшаров. Второй, палеонтологический том вышел в Париже на французском языке. Он был написан де Вернейлем с участием д'Орбиньи. Им помогали отставной офицер Лонсдейл, палеонтолог Ричард Оуэн, применение которым микроскопа «озарило историю погребенных творений необыкновенным блеском», и Кокшаров, давший список всех уральских минералов.

Друзья изощрялись в витиеватых обращениях. «Дорогой и знаменитейший граф Силурийский, Девонский и Уральский!»

У нас в Восточной Европе, после того как отпыхали споры, выделены снизу вверх семь ярусов: ассельский, сакмарский, артинский, кунгурский, уфимский, казанский, татарский. Родные всё названия! Мэрчисон, заметим, выделил пермскую систему только в объеме верхних четырех ее ярусов.

Работа была переведена Александром Озерским на русский язык и печаталась по частям в «Горном журнале», а в 1849 году вышла отдельным изданием в двух внушительных томах. Как раз в эти дни до Мэрчисона дошла весть, что адъютанту Веллингтона Фицрою Сомерсету предложили пост генерал-губернатора Канады, и тот отказался, потому что Веллингтон не знал, что без него делать. Мурчисону это казалось таким мелким — канадское губернаторство!

Николай I подарил Родерику золотую табакерку и пригласил его перейти на русскую службу в качестве инспектора по геологическим исследованиям империи. Родерик подумал и вежливо отказался, а табакерку принял. На родине он был посвящен в рыцари, а потом стал и баронетом. Он — председатель Королевского географического общества, директор Геологической службы Соединенного королевства. Когда по нездоровью не смог ездить сам, он стал готовить экспедиции. Он искал деньги для изучения Австралии, Африки, оказал помощь экспедиции Миклухо-Маклая в Новую Гвинею на корвете «Витязь».

Термин, придуманный им, — «дрифт» — остался в геологии, правда, с другим наполнением. Он употреблял его для осадков, переносимых морскими течениями и переотложенных в недавнее время. Ныне термин имеет множество значений. В тектонике он остался в переиначенном значении — continental drift, дрейф континентов.

Но главным делом его жизни была пермская система.

*Сюжеты книги каменной просты.
Не каждый прочитает ее стремится,
Ведь вырваны в ней многие листы
И склеились отдельные страницы.*

*В ее строках, а также между строк
Все твари, все творения господни,
И каждому из них отмерен срок —
Ведь мы живем навеки и сегодня,*

*Сейчас, сию минуту, вот теперь —
Одну секунду... Так или иначе,
Но распахнулась книга наудачу —
«Вторая часть. Глава шестая. Пермь».*

«По всему видно, что автор — какой-нибудь румяный провинциальный джентльмен, выросший на кровавых ростбифах, не снимающий красного охотничьего фрака и ботфортов и без усталости травящий лисиц». Кажется, что это портрет Родерика Мэрчисона. На самом деле таким представлялся читателям Роберт Стивенсон — худощавый, смертельно больной человек. Однажды он нарисовал карту придуманного острова и написал книгу, в которой были остров, карта, сундук. Может, сказалось родство, пусть отдаленное, с самим Вальтером Скоттом и даже с Робертом Бернсом.

Эпитафию он сам себе написал. Я так перевел ее:

*Под небом высоким, под яркой звездой
 Меня схороните в Земле голубой.
 Я радостно жил, я вернулся домой.
 Напишите лишь несколько слов:
 «Ему хорошо там, где небо синей,
 Желтее песок и трава зеленей.
 Моряк возвратился из дальних морей,
 Охотник спустился с холмов.*

Во время Крымской войны, которую в Британии называли Восточной кампанией, Мэрчисон в числе очень немногих британцев открыто выступил в защиту России. Королева Виктория с балкона Бекингемского дворца приветствовала уходящих на войну с русскими британских солдат, оснащенных великолепными винтовками Минье, дула которых, как известно из лесковского «Левши», ни в коем случае нельзя чистить кирпичом. Королева грозила отречься от престола, «если Англия упадет России в ноги». Член палаты лордов Линдхерст говорил о русских: «Было бы самым величайшим несчастьем для всей человеческой расы, если бы этой варварской нации, врагу любого прогресса, удалось закрепиться в самом сердце Европы».

Мэрчисон был в «партии мира» тогдашнего министра финансов, будущего премьер-министра Уильяма Гладстона. Когда-то мама Гладстона качала на коленях его, маленького Дика.

Гладстону кричали: «Русский наймит! Он позорит Англию!» Толпа била окна в его лондонском доме. Он был спокоен: «Знаю, что мы живем в не слишком хорошие времена. Но единственный выход — отдать все свои силы на поддержку лучших дел, лучших мыслей,

лучших людей нашего времени». Он объявил о повышении налога на прибыль: «Военные расходы являются моральным испытанием, возлагаемым всемогущим Господом на некоторые нации, которым присущи амбиции и жажда завоеваний».

Гладстон считал глупостью любую войну, вздором — историческую вражду России и Англии. Гладстону, да и Мэрчисону, виделась, пусть в далекой перспективе, объединенная Европа от Ламанша до Урала с разминированным балканским пороховым погребом — и дальше, дальше, за Урал.

Конечно, Мэрчисон следил за войной. На карте военных действий его поразило название поселка Маккензи: бастионы Севастополя в потемкинские времена выстроил шотландец, контр-адмирал Маккензи, кто-то из родичей Родерика по материнской линии!

А командовал британскими войсками Фицрой Сомерсет, ныне лорд Реглан, уже фельдмаршал, некогда адъютант Веллингтона. Мэрчисон на всю жизнь запомнил тяготы войны, жуткие запахи, грязь — войну не может представить человек, не зацепивший ее. Реглан умер во время этой несчастной войны. На мачте флагамена взвился сигнал «Прощайте!» Корабельные пушки дали залп. Осталась память о нем — покроем «реглан», маскирующий пустой рукав.

Черное море объявили нейтральным. Севастополь вернули России. Про святые земли, из-за которых началась война, даже не вспомнили. Мирный договор вскоре был аннулирован.

Мэрчисон никогда не забывал Россию. И Россия его не забыла. Петербургская Академия наук сделала единственное исключение из правила, избрав его своим действительным, а не почетным иностранным членом. Такое же исключение было сделано Лондонским Королевским обществом для Петра Капицы. К этому времени для пограничных слоев кембрия и силура был предложен термин «ордовик» — по имени племени, которое когда-то населяло уэльские холмы. Но ни Седжвик, ни Мэрчисон не хотели принимать ордовик. Все-таки они почти помирились, но письмами обменивались через Лайеля.

Родерик ненадолго пережил Шарлотту. В последние часы вспомнил стихи Тибулла:

*Видеть бы только тебя на исходе последнего часа
И, умирая, тебя слабой рукой обнимать...*

22 октября 1871 года на лондонском кладбище Бромптон под прощальный залп королевской гвардии был похоронен отчаян-

ный шотландский мальчишка Дик Мэрчисон, и было ему отроду семьдесят девять лет. Адам Седжвик плакал без удержу, когда узнал о смерти своего друга-врага. Он пережил Мэрчисона на два года. Старый спор кончился. Осталась Omnis terra, что означает «вся земля». Остались великие геологические споры.

К Родерику Мэрчисону можно отнести слова Анны Ахматовой, посвященные памяти Бориса Пастернака:

*Он награжден каким-то вечным детством,
Той щедростью и зоркостью светил,
И вся земля была его наследством,
А он ее со всеми разделил.*

Мэрчисон больше, чем кто бы то ни было, сделал для постижения Omnis terra.

19

Пермскую систему разбили на два отдела — верхний и нижний. В отделах выделили ярусы. Верхний ярус нижней перми Николаем Палычем Герасимовым назван кунгурским. Раскрываем дальше матрешку. В кунгурском ярусе — два горизонта. Нижний — филипповский, верхний — иренский. В филипповском горизонте — четыре пачки, в геологическом просторечии — «*четырёхслойка*». В иренском горизонте — семь пачек, «*семислойка*». О кладе в верхней пачке иренской семислойки, названной «лунежской», всем известно — это Верхнекамское месторождение калийных солей.

На одном из геологических конгрессов зашел спор об этих пачках. Австралийские геологи заявили: не трогайте их, мы видим у себя, мы чувствуем эти мировые ритмы...

Сегодня геологи ищут сложнейшие нефтяные ловушки, погребенные русла рек, песчаные косы, бары, пересыпи. Наша дальнейшая история берет начало в то далекое время, когда геологи, говорящие на разных языках, выколачивали фауну из обнажений и пели у костра о дороге, которая далека-далека, о вечерних колоколах в облаке опалового дыма.

Глава 14. Великий барьер

1

Верхнепермские красноцветы правого берега Камы, как богом нарисованные, под малыми углами уходили под воду. Хорошо видно выклинивание тонких прослоев известняков и крупнозернистых русловых песчаников.

В 1939 году поиски объектов для бурения велись тремя съемочными партиями в районе села Ножовка на правом берегу Камы, неподалеку от места, где родился Чайковский. Партии должны были представить единый отчет. На западе работал Георгий Николаев, на востоке — Борис Грайфер. Руководить партией в центре площади начальство «Прикамнефти» поставило Петра Коробецких. Это была ошибка руководства — Коробецких был предельно щепетилен в работе и высказываниях, за что и страдал не раз — попадал в ссылку, лишался допуска, но никогда, ни-ког-да, даже в мелочах не кривил душой. Военная осень, усталые голодные геологи-съемщики идут по лесу. Бурт картошки. Взяли сколько-то, пошли дальше. Коробецких: «Поворачиваем, ребята». Высыпали картошку.

Петр Евсеич, как обычно, оказался возмутителем спокойствия. Николаев и Грайфер по воздушным продолжениям тонких прослоев известняков построили по краям площади карты, а Коробецких отказался. Построения соседних партий нельзя было сбить воедино.

Втроем выехали на Каму в лодке-плоскодонке. Обнажения красноцветов горели на солнце. Прослои известняков можно было проследить только на коротких отрезках.

— Видите, друзья мои, как умозрительны ваши воздушные продолжения! Я следую принципу великого землемера Смита: вижу — пишу, не вижу — не пишу. Если маркирующих слоев нет, пишу: маркеров нет.

Николаев и Грайфер, ни живы ни мертвы, слушали коллегу — ведь год на дворе был 1939-й.

Скандал на защите был грандиозный. Рецензенты отчет оценили на «удовлетворительно», причем и они сильно рисковали — тоже могли оказаться вредителями.

Я читал этот отчет. Выпорхнул из него ветхий листочек: «Расписка. Мною, Ульяной Байдиной, получено десять рублей от геолога Коробецких за показ обнажений в лесу».

— Правильно. За копейку канарейка басом не поёт.

Сейсмопартии 5/63 через четверть века предстояло сделать то, что не удалось сделать в 1939 году. Большой рифовый Барьер (о нем чуть позже) зацепили в Мишкино на территории Удмуртии и на Осинском поднятии, то есть на пермской земле. Наша партия — как раз между ними. «Я надеюсь на вас. Вы должны найти кусок Барьера», — сказал Шершневу.

Будто вчера это было: жарский майский день 1963 года, вешки первого сейсморазведочного профиля на Ножовской площади. Утро. Едем на смену. Облака похожи на росчерки пером рукою Пушкина. Я стою, держусь за борт, за мое плечо кто-то держится. Под деревом стоят паренек с девушкой, целуются. Местные вскричали.

— Ишь, не оглядывается, гордый. В армию парня забирают.

Шофер сказал:

— Пока вы тут взрываете, пойду корье драть.
— Деревья-то зачем губить?
— А что от них толку? А корье-то принимают. Вон ива стоит, ох и красавица же! Надо ее нарушить.

На профиле готовят длинный заряд из желтых кусков тротила. Шестами протолкали его до слоя глины.

— Смотри вверх, — сказал завбур Леша Шилов.

— Почему?

— Камни могут зашибить.

Под землей пробежала упругая волна, дорога — в трещинах. Из взрывной скважины вылетел шлейф дресвы, шматки глины; он долго шелестел, оседая. Я выждал, когда опадет столб, подошел к скважине, слушал перетоки воды — глухие, утробные звуки; в вылетевшей породе выискивал глину — плотную, загустевшую, волшебную, зеленую, волконскоитоподобную! Волконскоит — это загустевший натечный минерал, содержащий хром, — волшебный, изумрудно-зеленый! Пабло Пикассо нужен был именно этот, травяно-зеленый тон из редчайшего камня, найденного только на нашей земле. И тете Корочке он понадобился — для альбома выкрасок зеленого цвета:

— Эрмитаж облезает, чуть не каждый год его красят. А у нас есть рецепты долговечных минеральных красок. Я изучала краски Дионисия...

Помимо нефти все партии вели тогда массовые поиски урана. Леша Лежнев на своей станции замерял естественную радиоактивность пород во взрывных скважинах. На каротажах отлично видны пласты глин. В них-то и надо для хорошей укупорки помещать заряды. По утрам мы наполняли канистру удивительно вкусной водой из неприметного лесного ключика и отправлялись на профиль.

Постепенно на структурных картах проступали контуры будущих объектов для глубокого бурения. При сгущении сетки профилей одни крепили — Ножовка, Березовка, Опалиха, Падун. Но многие разваливались.

У взрывников и буровиков — самая тяжелая работа. В любую погоду-непогоду зимой и летом они — под открытым небом. Начальник Ножовской партии Алексей Петрович Зудин звонил в трест:

— *Материал* кончается (так для конспирации звали тротил). Солярка на исходе. Бурильщиков некомплект. Шнарса не надо. Он из «Шестигранника» не будет вылезать.

«Шестигранником» звали известную в округе чайную, посетители которой после аванса или окончаловки по различным азимутам размещались на дневной поверхности. Так я впервые услышал эту фамилию — Шнарс.

И в геологической службе, состоявшей из меня и Светланы, образовался некомплект — она уезжала в город поступать в институт.

— Свет, нам пора. Машина подошла.

Хозяйка оставила молоко в крынке.

— Всё равно заведешься, — приговаривал Леша Лежнев, — всё равно заведешься, милая.

Ночью прошел дождь. Грязь летела лаптями впереди машины. Стелился туман над рекой, и лес выступал на том берегу, как замок. Солнце растворяло туман, но он оставался на угорах. Тонкие облака закрывали небо, но свет проливался сквозь них. Будет жаркий день — с движением туч, роняющих легкие дожди, зажигающих сильные радуги.

Потом мы шли к пристани. Черная, с сединой, туча — навстречу. На мокром песке Светкины туфли на шпильках оставляли острые

следы. Когда дождь припускал, она снимала обувку, а потом выходило солнце, и жаворонок пел!

Речной трамвайчик местной линии — шлёпанец, черепаший дух, должен подойти к пристани, отделенной заливом.

На бревнах сидели мужики.

— Перевоз есть? — спросил я.

— Покричи.

— Эге-гей!

Жаворонок звенел. Мужики во все глаза пялились на Светлану.

— Еще кричи.

— Эй-гей!

Тишина.

— Кричи, кричи...

Она стояла на виду у мужиков, которые курили, роняли тихие слова.

— Лёщ, ох, что за лёщ идет по реке. Копченый лёщ — это вещь.

— Говорили, что лёщи еще не отыгрались, — сказал я (рыбак-теоретик!).

— Что ты, скоро уж голавли пойдут... Садись, девка! Хоть посидим с молодой.

— Эгей, эгей! Вы откуда, ребята?

— С Набережных Челнов. Слыхал?

— Нет, не слыхал.

— Маленький городишко. Баржу поджидаем, — мужик похлопал рукой по бревну, — вот, лесу-то наготовили... Слышь, весла гремят.

Лодка вышла из-за кустов, конопатая девчушка правила к берегу.

Я поцеловал Светлану. Мужики таращились на нас, дымили. Девочка в лодке прятала глаза.

— Буду ждать с томленьем упования минуты...

— Минуты чего?

— Той минуты, как мы встретимся с тобой...

Лодка пропала в кустах, стук весел затихал. Я сел на бревна к мужикам.

— Вот хлеб легкий, парень. По двадцать копеек с души берут.

Один из мужичков, кряхтя, пошел собирать валежник для костра.

— Это вы взрываете-то?

— Нефть ищем.

— Много, поди, получаете?

— Где много.

— Тоже хлеб нелегкий. Как у нас...Вон, твоя-то, пушистые косы, сумочкой машет.

Я взобрался на бревна и махнул рукой. Светка должна увидеть меня на ярких бревнах, и потом на угоре, когда я пойду по песчаной дороге. Я шел по тракту, называемом здесь трахтом, вглядываясь в песок. Видно, лесовоз прошел, но следы шпилек видны и под рисунком шин. Так я и шел до отворота, не отрывая глаз от дороги.

Молоко стало простоквашей. Я перелил слитки в разрисованную Светкину кружку. До чего медленно темнеет в июле. Вчера вечером она стелила постель, встряхивая простыни. Я зажег свечу, смотрел на тонкий красный стебелек огня. Верхушка просвечена. Потом дунул — фитилек быстро угас.

Шахзада шла, как блуждающая газель, выставляя левую ногу и отставляя правую, и тряся бедрами, и ветви учились у нее гибкости... ла-илла-илла-ла-бисмиллахи — ллахи — ррахман... и пупок ее вмещал восемнадцать унций орехового масла...

И снилась мне дорога, лес и Светка, и ветви учились у нее гибкости, и она качалась от довольства и изнеможения, опоясанная избытком своих волос, и была одета в такую роскошь, дальше которой нет цели.

— Сделай так, — и она морщила нос.

Я встал рано утром. На мосту через речку сунул руку в карман куртки, достал из кармана крошки, вспомнил, что брал с собой в дорогу ломоть хлеба. Бросил крошки в воду, и кинулись на них сопливые ерши. Три пескарика выплывали против течения.

Шершневу приехал именно так, как обычно и приезжает начальство, то есть не вовремя. Алексей Петрович как раз вывесил объявление в гараже: «Товарищи, давайте будем отмечать советские праздники, а не церковные с того света, как, например, Прокопия престольный праздник в нашем селе». Потом передумал и перенес на Прокопьев день выходной. «Зачем религию поощряете?» — ворчал Шершневу. Меня он спросил:

— Куда собираешься в зиму?

— Я слышал, будет широтный профиль за Камой — на Тимшор, и дальше на Кировско-Кажимский авлакоген. Интересно!

— Нечего делать в одноотрядной партии. И не употребляй иностранные термины, значение которых туманно. В геологическом отделе будет тебе добрая работа.

В 1963 году в стране неурожай. Во многих местах погибли озимые. Хрущев заговорил о химизации сельского хозяйства. Впервые СССР закупал в большом количестве пшеницу, главным образом в Канаде.

Вместе с ножовским агрономом мы обмеряли потравы после буровзрывных работ.

Профили шли прямо по пшенице и кукурузе — а куда денешься?

Пожалуйста, пожалуйста, прости,

Прости меня, озимая пшеница...

— От кукурузы уже везде отказываются.

— Мы не отказываемся. Зеленая масса — кукуруза да подсолнухи, если по уму, хороший силос получается. Коровушки охотно поедают.

Шутка того времени: на Луне американцев встретит невысокий плотный человек в соломенной шляпе и покажет им посевы особой лунной кукурузы.

В самом конце сезона в одной из скважин вылезла гамма-аномалия. Глина? Но на втором масштабе кривая зашкалила. Я поднял записи в соседних скважинах — ясно прорезалось русло позднепермской речки северо-западного простирания. Леша Лежнев привез из Перми детализационный счетчик ВС-4, мы посчитали содержание *металла* (то есть урана). Аномалия потянулась на северо-запад. На юго-востоке она пришлась на лесной ключик с вкусной водой. Показали материалы Зудину, и строгий начальник загорелся:

— Тащите дальше ваше русло!

— Там нет проектных профилей!

— Возьмем из резервного километража! Пойдем дальше! Вдруг это второй Таскудук?

Погоня продолжилась и после последнего дня сезона, пятнадцатого октября, дня, который в народе зовут *Гуд-бай*. Сырой лес, туман, костер, салют, начинается межсезонье, взрывники подрывают остатки тротила из уже вскрытых ящиков. Не везти же в Янычи на склад. И взлетает столб, и летит в осеннее небо, и долго оседает.

Начинается время, называемое межсезоньем. Указание сверху — коллективный поход в кино, на фильмы гэдээровской студии «Дефа» — «Русское чудо» и «Наш Никита Сергеевич».

Из разговоров в «Шестиграннике»:

— После салюта — застолье. С вечера натопили печку в камералке. Спали на полу. Ночью просыпаюсь, рука чья-то коснулась моего лица, чья? Не знаю, но прекрасная, такая нежная рука прикоснулась ко мне. Ближе, ближе. Грудь — ангельский шелк. Поцелуй, и небезответный! Так хорошо никогда не было. Проснулся — сон или не сон? Было или не было? Кто она? Не знаю. Не знаю!

Зудина охватил азарт.

— Дальше! Еще дальше! Таскудук! Амброзо-Лейк!

— Алексей Петрович, мы вышли за пределы площади.

— Сделаешь обоснование! Покажем, как переburку заваливших-ся скважин.

— Нам закрывают финансирование по этой статье.

— Пусть мне влепят выговор. Я приму его, как орден. Амброзо-Лейк! Таскудук!

5

«Добрая работа», о которой говорил Шершневу, — это координация действий четырнадцати сейсмопартий и шести нефтеразведок, разбросанных по всей пермской земле.

Путь — это время, умноженное на скорость. Время дает сейсморазведка — возбуждение и регистрация упругих колебаний. Скорость определяется в неглубоких, не больше 800 метров, скважинах, пробуренных до первой жесткой границы.

Помню свою самую первую такую скважину. Стою перед желобом, по которому выходит из скважины буровой раствор. Велено бурить до ирени. Решился спросить помбура:

— Скажите, а какая она, ирень?

— Ирень — она голубая.

— Голубая? А как ее увидеть?

— Черпанешь раствор из желоба — увидишь.

Кончились красноцветы, и блеснули в ладони голубые чешуйки.

— Это ирень?

— Да, это лунежка.

— Что теперь делать?

— Как чего делать? Подбурить метров сорок под зумпф, вызывать промысловых геофизиков для каротажа.

Первая жесткая граница — обычно кровля кунгурского яруса, его верхний — иреньский горизонт. Верхняя пачка этого горизонта называется лунежской. Это ангидриты, то есть бледно-голубоватые гипсы, лишенные связанной воды. В Соликамской депрессии в лунежской пачке сидят калийные соли.

Платформенную геологию я худо-бедно освоил. Боялся я Предуральского прогиба. Про Урал и говорить нечего.

Наставником моим был Петр Евсеич Коробецких. Терпеливо и щедро учил он меня, как надо тащить к востоку пачки кунгурской семислойки, как надо прослеживать в Предуралье замещение к востоку доломитов и гипсов классического кунгура терригенным клином — породами, снесенными с вздымающегося Урала. Записи его были в школьных тетрадках.

— Смотри-ка, смотри! Урал как бульдозером заваливает верхние пачки. Но кое-что видать. Вот пика, еще пичок, а вот и настоящий маркер. Нашел — иди по следу, как гончая. Вижу — пишу. Не вижу — не пишу. Посмотреть бы всё это в обнажениях! Ведь что такое скважина? Горная выработка без доступа человека на забой. Читаю «Опыты» Монтеня: «Меня заставили возненавидеть вероятные суждения те, кто выдает их за верные».

6

В давние годы Костя Шершнев работал геологом скромной тематической партии в Геолого-поисковой конторе, что на улице Героев Хасана. Он составлял каталоги геологических разбивок глубоких скважин. Отличала его въедливость и феноменальная память. Он помнил не только глубины маркирующих поверхностей и альтитуды скважин, но в некоторых случаях и поправки на кривизну.

Однажды маститые геологи Пал Саныч Софроницкий и Нина Александровна Трифонова взяли с собой Костю Шершнева в город Куйбышев на геологическое совещание по таинственным бескорневым структурам.

О шершневском озарении рассказал мне Пал Саныч на бульваре у пермского Дома ученых, где он любил совершать моцион в старенькой своей полевой штормовке.

Как пришло озарение, Шершневу сам не знал. Идея глубоководных рифовых Барьеров, подобных Великим австралийским, ударила ему в голову после зеленой стоянки в Жигулях на экскурсионном теплоходе после того, как отзвучали все доклады и дискуссии. В легком опьянении Костя вскочил на стул (по другой версии, на стол):

— Я знаю, как надо искать нефть в карбоне Волго-Урала! Не было никакой инверсии! Есть два погребенных Барьера, разгородивших бассейн! Есть нефть в надрифовых ловушках. Над ними! Это очень просто! Барьер — это поезд, а нефтяные ловушки — это вагончики. Это золотая земля! Проходов между вагончиками нет, потому что если бы они были, иловой впадины между Барьерами не было бы, и самих барьеров не было бы. Наша задача поймать барьер — и тащить, тащить его! Иловая впадина — это доманикиты, это «фабрика нефти», нефтематеринская толща, а перекрывающая сарайлинка — толща заполнения впадины. Сарайлинские глины уплотняются доныне, оттого вся эта система тяготеет к современным рекам, от Камы до Кинели, потому и называется — Камско-Кинельская система прогибов, ККСП. Еще в Соликамской впадине есть одиночные рифы, чаще всего атоллы, настоящие атоллы с рифовыми кольцами — «острова в океане». На риф накатывают, забуруниваясь, волны, а внутри кольца — спокойная теплая вода лагуны. На склонах барьеров и атоллов цвели когда-то подводные сады, а по песчаным дорожкам между ними разгуливали морские ежи. Барьер — это закон, и я открыл его! Нефть — в надрифовых ловушках. Над Барьером! Я открыл закон для перми и карбона!

— А как же случай, как Верхнечусовские Городки?

— Сколько же понабурили пустых скважин вокруг Городков!

Еще он произнес обидную фразу, якобы восточную мудрость:

— И слепая свинья может найти желудь.

— Но Паскаль сказал: «Случайные открытия совершают только подготовленные умы».

— Паскаль сказал! Это устаревший принцип геологов: «ищи руду около руды». Чирей даром не вскочит — сперва простудиться надо, а потом расчесать.

Значит, идею Барьера дали не столичные ученые, а Константин Степанович Шершневу, ученик Пал Саныча, и до сих пор его идея — матушка-кормилица-поилица нефтяного пермского Приуралья.

Позднее, разбирая свои старые записные книжки, я наткнулся на запись рассказа КС за столом, в хорошей компании в День геолога, в первое воскресенье апреля. Оказывается, озарения не было! Было

твердое знание, полученное ежедневным перетиранием фактического материала в маленькой лаборатории на улице Героев Хасана. Оказывается, Шершневу перелопатил и труды девонской лаборатории Марьи Филипповны Филипповой, где, как я теперь понимаю, мне посчастливилось работать. И угнетенная фауна позднего девона в сенюковских опорных пустых, казалось бы ненужных скважинах на Русской платформе легла в уготованное ей место. И всё увязалось! Разрезы скважин, казавшиеся несопоставимыми, легко и непринужденно легли в схему Шершнева.

На совещании в Куйбышеве Шершневу рвался в бой: «Выступлю и разнесу всех бескорневщиков-инверсионщиков!»! Мудрая Нина Александровна, умудренная жизнью, запретила ему выступать — уведут идею. И в прения велела не ввязываться.

— Но на пароходе я их всех разгромил!

Его слушали очень внимательно, особенно москвичи. Шепот вокруг:

— Ну, парень! Ну, однорукий бандит!

Идею подхватили, понесли по всему Волго-Уралу, появились кипы статей, ротапринтов, отдельных оттисков, монографий, экспресс-выпусков и диссертаций. Наконец, вышла коллективная монография под редакцией членкора Мирчинка, того самого Михаила Федоровича Мирчинка, который осенью сорок второго года в кабинете Сталина стоял, вжимаясь в стену, в дубовую панель. Геологи знают эту монографию как «кофейную книгу». Упоминания о провинциальном молодом геологе Шершневе в ней не было.

У Шершнева же не было времени заняться наукой — «паренька приметили», поставили главным геологом треста «Пермнефтегеофизика». Статья в «Геологию нефти и газа» не ушла. Наукой заниматься некогда. Он врубался в сейсморазведку, готовил объекты для глубокого бурения на Барьере. Взрыв — маленькое землетрясение, как вспышка фонаря, на миллисекунды освещал недра.

Что может быть практичнее, чем хорошая теория? Месторождения теперь открывались по *закону*. Северо-западный Барьер — с запада на восток: Ножовка, Оса, Лобаново, Баклановка, Васильевка, Майкор. Юго-восточный Барьер — Москудя, Краснояр-Кудеа, Шагирто-Гожан, Батырбай, Павловка, Кокуй. Музыка! Атолловые острова — отдельная песня. Месторождения как ожерелья ложились на Млечный Путь Барьера. Отход от Барьера, от «золотой земли» вел к неудаче.

Наконец Шершнев взялся за диссертацию. В разделе «Защищаемые положения» скромный пункт: «Создана модель Камско-Кинельской системы прогибов». Его не поняли — это же все знают! Как говаривал Садовой Иван Иванович, бывший партизан Ленинградского фронта: «Чем мельче хамса, тем больше укусса просит».

Себестоимость нефти Пермского края в те годы была самой низкой в стране. Годовая добыча нефти росла так: 1960 год — 2,3 млн тонн, 1965 год — 10 млн тонн, 1970 год — 16 млн тонн.

7

В Троицу, в родительский день, поехали на могилку Светкиной бабушки Анны Григорьевны. Иван Ильич, маленький дедушка, надумал сделать оградку: «Думаю, понравится Григорьевне. Или нет?» Светлана, услышав это, до того обревелась, всех выполоскала. Она посадила анютины глазки.

— Скоро у меня опять будут желтые усики, — сказала она. Ходила осторожно, мягко ступала по бабушкиным половикам, читала Голсуорси, дошла до двенадцатого тома.

— Ты сказки, сказки читай, — сказал я.

Картины она смотрела теперь исключительно сентиментальные. Сидела перед ящиком зареванная:

— Когда я была юная и увидела этот «Большой вальс», так всю дорогу ревела, причем в общественном транспорте.

— Ты меня будешь кормить?

— Ваксман, рожа такая, до чего я тебя ненавижу...

— Говори, говори...

— Мне идет шляпка? Я похожа на девочку из рижского журнала мод?

— Рожа такая. Тебя хочется представить в портупее. И с шашкой.

— И не смешно.

— Почему? У меня есть чувство юмора.

— Да прям. Почему-то никто не смеется от твоих шуток.

— Мое чувство юмора рассчитано на тебя.

— Прям... Знаешь, что мне Тимка сказал? «Ты знаешь, мама, я влюбляюсь». — «И в кого же?» — «Мне в садике больше всех нравится Валя. Она всегда грустная-грустная, даже когда веселая-весе-

лая. Она всегда очень веселая, просто у нее очень грустное лицо». И еще сказал, что он Вале зубами развязал узел на туфельке. Лег на пол и развязал.

8

После проведения геофизиками буровзрывных работ в низовьях реки Барды в семи деревнях исчезла вода в колодцах, ушли четыре пруда и две речки. В совместную комиссию Шершневу включил и меня. Мы ездили по деревням, вожжами измеряли уровень воды в колодцах. Факты подтвердились. И вот мы со своим актом сидим в кабинете Шершнева. Он — элегантный, безукоризненно выбритый. На столе справа пачка «Казбека», газета «Неделя», слева — свежий номер *Geophysics*. В книжном шкафу — кипы реферативных журналов, вестников, докладов, ротапринтов, препринтов, оттисков, пахнущих запахом познания, уходящего в бесконечность. На столе для гостей — коньячок, балычок, кофеек. Сильный контраст был с заведующим Спасо-Бардинским отделением колхоза «Родина» Кунгурского района Александром Афанасьевичем Кузнецовым — понурый, плотный, с маленькими умными глазками, в ботах «прощай, молодость», куцем пиджачке. Кузнецов хлебнул войны, оказался в Мясном Бору во Второй ударной армии генерала Власова, вышел из окружения к своим.

Шершневу злился на меня — продался-де колхозникам.

— У вас очки минус?

— Минус.

— Возьми мои с плюсом — что увидишь?

Золотым «Паркером» рассчитывал коэффициенты фильтрации по Шимановскому:

— Вода в колодцах должна быть. По теории...

— По теории сообщающихся сосудов, — заметил Кузнецов.

— Ну вот же, — сказал Шершневу, — на карте отметка уреза воды.

— А там не карта, а живые люди. Я в фильтрации не разбираюсь, но пока вас не было, вода в колодцах была.

Пауза.

— Хорошо. Вопрос другого сорта: что вам нужно?

— Пишите: для начала на скотоферме в Спасо-Барде — две скважины. И старушки пьют.

— Старушки?

— В деревне-то одни старушки живут, бляха медна.

— Я хочу сам посмотреть, — сказал Шершневу, — что же там произошло. Что же там на самом деле?

Еще сказал, в узком кругу, конечно: все-таки хватило ума не проложить профиль над Кунгурской ледяной пещерой, где есть озеро, в котором живут слепые рачки и летят сверху из поноров капли — как серебряные монетки. Если бы мозгов не хватило, полезли бы с профилями, после чего пришлось бы менять штаны.

По дороге Шершневу сказал: «Давайте свернем, заедем в Палыгорец, к Родионовскому». Приехали, поднялись по лесенке в камералку, на второй этаж шаткого бревенчатого сооружения. Владимир Иванович имел обыкновение размещать на стенах схемы корреляции с выделением не только опорных, но и всех, даже кратных отражений. Шершневу долго разглядывал схемы, ткнул пальцем:

— Почему точка отскочила?

— Осредним.

— Не надо осреднять. Проложите поперечный профиль.

На обратном пути заехали в Палыгорец.

— Еще одна точка вылетела. Неувязочка получается.

— Сгущайте сетку.

Так каким-то верхним чутьем Шершневу угадал прилепившийся к Барьеру одиночный Троельжанский рифик в девоне размером километр на километр со стометровым этажом нефтеносности. При взрывном интервале в 350 м отскакивали именно одиночные точки. На выездном заседании ГКЗ быстро утвердили запасы, и чуть не через год началась добыча. Правда, первая эксплуатационная скважина на своде дала пластовую воду — палеокарст глубоко прогрыз верхушку. Залежь оказалась похожей на баранку.

Москвичи не могли понять, как можно было найти такую малюсенькую по размерам, но не по запасам, Троельгу. Шершневу же хмурился — как быстро разгрызли Барьер, как дальше и жить.

9

С Петром Евсеичем мы частенько встречались в Горьковской библиотеке и на футболе — несколько раз сидели рядом. Он не пропускал ни одного матча пермской команды (тогда это была «Звезда»), игравшей в ту пору во второй лиге. Невзирая на погоду, Петр Евсеич приходил на матчи в плаще защитного цвета и с довоенным зонтом:

— Для меня футбол — чистая радость. Я ведь почти всю сознательную жизнь был без допуска, побывал в местах не столь отдаленных. В первый раз выступил на комсомольском собрании: я, Петр Коробецких, не согласен с политикой партии в китайском вопросе. Кто ты такой, Петр Коробецких? Когда-то меня только политика интересовала. Сейчас у меня четыре увлечения: философия, в первую очередь гегелевская, политика, футбол, и, главным образом, геология. Люблю разглядывать карты — топографические в кружевах изолиний, с россыпью названий; геологические, легенда которых взята у радуги; если удастся — аэрокосмические снимки, от дешифровки которых, будто от полета, захватывает дух; какие-нибудь старинные пожелтевшие плотные ватманы с водяными знаками, готическими шрифтами, с затейливым масштабом вроде в одном английском дюйме — сто русских саженей, с князь-мышкинской каллиграфией: «игумен Пафнутий руку приложил». На морских картах — якоря, дубовые листья; можно узнать характер грунтов, типы маяков: «огни справа от входа в шлюз имеют зеленый цвет, слева — красный».

На защитах отчетов в тресте «Пермнефтегеофизика» он, бывало, поднимет очки на лоб, сощурится, и — *это есть наш последний...* Невзирая на личности, вплоть до Шершнева и Винниковского — главного геолога «Пермнефти». Почему Петру Евсеичу можно, а больше никому нельзя? Говорили: ему можно, потому что он так себя поставил. Я холодел от восторга и думал: и я таким буду!

Он говорил мне:

— Терпеть не могу подхалимов! Я на ловкачей насмотрелся. В войну советник Сталина академик-металлург Бардин приезжал в Якутск. Сказал, что в Улан-Удэ его угощали парной верблюжатиной. И что вы думаете — пригнали верблюда из Монголии. «Вообще-то я не ем мяса, — сказал престарелый академик. — Я просто сказал: в Улан-Удэ мне подавали верблюда. А сам я вегетарианец. Но ведь пригнали верблюда, дьяволы!»

Все знали, что Петр Евсеич пишет книгу «Геосинклинальный тип строения земной коры и его происхождение (к вопросу о сущности тектонических явлений геосинклинального типа)» — «Пятидесятилетию великого Октября посвящается». Книга — не только об Урале, но и о всех подвижных областях земного шара.

— Надеюсь, мне поможет ее издать мой старый приятель — Петя Оффман из ГИНа — московского Геологического института.

Последнюю геологическую сенсацию — тектонику плит — Петр Евсеич, при том, что он перелопачивал всю геологическую литературу, отвергал наотмашь.

— Как я хочу, чтобы Хаин и вся его кампания еще раз *обложились*. Тектоника плит — это бессознательный подкоп под основы геосинклинального учения.

10

И вдруг приезжает Петр Евгеньевич Оффман. Меня в ту пору забрали в геологический отдел «Пермнефти». Винниковский сказал мне: «Привези Коробецких».

Петр Евсеич в ковбеечке, мятых китайских штанах варил гречневую кашу-размазню.

— О, Петя Оффман приехал! Можно показать ему мою рукопись.

Мы вошли в конференц-зал, когда Оффман уже докладывал.

— Я понял — породы текут. Есть гравигенные складки. Есть запрокидывание. Я наблюдал это на Чусовой, на Глухой Вильве, в Кизеловском районе. Заварицкий вычитал про запрокинутые слои в юре Альп. Он мой учитель, и я хочу его обелить. Надвиги, шарьяжи он называл перебрсы. Шатский в докторской работе писал: шарьяжей нет.

Для краткости я буду прямолинеен. Гаусс считал, что есть ложь, есть наглая ложь, а есть статистика — это когда берут не все данные. Я засмутился, а потом решил: чего мне терять? Мне терять нечего. Как я испорчу себе репутацию! Ну и черт с ней. Так вот: Уфимский амфитеатр — гигантская ниша.

Вот хороший разрез, я всё боюсь перехвалить. Профили должны удовлетворять чувству геологичности, и тогда вы угадаете форму и размеры геологических тел. Это реальные структуры, это не символ веры. Но меня не печатают. Что такое жидкость? Это растянутое твердое. Стресс — вам понятно, мне нет. Фотографии конгломерата. Вот ему скверно, он потек.

Я мало видел, но многое понимал. Сейчас я много знаю и мало что понимаю. А раньше я все мог объяснить.

Молчание.

— Величайшее эмпирическое обобщение — это геологическая карта. Картировщики — люди объективные. Видите, что ребята рисуют. Они удивляются, почему мне так трудно. От них еще потом не пахнет. Нас не надо списывать. В 1925 году я работал в Армянском переулке. Там была мраморная плита в честь академика Ла-

зарева, она согнулась вдвое — без всяких тангенциальных сил. Да вы пойдите на кладбище. На Немецком кладбище в Москве я видел деформацию мраморной плиты на могиле моего деда, когда отвернулся болт. Я это вижу. Но как это случилось? Сколько протек каждый кубический сантиметр?

— Какое приложение ваших работ?

— Этот человек бьет в десятку. Но без вас ничего не будет. Нужна полевая партия. Работу нужно делать в очень хорошей кампании с прогрессивными сейсмиками. Но для некоторых сейсмика — самоцель.

— Вы отрицаете надвиги?

— Голубчик мой, я ничего не отрицаю. Я ведь ни во что не верю. Камалетдинов стройно рассказывает о надвигах. Он правдивый и талантливый человек. Но он делает ошибку, о которой говорил Гаусс. Он рассказывает очень стройно, но он рассказывает конец истории или ее середину. Покажите нарушение.

И тут Иван Чернышев развернул карту передовых складок Урала:

— Эта карта — как стихотворение, то есть больше чем слова. Это документ, как от известных данных по точкам перейти к характеристике пространства. Она сделана по параметрическим скважинам, вскрывающим повторение слоев. Это хорошая картинка.

Петр Евгеньевич молча отходил от удара.

— Это чертежи, вы мне веру подсовываете. Вы можете замерить амплитуду?

— Конечно!

— Конечно?! Это не разговор. Я инженер. Степень точности должна быть видна на чертежах.

— Это доказано.

— Доказано в другом месте. Если мы будем разговаривать в таком тоне, то интересно, до чего мы договоримся. Есть средство: берем ГАЗ-69 и едем на обнажения. А в поле не нарисуеть что попало.

И тут Ваня выдал:

— Ганеша, любимый сын Шивы, — человек с головой слона. Шива как-то по ошибке обезглавил его. Что делать? Тогда Шива отрубил голову подвернувшемуся слоненку и приставил к сыну. Мы покажем вам каротажи, и вы увидите, как передовые складки Урала надвинуты на Русскую плиту.

Наступило молчание.

— Но мне страшно интересно то, что я сделал. Я применил новый способ видения, привлек внимание к деталям, на которые

обычно не обращают внимания. Мой способ — беру то, что хорошо описано. Есть геолог Паффенгольц. Он в масштабе 1:200 000 заснял весь Кавказ и сделал своими руками макет из папье-маше. Ползут породы. Не я умнее Паффенгольца, а время. Я должен работать в обнаженном районе. Я дошел до Полюда от Белого моря. От отчаянного положения и у нас имеется широта русской натуры. Я хочу с вами работать, Спартак Аронович!

— Я администратор.

— Это немало. Я могу показать Печору с Тиманом. Я хорошо знаю Тиман. Вы видели мою книжечку по Тиману? Вы меня можете купить — издать книжку. Не мою — нашу.

— Есть другой способ.

— Я его знаю. Тогда я продаюсь. У нас в институте трудно. Я хочу создать коллектив. Книжка — результат. Вам не нужна книжка. У вас — нефть, у нас — книжка. Соберите маленькую группу. Они у меня будут как штыки. Это мне лучше книжки. Это останется. Я нисколько не исьяк. У меня есть чувство, что не надо торопиться. Ленин писал летом семнадцатого: «Если меня укокошат, прошу издать мою синюю тетрадку». Это он о «Государстве и революции».

Коробецких потихоньку вышел.

Оффман:

— Что такое ваши надвиги? Скатерть на столе — на ней складки... Петя ушел? Петр Евсеич всегда был неуправляемый, неудобоваримый фанатик. Да... Если в ГИНе узнают о договорных деньгах, я взлечу в космос, как хорошая ракета. А я хочу быть чистеньким.

Коробецких ходил по коридору с Оффманом. Потом зашел к Винниковскому.

— Что скажете, Петр Евсеич?

— Что скажу? Оффман — фанатик идеи. Урал течет, видите ли. Это частность.

— Кому я должен верить — вам или москвичам?

— Только фактам в протоколах испытаний.

11

Петр Евсеич умер от сердца. Полевые книжки и рабочие материалы он завещал мне (как же он был одинок!). Машинопись книги я не видел. Она летала по городу.

Я разбираю его архив. Он дал себе волю — рассуждал, возвращался к старым наработкам, на полях спорил сам с собой и со всеми на свете. Постоянное чтение — «Большая логика» и «Наука логики» Гегеля.

«Температура 39,7 градуса. Обдумывал, в какой форме показать проявление диалектики Гегеля в конкретной науке — геотектонике».

«В наши дни подчеркивают отличия между сопоставляемыми (сравниваемыми) объектами, оставляя в тени общее. При таком подходе берет верх тенденция на дробление, разъединение. Не располагая общими объединяющими признаками, незаслуженно замалчивая их как тривиальные, набившие оскомину, якобы ничего не дающими, недвигающими науку вперед, мысль поставлена на различия. Это при утере связи (через общее) неизбежно ведет к тому, к чему мы пришли — выделение особенного во всеобщее, в тип... Без общего, без того, что объединяло, связывало разные вещи, мы не поймем явлений, не справимся. Прервали, забыл мысль».

Для геосинклиналей и геоантиклиналей (протяженные линейные отрицательные и положительные структуры) он придумал домашние названия — *геосины* и *геоанти*, играл с ними, как с котятами.

«Найдем законы с помощью существенных признаков. Их не вывести из Люстиха, или Пейве, или Кропоткина, или Белоусова — они слишком общи, схоластичны, бессодержательны, применительно к геологической действительности. Законы не вывести, если дробить складчатость на отдельные складки... Сущность должна «просвечивать», «призраком» бродить в данном явлении даже для эмпириков...»

«Задел для размышлений — важно!». «Разрабатывать думой дальше и глубже». «Сугубо обдумать на конкретных примерах».

«Рождение геосина есть вместе с тем и рождение геоанта, они взаимнообратимы — развернуть и написать. Всё это надо сугубо обдумать. Проверить еще раз. Надо сформулировать задачи и проблемы».

«За тридцатилетнюю думу и «передуму» копятся мнения, как на дереве листья, ствол, корни. В один прекрасный момент мысли «в себе» переходят в мысли «для себя», выкупаются из утробного состояния».

То и дело у Петра Евсеича возникали сомнения: «Если разрастаются геоанты и мигрируют геосины — то надо выяснить, как это происходит, в результате борения каких сил?»

«Из-за перерыва все забыл, а надумал что-то важное записать. Прерванный процесс мысли». «Готовясь к докладу на возможном заседании МОИПа (Московское общество испытателей природы), куда я подал заявление на днях, вскрыл многие детали тектонического процесса. Думается, я в сущность геосинклинального типа проник. Не потому ли я стал необорим иными мнениями в том смысле, что они не трогают меня. Я не оглядываюсь на мнения других, не сомневаюсь (а прав ли я?), как бывало раньше». Доклад не состоялся.

В самом конце горькие слова: «Многочисленные рецензенты со своими рекомендациями вели зачастую к полному уничтожению основ моей теории. Я сознательно пошел на жертву своему благополучию и все свое время посвящаю разработке теории, в том числе пытаюсь осмыслить с философской стороны».

Три закона и три имени назвал Петр Евсеич.

Шатский — одновременное формирование антов и синов; Библибин — гранитная магма в своде антов; Муратов — воздымание системы при ее становлении. Так получилась триада Петра Коробецких...

Как он был одинок...

Глава 15. Шнарс

В межсезонье Петр Михайлович Шнарс сам пришел в наркодиспансер на Банной горе. Там изумились — сам пришел! Его вытащили из грязи, отмыли и поставили к рычагам.

Он рассказывал: «Как пить бросил — ракетой в гору пошел: помбур, бурильщик, прораб буровых работ, бери выше — замначальника по общим вопросам и, наконец, — начальник партии».

Впрочем, эта должность никогда не была шибко престижной. В областной газете «Звезда» кадровики даже объявление давали: «Требуется начальники сейсмопартий». Шнарс оказался прекрасным руководителем среднего звена.

У него так было заведено — в начале сезона все собирались, и Шнарс речь держал, кепка в кулаке:

— Товарищи, перед нами поставлена задача — подготовить два объекта для глубокого бурения на нефть и газ. Вот какое доверие

нам оказано! Если мы решим эту задачу — мы крепко поможем нашей стране. От нашей хорошей работы многое зависит. Надеюсь на вас. Я надеюсь на вас. Я крепко надеюсь на вас. Мы будем все вместе проводить в жизнь решения последнего съезда нашей партии!

В конце сезона, после традиционного салюта — отпалки остатков взрывчатки, на общем собрании он подводил итоги летнего и определял задачи на зимний сезон, а потом лично вручал призы лучшим по профессии.

— Вывел сепычскую партию в передовые. Швеллер, вагон-дома, каски, шерстяные подшлемники — снабжением я этим занимался с удовольствием. Я наловчился. Например, мне нужны аккумуляторы. Я не прошу сто штук — нет! Дайте мне шесть, шесть штук. Отдай и не грехи — шесть аккумуляторов! Кто же мне не даст шесть аккумуляторов! И к лету у меня их сколько нужно. Или ремонт. Его можно сделать только в «Сельхозтехнике», а там нужны живые деньги. Где их взять? Читайте классиков — «Мертвые души»!

Шнарс встречался с самим Ильей Хрисанфычем Абрикосовым — тот был главным геологом «Пермнефти» до Винниковского.

— Я как раз в ту пору работал в партии, что стояла в селе Сепыч. Приехал из Верещагинской экспедиции Женька Черемных, говорит — едем в Ильинское! Там собрались ребята из экспедиции, пермское начальство — из «Пермнефтегеофизики» Гаврин, Шершнев, из «Пермнефти» — Абрикосов и Винниковский. Тихий, интеллигентный Абрикосов ко мне обращается:

— Где я мог вас видеть?

Спартак ему на ушко, я расслышал: «Илья, лучше не спрашивай». Абрикосов упорно ко мне обращается:

— У нас есть сильное желание создать новую крепкую сейсмо-разведочную партию в долине реки Обвы.

Я молчу.

— Пионером будете.

Я хотел отказаться, но посмотрел в усталые глаза Абрикосова, и мне его жалко стало:

— Ладно. Раз буду пионером... Но! Мне нужны вездеходы ГАЗ-71, трелевочные трактора ТДТ, бульдозеры Т-100, автомашины ЗИЛ-131, ЗИЛ-157, передвижные вагон-домики на колесах, автобусы...

Гаврин:

— Ну, хватит. У нас есть несколько достойнейших кандидатур. Абрикосов его не слушает и ко мне обращается:

- Я бы вам доверил создание этой партии.
- Но вы не знаете моих деловых качеств
- Нет, нет, я вижу в вас настоящего полевика, способного решать трудные задачи. Но где, где я мог вас раньше видеть?
- Илья Хрисанфович, Лобаново помните? Заварзина помните?
- Вижу, вспоминает. Жил-был в Лобаново старый Заварзин. Многие, и я тоже, любили заехать к нему в гости — душу отвести, медовухи отведать, пластинки послушать — Шаляпина, например. Кое-кому, и мне в том числе, старик давал почитать такие редчайшие книги, как «Записки Шаляпина». На определенный срок давал. Хорошо с ним было поговорить о том, о сем.
- Как же, бывал я у Заварзина.
- Знаю — гуляли вы у Заварзина, «Очи черные» исполняли с надрывом, как Федор Иванович: «Вы сгуб-били меня, очи чёрные»
- Дальше.
- А дальше вы поехали в Пермь и переезжали из ресторана в ресторан, пока у вас деньги не кончились. Вы исполняли «Будем пить прощальное вино из эмалированных бокалов» — одну эту строчку.
- Откуда вы это знаете?
- Так я тогда в вашей свите был, Илья Хрисанфыч. Дело прошлое.
- Спартак улыбнулся, прищелкнул подтяжками:
- Ну что, получил?

Ильинская партия стала одной из сильнейших в «Пермнефтегеофизике». За Петром Михалычем пошли люди — бурильщики, шофера, топографы, взрывники, операторы — они за ним готовы были идти куда угодно. Даже повариха за ним пошла. Шнарс ей двадцатку доплачивал за травяные сборы. Чаёк она заводила успокоительный — когда лагерем стояли, а семейным мужикам, которые уезжали на длинный выходной, напротив, заваривала травку, в просторечии называемую *хероставкой*. Шнарс неизменно отстающую партию выводил в передовые.

- Как у вас это получается, Петр Михайлович?
- Каков поп, таков и приход!
- Скажем, у меня проблема — материал надо привезти, десять тонн. Взрывницам я доверяю, они все-таки мало пьют. Женщина — это великая сила. В речной партии была одна баба — повариха, так они ей всю сирень перетаскали. Итак, вызываю Рудневу.

— Звали, Петр Михайлович?
— А, Зинаида... Сейчас я объясню тебе, как оформить договор-
ный аванс на получение материала.
— Да не поеду я никуда. У меня ребенок.
— Лена у тебя большая, бабушка справится.
— Я за тротилом ни разу не ездила.
— Поедешь и привезешь.
— Туда надо мужчине ехать.
— Нет, поедешь именно ты. Поедешь поездом, возьмешь билет
в самый мягкий вагон. Будешь качаться в самом мягком...
— Но, Петр Михайлович...
— В самом мягком вагоне. Пойми, Зиночка, одно, когда приходит
какой-нибудь щетинистый хорек, небритый еж и просит десять
тонн материала, и совсем другое, когда появляется привлекатель-
ная женщина, вот такая, например, как ты, в таком вот симпатич-
ном беретике. Ну всё, договорились, Зинуля. Бери бланки договор-
ного аванса.

Зина вздохнула и взяла бланки. Руки у нее были желтые от тро-
тила.

— Я говорю ей — почему у тебя руки желтые? Почему у тебя
волосы рыжие? Я заметил: у нее волосы, как тонкая медная про-
волока, знаешь, что на катушки наматывают. И я вдруг поцеловал
ее желтые от тротила пальцы. Сам не знаю почему. А она беретик
поправила и говорит: да вы не волнуйтесь, Петр Михайлович, я
всегда аккуратно работаю.

— Вот какие у нас люди! Тащи воз, еле-еле тянет, еще сверху на-
валишь — крикнет и дальше поволокла.

Петр Михалыч разбирался в людях не хуже Карнеги. Он бил на
чувство собственного достоинства.

— Абрикосова перевели в Москву, в «Зарубежнефть». Он Черем-
ных устроил контракт в Ирак. Мне рассказывали, как Женька там
работает. С утра до ночи, на полу сейсмоменты, сам на коленках
бегает. Сильно его уважали в Багдаде. И вот однажды он присыла-
ет мне телеграмму: «Зайди в Москве к Абрикосову». Я кинулся на
чугунку, приезжаю в столицу. Сидит Абрикосов, весь заваленный
бумагами.

— Где я мог вас видеть?

— Илья Хрисанфыч, помните село Ильинское, организацию но-
вой сейсморпации и банкет в честь этого события. Вы еще анекдот

рассказали — чем Париж отличается от девственницы. Вы сказали, что Париж — всегда Париж. Я — Шнарс.

— А, так вы друг Евгения Михайловича. Вы же тогда ничего не пили, и я вас вспомнил. Он рекомендовал вас для работы в Ираке. Сам он работает очень хорошо. Я приехал туда, спрашиваю — где Черемных? Мне показывают — длинный коридор, на полу сейсмограммы. Скажу вам прямо, обстановка в Ираке очень сложная. Сейсмостанция идет на профиль в сопровождении двух бронетранспортеров. Дело в том, что курдские племена очень беспокойны. В горных районах положение усугубилось в сторону ухудшения. А нам нужно срочно организовать две новые сейсмопартии в горной местности, неподалеку от мест их проживания. Я знаю, что у вас (глянул в бумаги), Пётр Михайлович, богатый опыт по организации сейсмопартий. Мы нуждаемся в боевых, вроде вас, ребятах, которые могут и с курдами подраться, и геологию Ирака поизучать.

Однако же анкета меня подвела. В итоге я вместо Багдада очутился в Чернушке. Как-то с Тamarой пошли в гости. Я только пригубил шампанского — и меня потянуло. Пришлось снова бежать на Банную гору.

Глава 16. Выхожу один я на дорогу

1

Американцы работали над двухместным кораблем «Джемини». Король из «Востока» делал «Восход» — втиснуть туда двух-трех космонавтов. Феоктистов всюду трудился над «Союзом».

Тем временем сообщили (бумага под грифом): старт американского космонавта с выходом в открытый космос назначен на 28 апреля 1965 года. Нельзя допустить, чтобы они перегнали нас! Ведь «Эрли Бёрд» — «раннюю пташку» — американцы уже запустили раньше нашей «Молнии-1» — спутника связи для ретрансляции телевизионных передач.

Так что Королеву не до Луны, хотя очень удобное окно открылось для лунника. И здесь поджимают американцы: три «странника» — Ranger -7, -8 и -9 детально отсняли Море Спокойствия и горы в центре видимого полушария. Видны метровые кратеры. Король предельно устал, но это — Пера маа. Готовится команда на «Восхо-

де-2» для выхода в открытый космос. Работать на опережение! Сделали новый скафандр, шлюзовую камеру спрятали под обтекатель. Гай Северин придумал сделать шлюз мягким, надувным, и Королев оценил идею — просто и потому надежно.

— И какой же диаметр нужен, чтобы не застрять?

— 654 миллиметра, Сергей Павлович.

Королеву нравились такие чеканные ответы. И Северин ему нравился — умный, спортивный. Шутки его нравились — все, кроме «Скорпиона-4».

В космосе устроили прогон с манекеном. Запустили корабль 22 февраля 1965 года. Всё шло нормально, шлюз вышел, скафандр начал наполняться и вдруг! Корабль исчез. Каманин сказал, что, наверное, его американцы сбили — они как раз противоспутниковую систему отрабатывали на Алеутских островах. Из 45 команд, которые можно передавать на корабль, только четыре незащищены. Корабль могли посадить не только спецслужбы США, но и просто радиолюбители. На самом деле произошло невероятное: два оператора — в Уссурийске и на Камчатке — одновременно выдали команды и тем самым включили подрывное устройство. Случайно! Времени для запуска нового корабля с манекеном уже не было. В итоге отстрел шлюза и спуск корабля не проверены в полете. Так что выход в открытый космос сопряжен с большим риском. Но запасного корабля нет.

Основная команда: командир Евгений Хрунов, второй пилот Алексей Леонов. Ему выходить из корабля. На Ту-104 при имитации невесомости Леонову удалось выйти из шлюза за первые три горки, а за три последние открыть и закрыть люк шлюза вручную. Он не вызывал сомнений — общительный, умный, веселый, смелый. У него 117 парашютных прыжков. Однако молодого Хрунова, который рвался в полет, Гагарин, уже заместитель Каманина, заменил на Павла Беляева, опытного летчика, но по возрасту и здоровью стоящего на грани отчисления — ему шел сороковой год. Гагарин рассудил: азартному Леонову нужен опытный командир. Беляева считали вялым, замкнутым, как-то сорвал задание в барокамере.

Леонов возражал:

— Беляев в барокамере начал задыхаться — кислород не поступает. Но он проявил блестящую выдержку, нашел неисправность и устранил ее. Виноваты были заводские, но Павел всё взял на себя.

Потом у Хрунова был, как он пишет, «честнейший разговор» с Каманиным:

— Этот полет — чистейших кровей авантюра, но я все равно полечу, если вы меня назначите.

Гагарин — Хрунову:

— Сейчас ты не полетишь, что бы ты ни делал. Ты успеешь слетать, а Беляев могут списать каждый день.

Перед стартом Королев сказал Леонову: «Там никто никогда не бывал, орёлик. Никаких инструкций нет».

Лицо Алексея Леонова топографично, оно похоже на дешифрованный космический снимок. Морщины — изогипсы рельефа местности. А глаза — мальчишеские, голубые, как озеро, в котором отражено облако. Голубой мундир, голубая рубашка. Он из породы мушкетеров, как и Гагарин.

Перед своим полетом Беляев и Леонов видели пуски на Луну, «Молнию-1». Старт «семерки», в отличие от пуска боевых ракет, — грандиозное зрелище, особенно на границе дня и ночи. Море света, ракета нехотя поднимается. И неудачи — одна за другой. Следующий старт — они, Беляев и Леонов.

Ни один космонавт не погиб при Королеве.

Королев торопился — он знал, что в марте американцы пустят двухместную капсулу «Джемини». Они пишут, что выход в открытый космос планируется только летом — на втором корабле, но вдруг... Вдруг обгонят?

Ракета заправлена. Корабль на стапелях. Рядом на лебедке, зафиксированной защелкой, висит шлюз — проверка на герметичность. Солдат охраны от нечего делать шлепает пальцем по защелке. Собачка выскакивает, и шлюз падает на бетон с шестиметровой высоты. Есть запасной шлюз, его проверили — текут две надувные балки. Сборка должна быть заводская, но времени нет. Гай Северин вызвал самых лучших своих спецов — ребята, выручайте: до шести утра шлюз должен быть в порядке. Под утро Северину звонят:

— Нужно, чтобы вы приехали.

Оказывается, пожаловал сам Шелепин — шеф КГБ, требует объяснений. Видать, кто-то настучал.

Северин:

— Мы не диверсанты. А ваше присутствие нервирует людей.

Шелепин уехал. К пяти часам заменили дефектные балки.

Гагарин:

— Не волнуйтесь, делайте всё спокойно.

Но сам он заметно волновался.

Леонов:

— Чего мне волноваться, лежи и думай, как жить дальше.

У него хороший юмор. Как-то во время приезда в Пермь утром после банкета фотограф газеты «Звезда» попросил мрачного почетного гражданина Леонова «сделать улыбку для трудящихся». Тот сказал:

— Да кто же это с утра улыбается-то?

Перед стартом Королев сказал Леонову:

— Я тебя только об одном прошу: ты выйди из корабля и войди в корабль, вспомни все русские выражения, которые так помогают русскому человеку в трудную минуту. Там никто никогда не бывал, орёлик.

«Орёлики», «соколики».

2

Уже на первом витке над Камчаткой Леонов открыл шлюз. Люк открыт — в космос.

— Леша, не торопись. Делай, как учили...

Леонов встал на обрез шлюза, как на подножку трамвая, и дух захватило. Он чувствовал, как дрожь корабля передается его телу. Он шагнул в бездну. 18 марта 1965 года, в 11 часов 20 минут по московскому времени на втором витке полета космического корабля «Восход-2» впервые в истории человек вышел в космическое пространство и находился в свободном плавании!

Оторвался от кромки шлюза, почувствовал ответное движение. Его сразу закрутило, и корабль исчез. Фал свернулся в бухту, его зажало. В космическом вакууме ткань деформировалась, скафандр раздуло — позже Гай Северин делал скафандры уже с жесткой кирасой. Руки вышли из перчаток, ноги из сапог. Он на пять метров отходил от корабля. Всего Леонов был за бортом 12 минут 9 секунд — пролетел от Черного моря до Байкала.

Небо черное. Земля голубая. Звезды яркие, немерцающие. С Земли видны звезды четвертой величины, а из космоса — и шестая различима. Леонов мог бы сказать о себе словами Экзюпери в «Ночном полете»: «Он летел, и казалось, что все звезды принадлежат ему». Но он вот чему удивился по-детски: «А Земля-то круглая!» И еще — пушкинскими словами: «Кавказ! Кавказ вижу под собой!»

«Как здесь светло, как хорошо!» Это уже Хемингуэй. Художник Леонов в белом своем скафандре один на один с космосом. Он видел Землю со стороны, под ним Черное море, и вода обесцвечена солнцем, впаянным в черное бархатное небо с твердыми золотыми звездами. Любимый им Ван Гог мог бы оценить это зрелище! Леонов всю жизнь рисует космические пейзажи — точные по цвету, рисунку звездного неба, чувствует оттенки цветов — зеленый цвет из любимых. У Рериха ценит переход из ночи в день, у Рокуэлла Кента — сумерки.

Королев знал о пристрастии Леонова к живописи. После полета Королев ворчал — ему всегда не хватало важных деталей в рассказе об космосе:

— Если бы у меня был Лермонтов — я бы его отправил туда.

Значит, знал, что тот видел Землю с верхней точки: «Спит земля в сиянье голубом».

Перед возвращением Леонов свернул фал, бухту закрепил на поясе. У него очень сильные кисти. Он снял кинокамеру с внешней стороны шлюза, втолкнул ее в открытый люк. Она выплывала наружу — Леонов еле сдержал ее. Скафандр раздуло, и Леонов не смог войти в шлюзовую камеру, как учили, — ногами вперед, чтобы можно было закрыть за собой крышку. Решил перейти на второй режим — сбросил давление наполовину. Была опасность: может закипеть азот в крови. Земле не доложил, потому что вариантов не было и времени не было. «Там никто никогда не бывал, орёлик».

— Леша, как ты себя чувствуешь? Спокойно, Леша... Подходи к шлюзу... Молодец... Главное — спокойствие...

Андрян Николаев так говаривал: главное — спокойствие...

— Леша, отдохни. Ничего не говори.

Леонов схватился за леера, и — так не учили — пошел вперед головой. Он сумел в шлюзе уже развернуться!

В критической ситуации летчик обязан принять решение. В уставе не написано — правильное или неправильное. Растерянность, отсутствие решения — хуже всего.

И до сих пор никто понять не может, как же он развернулся. Но крышку люка надо закрыть! Тепловой удар, пот заливал глаза, пульс 190, температура 38°. Сорвал гермошлем. Прохрипел:

— Привет, командир!

Гагарину:

— Привет всем, отдельно — «ландышам».

Ландыши — это отряд космонавтов.

Может быть, самое главное, что сделал Алексей Леонов в жизни, это то, что он сумел развернуться в шлюзовой камере. Так Том Сойер, мальчишка из городка Сент-Питерсберга на реке Миссисипи, заблудившись в пещере, спасал себя и девочку по имени Бекки Тэтчер; скрутив страх, пролезал во все ходы до тех пор, пока не увидел кусочек неба. И другой мальчишка из Шотландии — Дик Мэрчисон — так же отчаянно выдирался и выбрался все-таки из дренажного колодца на окраине маленького английского города Дарема.

Говорили, что у Беляева была инструкция на случай нештатной ситуации — отстрелить фал. Леонов: «Да он бы сам застрелился». Каждый год 18 марта генерал Леонов приходит к нему на Новодевичье кладбище.

Павел был из невезучих. После прыжка с парашютом — два открытых перелома. Срасталось плохо, пришлось работать со штангой. В следующий раз Гагарин прыгал с ним: «Теперь я буду вашим инструктором». На этот раз их унесло на дровяные склады — Гагарин попал на крышу, а Павел исхитрился угодить между рядами бревен, а сверху еще и парашютом накрыло.

Пошли к Земле. В кабине начало расти давление кислорода. Убрали влажность, температуру — кислород растет. Любая искра — и пожар, взрыв. Так сгорел на Земле в сурдобарокамере Валентин Бондаренко. Разобрались: Леонов шлангом от скафандра случайно задел за тумблер наддува. Кислород удалось сбросить. Привязались к креслам, дали команду на отстрел шлюза. Корабль закрутило. Шестнадцатый виток. Земля включила автоматическую посадку. При возвращении надо, чтобы корабль не пролетел мимо и не зарылся на скорости в плотные слои атмосферы. Надо «печь блинчики» — чиркнуть по ее кровле, чтобы снизить скорость перед включением тормозных двигателей.

Беляев:

— Я — «Алмаз-1». ТДУ в автомате не сработала.

Очень спокойно сказал. «Восход-2» не мог сойти с орбиты.

Баллистики быстро подсчитали, что «Восход-2» можно посадить на следующем — 18-м — витке, а если не получится — на 22-м и 23-м. Решено было садиться вручную на 18-м витке. В этом случае точка посадки сильно сдвигалась на север.

Пока разбирались с ориентацией, на 46 секунд опоздали с включением тормозного двигателя — их протащили до Урала. Беляев спокойно, как учили, с помощью «Взора» начал ручную ориентацию. Чтобы сесть, надо видеть Землю. А Беляев, сидя в кресле, не видел ее.

Леонов вылез из кресла:

— Я держал Пашу в районе живота, он ориентировал корабль.

Беляев лег поперек кресла, а Леонов придерживал его, чтобы не всплывал и не закрывал «Взор». Потом нужно было быстро вернуться в кресла, чтобы не было смещения центра масс корабля. Вот на это и ушло 46 секунд. Неприятности «Восхода-2» не кончились. Не отстрелился в положенное время приборный отсек. Стальные ленты, соединяющие спускаемый аппарат с приборным отсеком, все равно должны были сгореть при входе в плотные слои атмосферы, но до того, как это произошло, корабль срывался в нерасчетный режим баллистического спуска. Было то, что Алексей Леонов назвал «минутой слабости». Впечатление — будто едешь на телеге по колдобинам. Корабль крутило, только мелькали зайчики от трех иллюминаторов.

Перегрузка в десять единиц упала, когда начала работать ТДУ. Рывок, хлопок — сработали парашюты. Пылинки медленно осаждались. Беляев отлично посадил корабль вручную.

Только потом уже осознали, что если бы ошиблись, могли бы остаться на орбите, а потом повторить судьбу Холлиса из «Калейдоскопа», старого рассказа Рэя Брэдбери.

У Брэдбери астронавтов выбросило к космос, разметало в черном океане. Холлис, вращаясь, падал на Землю, как падают первые снежинки, как падает камень в колодец.

«— Когда я войду в атмосферу, — подумал Холлис, — то сгорю, как метеор.

— Хотел бы я знать, — сказал он, — кто-нибудь увидит меня?

Мальчуган на проселочной дороге поднял голову и воскликнул:

— Смотри, мама, смотри! Звездочка падает!

Яркая белая звездочка летела в сумеречном небе Иллинойса.

— Загадай желание, — сказала его мать. — Скорее загадай желание».

Звездочка оторвалась с небесов и пошла книзу. Много звезд — много ягод.

Позже космонавт Рукавишников попал в такое положение:

— Корабль не мог сесть на Землю. У нас на «Союзе-33» отказал основной маршевый двигатель. Отказ — внезапно. Хоп — и отказал. Ситуация, как в романе. В ЦУПе все лампы дымились. К опасности мы привыкли. Потом нас захватила атмосфера, и я увидел светящуюся плазму. ЦУП кое-что придумал. Далее все было штатно.

19 марта, 12 часов 6 минут московского времени.

«Восход-2» врезался в тайгу, и оранжевые парашюты зависли на соснах.

Василий Песков расспрашивал пермского журналиста Володю Михайлюка, позже побывавшего в центре событий, и тот подарил знаменитому коллеге такое наблюдение: когда корабль врезался в тайгу, ветви деревьев легли кольцом вокруг него. Еще — первым добрался к космонавтам лесоруб и охотник Иван Илларионович Федосеев из деревни Васькиной. Он шел на запах сосновой смолы, которая брызнула, когда корабль врезался в развилку деревьев. Федосеев топором расчистил мешавшие ветви, и космонавты в своих оранжевых комбинезонах выбрались из корабля. Потом лесоруб развел костер, вскипятил чай, подарил космонавтам топор, отправился в деревню, уточнил номер лесного квартала и сообщил по радиации в Соликамский лесхоз.

Официальная версия: космонавты долго раскачивали корабль, чтобы открыть люк. Вышли на обрез люка, прыгнули и провалились в полутораметровый снег. Люк спустили вниз.

Сначала они думали, что сели рядом с Красноярском. Беляев сказал: «Лешка, навигатор, куда завел?» Не сказал — «в трех соснах заблудились». По секстанту замерили координаты: 59° 34' 03" северной широты, 55° 28' 00" восточной долготы. Пермская область, Усольский район. Это правобережье Камы, к западу от Усожья. Ближайшие деревни Сороковая, Щучино, Кургановка. Названия-то какие — Курган, Холм. «О Русь, ты уже за холмом!» «За далью даль, за далью даль...» Включили «Комар» — радиомаяк для вертолетов поисковой группы. Обратной связи не было.

Первые шаги на планете Земля после К-пространства сделаны именно в пермской тайге, в пермской глуши. Это была такая глушь, такие дебри, такая дальняя земля! Тогда космонавты не знали, конечно, что 120 лет назад недалеко от места их приземления прошел самый северный маршрут команды Мэрчисона. Беляев разжег костер. Разогрели тубик с кофе, но он — фррр! — стартовал в хмурое уральское небо.

Тишина. Леонов работал ключом Морзе. Связи нет.

Москва. Центр управления полетом. Связь с кораблем потеряна. Проходит пять, шесть, семь часов. Что с экипажем? Королев заплакал, когда сообщили, что ребята живы. Полет «Алмазов» был настолько драматичен, что с тех пор позывные с названиями камней космонавты стараются не брать.

Пока Ми-четвертые поисковой группы добирались из Южно-уральска до Березников, геологи из нефтеразведки №4, что в Березовке Усольского района, не теряли времени. На пермской земле полно Березовок. Эту Березовку звали Усольской.

Начальник нефтеразведки Саднов Александр Леонтьич рассказывал:

— Сидим, конечно, у себя в диспетчерской. Карты разбросили на столе. У меня телефонистки все знакомые, так что мы быстро поняли, куда они сели. Прикинули координаты. Вдруг звонят с Березников: «У вас откуда генштабовские карты, откуда такие точные данные? Откуда карты?» — «Нам, геологам, нельзя без карт. А координаты передали — не прямоугольные, то есть секретные, а географические, открытые!» Телефон-то наш, видать, прослушивали. Ну и отключили, конечно, в два счета. А инженер наш, Никулин Евгений Александрович, морячок бывший, взял три трактора С-100, бульдозер и отправился пробивать дорогу. Дня через четыре приезжает весь обросший, довольный такой. Потом уже военные налетели. В деревнях — Кургановке, Сороковой — всё съели под метелку. После всех делов самосвалы по деревням повезли муку в мешках. Раздавали по совести — кто сколько муки извел.

А нашла «Алмазов» вертушка Ми-1, тоже геологическая, но из добрянской нефтеразведки, с пилотом Василием Жунёвым. Видимость была плохая, морозный туман. Завели вертолеты — везти вахты на буровые, но погода не улучшалась, и летчики вернулись в гостиницу. Но тут появляется боевая геологиня Рита Башилова: «Чего это вы тут сидите, ничего не знаете? Полетели космонавтов искать!» Завели жуневскую машину — она еще не остыла. В эфире услышали разговор: жители деревни Кургановка часа четыре назад слышали какой-то хлопок. Жунев хорошо знал местность. Передал в эфир: беру курс от Кургановки на восток. В это время подошел вертолет МВД с пилотом Тепляковым. Пошли с ним параллельными курсами, заметили оранжевый парашют. Космонавты сигналили им красным фонариком. Места для посадки вертолетов не было.

19 марта, 19 часов — через семь часов сигнал «Комара» запеленовали Петропавловск-Камчатский, Алма-Ата и Дортмунд. По КВ телеграфом «...ВН, ВН... — Всё нормально». Ан-12 появился, вертолет. Термос сбросили — разбился. Время от времени появлялся над тайгой Ил-14 — волков отпугивал.

— Паша, не волнуйся. Может, приедут... месяца через три... на собаках...

20 часов.

На месте командовал поиском замглавкома ВВС Руденко.

— Вертолет не может сесть? Свалить лес!

— Кто будет валить? Люди нужны.

— Залить водой площадку для вертолета!

— Где воду взять?

— Пусть снег топят.

— В чем?

— В ведрах.

В конце концов подготовили ближнюю и дальнюю вертолетные площадки — в пяти и в полутора километрах от «Восхода». Две автомашины с солдатами полка ПВО прибывают к месту посадки «Восхода-2».

22 часа.

Леонов забрался на корабль, подтянул парашют, нарезал куски перкаля. У них был аварийный запас, в том числе рыболовные крючки, порошок против акул. Леонов догадался на земле прихватить кофе и литр спирта. Вот теплой одежды не было — вес корабля просчитан до килограмма. Температура — минус 5 градусов. Ночью подморозило. Завернувшись в перкаль, они сидели у костра спина к спине. Леонов заметил неподалеку волков.

Леонов:

— В газетах сообщали: мы на даче обкома партии и отдыхаем. Нет, чтобы правду сказать — спасибо мужикам.

20 марта. 0 часов.

Королев не мог понять, что же творится там, на диких северах пермских. Говорят — лес высокий, земли не видно. Есть связь по радио, но группа поиска десант не высадила — лес густой, запрещено инструкцией. Королев посылает на пермскую землю свою группу. Старший — надежный Владимир Беляев, подполковник, начальник космической команды полигона, однофамилец командира «Восхода-2». Вылетели в полночь.

20 марта. 5 часов.

На вертолете прибыли на площадку в пяти километрах от места приземления. Дальше лететь вертолетчики отказались без приказа.

Владимир Беляев:

— Высадите хоть на тросовой лестнице.

— Не могу. Команду может дать Анохин.

- Я от Анохина
- Высажу, если скажете, как его зовут.
- Сергей Николаевич.
- Садитесь.

Легендарный Анохин, потерявший глаз в авиационной аварии, готовил первую группу космонавтов. Его же кумиром был тоже одноголазый Вилли Пост, который при попытке облететь земной шар погиб на Аляске. Анохин твердил: «Я бы не погиб». Сам Громов сказал: «Анохин — летчик-испытатель номер один».

Ми-1 может взять двух пассажиров. Полетели — Беляев, Артемьев, Волков. Да еще загрузили лыжи, топоры, пилы. Летчик высадив поисковиков в березовой роще, в двух километрах от корабля — они спрыгнули с трехметровой высоты. Волков и Артемьев были в унтах, остались готовить площадку для вертолета. Лыжные крепления подошли только к сапогам Беляева. Он шел на запах дыма.

20 марта, 7:30.

Полковник Сибиряков, его заместитель Владимир Ветров и врач Туманов с рюкзаками продуктов, лекарств, теплой одежды высадились из вертолета Ми-4 на дальней площадке, в редколесье, в десяти километрах от точки приземления.

20 марта, 9 часов.

Пермский партийный секретарь Галаншин послал на вертолете Коноплева, тогда председателя облисполкома, искать космонавтов. В одной деревне мальчишка махнул рукой: «В той стороне взрыв был». Через десять минут увидели на елке оранжевый парашют. Связались с Галаншиным: «Космонавтов обнаружили, можем сейчас поднять их в вертолет». Галаншин вышел на Устинова: «Никакой самостоятельности! Их заберут спасатели». Устинов маршалу Руденко передал мнение Леонида Ильича — посадить вертолет, забрать космонавтов — никаких зависаний лестниц.

Сбросили зимнюю одежду, сумку с продуктами, топор. Слетали в лесоучасток, взяли рабочего Василия Наседкина. Его с мотопилой «Дружба», притороченной к спине, спустили из кабины вертолета в сетке. Он разрезал ее солдатским ножом, улетел в снег, принял канистру с бензином. Пробился сквозь тайгу, разгреб снег, разжег костер. На скорую руку поставили баньку — котел с вертолета сбросили. Натопили снег, попарились. Вторую ночь уже в баньке заночевали.

20 марта, 10 часов.

Над кораблем, отпугивая волков, барражировал Ил-14, а Павел Беляев крыл его мотом. Когда увидел однофамильца, глазам не по-

верил: «Володя, ты ж нас на полигоне провожал! Здесь-то как оказался?» Леонов был у костра, протопившего снег до земли.

Владимир Беляев по радиации связался с Королевым: «Прибыл, всё в порядке». Вертолет сбросил спальные мешки, палатки, макароны, сухари, сорокалитровый бачок с чаем. Куртки, шапки, перчатки зависали на деревьях — местные вертушки были без люлек. Термос сбросили — разбился. Одна бутылка коньяка чудом уцелела. Потом спустили на тросе термосы с чаем, еду из пермской летной столовой. Десятилитровый армейский термос с борщом разбился о пень, но кое-что спасли.

20 марта, 11:30.

Группа Сибирикова добралась до места приземления. У доктора Туманова оказались таблетки мясного бульона и спиртное. Ил-14 установил по УКВ связь с космонавтами.

Первым до корабля добрался Ветров — чудом не замерз. Потом четыре месяца провалялся в больнице с воспалением легких.

21 марта, 7:50. Беляев и Леонов с командой по намятой уже лыжне отправилась к ближней площадке на редколесье, в 8:06 подошли к вертолету. В 9:50 они уже на пермском аэродроме. Вылет на АН-10 в Тюратам, намеченный на 11 часов, задержался на час из-за разговора Брежнева с космонавтами.

Владимир Беляев с командой остались рубить площадку для тяжелых машин. Первым человеком и тут был Вася Наседкин. Работали весь остаток светового дня, спали у костра.

На следующий день местные жители могли видеть такое зрелище — Ми-6 на сорокаметровом тросе проносил над тайгой двухтонный шар спускаемого аппарата. Может быть, этот диковинный шар видели и топографы, которые в броднях всё шли и шли с шестами по тонкому льду, выгоняя на него черную воду, намораживая дорогу.

На полигоне Байконур группа эвакуации два дня ждала «добро» на вылет. По команде вылетели на Ан-12, а прибыв в Пермь, обнаружили, что забыли на аэродроме мешки с обмундированием для космонавтов. Поэтому те и прибыли на полигон в чужих ушанках, да еще три километра стояли на ковровой дорожке в открытом газике в сопровождении полупьяных спасателей. Охрипли окончательно.

Королев:

— Почему одеты не по форме? Кто додумался поставить их по стойке?

— Корреспонденты очень просили.

— Кто здесь командует — армия или корреспонденты?

Королев посчитал действия поисковиков ВВС провальными — как можно не вытащить ребят за двое суток? Он выразил свое неудовольствие главному ВВС Вершинину, его заму Руденко, Каманину заодно:

— Мы людей спасаем из космоса, а вы можете угробить их на земле с такими порядками.

Прилетели в Москву на Ил-18 с эскортом из семи истребителей.

Каманин был за честный доклад об экспедиции, со всеми приключениями, но Келдыш стоял на своем: корабль приземлился в расчетном пункте, а экипаж двое суток отдыхал в районе приземления.

Космонавты суеверны. Позывной «Алмаз» перевернуть — почти получится слово «Земля». Не вернулись на Землю Комаров — «Рубин», «Янтари» не вернулись — Добровольский, Волков, Пацаев. Долго не брали каменные позывные. Потом Юрий Маленченко наперекор судьбе взял «Агат» — камень, полосатый как жизнь.

«В открытом космосе можно жить и можно работать», — это текст доклада Алексея Леонова правительственной комиссии.

Через 77 дней при полете «Джемини-4» вышел в открытый космос американец Эдвард Уайт. Через два года он сгорит на Земле вместе с Гриссомом и Чаффи.

Казанский тракт — дорогу от аэропорта в город Пермь — называли шоссе Космонавтов. На него выходит улица Леонова, пересекающаяся с улицей Беляева и улицей Геологов. Недалеко от места приземления космонавтов березовские нефтеразведчики пробурили структурно-поисковую скважину — номер 5455 Чежской площади — неглубокую, восемьсот метров.

Знаменосец 36-го пехотного полка Дик Мэрчисон 125 назад был недалеко от места, где будет заложен репер на устье скважины номер 5455. Память о его экспедиции осталась пермской земле.

*Есть скважина — пикет буровиков
На месте приземленья космонавтов,
Как спутник в землю вдоль оси веков,
И гениально неизвестен автор.
Над скважиною репер.
Камень груб.
Поверхность осязаемо зерниста,*

*Как чистый звук с похолодевших губ
Играющего обций сбор горниста...*

В рассказе Виктора Астафьева «Ночь космонавта» человек взлетел над Землей и опустился на Землю, и никаких границ не было ни в небе, ни на Земле и увидел небо из уральской тайги, как пашню, засеянную звездами. Таким увидел небо Гагарин. Таким увидел небо Циолковский. Спасательный вертолет шел на свет свечи, за теплой на поляне.

3

Когда Леонов головой вперед пошел в шлюзовую камеру, внизу, на голубой Земле, по тонкому льду брели топографы в броднях с шестами, шли, выгоняя на него черную воду, намораживая дорогу для техники, чтобы пробить профиль через незамерзающее болото, проложить путь там, где нет путей. Это были потомки тех, кто сотни лет растил хлеб на этой трудной пермской земле, кто добывал уголь, соль, медь.

Добрался я на попутках и пёхом из Гайн до нефтеразведки №4, что в Березовке — Усольской, а оттуда уже через Майкор — в Пермь.

А в Перми — весна света, фестиваль «Пермская музыкальная весна», концерт пианиста Льва Оборина. В программе — Рахманинов, Шопен. В середине первого отделения вышел ведущий: «Товарищи, только что передали важное сообщение: в районе города Перми приземлились космонавты — Беляев и Леонов!»

Оборин поднял голову: «Скрябин, «Прометей». Первая ступень! Вторая ступень! Звук прорывал тропосферу — выводил корабль в верхний регистр.

Глава 17. Три дороги

1

18 марта 1965 года житель Земли впервые покинул свою планету, шагнул за порог своего воздушного дома и проник в открытый космос. Первые шаги на Земле сделаны в пермской тайге. Это дорога от звезд к Земле.

Конечно, Беляев и Леонов знали, что царевич Феодор в пушкинском «Борисе Годунове» показывал отцу «чертеж земли московской». Тогда эта карта была как космический снимок сегодня. «Вот видишь: тут Москва, тут Новгород, тут Астрахань. Вот море, вот пермские дремучие леса». Для Пушкина Пермь — дремучие леса.

И вправду — едешь по дороге и встречаешь деревни: Березовка, Елово, Соснова, Дуброва, Пальники, Опалиха, Кордон. И дальше — Концебур, Буреполом, Полом.

Но космонавты, конечно, не могли знать о том, что к западу от места их приземления топографы в броднях, с шестами, *топачи*, как они сами себя называют, прокладывали свою дорогу по тонкому льду незамерзающего болота. Задача отряда Ивана Афанасьевича на Диком болоте проста: любым способом сделать дорогу для тяжелой техники — станка для бурения взрывных скважин, сейсмостанции, взрывпункта, смотки; любым способом посадить пикеты на топокарту. У геофизика Родионовского Владимира Ивановича, удивительно похожего на киноартиста Николая Черкасова, была задача отыскать под землей объекты для глубокого разведочного бурения — структуры, нефтегазовые ловушки. Они могли быть продуктивными, они могли быть пустыми, но их надо было найти.

После взрыва Владимир Иванович при красном свете доставал сейсмограмму из кюветы с проявителем, и руки его дрожали — никто до сих пор не знал, как устроена Земля под Диким болотом, дальняя, неведомая земля Пера маа, земной космос. Так же дрожали руки Королева, когда он разглядывал на горе Кошка первый, сырой еще снимок обратной стороны Луны.

А на левом берегу Камы, как раз против Усолья, — тропа Мэрчисона — крайняя северная точка, куда он со своим отрядом добрался за век с четвертью до приземления космонавтов. Они сделали одно из величайших открытий в истории человечества. Короткое слово «Пермь» можно найти в словарях и энциклопедиях всех континентов, оно вошло в условные знаки — легенду всех геологических карт. «Густая зелень скрадывает боковые виды, путешественнику представляются только под ногами его коня тундристые и болотные прозябания — нет ни прогалин, ни просеков; в мрачных и грозных лесах лошадь переступает боязливо между полусгнившими пнями, древними стволами, погружаясь нередко по стремена в вязкую тину», — такой была стезя Мэрчисона.

Все три дороги — отряда Мэрчисона, Леонова с Беляевым и безымянных пермских топачей — сошлись в верховьях Камы, в одном месте — около пермского Усолья, в том месте, которое можно назвать *усольским узелком*.

Письмо Чехова Немировичу-Данченко: «Пишу тебе черт знает откуда, из северной части Пермской губернии. Если проведешь пальцем по Каме, вверх от Перми, то уткнешься в Усолье, так вот, я именно около этого Усолья». Борис Пастернак увидел Усолье как «заречное зрелище руки Грозного и Строгановых». Здесь побывал и Робинзон Крузо. Его путешествие описано во втором томе книги Даниеля Дефо.

Чуть ли не в тот же самый день, когда Мэрчисон добрался до Усолья, Лермонтов в сафьяновой записной книжке записал стихотворение:

*Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.
В небесах торжественно и чудно!
Спит Земля в сиянье голубом...*

Лермонтов будто с высокой орбиты, с верхней точки увидел голубую планету и себя пожалел:

*Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? Жалею ли о чем?*

Жить ему оставалось две недели.

Алексей Решетов Землю пожалел, одинокую беззащитную планету, третью по счету от звезды класса G-2, ковыляющей по краешку галактики в направлении созвездия Геркулеса:

*От вечной заботы, от вечной тоски
Ее полюса, как седые виски.*

5 апреля 2011 года, перед 50-летием полета Гагарина, к Международной космической станции отправилась команда — Александр Самокутяев, Андрей Борисенко (Россия), Рональд Гаран (США). Ракета «Союз-ФГ» с пилотируемым кораблем «Союз ТМА-21». Позывные — «Тарханы». Задача: эксперимент «Ураган» — прогноз стихийных бедствий. Рональд читал перед стартом Лермонтова — «Белеет парус одинокий».

Фразу главного геолога Шершнева на оперативке в тресте «Зима в этом году неактивная, не балует нас морозами» многие поняли так, что ряд профилей в этот сезон нельзя будет проложить. Поэтому на схемах корреляции опорных отражений, которые Володя Родионовский развесил по всем стенам, разрывы на месте незамерзшего болота, помеченные красным фломастером, бросались в глаза каждому, кто входил в камералку. Поэтому военный отставник Иван Афанасьевич и вся команда топографов шли с шестами по тонкому льду, броднями своими выжимая на лед черную воду незамерзающего Дикого болота, подпирающего верховья Камы. Это болото они между собой называли «озеро Балатон».

Задача — наморозить дорогу для сейсморазведчиков, сначала для легкой, потом и для тяжелой техники, привязать пикеты на Диком болоте к звездам. Многие из топачей пришли в гражданку после хрущевского сокращения армии. Кое-кто и войну зацепил — Шпрее, Кенигсберг, Зеёловские высоты прошли, озеро Балатон — что им это болото? *Земленавтами* звали они себя.

Как-то Иван Афанасьевич ударился в воспоминания:

— Помню, железнодорожная станция немецкая — разноцветная, игрушечная. Тамошние поезда пассажирские тоже как игрушечные — спальных мест нет. Крики крановщиков, сцепщики идут вдоль вагонов. Узкоколейки — это у нас — лес вывозить; если узкая колея — считай, дорог нет. А там — обычное дело. Жарища! Я в военном патруле был. Гляжу — товарный вагон, надпись — H_2O_2 — перекись водорода. Люк открыт. Плюс жара. Я на гражданке чем только не увлекался, химией в том числе. Фраза из школьного учебника: «перекись водорода есть прозрачная бесцветная жидкость, которая разлагается и взрывается в случае появления пыли, ржавчины, действующих как катализатор». Может рвануть! Рванет! Мы к диспетчеру! Рванет! А он смеется, тушенку разогревает с рожками. Я «вальтер» выхватил: «В тупик, мать твою, в тупик немедленно!» Люди бегут, чемоданы тащат. В тупике-то и рвануло. Потом мы разобрались — на концентрированной перекиси водорода работал турбонасосный агрегат ракет «Фау-2». Вот так-то, орлы. Учите химию.

Родионовский рассматривал сейсмограммы. Изгибы слоев отчетливо проступали вплоть до кристаллического фундамента — основания платформы. Он ждал Ивана Афанасьевича с его командой.

*Мустафа дорога строил,
А Жиган по ней ходил.
Мустафа дорога ехал,
А Жиган его убил.*

Топографы входили в камералку, сбрасывали робы — они, замороженные, колом стоят в углу. На столе стопки с водкой, куски хлеба с пластинками сала, миски с картошкой и груздями.

— Оно будто дышит.

«Оно» — так звали они болото, подпирющее верховья Камы.

— Выхожу один я на дорогу...

— Да не один. Всё люди делают. На ГТТ, болотоходе только в атаку ходить. А мы промяли этот балатон, наморозили. Дорога плохой, ишак худой, тропка узкий. Мне-то что? Я прошел от Эльбы до мыса Уэллен.

— За вашу дорогу, Афанасьич, долину гнева.

— Зима дороги строит.

— О, русские штыки!

— Что это?

— Это тоже Лермонтов. Чужие изорвать мундиры. О, русские штыки!

— Вот как.

Так что же хотел узнать Владимир Иванович Родионовский, постигая смутный язык упругих волн, разглядывая схемы корреляции отражений, сверху вниз — пермских, карбоновых, девонских? Он пытался угледеть в мутной сейсмической записи признаки барьерных рифов и атолловых островов, которые по не совсем понятным причинам возникли в конце девона и начале карбона и уходили в Уральский океан, позже превратившийся в Уральские горы. Эти барьеры и атоллы с теплыми лагунами, с подводными садами на склонах и несут над собой залежи нефти и газа. Надо схватить за хвост Жар-птицу и не выпускать удачу. Но к северу мощность Барьера уменьшается, структуры над ним становятся квелыми. И еще — идет подъем к Тиману, и породы выходят из зоны созревания нефти, из «нефтяного окна». Правда, на севере — Предтиманский прогиб, а что там — неведомо.

— Скажи трактористам, Владимир Иваныч, пусть воду греют. Дорога есть, — сказал Иван Афанасьич, грея руки о кружку с чаем, хорошим чаем, индийским, со слоном.

— Лимон свежий,
Сахар белый
Сам колот я для тебя.
Пей внакладку,
Будет сладко.
Кушай, милая моя!

Родионовский расстелил карту, смотрел работу на завтра.

Как обычно, толковали перед сном — обо всем.

— В последнее время мне черная мормышка нравится. Сорога на голый крючок хапает. Килограммовый хариус ходит кругами, леска дрожит на пределе. Зимняя рыбалка — интересная штука! Зимой Борис Красильников приехал как-то на Кривое озеро. Мужики — мелочь, окуньков каких-то поднимают. Он встал на старичной яме, давно ее приметил. И сразу вывалил окунька грамм на триста. Вывалил еще одного. Судак шел вверх, не шелохнувшись, как бревно. Потом еще одного. Мужики охренели: «Обуривай!» Всего обурили, а он еще одного грамм на шестьсот поднял и потихоньку ушел — рюкзак шевелился. И снова у него клюет, а у мужиков мелочь. Надо искать! В рыбалке надо всё время искать...

— О, эти старичные ямы на Кривом. Придешь на старицу, когда цветет черемуха, хариус берет страшно. Я приехал: вода — брага, надо, чтобы вода просветлела. У хариуса в марте самая крупная икра. У тайменя икра еще больше, но у нас его нет.

— Несколько лет говорим о спецовке — привозят неразмерженую, 56-й размер пачками. У нас богатырей не очень много. Давид Лукьяныч с Ныроба привез. Вот мы наших мальчиков в 56-й размер одели. С другой стороны, получили спальные мешки — это не спальные мешки, а конверты с завязочками. Туда хорошего новорожденного не завернешь.

— Весной из болот надо быстро уходить. Немножко прошлепалась — хана!

— Я всю географию разведаль. Знаю все рыжичные места, даже волнушечные места. Всю рыбу здешнюю изучил. Рыба пока есть, наверное, верховья Камы — последняя чистая вода. Сорочка — ароматная рыбка. А елец еще вкуснее. Знаешь такую рыбу — елец? Елец поверху идет. Его хорошо ловить из тени на травяную кобылку.

— А на Висиме как хариус идет! Он шустрый, его надо вдвоем ловить. Раз сию на своем месте. Не идет! Что за дрянь? А это щука ходила...

— Да я для своих орлов! Джинсы «Майкл Джексон» — Западный Берлин стирать надо с щеткой, а то быстро протрутся. «Ли Супер Рафли» — сносу нет.

— Когда цветет черемуха, сорога берет по-страшному. Язь хорошо берет на пареный горох...

— Мормышка — свинцовая дробина, планирующая, со срезанным верхом — «желтый глазок». Гаечка, в нее дробину. Хапает здорово.

Афанасьич, крикая, стягивал обувку.

— Сапоги у нас хорошие, мы в них, как десантники. То что надо — голенище кирзовое, с пряжками, а низ резиновый.

Он сидел на скамейке, вытянув босые ноги в ватных брюках, шевеля шишковатыми пальцами.

— Ноги гудят.

— Надень шерстяные носки!

— В тепле-то лучше разумшись.

И не странным показалось, что он ответил словами толстовского штабс-капитана Тушина.

Есть в романе Толстого «Война и мир» маленький худой артиллерист с трубочкой, закушенной набок, — Тушин. Мы даже не знаем его имени — просто «штабс-капитан Тушин». Вот он стоит в одних чулках (сапоги отдал сушить) перед штабным офицером, «улыбаясь не совсем естественно». Офицер недоволен. Почему без сапог? «Солдаты говорят, разумшись ловчее».

Никаких высоких слов Тушин не произносит, только однажды размышлял о том, что охота «будущую жизнь постигнуть» — подобно Вершинину в чеховских «Трех сестрах». И не договорил: «Земля как будто ахнула от страшного удара». Маленький человек со слабыми неловкими движениями со своей батареей из четырех пушек оказался в центре сражения, и сам принял решение — зажечь Шенграбен. Из-под маленькой ручки он смотрел на французов. Батальон прикрытия его батареи сняли, и его ребята били картечью по наступавшему противнику. Для него пушки были как живые люди: «Ну, Матвевна, матушка, не выдавай!»

Дальше — обычное дело: «Про батарею Тушина было забыто».

После сражения, где две трети его людей были перебиты, маленького штабс-капитана вызвали к Багратиону.

— Каким образом орудие оставлено?

— Не знаю, ваше сиятельство. Людей не было, ваше сиятельство.

— Вы бы могли из прикрытия взять!

Тушин не сказал, что батальон прикрытия был снят кем-то.

И князь Андрей прервал молчание:

— И ежели, ваше сиятельство, позволите мне высказать свое мнение, то успехом дня мы обязаны более всего действию этой батареи и героической стойкости капитана Тушина с его ротой...

Только и сказал Тушин:

— Вот спасибо, выручил, голубчик.

И о Константине Шершневе было забыто, и о Иване Афанасьевиче.

Ни у кого из них язык не повернулся бы самого себя назвать патриотом, потому что, по мысли Льва Николаевича, в этом слове — «скрытая теплота». Именно так — «теплота», и обязательно «скрытая». Так верующие люди, заметил Дмитрий Лихачев, крест носят не напоказ. Косоворотка — она для чего нужна? Если ворот вдруг распахнется, крестик от чужого взгляда уберечь.

На сон грядущий Афанасьич читал инструкцию по использованию Полярной звезды и других навигационных звезд для ориентации сейсмических профилей в нестандартных условиях. Он похлопал по офицерской сумке:

— У меня всё хозяйство на перфокарточках — как в Скотланд-Ярде.

Как-то Иван Афанасьич сон свой рассказал:

— Будто чей-то знакомый голос. Обернулся — Леонид Ильич! Брежнев!

— Ты что тут делаешь, Иван Афанасьич?

— Тяну вторую нитку БАМа.

— А первая?

— Первой не хватает, Леонид Ильич. Объемы грузоперевозок большие.

— Один тянешь вторую нитку?

— Один.

Тогда Леонид Ильич пожал ему руку, и Иван Афанасьич проснулся просветленный. Лежал в спальнике минут пятнадцать, не двигаясь. Ребята к нему подошли, а он говорит: «Отойдите от меня. Я только что с Леонидом Ильичем разговаривал. Он мне вот эту руку пожал».

Где он сейчас, Иван Афанасьич? Найти его фамилию можно в старых полевых книжках — пикетажах геодезистов. Заболоцкий — самая подходящая фамилия для топографа.

Завтра по намороженной дороге через болото пойдут станки на мазовских шасси, чтобы бурить по пикетам взрывные скважины глубиной шестьдесят метров, потом подойдет взрывпункт, будет растянута коса с сейсмоприемниками «Светлячок», и взрывники соберут заряд и опустят его в скважину, и оцепление выставят, и оператор скомандует «Танец!», и помощник оператора попрыгает возле приемника вертикального времени:

— Есть сигнал!

— Работаем.

— Приготовиться. Внимание. Огонь!

И взлетит в небо шлейф дресвы, щебня, льда, шматков глины и долго оседает, шелестя, а мы будем ждем, когда проявительница пинцетом достанет из кюветы с фиксажом сырую сейсмоленту, потом при красном свете увидим на ленте первую жесткую границу, опорные отражения и, наконец, на глубине километров в пять проступит горизонт «Ф» — поверхность кристаллического фундамента, основания Русской плиты. Оператор решит, что повторный взрыв не нужен, взмахнет рукой, как Гагарин в песне Пахмутовой: «Поехали!» Короток зимой световой день.

Глава 18. Алга!

1

Перед новым годом в «Пермнефти» — заседание комиссии по движению фонда структур — намеченных, выявленных, подготовленных. Приехали главные геологи всех буровых управлений.

Из Краснокамска — Аркадий Васильевич Вшивков, в войну защищавший Брестскую крепость; из Осы — Василий Иванович Кулаков, из Кунгура — Вильям Дмитриевич Щербина (он из «Пермвостокнефтегазразведки») и Отелло Эдуардович Денк; из Чернушки — Геннадий Федорович Колесников, из Полазны — Геннадий Алексеевич Русских («маэстро Русских» почему-то его звали), из Кудымкара — Юрий Хрисанфович Архангельский.

Вильяма Щербину отпустили. У него дела в милиции: сын Андрей сбежал из дому.

Диспетчера управлений должны всегда знать, где находится главный геолог. Скажем, Кулаков — на рыбалке. Где рыбачит, на какой

реке? Если что-то случилось — надо знать, куда прислать вертолет. Денк, известно, в шахматном клубе.

Решалась судьба разведочного бурения очередного года пятилетки — определяющего, решающего, завершающего — кто их теперь разберет. Красных болгарских стульев в кабинете главного геолога «Пермнефти» Спартака Ароновича Винниковского не хватило, принесли из приемной зеленые и еще синие от главного инженера. Расстелили карты, сейсмические профили на длинном столе. Громадный Спартак Винниковский достал «Паркер» с золотым пером — не выносил шариков. Давно замечено, что многие большие начальники не выносят шариковых ручек, тонких, как сигареты. Наш главный знал, что за глаза его зовут просто — Спартак, и, по-моему, это ему нравилось. Вот начальник Осинской структурной нефтеразведки Ибраев смотрел на это дело по-другому. Как-то женщины из геологического отдела сказали ему:

— Народ мучается — у вас имя очень короткое, а отчество длинное. Разрешите вас называть не Виль Габдульбарович, а для разбега — Владимир Габдульбарович?

— Не разрешаю. Зовите меня так, как меня называли мама и отец.

Шершнев — мне:

— Клади карты по одному принципу.

— Какому?

Спартак:

— К Шершневу лицом.

Шершнев, скорбно:

— Десять структур из восемнадцати сдаваемых доделывали летом. Мягко выражаясь, залезли в карман следующего года.

Все стояли вокруг стола плечи в плечи. Были рады, что все вместе и одно дело у всех — найти *родимую*, а для этого нужен *успех*, а он только и может быть, когда чья-то рука на твоём плече и все вместе, а если этого не будет, то и успеха не будет, и ничего не будет.

Эlegantный Шершнев, предлагавший структуры, покачивался с пяток на носки. Именно он был *вожаком*, мудрым, чутким, с мгновенной и верной реакцией, с точными и твердыми решениями.

— Архангельский, теоретический любитель большой нефти, как дела в целом, коротенько?

— Средне.

— То есть?

— Потихоньку.

Шершневу раздумчиво сказал:

— Потихоньку. Как-то в Москве в филиале МХАТа я видел пьесу «Глубокая разведка». Там были такие слова: «Деньги потрачены, ничего не найдено».

— Я копаю. Есть такая профессия — копать.

Винниковский:

— Юрий Хрисанфович, что ты предлагаешь?

Шершневу протянул Архангельскому свою телескопическую ручку-указку.

— Я наносу удар по линии Майкор — Касиб, — по-военному сказал Архангельский. Стрелы, указывавшие направления движения станков, придавали карте генштабовский вид. — Я беру нефть, если она есть. Больше у меня структур на Барьере нет.

— Истинные пролетарии.

— Люмпен-пролетарии.

Из Кудымкара можно было дотянуться до борта только по линии Майкор — Касиб.

Кто-то положил мне руку на плечо.

Это было когда-то — машина летит вдоль протоки, мимо цветущих диких груш, и все стоят в кузове и все держат друг друга за плечи.

Архангельский говорил так, как говорят люди, принимающие на себя ответственность: *я бурю скважину, я получаю нефть.*

— Здесь леса страшные, — показал на карте. — Как говорят буловики: бурить-то мы можем и на Луне. Если создать условия, конечно.

— Рассказывай, Костя, чего надыбал для Денка в Молебской седловине? Ну-ка, ближе, ближе, друзья, как говаривал питон Каа. Это что?

— Структура — отдельная называется.

— Отдельная — колбаса, что ли? Говорят, котлеты из шпината станут вкуснее, если шпинатное пюре заправить мясным фаршем. «Отдельная», видите ли. Ее раньше за «Любительскую» принимали? Ну и структура — небольшой копеечкой закрыть можно.

— Какой диаметр копейки, Спартак Аронович?

— Миллиметров шесть.

— Пятнадцать миллиметров не хотите? В масштабе 1:200 000 это хорошая структура.

— Неужели пятнадцать миллиметров?

— Сам проспорил. Еще есть Малоутинская структура.

— Малая утка — это чирок. Какие деревни еще есть?

— Большой Ут.

— Большая утка — это кряква. Пусть будет Кряквинская.

Шершневы выходили с работами на земли за юго-восточным Барьером, но никаких идей по зарифовой зоне не было и у него.

Денк:

— Честно? Это не структуры.

Шершневы:

— Хороша жена, коль есть бочка пшена.

Денк засмеялся. Чем хуже дела, тем заразительнее смеялся Денк.

— В том-то и дело, что нет бочки пшена.

— Отелло Эдуардович, рассказывай, что будешь делать.

— Я подбираю на Барьере, на севере Веслянского вала нефть, газ на кусках, после чего приходится уходить на юг Предуральского прогиба, в Молебскую седловину.

Шершневы медленно, томя душу, доставали из папки паспорт на очередную структуру. Карта масштаба 1:50 000 едва поместилась на немаленьком столе. Наконец он вытянул вдоль карты указку, выдохнул: «Андреевская структура».

— Андреевка! Смотри-ка, чего Костя ущучил! Нарисовал такую блямбу — нефть сама на улицу рвется.

Андреевка была в прогнутой зоне между двумя Барьерами к югу от Ножовки. Шершневы набирали материал в неведомой земле.

— Кулаков, если на Андреевке будет нефть, ты получишь безумное количество скважин. Нас будут гнать в потылицу.

— Я бурю классический крест скважин, после чего убегая бегом.

— Хочешь в Осе скважинку на додекон во дворе на четыре тысячи метров?

— Мы мечтали об этой скважине. Но там не будет успеха.

— Москва точно на контроль возьмет Андреевку. Кто смелый? Кулаков? Колесников? Откуда лучше брать — из Осы или из Чернушки?

— Так она не на Барьере, — сказал Колесников. — А у меня еще бортов полно. Я не знаю, будет ли на Андреевке успех.

— На Андреевке перспективы не в карбоне, а ниже — в девоне, — сказал Шершневы. — На ней могут быть сухие скважина, без коллектора, но может быть успех в девоне, но это будет такой успех, что можно Лазаря петь. Это корзинка с мулине.

— Может, будет хороший фонтан, как в Северокамске на 8-м номере в сорок пятом году.

— Может и не быть успеха, — повторил Кулаков.

Слово «нефть» на поисковом этапе старались не произносить: лучше сказать — «успех».

— Наш девон — это лоскутное одеяло, другими словами лоскутная нефтяная империя, — объяснял Шершневу. — Мы — короли по карбону. Нигде нет такого мощного Барьера, как у нас.

Никто не врался на Андреевку.

Винниковский молчал. Нужно было возвращаться к судьбе Кудымкарской конторы глубокого бурения.

Юрий Архангельский работал в Кудымкаре на коми-пермяцких бесплодных землях, в зарифье, в стороне от северо-западного Барьера. Нефти он толком и не видел, завидовал тем, кто делал хлебную работу, кто готовил промышленные запасы. Он стоял, опустив голову, как будто именно он был виноват в том, что уже столько лет не может найти нефть на просторной земле, где растет лес, где водятся лоси, бобры, белки, медведи, где леши — как лапти, где хариус идет по перекатам быстрых и чистых рек. Смущенно крутил пальцами горелую спичку. Он знал, что партийное руководство национального округа противилось уходу нефтяников.

Но он понимал, что ему могут предложить неведомый Предуральский прогиб, о котором было известно только то, что там могут быть атолловые рифовые острова, прижатые к Уралу и даже поднырнувшие под Урал.

— Юрий Хрисанфыч, надо делать очажок на востоке. Чтобы не было мнений, а был успех, надо делать очажок.

Потом геологи будут бродить по губернскому городу Перми — городу, имя которого значит «дальняя земля». Пермь сама рождает легенды, неведомые шедевры. У Главпочтамта на Покровской полосатый столб — не километровый, а верстовой: «До Москвы 1300 верст». Именно верст! Выше — небольшая мраморная плита; ее словно «вынули из нового уральского футляра», а над плитой что-то вроде зонтика от снега и дождя. Если взглянуть в свилеватую текстуру мрамора, как водяной знак, проступает рисунок — морось ли, снег ли, будто на ветру женская фигурка в белом плащике, ветровке ли. Да это же Маша из «Трех сестер», «пермской» пьесы Чехова! Машенька! Ирина отправится не в Москву, Москву,

Москву из города, где в мае идет снег, а еще дальше от Москвы — на кирпичный завод. Ольга никуда не поедет. А Маше хорошо там, где Вершинин. Нулевая верста — это лаконичный и точный памятник великой пьесе. Отсюда идет отсчет пути, из глубины России. Этот знак живет по законам сцены и законам жизни — во всех временах года.

2

— Москва.

— Кто?

— Ованесов.

— Слушаю. Допздание? Хорошо, Гурген Павлович. Разождем пару скважин на Каменном Логу. Хорошо, хорошо. Не за что, не за что.

Щербина приехал из Башни смерти — так у нас зовут Управление внутренних дел на Компресе — Комсомольском проспекте.

— Капитан ничуть не удивился. Я, говорит, всегда изучаю свежую телепрограмму, работаю на опережение. Позавчера по телевизору показали фильм «Морской волк». После «Судьбы барабанщика» мальчишки бежали в Одессу, в морское училище. Ваш сын, думаю, тоже туда подался.

Винниковский гордился своим столом — на нем можно свободно раскатать каротажку трехкилометровой скважины в масштабе 1:500, тем более структурную карту Ярино-Каменноложского месторождения по бобрику — основному горизонту. Стратотип горизонта назван по городу Бобрики в Подмоскowie. Когда-то город переименовали в Сталиногорск, а бобриковский горизонт — в сталиногорский. Во время хрущевской оттепели горизонту вернули имя «бобриковский», хотя сам город Бобрики получил новое имя — Новомосковск. Слава богу, пермская система не стала моотовской системой.

Ярино-Каменноложское месторождение — жемчужина! — долго не давалось в руки. Со всех сторон его обошли — Таежная, Шалашнинская, Луховская, Ольховская площади. Почему так получилось? Нина Александровна Трифонова, начальник геологического отдела «Пермнефти», жалела буровиков, не желавших бурить на верховых болотах и вырвавших немало точек на склонах узкого свода. Нину

Александровну, дело прошлое, не включили в список на премию за открытие месторождения. При ней старались не говорить о Ярино — Каменном Логе.

Очень долго промахивались, не могли взять в толк, что это риф, что это огромный атолловый риф, наклоненный к Уралу и собравший нефть на западе в залежь, контур которой походил на тетиву лука. А когда поняли это, когда стали с Каменного Лога сливочки снимать, станки залетали на свод, как воробы с куполов.

Накануне приезжал в Пермь замминистра Кувыкин Степан Иванович, сразу за каротажки взялся со словами: «Геолог без каротажки — это не геолог». Показали ему бобриковский пласт на Каменном Логу — Кувыкин чмокал, качал головой, про валанжин Западной Сибири рассказывал.

— А это что?

— Яйва.

— Хорроший пласт.

— На Яйве нефти нет, Степан Иванович.

— Почему? Такой жирный пичок.

— Это окремнелый песчаник. Давление со стороны Урала — и кварц потёк. Съемщики, которые с геологическими молотками и горными компасами бродят, это явление хорошо знают, «кварцевыми соплями» называют. Так песчаник в кварцит превращается.

— Ваши люди это знают?

— Да. Иван Чернышев в Афганистане и Монголии съемкой занимался.

— А я-то думал — какой хороший пласт.

3

Винниковский поднял указательный палец:

— Вчера меня вызвали на ковер в Большой дом, и первый секретарь обкома партии товарищ Чистоплясов сказал мне, что вот этот мой палец — золотой. — Он ткнул в карту. — Р-раз — и нет миллиона, р-раз — и нет другого. Это, говорит, не шилом дело проткнуть. Вот что мне сказали в Большом доме. Вот почему мне по ночам генеральный прокурор товарищ Рекунков все чаще снится. Из Кудымкара надо убираться, и чем быстрее, тем лучше. Там нефти нет, там нет Барьера. В Мангышлаке геологи собрались и написали письмо, — Брежневу не решились, отправили на имя

товарища Долгих, секретаря ЦК, — сделать показателем тонну запасов, а не метр бурения, выделить геологию из всех министерств. Статья в «Правде» была — «Метр на пьедестале». Потом трясло все три министерства — нефтяное, газовое, геологическое. Все писали бумаги, что всё хорошо. Вызывали на ковер гендира. Это формальный подход. Есть сигнал — надо реагировать.

Я сказал Чистоплясову, что у нас есть маленькая Сибирь — Соликамская и Верхнепечорская впадины. Ближе к делу. Есть у меня тайная мечта: месторождение в двадцать миллионов тонн, как дева непорочная, и чтобы ни одна собака в министерстве о нем не знала. Еще ближе к делу. Надо делать новый очаг. Борис Израилевич, для начала доложите, что известно про тамошнюю геологию.

Старый съемщик Грайфер долго раскладывал ветхие карты из старых отчетов:

— Что мы знаем? В геологическом смысле — почти что белый лист. На Ксенофонтово — халтура. На востоке — надвиги. В районе Тулпана урминские отложения стоят на головах. Обычно так бывает, когда рядом нарушение типа «разбитой тарелки». Полюд изучен прилично. Работали ленинградцы, группа Чочиа из ВСЕГЕИ. Район Глухой Вильвы самый некачественный. Один геолог писал за другого по его полевым книжкам. По Колве надвиг виден в обнажении. Кикус оказался аллохтоном — сорванным куском. Клипп.

Шершневу:

— Я не люблю новые иностранные слова.

— Эскарп. Куэста.

— Не легче. По-русски — уступ. Я так скажу — нужна поисковая сейсморазведка, нужны параметрические скважины.

— Все скважины в лагерях «Вишералеса».

— Это наше будущее.

Винниковский:

— Ты, Юрий Хрисанфыч, ездил на рекогносцировку. В Кикусе люди есть?

Архангельский:

— Не люди, а добровольцы. Едешь в машине — тебе кулаком грозят. Сумасшедших людей постоянно жить в тех краях нету, хлебать километры грязи. Лошадь тащат из грязи трактором. Там зэки, там тунеядцы. Добровольцы, которых выгнали из Москвы, строят дорогу. Такие мосты, что едешь — лапа на руле, лапа наружу. Этот район будет кремень. Поэтому жду солдат демобилизованных. Это

не Пермь, где солнце светит и воробьев побольше, чем воронья. Кто мог работать — те сбежали, кто остался — те спились к хренам. А нам на севере трезвые нужны. Дорогу КРАЗаами на три части режем. Я уже притерпелся, приморгался. Зимой забота — как дороги удержать. У меня три бульдозера старых, из двух один собрали. Ох, дороги! Сурмог! Кикус! Нас чему учили: не лги, не воруй, не пьянствуй, не развратничай! А у меня все пороки добродетелями стали. Кто-то сделал лежневку, а мы ее давим. Бульдозер снимает лежневку вместе со снегом. Дорога на болоте, мост. Нефтяников не пускают — при царе Николае построили дорогу, колхозники говорят: «Не пустим». Знак стоит «ЗТ», не более чем три тонны. Я говорю: «Правила нарушать нельзя, особенно неписанные. «ЗТ» — это значит — не более трех тракторов на мосту одновременно». Поехали! Держи дистанцию! Сколько мостов порушили, столько и сделаем. Надо облагородить болотистую местность, где только танки могут ходить. Ладно, зима дороги строит. Надо как-то перехватиться с квартирами. Проект с аптекой, парикмахерской, молочной кухней. Всё это надо строить, иначе взятие Севера не получится. Туда надо каждого везти с жильем. Почему батарея не греет? Да лом приварили вместо трубы. Вот так. На севере нужны трезвые специалисты. Иначе будешь сидеть с печатью и фильтровать тунеядцев. Говоруны, которые в конторе сидят, никуда не поедут — это люди с характером. Когда мы в Кудымкар переезжали — многих потеряли.

— Наговорил. Ты перебазировался в Березники. А на Севере Паняеву нужно найти место для очага.

— Архангельский прав — нужно каждого с квартирой везти, иначе потеряем людей.

— А как мы раньше базы начинали, — сказал Кулаков. — Бывало, на лошадках...

— Лошадках! Не надо восклицать, Василий Иванович! Тебе сколько лет-то было?

— Ну, двадцать пять.

— Так ты сам, парень, как лошадь, бегал. Лошадная техника! Сейчас время другое.

Шершневу вгляделся в топокарту:

— Смотрите-ка, узкоколейка.

— Лес вывозить, — махнул рукой Архангельский. — Где узкоколейка, там нет нормальных дорог. Погрузишь емкость десять кубов — колеса развезаются.

Винниковский сказал тихо, но его услышали все:

— Я понял вас, Юрий Хрисанфич. Надо начинать операцию «Маленькая Сибирь». Сколько нужно времени, чтобы построиться мало-мальски?

— Года два.

— Ждать два года? Это затяжка. Свой кол нужно забивать. Чтобы не было мнений, а был успех, нормальный успех. Выбрасывай участок и добивайся успеха. Нечего отчаиваться. Такова судьба разведчика. Если будет успех, участок естественным путем вырастет в управление. Где строиться? Ты же охотник, знаешь места, дожную и болотную сеть. Всё!

— Эх, жизнь старательская! Все уже грудь для орденов, а зад все шире от пинков.

— Может, и будет тебе яркий орден на груди. Со временем.

Секретарша протянула Спартаку толстый конверт.

— С Щербиной будете говорить?

— Слушаю, Вильям Дмитриевич. Хорошо. Спасибо, что позволил.

— Андрея нашли около Свердловска. В «собачьем ящике» добрался до станции Шали. С географией у него проблемы — где Одесса, а где станция Шали. А эта бамага — долгосрочное планирование. До двухтысячного года. Двухтысячного! Цунами — ценные указания нашего министерства. Мы все бамаги подшиваем. У нас ни одна бамажка не пропадет.

— Это войдет в анналы.

— И так же выйдет...

4

Машину крутило на лесных дорогах; объезжали завалы и все-таки несколько раз садились на мосты. Главные геологи осторожно выбирают себе водителей — ведь им доверяешь свою жизнь. Значит, у них должна быть шоферская память на дороги. Паняеву нужно было найти место, где можно долго жить и работать, так, чтобы в работе и, значит, в жизни был успех.

— Может, прижаться к Уралу? Я над Пильвой летал!

— А я охотился! Ничего там нет, кроме лагерей и гусей.

— Дикие гуси орут над Глухой Вильвой!

— Ты какой-то слащавый становишься. Поди, стихи читаешь, а то и пишешь.

— Красильников, может, базу сделать в Чердыни? Ты ведь чердынский, Борис Викторович? Будем язей дергать. А старицы чердынские тебя не волнуют? Не хочешь рыбу ловить в старицах?

— Геофизики уже ловили. Два трактора утопили.

— Так они сами в трясину залезли.

— Там везде трясина.

— Не скажи. Родили же тебя там под стогом сена.

— В рубашке.

— Ага. В рубашке и в сапогах.

Сели основательно уже за Бондюгом, у поселка Космос.

— Ну все, приехали, — сказал Паняев. — Вагу надо.

Ладно, что тягач попался лесниковский. Начальник лесоучастка со странным названием Космос, хмурый молодой парень, увидев нефтепромовскую эмблему на машине — начищенные выщечки, обрадовался:

— Пробурите скважину на воду, а?

Паняев покивал, и хмурый парень повел нас на кормопункт.

Те еще названия: колдоговор, кормопункт, страхделегат. Подали борщ украинский, бефстроганов, чай с конфетами «Маска» — лесников кормили хорошо.

За соседним столиком сидел плотный мужчина в трусах и тапочках, писал на двойных листах клетчатой бумаги. Поднял напряженное лицо:

— Вы кто?

— Нефтяники.

— Нефти здесь нет. Это я знаю, я — инспектор по лесам Синицын. Весь север загажен, как будто прошло стадо свиней с поносом.

Он надел коричневые китайские штаны, на которых сидел.

— Сердце давит, натаскался по лесосекам. — Посмотрел в окно. — Видите, на мотоцикле, рожа красная, милиционер. Может выпить канистру водки и бочку пива. Сейчас лесничий ходит за мной — давай выпьем. Неустойку ему готовлю. Вывозят только сосну, всё остальное бросают. Сунуть в зубы штраф — тридцать рублей. Начальник участка почему, вы думаете, кормит бефстрогановым?

— Вы прямо как Собакевич...

— Работа такая, видишь много дряни.

— Ладно, лес — он нарастет, — сказал Архангельский. — А вот как без нефти жить будем. Термоядерщики тянут резину ярославскую. Мы им дали время — пока нефть есть. А жить надо и дальше.

— Хоть бы вы здесь ничего не нашли. Пусть хоть одна чистая река останется.

Красильников засмеялся:

— Нефть мы найдем. Где наша не пропадала? Везде наша пропадала...

— Как вы ее ищите?

— Сейсмостанцию видели? Там приборы. Взрываем, волна идет в глубину, отражается от пласта, приборы записывают времена прихода волны. Понятно?

— Понятно. Жрать-то всем хочется.

— Откуда такое название — Космос? Ведь Леонов с Беляевым не здесь приземлились.

— Это южнее, у Кургановки. А название коми-пермяцкое — Кёс-мыс.

— Нефть мы найдем. Мы, чердынские, такие. Мы пошли Москву освобождать, когда поляки ее захватили. Дошли до Кайгородка, там узнали про Минина с Пожарским.

Черный лес стоял и слева, и справа, и развилки уводили в этот черный лес.

— Я всем обещаю пробурить скважинку на воду. Только глазами хлоп-хлоп. Они меня зароят, придут все вместе. Я тогда — э-э-э...

Мотор не принимал большие обороты. Шофер достал насос и продул трубки от бензонасоса и карбюратора.

— В цилиндрах пальчики постукивают, — сказал Архангельский

— И жмешь на тормоз, как Святослав Рихтер. Фара разбита.

— Это когда вылезали из ямы.

Обнажения Полюда горели на солнце. В Оралово открылся город Красновишерск — внизу, на левом берегу реки Вишеры. Усталый барашек с синей ленточкой, осторожно переходя пыльную дорогу, подозрительно поглядывал на «уазик».

— Там берег низкий.

— Грузины говорят: «Где дом, а где Кура; где Кура, а где чача».

Шофер сбросил газ — барашек тоже. Барашек вправо — шофер влево. Барашек влево — шофер вправо. Барашек вправо, покосился неодобрительно — «уазик» тоже вправо. Крепко трянуло, все подалось вперед.

- Он не успел.
— Эк бзданулись...
— Кто там хромает к нам — мужик или баба?
— Однако, пош-шупать надо.

Архангельский снял динамовскую прорезиненную кепку, пустил по кругу. У баньки в огороде он лично разделал барашка-горемыку. К шашлыкам — бражка деревенская, картошечка мятая, грибки, огурчики с пупырышками, ошкуренные помидорчики. Чего еще нужно?

Хозяин прохрипел:

— Старая, тащи капусту — в бочке осталось маленько! Хороша закуска — квашена капустка, и на стол поставить не стыдно, и сожрут — не жалко.

Полюдов кряж подобен собору. Паняев смотрел на Полюд, не отрываясь, глазами хозяина, который ищет место, откуда можно вести работы, которые могут принести успех, место, где можно создать очажок, который может в случае успеха стать базой разведки, а затем и базой добычи. Это вертикально взброшенный массив, и этим он отличен от всего остального Урала, передовыми складками плоско надвинутого на запад, нахлобученного на жесткую Русскую платформу. И все-таки он был частью единого Уральского хребта — с его надвигами, с его Зеленокаменной зоной, с его Платиновым поясом, с лебединым изгибом Пай-Хоя, с плоским, как бы продавленным чьей-то могучей дланью Средним Уралом, отступившим на восток перед Уфимским амфитеатром.

В верховьях уже начинали плотить караваны. Спокойствие было в Полюдовом кряже и в реке Вишере, и в лесах, уходящих на север, к океану, и в лесных озерах цвета крепкого чая. В скрипах сосен, в шорохе их вершин чудилось: ш-шорох-х — х-хо-ро-ш-ш-о-о...

— *А может быть в подпитии
Иль на исходе сил,
А может, по наитию
Я тост провозгласил,
Быть может, из Каверина,
А может, из Басё:
Не все еще потеряно
И найдено не все!*

Легкие облака к ночи будто напивались водой и растворялись в темнеющем небе. Архангельский прошелся в лезгинке, выбрасывая ноги и якобы хватаясь якобы за кинжал. В чудной бухте Лавай-за Игорь Ипполитыч тоже, помнится, отплясывал лезгинку. Давно замечено, что многие начальники именно этот танец предпочитают в подпитии.

— Назад надо, в объезд.

— Нет такого слова — «назад».

— А если надо назад?

— В таком случае Анвар Нигматуллин говорил: «Разворачиваемся — и алга!» «Алга» по-татарски значит «вперед».

— Хорошо сказано.

— Витя, признавайся, когда барашек показался на дороге, не мелькнула ли у тебя мысль, а что если?

— У всех, поди, такая мысль мелькнула.

— У меня мелькнуло: барашек-то курдючный, шашлычный, самое то...

— Всё! База будет в Красновишерске. Нечего больше искать. Лучше не найти.

Место для базы нельзя найти, рассматривая топокарты. Надо именно стоять на земле, разминая ноги, и слушать сосны, и видеть облака, и чтобы Полюд белел и горел всеми своими обнажениями. Стояли, боясь спугнуть этот шорох. И лес, и Полюд, и река, и облака...

И через много лет те, кто был тогда на Полудовом кряже, будут вспоминать этот день. Шофер опустил голову на баранку. И лес, и Полюд, и река, и облака говорили: пусть будет всё, как есть... Витя Паняев подавал другу Юре руку лопатой — сжимал его руку тиска-ми, прижимал его хребет к Уральскому хребту, смотрел в глаза дру-га, пока в них не проступят слезы.

Первое, что будет сделано, — пятиугольное карэ вагончиков. Через много-много лет: «Помнишь, как в Оралово барана ели? А Пен-тагон помнишь?» Это передадут дальше, дальше. Потом забудут...

Глава 19. Самотлор

1

В августе 1962 года Эрвье поставил во главе Мегионской экспедиции Абазарова Владимира Алексеевича, выпускника Грозненского нефтяного института, жесткого и справедливого, «ярко-го» человека. Ему 32 года. Указание: навести порядок, а то буровики перестали думать о метрах, осели в Баграссе — развели живность, не на шутку занялись рыбалкой.

Мастер Норкин Григорий Иванович был в отпуске за три года. Без него бригада разваливалась. Мастер вернулся перед октябрьскими праздниками. Стал у двери.

— Я — Норкин. Пришел узнать, где мне дальше работать. Вы же меня сняли.

— Вы читали приказ о снятии? Его нет. Возвращайтесь на рабочее место.

Норкин блестяще пробурил очередную скважину на Мегионе.

Абазаров: «В дальнейшей работе с Григорием Ивановичем было много нюансов. Один из них завершился его снятием — за тяжелую аварию и некоторые особенности в его поведении. Через месяц я был вынужден отменить приказ о снятии. Даже мастер Малыгин не смог заменить Норкина в бригаде». Видимо, из-за «нюансов» Норкин, в отличие от Малыгина, и не стал Героем Соцтруда.

У Абазарова была привычка внезапно появляться на буровых в вечернее время. Однажды увидел — квадрат вращается, а Норкин, подперев голову рукой, сидит на роторе. В следующий раз сидел на ящике с песком. Он не выходил с буровой, хотя дом был в двух шагах.

2

В декабре 1963 года вышло постановление Совмина по Западной Сибири. В январе Байбаков собрал совещание в Сургуте. Тепляков делал доклад.

Байбаков:

— Я обязан сомневаться. Меня интересует прежде всего, откуда в скважины попадает вода.

Это типичный вопрос буровика, каким по базовому образованию был инженер Байбаков, чей метод манжетного цементирования мы изучали в институте.

В конце совещания он спросил Теплякова:

— Сколько можете положить на алтарь отечества?

— Сто тысяч тонн в год для начала.

Байбаков ударил кулаком по колену:

— У нас на юге целый трест дает в год тридцать тысяч, а вы говорите — для начала. Надо брать!

Летом этого же, 1964 года началась пробная эксплуатация Усть-Балыка и Мегиона — нефть пошла наливными баржами на Омский завод.

А что же Салманов? Он в стороне от новых подвигов. С конца 1964 года — начальник Правдинской экспедиции, осваивает диковинные залежи Салымского района в баженитах — трещиноватых глинах, дающих до 300 тонн в сутки.

Салманов верен себе — строит образцовый город Горноправдинск на берегу Иртыша. И снова — слухи: Салманов вызывает Ми-6, и тот четыре часа крутит винты, чтобы высушить футбольное поле; Салманов содержит штат танцоров и тренеров.

«Самотлор» на языке хантов — «мертвое озеро». Заболоченность — 90 процентов. От Мегиона по прямой — 35 километров. Первую структурную карту получили в конце навигации 1963 года. После январских морозов 1964 года по зимнику стали завозить оборудование. Снега много — очень серьезное болото, не промерзло. Проминали его легкими вездеходами — они уходили под лед, в торфяники.

Снова пошли на Самотлор в январе 1965 года. Нашли дорогу по земле, но в три раза длиннее — 105 километров. Отряд — два вездехода, три трактора-болотника (везли дизтопливо, балок) и бульдозер. Каждые четыре часа — связь с экспедицией. Шли 36 дней, по 3 километра в сутки, в конце — меньше километра. Поперек трассы — крутые каньоны глубиной до пяти метров и протяженные гряды. Каньоны преодолевали взрывами. В Предсамотлорье, на последних двадцати километрах зимника земли вообще не было. Тридцать раз тонули трактора и бульдозеры. Их вытаскивали, обходили гиблые места и снова шли вперед.

В начале апреля 1965 года бригада мастера Норкина забурила скважину 1-Самотлор. При глубине 2000 метров Норкин передал по рации Абазарову: «Скважина какая-то все время живая». По буримости мастер определил, что в скважине много песчаников; раствор насыщен нефтью и газом.

Когда снега сошли, увидели, что буровая стоит на клочке земли, а вокруг — болото. Бочки с соляжкой переправляли вплавь.

В июне после дострела пласта дебит превысил 1000 тонн в сутки. Тут же приехал Степан Иванович Кувыкин. Ему показали каротажку первого номера, и он в восторге воскликнул: «Ребятушки! Да я такое в жизни не видывал!» Вскоре месторождение размером 30×50 километров войдет в десятку крупнейших в мире. В разрезе выявлено восемь нефтяных пластов, начиная с нижнего — валанжина. Уже через четыре года южную часть Самотлора введут в разработку, а север будут дорабатывать разведчики.

Жесткий Абазаров сработался с аккуратистом Валентином Гавриковым, начинавшим участковым геологом — интеллигентом, обязательным человеком, хорошим штабистом. Его звали «геолог в белых перчатках». Гавриков женился на практикантке по имени Джемма, и это была самая красивая пара в Западно-Сибирской низменности. А вот с «железным канцлером» Рогожниковым, которого направили в Мегион после четырех лет работы в Иркутске, у Абазарова совместная работа не получилась. Многие считали, что Рогожников как специалист сильнее Абазарова. Но Эрвье посадил железного канцлера на вторые роли — главным геологом в Ханты-Мансийский, затем Тюменский геофизический тресты. Гавриков же в 1971 году стал начальником Мегионской экспедиции — после Абазарова, потом начальником «Обънефтегазгеологии» — сменил Пархомовича, мощного мужика.

Тот начинал в Березово у Быстрицкого мастером по испытанию скважин. Однажды ремонтировал центробежный насос. К берегу пристал катер Эрвье «Академик Ферсман».

— Где мастер?

— Я мастер.

— Какой ты, на хрен, мастер, ты — мазутчик.

Но мазутчика Эрвье запомнил. Поставил главным инженером Усть-Балыкской экспедиции, потом в Мегион к Абазарову. Направил Пархомовича в Аганскую экспедицию, а у того билеты горят, отпуск пропадает. Эрвье походил по кабинету, попытался сигареткой.

— Две недели хватит тебе.

Сказал простые слова, от которых сердце сжимается:

— Я на тебя надеюсь.

Гавриков полагал, что надо экономить метраж бурения при подготовке запасов. В 1985 году предприятие Гаврикова завалило план

бурения. Салманов, ставший к этому времени главным геологом «Главтюменьгеологии», безжалостно снял его. Карьера Гаврикова в Западной Сибири была сломана. Новосибирская область, где ему предложили работу, была на периферии поиска большой нефти.

Он скоропостижно скончался на 47-м году жизни. Через год умерла и Джемма.

Глава 20. Неоконченный этюд

1

В 1964 году реутовское ОКБ-52 Челомея сделало универсальную ракету УР-500 «Протон», способную поднять на орбиту 20 тонн полезного груза. Это был для Владимира Николаевича — праздник. Он начал работать над военной орбитальной станцией для космической разведки — «Алмаз», под которую сделан «Протон». Королев почему был против «Протона»? Да всё то же — ядовитые топливо и окислитель. Вдохнешь пары — и получишь паралич дыхательных путей.

И программу облета Луны — с одной стыковкой и без дозаправки — Никита Сергеевич передал Челомею, шефу сына. Сергей Королев, конечно, против — на ядовитую ракету сажать людей нельзя. Его поддержал Кириллов, главный «стреляющий» космодрома. Он и о своих заправщиках беспокоился. Королев как-то спросил его, чем эта гадость пахнет.

— Трибуналом она пахнет, Сергей Павлович, — ответил Кириллов.

Королев, оскорбленный тем, что у него забрали Луну, даже ездил «на рыбалку» в Днепропетровск — искал поддержки у Янгеля.

Июнь 1964 года — неудачная попытка Хрущева помирить Королева с Глушко.

Глушко считал, что «семерка» — последняя кислородная ракета. В тридцатые годы в РНИИ и в казанской шарашке он занимался двигателями только на азоте. А Королев и Тихонравов и тогда работали с кислородом. Ракеты на азоте Королев называл «грязными». Глушко обижался, предпочитал работать с Янгелем и Челомеем, а с Королевым — только по приказу.

Что там азот — Глушко начал работать и с окислителями на основе фтора, который давал заметный прирост тяги. На берегу Финского залива у него был филиал для испытаний двигателей с фторо-водородным топливом. Королев сам приехал в Приморск посмотреть на их работу. Выхлопные газы уходили под воду.

— Вы своим грязным фтором Ленинград отравите!

— Зато какая удельная тяга!

— Хоть понюхать можно этот фтор?

— Не советую.

Королев понял: фтор — это конец. У него было хорошее экологическое чутье.

В высоком кабинете Глушко поставил ультиматум:

— Только высококипящие!

Королев:

— Это яд. Если ракета с полными баками, скажем, *навернется*, в округе ничего живого не останется, ты это понимаешь?

— Работай грамотно.

— Пока я жив, человек не сядет на ядовитую ракету! Ты становишься на моем жизненном пути! Это ты понимаешь?!

— Существуют еще интересы государства, которые не позволяют мне...

— Не хочешь — не делай! Обойдусь без тебя! Ты *будешь* делать двигатель на кислороде, змея подколотная! Пойми: фтор — это тупик, это грязь.

Королев и Глушко, вчерашние эски, могли так крепко поговорить, что свидетель горестно отмечал: «Два русских интеллигента разошлись после того, как исчерпали весь запас матерной терминологии». Говорят, они и дрались — в прямом смысле этого слова, причем на самом высоком уровне.

Итак, лунная программа у Челомея. Но после того как в октябре 1964 года Хрущева отстранили от власти, Луну вернули Королеву. К этому делу руку приложил Устинов, боготворивший Сталина и, естественно, люто ненавидевший Хрущева.

2

Глушко отказался работать на королёвскую ракету Н-1. У Королева новый двигателюист — Николай Кузнецов из Куйбышева, работавший в авиапроме, в куйбышевском КБ. Дело в том, что Хрущев

решил, что коли есть ракеты, то авиация, во всяком случае дальняя бомбардировочная, не нужна. Классные специалисты остались без работы. Ракетные ЖРД для Кузнецова — новое дело. Все три ступени ракеты мечты проектировались на жидком кислороде и керосине. Связку из лунного орбитального корабля, посадочного лунного корабля и разгонных блоков называли ЛЗ. На первой ступени Н-1 должны были синхронно работать 24 камеры сгорания. Хвост ракеты раздувался.

— И куда же мы на такой штуковине полетим? — спрашивал Кузнецов, с ужасом разглядывая эскизы.

— Куда? На Луну, например!

Королев был за однопусковой вариант. Феоктистов — против, так как возможности «Сатурна-5» в полтора раза больше, чем у Н-1. Он — за сборку на геоцентрической орбите ракетного комплекса, стартующего к Луне. Когда будущий космонавт Феоктистов стал готовиться к полету, его люди под давлением Королева стали готовить однопусковую схему. Похоже, что Королев не был знаком с работой Кондратюка, которую в конце концов, благодаря Хуболту, принял на вооружение фон Браун. Воистину, нет пророка в своем отечестве

Королев взялся делать у себя в ОКБ-1 корабль. Остальное разместили в Куйбышеве, на заводе «Прогресс».

Товарищество, открытость — вот что важно для Королёва. Поэтому-то всё, за что брался Королев, получалось. Золотые правила: «не торопись», «работай только быстро», «не бойся делать ошибки». Еще одно важное правило: «не улучшай» («За апрель не ходить», — в устах Королева).

Сроки — крайние, сжатые.

Никого не надо догонять, а надо делать свое дело. Всё отработать «до звона».

Королев понимал, что надо объединяться с Челомеем. Он занялся новым вариантом программы Л1 — пилотируемого облета Луны с помощью челомеевской УР-500 и «семерки», оснащенной блоком «И». Тогда можно опередить американцев. А потом появится суперракета Н-1, и можно будет высадиться на Луну. Но экспертная комиссия идею не поддержала — ведь на полигоне полным ходом идут работы над Н-1. Она могла вывести на орбиту 90 тонн. Ракета

получается тяжелее «Сатурна-5», но она нужна для запуска ТМК — тяжелого межпланетного корабля с экипажем из трех человек, который сможет облететь вокруг Марса и вернуться на Землю за два года. Шутка: ТМК — Тихонравов Михаил Клавдиевич.

Американцы стремительно догоняли нас. Кроме Беляева и Леонова в 1965 году ни один наш космонавт не вышел на орбиту, а американцы запустили пять кораблей — десять астронавтов. Они пересели из одноместных «Меркуриев» в двухместный «Джемини», и Уайт вышел в открытый космос вслед за нашим Алексеем Леоновым.

Когда «Восток» начали переделывать в «Восход», Феоктистов поставил ультиматум: он и его «детский сад» возьмутся за дело, только если полетит один из инженеров, то есть он сам. Королев в нем себя молодого увидел. Каманин против Феоктистова:

— Как можно сажать в корабль человека, если у него язва, близорукость, деформация позвоночника, гастрит и отрубленные пальцы на левой руке?

Еще в шестидесятом году молодой проектировщик из отдела Тихонравова Костя Феоктистов доказывал Королеву: летать на новых кораблях должны не летчики, а инженеры. Тогда Королев накричал на него. А ведь мальчишка оказался прав.

В ОКБ ходила легенда о том, как на одном совещании Королев, устав от споров с упрямым, предложил:

— Давайте проголосуем. Существуют два мнения: первое — мое, второе — ваше. Вы согласны?

— Нет! Первое — мое, Сергей Павлович. А ваше — второе...

Феоктистов после полета рассказал Королеву о корабле в космосе больше, чем все летавшие до него космонавты, вместе взятые.

3

Время, вперед! Новые задачи у Королева — мягкая посадка на Луну, пилотируемый облет Луны. На чем? Команда Феоктистова работала над кораблем 7-К со всеми его тремя модификациями.

Королев заглядывал вперед:

— После Луны надо использовать Н1 для полетов тяжелых автоматов к Марсу, Венере и дальше. В перспективе — ТМК. Нам всего космоса не одолеть. МВ — блок изучения Марса и Венеры, межпланетные и лунные автоматы пусть отходят к Бабакину. Бабакин мне нравится. У него спина мокрая. Ничего от него таить не надо.

Макееву на Урале — морские ракеты, Решетневу в Красноярске — спутники. Луна — это святое, это себе.

Системами управления «Союзами», которые делали люди Королева и гироскописта Кузнецова, проектанты довольны и по размерам, и по весу. И тут приходит Пилюгин, старый друг, тоже классный управленец, и предлагает свою систему для облета Луны. Королев согласился отдать ему часть системы. Но Раушенбах и Феоктистов говорят: схема Пилюгина неудачна.

Королев:

— Ну что мне делать? Если я ему откажу, то останусь совсем один...

Пилюгин сказал Королеву, что если Феоктистов будет мешать его людям, то он, Пилюгин, отказывается дальше работать.

Работы по программе облета Луны Л1 затормозились вмешательством Пилюгина. Правда, уже запущены первые три беспилотника.

Королев верил в Л1 — облет Луны, и в Л3 — высадку на Луну. Работы над Н-1 шли полным ходом. Американский вариант — на Луну высаживаются двое, третий ждет в трехместном корабле. Но 85 тонн, которые могла поднять на орбиту Н-1, не хватает. Королев яростно ищет резервы веса.

Создана экспертная комиссия по Л3 во главе с Келдышем. Работы могут прикрыть. Келдыш видит, что резервов нет. Он оставляет Королева.

— Представьте себе на минуту, что вы один на Луне! Это же прямая дорога в психушку.

В ОКБ тоже ропщут. Кое-кто пишет докладные — Л3 делать не надо. Королев сам понимал — если Н-1 дотянуть до 100 тонн, то и этого не хватит.

С Королевым рвет даже близкий человек — Леонид Воскресенский, Леня-Воскрес. Он испытывал все ракеты Королева.

Когда на Байконуре начали строить старт для ракеты Н-1, Воскресенский заявил: нужны стенды для огневых испытаний каждой ступени, в том числе и первой. Стенда не было, времени не было, денег на стенд не было.

— Не подпишу ни одной бумаги, пока мне не построят стенд. Если мы будем игнорировать американский опыт и продолжать строить ракету в надежде авось полетит, не с первого, так со второго раза, то нам всем — труба. Р-7 мы на стенде в Загорске прожгли в полном объеме, и то она залетала только с четвертого раза. Пускать

в небо стометровую громадину и от старта к старту ее отрабатывать — слишком дорогое удовольствие.

— Вы все хотите быть чистенькими, требуете стенд, отработку надежности, а я, Королев, вам этого не разрешаю! Стенды для второй и третьей ступеней будем ставить в Загорске. Стенд для первой ступени — нереально.

Воскресенский подает в отставку, и Королев ее принимает.

Совет главных распался. С Сергеем Афанасьевым, министром нового Министерства общего машиностроения (острили: Министерство машиностроения среднего и меньшего радиуса действия) Королев не нашел общего языка. Министр был крут.

4

Нужно первыми мягко сесть на Луну! Надо выйти на орбиту, с нее разогнаться, чтобы преодолеть притяжение Земли, затем торкознуться у Луны, а перед самым ударом должен надуваться большой «мячик», внутри которого и упрятана вся аппаратура. Поскакав по Луне, «Ванька-встанька» успокаивается, опадает, вылезают антенны, включаются телекамеры. Запуски неудачны.

Сергей Павлович поглощен «Восходом-2», но тут выясняется, что в середине марта 1965 года есть очень подходящее «окно» для запуска лунника.

Лунник выходит на орбиту, но сходить с нее не хочет, превращается в спутник. Этот старт видели Леонов с Беляевым.

Майское «окно» для Луны Сергею Павловичу не нравится: надо стартовать в двадцатилетие Победы, а тут еще космодром награжден орденом Ленина, гулянье идет. Задача — мягко прилуниться. Но «Луна-5» твердо попала в Луну — разбилась о скалы Моря Облаков. Торможение не получилось. Но это все же какой-то успех.

Зато в июле «Зонд-3» передал на Землю 25 фотографий обратной стороны Луны хорошего качества — полностью доснята обратная сторона. Мы первые делаем полную карту и глобус Луны! Если на видимой стороне лунные моря — поверхность, затопленная жидкой лавой, и материки, то на обратной стороне — огромная впадина.

Сентябрь — новый пуск к Луне. Ракета не смогла уйти со старта. Это был сильнейший удар по лунной программе!

A Ranger'ы — седьмой, восьмой, девятый — дают снимки видимой стороны очень высокого качества — Америка реально гото-

вится к высадке на Луну. На снимках видны кратеры диаметром менее одного метра.

Королев:

— Нам никак нельзя уступать им мягкую посадку. Американцы тоже только на седьмом пуске получили изображение поверхности. А мягкую посадку планируют только на 1966 год на «Сервейере». Если так будем работать, то отдадим им ее.

Феоктистов вспоминал: «Сергей Павлович разглядывал график оптимального времени стартов к планетам. Он повел по рисунку мягким движением руки. «Хорошо бы пройти по всему фронту и везде оказаться первыми». Осталось в памяти это мягкое движение».

Принято решение: Луну американцам не отдавать! Задача: К 50-летию Октября облететь Луну на Л1, в 1968 году — высадка на Луну. Луна — цель номер один. Королев был уверен, что высадка на Луну с помощью ракеты Н-1 реальна. А пока строится суперракета, можно облететь Луну.

В первом «Союзе» полетит один космонавт, во втором — трое. Они стыкуются, и двое переходят через открытый космос (слово придумали — «*понаружи*») из одного корабля в другой, и все возвращаются на Землю.

4 октября 1965 года, в годовщину запуска первого спутника, стартовала «Луна-7». Все четыре ступени носителя сработали, и пятая отправилась к Луне.

Оптика держит в поле зрения Луну и Землю. При подходе к Луне радиовысотомер строит лунную вертикаль — отсчет расстояния. Если Земля уходит из «трубы», включается торможение.

— До Луны шесть тысяч километров.

— Пять...

— Четыре...

И вдруг:

— Потеря Земли. Потеря Земли.

Мягкая посадка опять не получилась. «Луна-7» просто шлепнулась на лунную поверхность. Но были три дня надежды...

Келдыш: «Срочно готовить следующий запуск».

Ярослав Голованов в последний раз встретился с Королевым в декабре 1965 года. Разговор зашел о предстоящем запуске «Луны-8».

Королев:

— Мы выбрали все возможные ошибки. «Луна-8» должна сесть. В крайнем случае — «Луна-9»...

Стартует «Луна-8». Коррекция траектории успешна. Теперь автомат мимо Луны не пролетит. ТДУ сработала отлично. Как выяснилось, сломался пластмассовый кронштейн, и, когда «мячик» стал раздуваться, острый край этого кронштейна проткнул баллон «Ваньки-встаньки». Лунник разбился.

Для Королева это был последний пуск. В последний раз он с двумя монетками в кармане драпового пальто прошел рядом с ракетой, которую вывозили на старт.

В Москве готовился большой разнос. «Луна-8» была первым аппаратом программы Е-6, который изготовлялся по чертежам ОКБ Королева не на его опытном производстве, а в хозяйстве КБ Бабакина. Королев понимал, что бить за то, что не получилась мягкая посадка, будут не его, Королева, а Бабакина. Понимал, что лунную программу могут закрыть. Доклад в Кремле, на ВПК, Военно-промышленной комиссии, должен был делать Черток как технический руководитель программы Е-6. Поехали в Кремль.

Королев, ломая повестку дня, взял слово.

— Я не хочу, чтобы Черток разворачивал свои плакаты. Поймите, мы сейчас ворвались в область, нам неизвестную, никому неизвестную. Но от пуска к пуску мы приближаемся к успеху. Я верю в него. Мы настолько близки к победе, что я могу гарантировать: следующая попытка будет удачной. Идет процесс познания. И мне кажется, нет нужды всем нам тратить время и слушать Чертока...

Королев умел внушительно делать такие короткие, по одной минуте, доклады.

Черток:

— Если бы я выступил тогда, проект Е-6, возможно, прикрыли бы...

5

Королеву предстояла операция. Накануне ее Афанасьев на коллегии космического министерства устроил жестокий разнос королевскому ОКБ.

Трахеотомный разрез на горле. Ему не смогли корректно ввести дыхательную трубку в трахею — он не мог широко раскрыть рот. У него были сломаны обе челюсти — память о Колыме. Об этом не знали анестезиологи.

Оперировал сам министр. Никто не представлял, что на таком уровне могут быть грубые медицинские ошибки, неподготовленный аппарат искусственного кровообращения, что не смогут остановить кровотечение. Королев умер 14 января 1966 года.

Валентин Глушко проводил в своем кабинете совещание, когда ему позвонили по «кремлевке». Потом он сказал:

— Скончался Сергей Павлович. — Короткая пауза. — На чем мы остановились?

На сберкнижке Королева оказалось 16 рублей 24 копейки. У Дома Союзов Глушко сказал: «Я готов через год умереть, если будут такие же похороны». Смерть рассекретила Королева.

3 февраля 1966 года, через 20 дней после гибели Сергея Павловича, «Луна-9» мягко прилунилась в районе Океана Бурь. Успех посвятили XXIII съезду КПСС. Получилось так, что англичане приняли ее радиосигналы, расшифровали их, построили рельеф и раньше нас увидели лунные скалы и тень от станции. На Луне нет мощного слоя пыли! Королев был прав, подписав бумагу — «Луна твердая». Алексей Леонов считал, что наш полет на Луну не получился только потому, что Королеву не хватило жизни. Королев послал станции к Венере и к Марсу, но он не узнал о мягкой посадке на Марс, не увидел панорам раскаленной Венеры. Он запустил «Венеру-2» и «Венеру-3», но, когда они долетели до планеты, его уже не было.

Гагарин хранил в сейфе медальон с прядью волос Королева: «Я доставлю Сергея Павловича на Луну».

*Всё равно — колун, кирка ли,
Карандаш иль мастерок,
Так работать, чтоб сказали:
«В духе старых мастеров»,*

*Чтобы жить не пустяками,
А прервется если труд,
Чтоб потомки постигали
Неоконченный этюд.*

Глава 21. Уренгой

1

Шли вглубь Ямала, на Арктическую площадь. Там постоянные ветры. Балки заносило снегом по самую крышу. Летом всё возили на военной технике, вездеходах — легкие тягачи АТЛ, средние АТС, тяжелые АТТ. Рядом с Обской губой нашли Новопортовское газовое месторождение. Работы вел Брехунцов, друг Евграфа Теплякова (оба книголюбы). Потом был мыс Каменный, Газ-Сале — Тазовская экспедиция. При переезде Брехунцовы загрузили вертолет книгами под завязку. Дальше — работа в Тюменском обкоме партии. Потом Уренгой, снова Ямал. Зимой — жизнь в бамовских домах, выдуваемых ветром, мгновенно горящих. Панели — два фанерных листа с набитой между ними минеральной ватой. Кто это придумал?

Буровые бригады выходили на побережье Карского моря. Работы вел Ямало-Ненецкий трест во главе с геофизиком Бованенко.

2

— Юрий Георгиевич, открытый фонтан на №101 — Пурпе.

Эрвье полетел в Тарко-Сале. Взял с собой Николая Григорьева. Тот работал тогда в Правдинской экспедиции и в Тюмени оказался случайно. По привычке взял с собой пожарную мотопомпу. Так, на всякий случай.

Когда Эрвье с Григорьевым садились в Ли-2, к ним, запыхавшись, подбежал Быстрицкий:

— Из Салехарда звонил Подшибякин: на Тазовской Р-4 тоже аварийный фонтан с пожаром. Там маленько попроще — колонна спущена.

Из Тарко-Сале Эрвье направился в Пурпе.

Пламя поднималось на сотню метров. Растопило снег и лед на реке. Кратер рос на глазах, продвигаясь к реке.

3

Буровую №101 — Пурпе, на реке Пяку-Пур — закрутили в январе 1965 года. На глубине 700 метров вскрыли залежь газа. В ночь с 10 на 11 февраля при подъеме бурильной колонны начался выброс

раствора. Бурильщик растерялся и бросился бежать с буровой, не заглушив превентор. Струя газа раскачивала вышку. Фонтан загорелся. Через десять минут вышка разрушилась. В кратере исчезло всё оборудование с верхней обсадной колонной, называемой кондуктором. Вокруг скважины пошли газовые грифоны.

Впервые Григорьев увидел стену огня под Ленинградом на Синявинских высотах, когда уходил с разведчиками за языком, в немецкий тыл, а залпы «катюш» прикрывали их. На аварийной скважине, как на войне: «Я не могу посылать людей на риск, не проверив, что туда можно идти и возможно выполнить задание».

Скважину 101 бурили с отклонением от проекта. Перед спуском кондуктора не сделали каротаж. Превентор установлен, но не был сделан защитный подход к нему.

Вызвали самых опытных фонтанщиков в стране — Мчияна из Баку и Решетникова из Украины. Смог приехать только Решетников. До железнодорожной станции Лабитнанги — 600 километров. Буровая установка — в Тазовской экспедиции, за 300 километров. Впервые из Салехарда в Тарко-Сале доставляли оборудование транспортные самолеты Ан-12. А уже к фонтану тащили грузы вертолеты Ми-6.

Фонтан горел прямо из воды. Кратер вырос до полукилометра в диаметре.

Решение: бурить наклонную скважину, делать гидроразрыв пород выше кровли газового пласта — соединиться с аварийным стволом и забить газ раствором. Легко сказать. Но где этот пласт? Эрвье предположил, что он был встречен еще при бурении под кондуктор. Сначала решили пробурить оценочную скважину в 300 метрах от аварийной. Работали под прикрытием огромного брезентового полога, который постоянно поливали водой. Пока испытывали сеноманский газовый пласт мощностью 70 метров, паводок сошел, и кратер подступил к устью. Бульдозер непрерывно насыпал грунт.

Теперь — бурить наклонную. На глубине 708 метров, когда начались газопроявления, провели гидроразрыв. Бурового раствора приготовленного из глинопорошка, было мало, поэтому решили качать воду, а потом уже раствор. Прилетел Эрвье и вот что придумал. Два бочонка чернильного порошка растворили в мернике с водой, закачали в скважину и продолжили качать воду. Чернильная пена появилась на краю кратера через сутки. Воду качали и качали, пока в конце августа фонтан не заглох. Через несколько часов

фонтан заработал с прежней силой. Из ракетницы подожгли газ. Что делать? Скоро морозы, закачка станет невозможна. Григорьев велел закачать весь приготовленный бурраствор в скважину под давлением 500 атмосфер. Фонтанирование прекратилось.

Радиограмма Соболевского в Тюмень — светлая лирика: «Вода в кратере остывает, поднимается туман, тихо, фонтан ликвидирован». Это было 8 сентября. Он бушевал шесть с половиной месяцев. Через три с лишним года на Пурпе получили хорошую нефть из верхней юры. Месторождение назвали Губкинским.

4

Теперь о Тазовском фонтане. Геннадий Богомяков, гидрогеолог по образованию, — секретарь Тюменского обкома партии с 1973 по 1990 годы. Вместе со своим предшественником Щербиной он вел яростную борьбу против строительства Нижнеобской ГЭС в Салехарде и каскада электростанций на Оби, проекта, поддержанного Косовым, тогдашним первым секретарем. Плотины могла затопить территорию, равную Пермской области. Вопрос был снят только в 1966 г., после открытия газовых гигантов.

Ровнин предложил бурить Тазовскую опорную, и чем быстрее, тем лучше. Большие запасы нефти и газа — лучший аргумент против очередной «стройки века». Однако на совещании в Новосибирске в 1959 году первый замминистра геологии Евстафий Яковлевич Дмитриев заявил: «Ровнин напрасно тащит нас к белым медведям».

Все-таки в сентябре 1961 года забурили скважину №1 на высоком берегу реки Таз в 17 километрах от поселка Тазовское. Когда-то здесь проплывали кочи поморов в «златокипящую Мангазею».

Несмотря на газопроявления, превентор не установили, а при достижении глубины 2500 метров отказались от спуска промежуточной колонны. 17 апреля 1962 года после спуска инструмента не удалось восстановить циркуляцию. Скважина зафонтанировала чистым газом, потом в струе появилась вода, и выброс прекратился. Скважина молчала, но к ней боялись подойти. Потом оказалось, что ствол обвалился и заглушил выброс. Вышка упала.

План Григорьева — расчистить устье, взрывом потушить пламя и после этого задавить скважину.

Зарезали второй ствол. При глубине 2200 метров началось фонтанирование газом с водой. Летели вверх куски породы. Почему же

скважина не обваливается — ведь более 1000 метров не закреплено трубами? Догадка: газовый пласт — сразу под колонной. План — свалить вышку, установить спецарматуру и задавить скважину.

Гора соленого влажного снега в двадцать метров. Мороз. Расчищена узкая траншея — подход к задвижке. Трое смельчаков пытаются установить фонтанную арматуру. Высечешь искру — газ вспыхнет. Первая попытка неудачна. Снежная гора рухнула, но ребят откопали.

Так рисковал Мэрчисон. Так рисковал Леонов. Вторая попытка — успех. Надели на горловину скважины арматуру. Фонтан зажат заливкой цементного раствора.

Под этот газ в июле 1963 года организована Тазовская экспедиция. Начальником Эрвье послал Подшибякина — никто другой не соглашался. Дорога: от Салехарда, где ближайшая перевалочная база, речным караваном подняться по Обской губе, войти в Тазовскую губу до устья реки Таз. А там — рукой подать до того самого поселка Газ-Сале. Экспедиция обустроивалась на пустом месте. Направили лихтера, а крана ни одного. Подшибякин сказал: «Цусима». На Тазовскую площадь завезли 4 станка.

Моторный Быстров — главный геолог Тазовской экспедиции. Быстров — значащая фамилия. Он не сумел поступить в Ленинградское высшее военно-морское училище. После окончания Саратовского университета ему предложили работу на юге Тюменской области. Но он рвался на север: «Дайте настоящее дело, я все же университет окончил». Его перевели в Березово, в конце концов перебросили на Ямал — в Тазовскую экспедицию. Двое его сыновей все-таки стали авиаторами. Начальник у него надежный — Подшибякин, тот самый, о переводе которого из Нижневартовской партии в Березово горевал мастер Норкин: «Пошто забрали Василия Тихоновича?» Подшибякин тоже после Губкинского института просился в Сибирь, на тюменские севера.

Поисковая скважина №2 — в 4 километрах к северу от опорной. Испытанию подлежало три объекта. Первый объект — пласт готтерив-барремского возраста — вода. Но и в Широком Приобье он водоносен. Откуда же фонтан в опорной скважине? Где газ, где наш подарок пленуму партии? Второй объект — вода. Третий объект — сеноман. Газопроявлений при бурении не было. В Березово и Шаиме он бесперспективен. Но ведь газ в первом номере откуда-то шел? Подшибякину нужна работа для четырех станков.

В сеноман верили только Ровнин и Карогодин — ученый из Новосибирска. Они отобрали породы, выброшенные фонтаном в Р-1. Возраст — туронский. Турон — это покрывка над сеноманом.

Давление снижали заменой глинистого раствора на воду. Обычно когда из скважины выносятся последние порции воды и скважина начинает фонтанировать газом, слышен громкий хлопок, а затем — рев газа. Так было и здесь. Вахта разбежалась. Остался Быстров с дизелистом. Они перекрыли задвижки фонтанной арматуры.

Сеноман на Тазовской структуре — газоносен! Открыла его последняя из 26 сенокосовских опорных скважин в низменности. Так началось время газовых гигантов.

Старшим геологом в тресте «Ямалнефтегазразведка» был Юрка Перемышцев, Элвис Пресли нашей группы НГ-54-1. Управляющий трестом — геофизик Вадим Бованенко. После двойной аварии на скважинах 101-Пурпе и 4-Таз Министерство геологии после ликвидации тазовского фонтана в 1965 году настояло на его увольнении.

Бованенко любили — высокий красивый человек. Эрвье взял его замом главного геофизика, дал квартиру в Тюмени. Но Бованенко привык быть на передовой линии. Уехал работать по контракту в Пакистан. Эрвье считал, что это тайм-аут, но последовала трагическая гибель Вадима. Ему было всего 38 лет. Почему-то самые красивые ребята уходили в раннем возрасте — Бованенко, Сутормин, Гавриков, Рогожников.

Рогожников стал новым управляющим трестом. Он казался жестким человеком, и прозвище у него было — «железный канцлер». Серьезный не улыбающийся человек. Почти ежегодно, начиная с 1962 года, сходил до больших низов. Его переводили на прорыв в отстающие экспедиции.

— Ты не обижаешься, что тебя награждают, а через некоторое время снимают и направляют на низшую должность?

— Нет. Это совершенно естественно в геологии.

Геннадий Быстров считал, что его суровость была напускной, что он был скромным и даже застенчивым человеком.

Он вспоминал о времени, когда Рогожников был главным геологом Березовской экспедиции, а сам Быстров — старшим геологом по испытанию:

— В то время мы испытывали скважины пробоотборниками с часовым механизмом. В пластовых условиях часы часто останавливались. При испытании одной из скважин я из-за этого не смог получить часть замеров. Сообщил — прибор под давлением не

работает. Рогожников прислал телеграмму: «Сделайте так, чтобы прибор работал». Вместо часовых механизмов мы придумали ударный прибор. Потом методику усовершенствовали, сделав универсальную головку. Это стиль того времени — «Сделайте так, чтобы прибор работал».

У Рогожникова была мечта детства — после выхода на пенсию купить большой дом, вырыть пруд, разводить карасей и, наконец, заняться наукой. До болезни он успел купить дом под Тугулымом, закончить кандидатскую диссертацию. Он до конца верил в выздоровление.

У Ровнина — вертикальный взлет. В 1968 году его назначили начальником Главнефтеразведки РСФСР, через два года — министром геологии России. Улыбчивую круглолицую девушку Галю Габелко из нашего потока, которая первой увидела в желобе шаимскую нефть — первую промышленную нефть Западной Сибири, он взял в Тюмень, потом в Москву. Галя рано ушла из жизни.

5

После Тазовского сеноманского газа у Подшибякина отлегло от сердца. Очень быстро, в сентябре — октябре 1965 года (глубины до сеномана невелики) Тазовская экспедиция пробурила скважину №3 на крыле Заполярной структуры. Мощность газового пласта — 212 м. В Тюмени не поверили: «Повторите каротаж». Повторили: ловушка заполнена под замок. В Тазовское приехала большая комиссия.

Эрвье:

— Быстров, докладывай обстановку на Заполярном.

— Категория С1 — 500 миллиардов, С2 — 700 миллиардов кубометров.

Эрвье:

— Что? Да я тебя за такие фантазии уволю!

Но размеры структуры — 29 на 47 километров! Но мощность пласта — 212 метров! Выездная сессия ГКЗ утвердила запасы газа — 1,7 триллиона кубометров. Потом на глубине нашли еще и нефть с газоконденсатом. На разведку такой громадной структуры, по требованиям ГКЗ, понадобилась бы уйма скважин. Ровнин предложил разведать месторождение редкой сеткой — газ легче отбирать, чем нефть.

Это был первый триллионник!

В июле 1966 года закрутили первую скважину на Русском поднятии — на крыле, по опыту Таза и Заполярки. Быстров уже начальник Тазовской экспедиции. В 1968 году впервые получили нефть в сеномане. Первоначально была единая залежь с газовой шапкой. Потом она была разбита на шесть блоков, в каждом из которых нефть и газ имели свой уровень контакта с водой. Фантастически сложная геология!

Это было время великих открытий. А геофизик Аркадий Краев ушел в Тюмень — доводил до ума сухопутный сейсморазведочный бон: это общая работа с Бованенко и Шмелевым. Эрвье не мог понять Краева — в такое время уйти с севера! предложил ему должность управляющего трестом «Ямалнефтегазгеофизика».

— А что, в Салехарде некого назначить?

Жену Зинаиду вызвал Эрвье:

— Помогите Аркадию принять правильное решение.

Впереди Ямбург. Еще в пятидесятых годах на юге Тазовского полуострова легкими методами — аэромагнитной и гравиметрической съемками — была выявлена аномалия. Сначала это место называли Ямпур — «серое болото». Потом название переделали в Ямбург. Подозреваю, что это придумали питерцы: ведь Ямбург — это старое название Кингисеппа на реке Луга. В 1969 году вышку перетащили в вертикальном положении с Тазовской площади — на 230 километров, причем 150 километров по льду реки Таз и Тазовской губы. В скважине №2 в 1969 году получен большой газ из сеномана. Это был очередной газовый гигант.

6

Сильные фамилии у самых надежных северных геологов — Гиря, Подшибякин, Рогожников, Токарев, Быстров. Не так их было много — людей, которые тянут воз.

Иван Гиря таким увидел Эрвье: строгий смуглый человек отчитывает в коридоре буровика: «Ты все муфты сжег, где я тебе их возьму? Иди отсюда, иначе розгами высеку». Простота и грубоватый юмор понравились.

Гирю распределили в Березово. Там было такое развлечение — в отвод бьет газовая струя дебитом полтора-два миллиона кубов

в сутки. Игра: бежать против струи — кто больше продвинется. Это была игра со смертью!

В 1964 году, когда освободили начальника Нарыкарской экспедиции, Гиря работал главным инженером.

Эрвье:

— Принимай дела, Иван Яковлевич.

Гиря:

— Ищите начальника.

— Как главный инженер ты должен исполнять обязанности начальника?

— Должен.

— Иди и исполняй с зарплатой главного инженера, пока не помнеешь.

Гиря ждал. Эрвье тянул время:

— Ищем, ищем тебе начальника.

Через год приказ: утвердить тов. Гирию Ивана Яковлевича в должности начальника экспедиции.

Это манера Эрвье:

— Что стесняешься, бурильщик?

— Я буровой рабочий.

— С сегодняшнего дня ты бурильщик.

Осенью 1965 года Гиря попросил управление прекратить работы в Березовском районе. Были два района для переброски: обжитой, в районе реки Назым, или тундра в районе Уренгоя, что у Полярного круга. Там по сейсморазведке наметился интересный перегиб слоев. Гиря выбрал Уренгой. Туда поехали только добровольцы. Гире предложили до навигации 1966 года пробурить там поисковую скважину — за сотни километров от базы. Надо получить флюид! Экспедицию передали Рогожникову, в трест «Ямалнефтегазразведка» с базой в Салехарде.

7

Еще в 1957 году Эрвье создал, как острили, «Объединенную Арабскую Республику» — стянул в один кулак буровиков, геологов и геофизиков. Идея хорошая, но случилось то, чего многие опасались, — долото «раздавило» сейсморазведку. С 1966 года геофизикам вернули свободу. Теперь они спокойно занялись своими делами — внедрением конвейерного способа, другими словами, сухопутного бона, работой с невзрывными источниками.

Перегиб в районе Уренгоя, куда устремился Гиря, нашла Тазовская экспедиция, где главным геофизиком был Аркадий Краев. Как это было? Региональный профиль по реке Пур отработан в тяжелейших поверхностных условиях. Решили работать между поселками Уренгой и Тарко-Сале. Рвали по 10-20 килограммов тротила, но отражений ниже 1000 метров не было. Нашли участок, где с разрывами пошли отражения с глубин 2-3 километра. Черная опытная работа — игра величиной заряда, глубиной взрыва, групповыми взрывами, усилением каналов, применением различных фильтраций. Тибейсалинскую сейсмопартию высадили в заброшенной фактории Надомарра.

Собрались в кубрике катера «Академик Саваренский» за длинным самодельным столом, раскатали сейсмоленты. Вывод: в осадочном чехле, сложенном песчано-глинистыми отложениями, есть опорные сейсмические горизонты. Помогли вибраторы и метод ОГТ — общей глубинной точки. Кратное прослеживание давило помехи в противофазах и усиливало полезные отражения.

«Железнодорожная» партия отработала профиль вдоль заброшенной железной дороги Салехард — Игарка. С автомобилями снимали резину, и автомашины на металлических дисках ставили на рельсы. Свод структуры не получался. Это бывает на больших структурах — на своде повышенная сейсмическая *«шероховатость»*. Вот крылья получались. Поначалу было пять вариантов карт.

Базового поселка экспедиции еще не было. Краев вспоминал: «Название родилось дождливой июльской ночью в общежитии в поселке Тазовском. Час ночи. Водка выпита». Были варианты: «Геолог», «Мангазея». Остановились на «Газ-Сале» — Краев предложил.

Для первой скважины Р-2 выбрали место на территории бывшего лагеря заключенных — 501-й стройки. По сталинской идее, железная дорога должна была пройти от Вологды до Тихого океана. Первый этап — Лабытнанги — Салехард — Игарка — Норильск. После смерти вождя стройку прикрыли.

Вся структура еще не была оконтурена. На Уренгое впервые применялся вахтовый метод — Эрвье предложил. Вахты — по пятнадцать суток.

Скважину пробурила бригада Полупанова в мае 1966 года. Получен хороший фонтан газа из сеномана. Снова, как на Заполярке, применили редкую сетку разведки — через 15 километров.

Нарыкарская экспедиция готовилась к переезду в Уренгой, который по старой памяти звали «501-я стройка». Вагон-дома везли из Салехарда. Причалов нет, кранов не хватает, Пур обмелел. Грузы в Самбурге перегружали с лихтеров на мелкие речные баржи, которых никогда не хватало.

6.6.66 года (удивительная дата) — постановление Совета министров — об усилении работ на северный газ. Для доставки грузов задействована дивизия военно-транспортной авиации.

Люди в Уренгое не теряли чувства юмора. Геологу Жаворонкову жена прислала телеграмму: «Лева, выписала журнал «Коневодство». Срочно телеграфируй свое согласие».

Эрвье предложил Гире должность управляющего трестом «Ямал-нефтегазразведка» в Салехарде. Тот отказался:

— Я агитировал людей за переезд в Уренгой, а сам уеду в город. Как я буду людям в глаза смотреть?

8

6 ноября 1967 года было торжественно заявлено, что наша страна вышла на первое место в мире по запасам природного газа.

Открыты гиганты — Тазовское, Русское, Ямбургское, Заполярное месторождения. Супергигант — Уренгой. И название по-ненецки подходящее — «передовой» В сеномане — газ, в валанжине, юре — газоконденсат, нефть. Теперь Эрвье всегда имел в записке неучтенные запасы — триллион кубов газа и миллиард тонн нефти. Это подарочный фонд к пленумам и съездам.

Шесть лет, с 1971 года Подшибякин во главе Уренгойской экспедиции. Потом его сменил Быстров. При Подшибякине в Уренгое появилось кафе «Морошка». Собирались встречать в нем Новый год. Но вдруг — угроза всему поселку остаться без тепла. Дело в том, что уренгойцы придумали из маломощного сеноманского пласта на небольшом Береговом месторождении добывать газ для нужд поселка. Газ поступал очень влажный — пласт подстилался подошвенной водой. В крепкий мороз влага замерзла и перехватила газопровод. Нужно было спасать поселок. Подшибякин выступил по радио, и все, кто мог, пошли в аварийные бригады. За двое суток проложили двадцать километров трубы. Среди тех, кто спасал поселок, — Брехунцов, главный геолог экспедиции.

Виктора Ивановича Муравленко, начальника объединения «Куйбышевнефть», направили в новое, уже *добычное* управление «Главтюменьнефтегаз» по рекомендации Байбакова. За ним поехало множество куйбышевчан. На это Байбаков и рассчитывал.

Рассказ Романа Ивановича Кузоваткина, до Самотлора руководившего крупным Мухановским нефтепромыслом в «Куйбышевнефти»:

— Пятнадцать суток вышкомонтажники перетаскивали станок из Мегиона на Самотлор. 120-тонный буровой блок сходу провалился в топь, скрытую под снегом. Приходилось всё отогревать паром. Так что на Самотлоре основной проблемой был транспорт. Остановились на магистральных бетонных дорогах, от них — лежневые насыпные дороги. Но строительство бетонок всё время откладывалось — дорого.

Как-то позвонил Муравленко: завтра утром прилетает в Нижневартовск Ефремов, зампред Совмина. Я должен его встретить, а Виктор Иванович прилетит из Тюмени с Щербиной к обеду: «Наша с тобой задача — доказать ему, что хорошие дороги должны строиться по Самотлору опережающими темпами». Весной из старого аэропорта в Нижневартовск дорог вообще не было. Кроме того, между аэропортом и поселком протекал бурный ручей. На двух его берегах — по двадцать пар болотных сапог. Люди разувались и переходили ручей. Я взял два вездехода ГТТ, поехал в аэропорт. Один вездеход оставил недалеко от ручья. От аэропорта поехали в Нижневартовск. На ручье (по программе) вездеход заглох и начал погружаться в воду. Из кабины перебрались на крышу. Через двадцать минут подошел второй вездеход, на нем доехали до гостиницы. Во время переезда я проклинал всех, кто не дает денег на дороги. Ефремов отмалчивался.

Приехали Муравленко и Щербина. Ефремов рассказал о путешествии. Позвонил Байбакову. Вопрос о бетонных дорогах был решен. Щербина врезал мне за некомфортабельную встречу гостя. Потом без гостя долго смеялся над нашим проектом. Денег на дороги дали столько, сколько могли освоить.

Виктор Иванович был пробивной мужик. Он не допускал высокомерия. Однажды с первым замминистра Оруджевым и Муравленко мы должны были осмотреть Мегионское месторождение в паводок. Оно почти полностью было под водой. Я заказал «Ракету», втроем подъехали на причал. Капитан вместе с командой

мыл палубу, засучив брюки. Он, не прекращая работать шваброй, пригласил нас на палубу. Оруджев: «Где капитан?» — «Я капитан». — «Какой ты капитан, ты босяк. Виктор, я с этим босяком не поплыву». Сел в машину. Виктор Иванович потихоньку сказал мне, чтобы я предупредил капитана, как себя вести и чтобы он переоделся. Через двадцать минут они вернулись на причал. Капитан, уже переодетый, в начищенных ботинках встретил их у трапа с докладом: «Товарищ первый заместитель министра нефтяной промышленности, «Ракета» готова к плаванию».

Оруджев:

— Вот это наш товарищ, понимает, что к чему.

Спросил, где старый капитан. Ему сказали, что переведен в матросы.

— Вот это правильно.

Потом Виктор Иванович подошел к капитану, извинился за Оруджева:

— Он мужик неплохой, но очень любит чинопочитание, ты уж извини его.

Глава 22. Унесенные ветром

1

Главным конструктором после Королева стал Василий Павлович Мишин.

Задача: к пятидесятилетию Октября облететь Луну на Л1. Если уж не успеем облететь Луну, хотя бы сделать стыковку «Союзов». После двухлетнего перерыва возобновились пилотируемые полеты.

Спешили к 1 мая. В апреле 1967 года выведен на орбиту «Союз-1» с Владимиром Комаровым на борту. Он, инженер, был первым испытателем «Союза». Предполагалось поднять в космос два «Союза» и выполнить стыковку. Хрунов и Елисеев должны были перейти от Быковского к Комарову. На третьем витке у «Союза-1» начались отказы: «Солнечная батарея не раскрылась, астроориентация не прошла». Посадка на 17-м витке не состоялась из-за плохой работы датчиков ионной ориентации. На девятнадцатом витке Комаров вручную выполнил труднейший, не предусмотренный инструкцией вариант посадки.

На Земле в первый раз улыбнулся хмурый Келдыш.

Тормозная система сработала нормально, парашют раскрылся. Корабль приземлился в районе Орска. Это была безупречная работа...

Когда поисковики сели, корабль еще горел. Гагарин, Леонов и другие космонавты, как пишет Каманин, «печально осмотрели останки друга».

Что произошло? Комаров сориентировал корабль, выдал тормозной импульс и посадил на свою территорию. Не расчеховался купол основного парашюта. Комаров не мог и никто не мог открыть солнечную батарею и вытащить парашют из контейнера. Если бы на «Союзе-1» после выхода на орбиту открылась солнечная батарея, то полетел бы «Союз-2», была бы стыковка и гибель не одного Комарова, а трех космонавтов. «За други своя» — так было удобно думать конструкторам. По команде автоматики был введен запасной парашют. Он не раскрылся. Спускаемый аппарат разбился.

В транспортном самолете на пути в Москву Гагарин — дублер Комарова достал водку, нарезал колбасу. Мишин рассказывал: «Юрка выпил и заплакал».

2

В январе 1968 года в Подлипки едет для тяжелого разговора министр Афанасьев:

— Американцы жалуются, что график по Луне срывается на 80 часов, а у нас срывы на многие месяцы. У нас нет такой национальной задачи, как американская программа «Аполлон»!

Н-1 выводит на орбиту 95 тонн, «Сатурн-5» — 140. Глушко обещает сделать для Н-1 водородно-кислородный двигатель на 200–250 тонн. Но Мишин не хочет иметь дело с Глушко.

В ОКБ-1 не очень-то верили в пилотируемый полет Л1. Если беспилотник облетит Луну и вернется на Землю раньше американцев, то зачем посылать человека? Но программа Л1 утверждена!

2 марта 1968 года — пуск Л1. Челомеевская ракета УР-500К вывела корабль на расчетную околоземную орбиту. Двигатель блока «Д» разогнал корабль до второй космической скорости. Л1 обошел расчетную точку на удалении 330 000 километров и повернул к Земле.

Первая и вторая попытки ориентации не проходят. Астрокоррекция — это поиск, захват и попытки удержать звезду, чтобы не

потерять корабль. Солнце захвачено, но астродатчик не нашел самую яркую звезду Сириус. Если не удастся выполнить третью коррекцию, то корабль может не вернуться на Землю. Борису Чертоку это напоминало канадский хоккей — борьбу за шайбу на пяточке. Надо захватить Сириус и загнать его в ворота — поле зрения звездного датчика. Какая-то помеха — упустили звезду. Сириус захвачен, но астродатчику что-то мешает работать с ним. Спасибо фортуне, помогла захватить Венеру. Л1 вошел в атмосферу! Л1 возвращается к Земле — опять хоккей, еще одна коррекция. Сириус взят, шайба в воротах — и заветные слова: «Объект идет по целеуказанию!» Однако отказ системы управления спуском привел к тому, что корабль снижался по баллистической траектории, проще говоря, падал, как камень. Его подорвали над Гвинейским заливом, дабы не попал в лапы американцев. Что же произошло с датчиком? В конце концов разобрались: краска на бленде объектива разогрелась, и частицы ее осели на голубой оптике.

Но это было первое в истории возвращение космического корабля к Земле со второй космической скоростью!

Пять благополучных полетов беспилотников — пора переходить к пилотируемым пускам.

Первый лунный экипаж: Леонов — Макаров, второй: Быковский — Рукавишников. Резерв: Попович — Гречко. Быковский лучше всех переносил невесомость, перегрузку в 9 единиц держал 25 минут. Гагарин тоже входил в «лунную группу».

Через две недели Гагарин разобьется в тренировочном полете. Сейчас он смеется: надо отметить возвращение лунника, пока конык не остыл.

3

«Те поблекшие, те неутешные снимки...» После полета Гагарина в Гжатск в родительский дом налетели газетчики. Альбом с семейными драгоценными фотографиями взяли у родичей в гостиницу под честное слово и не вернули.

Шрам на виске — Юрий выпрыгнул из окна медсестры крымского санатория, то бишь Кэтти, служанки леди Винтер. Метил в клумбу, а угодил в выложенный полукирпичами бордюр.

Пропуск на аэродром — перед последним своим полетом он забыл его, пришлось возвращаться.

«Всё это пустяки, сущие пустяки», — сказал бы Атос.

...27 марта 1968 года, через семь лет после полета в космос, Гагарин с инструктором Серегиным вылетели из аэропорта Чкаловского на МиГ-15-УТ. Задача — простой пилотаж в районе города Киржача. Погода хорошая, двухслойная облачность. До сих пор никто толком не знает, что произошло в небе. Ясно одно: МиГ перед столкновением с Землей круто пикировал с четырех километров. Времени на катапультирование не было. Гагарин сидел впереди. Первым должен был прыгать Серегин. Он не прыгнул. Серегин был обречен, если бы прыгнул Гагарин. Один за всех. Один за одного.

Джон Гленн поскользнулся в ванной и так неудачно...

...Самолет упал в густом лесу. На месте катастрофы нашли кусок куртки Гагарина с талоном на завтрак в кармане, бортовой журнал, заполненный его рукой красными чернилами, бумажник с удостоверением личности, водительскими правами, 74 рублями и фотографией Королева. Маршал Вершинин связался с Каманиным:

— Скажи только — один или двое?

— Двое.

О, какое глубокое, голубоокое небо!

Он прошел его, ибо всему назначается срок,

И вернулся на твердую землю. Нелепо

На ковровой дорожке у него развязался шнурок,

На ковровой дорожке секретного аэродрома,

Не к добру развязался...

А потом этот шрам у виска,

И еще — кто-то взял — не вернул из семейного фотоальбома

Те поблекшие, те неутешные снимки...

Такая тоска!

И еще — он забыл свой последний прижизненный пропуск,

Перед тем, как пропасть, — и вернулся домой,

Перед тем, как пропасть, провалиться в последнюю пропасть,

Перед тем, как небесные своды, как воды, сомкнулись над головой,

Перед тем, как взлететь над весеннею рощей,

Перед тем, как в сходящемся вздрог лучей

Вдруг очнуться в титановом комбинезоне над площадью,

Где Дом обуви, трансгентство и магазин «Тысяча мелочей».

Глава 23. Уньва

1

Доктор Галимов, любимец Спартака, лег на трибуну, вобрал голову в плечи, вытянул по кафедре руки так, что они образовали как бы первый план, и начал доклад. Самый шик — повесить затертую синьку. Он держал указку будто кий, выдвигая его, чтобы показать что-то на карте.

Потом вышел из-за трибуны. Качаясь, стоял, откровенно любовался своими чертежами.

— Синими ресничками выделена область отсутствия коллекторов. А различные генотипы нефти по изотопным характеристикам показаны беленькими, черненькими и красненькими точками. А это — видите? — на кривой получился ковшик... А эти кривые мне не нравятся — сырые зависимости....

Эрик Михайлович Галимов обрывал «сырой» край чертежа.

Винниковский:

— Поблагодарим вас за нестандартный доклад.

— Почему нестандартный?

— Это похвала.

— Мы пришли к этой гипотезе, держа свой ум свободным в отношении существующих теорий. Благодарю заказчиков за внимание и за терпение.

Мне поручено отвезти Галимова в гостиницу «Урал». Он на переднем сидении спартаковской «Волги». Мы учились с Галимовым на одном *потоке*. Он — в одной из четырех геофизических групп. После крымской практики по полевой геологии его приметил профессор Дахнов, и Эрик занялся изучением изотопии кальция в образцах из крымской Яйлы. Он быстро защитил кандидатскую, после чего взялся за изотопы углерода волго-уральских нефтей. Почему-то я не смог называть его по имени и на «ты».

— Эрик Михайлович, вы открыли, что у нас по изотопии три генотипа нефтей — рифейский, девонский и карбоновый. Наверное, вы подошли к решению проблемы происхождения нефти.

Пауза. Потом он повернулся ко мне.

— Теперь это меня не интересует.

Пауза.

— Кажется, вас интересует проблема происхождения алмазов?

— Сейчас нет.

Я набрался храбрости и спросил:

— А что вас интересует?

— Меня интересует проблема происхождения жизни.

На наших послеинститутских встречах я его не видел. Расспрашивал о нем геофизиков. Говорили, что Эрик не ходил на лекции по тем предметам, которые, как он считал, ему не пригодятся в будущей, надолго расчисленной жизни.

После доклада Галимова расслабленный Спартак пришел в геологический отдел, пил чай, любовался Людочкой Спасибо. Пусть просто сидит, кралечка, девочка-цветок, губки бантиком и глазки — два огня. Пусть ничего не делает, просто сидит, плюшками балуется, деньги получает. Никто ее ни разу не видел психованной. Хорошо! И действительно, поглядишь на нее, в одной ручке чашка кофе, в другой — плюхан из «Изюминки», бретельки просвечивают сквозь доверчивую кофточку. Подойдешь и примешь из белых ручек толстую папку «руководящих указаний» или тонкие скоросшиватели «любимых руководящих указаний» и «протоколов совещаний на высшем уровне».

— Людмилочка, вы шустрая эрудированная девушка.

— Спартак Аронович, я бываю ленивой, немножечко малахольной. В детстве я мечтала торговать мороженым. Или быть пастухом собак.

Всё получалось у Людочки, даже конкурс «Вечерки» выиграла, придумала название для новой кондитерской — «Изюминка». На пожалованный ей огромный торт «Парма» пригласили и разработчиков — «за-стенчивых» соседей, за стенкой то есть. Это ВДВ, Викторин Владимир Дмитриевич, их начальник придумал.

Иван Иванович заваривал чай.

— Семигудыч, хорошо, что ты пришел. Не уходи, без тебя лучше.

*Чай попил — орлом летаем,
Водку пил — земля лежим,
Деньги есть — с чужой гуляем,
Денег нет — к своей бежим.*

— Что же вы без меня торты пьете? Я же сказала, что ушла на размножение.

— Для чего создана женщина? — по-замоскворецки спрашивал Иван Иванович и сам себе отвечал: — Для блеску, Мокий Парфеныч, для блеску, для роскоши.

— Напрасны наши совершенства, — кокетничала Людочка.

— Попили-поели, теперь ещё чего-то надо — шутя, любя, играя. А вы, Людмила Павловна, что вы сделали для выполнения плана?

— А что я? Я сижу на месте, Иван Иванович.

— А надо не сидеть, а работать! Работать! Проникнуться чувством выполнения плана! Ну-ка, оторви от стула свою нежную, свою чугунную — надо найти указку.

Людочка вспыхнула.

— Какие мы ранимые. Ладно, ладно, хорошая девочка. Садись, пять.

— Вот ведь черт какой, — радостно говорила Людочка. Иван Иванович подхватывал ее под ручку: «Гражданка, пройдемте. Взятку не суйте. А впрочем, давайте».

— Старый плейбой!

— ...сказала ему девушка нервно-паралитического действия. Эх, скорей бы на пенсию, и еще бы лет тридцать пропилить, чтобы государю тошнехонько стало. Да если еще и жена будет работать, я ее всегда прокормлю. Хотя и говорят, что у меня физиономия шире колеса, но здоровье прихватывает. Всё болит. Спина болит, жена болит. Зато получишь денежку, жена как самолет летает.

Иван Иванович рассуждал:

— Руководить совсем не сложно. Надо иметь в голове хотя бы пару прямых извилин. Самое трудное — уметь подчиняться. Русский народный афоризм: «Лучше быть маленьким начальником, чем большим заместителем». Тружусь, как лось. А что толку?

— Иван Иванович, а вы можете работать министром?

— Конечно, могу. Скажем, нет труб. Вызываю начальника управления. «Есть трубы?» — «Труб нет». — «У тебя должна быть заначка. Гляди в глаза, ферфлюхте унмёглих! В глаза! В глаза гляди, не опускай голову-то. Так есть трубы или нет?» — «Ну, есть». Вот так. Руководить легко — подчиняться трудно. У-у, проклятая деревня — молоко нашел, так денег нету.

2

Докладывал Архангельский:

— Направление движения по линии — Юрчук — Чашка... — чеканил он по-военному.

Кто-то положил мне руку на плечо. И опять: это было когда-то, очень давно это было — машина летит вдоль протоки, мимо цветущих диких груш; и все стоят в кузове и держат друг друга за плечи — бригада после спуска колонны едет в Уссурийск пить пиво с корюшкой в тот отрезок времени, который называется ОЗЦ — «ожидание затвердевания цемента»...

Главный инженер «Пермнефтегеофизики» Лев Константинович Орлов выложил на стол паспорт на новую структуру. Шершневец смотрел со стороны — какое будет впечатление.

— Что, что это?

— Это Уньва.

— Это ого-го. Ого-го и еще больше.

— Картина, достойная кисти Айвазовского! Никто, кроме него, не смог бы нарисовать такие сейсмополны.

— Костя, не отречешься от нее? Не напишешь картину: «Константин Заслонов убивает своего сына»?

— Нет, это шедевр.

Женя Черемных, друг Шнарс, только что вернулся из Ирака, схватил профиль:

— Дыр много, мусора много. Зачем красили по корреляции? Кто красил? Дайте ластик — от структуры ничего не останется.

Стёр раскраску.

— Надо же — осталась.

Орлов:

— Красивые волновые картинки. Не путать с «Веселыми картинками».

Она прекрасна — эта Уньва. Здесь можно взять хороший кусок.

— Архангел не сразу увидел жирный кусочек, а как увидел, сразу заорал: отдай мне.

— Поставлю два станка.

— Двумя станками ты захлебнешься.

— Жирная какая горбушка, — удивленно сказал Спартак. — Копейкой не закроешь. Продолжай, Юрий Хрисанфович...

— ...Я заканчиваю работу по линии Юрчук — Чашка... После чего наношу удар по Уньве.

— У тебя есть объекты по дороге.

— Туда нас пока не пускают военные.

— Надо выходить на министерство обороны.

— А мы не с министерством будем дело иметь, а с капитаном, — усмехнулся Архангельский. — Я ему объясню ситуацию. Он всё поймет.

— Сколько тебе ящиков водки надо, чтобы окончательно решить этот вопрос?

— Мне? Триста грамм.

— Нет, с тобой тяжело работать.

Шершнев смеялся, покачивался с пяток на носки.

Спартак поднялся, потянулся.

— Уньву надо показать гендиру. Со мной пойдут Шершнев и Орлов.

Архангельский поднял руку по-школьному.

— И я.

Спартак кивнул.

— А вы, детки, не шалите.

3

Николай Алексеевич Мальцев, генеральный директор «Пермнефти», удивительно схож с Уинстоном Черчиллем.

— Центральный комитет рассматривал наши дела. Был приказ 615-й, всем известный. Потом приказ 535-й по Пермской области. На нас надеются. Нам нужен прирост запасов. Прирост! Пермь уже на пятом месте в Союзе. Варианты на восьмидесятый год — 23, 25, 28–30 миллионов тонн. Как Шашин ждал Андреевскую структуру! Потом Геж. Эта-то надежна?

Орлов интеллигентно сказал:

— Структура подготовлена методом общей глубинной точки — ОГТ. Хотя это не панацея от всех бед.

— Не понял.

— То есть не лекарство от всех болезней. У нас только рекламные источники. Это ювелирный метод, позволяющий избавляться от волн-помех.

— Похоже, что это хорошая штучка. Надо выходить с бурением. Как сказал бы Шашин, чего вы *топтаетесь*? Министерство точно возьмет на контроль.

Все знали, что Мальцев с Валентином Дмитриевичем Шашиным, министром нефтяной промышленности, — свояки, женаты на родных сестрах.

Орлов:

— Николай Алексеевич, нам нужна ваша помощь. Взрывная сейсморазведка кончается. Нам нужно работать экологично — вы-

зывать упругие колебания в земле не взрывами, а вибрацией. Мы пытались достать виброрейсы, но у нас ничего не получилось.

— Слушай, Орлов, геофизическая наука вам помогает?

— Это другие люди, Николай Алексеевич. Они другими идеями живут. Им не структуры нужны, а монографии. Все лучшее сделал сам трест.

— Так поступим. По виброрейсу пишите Севастьянову. А мы напишем Фесенко, в инспекцию министра. Реакции не будет — прямо Шашину. Он очень остро воспринимает всё. Арушанов говорит: где вы были раньше — для «Азнефти» ковры покупали, что нам стоило два комплекта виброрейса для вас получить.

— Арушанов нас выгнал. Не могли получить графопостроитель, ксерокс. Были письма с хорошими подписями. Вся техника идет в Тюмень.

— Шашин может по башке настукать кое-кому.

— Николай Алексеевич, нам нужна ваша помощь.

— Не повторяйтесь, как говорит Шашин.

В коридоре Архангельский — Орлову:

— Вы заметили, Лев Константинович, как Костя Шершневец смеялся последней цифре?

— Тридцать миллионов?

— Страшно сказать. Я ночью проснулся, ветер воет. Ну, думаю, опять вахтовая машина застряла, три часа ночи, — сейчас надо вставать, идти в гараж, искать бульдозериста дорогу чистить — о-о-о! Ф-фу... Можно спать, меня это не касается. Аж засмеялся от радости: пусть воет, пусть, мне тепло, повернуться на другой бок, вытянуться и спать, спать, спать. Этот надо же — тридцать миллионов.

Народ толпился вокруг Жени Черемных:

— У вас ОГТ и на платформе не получается, дело пошло на конус. Не то что на передовых складках Урала.

— А у вас в Ираке?

— А у нас в Ираке и на базальтах получается.

Спартак подошел и возмутился:

— Почему мою любимую указку сломали? Как это произошло?

— Форточку открывали.

— Стоило на пять минут выйти, как сломали указку. Знаю, как вы форточку открывали. О чем с Евгением Михайловичем спорили?

— О передовых складках Урала и о базальтах Месопотамии.

— Тогда понятно.

Шершневу жестко сказал:

— Время покажет, что мы будем работать со 150-приборным группированием, как вы в Ираке на базальтах. Мы беремся за ОГТ с дальним прицелом — когда-нибудь будем брать Урал. Надо кушать передовые складки — подбирать технологию, долота. Это сумасшедший сундук.

В 1972 году Шашин взял Мальцева в Москву первым замом. Министром же он стал после смерти свояка.

Скандал. Эдуард Касьяненко привез светлую, как слеза ребенка, нефть из скважины на Ветосской структуре — ломаной-переломанной передовой складки Урала южнее Всеволодо-Вильвы. Насстоящая «разбитая тарелка».

Спартак Аронович рассвирипел:

— Откуда этот бензин? Из какой заправки?

Касьяненко молчал, поправляя очки.

Он не сказал, что лихие шофера заправляются этой газоконденсатной нефтью из скважины.

Потом Спартак оправдывался:

— Я никогда не видел нефти, столь похожей на бензин.

Касьяненко же не стерпел обиды, рассчитался и уехал в Западную Сибирь. Вырос до начальника геологического отдела Ямальской экспедиции, которая открыла Южно-Тамбейское месторождение — это тоже был светлый газоконденсат, подобный ветосскому. Ретроградные явления в пласте — его первая любовь.

Глава 24. Флоренский

1

Наш однокурсник Паша Флоренский — внук и тезка великого человека, которого называли «русский Леонардо».

После смерти Пашиного отца, Василия Павловича, преподававшего у нас в «керосинке» минералогию и петрографию, Паша стал старшим в семье. Заработок давало ему описание шлифов для различных организаций. Он изучал горы в микроскоп — «от метра

к сантиметру, к микрону, к ангстрему!»! Для изучения Земли нужны и микроскоп, и телескоп.

Однажды он услышал доклад Цареградского о галактических годах и критических параллелях. Земля — волчок и сплющивается в зависимости от скорости вращения. У него дух захватило — вся планета Земля была перед ним. Он вычислил палеокритические параллели для разных эпох и сделал доклад на астрогеологической конференции. Вместе с астрономом Черновым он установил, что события на Земле и Луне синхронны. Доклады Павла и нашего друга Юры Малиновского, создавшего науку — синфазную стратиграфию, публиковались в «Бюллетенях МОИПа» — Московского общества испытателей природы, и ВАГО — Всесоюзного астрономо-геодезического общества.

Однажды, прилетев из Владивостока в Москву, я увидел летящего по улице Павла.

— Извини, тороплюсь в университет. Мне обещали оставить двухтомник Страхова «Основы теории литогенеза»!

В те годы Паша по совместительству работал в ГИНе — Геологическом институте АН СССР, изучал Луну в лаборатории селенологии и сравнительной планетологии. Он писал о картировании района Океана Бурь, о распространении метеоритных кратеров, о применении космических съемок при поисках нефти и газа. Он смеялся: «Линеамент — это такой элемент аэрокосмических снимков, который дешифровщику не удастся отождествить ни с шоссе, ни с грунтовой, ни с проселочной дорогой».

В его новой кооперативной квартире на Юго-Западе, в Беляево-Богородском не было никакой мебели. Мы сидели на пачках космических снимков, приминая их, пили болгарское сухое вино «Гамза» в оплетенных бутылках.

Я продолжил старый, перед отъездом Паши в пустыню Гоби начатый разговор:

*Отец ее был добрый мальч,
В прошедшем веке запоздалый,
Но в книгах не видал греха.
Он, не читая никогда...*

И Паша подхватил, как в наши молодые годы:

*Их почитал пустой игрушкой
И не заботился о том,
Какой у дочки тайный том
Дремал до утра под подушкой...*

До следов тяжелых ботинок астронавтов на лунном грунте оставалось меньше полутора столетий.

В третьей главе «Евгения Онегина» поместье Лариных залито светом Луны. Поистине это серенада лунного света. При Луне Татьяна пишет письмо Онегину.

*...И вот она одна.
Всё тихо. Светит ей луна.
Облокотясь, Татьяна пишет...
Одна, печальна, под окном,
Озарена лучом Дианы...
И всё дышало в тишине
При вдохновительной луне.
И сердцем далеко носилась
Татьяна, смётря на луну...*

Буква «О» — «смётря» с ударением на первом слоге — как сама Луна. И еще одно письмо — Татьяны в библиотеке Онегина:

*На стекла хладные дыша,
Задумавшись, моя душа,
Прелестным пальчиком писала
На отуманенном стекле
Заветный вензель О да Е...*

Алексей Решетов глянул снаружи на это послание:

*И тяжело стоять перед окном,
И выводить слова любви на нем,
Чтоб только выюга дальнего села
Их шиворот-навыворот прочла...*

Это письмо, шиворот-навыворот, сжечь нельзя. «О» — это Луна и две ее половинки — с какой стороны ни смотри...

Онегин же не чувствует поэзии лунного света:

*... эта глупая луна
На этом глупом небосклоне.*

Пушкин жалеет, что

*Ночное небо над Невой
И вод веселое стекло
Не отражает лик Дианы.*

*И между тем луна сияла
И томным светом озаряла*

*Татьяны бледные красы,
И распущённые власы...*

В прижизненных изданиях и в первом посмертном 1837 года — у Пушкина у луны — не «томный», а «темный свет». Письмо брату Левушке: «Ты, голубчик, не находишь толку в моей луне — что ж делать, а напечатай уж так». Позднее издатели посчитали, что это опечатка — некому было защитить строку.

Похоже, что Пушкин знал, что «темный свет» — это слабое свечение почти полного диска Луны в новолуние, это слабый свет Солнца, отраженный Землей и дошедший до Земли. Путь фотонов: Солнце — Земля — Луна. Свечение темной Луны Леонардо да Винчи назвал «пепельным светом». Не отсюда ли название одного из сборников Алексея Решетова — «Темные светы»?

В ту пору, когда Пушкин писал третью главу романа, ему доставили письмо из Одессы от Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, любимой женщины. Знаки на печатке с сердоликом — такие же, как на пушкинском перстне. Она просила сжечь письмо сразу после прочтения. Пушкин заперся в своей комнате:

*Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...
Свершилось! Темные свернулись листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди.*

«Пепельный свет» Луны... Сожженная любовь.

3

Я представил, как Паша смотрит шлифы лунных пород, реголита — пылеватого порошка, насыщенного солнечным ветром, лунным гелием, водородом; как дрожащими руками трогает микрометренный винт микроскопа и скрещивает николи:

— Там нет слюды, нет амфиболов.

В честь Кирилла Павловича Флоренского назван минерал флоренсит, найденный в метеорите Каидум. Как-то он сказал пытливому племяннику: «Не задирай носа, смотри под ноги. Если и стоит заниматься чем-нибудь всерьез, так это тектитами».

С 1966 года Павлу не давал покоя метеоритный кратер Жаманшин в северном Приаралье, близ казахстанского города Челкара.

В 1977–1978 годах он во главе жаманшинской экспедиции, организованной Комитетом по метеоритам Академии наук. Взял с собой маленького сына Васю. Об экспедиции рассказал в «Правде» известный очеркист Евгений Дворников.

Самолет Ан-2 привязали веревками к грузовикам: «А не то потащит по степи — и крыльев не соберем». («Беда, барин, — метель!») Это была пыльная буря. «Уже глухо бухали пологи палаток». Ан-2 подпрыгивал под ударами ветра.

В августе 1984 года на Международном геологическом конгрессе в Москве Павел сделал доклад о Жаманшине — скудной земле с островками ковыля, тамариска, полыни. «Жаманшин» по-казахски — «гиблое место».

Статья, написанная вместе с Кирюхиным, называлась «Загадка Жаманшина». Необычны стекла и шлаки, среди которых находили чистый лешательерит и стеклянные капли, аналогичные тектитам. Павел обосновал ударно-взрывное происхождение Жаманшина (астроблема, то есть, «звездная рана»). К импактитам он отнес шлаки, названные жаманшинитами, а к тектитам — стеклянные брызги — иргизиты. Тектиты разные — «лодочка», «слезинка», «гантель». Герцог Эдинбургский подарил королеве Англии бусы из тектитов. Они обнаружены в Австралии, на Филиппинах, в Чехии. По совету дяди Кирилла Паша разослал образцы иргизитов и жаманшинитов за рубеж — всем специалистам, занимавшимся краптерной проблематикой.

Впервые в мире тектиты обнаружены непосредственно в метеоритном кратере. Жаманшин не похож на Аризонский кратер. Жаманшинское кольцо, шесть километров в диаметре, можно увидеть только на аэро- и космоснимках (съемки Климук и Севастьянова со станции «Салют-4»). Школьники из Омска в кратере нашли выходы голубого стекла с восстановленным титаном. Больше никто не смог повторить находку.

Павел считает, что удар астероида произошел 700 000 лет назад. Он взорвался и мгновенно испарился, чуть-чуть не долетев до поверхности планеты.

Корреспондент спросил: «Узнают ли разгадку тектитов?» Ответ Флоренского: «Я пятнадцать лет приезжаю сюда, а истины не знаю».

Наша планета постоянно встречается с гигантскими метеоритами, по сути дела — астероидами. Крупные столкновения происхо-

дят раз в 35 миллионов лет, из них 5 миллионов лет — активный период. Сейчас — именно такой. При взрывах гигантских метеоритов образуются новые минералы, в том числе алмаз. Изучение метеоритных кратеров и тектитов — задача планетологическая, более того — космогоническая. Кирилл Павлович Флоренский, изучая Тунгусский феномен, показал, что при метеоритных взрывах уже на ранних этапах могли формироваться атмосфера и гидросфера.

4

Как-то Спартак показал Мокичеву, начальнику отдела бурения, состав реголита.

— Выписал из «Науки и жизни». Посмотри, может пригодиться как реагент для бурового раствора.

— Состав нормальный — кремний есть, алюминий, кальций. Можно заказать пару тонн для пробы. Если пойдет — возьмем пару вагонов.

— Это лунный грунт!

Мокичев расхохотался.

Глава 25. Баньковский

1

Лева Баньковский любил хорошую бумагу, бокалы с острозаточенными карандашами, лучше «кохинор»; фломастеры, чешские ластики, миллиметровку в планшетах; питерскую, без крупинок, тушь; мягкий свет, хороший кофе. К этому его приучил отец, в свое время поездивший по стране — Дальний Восток, Памир, Тянь-Шань, Алтай, Карпаты, Кавказ. Лев научился у него не только «любови к пространству», но и умению графически мыслить, выносить на бумагу идеи.

Об этом он рассказывал мне высоким своим, срывающимся голосом, когда мы возвращались из Горьковской библиотеки, работавшей в те давние дни, когда «Аполлоны» примеривались к Луне, допоздна. Меня он приучил писать только на одной стороне листа, не делать никаких вставок, а пользоваться методом «рекле» — «режь — клей». Он был настоящим энциклопедистом. Вижу, как он

идет к своему столу, придерживая подбородком кипу книг самого разного содержания. Лева сделал для себя очень удобный рубризатор и легко ориентировался в море монографий, сборников трудов, реферативных журналов, экспресс-информации:

— Я сбрасываю материалы по интересующей меня теме в одну папку. Когда она разбухает — начинаю думать о статье.

Папок у него было множество. Особая папка — по «серебру замкамскому». Ведь лучшая коллекция древнего восточного серебра в Эрмитаже происходит из Соликамска, Чердыни, Усолья; другая папка — по уральской горнозаводской цивилизации.

Я показывал ему свои выписки со звучными геологическими терминами: «зеркала скольжения», «древнее темя Азии», «плетохроичные дворики» в кристаллах (как испанские внутренние дворики — «патио»), «редкие земли», золото «кварцевой рубашке», «красноцветы» — старое название «мертвый красный лежень», «зеленокаменный пояс», «железная шляпа», «гипсовая шляпа», «дикая кошка», «коэффициент удачи», «руинный» мрамор, черное «турмалиновое солнце», «спайность», «газовая шапка», «поющие пески» — и еще много чего.

Лев придумал термин «пермистика», который быстро укоренился. К слову «Пермь», к «дальней земле» он прилепил слово «мистика» («mist» — «туман» по-английски). Наверное, первыми пермскими чудаками, святыми людьми, были доктор Граль, Иван Тревогин, первый русский глобалист, основавший империю знаний, отсидевший и в Бастилии, и в Петропавловской крепости.

Однажды в Пермь приехала Таня Флоренская, Пашина сестра. Лев показал ей свое досье о великом ее деде Павле Александровиче. Таня была потрясена — бесценный свод материалов об опальном религиозном философе, и где — в какой-то Перми, в этой Чухломе.

Видно наслаждение, с которым Лева выполнял свою работу.

2

Вот что было в его папке по тектитам.

В 1997 году в новосибирском журнале «Геология и геофизика» появилась статья Эмиля Петровича Изоха о тектитах. Он считал, что тектиты имеют внеземное вулканическое происхождение и доставляются на Землю эруптивными кометами. Главный вывод — глобальная катастрофа, обусловившая около 10 000 лет назад вне-

запное прекращение оледенения, резкое изменение климата, вымирание мамонтов, а затем — вспышку цивилизаций, связана с выпадением австрало-азиатских и родственных им тектитов в различных частях земного шара. Он подверг критике доминирующую сегодня земную импактную гипотезу происхождения тектитов, согласно которой они возникли в результате особо мощных метеоритных или кометных взрывов на Земле. Главный аргумент — повсеместное залегание тектитов только на границе между плейстоценом и голоценом. Геологически юный (10000 лет) возраст формирования Австралийско-Азиатского тектитового пояса доказывается геохимической аномалией на этой границе, названной *иридиевым горизонтом*.

Это событие сравнимо с гибелью ящеров на границе мела и палеогена, где также выделен глобальный иридиевый горизонт. Палеонтологи рассчитывают коэффициенты резкого вымирания видов (не только ящеров и мамонтов!) на этих рубежах — мел-палеоген, плейстоцен-голоцен.

Может быть, это и есть разгадка тектитовой головоломки — судьба человечества, которое только сейчас, объединив усилия, способно предотвратить очередную катастрофу. Еще есть время!

3

Лев Баньковский окончил трудный Московский авиационный институт. Шутка была — «Бедные вы МАИ». Кроме неба Леву интересовала планета Земля, да и все планеты земной группы. Он пришел к выводу о том, что Земля сжимается. Обратился к другим планетам и решил, что на них происходит то же самое. Вывод: неизбежны чешуи и напозание их друг на друга, как в диафрагме объектива. Лева и его отец, донбасский шахтный геолог, написали парадоксальную статью, послали ее в «Бюллетень ВАГО» — Всесоюзного астрономо-геодезического общества — и успокоились.

Лев распределился инженером — технологом на пермский завод имени Свердлова. Но занимали его теперь не столько авиамоторы, сколько сшибка континентов. Заочникам первого курса геолфака лекции по общей геологии читал Пал Саныч Софроницкий.

Однажды Баньковский получил письмо на бланке оргкомитета Международного геологического конгресса в Праге с персональным приглашением (помимо национальной квоты участников) —

его поперечная статья в «Бюллетене ВАГО» была замечена. Лева предвкушал геологические экскурсии в Рудные горы, Судеты. На Карловом мосту он встретил Софроницкого, и тот спросил, окая по-среднерусски:

— Баньковский, а вы что тут делаете?

— Меня пригласили сделать персональный доклад, Пал Саныч.

— Что?

— Да, персональный доклад на секции тектоники.

Утром проснулись — танки в Праге. На дворе — август 1968 года. Конгресс сорван. Но Лева все-таки сделал доклад в том году — в Калуге, на научных чтениях памяти Циолковского: Земля сжимается; Уральские горы оказывают давление на Русскую платформу; еще одно поле напряженности распространяется от Тимано-Алтайской складчатой системы; с запада на Русскую платформу воздействует Кольская гранито-гнейсовая глыба. Его доклад крепко раскритиковали. Лева рассказал откровенно о своей неудаче — он был предельно честен. Потом он несколько раз приезжал в Калугу, но ни разу больше не выступал. От своей идеи, однако, не отступил.

Мне нравилось смотреть, как Лева перелистывает страницы книг подушечками пальцев, как ходит взад-вперед по холлу библиотеки, низко опустив голову, погруженный в раздумья. О чем он думал? Может быть, о движении Земли — как она несется по околосолнечной орбите, будто по ухабистой дороге, то тормозя, то набирая скорость, а может быть, о чуде, таинственном народе, жившем в не менее таинственной «дальней земле» — Пермии — Биармии, а может быть, о Венеции, стоящей, как полагал Лев, на сваях из карагая — пермской лиственницы. Помнится, он получил поощрительный диплом ЮНЕСКО за свой проект спасения Венеции от погружения в лагуну.

4

*Вставай же, дитя работы,
Растерянный и босой,
Чтоб взять этот мир, как соты,
Обрызганные росой.
Ах, вешних дней повороты,
Морей молодой прибой!*

Эти строчки Багрицкого я всегда вспоминаю, когда смотрю на молодую фотографию ясноглазого Левы.

Есть такое понятие — кристалл чистой воды. Если вам нужно определить подлинность топаза, погрузите его в стакан с чистой водой. Если топаз поддельный, вы увидите его очертания, а если настоящий — его не видно, он будто растворен в воде. Так же не видно настоящего дон Кихота в ничем не приметном человеке.

Как-то, будучи в Киеве, Баньковский познакомился с сотрудниками великого хирурга Амосова, придумавшего искусственный клапан на сердце.

— Проблема: клапан стучит. Человек всё время слышит, как стучит его сердце.

— Я вам помогу. У нас в Перми на Свердловском заводе есть переклассные гидравлики. Я передам вам их адреса и телефоны.

В подшефном колхозе в Очерском районе, в тех местах, где некогда работали исследователи ящеров пермского времени Иван Ефремов и Петр Чудинов, Лев начал раскопки в свободное от работы время. После лекции в сельском клубе о пермских гадах (гады — общее название амфибий и рептилий) пришли помогать ему в раскопках вся детвора и значительная часть взрослого населения.

Изучение Луны для него вовсе не было соревнованием двух систем — он сжимал информацию, фиксировал:

— Мы узнали (загибая пальцы) — магнитного поля на Луне нет. Есть масконы — участки концентрации масс. Лед в сорока кратерах!

Мне кажется, ему было всё равно, откуда идет информация в пухлую папку — от наших «Лун» или от американских «Лунар орбитеров». Результаты наносились на раскрашенную контурную карту.

При известной фантазии лунные моря складывались в очертания лунного зайца, бегущего на восток — океан Бурь, море Дождей, море Ясности, море Спокойствия, море Изобилия. Ушки зайца — море Кризисов. К югу, среди материка — море Влажности и море Облаков.

— Знаешь, как называются ближайшие к нам галактики? Большое и Малое Магеллановы Облака!

— Появилась полная карта и глобус Луны!

— Вот куда будут садиться американцы — Море Спокойствия к востоку от гор.

Однажды Лева подхватил идею журналиста Сергея Журавлева, который посмотрел нашумевший фильм Феликса Соболева «Семь шагов за горизонт» и загорелся сделать ленту о пермских чудаках. Почему-то Лев решил включить меня в свою команду.

Хмурым октябрьским деньком отправились мы на правый берег Камы, к Вячеславу Васильевичу Шитову. Школа №52, детское лесничество при Закамском лесхозе, как и весь Закамск — в сосновом бору. На стене — старинный барометр и карта с расположением охраняемых муравейников. Вкус чая со смородиновым духом уносил в август, к солнцу, отраженному медным тазом с вареньем, доходящим на медленном огне. Шитов повел нас в ягодный сад, гордостью которого как раз и была черная смородина «Алтайка».

Вячеслав Васильевич медленно переступал старыми ногами. Говорил медленно:

— Вы чужие, то есть не лесные люди, а лесом интересуетесь. Что вам надо? Рассказать про мое изобретение? Ну дак слушайте. Как-то попал я в больницу. Сосед мой шишкарь был. Он собирал шишки сибирского кедра, когда они для посадок созревают, зимой то есть, — и с кедры ёкнулся, руки-ноги переломал. Шишки как собирают обычно? Трактор зажимает кедру, трясет, чаще ломает. Хлыст свалился, шишки в снегу. А я надумал сделать радиоуправляемую авиамодель с захватом и мешком для шишек. Чего проще? Ходил я туда-сюда, на станцию юных техников сунулся — и тут клин да палка. Ушел с поникшей головой. Но мне повезло! В автобусе случайно разговорился с вами, Лев Владимирович...

Лева, не прерывая рассказа, в полупоклоне улыбнулся чудесной, небесной своей улыбкой. Небо! До поступления в МАИ Лева поработал авиамотористом в отряде полярной авиации Главсевморпути. Он был летинструктором, летал на воздушном шаре, на планере, мог нежно посадить его, прыгал с парашютом, летал с лесной охраной.

— ...Вы мне сказали: я помогу вам с проектированием, я же авиационный инженер. Чертежи сделали — теперь мне надо модель делать. Материалы нужны, а денег нет. Пришлось корову Зорьку продать. Корову-то продал, а старуха взяла да и ушла от меня. Модель я сделал — ВШ, то есть «Вячеслав Шатов», или, по-другому, «Всхожая Шишка». (Смеется.) Успешно испытал ее. Опять же вы, Лев Вла-

димирович, помогли мне патент оформить. Патент есть — а он не нужен нашим высоким шишкам, то есть лесному начальству. Я же так увлекся, новую модель сделал модернизированную — ВШ-М. Вдруг: звонок международный — о-о-о! Канада покупает мой патент! Я денежки хоро-ошие тогда получил, корову выкупил.

— А жена?

— Старуха-то? Не, так и не вернулась. К другому старику ушла.

Сколько же мы повидали увлеченных людей! Александр Аполлонович Бирюков, почетный радист, когда вышел на пенсию, отправился с фотоаппаратом по шишкинским местам — выискивал точки, с которых Шишкин писал свои картины — на Каме, в Подмоскowie, под Питером, на берегу Финского залива. На одну из скал, изображенных Шишкиным, Егор Антонович Энгельгардт, директор лицея, большой любитель геологических окаменелостей, водил своих питомцев.

Тогда Пушкин написал «Сон», может быть, первые русские бардовские стихи:

*Друзья мои, возьмите посох свой,
Идите в лес, бродите по долине,
Крутых холмов устаньте на вершине,
И в долгу ночь глубок ваш будет сон.*

Или, скажем, учительница Галина Николаевна Климова. Она по градам и весям собирала узоры со старинных кушаков и полотенец. Но ее мы не увидели — она подалась в Сыктывкар, в аспирантуру.

Один пермяк, я не помню, как его зовут, изобретал махолет, чтобы надеть на руки — и полететь! Опыты он проводил на петушках — учил их перелетать их с шеста на шест. Подрезал им крылья, менял угол атаки. У одного, особо одаренного летуна, прозвище было «Ястребок» — метров тридцать мог одолеть в бреющем полете.

Жаль, что кино у нас не получилось.

6

Архангельский открыл нефть на Тукачевской структуре, на правобережье Камы, недалеко от незамерзающего болота. Скважина №1 в своде — породы ниже турне стоят, как говорим мы, «на головах». Выше — всё нормально. На западе и на востоке — весь разрез стандартный. Вторая скважина в своде — тоже породы «на голо-

вах». Стали искать разломы. Их нет! Как солнечный удар: братцы, да это же трубка взрыва, погребенная на два километра!

Спартак тут же позвонил в Пермскую СТЭ — съемочно-тематическую экспедицию. Белов, лауреат Ленинской премии за якутские алмазы, сказал, что сейчас подъедет.

— Он идет по коридору. У него борода.

— Штирлиц идет по коридору.

— Какому коридору?

— По нашему коридору.

Белов сказал:

— Наши-то якутские трубки поменьше будут.

Спартак Аронович не успокоился, сказал мне:

— Давай пригласим твоего друга, о котором ты нам поёшь.

Разложили карты по Тукачеву. Баньковский быстро всё просмотрел.

Он поразил всех:

— Наша Земля — голубой шарик, который уносит куда-то по краю Галактики. Но я хотел бы на короткое время увлечь вас за пределы Земли. Шкловский говорит: «Мы одиноки». Как говорят математики, надо доказать теорему существования. Солнце — одна из 10 в 11 степени звезд, заключенных в пылинке, называемой Галактикой. Солнце — стандартная звезда, довольно скромная звезда. Наша Галактика — довольно большая.

— Нам повезло.

— Но мы не должны этим обольщаться. Солнце — где-то на задворках Галактики, где-то в космической пыли. Мы обнаружили излучение из-за пределов нашей пылинки. Галактики стартуют из одного места, и одновременно — это честные скачки.

Теперь Луна. Астронавт Шмитт сказал: «Луна представляет собой испещренное кратерами и запыленное окно в изучении проблем происхождения и эволюции Земли». Ее тепловой поток не нулевой. Но в целом она почти мертва не только на поверхности, но и внутри. Однако до чего хорошо, что на Земле есть магнитное и гравитационное поле! На Луне магнитное поле в триста раз меньше и жизни нет.

Нравится ли вам такое название — «служба космической охраны Великобритании»? Или надпись на здании лаборатории, что на самом краешке Аризонского кратера: «Мы занимаемся такими

секретными делами, что сами не знаем, чем мы тут занимаемся». Аризонский кратер, Тунгусский взрыв, катастрофа в кратере Чикхулуб, полуостров Юкатан — это серьезно.

Об угрозах Земле. Астероиды — это строительный мусор после создания Солнечной системы. Метеориты образуются в результате столкновения астероидов друг с другом. Кометы — «грязные снежные шары» — скопление аммиака, метана, пыли и камней. Астрономы всегда были ловцами комет. Когда виден хвост, каждый чудака может их увидеть. Более опасны долгопериодические бродяги. Могут появиться внезапно. Их угол сближения с плоскостью орбиты Земли может быть любой, поэтому их трудно обнаружить.

— Откуда у них хвосты?

— Когда они приближаются к Солнцу, солнечный ветер нагревает замерзшее ядро, и оно выпускает струи газа. Кометы движутся по каким-то орбитам в облаке Орта — по имени первооткрывателя. Оно на краю Солнечной системы. Есть еще пояс Койпера. В июне 1908 года в Сибири взорвался фрагмент большой кометы. Тунгусский взрыв произошел до того, как обломок кометы достиг поверхности Земли, на высоте восьми километров. В Лондоне играли в крикет под ярко освещенным ночным небом. Торо сказал: «Какая польза от дома, если у вас нет сносной планеты, на которой он мог бы стоять?» Все мы земляки — под одним солнцем портянки сушим.

— Мы вас заслушались. Но я прямо спрошу — что такое Тукачево?

— Я к этому и веду. Думаю, что это астроблема, дословно — «звездная рана», погребенный ударный кратер.

— Вы уверены в этом?

— Я не могу пришить последнюю пуговицу. Достоверно то, что сейчас кольцевые структуры из глубинных активно переводят в ударные, метеоритные.

7

Спартак не пропускал перспективных ребят. В Суксунской нефтеразведке приметил Сергея Калабина:

— Пора бы ему сбить суксунскую пылицу, пора оторваться от ветки родимой. Надо его вытащить из-под пенька.

Я о Сергее слышал в Кунгуре. Вильям Щербина раскритиковал карту песчаных врезов в пермских отложениях на Суксуно-Рождественской площади.

- Кто делал карту?
- Калабин.
- Серега? Это меняет дело. Вопросов нет.

Такая марка у человека. Я встретился с ним — высокий, руки в карманах, в зубах сигарета — под Маяковского.

- Где раньше работали?
- В Зея-Буреинской впадине.
- Варачева знаете?
- Варачева все знают.
- Я с ним работал в Приморье, на Суйфуне.
- Я был там. Мы хотели тащить глубокий станок на вашу Борисовскую горст-антиклиналь, лучше сказать, горе-антиклиналь.

Глава 26. Токарев

1

Преддипломная практика Владимира Токарева, выпускника Пермского университета, — Сургут, Нижневартовск. Работал главным геологом Ханты-Мансийской экспедиции, открывал Правдинское месторождение. Начальником экспедиции был доброжелательный голубоглазый геофизик Евгений Сутормин. Он работал интерпретатором в тематике. Через год попросился в полевую партию, внедрил авиасейсмозондирование. Его приглашали на работу в Москву, но он отказался. Самолет, на котором он возвращался в Ханты-Мансийск, сгорел на глазах встречающих.

В 1963 году Токареву предлагали поехать на Ямал главным геологом в Тазовскую экспедицию. Но в это время из отпуска вернулся Быстров, и на Ямал отправили его. Токарев облегченно вздохнул — это было время активных поисков на Пойкинской и Салымской площадях. Только что открыли Правдинское месторождение в юре и в мелу на триста миллионов тонн. В 1965 году — новое предложение Эрвье ехать на Ямал, на этот раз в только что созданную Тарко-Салинскую экспедицию.

Ровнину не хотелось отпустить хорошего геолога в начальники, но он согласился.

Токарев — Юрию Эрвье :

— «Мне неплохо в Правдинске, а там горит фонтан.

— А ты что, боишься?

— Нет, не боюсь.

— Ну, тогда иди, погуляй по коридору и подумай.

Я походил по коридору, зашел в геологический отдел, сел за стол и стал искать на карте Тарко-Сале.

— Что это ты, Володя, такой грустный? — спросила Ксения Васильевна Эрвье, работавшая геологом в отделе.

— Юрий Георгиевич посылает меня в Тарко-Сале.

— Тебе придется туда ехать, все равно ты от этого барбоса не отвяжешься.

Я вошел в кабинет Эрвье и сказал, что согласен.

— Правильно, езжай, я тебе помогу.

Открытый газовый фонтан, самый тяжелый за всю историю отрасли, полыхал на скв. 101-Пурпе — Губкинское месторождение. В Салехарде Токарева принял управляющий трестом Бованенко. Он удивлен: Токарев так молод — 29 лет. Но ему самому было не больше, когда принимал трест.

В Тарко-Сале покосившиеся темные избы. Экспедиция теснится в вагончиках. Токарев начал с того, что направил людей на заготовку леса. Когда поднялась вода, лес плотами сплавил в поселок. Запустили пилораму и начали строить восьмиквартирные дома.

Грузы с больших судов, пришедших в поселок Самбург, перемещали на баржи, которые шли по большой воде до Тарко-Сале по Пуру и Пяко-Пуру. Министр геологии Сидоренко договорился с Генштабом, и в Тарко-Сале прибыла вертолетная военная эскадрилья — Ми-6 и Ан-12. Военные, в отличие от местных авиаторов, таскали небольшие грузы. Токарев попросил Эрвье, чтобы из Тюмени прислали вертолетчика Смирнова. Он возил в фюзеляже Ми-6 десять тонн, а военные — по две тонны. Это помогло — военные устыдились.

2

После задавки Пурпейского фонтана Токарев поехал в Уренгой познакомиться с сейсморазведкой и продумать, как затащить станки

на Уренгойскую структуру. От лагеря остались караульные вышки. Всего сто километров от Тарко-Сале, а климат гораздо суровее, чахлые деревья.

Точку для скважины выбрали на трассе дороги Салехард — Игарка. В начале 1966 года организована Уренгойская экспедиция с Гирей во главе, ставшим северным соседом. Ждали фонтана и боялись его. Первая же скважина дала мощный управляемый фонтан. Токареву рядом с Гирей стало легче.

Токарев:

— Бывали и казусы. К северу от Пурпейского фонтана пробурили скважину №25. Спустили колонну и зацементировали...

В это время прилетели генералы со своей свитой, и я поехал их встречать. Никишов и дважды Герой Советского Союза Головачев остались довольны работой вертолетов. Наутро мы должны лететь в Уренгой. Хотя и не мой участок, я должен им помочь. Утром пролетели половину расстояния, когда ко мне подошел штурман и передал радиограмму: «На Р-25 выброс цемента, открытый фонтан».

Я к Никишеву — дайте команду возвращаться в Тарко-Сале, там авария, открытый фонтан. У генерала своя задача — наладить работу вертолетов в Уренгое. Прилетели в Уренгой, занялись военными делами. Нас встретил Гиря. Я рассказал о своей беде, но генералу не прикажешь. И тут я вспомнил, что напротив буровой — военный Ми-6. Когда он возил цемент, у него вышел из строя левый двигатель. Пришлось выбросить цемент, который был на подвеске. Вертолет с трудом сел у буровой. Я сказал генералу, что неисправный Ми-6 стоит на буровой, фонтан может воспламениться, вертолет сгорит. Тут-то генерал все понял, объявил: «Боевая тревога!» — и мы полетели на Р-25...

Вертолет оттащили тракторами, агрегатами начали закачивать в отводы воду, чтобы фонтан не загорелся. Затем сняли превентор, натащили новый и задавили скважину.

В декабре 1967 года меня вызвали в Главтюменьгеологию. Эрвье сказал:

— Главный геолог треста «Ямалнефтегазразведка» уходит на пенсию, тебе придется заменить его.

Я сказал, что согласен, но у меня есть условие — чтобы расположение скважин, выбор интервалов испытания были в моей компетенции.

Эрвье сказал Быстрицкому, теперь его заму:

— А что, Александр Григорьевич, предоставим ему самостоятельность, ведь он берет на себя большую ответственность...

В январе 1968 года я прилетел в Тарко-Сале, чтобы перевезти семью в Салехард. В это время — радиограмма от управляющего трестом Подшибякина с просьбой срочно вылететь в Уренгой. Из Сургута должен был прилететь Косыгин. Он хотел посмотреть Уренгойский газовый фонтан. Мы заранее подготовили скважину 19. До этого она была забита гидратами... В Уренгое в ожидании Косыгина находились Гиря, Подшибякин. Косыгин прилетел на Ан-24, с ним министры нефтяной и газовой промышленности Шашин и Картунов, Байбаков, Щербина, Эрвье. На двух Ми-4 всех доставили на №19. Было минус 36 с ветром. Косыгин в ботинках, в пальто и в шапке-пирожке.

Он посмотрел на фонтан, потом на вышку:

— Наверху рабочему должно быть холодно.

— Конечно, холодно. А шубу дают на пять лет.

Зашел в вагончик:

— Это, конечно, не московская квартира.

— У нас и вагончиков-то не хватает.

Обратился к Картунову и Шашину:

— А у вас хватает?

— Хватает.

— Так поделитесь с геологами.

3

Токарев:

— Трест «Ямалнефтегазразведка» открыл немало газовых месторождений. Но нужна была и нефть, а она залегает на более глубоких горизонтах. Станки у нас были в основном легкие, тяжелых — для бурения глубоких скважин — единицы...

Я написал статью «В глубинах ждут нас новые открытия». После нее меня вызвал Эрвье. В кабинете сидели Игrevский, замминистра геологии СССР, Шмарев, замминистра геологии РСФСР.

— Ты зачем написал эту статью?

— А разве я неправильно поступил?

— Правильно, но зачем написал? Теперь иди к Савельеву и пиши ответ на эту статью.

Вышел Игrevский:

— Не расстраивайся, все будет хорошо. Будут вам станки.

Командировка Токарева на север затянулась на семь лет. За это время правдинцы получили фонтан на 700 тонн в сутки из скважины 12 — Салым. Буровая, правда, сгорела, но началось освоение битуминозных пород баженовской свиты.

В 1976–1979 годах Токарев — управляющий трестом «Красноярскнефтегазразведка» с четырьмя экспедициями — Дудинской, Туруханской, Байкитской, Туринской. Станки затаскивали с бухты Нордвик. За Токаревым поехали старые пермские друзья — Геннадий Русских и Владимир Третьяков. Потом Русских стал главным геологом Назымской экспедиции, которая открыла Ханты-Мансийское месторождение с залежью в девонских известняках — это самая древняя нефть в Западной Сибири. Третьяков работал в Туруханске. Рассказывал, как во времена оттепели боролись с культом личности — музей товарища Сталина со всем содержимым спихнули в Енисей.

В 1978 году в Красноярске Токарев снова встретился с Косыгиным — в его комиссии были Байбаков, Козловский, Дымшиц.

Токарев докладывал о материально-сырьевой базе Красноярского края. На груди — орден Ленина.

— «Алексей Николаевич, когда-то вы нам крепко помогли.

— Где мы с вами встречались?

— В Уренгое, на 19-м номере.

— Так вы работали в Тюмени!

— Двадцать лет проработал.

Холодные глаза Косыгина потеплели».

После этого совсем по-другому пошел разговор.

Ярко раскрашенную карту перспектив Токарев показал не на стенде, а расстелил на столе, прямо перед старыми глазами начальства. Докладывал для глуховатого Косыгина громко, кратко, по-военному.

— Что вы считаете нужным сделать в первую очередь, Владимир Дмитриевич?

— Алексей Николаевич, нужно специальное решение ЦК партии и правительства по Восточной Сибири, подобно известному постановлению по Западной Сибири.

— Готовьте проект решения.

На обед подавали нельму — с жировым плавником. Еще — муксун, чир, сырок, пыжьян.

Довольная комиссия улетела в Норильск.

Глава 27. Труба

1

В «Пермнефть» приехал замминистра газовой промышленности Сидоренко. Когда-то он работал в «Пермнефти» и всю геологию нашу знал и многих людей помнил:

— Найдите мне место для подземного хранилища газа — регулировать разницу подачи по газопроводу Уренгой — Ужгород: день-ночь, лето-зима. Зимой в стране газа не хватает. Первый замминистра становится диспетчером по его распределению. Газа у вас приличного нет. Если есть, то сернистый. «Мешок газа» на Кедровке — только чайник вскипятить. На Кокуе факел был двадцать пять метров. Метр факела, как известно, равен дебиту 40 000 кубометров газа. Это миллион кубов. А кедровского газа хватило только чтобы убить вашего Щербину. Вы газа на Кедровке не видели. Вы видели там аварийный газ. Как это было?

Спартак:

— Расскажи, Отелло Эдуардович. Ты ведь был вместе с Вильямом Дмитриевичем.

— Отелло и Вильям, значит.

— Да, так. Как было на Кедровке? Забило выкид. Из серпуховки выносило куски породы. Выкид зашламовался, газовал. Работали на один выкид, другой меняли.

Мы с Щербиной в шахматы играли. Он говорит: давай построим кривую восстановления давления, а когда пустят второй выкид, — падения давления. По очереди ходили к манометру. Решили пускать второй выкид. А кусок его у самой скважины не сменили. Я пошел в столовую, пока газоспасатели не пришли. Зашел в будку — свет погас. Обернулся — буровая светится. Ночь. Кричат — геолога убило. Вырвало трубу, загнуло и мотает. Все падали между трубами. Щербину бросило на бухту с тросом. Убит был газоспасатель еще. Жена моя подумала, что погиб я — сказали, что убило главного геолога. Она не знала, что Щербина был на Кедровке. А он из Осы в последний момент заскочил в вертолет. Потом рабочие долго боялись газа, если где зашипит. Я звоню в УРБ, управление разведочного бурения, Яцкевичу: «Вызывайте из Свердловска военный вертолет. Есть раненые». Ночью они не летают. И вообще боятся сероводорода. За полкилометра от буровой — боятся. Повезли раненых в Шамары — не принимают,

повезли в Шали. Вертолет вел комэск — простым пилотам не разрешали.

— Понятно. Все же Кедровка — это не Вуктыл.

— Конечно, не Вуктыл. У нас нет доброй покрывки над залежью. Урминская свита вся потихоньку газует — залежь разрушается. Но на любой газовой скважине буровики любят, чтобы геолог был рядом и был уверен в себе. Подойдешь к бурильщику, руку на плечо положишь — тогда он ничего не боится. Помню, Обливку-73 бурили летом. Дизель вразнос пошел. Дизелист выключил его — сноп искр на желоба. А там как раз шла пачка нефти 3-4 куба. Когда поднимали инструмент, скважина плюнула до кронблока. Маршевые лестницы загорелись. Я поднял вторую смену, час ночи. Буровая горела, как свечка. Люди такие были — без слов полезли, ведрами с глинистым раствором заливали маршевые лестницы — будто акробаты! Бурильщик меня на мотоцикле подвез до деревни — у секретаря сельсовета был телефон. Большая деревенская изба, высокое окно — стучал-стучал. Взобрался бурильщику на плечи — вижу, кто-то в белой рубашке: «Лезьте сюда». Звоню главному инженеру: «Горит буровая». Он: «Комиссия будет в десять утра». Комиссия прибывает — инструмент на забое, идет бурение. Мне — выговор, а по моей докладной буровикам премию по пятьдесят рублей написали. Как испытание, ни одного технолога не загонишь — только по приказу. Пожар получить при испытании летом — запросто. Поэтому часто дебит не замерен. На Ильичевке стояли две минуты — и сорвали пакер. Геофизики стремятся дольше стоять, а геологи стремятся сорвать пакер.

Спартак:

— Наши ребята ездили в Ухту — можем ли мы у себя найти второй Вуктыл. Там работали ленинградцы. Богачев показал материалы по скважине №38. Газ в поднадвиге передовой складки Урала.

— Чтобы газ удержать, что нужно? Хорошая покрывка — соли или пластичная глина. У вас этого нет на передовых складках. Сколько у вас газа?

— С четверть миллиарда кубов будет.

— Всего четверть миллиарда, да и тот на кусках. А в Западной Сибири первый триллионник нашли. Заполярка называется.

Увидел карту:

— О! Подарите мне.

Спартак:

— У вас в Мингазе есть наша карта цветная на стене. Я в секретариате ЦК докладывал и лишился трех карт — три начальника под-
сели. Эта мелковата, только через лупу что-то видно.

— Я лупу на нос повешу. Итак, ваши предложения?

Ничего ему не понравилось.

— Везде много скважин пробурено. Мы не удержим газ в дыря-
вом хранилище.

В конце разговора Сидоренко бережно сложил карту.

Получилось, что за картой и приезжал.

Над самодельным светостолом Ливерия Ивановича немим уко-
ром висела фотография из рекламного проспекта фирмы Ксерокс.

Почему его называли Ливерием? Родители ждали мальчика, имя
приготовили — Валерий в честь Чкалова. Родилась девочка — на-
звали Валерочкой. Потом мальчик родился — стал Ливерием, это
уральское имя. Ему всё удавалось. Как-то сунул в горшок с землей
апельсиновую косточку, поливал-удобрял — и выросло дерево.
Пришлось в кадку пересаживать. Через пятнадцать лет собрали
урожай сочных плодов.

Тимка мой учился играть на тромбоне. Кулиса медная помялась,
нигде в ремонт не брали. «Принеси». Подумал, почесал репу, взял
спицу, продел в нее кусочек твердого чернильного ластика и оттрих-
товал медь!

— Товарищ Ваксман, я рад сообщить вам пренеприятное из-
вестие: вас вызывает Таймыр, — сказал мне Иван Иванович. Тай-
мыром между собой мы иногда звали Спартак. Была такая ста-
ринная пьеса — «Вас вызывает Таймыр». — А Таймыра в Москву
вызывают.

— Что с собой взять, не сказал?

— Скажет. Рюкзак для каротажек и паспортов на структуры.

Для разговора на всякий случай я взял мелкомасштабную карту-
«зелёнку». Можно всю зону деятельности объединения обозреть.
Форма ГР-50 у них есть, можно не брать.

2

Спартак по Москве ходил гигантскими шагами, подобно Петру
Великому на известной картине Серова. В ожидании приема у Еро-
феева Николая Семеновича, замминистра, мы ходили перед Мини-
стерством по набережной Мориса Тореза.

Спартак:

— Кому пришло в голову покуситься на такое красивое название — Софийская набережная? А это что? Это Хлебный переулок. А это английское посольство. Где-то здесь было Кокоревское подворье.

Кремлевские купола отражаются в воде, золотые, качаясь. Шпильки изгибаются по-лебединому. Вдоль берега — серая рябь. В руках Спартак огромная красная с белой полосой наискосок авиапортовская сумка — «Спартак — чемпион». В ней — проект трубопровода Геж — Каменный Лог. И вся пермская братия, мы все за ним в проходную мимо бюро пропусков; секьюрити с секирами, рука на кобуре — навстречу, а он: «Эти люди со мной». И слышалось: «За мной!» — и мелькает по лестнице через две ступеньки красная сумка с надписью «Спартак». Алга! Вперед!

Стулья в кабинете — ампиры. Руки у Ерофеева сложены крабом. Он немногословен. Рядом с ним Гурген Павлович Ованесов, начальник геологического управления. Разложили каротажки. Ованесов показал пальцем:

— Это что?

— Кривые ГК, НГК — гамма-каротаж, нейтронный гамма-каротаж.

— Зачем показываешь? По кавернограмме мы не ошибались ни разу — коллектор или неколлектор. Интеллигентная скважина. Угленоска с одной пики должна давать 50 тонн. Давайте карту. Чердынь. Я был в Чердыни в 32-м, нет, в 34-м году. Вас тогда не было. Я вижу, что севером вы увлекаетесь. Это хорошо. Я там бывал. Леса там насыщены белым грибом, и по клюкве весьма перспективны. Есть рыжичные и волнушечные места. Рыжики с двухкопеечную монету, пласты маслят. Одним словом, край нетронутых зверей и рыб. Но основные запасы нефти у тебя, Спартак Уронович, на юге — от широты Ярино и на юг. Молодежь есть?

— У меня ставка на молодых.

— Это правильно — пока они сильно не обросли семьей. Молодой кандидатскую скребет, творить начинает. Если семья закрутит-ся, надо, чтобы оклады были не как, грубо говоря, у холостяков.

— Хотя есть такие — во рту каша стынет, из-за угла мятой трубой вдаренные.

— Вы говорите очень быстро. Вы что, по-французски говорите? Контуры месторождений на вашей карте мне обычно напоминают очертания различных животных. Кокуй напоминает лежачего ле-

нинградского льва. И даже его атрибуты. Лежащий лев, в свою очередь, напоминает насос У-8-3.

— Это что? Луживское месторождение? Что-нибудь яркое?

— Это нефтяная линза, ловушка выклинивания.

— Это лужа. Ничего яркого. Крику много, яркого ничего нет. Это Каменный Лог, да? Помню. Он похож на банан. В этой связи я расскажу французское остроумие. Париж. Очередь за бананами. Уже смешно. «Мадам, сколько вам взвесить?» — «Я не мадам, я мадмуазель». — «Простите, мадам, я увидел, как вы держите банан, и понял, что вы не мадмуазель»...

Ерофеев надул губы, сделал пфukaющий звук.

— Что ты смеешься, Николай Семеныч? Это случай из жизни.

— Случай из жизни? Ну, значит, неправда.

Спартак развернул карту:

— Николай Семенович, мы с трубой разве ошиблись когда-нибудь?

— Гурген Павлович, ты забыл Джебол?

— Джебол... Да, после Джебола к Ухте у нас получилось настороженное отношение. Но у пермяков в Соликамской депрессии получена первая положительная ласточка — Геж. Теперь появилась еще более жирная ласточка — Уньва. Я мог бы привести слова нашего великого баснописца Ивана Андреевича Крылова...

Гурген Павлович долго листает деловую книжку:

— Вот это место: «Вороне где-то бог послал кусок панырь». Я пэрэ-фразирую: «Послал кусок барьер»...

Ерофеев достал маленький калькулятор, в ладони помещается. Мы ахнули — вот это современнейшая техника.

— Японцы подарили. Посчитаем запасы. Мало для трубы. Надо готовить запасы на трубу, заняться притрувной геологией. Мала эффективность у вас.

— Вы шутите.

— Мы не шутим. Мы сравниваем с Западной Сибирью.

— Нет, вы шутите.

— Я научен горьким опытом...

— Других.

Ерофеев наморщился, хрюкнул.

Ованесов:

— Когда приходят деньги, я говорю геофизикам: берите, сколько хотите, на сейсморазведку. Они берут, но не столько, сколько нам надо. Сил не хватает освоить деньги.

— От суммы не зарекайся. Но учти, Гурген Павлович, Косыгин сделал жесткое предупреждение: деньги — в Западную Сибирь. В государственном масштабе у пермяков — ромашковые лепесточки.

— А в Сибири все новые месторождения — гу-гу! — в два раза больше старых. Работают по принципу: глаза страшатся, а руки делают.

— Гиганты скоро кончатся. Но! В Грозном катастрофически упала добыча.

Ерофеев достал из папки график, зачем-то встал. Показал точку падения, дрогнул в коленках.

— Катастрофическое падение. Гурген Павлович, не дашь план по запасам в этом году — с поля вон.

— Мне будет все равно. По радио передали: маршал Чжу Дэ помер.

— Чжу Дэ прожил 90 лет.

Ованесов тянет на юг. Ерофеев тянет на север.

— Хорошо поработали, северяки!

— Так учили.

Неизвестно, как пришло к нам это космонавтское словечко.

— На севере надо огонек поддерживать, здесь, от сгиба карты.

Ованесов:

— Где девон? Где Ромашкино?

— Ромашкино не здесь. Оно у вас под сердцем, Гурген Павлович.

— Жаль, что у вас нет такого девона. Татария — король по девону. Чтобы взять Ромашкино, этот гигант на 26 кусков порезали нагнетательными скважинами. Муслимов Ренат Валиуллович — татарский Губкин. Пермь — король по карбону. У Винниковского тоже голова, как у Ленина... ботинок. У вас ничего яркого нет. Осталась территория с беспокойным залеганием и с мелкими месторождениями. Медленным шагом, робким зигзагом. Большие месторождения открывают маленькие геологи, маленькие месторождения открывают большие геологи...

Кажется, он засыпал. Встрепенулся:

— Сколько Оса дает? Даже миллиона не дает?

— Вы, Гурген Павлович, были за подземный взрыв.

— А что же ты думаешь? Мы же на Кремль смотрим. Ви думаете, ми халву только идим и на Киремиль смотрим? А здесь у нас пустое пространство. Надо бурить. Это юг, золотая земля!

— Гурген Павлович!

— А что? Посмотрим фации-мации.

Винниковский:

— Мы не разобрались с перспективами юго-восточной забарьерной зоны.

— Николай Семенович! Ты слышишь, Винниковский свои права качает, как насос У-8-З.

— Гурген, небольшое замечание. Они нас учить должны. Как бы ты очками не хлопал.

— Они научат: Авлакоген! Перикратон! Тьфу! Есть впук и выпук.

Винниковский:

— Николай Семенович! Мы ждем решения по трубе.

— Все устали. И мы, и вы. Давайте любить друг друга.

Резановскую карту по Соликамской депрессии Ованесов забрал себе.

У себя в кабинете Ованесов страшно закричал: «Чаю! Всем чаю!»

Секретарша:

— Что мне делать? Печатать протокол или чай готовить?

— Чаю! Наливкин чаю!.. А вы, ребята, посмотрите на Киремиль — лучший вид в Советском Союзе.

Ящерики бежали по золотой воде. Лохматые тучи неслись. В такую погоду гуси, наверное, кричат на старой территории зоопарка, и на Дикой Вильве, и на Полюде...

4

Теперь быстро в Управление разведочной и промысловой геофизики.

Севастьянов:

— Всё забирает Тюмень — им зеленая улица, для них — постановление Совмина. У них глаза немигающие, голос звенящий. От вас я голоса не слышал. Вы молчите. Почему вы мне не звоните?

Орлов:

— Мы послали вам письмо. Почему я должен звонить, обрывать вам телефон? Я, как порядочный человек, должен ждать ответа, а не звонить,

— Грузины не пишут письма, а привозят хванчкару ящиками. Какие мы все-таки... Надо повернуться лицом к Перми. Это второй район после Тюмени. Говорят — они у нас непрогрессивные.

Мы французов посылаем в Саратов, туда, где нечего делать, куда нечего лазить. В Пермь надо поехать в январе. На следующий год пойдут вибростейсы, вам выделим.

Орлов — Шершневу (на ушко):

— Пообещает, и то хорошо на душе делается.

5

Вершились планы на новую пятилетку, и директивные органы спускали контрольные цифры, и была средняя перспектива, и дальняя перспектива, и где-то далеко сияющий двухтысячный, в блестящих, год, и добыча уже двадцать четыре шестьсот, и планировали двадцать восемь миллионов тонн.

В отделе разработки «застенчивые» соседи готовили варианты формы №9-п по добыче нефти, «девятки». Из отработанных вариантов Владимир Дмитриевич Викторин, он же ВДВ, начал делать самолетики.

— В каком варианте думать... 28 миллионов?

— Это страшно.

Викторин :

— Хожу, как сукин кот по *мини-стервству*, пресмыкаюсь. Нельзя же всегда так — вперед и выше, надо уметь красиво стабилизироваться и долго, естественно, падать в группировке.

Приехал секретарь ЦК Владимир Иванович Долгих и поморщился: «Что это за странная цифра — 28? Округлите до 30».

Указание секретаря ЦК было взято на контроль.

— Поди, руки выкручивали в Госплане.

— А что? Добыча в «Пермнефти» растет. Как-то членкор Федоров подарил Spartaku свою книгу с пожеланием: «Догоняйте Башкирию». Spartaku это в жилу. Шаимскую нефть всерьез мы не восприняли. Мегион и Усть-Балык — это уже серьезно. Но мериться бородами еще можно. Spartak ведь гигантоман. Но Самотлор всех расставил по местам: Сибирь — это Сибирь: жопа в мыле, грудь в растворе, но зато на Самотлоре!

— Вы чего тут материтесь?

Викторин:

— Идите сами и поработайте. *Правдивья*.

Глава 28. Лунная гонка

1

Великие двигателисты Глушко и Исаев за бутылкой «Посольской» говорили о ракете Н-1 с двигателями Кузнецова. Сошлись на том, что ракету без Королева не поднять. Глушко сказал, что он сделал бы Королеву хорошие двигатели, как он сделал их Челомею для сверхтяжелой ракеты УР-700. Но Королеву не нужны двигатели на азотке. У Челомея ракеты еще нет, а двигатель есть. Правда, проект Челомея закрыт — зачем дублировать Н-1?

Как-то Глушко на космодроме сказал Ярославу Голованову:

— Ну, что вы всё: Королев! Королев! А что такое Королев? Это тонкостенная металлическая труба. Я ставлю внутрь нее свои двигатели, Пилюгин — свои приборы. Бармин строит ей старт, и она летит...

— Могло быть так, что не вы бы ставили внутрь его трубы свои двигатели, а он надевал бы на ваши двигатели свою трубу. Но ведь он всех вас заставил на себя работать.

Глушко тяготился лидерством Королева. Он сам был рожденным лидером. СП и ВП, как их называли, разругались после третьей подряд неудачи с «семеркой». Королев тогда выстоял и победил.

Глушко обязателен, не опаздывал со сроками. Его двигатели тщательно отработаны на стендах. Но он, в отличие от Королева, не понимал, что ракета — дело общее. Королев шел на компромиссы ради дела. Взять «семерку». Двадцать маленьких глушковских движков оказались очень удачными. Королеву всё равно, кто их делал. Главное — «семерка» полетела! Наша общая ракета!

2

К 1967 году у фон Брауна 19 дипломов почетного доктора. Он понимал, что это нужно для пользы дела. После «Эксплорера-1» его осаждали с предложениями написать статьи о ракетах и космических полетах. Библиография за 1969 год насчитывает несколько сотен публикаций. В 1963 году — договор с журналом «Попьюлар сайенс». Десять лет кряду он пишет для него ежемесячно.

Журналисты избегали задавать ему неудобные вопросы. Ориана Фаллачи, бывшая подпольщицей в оккупированной Флоренции, в Хантсвилле встретила с фон Брауном.

— Прошу прощения. Я опоздал на 11 минут.

— Это неважно.

— Это важно. К сожалению, я не могу уделить вам более получаса. Я никогда не опаздываю.

— Я знаю.

— Вы знаете?

Фон Браун снял плащ, бросил его в кресло.

— Меня зовут Вернер фон Браун. А как вас зовут?

Разговор ни о чем. Отведенные полчаса истекали.

— Мистер фон Браун, я хочу обойтись без предварительных переговоров и прямо задать вам вопрос.

Слэттери, руководитель службы информации, бросил Фаллачи записку: «Доктор фон Браун, а не мистер фон Браун».

— Вопрос вот в чем, мистер фон Браун. Здесь люди говорят о путешествии на Луну как о поездке из Хантсвилла в Нью-Йорк и повторяют, что, по крайней мере, для Америки оно состоится до 1970 года.

Слэттери бросил еще одну записку: «Доктор фон Браун!»

— Оно действительно состоится до 1970 года, доктор фон Браун?

— Если американский народ согласен за это заплатить, то да, без всякого сомнения. Очевидно, есть определенные трудности, но все они вполне преодолимы. Это короткое путешествие, восемь дней туда и обратно. Полет на Луну — это пикник.

— Пикник?

— Пикник, увеселительная прогулка.

— «Сатурн-5» еще не поднимался с Земли.

— Я надеюсь, что ясно выразился.

— Вполне ясно, доктор фон Браун. Вполне.

— Уже 38 минут, — перебил Слэттери, — на восемь минут больше предусмотренного времени.

— Мне надо идти, — сказал фон Браун.

Фон Браун быстро вышел, и Фаллачи показалось, что она слышит топот немецких сапог на улицах Флоренции.

Он отвергал «ложные обвинения». Но его видели в концлагере «Дора» в эсэсовской форме. Фон Браун не переставал напоминать, что он был арестован за саботаж программы «Фау-2», но не гово-

рил, что его деятельность в «Доре» и на «Миттельверке» пришлась на время после кратковременного ареста.

3

Хроника событий. В мае 1966 года американцы мягко сажают в Океане Бурь «Сервейор-1» («Топограф») — через три месяца после нашей «Луны-9». На «Лунер Орбiteraх» они отснимают на Луне участки для высадки людей! В августе — успешный полет «Сатурна-1В» с основным блоком «Аполлона».

У нас — вторая мягкая посадка «Луны-13». Мы впереди «Сервейор-3» на те же три месяца. Но пилотируемых пусков у нас нет уже полтора года. Сроки испытаний Н-1 уходят на 1970 год.

Американцы отвечают тремя мягкими посадками, причем «Сервейор-5» исследует участок Моря Спокойствия, где спустя два года высадится первая лунная экспедиция на «Аполло-11».

Комиссия Глушко, приехавшая в Пермь, установила, что один из двигателей первой ступени ракеты УР-500К отказал из-за попадания резиновой заглушки в топливную магистраль. Двигатель собран в 1965 году на пермском заводе №19 (директор — товарищ Субботин). Причин могло быть две — диверсия или бардак при сборке. Остановились на версии бардака.

И американская программа тормознулась — в январе 1967 года на Земле сгорели три астронавта в кабине «Аполлона-1». На огнеупорную доработку «Аполлона» ушло полтора года.

4

Осенью 1967 года, к пятидесятилетию Октября, наши запустили, состыковали и вернули на Землю два «Союза»-беспилотника.

Вечерами, после закрытия, наши космонавты приходили в планетарий. Надо очень хорошо знать звездное небо. Особенно южного полушария — потому что заходить на посадку надо со стороны Антарктиды. Каманин сдерживает энергию Алексея Леонова, который едет в ЦК, договаривается о поездке в Сомали. Ему объяснили: в мае — июне там период дождей. Каманин разъяснил Леонову, что не всякая инициатива полезна; посоветовал ему считать до пяти, прежде чем раскрыть рот. Он не понимал, почему Леонов обиделся.

В Сомали лунопроходцы — экипажи Леонова, Быковского, Поповича — постигали живое южное небо. Русских узнавали.

— Откуда вы знаете, что мы русские?

— Пешком ходят только русские.

Отрабатывали передвижение по Луне — шаг козленочка, прыжки в позе обезьяны. Учились работать на корабле, потерявшем автоматическое управление, учились узнавать рисунок неба на экране звездного ориентатора; отрабатывали программу полета и — ждали приказа прибыть в Тюратам.

Каманин же в постоянном напряжении. Скажем, ночное происшествие на Стромынке. Леонов на «Волге» возвращался домой после встречи в АПН с итальянцами. Самосвал на мокром асфальте шел впереди, без сигнала свернул налево. Передок леоновской «Волги» помят. Вопрос №1: почему Леонов встречался с итальянцами без разрешения? Вопрос №2: почему отпустил водителя самосвала? Вопрос №3: почему в час ночи он не в постели? Рано, рано Алексея Архиповича ставить командиром отряда космонавтов. Его надо держать в узде.

Мишин прямо сказал Леонову: «Мы тебя в полет не пустим». И снова — происшествие. На Щелковском шоссе (молодежь говорит — «на Щелчке») Леонов, ладно, что цел остался, разбил «Волгу», обгоняя автобус. Потом рихтовал кузов в гараже, домкрат сорвался, и Леонов был травмирован.

Каманин даже задумался — если ему так не везет на Земле, можно ли ему доверить облет Луны? Может быть, просто невезение — как у Гленна, который так неудачно упал в ванной. Но в космосе-то Леонову как раз везло!

Жаркий август 1968 года.

У Челомея уже готов макет «Алмаза». Он куда лучше «Зенита» — беспилотного автомата-фоторазведчика. Космонавты могут разглядывать Землю в видимом или инфракрасном спектре через мощный «космический бинокль», могут включать радиолокаторы бокового обзора. Для вывода в космос не надо ждать Н-1. Для «Алмаза» уже готова ракета «Протон».

Мишину надо бы объединить усилия с Челомеем, но — амбиции заедают. И тут произошло то, что могло случиться только при Королеве, при его, королёвском, совете главных.

Мишин собирается в отпуск. К Чертоку пришли Раушенбах и еще несколько человек. Трудно сказать, кому первому пришла идея — амбиции в сторону! — взять челомеевский задел по «Ал-

мазу», взять уже летающий «Союз», соединить их в орбитальную станцию. Это по-королевски! Это королевская широта, это королевский азарт.

Помочь заговорщикам мог только Устинов. Отважный беспартийный Феоктистов — была не была! — подобно Штирлицу напрямую позвонил ему по вертушке из мишинского кабинета — сразу после отъезда шефа в Кисловодск. Дмитрий Федорович с ходу пригласил возмутителей спокойствия в свой кабинет на Старой площади. Напористый Феоктистов сказал дяде Митяю, что долговременная орбитальная станция — ДОС, которой нет и не предвидится у американцев, может быть выведена в космос через год. Устинов решил проучить Челомея — тот постоянно через его голову выходил наверх; велел срочно готовить график работ, постановление ЦК и Совмина. Юрий Семенов переброшен с Л1 на орбитальную станцию. Челомея он не испугается. Через двадцать лет Семенов окажется в кресле Королева.

Охапкин:

— По-моему, работы по Л1 закругляются. Может, будут еще один-два пуска. Но что бы Мишин ни обещал верхам, на пилотируемый облет Луны никто не решится. Да и кому он сейчас нужен?

Помочь заговорщикам мог только Устинов. Отважный беспартийный Феоктистов — была не была! подобно Штирлицу, напрямую позвонил ему по вертушке из мишинского кабинета — сразу после отъезда шефа в Кисловодск. Дмитрий Федорович пригласил возмутителей спокойствия в свой кабинет на Старой площади.

Напористый Феоктистов сказал дяде Митяю, что долговременная орбитальная станция — ДОС — может быть выведена в космос через год. Устинов решил проучить Челомея — тот постоянно через его голову выходил наверх; велел срочно готовить график работ, постановление ЦК и Совмина. Юрий Семенов переброшен с Л1 на орбитальную станцию. Челомея он не испугается. Через двадцать лет Семенов окажется в кресле Королева.

Феоктистов доволен:

— Когда Мишин приехал, мы выкатили ему «арбуз». Теперь он готов объединиться со своим неприятелем Челомеем и укокошить меня где-нибудь в темном углу.

И работа закипела!

Впереди маячила новая великая дата: столетие Ильича.

Как раз в этом августе мы — я, Светлана, Тимка — отправились в отпуск в Москву. Санчик остался с бабушкой. Поехали к Вадику, Гале и ее маме Зинаиде Николаевне на станцию «Правда».

На столе — бутылка «Муската таврического» и знаменитый Галкин салат. О Чехословакии мы не говорили.

— Маленький мальчик с золотыми волосами, — сказала Зинаида Николаевна и обняла Тимура, — хочешь, я почитаю тебе «Маленького принца»?

— «Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, — сказал Лис, — точно такой же, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. И я тебе тоже не нужен. Я для тебя всего только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственный в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете».

— Михал Иванович помер, — сказал мне Вадик.

— Как?

— С сестрой съехался в городе Пушкино — на Оке. Гладиолусами увлекся, сортом «силвер-веддинг». Заезжал к нам на станцию «Правда». Я был в командировке, Галя с Юлькой была. Галя говорит: «Принес огромного индюка мороженого. Огромного. Я таких больших не видела. Я не знаю, где он такого достал и как дотащил. И еще огромную коробку печенья. Я ему говорю: «Зачем так пить?» А он мне: «Я не умею аристократически; я по-русски, по-западноевропейски. Принял для храбрости. Думал — тепло домашнее, чайник, где пастух и пастушка».

— Ты был на похоронах?

— Я был. Кому-то надо было гроб нести. Дождь, дорогу размыло...

— Я очень виноват перед ним. Очень. Вспомнишь то, что когда-то сделал, и только мычишь: м-м-м. И так будет всегда...

— Где-то я вычитал: друг — это человек, о котором знаешь всё и не перестаешь его любить. И мастера Каратина уже нет — помнишь, он говорил: выйду на пенсию, дня работать не буду, я изработался. Ладно. Отметили ему шестьдесят, попросили выйти на неделю. Как раз в скважине зонд прихватило. Он сам встал за рычаг, дал натяжение — и трос лопнул.

— «Видишь, вон там в полях зреет пшеница. Я не ем хлеба. Колосятся мне не нужны. Пшеничные поля ни о чем мне не говорят. И это грустно! Но у тебя золотые волосы. И как чудесно будет, когда ты

меня приручишь! Золотая пшеница станет напоминать мне тебя. И я полюблю шелест колосьев на ветру».

Зинаида Николаевна отложила книжку и зарыдала.

Мы шли на станцию мимо пивной палатки, где гудели правдинские мужички.

— Мне Рокоссовский руку жал!

— А я Прагу брал, понял? Армия Рыбалко!

7

Сентябрь 1968 года. Наш корабль «Зонд-5» со степными черепахами облетел Луну и благополучно вернулся.

Октябрь 1968 года. Первый пилотируемый полет корабля серии «Аполлон» на околоземной орбите — три астронавта. «Аполлон-7» выведен ракетой «Сатурн-1Б».

Новые люди в отряде космонавтов — опытнейшие летчики-испытатели Береговой, Шаталов. Это отнюдь не лейтенантики первого призыва. Георгию Береговому — 47 лет, воевал на штурмовиках Ил-2 под началом Каманина.

Шаталов:

— На борту нужны пилоты. Гибель Комарова — это не катастрофа. В авиации это называется «летное происшествие с тяжелыми последствиями».

Келдыш:

— Для начала не будем рисковать. Пусть «пассивный» корабль будет беспилотным, а пилотируемый — «активным». Это даже эффективно. Корабль с человеком подходит к беспилотному и стыкуется с ним.

Все согласились с ним.

Придумали такую схему. Дальнее сближение вести на автомате с помощью «Иглы» — устройства для сближения и стыковки кораблей. Когда останется двести метров, космонавт причаливает вручную. «Игла» на беспилотнике остается включенной. Ее задача — «подставить» воронку конуса стыковочного агрегата навстречу штырю «активного» корабля. Интервал стыковки попадал в тень: космонавта надо научить ручному управлению по огням на «пассивном» корабле.

25 октября 1968 года — пуск первого беспилотника, которому присвоили название «Союз-2», на следующий день — «Союз-3»

с Береговым. Только через полтора года после гибели Комарова вернулись к пилотируемым «Союзам», первым стал Георгий Береговой.

Для стыковки на «Союзах» установлены сигнальные огни: два верхних — постоянные, два нижних — мерцающие, проблесковые. Береговой перепутал верх с низом — разворачивал корабль с точностью до наоборот.

На ручную стыковку ушло почти всё топливо — осталось несколько килограммов для ориентирования корабля перед сходом с орбиты. Трижды засечена яркая одиночная звезда, но Георгий Тимофеевич не смог ее определить.

Беспилотникам положено называться «Космосами», но этим решили дать позывные «Байкал» и «Амур», будто там космонавты.

Телеметристы передают:

— Есть признаки стыковки!

— Есть стыковка!

Это успех! Американцы раньше стыковались вручную. Газеты сообщали об очередной победе в космосе.

Нам надо выполнить еще два технологических пуска перед пилотируемым облетом Луны.

Ноябрь 1968 года — первый пуск. «Зонд-6» облетел Луну, провел фотосъемку с 2600 километров и вернулся на Землю. Но у самой земли случился «боб» — преждевременно отстрелился парашют. Станция упала на Землю с пятикилометровой высоты и разбилась. Будь в корабле космонавты, они погибли бы.

По плану — еще один технологический пуск. Потом — пилотируемый облет. Леонов предложил назвать корабль «Родина».

Пилотируемый облет отменен. Космонавты первой волны не хотят быть вторыми, пишут в ЦК: «Разрешите лететь!». Мишин: «Вы готовы лететь хоть на метле!» Отчаянные ребята во главе с Леоновым в начале декабря летят на Байконур, надеясь на отмену решения. Напрасная надежда!

Анохин — застенчивый человек, пенсионер, шестидесятилетний инвалид — страстно мечтал о космическом полете. Он не по-

нимал, как Береговой мог так ошибиться. Когда при испытании МиГ-9 Алексея Гринчика стал крениться, перевернулся на спину и взорвался, Анохин сказал всерьдцах : «Я бы всё сделал как надо! МиГ закрутил бочку на подъеме — отдай ручку руля высоты от себя!» Это искусство полета на спине заложено в юности. Как он глаз потерял? Попав в аварию, выбрался из кабины падающего самолета, прошел по фюзеляжу, держась за трос антенны, а потом прыгнул с парашютом. Выбрал момент — если бы раньше прыгнул, воздушным потоком его бы вынесло на хвостовое оперение. Потом еще лет пятнадцать занимался сложнейшими испытаниями. Игорь Шелест говорил о прозрачности его мысли — это не совсем спокойствие. Это еще и воспитанный инстинкт — не поддаваться панике!

Как-то Анохин после нескольких стопок под сыр-дарьинского жереха горячего копчения рассказал на Тюратаме про испытания с имитацией невесомости на Ту-16. Изучали возможность запуска двигателя блока «Л» перед стартами на Венеру. Блок загорелся. Анохин приказал экипажу покинуть самолет. Фонари не открывались, поэтому прыгали с хвостовой части. Анохин загнал горящий самолет подальше — искали его несколько суток. В тридцатиградусный мороз он отыскал охотничью избушку, отогрелся, отоспался и сам вышел к поисковикам.

Павел Беляев пришел к тому же: если человек хорошо натренирован, он действует без ошибок — во время войны раненые, обгоревшие летчики каким-то чутьем садились на свои аэродромы.

Впрочем, многие считали, что Королев никогда бы не согласился на ручную стыковку ночью. Сказал бы: «Стыковка будет днем. Точка. Совещание окончено».

9

Декабрь 1968 года. Совещание в ОКБ-1 с участием министра Афанасьева. Чем встретим столетие Ильича и XXIV съезд партии?

Афанасьев:

— Есть предложение совершить к столетию рекордный по длительности полет на «Союзе». По орбитальным станциям вы подсказали, как исправить положение — соединить «Союз» и «Алмаз». По Л1 большинство высказывается против пилотируемого облета. По Н-1-ЛЗ: дайте гарантию, что хоть одного человека можно на-

дежно посадить на Луну! По Марсу: у нас должны быть опережающие планы.

Феоктистов:

— Если мы вместе дружно возьмемся, то сделаем орбитальную станцию. Все уйдем на станцию, на фронт, и нам будет не до Луны. ЛП обидно бросать. Если ЦК хочет, чтобы была создана орбитальная станция, надо пересмотреть программу Н-1-ЛЗ, сдвинуть ее на два-три года.

Феоктистов хитер: «Если ЦК хочет» А ему одно надо — орбитальная станция!

Черток:

— Все наши силы — на станцию! Мы сегодня боремся за 95 тонн на земной орбите. Американцы достигли 130. У нас не было водорода — было только желание. Только теперь появляются экспериментальные водородные блоки. Высадку двух человек на Луну мы можем осуществить в 1975 году...

Афанасьев:

— Что? 1975 год? О таких сроках даже не заикайся...

Устинов:

— Упаси вас бог бросать думать о посадке на Луну. Долготерпению ЦК тоже скоро придет конец. Орбитальная станция, ДОС, нужна не для срыва работ по Луне, а для того, чтобы выправить всю нашу работу. Нас пока обогнали американцы на одном очень важном направлении. Но у нас ведь есть «Молнии», есть «Метеор», есть космические разведчики, есть «Союзы». Мы везде первые, кроме Луны. Реванш будет взят. Кончайте всякие сомнения. Для организации работ никого и ничего не жалеть. Если кто-либо сомневается, пусть уступит место другому. Мне говорили, что Мишин проявляет упрямство. Он часто бывает неправ. У министерства должна быть тяжелая рука. Во главе работы должны стоять коммунисты.

Это сказано для беспартийного Феоктистова. Для него Луна уже не была Пера маа. ДОС — вот ее не было ни у кого. И там, на станции, — место для него, Константина Феоктистова.

Келдыш:

— В этой пятилетке будут полеты на орбитальных станциях и «Алмазах». Потом, по-видимому, пойдем по пути создания поселений на Луне, полетов на Марс. Смена экипажей — через каждые 30–60 суток.

Борисом Пастернаком сказано: «Безумное превышение сил».

Декабрь 1968 года. Три астронавта на станции Аполло-8 впервые облетели Луну — десять витков, и выполнили детальную съемку предполагаемых районов высадки экспедиций. Президент США Джонсон пригласил дипломатов присутствовать на пуске. За посадкой наши ракетчики и космонавты (по особому списку) наблюдали по кабелю Евровидения. Корабль прошел над континентами и контингентами враждующих войск и приводнился перед рассветом в Тихом океане в шести километрах от авианосца «Йорктаун». Вертолет завис над спускаемым аппаратом и освещал его прожектором.

Джонсон пригласил команду «Аполлона-8» и фон Брауна на обед. Астронавт Борман вспоминал, что мысли Джонсона занимал не полет «Аполлона-8», а кровопролитие во Вьетнаме и порожденный им разлад в обществе. Его президентство заканчивалось.

Чем же ответить американцам? Растерянность...

Послать на семь суток «Союз» с двумя космонавтами? Устинов сказал: «Жидковато, надо бы погуще...» Послали бабакинскую Е-8 — с лунной тележкой. Позже появится слово — *луноход*. Ракета УР-500К взорвалась через сорок секунд после старта. Надежда только на Н-1.

Облет Луны на беспилотнике намечен на 20 января.

На Госкомиссии спросили:

— А зачем это нам надо? Завтра трое американцев после облета Луны возвращаются на Землю. Вдруг у нас опять что-нибудь случится...

Спортивный интерес потерял; быть вторыми в верхах никто не хотел. Перед новым годом Устинов на совещании в ЦК разнес руководство «желтого дома» — так между собой звали здание Министрства общего машиностроения на Миусской площади.

— Позавчера американцы облетели Луну. Старый вопрос: чем ответим мы? Что доложить Политбюро? Они взяли у нас план и сетевые графики. Они заранее объявляют график пуска и строго его придерживаются. Всем управляет НАСА — госорганизация. Мы же распустились, пришли к феодализму. Главные конструкторы враждуют.

В январе 1969 года запущены «активный» «Союз-4» с Владимиром Шаталовым и «пассивный» «Союз-5» с Борисом Волиновым, Алексеем Елисеевым и Евгением Хруновым. Волинов начал готовиться к полетам вместе с Гагариным, пять раз был дублером и один раз назначался командиром «Восхода». Была угроза, что его не включат и в экипаж «Союза-5»: у него мать — еврейка. Давили из ЦК: «Не посылайте евреев в космос!» Каманин имел мужество спорить с Сербиным: «С большим трудом удалось защитить хорошего парня от злобных и глупых нападок».

После суточной адаптации (ее не было у Берегового) спокойно выполнено автоматическое сближение и ручное причаливание. В корабль Шаталова через открытый космос перебрались Елисеев и Хрунов — первые люди, которые перешли в открытом космосе из корабля в корабль и передали Шаталову письмо от жены.

«Союз-4» произвел посадку нормально, а «Союз-5», в котором оставался Волинов, — нештатно. Волинов спасся чудом.

Радость омрачена: сразу после возвращения космонавтов — очередная авария при пуске корабля в облет Луны.

При въезде в Кремль обстреляна вторая машина кортежа — террорист стрелял по Брежневу и Косыгину. Одежда Леонова прострелена в трех местах — счастливчик! Каманин понял, что он ему как сын. Дожить бы до того дня, когда он, Каманин, повезет на Красную площадь своих парней, вернувшихся с Луны.

После полета Каманин определил Волинова на тихое место в ЦПК.

— Сербин сказал: Волинов в ближайшие годы в космос не полетит, за границу не поедет.

У Бориса один вопрос: за что?

12

На лунном совете (официальное название) говорили о предстоящем первом испытании Н1. Старый вопрос: эта ракета может вывести на околоземную орбиту после небольших доделок 95 тонн. Для того, чтобы вывести 105 тонн, нужно повысить тягу двигателей первой и второй ступеней и установить водородные двигатели на верхних ступенях.

Келдыш давно уже доказывал — на Луну надо высаживаться вдвоем.

Мишин:

— Высадить двух человек на Луну при первых пусках Н-1 нет никакой возможности.

— Тогда надо заняться вопросами безопасности высадки одного космонавта. Параллельно надо делать корабль Л5 для экипажа из 4-5 человек.

Январь 1969 года. Перед пуском Н-1 собрался Совет главных. Задремавший Келдыш встрепенулся:

— Срок высадки на Луну нам надо перенести на 1972 год.

Сербин:

— А кто вам дал право отменять сроки, записанные в решении ЦК?

— Надо смотреть на вещи трезво. Автоматы на Луне и даже луноходы мы будем иметь и без Н-1. Сегодня есть две задачи: высадка на Луну и полет к Марсу. Кроме этих двух задач ради науки и приоритета никто ничего не называет. Первую задачу американцы в этом или следующем году решат. Это ясно. Наш путь изучения Луны — это автоматы. Понапрасну рисковать жизнью людей ради политической сенсации мы не намерены. Что дальше? Я за Марс. 1973 год — хороший год для беспилотного полета к Марсу. Мы верим в носитель Н-1. Я не уверен в 95 тоннах, но 90 будем иметь с гарантией. Последние полеты «Союзов» доказали, что стыковка у нас в руках. Если бы мы первыми узнали, есть ли жизнь на Марсе, это было бы величайшей научной сенсацией. С научной точки зрения Марс важнее Луны.

Первый пуск Н-1. Рев проникал в бункер через мощную толщу бетона. На 41-й секунде полета отказали 2 из 30 двигателей первой ступени. Полет продолжался еще примерно 50 секунд — ракета пролетела 23 километра и, медленно заваливаясь, начала падать. Система аварийного спасения сработала, и корабль Л1 опустился на парашюте.

Февраль 1969 года. Пилюгин:

— Маршалу Гречко Луна не нужна — пустая трата оборонного бюджета на корабли слежения, крымские пункты и прочее. Луна нужна ученым — пусть-де Келдыш, Академия наук и платят деньги. Хрущев деньги на Н-1 по-крупному начал давать только перед своим снятием. До конца колебался: надо — не надо? Вот мы от американцев и отстали. Давайте доводить Н-1. Сейчас самое главное, чтобы первая ракета-носитель полетела. Келдыш? Сейчас Келдыш вам не помощник — он еле отбивается от ЦК из-за Сахарова.

Май 1969 года. Второй полет людей вокруг Луны. Стаффорд и Янг отделились в лунном модуле от основного корабля, где оставался Сернан, и совершили раздельный полет. Они снизились до высоты 15 км над поверхностью и отрепетировали все этапы будущего полета, кроме самой посадки. Третий облет в НАСА решили не делать — они тоже торопились! Вперед, на Луну на «Аполлонах»!

Они били в одну точку, тщательно изучали равнинный участок Моря Спокойствия восточнее кратера Сабин. Здесь они наметили место высадки первой экспедиции.

13

Весной 1969 года инциденты на советско-китайской границе, в районе острова Даманского переросли в кровопролитные столкновения. Мао искал внешнего врага, чтобы отвлечь внимание от провалов внутренней политики. Предлог — советско-китайская граница проходила не по фарватеру Уссури и Амура, а по китайскому берегу. В конце концов был нанесен ракетный удар по китайской территории на глубину десять километров. Мао объявил Советский Союз врагом №1, призвал готовиться к большой войне.

Я был молод и остролиц. В кармане — плацкарта до Москвы на владивостокский поезд. Вспомнилась юность, Иван Сергеич, наше с Вадиком недельное путешествие. Какие-то строки нахлынули:

*Итак, я взял билет на проходящий,
Сквозь всю страну наискосок летящий,
На самый первый, самый подходящий —
«Владивосток — Москва»...
На площади та-та-та привокзальной
Перми-второй, дрожащей, провожальной...*

Дальше не пошло. Заколодило, как говорил Леша Решетов.

Женщина в платочке, придерживая блюдо, укрытое марлей, осторожно протянула мне шаньгу.

— Возьми, возьми, — толкнул меня солдатик, пилотка под погоном.

Женщина поклонилась и пошла дальше, выглядывая в толпе молодых ребят.

— Она всегда встречает этот поезд. Сын дал телеграмму с Даманского: «Мама, встречай». И не приехал.

Я видел фото — начальник погранзаставы младший лейтенант Стрельников шел по льду Уссури навстречу китайцам. В лед вмерзли камышинки, и вокруг каждой — ледяная шайба. Когда-то я любил на льду Шуфана сшибать сапогом эти стебельки.

Стихотворение я так и не кончил.

Она всегда встречает этот поезд...

В 1969 году — подземный ядерный взрыв в десяти километрах южнее Осы. Добыча не выросла, но много печей в округе было порушено. Начальник отдела бурения Мокичев рассказывал:

— Я взмахнул руками, чтобы устоять. Вода в речке Тишковка поднялась, обнажив ложе. Через три секунды вода рухнула на дно.

Эксперимент «Грифон» проводился московскими институтами по решению ЦК и Совета министров. В девяностые годы пермские «зеленые» пытались понять, кто всё это придумал. В Перми, конечно, были только исполнители. В Москве маршал Малиновский, академик Александров померли, спросить не с кого.

Как-то я приехал в Осу с Германом Михайловым. Вечером пошли на рыночек купить чего-нибудь на ужин. Гера спросил:

— Бабуля, откуда помидорчики?

Так просто спросил, всегда спрашивал.

— Не бойтесь, ребятки, не из Тишково.

14

Март 1969 года. «Сатурн-5» поднял «Аполлон-9» с тремя астронавтами для репетиции — переход из корабля в лунный модуль, расстыковка, удаление лунного модуля от «Аполлона-9» на 175 километров, сближение и стыковка. Оставались непроверенными лунный спуск, взлет, навигация по сближению на орбите у Луны.

На старте американцы вспомнили русского инженера Юрия Кондратюка, который полвека назад рассчитал, что метод стыковки на лунной орбите является наилучшим решением проблемы посадки на Луну.

Апрель — еще один пуск с Байконура корабля Л1. Вторая ступень не включилась, но корабль спасен САС — системой аварийного спасения.

Май. Генеральная репетиция на «Аполло-10». Проверены все этапы и операции, кроме самой посадки на поверхность Луны. Командир Стаффорд и Янг перешли из корабля в лунный модуль. Он

отделился от основного корабля, где оставался Сернан. Лунный модуль дважды приближался на 15 километров к поверхности Луны. Во время облета Луны на малой высоте впервые засняты отверстия в ее поверхности, о которых скажут, что это «входы в мир лунных чудес». В 2013 году японский зонд Кагуя обнаружит, что недалеко от вулканического плато Холмы Мариуса в Океане Бурь отверстия ведут в туннели, которые могут укрыть от радиации будущих колонистов.

Американцы заявили, что высадка экспедиции на Луну планируется на июль. У них за семь месяцев — четыре пилотируемых полета. На мысе Канаверал перед пусками «Аполлонов» собирались журналисты всего мира — все, кроме наших. Если принять приглашение, то надо делать *алаверды* — приезжайте к нам на Байконур. Это исключено.

Июнь. Седьмой срыв полета лунного автомата — ракеты «Протон» с бабакинской луночерпалкой Е8-5 (уже второй). Потеряна надежда раньше американцев доставить на Землю образцы лунного грунта. Хотя сто граммов, но раньше американцев — «Здесь был Вася!»

15

Июль 1969 года. Второй старт Н-1 рассчитан на облет Луны.

— Я попрошу кровью расписаться тех, кто гарантирует безопасность водорода на борту, — сказал Афанасьев.

Ракета взлетела на 200 метров, когда начали отключаться двигатели. На 23-й секунде ракета плашмя упала на старт, после чего последовала серия взрывов. Шел керосиновый дождь. Стартовая площадка разрушена, и соседний старт разворотило. Решено: в случае аварийной ситуации на первых секундах обязательно уводить ракету подальше в степь. Придумали метод увода ракеты — он пригодился и для Н1, и через 15 лет для ракеты «Энергия».

13 июля в полет на «Протоне» отправилась наша станция третьего поколения — «Луна-15» — «луночерпалка». Задача — первыми! — доставить на Землю лунный грунт.

16

В начале 1969 года прокуратура Западной Германии, расследуя заявления о военных преступлениях, совершенных в концлагере «Дора», попросила 57-летнего фон Брауна о встрече.

«Я никогда не видел ни мертвых, ни жестокого обращения, ни убийств», — сказал он. Он осуждал преступления и твердил о своей недостаточной информированности.

Известный журналист Дрю Пирсон вывел на него генерал-майора в отставке Джулиуса Клайна как раз во время запуска «Аполлона-11». Фон Браун ответил отставнику откровенно и жестко: «Это правда, что я входил в состав гитлеровских элитных войск СС. Журналист прав. Я был бы очень признателен, если бы вы сохранили эту информацию в тайне, так как ее разглашение повредило бы моей работе в НАСА». Клайн больше не возникал.

Глава 29. А Луна канула

1

Хроника событий.

На мысе Канаверал — миллион зрителей. 14 июля — пресс-конференция с руководством НАСА. Герману Оберту — 75 лет, он приглашен специально. Называются имена основоположников — Циолковского и Годдарда.

Норман Мейлер заметил, что у фон Брауна квадратный корпус, слабый голос, подрагивающие губы. «Он оставлял смешанное впечатление силы и уязвимости, спокойствия и волнения, жестокости и заботливости, равнодушия и чувствительности, так что сыграть его смог бы, пожалуй, такой виртуозный актер, как Род Стайгер».

Журналист из Восточного Берлина задал фон Брауну вопрос по-немецки. Тот перевел вопрос на английский, затем подробно ответил на английском. Ответил и по-немецки. Затем: «Я должен предупредить 134 японских корреспондента, что я не смогу сделать то же самое по-японски».

Его оценка предстоящего полета: «Это событие можно сравнить с выходом жизни из воды на сушу... Подлинной целью завтрашнего полета является будущее Земли. Мы расширяем область человеческого сознания. Когда Нил Армстронг ступит на Луну, это будет совершенно новый шаг в эволюции человека».

Норману Мейлеру:

— У нас проблемы. Вы должны помочь нам.

— Кого вы дурачите, — сказал Мейлер. — Конгресс не может не отвалить денег на следующий проект. Вы получите всё, что захотите.

Но фон Браун знал, что говорит, — он продолжал искать деньги. Впереди — Марс.

Накануне старта фон Браун в своей комнате в Коко-Бич просмотрел график запуска корабля «Сатурн-5/Аполлон-11», позвонил Курту Дебусу и лег спать.

На рассвете 16 июля Нил Армстронг, Майкл Коллинз и Базз Олдрин вошли в командный модуль «Аполлона-11». В НАСА вероятность благополучного возвращения астронавтов на Землю оценивалась как 0,999 — «три девятки», а посадки на Луну с возвращением на Землю, как 0,99 — «две девятки». В ходу анекдот — фон Браун обратился к своим ближайшим помощникам с вопросом: «Есть ли какие-либо причины для отказа ракеты?» Те ответили по-немецки — «Нет»: «Найн», «Найн», «Найн», «Найн». Фон Браун доложил начальству из штаб-квартиры НАСА: «Господа, у меня надежность четыре девятки».

За пуском следило по телевидению больше полумиллиарда. У нас партийный идеолог Суслов запретил прямую трансляцию.

Леонов в сердцах сказал:

— Этим мы отвратили от себя человечество...

В Подлипках же по кабелю смотрели трансляцию с Луны. Порадовались за соперников и досадовали, конечно. Шутили с горечью:

— Это всё Черток виноват. В сорок пятом году он задумал украсть у американцев фон Брауна и с задачей не справился.

— И очень хорошо, что не украл. Просидел бы у нас фон Браун без толку на Селигере, потом отправили бы его в ГДР. Там его как бывшего нациста куда бы не допустили. А так с помощью американцев он осуществил мечту — и его самого, и всего человечества.

4 часа 32 минуты. Полетом руководят из Центра пилотируемых космических полетов в Хьюстоне. Здесь администратор НАСА Томас Пейн и, разумеется, фон Браун.

19 июля. Армстронг и Олдрин в лунном модуле Eagle («Орел»). На высоте нескольких сот метров над поверхностью Луны Армстронг, заметив, что компьютер ведет модуль на поле, покрытое ва-

лунами, перешел на ручное управление. Он нашел ровный участок, когда топлива осталось на 20 секунд: «Хьюстон, мы на дне Моря Спокойствия. Орел приземлился».

21 июля наш корабль «Луна-15» разбился в южной части Моря Кризисов. ТАСС двусмысленно заявляет, что «Луна-15» достигла поверхности Луны и ее полет завершен.

Все заметили — Армстронг (в переводе — «сильная рука») поболтал ногой, прежде чем ступить на лунную поверхность, — не провалиться бы. Так поступил Кейвор в романе Уэллса «Первые люди на Луне». Так купальщик пробует ногой воду. Королев был прав — Луна твердая.

Грунт мягкий, следы остаются — рисунок протектора на тяжелых ботинках астронавта. Горизонт близок. Черное небо, Солнце, яркие немерцающие звезды. Земля — прекрасный голубой шар. Она не заходит. Глубокие тени от рельефа. Первая прогулка по Луне. Армстронг (кстати, так зовут одного из персонажей этой книги Уэллса) похож на нашего Феоктистова.

Армстронг произнес фразу (сейчас сказали бы *стенд-ап*), одну из ста восьмидесяти девяти, отобранных по конкурсу: «Это маленький шаг одного человека, но большой шаг всего человечества». О «большом шаге» говорил Кеннеди. Слова Эйзенхауэра: «во имя мира, на пользу всего человечества» — на металлической пластинке, которую оставил на Луне экипаж «Аполлона-11».

Андрей Вознесенский придумал значащий палиндром: «А Луна канула».

21 июля, проведя 21 час 38 минут на Луне и погуляв 2 часа 21 минуту по лунной поверхности, астронавты взлетают на борту лунного модуля, чтобы встретиться с Коллинзом и вернуться на Землю. Они везут с собой 25 килограммов лунного грунта.

24 июля, ранним утром командный модуль «Аполлона-11» опустился в Тихом океане к юго-западу от Гавайских островов, где их ждал авианосец «Хорнет».

Когда астронавты вернулись на Землю, фон Браун был дома в Хантсвилле. Ликующие горожане пронесли его по улицам города на руках. Но прежде чем пригласить фон Брауна на празднества, помощник Никсона попросил ФБР проверить его. Письмо от директора ФБР Эдгара Гувера: «Хотя расследования дали результаты в общем благоприятные для доктора фон Брауна, и показали, что он является антикоммунистом, была получена информация, что

он вступил в СС, получив чин лейтенанта, и стал членом Национал-социалистической партии в 1939 году».

Август 1969 года. Торжества начались с парада на Бродвее в Нью-Йорке и закончились обедом, который президент дал в отеле «Сэнчери плаза» в Лос-Анджелесе. Доктор Вернер фон Браун из Хантсвилла, штат Алабама, и его супруга были в числе 1440 гостей.

Сентябрь. Клуб «Голден слиппер сквер» пригласил фон Брауна с другими сотрудниками НАСА на банкет. Их встретили бывшие узники концлагерей, растоптавшие нацистский флаг.

Теперь героями для граждан Соединенных Штатов стали первые люди на Луне. Они же заявляли: «Вернер утверждал, предсказывал, рекламировал, долбил, тащил и наконец вытолкнул нас первыми на Луну».

Цель, поставленная Джоном Кеннеди, достигнута. Общественный интерес к космосу неуклонно снижался. В последующие два с половиной года было совершено еще 6 полетов к Луне, и, за исключением прерванного полета «Аполлона-13», все они были успешными. Но они выглядели как ремейки полета «Аполлона-11».

Ноябрь 1969 года. «Аполлон-12», вторая американская экспедиция на Луну — Океан Бурь.

Апрель 1970 года. Третья экспедиция на Apollo-13 не удалась. На пути к Луне в основном отсеке взрыв повредил кислородную магистраль. Двое астронавтов для экономии кислорода перешли в лунный модуль. Посадка на Луну отменена, но астронавты облетели Луну, фотографируя ее. При возвращении были проблемы с углекислым газом, гелием, понизилась температура, корабль закрутило.

Косыгин предложил всю возможную помощь в случае необходимости. Многим вспомнился апрель сорок пятого года, встреча на Эльбе. Наконец корабль благополучно приводнился.

Неудача «Аполло-13» ненадолго тормознула американцев.

Август 1970 года. Удача — беспилотный «Зонд-7» облетел Луну. В «Правде» — эффектные снимки Земли перед заходом ее за край Луны.

Сентябрь. Старт нашей «Луны-16» из серии Е-8-5, то есть для взятия лунного грунта и доставки его на Землю. Мы хотели потрогать эту лунную землю раньше американцев, но из пяти предыдущих пусков четыре закончились авариями на старте, а «Луна-15» разбилась при спуске на Луну. «Луна-16» мягко прилунилась в Море Изобилия, и луночерпалка приступила к работе. На Землю доставлено 100 граммов лунного грунта с глубины 35 сантиметров!

Октябрь. Старт «Зонда-8», это последний корабль из серии Л1. Из пятнадцати машин пять слетали к Луне и вернулись на Землю. Причина — из-за отказов «Протона» большинство кораблей Л1 не вышло на трассу полета к Луне.

Групповой полет трех «Союзов». Шаталов — командир космической группировки. На орбиту выведены «Союзы» — 6-й, 7-й и 8-й. Стыковка «Союза-7» с «Союзом-8» не получилась — не сработала «Игла». Шаталов пытался провести ручную стыковку — корабли разошлись. Хорошо хоть посадили все корабли. Против ожидания были сладкие слова, награждения, банкет в Кремле.

Ноябрь 1970 года — мягкая посадка «Луны-17» на челомеевском «Протоне». Самоходная тележка (какое хорошее слово — «тележка») «Луноход-1» за десять месяцев проехала по Морю Дождей десять километров. Это запоздалый успех к столетию Ильича.

Помню Пермь в этом ноябре. Пасмурное утро. На Луне — длинная лунная ночь. Панель солнечной батареи «Луны-17» закрыта.

Мальчишка в утреннем автобусе:

- Мама, когда же закончится лунная ночь в Море Дождей?
- Говорят, через неделю.
- Как долго.

Январь 1971 года. Третья экспедиция на Луну на «Аполлоне-14». Стыковка лунного модуля с основным блоком — с шестой попытки по подсказке с Земли. На стыковочном узле появились небольшие выбоины. Но программа экспедиции выполнена полностью. Снова Океан Бурь.

Июнь 1971 года. Третья попытка вывести на орбиту ракету Н-1. Все 30 двигателей первой ступени вышли на режим. На 50-й секунде полета нарушилась стабилизация ракеты — ее двигатели автоматически выключились, и, частично разрушившись уже в

воздухе, она рухнула на землю и взорвалась. Мишин сказал: «Чего приуныли? Ведь она все-таки взлетела». Взлететь-то она взлетела, но улететь не смогла.

Осталось еще семь ракет.

Июль 1971 года. Четвертая экспедиция на «Аполло-15». Восточный край Моря Дождей. Астронавты передвигались по Луне на вездеходе.

Февраль 1972 года. «Луна-20» доставила на Землю еще 50 граммов лунного грунта из гор между Морем Изобилия и Морем Кризисов.

Апрель 1972 года — пятая экспедиция на «Аполло-16» — наконец-то лунный материк.

Ноябрь 1972 года. Четвертый пуск Н-1-ЛЗ. Черток: «Никто не верил в то, что Н-1 вынесет в космос полезный груз».

Никто не верил — потому что не было Королева.

Три пуска ракеты были аварийными. Первые два пуска фактически были огневыми испытаниями двигателей первой ступени. Только на третьем пуске впервые можно было проверить динамику управления при работающей первой ступени. И вдруг — неустойчивость по крену. На 14-й секунде ракета закрутилась и после 50-й секунды «ушла за бугор». Огневой факел первой ступени создавал неучтенный расчетами крутящий момент. Для управления по крену установили еще четыре двигателя.

Афанасьев:

— Получим заключение и будем решать, как жить дальше. Отношение Москвы к Н-1 очень неважное. Вы ползете на пузе к кнопке «Пуск». Вам бы только пустить. А понимаете ли, что еще одна авария — и работу могут закрыть вообще? Может быть, выйти с предложением отменить этот пуск?

Черток:

— По каждой системе сделано все возможное. За исключением двигателей.

Огненный шквал. Доклады:

— 50 секунд! Тангаж, рыскание, вращение в норме. Полет нормальный.

— 95 секунд! Полет нормальный.

— 100 секунд! Полет нормальный.

На времени 94,5 секунды по программе выключаются шесть центральных двигателей блока «А». Неужели, неужели проскочили? Черток ждет доклада о разделении и запуске блока «Б». Это должно произойти на 113-й секунде.

Триллер!

— 110 секунд... сбой! Сбой информации. Потеря информации по всем каналам!

Не проскочили. Авария на первой ступени — за несколько секунд до включения двигателей блока «Б» и разделения.

Не спавшие всю ночь люди собрались в зале вычислительного центра полигона.

В окончательном тексте отчета: «Ракета пролетела без замечаний 106,93 секунды, но за 7 секунд до расчетного времени разделения 1-й и 2-й ступеней произошло практически мгновенное разрушение насоса окислителя двигателя №4, которое привело к ликвидации ракеты».

Начались работы по подготовке ракеты Н-1 к пятому пуску с новыми двигателями.

3

Ярослав Голованов заметил: ни о ком не было мнений столь противоречивых, как о Челомее. Одни говорили — карьерист, интриган, скупердяй. Другие — душа нараспашку, искренен, общителен. И те, и другие дружно утверждали: прекрасно образован. Раушенбах говорил: «Если бы Челомею и Королеву устроить экзамен по физике и математике, Челомей, пожалуй, побил бы Королева». У него были природный дар общения, обаяние, артистизм.

Разговор Челомея с Головановым:

— Королев был человеком недостаточно образованным. Обладал удивительной технической интуицией и огромным организаторским талантом. Да... А интеграла, увы, взять не мог... Отобрал у меня облет Луны — сам не сделал и мне не дал. Разве это не талант?

— Но ведь он не успел, он умер...

— Мы быстро перехватили лидерство в ракетной технике и удерживали его довольно долго. В области военных ракет США начали нас обгонять примерно в 1960 году. К этому времени относится начало разработок, которые обеспечили их будущее первенство и

в космических программах. Королев обладал относительно скромными знаниями и технической эрудицией, но был человеком необыкновенно увлеченным, целиком отдававшим себя делу. Я всегда завидовал его умению увлечь окружающих своим делом и возбудить интерес к нему у руководства... Главной ошибкой Королева было то, что он потерял чувство перспективы. Он продолжал выжимать из своей «семерки» все, что можно выжать.

— Но ведь шла работа над Н-1, целиком нацеленной в будущее, — возразил Голованов. — И облет Луны...

— Я никогда не выступал против Н-1, — улыбнулся Челомей, — никогда ее не критиковал, но ведь конструктивно она явно несовершенна. А облет Луны... О, у Сергея Павловича было необыкновенное чутье на все новое. Поэтому он и отнял у меня облет Луны. Он очень болезненно переживал мои предложения по облету Луны, понимал, что это возможно сделать. Отнял, но сам не сделал! — повторил Челомей свой укор.

4

В те дни, когда в четвертый раз не взлетела ракета мечты, ударил аварийный фонтан на скважине 6-Варьеган. Николай Григорьев снова увидел огненный шквал — как в юности на Синявинских болотах. Теперь у него в Западной Сибири — своя противоаварийная партия. Ликвидация полуторы сотен аварий. Ни один его фонтанщик не потерян. У него правило — самому идти в огонь.

На Варьегане-6 надо было надвинуть на струю новый превентор, надо было приварить фланец — толстую шайбу с отверстием, чтобы продеть в нее огневую струю. Опасна полоса перед факелом. У устья легче — пламя вверх. Одного из сварщиков окатили из шланга, брезентовая роба пропиталась водой, и он, прикрываясь маской, побежал к факелу. Попытка не удалась — тыкал электродом куда попало. На вертолете привезли сварщика со значащей фамилией — Олег Варченко. Он пересек опасную зону, аккуратно разложил электроды, запасную маску-щиток, рукавицы, проверил, нет ли у фланца перекосов, а потом начал варить. При наводке превентора произошел взрыв. Григорьев в неизменном танкистском шлеме вытащил своих фонтанщиков. Огонь накрыл его самого — пожарные спасли. Григорьев был без бровей и ресниц. Когда его несли к вертолету, прошептал: «Вот что надо бы внести в инструкцию...»

Февраль 1972 года. «Луна-20». Взято 50 граммов лунного грунта из горного района лунного материка между Морем Изобилия и Морем Кризисов.

Март. «Венера-8» — впервые мягкая посадка.

Декабрь. Старт «Аполлона-17» — последнего. Шмитт — первый геолог на Луне. Море Ясности.

Январь 1973 года. «Луна-21» доставила «Луноход-2» в Море Ясности.

Август 1976 года. «Луна-24» — 150 граммов лунного грунта в Море Ясности.

Конец лунной гонки.

Глава 30. Орбитальная станция

Хроника событий.

Июль 1969 года. Сразу после возвращения «Аполлона-11» НАСА начало работу над программой «Скайлэб» — «небесная лаборатория». Фон Брауна отодвинули — «Скайлэб» передали Хьюстону. Лаборатория собрана на Земле и доставлена на орбиту в качестве третьей ступени «Сатурна-5».

Март 1970 года. Создание космической станции отложено до создания челнока.

Многие люди из ракетной группы фон Брауна отошли от дел — бюджет космической программы НАСА сокращен. Ушли в отставку Артур Рудольф, Курт Дебус, Эберхарт Рес.

Май 1970 года. Афанасьев собрал всю королёвскую рать:

— Считаю: надо поставить флаг и взять грунт. Для этого взвод космонавтов не нужен. Я ходил советоваться к Рябикову. Он сказал, что отказа от высадки на Луну в Политбюро никто не поймет. Надо, чтобы советский человек на Луну ступил. Это вопрос боль-

шой политики. Всё сходится к тому, что нельзя бросать Н-1-ЛЗ. Надежность больше всего беспокоит. Американцы своей аварией на «Аполлоне-13» нас подвели. После взрыва Н-1 Брежнев спросил: «Живы все? Ну, слава богу!» Косыгин: «Что же вы, не разобравшись, снова пошли на такой риск?»

1971 год. Строительство нашей, первой в мире орбитальной станции идет в три смены. Работали как во время войны, как во времена «Востоков». Это будет так здорово: ДОС выводится в космос «Протоном», затем стартует «семерка» с пилотируемым транспортным кораблем «Союз Т». Корабль стыкуется со станцией, и экипаж переходит в нее по внутреннему лазу. Через тридцать суток экипаж на «Союзе Т» возвращается на Землю. «Протон» удобен. Только без противогаса появляться нельзя — ракета грязная. Серию станций называли «Салют». Первый «Салют» без номера. Потом пошли «Салюты» под номерами.

Апрель 1971 года. «Союз-10» с Шаталовым, Елисеевым, Рукавишниковым в космосе. Началась стыковка «Союза-10» со станцией «Салют №1». «Игла» осуществила «захват» и началось сближение в автоматическом режиме. Когда осталось 200 метров, Шаталов начал ручную стыковку. После касания корабль начало мотать. Елисеев потом удивлялся, почему не сломался стыковочный узел:

— Штырь, то есть штанга «активного» стыковочного узла, был выдвинут перед стыковкой полностью. Весь ход для полного стягивания — 390 миллиметров. Прошли 300 миллиметров и остановились. Корабль и станция не «дотянулись» друг до друга на девяносто миллиметров.

Черток:

— Мы что-то сломали. Нужна расстыковка.

Но «Союз» может не отстыковаться от станции. Для расстыковки нужно было выполнить весь цикл стыковки.

— Ну, молодцы, сообразили агрегат, в котором «мама» не отпускает «папу».

Что делать? Кислорода на сорок часов. Рядом — «Салют» Там рассчитывали провести 30 суток, хотя там можно жить и три месяца. Аварийный вариант — отстрел стыковочного узла. Корабль освободится, но штанга с рычагами останется на «Салюте».

Никто не знает автора идеи: «Подать команду не на корабль, а на ДОС». Команда ответит защелки и освободит штангу.

— Но сейчас вся масса корабля висит на этих защелках...
— А вдруг!
— ...И у привода просто не хватит сил, чтобы отпереть этот замок.

— А вдруг!

Команда на расстыковку прошла на 85-м витке.

Через пять часов:

— Расстыковка прошла!

Стыковщики так и не поняли, почему она прошла. Этого не должно быть!

Полет благополучно завершился, но программа не была выполнена. Прессе сообщили, будто переход в станцию и не предполагался, — была «отработка усовершенствованной системы стыковки».

«Союз-11» готовился круглосуточно. Леонов назначен командиром: «Мы войдем в эту заколдованную станцию».

Замена экипажа за двое суток до старта — такого не было еще ни у нас, ни у американцев. У Валерия Кубасова обнаружено затемнение в легком. Экипаж Леонова заменен экипажем Добровольского, Волкова и Пацаева.

У Мишина — тяжелый разговор с Леоновым и Колодиным. Леонов считал, что Мишин сознательно не пожелал заменить Кубасова Вольновым. Колодин же считал, что дело в нем: «Я у них — белая ворона. Они все летчики, а я ракетчик».

Леонов:

— Я уже имел возможность на предыдущем заседании благодарить комиссию за доверие, а сейчас я могу лишь высказать сожаление по поводу случившегося.

Смерть опять пройдет мимо него.

Потом был митинг «с боевым расчетом», как записал Каманин. Экипаж Леонова остался на месте, когда ребята Добровольского делали традиционный круг почета. Кубасов сказал:

— Если я здоров, то я должен лететь, а если я болен, то мне нечего делать на митинге.

Июнь 1971 года. Позывные «Союза-11» — «Янтарь». Земля, как обычно, — «Заря».

— «Заря», докладываем: стыковка прошла без колебаний, стягивание закончилось. Открываем люк. Переходим в бытовой отсек.

— «Янтари», внимание! У вас сейчас будет разговор с «первым». Это Москва врубилась — разговор с Брежневым в самое неподходящее время.

— «Заря», подождите. Не мешайте пока. В «Салюте» сильный запах гари.

Виктор Пацаев первым проник на станцию. Включил установку регенерации воздуха, заменил отказавшие вентиляторы.

Мишин на фирменном Ил-14 прилетел с космодрома домой, в «Подлипки-дачные». Прекрасное подмосковное лето. Мишин собирал божьих коровок для своего сада.

Божья коровка, улети на небо!

Улети на небо, принеси нам хлеба!

«Союз-11» возвращается. Все ждут сообщения о включении тормозной установки, но экипаж молчит. Рядом с кораблем опускаются четыре поисковых вертолета. Доклад генерала Горегляда — все три космонавта без признаков жизни. Как потрясли всех нас эти слова — «без признаков жизни». Плечевые ремни у Волкова и Пацаева отстегнуты. Добровольский был еще теплым. Разгерметизация: вентиль одного из двух вентиляционных клапанов вывернут на десять миллиметров. Причина самопроизвольного открытия осталась тайной.

Феоктистов:

— Клапан должен был открыться на высоте 5, а не 150 километров. До и после полета «Союза-11» клапан ни разу не отказал. Было решено надевать скафандры при выведении, посадке и стыковке кораблей. Но численность экипажа пришлось сократить с трех до двух человек.

После гибели экипажа Добровольского у нас долго не было пилотируемых полетов. Первую станцию, пока она была управляема, пришлось затопить в Тихом океане. Строительство многомодульной орбитальной станции «Мир» — впереди.

Январь 1972 года. Никсоном и новым администратором НАСА Джеймсом Флетчером была представлена американцам челночная транспортная система. Она состоит из орбитальной ступени, то есть челнока, расходного топливного бака и двух многократно используемых ускорителей на твердом топливе. Фон Браун считал применение этого топлива для ускорителей опасным. Катастрофа на космическом челноке «Челленджер» покажет, что он был прав.

1972 год. У нас продолжились неудачи 1971 года. Запуск станции №2 неудачен — рыжее облако от разрушенного «Протона», оплавленные куски металла по степи.

1973 год. Невероятная расточительность в беднеющей стране — борьба между Мишиным и Челомеем. Зачем нужны орбитальные станции двух типов? Челомеевский «Алмаз», названный «Салютом-2», запущен, но из-за разгерметизации прекращает существование.

После арабо-израильской войны цены на нефть на внешнем рынке резко выросли. В 1981 году стоимость барреля нефти достигла 35 долларов. По свидетельству Валерия Грайфера, Косыгин, председатель Совмина, частенько обращался к начальнику «Главтюменьнефтегаза» Виктору Муравленко с примерно с такими просьбами: «С хлебушком плохо — дай три миллиона тонн нефти сверх плана».

Май 1973 года. Еще одна станция погибла. Раушенбах придумал для нее новую систему ориентации. Оператор внезапно понял, что работают двигатели тройной тяги, а не одиночные. ЦУП готовился выдать команду на подъем орбиты, когда поступил доклад о перерасходе топлива. В группе анализа решили, что это — ошибка. А станция уже облетела Землю! Один оператор бросился в здание телеметрии — глянуть на первичные ленты. И другой! К телефону: «Выключить борт!» Телефон не работал. Скорее — в зал управления! И другой! Двое мальчишек требуют отменить команду на подъем орбиты. Станция может врезаться в атмосферу. Министр и председатель Госкомиссии бросаются на аэродром. До Евпатории — шесть часов лёта. Может быть, станция не уйдет за радиогоризонт?

— Выключить режим ориентации!

— Поздно!

Станция уже пролетела над Евпаторией, и команду надо передавать через Уссурийск. Через сорок минут станция — в зоне приема, но уже с пустыми баками. Потом будет сообщение ТАСС о запуске «Космоса-557».

В срочном порядке создана служба управления полетами во главе с Елисеевым. Раушенбах переведен в консультанты. Так погибли подряд три станции. Угроза закрытия программы запусков реальна.

А что же американцы? В мае 1973 года тринадцатый и последний «Сатурн-5» поднял космическую станцию «Скайлэб» на орбиту. Слетали три экипажа по три астронавта в каждом. Полеты закончились в феврале 1974 года.

1980 год, сентябрь. Начало ирано-иракской войны. Новый скачок цен на нефть. Это позволило наращивать гонку вооружений, начать войну в Афганистане. Экспорт нефти вырос с 93,1 миллионов тонн в 1975 году до 119 в 1983 году.

1981 год, апрель. Визит руководителя ЦРУ Кейси в Саудовскую Аравию.

Апрель 1982 года. В космос выведена орбитальная станция «Салют-7». На ней побывало семь экспедиций. Потом пришлось спасать станцию — надо попасть на нее, заменить аварийную раму, поврежденные кабели, подключить аккумуляторы к солнечным батареям и еще сделать много чего.

Ноябрь 1982 года. Директива Рейгана о национальной безопасности. Задача: нанести максимальный ущерб советской экономике.

Июнь 1985 года. Экипаж спасательной экспедиции — летчик Владимир Джанибеков и вятский парень Виктор Савиных из НПО «Энергия», ставший космонавтом-100. Они спасли мертвую станцию «Салют-7»!

Февраль 1986 года. Началось строительство «Мира» — постоянно обитаемой космической станции. Первоначально определили срок работы станции в три года. «Мир» заработал летом 1986 года, после чего «Салют-7» переведен в режим консервации. Много раз к «Миру» подходили и стыковались «Спейс шаттлы». В июне 1997 года из-за человеческой ошибки «Мир» выдержал удар грузового корабля «Прогресс».

Пятилетка 1966–1970 годов — последняя успешная пятилетка.

1973 год. После арабо-израильской войны цены на нефть резко выросли. По свидетельству Валерия Грайфера, Косыгин, председатель Совмина, частенько обращался к начальнику «Главтюмень-

нефтегаза» Виктору Муравленко с примерно с такими просьбами: «С хлебушком плохо — дай три миллиона тонн нефти сверх плана».

1980 год. Начало ирано-иракской войны. Новый скачок цен. Это позволило наращивать гонку вооружений, начать войну в Афганистане. Экспорт нефти вырос с 93,1 миллионов тонн в 1975 году до 119 в 1983 году.

1981 год, апрель. Визит руководителя ЦРУ Кейси в Саудовскую Аравию.

1981 год. У нас начались проблемы с платежным платежом.

1982 год, ноябрь. Директива Рейгана о национальной безопасности. Задача: нанести ущерб советской экономике.

Глава 31. Занавес опускается

1

Корнелиус Райан попросил старого друга фон Брауна написать статью в «Ридерс дайджест» — какой он видит будущую космическую программу Соединенных Штатов. Фон Браун необычно долго работал над статьей. Однако главный редактор отказался печатать ее — читателей всё это не интересовало. Это уже история. Для фон Брауна вернулось время, когда его работы неизменно получали отказы. Он фанатично искал деньги для космических программ — снова работал на Уолта Диснея. В Анахайме, штат Калифорния, готовился новый аттракцион «Полет на Марс» вместо устаревшего «Ракета к Луне».

Администратор НАСА Томас Пейн понимал то, что не мог взять в голову фон Браун — его хантсвилльский Центр космических полетов не имеет будущего. Пейн говорил: «Я полагаю, большинство людей чувствует, что у него было чертовски неудачное прошлое, и никто не любит нацистов, но он по-своему расплатился с долгами. Он на самом деле помог нам добраться до Луны, создав «Сатурн-5», и показал себя достойным гражданином нашей страны. Если мы не можем простить и забыть, то вежливость не позволяет нам устра-

ивать постыдные разборки». Правда, Пейн ничего не знал об эсэсовском прошлом фон Брауна и о концлагерях.

Тем не менее фон Браун перебрался в Вашингтон и стал администратором по планированию будущих программ. Он хотел протащить космическую программу, которую он изложил когда-то в журнале: корабли многоразового использования, орбитальные космические станции и полет на Марс.

2

После неудачи с «Аполлоном-13» Томас Пейн предложил отменить 4 последних полета «Аполлона» на Луну. Его не поддержали, и он ушел в отставку. Следом ушел фон Браун. Создание космической станции, экспедиция на Марс при Никсоне невозможны. Через неделю разразился Уотергейтский скандал.

Фон Браун пригласили на работу в компанию «Фэрчайлд индастриз». Эдуард Ул, президент компании, компаньон фон Брауна по охоте, поручил ему стратегическое планирование будущего корпорации. Фирма была главным подрядчиком при постройке нескольких спутников для НАСА и поставке оборудования для «Скайлэб». Фон Браун занялся прикладным технологическим спутником — мощным телевизионным ретранслятором для приема на Земле с помощью недорогого оборудования. Технологию купили только индусы — для передачи образовательных программ.

В сентябре 1973 года фон Брауну удалили почку со злокачественной опухолью. Он и здесь вышел победителем. Испанские летчики пригласили его полетать в кабине истребителя «Мессершмитт-109», вспомнить о службе в Люфтваффе. Кажется, он ничего не понял и ничему не научился.

В 1975 году фон Браун стал первым президентом Национального космического института. Ему нужно двигаться дальше — к Марсу, к Венере. Обществу это не нужно. Он снова летает на планерах, парит над Аппалачами.

В госпитале Александрии, штат Вирджиния, президент Джеральд Форд вручил ему Национальную медаль науки. Фон Браун сказал, что гордится тем, что ему перелили американскую кровь. Он умер 16 июня 1977 года. Ему было 65 лет.

Вскоре после его смерти министерство юстиции учредило Управление по специальным расследованиям для розыска нацистских

военных преступников. В Национальном архиве были обнаружены показания против Артура Рудольфа. Он и его подчиненные обвинялись в участии в казнях в лагере «Дора».

Отставника Рудольфа разыскали в Сан-Хосе, штат Калифорния, и предложили сделку со следствием: покинуть страну и отказаться от гражданства или по суду потерять пенсию от НАСА. Он выбрал высылку. После дела Рудольфа были рассекречены досье на фон Брауна. Обнаружен протокол совещания от 6 мая 1944 года на «Миттельверке» с участием высоких чинов СС, фон Брауна, Рудольфа. Нашлось письмо фон Брауна Альбину Завацки: «Во время моего последнего приезда на «Миттельверк» вы предложили мне использовать технически образованных заключенных, которыми вы располагаете в Бухенвальде... Я немедленно воспользовался вашим предложением, поехав в Бухенвальд, чтобы разыскать других квалифицированных заключенных. Я договорился с штандартенфюрером Пистером (комендантом Бухенвальда) об их переводе на «Миттельверк», как вы и предлагали».

Джон Мендельсон, исследователь истории нацизма: «Что делать с этими людьми? Вот они, быть может, падшие ангелы, благодаря которым мы раньше русских добрались до Луны. В то же время это люди, ответственные за неслыханные страдания. Но когда с ними говоришь, они этого даже не понимают».

Глава 32. Глушко

1

Май 1974 года. Совещание у Устинова.

— Пора сказать Политбюро правду о Н-1-ЛЗ!

Почти все — за прекращение работ. Те, кто работал над ракетой мечты, не приглашены.

Келдыш: «Луна для ученых прежнего интереса не представляет. Марс — следует начать строить на околоземной орбите большую станцию».

Мозжорин один против прекращения работ. Довод — на Н-1 установлены новые многогоразовые двигатели:

— Американцы прекратили работы по «Сатурну-5». Н-1 будет единственным в мире сверхтяжелым носителем.

Утром Афанасьев позвонил ему:

— Ты что делаешь?

— Сiju и думаю, как жить дальше. Жду, когда меня снимут за вчерашнее.

— А ты молодец! Правильно выступил.

Сняли не Мозжорина, а Мишина. Теперь Глушко занимает кабинет Королева в Подлипках. Перевел из Химок Яремича — кадрового работника госбезопасности, опекавшего его со времени казанской шарашки, верного Савельича.

Мишину Глушко запретил появляться на космодроме.

Дважды Герою труда Глушко шестьдесят шесть лет. Он, чистый двигателист, приступает к новому для себя делу. Он уверен в себе, целеустремлен, амбициозен. Не терпит небрежности в документации. У него, как и у Королева есть учитель — Фридрих Цандер. «Вперед, на Марс!»

Глушко:

— Я поставил условия. ОКБ-1 объединяется с ОКБ-456 в научно-производственное объединение «Энергия». Много сил потребуется для разработки семейства новых тяжелых носителей вместо Н-1.

— Что значит «вместо»?

— Это значит, что работы над Н-1 будут прекращены. Орбитальные станции, космические корабли, программу «Союз» — «Аполлон» — буду всячески поддерживать. Но высаживать одного человека на Луну через десять лет после американцев — глупо. На Луне должна быть наша постоянная база. Для этого нужны другие носители. Базу можно создать через четыре-пять лет. На гнилых двигателях никакой лунной базы построить нельзя.

У сотрудников Королева — тоска по ракете мечты. Коллективные письма идут в ЦК, в президиум XXIV съезда — дайте испытать уже готовые ракеты.

Черток считает, что Королев не допустил бы начала летных испытаний без должной подготовки. Или если уж начал, не продолжал бы их, договорился бы с Глушко о доработке двигателей. Уже при Глушко Кузнецов доработал их. Но Глушко не мог идти к Келдышу и Устинову с ракетой Королева! Нет, нет и нет!

Сотни предприятий работали на Н-1. Завод «Прогресс» в Куйбышеве и его полигонный филиал только под ракету и создавались.

Черток заметил, что когда глаза Глушко стекленели, разговор лучше не продолжать.

В Политбюро считали: на лунной программе не поставлен крест, напротив, приняты меры — создается мощная ракетно-космическая корпорация «Энергия» («рокот космодрома») во главе с генеральным конструктором Глушко — «верным соратником Королева».

Глушко начал всё с нуля — новые носители, новые двигатели, мощные стенды — и Устинов его поддержал. В «Энергии» принято решение модернизировать самую надежную ракету-носитель «Союз», она же Р-7, и на ее вторую ступень вместо двигателя Глушко установить двигатель Кузнецова, оставшийся от задела по Н-1. Тогда старая добрая «семерка» позволит выводить в космос пилотируемые корабли массой не 6,5, а 11 тонн.

2

13 августа 1974 года, пятница.

Устинов проводит совещание в «Энергии»:

— На Политбюро сказали, что Луна для нас остается генеральной задачей. Не вздумайте бросать систему «Салют» — «Союз»...

Это было предупреждение.

Глушко сделал доклад на два часа:

— Н-1 — это катастрофа. Надо создать ряд тяжелых и сверхтяжелых ракет-носителей из унифицированных блоков. Отличие от Н-1 — блочный принцип. Экспедиция на Марс в восьмидесятые годы — задача реальная. Но до Марса мы должны построить на Луне постоянную базу.

Глушко предложил марсианскую ракету «Вулкан», способную вывести на околоземную орбиту 230 тонн.

Комиссия Келдыша охладила Глушко, закрыв работы по «Вулкану». Тогда — ракета «Энергия», выводящая 100 тонн. Вторую ступень этой ракеты Глушко делал на королёвском кислородно-водородном двигателе. Но это будет его, глушковская ракета!

Устинов:

— Американцы слетали на Луну и теперь своему «Сатурну» работу найти не могут.

Глушко:

— Мы их обойдем. После этого они сразу сорвутся в погоню за нами. Или предложат сотрудничество.

— А на второй ступени циклин или водород?

— Пока расчеты ведем на циклин. По водороду у нас слишком мал опыт.

Комиссаров (зампред Военно-промышленного комитета):

— Вы разошлись с Королевым из-за того, что отказались делать мощные двигатели для Н-1 на кислороде и керосине. А теперь предлагаете нам согласиться на двигатели, которые отвергали при жизни Королева?

— Мы разошлись с Королевым не поэтому. В начале шестидесятых годов у нас не было опыта. Только теперь появилась уверенность, что это дело реальное.

— А как вы ответите на американский вызов по «Спейс шаттлам»?

— Мы обеспечим вывод космического самолета.

Бармин:

— Валентин Петрович все дальше уходит от реальностей нашего века и тянет нас в двадцать первый. Надо начинать с тех космических объектов, которые нам нужны. Носитель на 250 тонн никому не нужен. Американцы делают «Спейс шаттл» потому, что нужен только один носитель тяжелого класса, к тому же многоцелевой. Королев сознательно отказался от блоков. Для вторых и третьих ступеней предлагается циклин. Водород — вот будущее нашей ракетной энергетики. Базу на Луне надо строить. Для этого строительства необходима многоразовая космическая транспортная система — МКТС на базе модернизированной Н-1. Надо создать систему, способную выводить к Луне 40 тонн и возвращать на Землю 20 тонн.

Сербин — Бармину:

— А ваша модернизация Н-1 еще сколько лет потребует?

— Модернизированный носитель может через год полететь, и для него надо срочно готовить полезную нагрузку.

Глушко внешне спокоен и невозмутим.

Афанасьев:

— Задача — создать пилотируемую многоразовую систему, не уступающую «шаттлу». По водороду мы отстаем от американцев. Уважаемый Валентин Петрович подсовывает нам циклин. Мы будем настаивать на разработке ЖРД на кислороде-водороде. Советский человек на Луне не был. Это вина ОКБ-1 и наша общая вина. Лунная база, Барминград — не первоочередная задача. Мы только-только обеспечили паритет, поставили ракеты на дежурство в боевые шахты, и уже требуется их модернизация.

Комиссаров:

— Опозорились с Н-1, теперь предлагаете новую авантюру. На старт Н-1 молиться надо. Один старт разрушили аварией, восстановили, а теперь что, своими руками будем ломать?

Глушко перешел в атаку:

— Вы присутствуете в процессе поиска. Я утверждаю, что Н-1 возит воздух. Сверхтяжелую ракету мы не делаем, мы ее складываем из модулей, которые были отработаны на более легких ракетах.

Устинов:

— Задача ближайшего года — «Союз»—«Аполлон». Боже упаси, чтобы мы опозорились. Эта работа должна быть сделана блестяще. Американцы нас спрашивают: «Что дальше?» Мы отвечаем: «Используем «Союз». Новый «Салют» надо пускать во что бы то ни стало. Не секрет, что Челомей и Мишин предложили вообще закрыть «Салют». Оставить только «Алмаз», а дальше ориентироваться на транспортный корабль Челомея. Не бросайте модернизацию Р-7. Она полностью освоена «Прогрессом». Эта ракета вас кормит. Так же, как теперь и «Протон».

Лунную программу Королева Глушко закрыл. Готовые ракеты Н-1 распилили.

3

Была тогда в холодной войне маленькая пауза — разрядка, де-тант. Началась подготовка к совместному полету с американцами — «Союз»—«Аполлон». Идею подал Бушуев. Келдыш доложил правительству, появилось встречное предложение американцев.

Под эту программу и вошел в строй подмосковный Центр управления полетами.

Станция «Салют-6» управлялась уже из нового ЦУПа. Возглавил его Алексей Елисеев. Но долго еще все помнили Евпаторийский центр управления, каким он был при Королёве, — море, дикие пляжи, степь.

Теперь — мрамор, ковры, витражи, мозаика, телефоны-телефизоры, офисы, гостевые трибуны, Голубой зал для заседаний и пресс-конференций, комнаты отдыха.

В Хьюстоне русскому языку американских астронавтов учил Алекс Татищев — потомок Василия Татищева — основателя города Перми. Через Леонова он передал в пермский музей техасский

ковбойский пояс. У космического международного экипажа был прообраз — интернациональная команда Мэрчисона, открывшая пермскую систему в геологии.

15 июля 1975 года последняя действующая ракета «Сатурн-1Б» доставила трех американских астронавтов на орбиту, где «Аполлон» и был состыкован с «Союзом-19» с двумя космонавтами на борту. Фон Брауна пригласили на запуск. Пусть через десять лет, но Леонов снова в космосе вместе с Кубасовым и американцами. О такой совместной с русскими работе мечтал когда-то Родерик Мэрчисон.

Леонов так рассчитал, чтобы переход из корабля в корабль был именно над Эльбой, и ровно через тридцать лет после встречи советских и американских солдат на этой реке. Том Стаффорд стал другом Алексея на всю жизнь. Внука Том назвал Алешей, и тот зовет тезку «деда».

Леонов — веселый человек. Он приучил американцев к тостам и розыгрышам. Сказал по-английски: «Желаю вам успеха», но вместо «success» произнес «sussex». Переклеил этикетки на тубах, и вместо водки оказывался борщ. И они полюбили наш борщ! Вдруг — комарик. Советский или американский? За ним гоняются. Это трудно — поймать в невесомости комарика. Леонов: «Я верю, что он прилетит на Землю и смешается с обыкновенными казахстанскими комарами».

«Путник в ночи» Фрэнка Синатры — будто перепев нашей песни «И умолк мой ямщик, а дорога предо мной далека-далека...»

4

После «Союз»—«Аполлона» американцы переключились на МКТС «Спейс шаттл». Мы кинулись вдогонку. До пуска «Шаттлов» они непонятно почему отказались от пилотируемых полетов на долетном «Сатурне-5». Уже шла Афганская война.

12 апреля 1981 года, в день гагаринского полета — первый успешный полет «Спейс шаттла». Этим кораблем американцы вывели в космос спутник с телескопом «Хаббл». Он дал много больше информации, чем вся прошлая земная астрофизика.

Феоктистов заметил, что «Шаттл» выводился с мыса Канаверал с наклоном плоскости орбиты к экватору 28 градусов — она проходила на 2500 километров южнее Москвы. Военное начальство посчитало, что, возвращаясь в атмосферу, «Шаттл» может сделать боковой маневр и пройти над Москвой.

И Келдыша расчеты возможных орбит «Спейс шаттла» напугали — он способен пробить противоракетную оборону и пролететь с бомбой над Москвой. Задача: нужно ответить «Спейс шаттлу» своей МТКС. Это наш несимметричный ответ.

Суперракета «Энергия» с кислородно-керосиновым двигателем для первой ступени прошла сквозь жесточайшие огневые испытания в Химках. Кислородно-водородный двигатель для второй ступени делался в Воронеже. Глушко отказался от «азотки». Надежные двигатели сделали Кузнецов и Конопатов. Ставка — судьба ракетно-космического комплекса «Энергия» — «Буран». От «Шаттла» «Энергия» выгодно отличалась тем, что могла поднять не только корабль «Буран», но любой полезный груз до 100 тонн на орбиту Земли. На Глушко давили — кому сейчас нужна Луна? Нужна МТКС, не уступающая американской «Спейс шаттл». Он ее сделал! Но после первого полета стало ясно, что работы для нее нет. Единственный экземпляр «Бурана» стал аттракционом при ресторане на Крымской набережной.

Глава 33. Маленькая Сибирь

1

Перед Днем геолога, приходящимся на первое воскресенье апреля, когда рдятся туманы, когда племя съемщиков готовится к полевому сезону, перед днем всех, кто вдохнул гибкий апрельский воздух, днем всех, кто верит в удачу, всех, кто схватил Жар-птицу, всех, кому это не удалось, в этот день Шершнез заехал к Винниковскому.

— Костя, дружок, что невесел? Что головушку повесил?

— Спартак Аронович, вчера перед праздником смотрел дежурные карты. Мы догрызаем Барьер. Структуры всё меньше, и структур всё меньше. Техники не хватает. Всё в Тюмень ходом идет. Что дальше?

— Как что? Север.

— Это маленькая Сибирь.

— Рифовые острова в Соликамской впадине.

— Это надо лезть в калийные соли.

— Есть некондиционная соль.

— А дальше?

Спартаку хотелось произнести это красивое слово — *линеамент*, Но он знал, что его не следует произносить — за ним ничего нет.

— Пишем уклончиво: новые типы ловушек.

— Что это?

— Поройся в своих *скрыжaliaх*.

— Там ничего нет.

— А ловушки выклинивания на бортах рифов?

— Это операция на сердце при помощи топора.

— Все эти вопросы, как говорят в министерстве, надо *проговорить* и *порешать*.

— Все эти вопросы — это гвозди, забитые шляпкой вниз.

И пошел Спартак Аронович балагурить:

— Это особый министерский язык. Оплата — это не то, что проплата. Надо поймать настоящую цифру. Взять самый обыкновенный, самый стандартный бланк: направляю, предлагаю, референту, комментарии. Еще бы добавить: на, в, к. Богат, однако, предложениями родимый язык! Да будь я и негром преклонных годов, я волком бы выгрыз бюрократизм, о великий и могучий, и кто тебя выдумал? Знать, у бойкого народа ты родился.

Шершневу:

— Или еще: как быть с мавром, который сделал свое дело, но не хочет уходить?

Винниковский снял очки с крупными диоптриями, поднял беззащитные близорукие глаза.

— В самую точку, детка.

— Злой я, Спартак Аронович.

2

Госпожа Удача! На левобережье Камы везло Архангельскому фантастически. Громадная залежь калийных солей, как заметил еще фатовый профессор Преображенский, на широте города Березников оказалась прорванной — подстилающая и перекрывающая каменная соль на месте, а калийная соль размыта. Это место и прозвали «прорвой» в необычном значении этого слова — не «очень много калийной соли», а «вообще ее нет». Ну и разрешили разведчикам забраться в «прорву» скважинами — «дикими кошками». Четыре скважины открыли три месторождения — Юрчукское, Чашкинское, Бельское.

— А что под калийными солями?

— Мы зубы скалим, но укусить пока не можем.

Всё это были рифовые острова самых разных размеров — от старого доброго Ярино-Каменноложского атолла до маленьких рификов, вроде Троельги, которую только Шершнеф и мог сыскать.

Архангельский теперь если увидит дембеля, сразу:

— Где служил?

— В Чехословакии. Шли по шоссе на ихнюю западную границу, валили столбы. Нам сказали, что впереди натовские танки.

— Руки покажь.

— Во, ладони были сбиты рычагами в кровь. Шрамы остались.

— Ты, поди, много солярки сжег. Иди ко мне на буровую дизелистом — будем вместе нефть искать.

Даже в параметрических скважинах Архангельский получал нефть. С трибуны потрясал бутылкой газоконденсатной нефти с номера 542 Столбовского профиля:

— Вас тут стада бродят, а мы нефть «дикими кошками» открываем! В параметрической скважине, где конь не валялся!

— Это ваш конь не валялся. А наш геофизический конь валялся!

— Только и знаете, что ходить два раза в месяц к окошечку, амбразуру закрывать. Мы в горах, в болотах бьемся, а вы глазами только хлоп-хлоп. Вот в столовую вы, геологи-романтики, всегда впереди.

— Ты не очень-то выступай.

— Что мне обком, облисполком — я есть Кремль, Белый дом, КГБ и ЦРУ вместе взятые.

Хозяйственный Иван Иванович забрал у него бутылку в отдел — пятна чистить.

О дивный, дивный праздник — День геолога! На прогулочном корабле — до Трухият, где зеленая стоянка. Инструкции Архангельского Паняеву:

— Будет момент, когда твоя помощь, Витька, понадобится. Это будет после того как я спою «Багульник». Тогда ты перегружаешь меня на машину маэстро Русских. Он везет меня до Полазны. Там в условленное время меня ждет машина и везет в Березники. Свежем время.

Юра отплясывал цыганочку вокруг костра, угодил в костер, выскочил, хохотал, говорил, как пельмени лепил:

— Людочка, вы не смотрите, что мы такие старые, нам бы хиханьки да хаханьки, да юбки покороче... Мы приехали из страны Абу, у нас кофе нет, у нас чая нет, чай-хана, кофе-хана, даже водки нет. Хорошо наслаждаться жизнью, провести с девушкой закат, пусть на височках седина чуть-чуть! Пусть все видят, какой я веселоглазый. — Выхватил у друга своего Вити Паняева носовой платок, вытер глаза. — Поверите, однажды я пел с оркестром. Барабан — ш-ш-ш, а я вышел, запел, как Штоколов. Звук где-то ниже живота рождается, мешочки раздуваются, как у лягушонка. И вот барабан ш-ш-ш, я вышел, запел — и все навзрыд! Навзрыд! Ходи веселей, чавала. Ну что, синеглазая, не поешь?

— Я не синеглазая.

— Ну и я, честно сказать, не синеглазый. Глаза у меня серые, честно сказать. Давайте споем «Когда я на почте служил ямщиком, был молод, имел я силенку, и крепко же, братцы, в селенье одном любил я в ту пору девчонку», — лучше сказать, бабенку. Я ведь старый уже — зачем мне девчонка, а тут — «был молод, имел я силенку».

Иван Иванович роптал:

— А вы, товарищ Архангельский, должны обуздать свои низменные инстинкты.

— Но ведь Людочка меня выбрала! А желание бабы — извиняюсь, дамы — закон.

— Любовь зла, полюбишь и козла.

— За козла ответишь.

— Правильно, мы в ответе за тех, кого приручаем.

— Устроили тут медовый месяц. Какой у тебя может быть медовый месяц, товарищ Архангельский? У тебя, поди, внуки.

— Мне сейчас не до внуков. У меня, может, недавно сын родился. Правда, жена об этом пока не знает.

— Орел!

— А что? Микеланджело в восемьдесят лет начал строить собор Святого Петра.

Иван Иванович:

— Юра, иди сюда, Юрочка, иди туда, а на некоторых ноль внимания, а некоторые хоть помирай.

— Боже, какие вы все собственники! У некоторых все хорошо. У некоторых счастливые семьи.

— Это верно. Вот это верно. Ведь каждая счастливая семья не-счастлива по-своему.

— А это как? Если сама себе письмо пишешь: «Дорогая Людочка, не забудь, что сегодня твой день рождения. Желаю здоровья и, если возможно, светлой большой любви».

— Была она, светлая и большая?

— А то...

— Между прочим, Людочка, вы очень хороший человек.

— Зануда!

Потом он схватился с другом своим Витей Паняевым, и Витя легко положил его.

— Витька, ты где бурил, где нефить взял? Не обижайся, Витёк. У вас на Вишере снег еще, ветер воет, дороги к буровым, к зонам, к Ныроблагу, к лесосекам замело. Им этого не понять. Их бы к нам, в болота. Комары — как воробы, голенище прошибают. А мы с тобой, Витя, северные мужики, над нами план.

Наконец Архангельский запел свою любимую, геологическую, как он считал, песню «Где-то на сопках багульник цветет». Да так спел, что душа развернулась и полетела туда, где цветет багульник.

— Ты чё, Витька? Я спокоен, как танк.

Спартак встал во весь свой двухметровый рост: «Мы все из одной друзы!» На прощание ставил задачу: обеспечить высокую явку после тяжелого праздника, а в Первوماй подвести итоги этого великого торжества — Дня геолога.

— Это про нас:

*Взвейтесь, соколы, орлами,
Полно горе горевать,
То ли дело да шатрами
В поле лагерем стоять.*

— За тех, кто в поле! Мы из поля вышли и в поле уйдем.

В первое воскресенье сентября тоже всенародный праздник — День нефтяника, когда гуси на юг улетают, бараны в горы уходят, а в ноябрьские дни, естественно, — подведение итогов, и — до весны, до первого воскресенья апреля, когда Юра Архангельский снова споет «Багульник».

В 1976 году «Пермнефть» достигла максимального уровня добычи — 23,427 миллиона тонн. Бюро обкома одобрило инициативу

«Пермнефти» к концу пятилетки выйти на уровень 28–30 миллионов тонн.

В 1973 году на фоне арабо-израильской войны стоимость нефти на внешнем рынке резко выросла. В 1981 году стоимость барреля нефти достигла 35 долларов.

Глава 34. Пермская катастрофа

1

Венец работы разведчиков и, естественно, института ПермНИ-ПИНефть — подсчет запасов нефти и газа. В ГКЗ — госкомиссии по запасам — Владислава Звездина уважали за любовь к точным цифрам и к тому, что стоит за ними, за то, что любил заниматься дифференциацией запасов — как в первом классе раскладывал их по кармашкам кассы. Защиту по традиции полагалось отметить с девочками-подсчетчицами, опять же по традиции — в ресторане «Кама». Как-то отмечали защиту запасов по Уньве — крупному рифу в Соликамской впадине.

Слава был ярым сторонником машинного подсчета запасов:

— Помню как-то было совещание по применению машинной обработки. Вступительное слово делал академик-адмирал Берг Аксель Иванович. Ему уже семьдесят лет исполнилось, но ходил конем, рост два ноль пять, золотые руки, светлая голова, трибуна ему — во! Женщины в восторге, а он говорит: «Машина — она дура, много дур я видел, но такой дурищи не видывал».

Инна Владимировна, укоризненно:

— Вячеслав Григорьевич!

— Извините, Уньва Владимировна! Это комплимент. Так вот, Аксель Иванович тоже выдал комплимент: «Машина очень умная и очень честная. Но так как она очень честная, многие считают ее очень глупой». Вот она заполнила 1200 ячеек — 1200 параметров. Взяли таблицу — ее будто мухи засидели, вы ничего даже близко не увидите без очков. Запасы ГКЗ — кто сказал, что это правда? Три дня спорим с экспертами — у кого власть, тот и побеждает. Машина объективна, ни от кого не зависит. У нее уйма-прорва сведений. Пофантазируем. Мы сообщаем по прямому телетайпу параметры в министерство Галине Борисовне, а она каблогранму-депешу в ГКЗ.

Запасы, как известно, не возникают и не уничтожаются, а переходят из одной категории в другую. Мы проедаем промышленную категорию. Ну всё, рассчитайте нас.

— 87 рублей 30 копеек.

— По-моему, 69 рублей.

— Нет-нет-нет.

— Хорошо, дайте счет.

— Вот счет на 87 рублей 30 копеек.

— Давайте поработаем с ним.

Слава любил точность.

— Вы написали «водка «Экстра», а мы заказывали «Столичную».

— У нас только «Экстра».

— В меню есть «Столичная». Я не знаю, сколько вы в графинчик налили и чего налили. Может, мы «Экстру» и пить-то не стали бы. Дальше. Мясо в горшочках восемьдесят копеек в меню, а вы записали рубль тридцать.

— У нас закупное мясо.

— Ничего не знаю.

— Платите 87,30.

— Платить мы не будем, а пройдем к завзалом.

Завзалом:

— Но мясо действительно стоит рубль тридцать.

— В меню восемьдесят копеек.

— Мало ли что в меню написано.

— В таком случае готовим акт: у вас меню не соответствует действительности.

Завзалом — официантке:

— Отдай им деньги.

— Почему?

— Я говорю — отдай деньги.

Официантка кинула две красненькие.

— Опять же огурцы без сметаны.

— Я вам сметану с собой в баночку положу.

— Будьте любезны.

Слава действительно был классным подсчетчиком и остроумным человеком. Недаром он и Витя Патрикеев учились в одном классе с самим Георгием Бурковым.

— Буратино закрыл глаза и увидел тарелку манной каши пополам с малиновым вареньем. Буратино быстро-быстро открыл глаза — нет тарелки манной каши с малиновым вареньем...

Звездин опасно острил, выстраивал воображаемый разговор с Винниковским:

— Запасы девонской залежи — 4000 тонн.

— Надо округлить.

— Каким образом?

— До 100 000 тонн. Море нефти. Запасов — пруд пруди.

— Так море или пруд, Спартак Аронович? Вот где гвоздь зарыл! Запасы временно не принимаются ввиду отсутствия тары. Переходим с двузвенной системы «С-ША» — «скважина — Шашин» на двузвенную же — «Ц-СК» — «ЦК — скважина».

И всерьез:

— Запасы бывают извлекаемые и привлекаемые. Вот что умные люди пишут: «Нефтяная геология — нечто большее, чем зачарованное разглядывание сейсмических изолиний, манипуляции с каротажными диаграммами и изучение образцов с помощью бинокля».

2

22 октября 1976 года.

Внеочередное открытое партийное собрание.

Поздравление министра — в этот день суточная добыча в стране сравнялась с американской.

В конце слово попросил Борис Красильников, начальник геологического отдела.

Председатель собрания:

— Еще одно, последнее сказание...

— Что-что?

— Я говорю — еще одно, последнее сказание...

Красильников:

— Это правильно. Я буду краток. Борта Барьера расхряпали. Отсюда фатальная неизбежность медленного, но верного умирания. Каменный Лог — это умирающий лебедь. Министерство всё тащит на Тюмень, в Коми, даже в Удмуртию. Надо взять наиболее крупную мелочь — то, что осталось в переводе на мягкую пахоту и в тротиловом эквиваленте. Мы еще увидим небо в овчинку. О перспективе — что-то надо иметь кроме Барьера.

Потом вышел Винниковский. Выступал спокойно:

— Товарищи! Я хочу погасить некоторые вопросы и развеять мрачный стиль выступления товарища Красильникова. Мы будем

держат курс на выполнение графика товарища Кремнева, первого заместителя министра.

В кабинете сказал Борису:

— Вижу, что мы не сработались.

— Я найду работу.

— Нет, не найдете. Нигде не найдете. У меня длинные руки.

Жизнь кроит по-своему. Красильников погибнет в автомобильной аварии. Архангельский — тоже.

— Балансовая комиссия будет? Мне Юрий Хрисанфович почему-то ничего не сказал об отборе керн в эксплуатационных скважинах.

— Будет тебе комиссия.

3

1977 год — год двух топориков, семь да семь.

У Муравленко был прямой провод с выходом на Косыгина.

Косыгин:

— Виктор Иванович, вы неправильно ведете себя с министром.

— А как вести себя с этим министром?

Богомяков, тюменский первый секретарь обкома:

— Муравленке предстояло ехать на сессию Верховного Совета СССР. Экологическая комиссия, где он состоял, собиралась пораньше. Он улетел с вечера, я должен был прилететь утром. Виктору Ивановичу предстояла встреча с Мальцевым. Пост министра настойчиво предлагали Виктору Ивановичу, но он отказался. Перед поездкой в Москву мы часа полтора просидели у меня в кабинете, говоря о тактике предстоящего разговора с министром. Ничего плохого не хочу сегодня сказать о Мальцеве — не стоит, да и не в этом дело. Как мне известно, беседа была нормальной, но Виктор Иванович тяжело переживал общение с Мальцевым психологически. Ему было очень сложно с этим человеком, в частности, по решению многих технических вопросов. Однако в тот раз, повторюсь, беседа была вроде бы нормальной, но в Москве был очень жаркий июньский день, душно. Виктор Иванович страдал астмой, чувствовал себя неважно и попросился в гостиницу. Ему предложили заехать в больницу, но он сказал: «Да нет, лучше в гостиницу, там попрохладней, отлежусь», — но... дошел только до фойе.

Богомякову после смерти Шашина тоже предлагали пост министра, но он, как и Муравленко, отказался.

Сам замминистра товарищ Ерофеев приехал утверждать точки на 1978 год.

— Ну-с, на что жалуетесь?

— На судьбу, Николай Семенович.

— На судьбу не надо жаловаться. Но не сказать о трудностях — удар в спину и даже предательство. Та-ак, где у нас метраж? Вот у нас метраж. Где у нас Пермь? Вот у нас Пермь. Почему на Пермском своде нет нефти? Он так похож на Южно-Татарский свод, на Ромашкино. А? Не знаете? Потом скажу.

— Мы решили застолбить скважину на границе с Башкирией.

Ерофеев молча зачеркнул скважину.

Потом говорили: эту точку у нас товарищ Ерофеев *вычеркнул* черной ручкой.

Новое — дали слово аэрогеологам. Выступил Владимир Гацков. Ерофеев почти спит, губы приоткрыл, чуть не пузыри пускает — Кутузов!

Проснулся на словах «...квалификация интерпретатора».

— Дело не в квалификации интерпретатора, тьфу, не выговоришь. Дело в инерции. Дело в том, что все дистанционщики превращаются в неомобилистов. Это увлечение может подвести. В Припятском прогибе все структуры пропали. Одни блоки. Блоки, которые сами по себе ходили. Понятно, что в каждой солидной фирме должен быть чудак. Один чудак! Подчеркиваю — один. Добыча в Грозном упала с 22 до 7 с половиной. У вас начала валиться добыча! На этот счет есть грозный протокол, подписанный Байбаковым и даже Советом министров.

— Николай Семенович, вы обещали сказать, почему у нас нет нефти на Пермском своде.

— Почему? — Зевнул. — Просто нефти не хватило. Ее не хватило даже заполнить под замок Лобановский вал. Там уже бобрик в воде. А что говорить о северо-западной зарифовой зоне?

— Так просто?

— Да, так просто.

В коридоре Ерофеев остановился у стенгазеты, прочитал вслух:

— «Объединение «Пермнефть», как и все предприятия нашей страны, перешагнуло через экватор десятой пятилетки, испытал на протяжении первой ее половины горечь невыполнения плана по

добыче нефти». Как сказал один известный дипломат, намечается тенденция к некоторому улучшению.

Издав пфукающий звук, пошел дальше, загребая ногами, как по листьям в осеннем лесу.

5

— Людочка, детка, дорогуша, быстренько вызови этого голубоглазого Шершнева.

— У него глаза карие, Спартак Аронович.

— Это не важно. Важно, что мы должны дружно откликнуться на эту гумагу. Эффективность — ча-ча-ча — падает. Нас схватят за шкварник с нашими цифрами...

— Они вас хотят использовать.

— Так элементарно?

— Да, так элементарно.

— Садись, Костя, тут надо думать думать. Сегодня трудный день был. Надо поднакожиться. Читай гумагу. Год на дворе — два топорика, семь да семь.

— Тут надо не думать, а соображать.

— Мы, Костенька, не нашли, дружочек, тех Клондайков, о которых вы нам рассказывали. С января «Пермнефть» не выполняет план. Все сидят без премии, то есть на сухом окладе. Добыча снизилась до уровня 1975 года.

— Вчера по первой программе радио в «Последних известиях» диктор Виктор Герцик докладывал: «Хорошо поработали нефтяники Тюмени. Они добыли сверх плана девяти месяцев три миллиона тонн нефти». На следующий день, вселяя уверенность: «Славные советские нефтяники дали Родине сверх плана миллион тонн нефти». Считаю столбиком: три миллиона минус миллион — как раз эти два миллиона Пермь и завалила.

— Мы умеем только вперед и выше.

6

— Доброе утро, Спартак Аронович!

— Утро? Да, да, утро. — Он поднимает голову от бумаг, жалобно смотрит на нас с Калабиным, на карты и говорит:

— Я в загоне, ребята. Что это?

— Новая пятилетка.

— Какая еще пятилетка? Я сижу над девяностым годом и ТЭО — технико-экономическим обоснованием — до двухтысячного года.

— Какого-какого года?

— Двухтысячного. В конце концов, геологи — люди, которые смотрят за горизонт.

Калабин не выдержал и засмеялся.

— Ты чего?

— У меня Наташка писала сочинение на тему: «Мы в двухтысячном году»: «Я подсчитала, что в 2000-м году мне будет 28 лет. Неужели я буду такая старая? Пересчитала еще раз на калькуляторе — нет, не ошиблась».

— Вот она, внушительная бумага, подписанная товарищем Кремневым. Новое тысячелетие!

— До него еще почти четверть века.

— Двадцать первый век рядом — вы это понимаете или не понимаете?

И я понимаю, что он рядом. Время сжимается.

Винниковский:

— Генеральный директор Шалинов мне говорит: «Падает добыча, и никто не знает, как остановить это падение. Нас мучают грозы. Энергетики не переработали в этом плане. Много руководителей молодых, необкатанных жизнью. Они не могут решать вопросы, которые на их плечи опустились. Как работать, когда мы весь месяц по стойке «смирно» стояли, так нас комиссии мучили? Вот мероприятия, кровью написанные: убираю сто тысяч метров разведки, увеличиваю эксплуатационное бурение». Я ему: «Разведку не уберете». — «Уберу! Если не уберу, не будет добычи, и мы с тобой вылетим. А если ты завалишь прирост запасов, никто не полетит. Может быть, получим по шее». — «Шея у нас одна на всех».

Добыча падала неостановимо. Байбаков, глава Госплана, прямо заявил: «Нефть нужна стране не завтра, а сегодня», — после таких слов драли пласты на открытую трубу. Винниковский тяжело мечтал — вдруг можно остановить падение добычи. Иначе самого

затолкают в магистральную трубу диаметром 1420 миллиметров. Тучи сгущались над его головой. С каждым годом карты становились всё более детальными, пугающе точными. Любой отход в сторону от узкого Барьера, от золотой земли — риск, огромный риск.

Пошли «вечеринки» — сидели вечерами до последнего транспорта. Людмила Ивановна Трофимова сказала:

— У меня Сережа уехал на практику. Меня не дождался, надул шарик, написал на нем: «Мама, до поезда тридцать минут. Люблю тебя». Я выла белугой, когда читала это письмо.

— Живем, как в песне — «утро начинается с рассвета», а работа начинается с вечера. Сильно устаете?

— Надоело уставать, Спартак Аронович. Вечером не могу уснуть, хоть шары шей. А утром все будильники переслушаю. Мне в одно ухо влетает — в другое сто пятьдесят процентов вылетает. Раньше я как зверь пахала.

Спартак как-то написал Трофимовой характеристику: «К недостаткам надо отнести упрямство в навязывании своей точки зрения руководству». Вадим Макаловский, начальник отдела после Красильникова, счел это достоинством: «Принципиальна в отстаивании своего мнения».

ВДВ, старый зубр, гнал Спартак в Москву — в министерские отделы, к кураторам, клеркам, они рыхлят почву, влияют, потом выше, выше, глядишь, и пойдут на снижение плана добычи в форме номер девять — в «девятке». Спартак Аронович, бесстрашный Спартак, боялся ехать в Москву.

Викторин:

— Спартак Аронович, я вам забронирую гостиницу «Украина» с видом на Москву-реку.

— Не знаю, ВДВ.

— Не хотите в «Украину» — закажу вам гостиницу «Россия» с видом на Кремль.

— Не знаю, не знаю.

Только Олег Нестеренко, замдиректора ГПК по общим вопросам, славился тем, что умел сам устроиться в московскую гостиницу. Скажем, ему говорят: «Мест нет». Но всегда есть список с участниками какого-нибудь совещания. Нестеренко берет листок, где фамилии людей с бронью, выискивает близкую. Приходит через час. Пальцем в список — «Это я». — «Здесь написано — Нестеров». — «Это ошибка».

Всё же Спартаку пришлось ехать в Москву. Перед коллегией министр Мальцев сказал будто бы ему:

— Спартак Аронович, ты главный геолог большой. Но твои связи обрублены.

Замминистра по кадрам Жданов показал всем бумагу — план на 1977 год за подписями Шалинова и Винниковского. Потом выступил Валиханов:

— Точны ли расчеты по этому документу?

— Следует считать, что...

— Вы скажите — да или нет?

— Надо полагать...

— Да или нет?

— Руководствуясь указанием секретаря ЦК товарища Долгих...
Надо полагать...

— Не повторяйтесь. На этом документе ваша подпись?

— Моя.

— А на этом?

— Моя.

— У коллегии нет вопросов к товарищу Винниковскому.

Камня на камне не оставили.

Мальцев, проходя мимо него, будто бы сказал:

— Вот я тебя и сшиб, товарищ Винниковский. Недолго музыка играла, недолго фразер танцевал.

— Не повторяйтесь, Николай Алексеевич, — только и сумел выдать Спартак.

По коридорам понеслось:

— Спартак сняли! Кыркнули! Взяли за шкварник и кыркнули.

— Правильно. Прогибайся, но спину держи.

— Ничего, из колоды не выпадет!

Людмила Ивановна:

— Перед Москвой Спартак Аронович говорит мне: «Посидите со мной, погрустите, Людмила Ивановна». Я говорю: «Старая стала и умная, более опытная и мудрая. Умница, сбоку пуговица. Поперек себя шире». — «Вы молодцы, Людмила Ивановна, молодцы. Но

чувствуется у вас, Людмила Ивановна, университетское образование, чувствуется». — «А у вас, Спартак Аронович? «Мы университетов не кончали, мы в губкинском учились, в керосинке».

Людочка Спасибо:

— Шутил очень сильно. Говорит: «Вызывают на продувку». Я говорю: «Я чихаю на всё. И вам советую. Вы видели в министерстве зал коллегии? Там все условия для пострадавших — зимний сад, фонтанчик. Смотрите, чтобы министерство вас не съело». — «Ничего, мы костлявые. Нас палкой не убьешь».

— А помнишь твой шарф юбилейный, мохеровый? Ты его еще хотела подарить Спартаку.

— Я и подарила его Спартаку. А он потерял мой шарф юбилейный, мохеровый.

— А я хотел в нем сфотографироваться на доску почета.

Возле кабинета Спартака собрался народ. Партийного начальства не было.

— Так он беспартийный.

— Не может быть!

— Если гора не идет к Магомету, значит, Магомета сняли или гору срыли.

— Не только беспартийный, но и сиделец.

Он никогда не говорил об этом, но когда считали аномальные скважины на карте, Спартак на листе бумаги ставил точки по углам квадрата, одну посередине — соединял их косым крестом. Так, пятерками, считают хлысты на лесоповале, «елки-палки».

10

Спартак уезжает в Москву. В последний раз собрались у него.

— Если бы вы знали, как это было сказано — «не повторяйтесь»! Ведь я думал, что всё знаю, что происходит наверху. Мне приходилось быть смесью Александра Матросова, Макиавелли и Луи де Фюнеса. Я ложился на амбразуру, и пулеметная очередь иногда замолкала. Но в конце концов пришлось идти на верную гибель и смерть.

Голос безжизненный:

— «Нефтяное хозяйство»? Это мне уже не пригодится. Какие-то идеи. Пусть лежат. Список каких-то идиотских докладов. Забрать с собой карту Ливерия — картографа нашего великого. Папку по Верхечу-совским городкам заберите — это история. Берегите как зеницу ока.

Вот такая лебединая речь. А не щелкай клювом, не трещи ластами, не гони волну.

Разлили «Пшеничную».

— Тост у меня совсем простой будет, — сказал Спартак, — за наши помыслы и за наши деяния. У меня нет синонима словам «трудовой коллектив». Только трудовой коллектив способен, как говорят, порешать трудную задачу — что дальше делать?

Взял лист бумаги, начертал: «Корапь сдал. Спартак Винниковский». Кому сдал — неизвестно. Сдал — и улетел в Москву, где ему предложили заниматься прогнозной оценкой запасов углеводородов страны.

11

В этом же 1977-м году Эрвье пошел на повышение. У министра геологии СССР Козловского объяснение странное: «Когда в регионе начался большой разворот работ, в Мингео СССР почувствовали, что нужен свежий взгляд на ситуацию. Авторитет Эрвье к этому времени был настолько прочным, что начинал давить. Его перевели в Москву». Должность немалая — замминистра.

Фаиз Хафизов, выпускник Губкинского института, занимавшийся подсчетом запасов нефти и газа, вспоминает, что в конце своей работы в Тюмени Эрвье бывал несправедлив. Его можно понять — нефтяные и газовые гиганты разведаны. План прироста запасов не получался. Как-то Эрвье пригласил подсчетчиков:

— Почему вы гробите главк? План прироста должен быть выполнен.

Через две недели с трудом наскребли запасы. Тем не менее репутация Эрвье безупречна. Как-то буровики написали в газету «Тюменский геолог» — готовую вышку берегут-де для бригады мастера Александра Эрвье, сына генерального директора. Резолюция Юрия Георгиевича лаконична: «Разобраться и доложить».

Фарман Курбанович Салманов — Герой Соцтруда, доктор геолого-минералогических наук, лауреат Ленинской премии, главный геолог «Главтюменьгеологии» — назначен на место Эрвье.

С Салмановым работать бывало непросто — как раз, когда он стал начальником главка, начала резко садиться эффективность. Его фирменный риск часто бывал оправдан. В 1984–1986 годах была реализована программа работ по доразведке и пересчету запасов сеномана. По северу бурились специальные скважины с обширным комплек-

сом исследований. Создан каркас для увязки информации. Запасы газа возросли на 7 триллионов кубометров! Но бывали и крупные промахи. На Ханты-Мансийском месторождении, оказавшемся весьма небольшим, с помощью тяжелых вертолетов собрали десять буровых станков. Продуктивными оказались лишь несколько скважин.

В 1982 году открыли небольшое Руфьеганское месторождение. Из верхнеюрского пласта получили фонтан нефти 100 тонн в сутки. Салманов ожидал крупную залежь и приказал срочно подсчитать запасы — оказалось всего несколько сот тысяч тонн. Салманов вспылил. Хафизов тоже: «Сами считайте».

К счастью Фарман Курбанович был отходчив, в московских командировках по-кавказски щедр. В любимом шефом ресторане «Баку» Фаизу Закиевичу никогда не удавалось расплатиться: «Когда разбогатеешь, пригласишь меня».

12

2 октября 1977 года, в дни, когда снимали Винниковского, к «Салюту-6» отправился «Союз-25» с экипажем в составе Владимира Коваленка и Валерия Рюмина. Начали автоматическое сближение, всё было нормально. При дальности 100 метров экипаж отключил «Иглу» и перешел на ручное управление. В одном метре от станции они увидели «ее брюхо» — так им показалось. Отошли и еще дважды пытались причалить. Топлива осталось на одну попытку спуска. Часть его ушла на уход от столкновения. Экипаж возвратился на Землю, не выполнив задачу.

Петр Михайлович Шнарс вырос до уровня председателя профкома «Пермнефтегеофизики». Таких профсоюзных лидеров трест не знал, и вряд ли узнает. С Гавриным он был на равных, потому что за ним стояли люди, готовые идти за Петром Михалычем хоть на край света.

Шнарс пришел к камералку Володи Родионовского. Интерпретаторы корпели над временными разрезами. Там вместо глубин — времена в «тысячных», так камеральщики называют миллисекунды. Шнарс ткнул пальцем: «Первая жесткая граница? Пермские отложения?» — «Так точно, Петр Михайлович». — «Объекты для бурения есть?» — «Намечаются два горбушечки — поднятия к востоку от Москудьи». — «Как назвали?» — «Назвали в честь неудачников — Коваленковское и Рюминское». — «Это правильно».

Петр Михайлович вышел на середину камералки, подбоченился:

— Слушайте важное сообщение. Вы, камеральщики, в отличие от полевиков, живете почти что без премий. У меня среднетехническое образование и курсы бурильщиков в Краснокамске, поэтому я прочитал положение о премировании восемь раз и ясно понял: администрация накалывает людей. В облсовпрофе сидят люди с высшим образованием. Они прочитали положение четыре раза и всё поняли. Тогда я смело пошёл к Юрию Георгиевичу Гаврину. Он, будучи кандидатом технических наук, прочитал положение всего два раза и, подумав, подписал бумагу: выплачивать камеральщикам премию шестьдесят процентов.

— О русские штыки!

Через некоторое время неудачник Коваленок снова в космосе. Он взял с собой ветку полыни. В камералке отметили сотый день его полета.

Как-то геофизики подготовили структуру с лесным (бор, ель) именем — Борниельская. Сергей Сабельников открыл мне тайну названия — *Борис Николаевич Ельцин*. Названа в честь тогдашнего оппозиционера.

Иван Нестеров, членкор, поведал о лингвистических изысканиях тюменских геологов и геофизиков.

Янгтинская структура — начальные буквы — Ямало-Ненецкий геофизический трест. Месторождение же назвали Муравленковским. Нивагальское месторождение названо в честь девушек-геофизиков — Нина, Валя, Галя. Очень небольшой структуре к северо-западу от группы Сысконсыньинских газовых месторождений дали красивое название Турпат-Ин-Соке. Нестеров полагает, что автор названия — Подшибякин, который знал хантыйский, мансийский, ненецкий языки.

Есть еще Геофизическая, Трехбугорная структуры на Гыданском полуострове. Есть Минховское месторождение — в честь Губкинского института, который одно время назывался Московским институтом нефтехимической и газовой промышленности.

Карская экспедиция в 1976 году открыла в сеномане газоконденсатное месторождение, которое назвали Крузенштерновским — в честь внука руководителя первой русской кругосветной экспедиции Ивана Федоровича Крузенштерна Павла. Он в этих местах потерпел крушение на шхуне «Ермак», но вышел из положения и спас экипаж.

Когда заместитель министра Ерофеев вернулся из отпуска, его кабинет ремонтировали. Потом должность и вовсе упразднили по приказу министра.

Ерофеев вышел на набережную Мориса Тореза.

— Куда идти?

— Пойдемте, Николай Семенович, в метро.

— В какое метро?

— Станция Боровицкая.

В точности как в романе Александра Бека «Новое назначение».

Когда Каменный Лог упал и вся Пермь полетела с добычей нефти, Юрий Харлампиевич Ширяев, главный геолог «Полазнанефти», от имени всех пермяков — выпускников «керосинки» попросил профессора Щелкачева помочь разобраться в причинах пермской катастрофы.

Щелкачев сказал: «Вы имели розовый цвет и сладкий вкус. Но нам нужна правда, только правда и, насколько это возможно, ничего, кроме правды».

Докладная записка на имя министра Мальцева, копия в «Перм-нефть» — «для служебного пользования»; трехста страниц, твердые корочки. Название — «Обобщение опыта как основа решения задач нефтеотдачи и разработки нефтяных месторождений». Записка начиналась и заканчивалась так: «Однажды царь Птолемей призвал Эвклида и спросил: «Есть ли к геометрии путь короче того, который проложен в твоих «Началах»? Ответ Эвклида был таков: «В геометрии нет особых дорог даже для царей». В начале и в конце записки — краткое изложение. Расчет: откуда бы ни начинал читать министр, он поймет, в чем дело.

В круге исследования — все крупные месторождения мира: Прадхо-Бей, Агаджари, Хасси-Месауд, Чиконтелек, Аль-Гхавар, Боливар, Самотлор, Ромашкино, Шах-Дениз, Туймаза и так далее. Особое внимание — месторождениям на территории СССР. Лидером по добыче до 1954 года был Азербайджан, потом его обогнала Башкирия (1955–1956 годы). 16 лет (1957–1973 годы) впереди была Татария с Ромашкино, а с 1974 года и доньше — Западная Сибирь.

На каждом месторождении — одна и та же картина: рост добычи, потом «полочка», затем спад. Глиссада падения в идеале должна быть длительной. Резко падать нельзя. Воды в добываемой нефти сначала мало — 1, 2, 3 процента. Кажется, что и дальше будет медленное нарастание. Ан нет! Щелкачев назвал это «коварный закон обводнения». Вы строите установки обезвоживания, обессоливания на Каменном Логу, а их надо строить на вводимой в разработку Павловке! Мероприятия — вот они, читайте хоть сверху, хоть снизу. Профессор не дожил два года до своего столетия и много чего увидел...

Глава 35. Дулепов

1

Вопрос о преемнике Винниковского решился окончательно в обкоме, Белом доме. Главным геологом поставили Юрия Аркадьевича Дулепова из «Осинскнефти». Известно, что главами геологической службы объединений обычно ставят не разведчиков, а разработчиков. По итогам девятой пятилетки Дулепов получил орден «Знак Почета» — за освоение Ножовского месторождения.

Умеренно-плотный, лучше сказать, уверенно-плотный, Дулепов шагу не прибавит, идет — не колыхнется. Говорит твердо что-нибудь вроде: «Закрывай борта, поехали». Или же: «Сливай воду. Приехали. Привет из Крыма».

Новый главный вошел в теперь уже собственный кабинет и первое, что увидел, — лист бумаги на столе. Прочитал: «Корапь сдал. Спартак Винниковский». Отвинтил «Паркер»: «Корапь принял. Юрий Дулепов». Повесил табличку: «Заходи тихо. Говори ясно. Проси мало. Уходи быстро». Предупреждение долго не провисело.

Первый сбор у Дулепова:

— Почему пришли в 5:30? Мы договаривались в 5:40.

Вот это начальник! Как ценит время!

— Зуятская площадь. Ни разу там не был. Глухари, поди, летают по вырубкам. Курочкин! Совести у тебя нет — поехали на Зуята! Дороги нет? Дорога появляется, когда ее строят. Глухари выходят на дорогу, камешки глотают. Вот такие элементы.

Дошло — он же охотник, ждет открытия охоты. Глухари выходят на дорогу, камешки глотают, им зачем-то нужно это.

Дулепов, разработчик, быстро просёк, в чем суть закона Шершнева, что такое ККСР — Камско-Кинельская система прогибов — и не путал ее с КПСС.

Зайдешь к нему с вопросом, скажем, по Вишере, то есть по Красновишерску, он, не разминая проблему, хватает трубку и начинает говорить с Паняевым, по ходу разговора вникая в карту. Нерешенные вопросы имеют свойство накапливаться. Вот как надо действовать: успевай, имай, хватай, выхватывай!

И с разработчиками говорил языком разведчика:

— Я вами весьма осержен, товарищ Паклин. Анатолий Михайлович, дорогой мой, любимый, ты выбираешь лакомые куски Барьера и потом уматываешь с этого места. Я тебе дам добычу по технологической схеме. Я с вами, суконцами, испортил не одну сотню нервных клеток.

Мне нравились дулеповские пассивные конструкции, присущие не русскому, но скорее английскому языку: «я вами весьма осержен»! Чего он терпеть не мог — так это туманных изречений, вроде «скважины удачно вписались в структурные построения»:

— Скажи просто: «нефти нет», не то получается лозунг — «поддерживаем и одобряем неизвестно что».

Бывало, что после его гневного монолога «я вами весьма осержен!» вылетаешь из кабинета. Потом обязательно следовал звонок: «Не обижайся. Зайди, надо договорить».

— Давайте ближе к делу. Ну что, так и будем смотреть друг на друга голубыми глазами? Я подписал бумагу? Так вы меня за локоть поддерживали. Вот и подписал в суматохе. Принцип: не должно быть сухого разговора, без бумаги. Но не делай из меня клоуна, Семигудыч! Дал завизировать буровицкую бумагу, которую надо три часа изучать! Сам клоун, из меня не делай клоуна. Иди работать в цирк. Чтобы не стонал от безделья! Послушайте: «Притупляется ведущая собачка, вследствие чего она не поворачивает храповое колесо или, повернув его на несколько оборотов, сбрасывает, в чем повинна также и вторая притупившаяся собачка». В чем повинна притупившаяся собачка? Ладно, не обижайся.

2

Оперативка у нового генерального директора Хабибуллина.

Заместитель по общим вопросам Фрид — главному инженеру Гнееву:

— Если ты не можешь обеспечить транспортом, то откажись пи-пи-пи, пи-пи-пи...

Хабибуллин:

— Мой слух поражен вашим матом. Немедленно извинитесь перед Евгением Михайловичем!

Гнеев и Фрид изумлены.

— Я вас понял, Равмер Хасанович.

— Нет, вы перед товарищем Гнеевым извинитесь.

Люди заглянут на оперативку у гендира — что-то необычное, матюков не слышать.

3

— Завышение запасов, обводнение скважин. Эксплуатационный фонд — две тысячи двести скважин, из них половина — в ремонте и бездействии. Когда вы наведете порядок, когда вы перестанете падать с добычей?

Дулепова мучали на бюро обкома, терзали в нефтяном министерстве на набережной Мориса Тореза, в министерстве геологии на Грузинской, в Госплане на Кировской. От Крымского моста до Котельнической набережной Дулепов изучил все места, где можно острограммиться, чтобы снять стресс.

Однажды его вызвали в Совет министров, к самому Косыгину, в дом за синими елями, за зубчатой кремлевской стеной, которую утро красит нежным светом, в то самое здание с красным стягом, в вечерних прожекторах пламенеющим, как потухающий костер. Часовой взял у него пропуск, причем, сверяя фотографию, вежливо смотрел не в лицо Дулепову, а в боковое высокое зеркало.

Дулепов долго ждал в приемной, потом ходил по коридору, укрепляясь в докладе. После вчерашнего во рту будто эскадрон ночевал. Заметил автомат с газировкой в проеме, где стоял кремлевский курсант. Автомат воды не выдал. Дулепов врзал ему, сначала осторожно, потом от всей души, оборотясь спиной, каблуком. Курсант наклонился к Дулепову и что-то сказал невнятно.

— Что такое?

— Три копейки опустите.

— У нас, пермских нефтяников, как в горячем цехе, газировка бесплатная.

— Опустите три копейки.

— Что вы делаете, чтобы остановить падение? — спросил Косыгин.

— Циклика... очаговое заводнение...

Косыгин, казалось, не слушал его, интеллигентно перебирал бумаги в прозрачной папке...

— Модификации кислотных обработок...

— Что еще?

— Циклика.

— Не повторяйтесь.

Именно так — на паузе — «не повторяйтесь». Дулепов не мог знать, что это «не повторяйтесь» идет от разговора товарища Сталина с Михаилом Федоровичем Мирчинком осенней ночью сорок второго года.

4

Дулепов сидел после укола магнезии прямо и весело глядел. Гидрогеолог Герман Каллистратович Михайлов рассказывал шефу о времени, когда зацветают берега Камы у Березников. Гера был красивым и легким человеком. В него все влюблялись! А как он пел! Романсы, русские песни, да и туристические вроде «Отелло, мавр венецианский», «В Ватикане прошел мелкий дождик». Но особенно — романсы. Выделял тех, кто пел душой, — Галина Карева, Ольга Бородина, Борис Штоколов, конечно. У Геры был талант дружбы. Он мог найти общий язык и с московско-питерскими интеллектуалами, и где-нибудь в Казахстане с забойщиками, из которых ни один не отсидел менее десяти лет.

Герман был высоким профессионалом в своем деле — гидрогеологии. В институте «ПермНИПИнефть» он создал школу гидрогеологов, подготовил в Пермском университете плеяду классных специалистов, был инициатором проведения в Перми всесоюзных гидрогеологических совещаний. Это звучит фантастично, но Михайлов со своими студентами открыл Озерное месторождение в западной части Соликамской впадины, мало того, что до поискового бурения, но и до проведения на нем сейсморазведочных работ. Его студенты на лодках отбирали пробы воды на озере. Но как определить на карте место взятия пробы? Вот что придумал Герман. Ребята стояли с фонариками и компасами по периметру озера. Местоположение пробы — на скрещении лучей трех фонариков. Потом в пробах определяли содержание ароматических углеводородов —

бензола и толуола. Ароматика определяет вертикальную миграцию нефти. То есть это были прямые поиски нефти.

Земля для Михайлова — живая, родная, с восходящими потоками флюидов, всеми ее трещиноватыми и проницаемыми зонами, с океаном пластовой воды и каплями нефтяных и газовых залежей в нем. Он хорошо читал рельеф местности. Как-то трактор завяз в мочажине. Герман увидел: это верховодка — водоносная линза с выклиниванием на склоне небольшого лога, перекрытая слоем глины, и показал трактористу, как проще выбраться на твердый грунт. Последнюю свою монографию (совместную с Александром Обориным) он назвал по-домашнему: «Подземная кладовая пресных вод Сылвенского кряжа». Кладовая! А в этой кладовой есть зеркало грунтовых вод. Не каждому повезет добраться до этого зеркальца чистой воды. В этом карстовом районе впервые выделена уникальная гидрогеологическая провинция пресных вод высокого качества.

Но разговор с Дулеповым не был лирическим. Речь шла о законтурной закачке воды на Чашкино и на Юрчуке.

— Там есть карьер, — сказал Дулепов. — Берега крутые. Вода не должна зацвести. Есть подпитка грунтовыми водами.

— Он отделен от Камы?

— Да.

— Тогда зацветет. КВЧ — количество взвешенных частиц — будет велико. Зацветет — будем думать о биологической очистке. В период цветения водорослей в июле по водоводу перекачивается вода с фитопланктоном. Что будет с тульской залежью и с самим водоводом?

— Экология. Большущий хомут надели на нас. Проблема для моего умозрения малопонятная. Выливаю всё накипевшее. Юрковский технический водозабор: оголовок в Каму засасывает рыбу и планктон. Никаких санитарных поясов! Экология валится к чертовой бабушке. Через два года нас будут материть хуже, чем лесников. Наполнятся котлованы, и весь свинойрой после того, как ушли буровики, окажется на природе. Весной наши говна начнут таять. Ливневые воды разрушают обваловку, и сохнет лес. Начнутся разные...события... Так и пойдет. Плюс отсутствие дорог каких-либо, плюс наше безобразие по обустройству. Если мы не отладим эту систему, мы будем чихать и кашлять. Березы, осины у буровой расцветают, а хвойные гибнут — становятся как ржавые селедки.

Прервемся ненадолго, Герман Калистратович. В десять часов будет доклад москвичей — наших кураторов из ИГиРГИ. Для нача-

ла покажу им, где мы работаем — на красивой резановской карте. Я с ними похрюкаю, потом продолжим разговор.

5

Докладывал Рафаэль Овсепович Хачатрян.

Дулепов:

— Сколько вам нужно времени?

— Час.

— ...Итак, геологические поиски можно рассматривать как конфликтную ситуацию, где в качестве противников выступают человек и природа, причем свои решения геолог вынужден принимать в условиях неопределенности.

— Вы в Министерстве иностранных дел не работали? Закругляйтесь.

— Я ничего не успел сказать.

— Время вышло. Хорошо, еще пятнадцать минут.

Прошло полчаса. Шершневы сидели с таким видом, будто у него зуб болит.

— Я хочу сказать...

— У нас времени нет. Поэтому «я хочу сказать» — не надо.

— Если что упустил, виноват не я. Мало времени. Вопросы?

— Вопросов нет.

— Может быть, будут вопросы?

— Нет, не будет.

— Дело в том, что....

— Не повторяйтесь! Я уже сказал, что не остается времени на «дело в том, что».

— Очередной скандал на Капитолийском холме.

— Работа нужная. Полезная, ценная, но, к сожалению, имеет один недостаток — не представляет практического интереса.

Викторин начал тихо, в кулак смеяться. Губы у него стали растягиваться и, наконец, он хохотнул. Дулепов шепнул:

— Ты, ВДВ, не очень-то смейся, а то нам, заказчикам, скоро в Москве негде будет остановиться.

— Они такие ребята: входят в курс дела и затем считают дни до пенсии.

Потом Дулепов сказал нам:

— Надо отделить козлов от котлет. Вы все молча сидели. А эти горласты. Их там, московских чиновников, которые директивы

плодят, развелось — раком не переставишь. Я телевизор не читаю, радио не слушаю — некогда, всё с документами работаю. Что они могут сказать? Что им вспоминать? Олег Куваев сказал бы им: почему вас не было на тех тракторных санях? Выйду на пенсию — не буду рано вставать. А встану — потянусь, буду думать — чем бы заняться? Намолоть кофе, приготовить одну чашечку.

— Кофе после восхода солнца вреден.

— Одну чашечку можно.

5

Перед приездом министра Мальцева.

Дулепов:

— Я не желаю слушать вас, Иван Иванович. У вас ностальгии много.

— Почему?

— Старые материалы показываете (в такие дела Дулепов быстро врубался). У нас гнев накопился. Вот мы и решили гнев свой проявить. Пригласите куратора из института «ПермНИПИнефть».

Пришла куратор с голыми круглыми коленками. Дулепов опустил очки на кончик сизого носа. Ничего не скажешь, красивые коленки.

— Вы куратор? Как звать? Лена?.. Можете идти, Леночка. Карты оставьте. Докладывайте дальше, Иван Иванович.

Потом прерывал разговор:

— Шанежка! Только нервы свои седые трепыхаю.

В коридоре облегченно вздохнули:

— Успокоился всё же. Это надо Ленке спасибо сказать.

— Ленке-коленке.

— Пусть в следующий раз тоже приходит.

— И коленки свои не забудет прихватить...

Иван Иванович:

— Красота спасет мир, как говорит мой начальник. В случае чего позовем Шанежку.

— Шанежку. Или Вишенку.

Мокичев собрал диспетчеров:

— Мальцев приезжает. Вы же матерые черти. *Крепаши* закоренелые, тертые жуки. Сделаете план и допзадание — всем по окладу.

Помолчал, достал беломорину.

— Не сделаете...

Продул папироску.

— Если не сделаете...

Больше ничего не сказал.

Дулепов:

— Организм истреплен, побаливает. Надо в 23:30, как штык, уехать домой. Утром надо бодрячком предстать перед министром, отблуждать речь. Николай Алексеевич по старой памяти знает наши дела, долбит, вожжи держит крепко, не отпускает. Людочка, шла бы ты, как говорится, домой, Пенелопа. Это нам, мужикам, деваться некуда.

6

Мальцев приехал. Выступал горячий наш чернушинский дагестанец, точнее, табасаранец Мирзаев. Топнул ногой:

— Надо снимать план.

Мальцев:

— Почему, Магаррам Шахрамазанович?

— Падает добыча.

— На сколько упадете?

— На полтора миллиона..

— Сколько скважин за февраль сдано? Дебиты?

— 4 тонны.

— А проект?

— 20 тонн.

(Викторин: «Ну, я Магарраму задам!»)

— Мы пожинаем нехорошие плоды. Темнота наплывает. Нытиков, хлюпиков надо гнать! Вы думали, что министр приедет, миллион снимет. Вы расплатитесь, разнюнитесь, он вас и пожалеет. Хрен он вас пожалеет. Надо настроить парторганизацию. Надо, чтобы управления затрепетали.

Мальцев поднял Бакирова.

— Почему дебиты 4 тонны?

— Николай Алексеевич! Скважины пущены в конце месяца, а дебит на весь месяц раскрутили. А скважины по 20 тонн дают.

Мальцев:

— Я вам забивал, то есть задавал ряд вопросов. Почему не строили коллектив? Пошевелите хоть немного рогами! Вы потеряли перспективу, или, говоря по-нашему, *распоролись*. Геологи стали бесхребетными. Мы растеряли людей на промыслах. Преданных, готовых бороться за каждую тонну нефти. Я помогаю тем, у кого рубашка мокрая. Вокруг буровой — дохлые трактора, сцепки трак-

торов, у одного картер вскрыт. Если бы были хозяева, работали бы с плечом на перспективу. Разговоров много, дела мало. Я не вижу вопроса для паники. Есть еще один резерв — энтузиазм наших людей. В ЦК обеспокоены пермскими делами. Член Политбюро Кириленко спрашивает: почему в Перми стало плохо с нефтью? Нефть — это валюта. Нагло продолжают валить добычу. Полено в своем глазу не видят. В глаза смотрят и говорят: запасов нет. Вот так, в позе стоим.

Он показал, расставив руки.

— На сегодня всё.

Дулепов:

— Я тихо промолчал. А что скажешь? Министр — он и есть министр: шею намылит и голову снимет. Вы думаете, я буду сидеть под шапкой Мономаха и говорить: ты хороший, и ты тоже хороший. Шутники в разобранном виде. Что скажешь, Денк?

Денк:

— Николай Алексеевич говаривал: «Не родись счастливым, а родись геологом». Как-то он приехал — как раз начали испытание. Он сразу: «Желаю удачи, желаю удачи!» И уехал. Случись что — сам генеральный на буровой был. А так — геолог ответит. При испытании нужна уверенность, твердость. Буровики очень хорошо чувствуют, если дрогнул. Главного геолога по пустякам не будят ночью. Только если выброс. Если будят, значит, точно — выброс. Даже по мелочам надо быть твердым. Геологиня жалуется на буровиков: «Они керн из трубы выбивают и в ящики не раскладывают». Они на нее: «А почему ты по кухне ходишь в сапогах? Мы там полы моем, а знаешь, как трудно осенью мыть полы? Мы в носках ходим!» — «Они не моют керн». — «Кто именно?» — «Волков». Я ей: «Леночка, ласточка, с этого дня снимай сапоги, когда заходишь на кухню». Волкову говорю: «Почему не моете керн?» — «Пускай сама моет». Прихожу к мастеру: «У Волкова какой разряд?» — «Шестой». — «Перевести на пятый сроком на два месяца. Вопросы есть?» — «Вопросов нет».

— Только так и надо действовать, Отелло Эдуардович.

7

Экология — любимая тема Дулепова:

— Ножовка. Торжественно заявляю: мы варвары. На вертолете летишь — где куст скважин, там желтый мертвый лес, который

угробили. У каждого бурового куста лес с желтизной. Это влияние нефтяных амбаров. В русскую природу, в березовые рощи влезли грязными руками. Нам всем надо резко позеленеть.

— Нездоровый ажиотаж вокруг экологии. Приходит кандидат наук — человек в белых перчатках, с дипломатом, полным визитных карточек. Предприниматель! Коммерсант! Посредник! У него ноу-хау, что означает — знаю как, но не скажу. Предлагает услуги, спонсора ищет. Он завязан на природоохранников. Спрашиваю кандидата: «А где ваши рукавицы?» — «Какие рукавицы?» — «Брезентовые. В дипломате должны быть не визитки, а брезентовые рукавицы». — «Зачем рукавицы?» — «Зачем рукавицы? Задвижки крутить. Мы сами можем реализовать нефть». — «Не можете». — «Это почему?» — «Экология. Я имею выход на охрану природы. Организую транспорт — бардовоз-бочку». А мы сами с усами. Они, эти ребята, посредники, интересно замыкаются: в глазах рубль, помощи же нет никакой. С нефтью не вышло — тогда он предлагает локатор: искать затопленную древесину ультразвуком. Просто я считаю: хочешь чего-то добиться, встань, достань руки из карманов, перестань катать шарики. Вот такие элементы.

— О, пожгли же нефти! Амбары нарыли, потом придумали штучера, сразу жгли при испытании. Но главное — Оса, Геж. Там был подземные ядерные взрывы, чтобы создать систему трещин в теле карбонатного массива. Пойми, Паняев, Геж — это черное пятно на нашей карте.

— Юрий Аркадьевич, да я сижу в этой черной дыре. У нас в Красновишерске — за костью пищевой, 28 копеек килограмм, очередь аж на улицу, а над ней плакат «Пр-роездом из Сан-Франциско в Рио де Жанейро — ломовое эр-ротическое супершоу! Классический стриптиз!»! На Геже — всё расписали утром честь честью — и всё наперекосяк. На меня же наорали — то бульдозериста нету, то пластовой воды нету скважину глушить. Как в замедленном кино. Глубинные пробы так и не отобрали. Тракторист напился. Компрессорщика нету.

— Это твоя работа.

— Не мы это затеяли. Этим делом занимается Шахиджанов.

— Шах много чем занимается. С Осой делов натворили, теперь расхлебываем. Вопросу придана партийная окраска.

— Паняев, северный колхозник, что ты подпрыгиваешь?

— Вспомнил, как я начинал. Послали меня нефть выжигать в земляных амбарах. Взял бересты, нефть-то плохо разгорается. В кот-

ловане горит. Хорошо! Лежу в дизельной на стеллаже. Скважина внизу, амбар на горе. Ровно горит, но вот вода внизу нагрелась — и пошло взрываться. Выглянул — на меня движется огненная лавина. Бегу, а на ходу колодки хватаю от лебедки — подложить, чтобы на скважину не пошло. Стрельнуло — в другую сторону пошло — но лес загорелся. Гляжу — скачут пожарные на лошадке с бочкой. Наши буровики на агрегате прикатили, шланги раскинули.

А еще как-то в Романшоре было. Взяли займы емкость кубов на сто. Решил я выжечь нефть. Трап накалился вверх, емкость ходит вверх-вниз, интересно так шевелится. Звонят: «Емкость освободилась?» — «Освободилась, освободилась, куска железа не найти».

8

Дулепов:

— Я хочу вот что вам долóжить. Хабибуллин приехал из Москвы. Добыча в 1978 году упала до 15 миллионов. Планы десятой пятилетки сорваны. Мальцев снимает стружку со всех, включая Коноплева. Лобанов в Осе получил за год одиннадцать выговоров. Дисциплина хромает. Хватит портить нервы и бумагу. В Куйбышев везем баланс, свод в твердых корочках, а то я езжу с лохмотьями. Мы стараемся все доводить до ума, насколько нам позволяет этот ум. Часть первая — сырьевая база. Часть вторая — план добычи. Часть третья — прогноз добычи. Прогноз — это панацея, которая висит над нами. (Под панацеей он, конечно, понимал дамочков меч.) Часть четвертая — капвложения. Жонглер с шарами жонглирует в цирке до определенного времени. Потом уходит на пенсию. Красивые карты — озаботиться Ливерию Ивановичу. Что он делает? А, пишет оду очередному великому человеку.

Ливерий вздрогнул и опрокинул пузырек с тшью.

— О, как удачно пролил.

Дулепов:

— Это всё разведочные скважины? Умрешь!

— Вы подписывали.

— Я перед отъездом всегда чего-то подписываю. Я же вам, су-концам, доверяю! Не надо мне мозги парить, сушить, канифолить.

Потом Дулепов рассказывал:

— Собрались тертые мужики — Филановский, Лисовский, Ованесов, Гнатченко, Стрижов. По-мужицки говорили: по Перми нет диагноза болезни. Мероприятия выполняются, эффекта нет. Закачали, отобрали, статистику навели. Толку — чуть. Ованесов подвел итог: «Геологи ищут, где можно больше хапнуть, дернуть. Геологи стали удобными ребятами. 18 миллионов в 1979 году потянете или болтунами будете. Пермская катастрофа — репетиция будущего Тюмени. Кто подхватит? Восточная Сибирь? Там нет девочек с маникюренными пальчиками, там нет полированных столов — там есть стул, шкаф, резиновые сапоги. ТЭО до 2000 года в Москву-реку с четвертого этажа разрешаю выкинуть. Но 18 миллионов должны потянуть».

9

Февраль 1979 года. Пермский секретарь Коноплев:

— Гремят за спиной пятилетки. Вот и девятая скоро отгремит. В очень тяжелом положении нефть. Мы сделали шаг назад. Надо идти к 27–30 миллионам тонн.

Дулепов — Викторину (тихо, с отчаянием): «Они ничего не поняли!»

Через несколько месяцев наши войска войдут в Афганистан.

Хабибуллин: «Нефть — это скважины. Добыча не должна зависеть от нескольких «китов». Создана технология проводки и крепления скважин в зоне калийных солей. Удалось выйти в соли. Мингео и Минхимпром против. Косыгин поддержал нефтяников».

10

Приехала Королюк Ирина Константиновна — дочь Дагмары Максимилиановны Раузер-Черноусовой. В головном институте она изучала нефтеносность передовых складок Урала:

— У нас нет фактов, а есть «нам кажется». В американских Скалистых горах залежи в поднадвиге. Скважины глубокие — 5–7 км. Аппалачи, столь схожие с Уралом, — зоны дробления, тектонически экранированные залежи. По имеющейся информации, американцы пробурили там пятьсот пустых скважин, назвали это — «кладбище буровиков». Потом они прекратили публикации по методике, и у них пошли открытия.

— Это что? — спросил Дулепов.

Архангельский развернул карту.

— Это передовая складка Урала — Загорская структура. Я бы не хотел здесь бурить. Рядом Всеволодо-Вильва, Ивака. Ветосское месторождение, законсервированное — структура «разбитой тарелки». Скважина 35 — нефть с большим газовым фактором. Если будем оживлять, может рвануть, как бутылка шампанского.

— Бедный Касьяненко здесь пострадал?

— Да. Здесь есть острова, прижатые к Уралу и даже поднырнувшие под Урал.

— Это не тарелка, а блюдецко с нефтью. Почему ты не хочешь бурить здесь?

— Там Пастернак жил. И Чехов, говорят, бывал.

— По какой статье они сидели? У тебя нет желания бурить. Ишь какие нежные стали — у них нет желания.

— Внукам оставим, — сказал Архангельский.

11

В Иваке был завод по сухой перегонке древесины, вокруг него — поселок неподалеку от одной из передовых складок Урала.

Борис Пастернак ввел Иваку в великую русскую поэзию:

*Сережек аметистовых
И шишек из сапфира
Нельзя и было выставить,
Из-под земли не вырыв.
Чтоб горы очаровывать
В лиловых мочках яра,
Их вынули из нового
Уральского футляра.*

Так дети радуются подаркам: их вы-ну-ли из но-во-го у-ральско-го фут-ля-ра...

Урочище Ивака — чаша в футляре полуколыца холмов. По дну лощины вьется речка Ивака.

Судьбе было угодно, чтобы земные пути Чехова и Пастернака сошлись с разрывом в четырнадцать лет на пермской земле — в уральском поселке Всеволодо-Вильве. На фотографии шестнадцатого года Борис — на вершине горы. Имя горы — Дресва. Пастернак не знал, конечно, что эта гора — фрагмент узкой длинной подвернутой складки — Всеволодо-Вильвенской антиклинали, об-

разованной при надвигании Урала на Русскую платформу. Повторение слоев установлено во всех скважинах, пробуренных в зоне перекрытия.

Пастернак постоянно возвращался в мыслях к этой, 323 метра над уровнем моря, горе, возвращался к тому времени, когда он был молод, и на нем был грубый глухой свитер, и он смотрел в лицо огромному миру и вбирал его в себя. Он угадал разрывную природу пейзажа — в романе «Доктор Живаго», в главе «Рябина в сахаре». Там были расстреляны заложники: «Возвышенность эта, род шихана, с одного края круто обрывалась... Точно этот суровый, подоблачный, богатейший лес, как-то споткнувшись, весь, как есть, полетел вниз и должен был провалиться в тартарары, сквозь землю, но в решительный момент чудом удержался на земле и вот, цел и невредим, виднеется и шумит внизу».

Ольга Фрейденберг:

— Будто взлетаешь над планетой и видишь движение материков, надвиг Азии на Европу.

Такими она увидела уральские пейзажи в романе двоюродного брата.

И в «Рождественской звезде», кажется, — та же Дресвяная гора. Пастернак видел Альпы, видел Кавказ, но только здесь, на Урале, где не «чокаются скалы», он мог спокойно вобрать в себя бесконечную даль и вместе с пастухами увидеть

*...поле в снегу и погост,
Ограды, надгробья,
Оглоблю в сугробе
И небо над кладбищем, полное звёзд.*

У каждого из нас есть такие потаенные места, где мы были счастливы когда-то и к которым постоянно возвращаемся...

12

...Помню, нежный-нежный апрельский денек был. На солнце набегали легкие, пуховые, по-летнему блистающие облака, их края вспыхивали, и, когда солнце выходило, все как бы изнывало от жары. Напротив, у Большого дома, поднимали портреты членов Политбюро. Вдруг сообщение ТАСС по «Маяку» из дулеповской «Волги». После было отчеканено: «Последствия Чернобыля никогда не будут устранены». А тогда — пресс-конференция по ящику, и были сказаны именно те слова, которых ждали, успокоительные

привычные устойчивые блоки слов: «Ситуация находится под контролем», — украинский успокоительный говорок зампреда Совмина Щербины Бориса Евдокимовича, ранее первого тюменского секретаря. И академик Велихов веско: «Ситуация под контролем». И все вздохнули — слава богу, не было взрыва. Хотя и был взрыв, но всем так хотелось, чтобы его не было, что его вроде как и не было! Когда Сталин умер, тоже нашлись утешительные слова: «обеспечить бесперебойность руководства», слова, твердо закрепленные на прочной бумаге газеты «Правда».

21 мая 1986 года. Через месяц после Чернобыля — комиссия ЦК и КНК.

Дулепов:

— Они с тобой будут очень благожелательны, очень любезны, но потом они тебе в отдельном кабинете такое усиление добавят, что ты окажешься очень нехорошим человеком.

Глава 36. Мокичев

1

Друг мой Герман Митягин просвещал меня по части буровицкого фольклора. При зарезке второго ствола образуются «штаны». Старые скважины — «старые дыры», новые — «нулевки». «Окно» — простой вышкомонтажников. Буровик должен быть сильным и тупым — в кармане, как говорится, шкимарь, нож и пара сухарей. И еще: штопор — спутник нефтяника. И еще: Бог создал моление, ну а черт — бурение.

Гера Митягин поднялся, развел руки и стал высоким, голова — в облака.

— Я — буровая вышка. Мой рост — сорок один метр. Ноги — опоры. Руки — растяжки. Я был верховым, цеплял трубы элеватором, начальник между небом и землей. Работал в Осинском управлении у передового бурмастера Азанова Герольда Васильевича, Героя Соцтруда. Восточный человек с орлиным взором. Я-то знаю, как он работал. Представь: мороз, водовод перехватило. Мы резьбы факелами отогревали — и дальше бурили. Активированных дней Герольд Васильевич не признавал.

Леша Шилов, с которым мы работали в Ножовке, рассказывал:

— В семьдесят восьмом году под самый Новый год случились, как ты помнишь, большие морозы — 48 градусов. Мы в Кунгурском управлении разведочного бурения, конечно, остановили бурение — ведь металл крошится на таком морозе. Только Герольд Васильевич продолжал давать метраж, пока не получил краткую телефонограмму от Мокичева с аббревиатурой «КЕМ», то есть с пожеланием отправиться к ближайшим родственникам по материнской линии.

У нас в управлении, база которого находилась в поселке Нагорном, тогда только и разговоров было о болгарских дубленках, которые, по слухам, поступили на базу УРСа. Поселок Нагорный в те морозные дни остался без тепла, и произошло это как раз в дни визита министра Василия Дмитриевича Шашина. Принимали его в замороженном буровицком клубе.

Начальник управления Павел Дмитриевич Алексеев встал в президиуме во весь свой полутораметровый рост.

— Положение крайне тяжелое. Считаю необходимым перевезти в поселок Нагорный котельные с буровых.

Тогда поднялся главный инженер:

— Это недопустимо!

— Товарищ Презенцов, выполняйте мое распоряжение.

— Разукомплектация буровых остановок недопустима!

— Вы уволены.

— Это произвол!

— Отделу кадров — подготовить проект приказа об увольнении товарища Презенцова. Следующий вопрос. Нужны трактористы для перевозки котельных. Добровольцы есть?

Молчание.

— Коммунисты, вперед!

Молчание.

— Есть возможность поощрения добровольцев. В моем директорском фонде есть резерв по позиции «полушубки болгарские».

— Я поеду!

— И я!

— И я!

— Вопрос с кадрами решен. Теперь об отоплении производственных помещений. Будем разводить костры.

— Это нарушение техники безопасности.

— Отделу ТБ с профкомом — разработать временное положение. Всё.

На следующий день в поселке появилось тепло.
— Однако ты орел, Павел Дмитриевич! — сказал Шашин.
Вскоре Алексеев был назначен генеральным директором объединения «Оренбургнефть».

2

Владимир Иванович шкурой чувствовал: если мало нулевок, бригады — в «окнах», значит, у геологов кончается направление поиска. Если скважина валит или, скажем, уход промывочной жидкости, приходил к нам в отдел — нельзя ли изменить проектную глубину. Мы доставали карты:

— Нам нужно зацепить Барьер, Владимир Иванович. Две скважины мы уже перепроектировали. Эта последняя на площади.

Повесит голову, вздохнет тяжело:

— Я вас понимаю, доблестные геологи. Ну, я пошел.

Если звонят на утренней оперативке, Мокичев непременно возьмет трубку. Знает — зря звонить не будут.

— Почему прихват? Объясняю: знаний нет, ума нет. Разберись.

Бросает трубку.

— Начинай, Березин.

— Бонжур, месье.

Володя Березин три месяца учил французский в Уфе — перед командировкой в Алжир. Язык не осилил, вернулся в Пермь. Поражал буровицкий народ словами: «Нэ вуле ву пэ дю шампань?» — «Не желаете ли вы шампанского?»; и «Вив ля Франс», «Обсерве лё сияянс» — «Соблюдайте тишину».

— Теперь о «событиях» на скважине 29-Енапаево...

Мокичев терпеть не мог, когда буровики пишут «в ожидании топления» или того хуже — «в ожидании дальнейших распоряжений». Бурение — свинчивание — развинчивание — спуск — подъем — монтаж — демонтаж — вира — майна — стоп и сос!

Слова «авария», «осложнение» стараются не говорить — так, «события» на скважине.

— Что именно?

— Маленький недоподъемчик цемента за колонной. Оставили в скважине «стакан» цементного раствора.

— Не стакан, а «козел».

— Стаканчик.

— Козлище, б...! Фауна! Вам лишь бы втереть шары руководству, темноту пустить! Ты, Березин, в последнее время очень много занимаешься геологией. Ты что, геологам продался? Понял, Березин?

— Понял.

— Что понял?

— Понял, что правильно Леня сказал: надо не болтать, а пахать.

— Какой Леня? Леонид Ильич?

— Нет, наш Леня. Коряковцев.

— План, план, план. У меня от плана кишки болят. Я уже от плана кровью ссать начал. Сидите, яйца греете. Голубая технология — ногу вышки погнули. Бери ящик водки, ящик тушонки, езжай в нашу Караганду, то есть Ныроблаг. Там эки выправят ногу. Как надо работать? Дырку просверлил, забрал повариху, красный уголок, телевизор — и снова голое поле и ветер. Еще после нас остается экология, черторои, говна наши. Продолжай, Березин.

— Скважина 168 — сварочно-плотницкие работы.

— Что они варят? Что колотят? Там всё на гайках.

— Скважина 25 — оставили лыжу от пластоиспытателя.

— Какая лыжа?

— Ну, пружина.

— У пластоиспытателя нет пружины.

— Так, так, так. А, это пластина от пакера.

— Дальше.

— У помбура Некрасова — слом левой ноги выше колена.

— Березин, это нога, а не труба! Кстати о трубах. Как дела с ГОСТом по трубам второй категории?

— Институт переводит.

— Привязался Госгортехнадзор к этим ГОСТам. Тараканов принес техусловия венгерские. Институт их месяц переводил. Получилось — ни хрена не поймешь. Как у «Лицедеев» — «мана-мана, асисяй-асисяй», или этот, как его, Шифриндт, что ли, Ширвин и Державинд — Эльдар, ау-у! Вот как с мадьярского перевели.

Заканчивал Березин оперативку так: «Мерси боку, мон шер ами».

Глава 37. Дороховский полигон

1

Один умный человек сказал: «Лучше иметь плохую теорию, чем не иметь никакой теории»; другой сказал: «Надо искать нефть в новом районе со старыми идеями и в старом районе — с новыми идеями». Барьер заканчивался. Что дальше?

Весь Волго-Урал искал новые направления поиска нефти. В Башкортостане нашли узкие длинные опущенные блоки — грабены — и прижатые к ним полосы продуктивных ловушек в девонских песчаниках. Еще при Винниковском мы ездили с материалами в Уфу.

Лисовский, главный геолог «Башнефти», смотрел важными глазами, опираясь на указку, крутил пальцем у виска.

— Почему вы не ищите девонские грабены? Не упражняете мозги. Противитесь всеми жабрами и фибрами. Мы долго доходили до понимания этих продавленных клавиш. Евгений Васильевич Столяров незабвенный говорил: вот же долина реки — ищите девонский грабен, ищите, и найдете море ловушек. Первооткрывателя ему так и не дали. Теперь эти месторождения дают десять процентов добычи по республике.

— У нас грабеномания впереди.

— Мы этот этап заканчиваем. Теперь у нас начинается горстомания. Ищем поднятые блоки.

Шершнева сказал:

— Зря ездили. У южан — центр девонского бассейна. Нам же достались обгорелые корки этого жирного пирога, девонского волго-уральского пирога. У нас нет и не может быть не только второго Ромашкино, второго Муханова, но и какого-нибудь задрипанного Сергеевско-Дёмского грабена — мы на периферии.

2

Третьяков приехал в отпуск из Восточной Сибири:

— Что вы носитесь с этой несчастной скважиной 2-Каменка. Я эту территорию, весь этот Кунгурский разведочный район руками и ногами исходил. Сейчас я изучаю Туруханский разведочный район. У меня на Таймыре есть плато Путорана. Я туда академика Хаина на вертолете завозил. Говорю: мечтаю на плато буровую за тащить!

Конец рабочего дня — можно всласть потаскать каротажки. После старых каротажек руки, как чугунки. Я расстелил на столе рулон. Помета «Проверка нуля», и показалось, что это слово — «Просверкнуло». И вправду — просверкнуло! В чудной скважине №2 Каменской площади — метров сорок были будто «выстрижены» из разреза. Это походило на выпадение слоев по тектоническому нарушению сбросового типа. Был ли когда-либо более надежный метод, чем прищуренный глаз — «простой визуальный глаз», как говорил Дулепов?

Сергея Калабин, подвыпивший («пригласили в гости, напоили пельменями») зашел на свет в окне.

Полюбовался на апельсиновое дерево в кадке — ботаническое чудо. Попробовал «закусь» — плод *с куста*, необыкновенно сочный и сладкий. Показал фото — смещение вдоль разлома, пересекающего аккуратные ряды апельсиновых деревьев. Сразу после землетрясения в Импириал-Вэлли, Калифорния, сентябрь 1950 года. Это было похоже на сейсмограмму. Позвонил домой:

— У меня работа. До одиннадцати. Что значит — с кем?

Потянулся:

— Скорей бы утро, да понедельник, да на работу.

И Шершневу зашел.

— Как же, помню Каменку. Я совсем молодой был. На третьем номере цементаж делали, как раз когда Сталина хоронили.

Сергей:

— Не сгневаетесь, Константин Степанович? Грабены-то не девонские, как вы учите.

— А какие?

— Помоложе — пермские, точнее сакмарские.

— Вы геологи, поэтому не верьте никому и ничему. Мне тоже не всегда можно верить.

— Нам помог разобраться Рим Масагутов. Он протащил Дороховскую зону по территории Башкортостана, врезал ее в передовые складки Урала. Землю роет, чуть не в прямом смысле.

— Мне покажите, что он нарыл.

Шершневу умело двигал каротажки одной рукой, культей придерживал. Стерпел, только с Сергеем на «вы» перешел.

— Может быть, вы и правы.

— Я всегда прав.

И это стерпел:

— Денег мало, энтузиазма много. Ну, что ж, дерзайте, юноши!

Наконец, я взвыл.

— Сергей, по домам!

— Рано. Еще одиннадцати нет.

В последнем автобусе спал последний пассажир — в руке папка прозрачная пластмассовая. Выскользнул листочек. Строчки — стихи? Я подобрал — «неполучение позиций на складе».

Так буднично у нас начался поиск нового направления работ. Наверное, в жарком августе 1968 года в ОКБ-1 было нечто подобное с идеей станции «Салют». Там было драматичнее — беспартийный Феоктистов пробирается в кабинет Мишина, звонит по вертушке Устинову — «дяде Митяю». Тот: «Приезжайте».

Выход есть всегда — надо его только найти. К тому же у нас был толчок извне.

3

Люда Спасибо:

— Юрий Аркадьевич, у вас должна быть бумага из министерства, руководящий документ, РД. Галина Константиновна уже звонила.

— Нет у меня никакой бумаги.

— Юрий Аркадьевич, может быть, у вас где-то затерялось РД?

— Ну ты и зануда! За весь день мне одну бумагу и принесли. Какую-то никому не нужную бумагу.

— И что вы с ней сделали?

— Как что? Выбросил.

— Куда?

— Ну ты и зануда. Куда выбросил — скомкал и в корзину. Ну и хрен с ней, с бумажкой.

— Нет, не хрен с ней.

Людочка полезла в корзину и действительно нашла в ней руководящий документ.

Дулепов развел руками.

— Подвиг разведчицы, что скажешь.

Спохватился:

— А где же Людмила?

— Выбежимши в слезах.

— Найти.

— Люда, бумагу пришла — надо подшить. Козе понятно.

— Я не коза.

- Я себя имел в виду.
- Вы что, козел, что ли?
- Не груби старшим.

4

Дулепов:

— Вот она, пропавшая грамота — руководящий документ. Создают опытные полигоны по всем объединениям. Цель: научиться картировать новые типы ловушек. Работы проводятся под эгидой нашего родного института ПермНИПИнефть.

Дулепов любил всякие заковыристые слова, вроде «эгида». ВДВ шутил так примерно: «Товарищ Дулепов вкупе с товарищем Макаловским будировал товарища Никулина и под его эгидой вставлял жупел и муссировал товарища Калабина. Над ними давил сам товарищ Хабибуллин».

Андрей Васильевич Кутуков, старейший наш литолог, предложил работать на ловушки выклинивания «на ноль» песчаных пластов на бортах Барьера. В Камско-Кинельской впадине их пара десятков, а на борту от силы штук шесть. Дулепов был против:

— Не надо улетать в облака, надо прочно стоять на земле четырьмя конечностями.

— Каждый кулик свое болото хвалит.

— А чужое хает. Вот ты говоришь...

— Не говорю.

— Не говоришь, а думаешь. Вот ты думаешь...

— Да не думаю я...

Дулепов:

— Вы уже заговариваетесь. Давайте решать вопрос — будем или не будем делать перерыв?

— Не будем!

— Объявляется перерыв десять минут.

Так появился Дороховский полигон, на котором мы учились картировать разломы в юго-восточной зарифовой области. Гигантская, по платформенным меркам, Дороховская мобильная зона — меньше километра по ширине полоса, просевшая на сорок метров по пермским и ниже отложениям. Длина — 150 километров. Вдоль мобильных зон цепочки структур — знай бури. Но на Саварской площади из тринадцати разбуренных продуктивны две.

Утащили станки на Бажинскую площадь — не легче: все четыре структуры — пустые.

Вокруг полигона объединились люди, каждый из которых копал свой собственный шурф и сидел в нем. Каждый кулик сидел в своем шурфе. Теперь у всех нас был наш полигон. Кутуков, правда, сказал:

— Мы идем торной дорогой системных ошибок.

И Юра Жуков наводил критику.

Эталонный участок, конечно, — район скважины Каменка-2, хоть там сейсмогеология не фонтан, не «фонтенбло», как говорится, — известняки на поверхности, карст. Здесь надо было отработать до звона все возможные виды сейсморазведки — множество вариантов группирования источников возбуждения упругих колебаний и сейсмоприемников. Даже применили новинку тех лет — ЛДШ, линия детонирующего шнура.

Каменка стала золотым ключиком, ибо другого эталона у нас не было. Конечно, применялись все легкие методы — геохимия, гравиразведка, магниторазведка, радиометрия, конечно, аэрокосмогеология разной высотности. Москвичи из головного института ИГиРГИ взялись провести высокоточное повторное нивелирование. Геологическая задача — на эталонном участке научиться картировать нарушения, и методику перенести на перспективные участки. Разрешили пробурить три глубокие скважины — на идею.

Герман Михайлов никогда не ограничивался любимой гидрогеологией. Он вошел в работу с головой: организовал на полигоне гелиевую и ртутную съемки — договорился со старыми студенческими друзьями. Дело вот в чем. Гелиевая съемка даже на, казалось бы, монолитном Украинском кристаллическом щите показала, что он разбит на блоки, разделенные проницаемыми зонами. Недавно составленные карты защищенности подземных вод полетели. Гелий был обнаружен в поверхностных пробах. Поскольку гелий легче воздуха, он уходит в космос. Если он найден, значит, он только что поступил снизу.

Снизу, но откуда? Я случайно встретился в Москве с Игорем Толстихиным, который приехал на предзащиту докторской диссертации по изотопии гелия.

— Игорь, коротко — что ты защищаешь?

— Могу. С изотопами гелия меня научил обращаться великий Герлинг. Есть первичный, солнечный гелий — он образовался вместе с Землей, он прёт из мантии. А есть гелий, который возникает в земной коре, — земной, коровый гелий. Я научился их различать — солнечный и коровый! Всё!

Особые надежды мы возлагали на новейшие методы АКГИ — аэрокосмогеологических исследований разной высотности. В ту пору руководил группой «космонавтов, которые живут на земле» Володя Гацков, до того хорошо поработавший на геосъемке.

Помнится, в первом отделе как-то поставили гриф секретности на лист бумаги, разграфленный на квадраты, — заподозрили прямоугольную систему координат. А это была заготовка таблицы футбольного чемпионата, где пермская команда всегда занимала шестое место — или сверху, или снизу, но почти всегда шестое. В последнем случае наблюдательная официантка в столовой на базе команды замечала:

— У нас нет команды. Вот раньше, бывало, в первой лиге играли — придут с тренировки, столы сдвинут, сядут вместе, а нынче все поврозь.

У нас команда была!

5

Викторин с кампанией улетали в Саратов, на совещание по разработке. Остальные в Москву: Дулепов, Шершнев, Гацков в министерство, Калабин — в головной институт, я — с полигонными делами.

Самолет Пермского авиаотряда на Москву отложен — туман, Домодедовский аэропорт закрыт. И в Перми туман. Состояние радостно-подавленное, близкое к полуистерическому.

Спецрейс на Нефтеюганск тоже задержан. Летели вышкомонтажники — их называли геологами. Они вписали в список какого-то парня.

— Поймают, — сказал он.

— Не бойсь.

Самолет взлетел, и земля стала топопланшетом. Туман рассеивался — сначала проступили деревья, потом дома и, наконец, солнце пробилось. Туман еще стелился по бетонке. По бокам полосы горели прожектора в желтых обечайках. Облака — вдоль Камы. Лес превратился в аккуратные темные массивы, и тени деревьев иго-

лочками падали в одну сторону. Солнце — яркий слиток, костер на реке, он шел по меандрам, затухая, будто кварц в поляризационном микроскопе при скрещенных николях. Осень — нежная зелень. Трактор разворачивался. Снег прижимался к лесу. Высота 9600 м. Видны снег и леса — белое и черное. На горизонте белесая полоса и выше — густо-синее небо.

Ночной экспресс, музыка по круглосуточной программе «Маяк» — «В пещере горного короля», и сердце бухало в лад большому барабану и тарелкам. Я шел пустынным городом от площади Свердлова через Кузнецкий по Неглинной на Трубную. И всё, что я видел — Большой театр, центральный универмаг, банк, магазин «Охотник», будка чистильщика обуви, биржа Москонцерта, рестораны «Узбекистан», притихшие дома, — всё это жило двойной жизнью. Дома со Свечкой вспоминали, как мы идем с папой по Неглинке ночью из гостей, и он рассказывает о реке Неглинке, которая течет у нас под ногами в трубе. Когда-то можно было удить рыбу на заросшем травой берегу Неглинки. В одной стороне — холмы, на которых частокол Кремля, а в другую — слободы печатников и наша — колокольных мастеров.

Есть апокриф, что когда-то на том месте, где река Неглинка впадает в Москву-реку, было село суздальского тысяцкого Кучки, и увез он сюда, в глушь, жену-красавицу от глаз князя Юрия, тучного и женолюбивого; но поспешил за красавицей князь, и убил Кучку, и остался в его селе, и веселился с гостями, и город основал — на крови, на любви.

Колокольников уходил в гору, по-ночному таинственный, — «Ремонт пишущих машинок» на углу, подъем вправо. Гроном шаги отдавались, и сердце стучало: я дома. Вот он, дом. В сорок четвертом августовским вечером я с мамой возвращался из пионерлагеря и увидел кадры освещенных окон, затемнение сняли, шторы унесли в кладовку.

А утром: я иду, шагаю по Москве — хо-хо! Озабоченный утренний московский люд спешил по Сретенке. Я провинциально вглядывался в лица прохожих. Двадцатилетним время лепило других — костюмы в стиле «диско», нейлон-биатлон.

Свечка ворчала:

— Носишься по Москве, от тебя псиной разит! Порхающий скунс — вот ты кто!

— Свеча, я тебя люблю.

- Рожа такая.
— Ты меня будешь кормить?

6

Проект работ на Дороховском полигоне надо утвердить в Министерстве с множеством согласований. После гонки по кабинетам я пригласил Шершнева сходить на отборочный матч СССР — Исландия. Он обычно активен. И с одной рукой почти со всеми домашними делами управлялся, даже ковер выбивал. Не мог только затянуть ремешок часов. Но он устал от московской беготни.

- Осень, дождь. Исландия — слабая команда.
— Я купил билеты.
— В номере хороший телевизор.
— По телевизору — это не футбол.
— Ладно, не пропадать же билету.

Прожектора давали рассеянный театральный свет. Голубоватый воздух будто припудрен. Вспыхнула береза в свете прожектора. Мы шли, и весь прямоугольник света с каждым шагом заваливался назад. Игра уже началась. Повторы моментов на табло были коричневатые, вирированные. Народу мало. Исландия — слабая команда.

Хусаинов паснул Ольшанскому. Шершнев аналитичен.

— Прокинь мяч мимо опорной оси защитника! Он и повернуться не успеет. Дай пас на дальнюю ногу.

Шавло получил мяч на грудь, движением барса мышцами груди сбросил, стряхнул его удобно на ногу, финтами раскидал защитников, пробил.

— Хороший пас — на недодачу. Хороший игрок, близко к себе не подпускает.

Вожаку явно понравилось на стадионе.

— Ребята грызли газон. Посмотри-ка, лед под ногами как пластинки пегматита — письменный гранит, еврейский камень. Письмена-то как хорошо видны.

Он паснул мне льдинку.

7

В головном институте встретился с Вадиком. Поговорить нам не дали:

— Вадим Иванович! Где Чахмахчев?

- Его сегодня не будет.
- В Госплан приехал Нестеров из Тюмени! Сам Нестеров! Тогда поезжайте вы с материалами.
- Я тебя подожду.

Ходил по коридору, выстраивал разговор с Гогоненковым, начальником ЦГЭ, то есть Центральной геофизической экспедиции. И вдруг увидел Рено Арутюняна.

- Я слышал, ты в Перми работал у Винниковского. Я ушел от него. С ним невозможно: везде нефть, везде перспективы.
- Я с ним сработался.
- Ты как Жозеф Фуше. Или Микоян. Кстати, здесь в ИГиРГИ у Хачатряна есть вакансии, но он меня не хочет брать.
- Почему?
- Боится. Говорит: в одной лаборатории будет созвездие — Хачатрян, Мкртчян и Арутюнян. Что скажут?
- Вадик подошел, спокойный, как БТР.
- Ну что?
- Показал наши графики, и все успокоились.
- И Нестеров не спорил?
- Не о чем спорить.

8

Прежде чем идти в министерство, нужно получить множество виз. Прежде всего — подписать проект Гогоненковым.

В приемной Гогоненкова объявушка: «Если вы курящий, то будьте любезны и покурите где-нибудь в другом месте». Секретарша Римма Сергеевна — моложавая, в брючках — дымит вовсю. Другая — Линочка — говорит по телефону то по-английски, то в нос — по-французски. Тоже с сигаретой.

— Смотри, принесли начало доклада. Какого рожна им надо? Целая пачка, а конец неизвестно когда принесут.

— У меня что-то с колготками. Римма, посмотри, что происходит, когда я надеваю сандалии...

Я стараюсь не смотреть.

— Какая пачка бумаги...

— И вот они ползут и ползут, совсем сползают.

— Мне возьми ряженку, сосиски...

Я ждал-ждал, да и вошел в кабинет Гогоненкова.

— Я из Перми!

Он осадил меня:

— Подождите в приемной. У меня финская делегация.

Жду еще час.

Гогоненков выходит: приезжают венгры. Говорят, что центр города перекрыт — встречают Бабрака Кармаля.

Вдруг — Шершнева и Володя Гацков. Радость — свои! Что-то светлое обволакивает душу.

Гогоненков:

— Добрый, добрый день, Константин Степанович! Прошу вас! Вы с Урала!

9

Возвращался в Пермь я на фирменном поезде «Кама» в компании с механиком из «Пермнефти» Иваном Гавриловичем Желниным. Мы расположились на верхних полках. Он неторопливо рассказывал:

— Мне сказали — надо ехать в министерство, там собирают всех, кто занимается импортной техникой, именно «Катерпиллерами». У нас всего два «Катерпиллера» Д-9-Ж. Еще три трактора «Камацу». Они по первым месяцам капризные, плохо заводятся зимой, в отличие от «Катерпиллера». Как-то у «Камацу» вывернулся болт крепления фланцев сателлитов. В результате болт попал между зубьев шестерен и поломал зубья. Еще обещают «Интернейшн харвестер». Но это так, к слову.

Интересно, думаю, послушать про «Катерпиллеры». Еще хотелось увидеть в Москве Лещенко, Камзола и других трубадуев. Сердце еще в самолете начало давить. Мыкаюсь с гостиницей туда-сюда — нет местов нигде. В министерстве дал рубль вахтеру — он говорит: иди в нашу служебную гостиницу, примерно рассказал, где. Иду, расспрашиваю — дело к вечеру. В переулочке — парень гривастый, видать, разбойник хуже моего Сашки — тот ведь опять *разбил* сестру свою, мою дочь, значит.

Спрашиваю:

— Молодой человек, а где здесь гостиница нефтянская, не знаете ли?

Он остановился:

— Гостиница, гостиница... Закурить не найдется?

— Сейчас... Товарищи идут, они дадут закурить...

Я бросился назад, к вахтеру:

— Ну тебя к черту, чуть не раздели меня посреди Москвы.

Кое-как устроился у него. Всё по-домашнему — чайник есть, уют, зеркало. Чего еще нужно?

Утром в министерство направился — в транспортный отдел, к Евдокии Михайловне. Она мне и говорит:

— Вот что, Иван Гаврилыч, пойдете на прием в американское посольство, там будут представители фирмы.

— Епишкина мать!

— Да не волнуйтесь, всё будет окэисто...

Внизу тоже тихий разговор.

— Я ходила на Яака Йоалу.

— Это ВИА?

— Нет, это единственный певец. Билет три рубля, и нагрузка — симфонический концерт.

— А какие пластинки везете?

— «Модерн токинг», «Листья желтые», «Ласковый май».

— «Ласковый май» — какие вещи?

— «Белые розы» и еще несколько вещей.

— ...Конечно, я волновался, — продолжал Иван Гаврилыч. — Ладно, что встретил Витьку, знакомого тюменца. Сердце жмет. Я — глядь на свои ботиночки, а на них грязь еще пермская, балатовская. Вижу — стоит не девушка, а букет, на груди табличка, написано по-английски — Tatjana Averina. Я говорю:

— Танечка, дай мне, пожалуйста, щеточку ботинки почистить, неудобно перед иностранцами.

Она нажимает кнопку, выходит под вид негра. Корочки мои надраил в лучшем виде. Я хотел ему заплатить, но вспомнил, что Евдокия Михайловна велела никому ничего не платить. И еще сказала: главное — не напиваться...

— Одиннадцать часов. Спать пора.

— Спать в одиннадцать часов!

— Бывает, что и в девять. С женой любовь бывает — до утра не заснешь. После отпуска-то.

— С женой-то любовь — так я и поверила!

У солдаты губы сладки,

У вдовы-то медовы,

*А у мужней у жены
Да как пельмени аржаны.*

— А с кем любовь-то? С дамочкой, что ли?

Начали задавать вопросы по «Катерпиллерам». У меня вопросов мало. У магаданцев полно — у них «Катерпиллеров» море. Должен сказать, что американцы многие — вроде нас, с брюхами, да еще ремень расстегнут, брюхо выпустят, пиджак нараспашку и подкладка вся в цветочках. У нас тоже население полное в основном стало. Говорят, мяса нет, а брюхо растёт, растёт.

— Плюшками балуемся, как сказал папа Карло, который живет на крыше.

— Это верно.

Главный американец говорит:

— Когда ленч будем делать? — Ленч, по-нашему, это пьянка. — В час или в пять?

Все заорали: «В час! В час!» Только магаданцы кричат: «В пять! У нас много вопросов по «Катерпиллерам».

Американец говорит:

— Все вопросы мы можем решить при неформальных контактах во время ленча.

Ленч — напомним, по-нашему — пьянка — начался в час. Это был деловой обмен на чисто русском народном языке.

В баре подавали всё. Я выпил виски, это вроде нашего самогона. Потом взял водки, и сразу сердце отпустило. Потом Витек говорит:

— Ваня, мне одному неудобно, давай вместе попробуем со льдом.

И поехало — то со льдом, то с содовой, то коньяк, то джин с тоником — мотор барахлит. Вот так, Советский Союз глазами американцев. А принял водочки московской — враз отпустило. Уходил конем, и Витьку вкривь-вкось допёр до выхода из посольства, где будочка милицейская. Вот так, милый друг, картонна шаньга. Век, понимаешь, нейлона, биатлона, атома, молекул, быстросчетных машин.

*Эх-ма,
Да не дома,
Дома,
Да не с молодой женой,
С молодой женой,
Да не в обнимочку.
Эх-ма, щец бы покусилей
Да п... потесней.*

Наши же до Перми добирались с приключениями. Калабин рассказывал:

— Пермь не принимает по метеоусловиям. Задержаны все пермские рейсы. В Москве — туман. Домодедово закрыто. Я стоял у стены, боялся отойти и потерять место. Сутки стоял. Дулепов уехал в город, договорились о встрече. Дулепов приехал, меня не нашел и уехал на поезде. А я улетел! Как улетел? Вдруг ночью приоткрылся Свердловск. Я быстренько билет выправил на Свердловск. И другие рванули. Народу набилось в накопителе на три рейса. Вела самолет Смагина — не слышал? Ну что ты. Заслуженный пилот СССР, единственная женщина в стране — командир корабля, наша, из Пермского авиаотряда. Сел в кресло, перевел дух. Смагина спрашивает: «Кто до Перми?» — оказалось семьдесят человек. Истинных свердловчан — трое. «Куда летим?» Все заорали: «В Пермь, в Пермь!» Смагина: «Нет, я отвезу этих троих в Свердловск, а потом своих в Пермь». В Свердловске сели, надо дозаправляться, надо выходить из самолета. Смагина говорит: «Мои пассажиры устали. По правилам можно не выходить, если рядом будет пожарная команда». — «У нас ее нет». — «А это уже ваша проблема». В Перми опять туман. Сели все-таки. Оказывается, Земля ведет до 150 метров, ниже легчик действует сам. Смагина посадила самолет, вышла в салон, говорит: «Вот когда такую глиссаду заложишь, «под шорох твоих ресниц», что пассажиры не заметят посадку, говорят: сразу видно, женщина посадила. А если «козла» заделаешь — э, чего с бабы возьмешь».

Викторин с кампанией из Саратова в Пермь тоже возвращались с приключениями. Застряли в куйбышевском аэропорту Курумоч. Викторин догадался — сходил к администратору, взял направление в гостиницу «Полет». Опять же дорого — в Саратове за время конференции и последующего симпозиума в ресторане «Волга» поиздержались. Завтрак — три рубля, обед — пять рублей, ужин опять же трояк. Сидели пять суток. Хорошо, что ВДВ взял с собой деньги на пальто — двести рублей. В итоге пальто проели. Не пропили, а именно проели, вот что обидно. Да, еще — купили колоду карт, резались пять суток. Первую колоду истрепали — вторую купили. По дому истосковался — «Весь день стоял как бы хрустальный». Как учил Михаил Жванецкий: «штучка для знатоков».

Из сводок по Уфимскому плато у нас были две книги Василия Наливкина. Папе-академику за девяносто, сыну Василию, то есть молодому Наливину, членкору, стукнуло шестьдесят. Дмитрий Васильич тогда пришел в лабораторию сына:

— Ребятки, посоветуйте, что подарить Ваське на 60 лет? Машину он не хочет.

Забавный снимок в книге молодого Наливкина — Титечные горы, формы рельефа, напоминающие «Спящую Венеру» Джорджоне. Нам удалось найти точку, с которой был сделан снимок.

Река Уфа изгибается, рыбаки на льду. Солнечный день, лесовозы тянут хлысты — они мотаются по дороге. Придавленные хлыстами полосы снега матово отсвечивают на солнце — снег уже предвесенний.

Мы разыскали солидный том на хорошей бумаге из серии «Фундаментальные труды зарубежных ученых» — «Континентальные рифты Европы», перевод с английского. Там нашли аналог Дороховской мобильной зоны — грабен Осло, именно раннепермского возраста. Он обстоятельно описан. «Авторы выражают благодарность Европейскому бюро НАТО за финансирование геологических исследований».

— За что натовские «ястребы» дают деньги геологам?

— Понятно за что — в мобильных зонах нельзя ставить ракеты! Пальнешь по Перми, а попадешь в «пермские дремучие леса». Ведь многие грабены, эти продавленные клавиши в Земле, — сейсмоактивные, и НАТО желало бы знать, где надежнее упрятать ракеты среднего радиуса действия. Всё очень просто.

Профессор Милановский из Московского университета выделил нижнепермскую глобальную эпоху растяжений, а примеры искал в Юго-Западной Африке, в той же Норвегии — ничего не знал о наших работах на востоке Русской платформы. Не читал наш скромный журнал «Геология нефти и газа»!

Много, много было забито крепких гвоздей — то не прикатали траншею для ЛДШ, то нет вакуумных трубок для гелиевой съем-

ки — пробы должны быть герметизированы. Герман Михайлов метался по стране в поисках трубок для изоляции гелия. Работы могут сорваться из-за них! Все же в Звездном добыл чертежи установки для отбора лунного грунта.

— Можно сделать у нас это?

— Я не думаю, что это такая тонкая штука, чтобы ее не могли сделать, ну хоть в Краснокамске.

Или история с молибденом. Для структурно-параметрических скважин под ШАК, то есть широкополосный акустический каротаж, нужны долота диаметром 112 мм.

Вадим Курочкин сказал:

— Пусть КС едет за ними в Усть-Каменогорск. Ему дадут. Он умеет убеждать.

Шершневу поехал в Москву. Там сначала заявили: «В стране нехватка молибдена. В Госплане будет крупное совещание по этим делам», — а затем последовал решительный отказ министерства дать долото 112-ОК.

Скважины были пробурены без ШАКа. Больше всех возмущался Патрикеев, классный скоростник:

— В пермских слоях такая неоднородность! А мы хотим бритвой колоть дрова.

— Процесс познания уходит в бесконечность, Виктор Иванович, — утешал его Шершневу.

О первые временные разрезы! И все увидели срывы времен в опущенной части, разрушенную запись на бортах. Геофизики сделали палеопрофили. И оказалось! Дороховский грабен не всегда был грабеном — какое-то время он был горстом! И все увидели, что Дороховская линейная мобильная зона — инверсионна, в миниатюре подобна Байкалу или грабену Осло. Корни ЛМЗ уходят в мантию. Это показала гелиевая съемка — легкий солнечный гелий поднимается из мантии и расплывается по поверхностной гидросфере. Это было то, что старый геолог Хесс называл геопоззией!

Витя Патрикеев, известный стремлением к точности, любимец Шершневу, наконец-то был доволен:

— Настоящая работа. Попробуем сделать шлягер по Дороховке.

Но по своей натуре перфекциониста тянул с картами скоростей до тех пор, пока Шершневу не вскричал: «Пора кончать с патрикеевщиной!»

Владимира Козлова хочется называть «мистер Козлофф». Он смотрел первичные материалы без поправок, хотя у него машины, фотодоты, венгерский плоттер — там всё идет в цвете.

— О, я вижу трещины. Они дышат. Они такие нежные.

Изменения нулевого времени геофизики называют «вздрог». Это слово Марины Цветаевой. Отрицательный знак записи — «отрицаловка». Проходящую волну Козлов называет — «волна-камикадзе». Она дает информацию и погибает.

13

Москва потребовала развернутый отчет о выполненных объемах с таблицами по прилагаемой форме с целью ускорения работы на Дороховском полигоне в связи с мероприятиями Миннефтепрома в свете предстоящего совещания в отделе тяжелой промышленности ЦК. Уф-ф!

Шершневу твердо заявил:

— Нам толкачи не нужны. Эти работы для нас самих, а не для кого-нибудь. Мы должны перейти к убежденному внедрению нового направления.

Дулепов позвонил Денку: «Быстро к Хабибуллину с полигонными делами!» Где развивать добычу в одиннадцатой пятилетке — на Москудье, где вязкие нефти, или на Дороховке, где запасы не так велики, как хотелось бы? Что можно выжать из юго-восточного района? Надо принять решение, надо быстро принять решение, и оно должно быть правильным решением.

Хабибуллин спросил Денка, как проложить трубу на Дороховке.

— На Дороховке нужна доразведка, потом пускать трубу по валу.

— Нам некогда ждать. Уже трубу варят на Павловку. Уже идут разработчики. Генеральный директор имеет кое-какие права. И министр имеет кое-какие права. И значит, они кое-что знают и понимают. Как хотите, так и обижайтесь.

— Зачем тогда спрашиваете, Равмер Хасанович?

Неудач при разбуривании структур не становилось меньше. Дулепов тоже не хотел ждать.

— Дело простое: эффективность разведки — это тонны извлекаемых запасов на метр разведочной проходки. Двести тонн — ты

хорош, десять тонн — уходи. В Гадью загоню, суконцы, куда вертолет по неделям не летает. Гип-гип-ура! У вас такие структуры замечательные. Только нефти нет!

Денк сказал:

— Почему нет? Из скважины 20-Янбаево идет пастообразная масса зеленого цвета — нефтяная колбаса. В мешке привезли.

Дулепов слушал, хищно вздернув верхнюю губу: он начинает тихо-тихо — ничего, товарищи, я разойдусь, разойдусь...

— Гадский род! Вы меня поймите, мужики. Я нахожусь, как на грани лезвия бритвы: туда повернешься — разрежешься пополам, сюда — тоже. Они думали, поставим свежего начальника — и нефть пойдет в трубу? А что толку? Нет! Положение усугубилось в сторону ухудшения, как в период лебединой песни Спартака Ароновича. Напихали план, и фифти-фифти. Их там, московских чиновников, которые директивы плодят, столько развелось — до Урала раком не переставишь. Да мы и сами — вспомните период двадцатилетней юности, когда все мы были румяные юноши. А сейчас мы раскорячились, не знаем, куда идти. Перрончик тронется, вокзал останется. Бумагами завалились! Давайте не будем КВН устраивать. И еще — амбициозность заедает. У одного наследственная, и у другого веками в генах сидит. А мне на это наплевать! Никто не должен говорить «это не мой вопрос». Надо говорить: «я попытаюсь решить этот вопрос». Где это ТЭО, где эта красная книга с золотым тиснением с запасами, которые намотали на эту пятилетку? Где теперь этот высокий блондин в черном ботинке?

Только один разик Дулепов похвалил нас. Но как похвалил? Сказал, что стихи сочинил:

*Радуюсь я — труд моей публики
Вливается в труд моей республики.*

Потом вспомнил: да это же Маяковский!

14

Дулепову нравился Володя Гацков:

— Он пока небитый, некатанный, нешишकाстый, но парень способный, не то что те молодые таланты, что по московскому асфальту ходят, ни одной нефтяной ловушки не пощупали, нефтянского пороха не чуляли.

По аэрокосмосу наша территория оказалась «разлинованной» узкими ЛМЗ — линейными мобильными зонами тиманского, шотландского, лох-несского — одним словом, северо-западного простираения. Скважины, пробуренные в опущенном блоке, часто имели не повышенную мощность отдельных комплексов, а пониженную, то есть блоки могут быть инверсионными, то есть ходили вверх и вниз.

Наш район — карстовый. В Черногории, откуда пошло само слово, на Высоком Карсте очень трудно жить — земли нет, воды нет. Маршал Тито запретил черногорцам держать коз — объедают последнюю зелень. Нет там текучей воды, нет там рек, ручьи исчезают в земле. Дикие, выжженные солнцем холмы. Камень, известняк, каменные заборы сберегают землю, которой с ладошку. Карст — это губка. Растительность — сливы, оливки, держи-дерево — только на склонах воронок. Всюду камень — ни огородов, ни деревьев. Старики сидят в тенечке поближе к бетонному бассейну с дождевой водой, пьют кофе. Побережье труднодоступно — лазурная Адриатика, бухта, красная черепица крыш приморского города Котора. Ни Наполеон, ни Гитлер не смогли покорить Черногорию. Во Вторую мировую войну здесь, на Высоком Карсте, был центр партизанского движения, хотя там нет лесов, негде укрыться. Фашисты сбросили полтораста пленных в Корицкую яму — карстовый колодец, но Высокий Карст не смогли захватить. «Пока мы, черногорцы, а нас много, целых 150 000 человек, вместе с вами, русскими, которых тоже немало — 150 миллионов человек, — мы непобедимы». Высокую Шотландию — Хайленд — тоже не могли покорить ни англичане, ни легионы Юлия Цезаря. Римские валы доходят только до ее границы.

Гацков вернулся с полевых работ — брал с собой старого съемщика Грайфера Бориса Исааковича — из последних могикан. Сбивали снимки с геологической позицией.

— Стереопара — вставляются два цветных снимка, и будто на вертолете летишь. На снимке мы видим неотектонику. Вода имеет минимальную отражательную способность, поэтому темная. Зона растяжения — зона увлажнения.

— А это что?

— Пойма реки, испещренная гравийными отложениями.

— Да как же вы разбираетесь в этом?

— Принцип дешифровщиков: лучше один раз увидеть, чем сто

раз посмотреть. Один погонщик верблюдов попал в Москву. Говорит: «У вас все улицы на одно лицо, все дома, все люди. У нас в пустыне, конечно, одни барханы, но зато каждый бархан свое лицо имеет».

Борис Исаакович Грайфер подтвердил:

— Я не очень-то верил в микродепрессии и морфоструктурные зоны. Но в поле Владимир Гаврилович показал мне, что они существуют реально — депрессия проходит через водоразделы. Карст показал мне.

Гацков:

— Для аэрогеологов карст — первый помощник. Долинообразные понижения в рельефе, заполненные торфяником, мы называем «червячками». Фотоаномалии — крапчато-лапчатые, пупырчато-бугорчатые. Поднятие выделяется по расчлененному рельефу. Индикатор — распределение света и тени. Есть термин — оптическая яркость объекта. Несовпадение аэрокосмоса и бурения не надо замазывать. Может быть, это самое интересное. На высотных снимках проявляется эффект просвечивания: «Лицом к лицу лица не увидеть — большое видится на расстоянии». Чем выше точка съемки, тем глубже видно. Как Есенин угадал этот эффект? Для геологов Земля, разлинованная линеamentами, — неделима.

Как плохо мы еще знаем нашу Землю! В Дороховском районе и вообще в юго-восточной платформенной части нашего края было опускание — сумасшедшие мощности со среднего карбона и до нижней перми, которая обнажена. Что было после перми до олигоцена — неизвестно. Сейчас пермские известняки карстуются, значит, идет подъем. Почему? Столкнулись две плиты — Русская и Западно-Сибирская. Одна нырнула под другую — это называется *subduktion*. Теперь нижняя плита всплывает!

15

Гацков вернулся из Тюмени, где было совещание по аэрокосмосу.

— Они хорошо занимаются аэрогеологией — 57 человек, из них 3 кандидата. Все мужики работающие, осторожные. Без эйфории — говорят: за геофизиками нам не угнаться. Бракуют свои аномалии. Нашим куратором был Георгий Гречко. Как-то он сказал, что космонавты уважают настойку золотого корня. Алтайские геологи обещали привезти корень в Звездный. Гречко: «Приезжайте, ребята».

Когда Гречко уезжал из Тюмени, ему накидали лосятины, оленины, осетра засунули. Позже нарубили рюкзак золотого корня и поехали все вместе в Звездный. Гречко, веселый человек, угощал их коньяком «Хеннесси».

Жаловался, что жалование маленькое — едва хватает от получки до аванса. Конечно, никаких денег не хватит, если пить коньяк «Хеннесси» фужерами. Как в кино: «Мимино, ты что же, в Москву без денег приехал?» — «Как можно без денег?» — «Куда же они девались?» — «Закуска-макуска, туда-сюда».

Спросили жену, понравился ли осетр. Та удивилась: «Какой осетр?» Оказывается, Георгий Михайлович все подарки по дороге раздарил!

16

Дулепов потянулся:

— Чего пришли? Приснилось мне 3.12 сего года — по скважине 57-Енапаевка водоносный керн получен. Вещий оказался сон. Вы по какому вопросу?

Гацков:

— Мы взяли быка.

— За рога?

— Пока за один рог.

— Мне надо врубиться.

— В Свердловске есть Плюснин. Он знает каждую трещину на Урале. Он знает Урал, как свою квартиру.

— Будет вам Плюснин.

Плюснин говорил час. Потом полчаса отвечал на вопросы.

Гацков:

— Причины смены левых сдвигов правыми?

Плюснин:

— О, этого вопроса я ждал. Дело в том, что литосфера — это гироскоп. Она имеет не только ось вращения Земли...

— Как определяется знак?

— Давайте детально посмотрим, как определяется знак.

Плюснин показывает пересечение руками. Так летчики объясняют свои маневры.

— Причины тектонического вальса?

— Ваш вопрос планетарный. Нужен часовой доклад.

— Что нам Урал, ребята? На Русской платформе всё по-другому. Разломы редки.

— Безумный Фредерикс их находил.

— Он находил мифические взбросы. О реальных нарушениях слоев до нас никто не ведал.

Дулепов:

— Владимир Гаврилыч, что узнал в Тюмени?

— Узнал, что не зря летали ребята в космос! Узнал, что не зря работают орбитальные станции «Салют» — их и для нас, геологов, сделали! Узнал, что есть планета Земля, и ее надо уметь сфотографировать! Скажем, инфракрасная съемка изучает собственное излучение разных горных пород, тепловой поток Земли; радиолокационная съемка дает крупные нарушения.

— Владимир Гаврилыч, а это что такое — многозональная съемка?

— Эти снимки сделаны для нас на «Салюте-шестом». Сопоставляются серии зональных снимков с использованием спектрального образа объекта съемки...

Дулепов:

— Что ты видишь? Почему ты видишь?

— Достигается ежедневным упражнением. Гридин говорит — я вам свои глаза не вставлю.

— Я ничего не понял. Но если вам это надо... Я сделаю всё, что могу... Я на вас надеюсь, ребята...

17

Скептический Денк оказался прав: из трех полигонных скважин две у нас забрали для доразведки Дороховского вала. Стране нужен метр проходки — кривой, косой, горбатый!

Мастер говорил грубым басом:

— Ты мне не рассказывай свои нюансы — я мужичок-буровичок, мне нужны трубы, глинопорошок. Вот дорога, вот «Катерпиллер». Если директор Яцкевич захочет, он всё найдет, всё сделает. Наше дело какое? Нам трубы давай. Тогда мы будем давать метры бурения.

Только одну скважину и отстояли. Для Денка не было нерешаемых задач:

— Нужен отвод земли под скважину — приезжаю в колхоз, иду к секретарю парткома, говорю про планы партии, «народ и пар-

тия едины» и так далее. Секретарю деваться некуда. Говорю уверенно. Говорю: эта скважина нужна для решения стратегических задач.

И это правда. Единственная наша скважина — №11-п — решила поставленную задачу. Она пересекла плоскость сброса! Из разреза выпала верхушка турнейского яруса. Профессор Долото дал правильный ответ!

Дороховский полигон стал любимым детищем всего института ПермНИПИнефть — сектора неструктурных ловушек, сектора тектоники, сектора гидрогеологии, аэрогеологов, проектировщиков бурения, подсчетчиков запасов, исследователей нефти. С нами родные пермские геофизики, структурщики, московские и свердловские геологи. Мы сделали всё, что могли.

«И даль свободного романа я сквозь магический кристалл еще неясно различал». Кристалл — это приятно для уха геолога. Что дальше? Что же дальше?

18

В Пермь приехал Карягин из Куйбышева — на своем полигоне они изучали на бортах ККСП выклинивание пластов «на ноль» — как раз кутуковскую задачу, которую мы отвергли. Параллельно с ними работали москвичи на американской станции. Они работали пьезометодами.

Мне понравилась манера доклада Карягина:

— Происходит схлапывание газового пузыря. Что это? Да пузырь лопнул. Камера разрегулировалась, появились явления, которым я не нашел другого названия, как *чавканье* или энергичное чавканье...

Но эффекта от выклинивания не получено. Шершневу спросил нашего корифея Владимира Ланцева:

— Мы сумеем или нет взять такую ловушку?

Тот покачал головой:

— Сегодня не можем. Мы делаем всё, чтобы наш инструмент как можно скорее устарел. Нам приходится осторожно подкрадываться. Геологи — традиционные оптимисты. Мы ищем не золотую россыпь. Мы не можем рассчитывать на «золотой сундучок» на дне карстовой воронки.

— Прямо спрошу: завтра сумеем взять?

— Прямо и отвечу. Послезавтра. Может быть.

Глава 38. Вчера наступило внезапно

1

Тетя Корочка написала мне письмо: «Большая просьба к тебе, Сенечка. В Перми есть институт бытовой химии. Замдиректора бытовой химии Пашков Октавий Леонидович — автор технологии обогащения лазурита. Узнай, пожалуйста, нельзя ли у них за наличные деньги, или еще как-нибудь получить хоть немного концентрата. Я сейчас составляю альбом выкрасок синего цвета для атласа минеральных пигментов, и в нем недостает оттенков».

Я отправился в институт бытовой химии.

— Лазурит? — Пашков задумался. Он прочно сидел в кресле, положил руки на стол, смотрел на меня и думал. Его тихий голос был рассчитан на то, что он будет услышан, каким бы тихим он ни был. Он был деловым человеком в роговых очках, занятым и усталым.

— Нет, лазуритом я сейчас не занимаюсь. Наш институт изменил профиль, мы занимаемся только бытовой химией. Моющие средства... — Перед Пашковым лежала программа совещания и стопа докладов. — Да, моющие средства, отбеливатели...

— Ну что ж, на нет и суда нет.

— А когда-то я занимался лазуритом.

Его слова предполагали как будто и продолжение разговора.

— Толстихину я знаю по публикациям. Вы знакомы с ней?

«Рассказать ли о Москве сорок первого, разбитом доме Корбюзе; осколки стекла нестерпимо блестят и хрупают под ногами? Или о Москве сорок четвертого? «Приходи к нам сегодня ужинать, Сеня. Сегодня будет омлет». Омлет! Даже банка из-под яичного порошка ленд-лизовского помнится, покрытая слоем парафина, — проведешь ногтем — срезается, скручиваясь, тонкая парафиновая стружка. Или рассказать о книжке, которую дала мне когда-то Конкордия Ивановна — «Цвета минералов» Ферсмана?

Я встал, посмотрел в пасмурные глаза Пашкова:

— Да, я знаком с Конкордией Ивановной.

— Подождите. Куда вы так спешите? Вы что, лазуритом занимаетесь?

— Нет, я нефтяник.

— Я долго занимался лазуритом, очень долго. Мы сами лабораторную установку сделали. Из двух килограммов руды получали

пятьдесят-шестьдесят граммов концентрата. Я могу вам много чего рассказать о дебрях обогащения.

Пашков нажал на кнопку и сказал в микрофон:

— Зою Афанасьевну.

Он повернулся ко мне:

— Так вот, о дебрях обогащения. В Иркутском управлении не могли получить даже пигмента. Да и у нас — один тигель хороший, а другой — чуть синеватый.

«Зачем мне это знать?»

— Зоя Афанасьевна, человек лазуритом интересуется, Толстихи-ну знает, — Пашков выдвинул ящик стола, для чего ему пришлось сдвинуться к стене со своим вращающимся креслом, и достал кусок известняка. Васильково-синие вкрапления неравномерно проступали по вмещающей породе. Я потянулся к камню.

— Да вы сами посмотрите. — Пашков поворачивал камень перед глазами, как бы предъявляя синие глазки. — Все оттенки — от насыщенного, почти темного ультрамарина до цвета сыворотки. Делаешь шлиф из этого, из этого, вот этого, самого синего — видите, холодный огонь, и получаешь нечто бесцветное, интимнейшее прорастание. — Он откинулся в кресле.

Зоя Афанасьевна сидела, потупившись, бочком, кутаясь в платок.

— Я занят, занят, товарищи. — Пашков поршнеобразным движением ладони как бы выжимал из кабинета входящих. Они потоптались на пороге и ушли. Пашков говорил медленно, раздумывая.

— Мало, очень мало у нас лазурита. Слюдянка на Байкале, да еще на Памире бог знает на какой высоте нашли, его и зовут — «камень неба». Англичане обогащают афганский лазурит, из Бадахшана. Фирма «Ньютон» этим делом занимается. У них еще есть лазурит из Анд. А мы работали с иркутским сырьем. Вы видели — материал очень и очень неяркий, из полосы мраморов в докембрийских гнейсах, прорезанных пегматитовыми жилами.

Почему-то лазурит ро́дится или на заоблачных высотах, под синим небом Анд или Памира, или у самой синей в мире воды — на Байкале, где жили когда-то Толстихины и друг их молодости Николай Охлопков.

Зоя Афанасьевна, смущаясь, сказала:

— Совсем мало на земле синего цвета. На востоке говорят: Аллах отдал небу весь синий цвет, земле ничего не оставил. Скрижали, данные Моисею на горе Синай, — из лазурита.

Она провела пальцем по столу, как будто стирала пыль, и движение было совершенно девическим.

И тогда я прочитал «Синий цвет». Пашков слушал стихи, скрестив руки и опустив голову. Я взглянул на него — поймёт ли, что весь мир залит синевою, и в слезах плачущих родных на похоронах моих — синий цвет, и синий дым мглы над именем моим — тоже синий цвет, и как это по-грузински звучит — мглы-над-именем-моим...

Пашков ослабил галстук.

— Строго говоря, Пастернак написал свои стихи, это никак не перевод. Для Бараташвили синий цвет недосыгаем, а он тянется, тянется к нему. Так Лукницкий на Памире шел за лазуритом — ляджуаром — лаявартом-асмани... Вдруг увидел в осыпи обломок лазурита. Поднял глаза — ничего понять не может — то ли небо, то ли камень синий... А Пастернак перевел так, что весь мир погружен в синее. Впрочем, у Есенина и земля голубая, и песок небесный — «не видать конца и края, только синь сосёт глаза». Везде, везде синий цвет, и всё же он недостижим. Я-то знаю, как выжимать ультрамарин из невзрачного камня. Это тайна — как Есенин ищет синий цвет: «сирени шелест голубой», «сад в голубых накрапах», «май мой синий, июнь голубой».

Вот так. А ведь я хотел удивить Пашкова — сухаря в роговых очках, делягу с каренинским голосом, с зажимом для галстука; «Синий цвет» читал, формулу лазурита силился вспомнить!

— Настигал — вот он, ультрамарин, «синий свет, свет такой синий, в эту синь даже умереть не жаль» — и опять он уходит, растворяется — скользящее отражение, бесконечный мотив синего — блюз! — фонарик ультрамарина — «несказанное, синее, нежное» — «предрассветное, синее, раннее»; он снился мне — синий свет в глухих уголках фонарика...

Пашков достал золотое перо и порывисто начертал на бланке ажурный китайский фонарик кристалла ультрамарина — полость, окруженную тетраэдрами. Внешняя красота минерала — отражение его внутренней красоты...

— Айседора его именно за красивые глаза полюбила. Он всё знал про себя — «кто-то тайный тихим светом напоил мои глаза», а потом — «были синие глаза, да теперь поблекли». Плясунья ему шепчет — «залатая галава, синие глаза — блю айс», а потом — «черный человек глядит на меня в упор, и глаза покрываются голубой блевотой» — «блю воте» — голубая вода — он не боялся ничего, и грязи тоже...

Было короткое время зимних сумерек, когда наливаются синим снег за окном — и отгорает, отцветает...

— У меня был великий колориметрист — так он на миллимикрон в цветовом тоне ошибался. Мы его по спектрографу проверяли. Скажет — 465 миллимикрон, а по прибору — 467. Глаз-алмаз!

Пашков, кажется, проследил мой взгляд в окно, посмотрел на часы.

— Я тоже это время жду, когда синь. Люблю смотреть на небо, на облака — волнисто-угасающие, легкие; как солнце просвечивает, расправляет их края — переливчатые. В Бразилии «всё голубое» — значит «всё хорошо».

Это как линия Бекке в шлифе — вспомнилась петрография; в классификации погасаний такое называется волнистым. Я посмотрел на Зою Афанасьевну, в ее туманные глаза, как будто вода в озере, когда нет ветра, и облака отражаются. А если ветер — «заметался пожар голубой» — петельчато, ветвисто колыхнется вода.

— Зоя Афанасьевна, — сказал Пашков, — у нас ведь осталась малая толика лазуритового лазурита. Реставраторам, поди, не всё отдали. Мы порошок в Эрмитаж отдали (ко мне повернулся). Для синей мантии Мадонны Литта.

Эрмитаж? Мадонна Литта?

— Синий плащ пострадал от ультрамариновой болезни. Молекулы краски распадаются.

Будто увиден был синий плащ Мадонны Литта, и синий цвет был повторен в узком высоком окне далеким пейзажем в голубой леонардовской дымке. Сфуммато, дымка — Леонардо умел передать воздух. Синий плащ покрыт еле заметной паутиной кракелюр — трещинок живописного слоя.

— Я же точно знаю, Зоя Серафимовна, что у вас должен быть энзе. Ну-ка, смотрите в глаза. По глазам вижу, что должен быть. Так сколько у вас энзе?

— С килограмм будет.

— Давайте отдадим Конкордии Ивановне половину.

И вот я иду по длинному коридору и несу полиэтиленовый пакетик с синим порошком, как будто синюю птицу сжимаю в руке. Длинный загибающийся вдалеке коридор — как в «Солярисе»; гудят вытяжные шкафы по стенам. Мне захотелось обернуться.

Табличка на двери, которую закрывала за мной Зоя Афанасьевна — «Лаборатория подсинивающих средств».

Дулепов показал мне бумагу — приглашение на семинар Гридина в московской «Центргеологии».

— О Гридине я много слышал. Поговори с ним. Мы можем предложить ему договор.

— А деньги, Юрий Аркадьевич? Ведь мы на картотеке, деньги из Мытищинского банка берут спецрейсами.

— Деньги — не твое дело. Приходится контактировать с братками, какими-то вороватыми структурами. Они кишмя кишат, откуда-то вылезли. Деньги, как говорится, срочно перевозжу факсом. Но ехать надо — за идеями!

На первое занятие семинара я опоздал. Гридин разглядывал меня поверх очков.

— Между прочим, я читаю небольшой курс дешифрирования снимков нашим уважаемым космонавтам. Они отнюдь не супермены, отнюдь. Они точно такие же, как и вы, только учатся чуть-чуть получше. Почему? Если у космонавта в зачетке не появится в соответствующее время соответствующая закорючка, то он автоматом вылетает из группы подготовки. Дело очень и очень простое.

Сосед читал антисоветскую газету «Атмода», здесь ее в каждом киоске «Союзпечати» продавают: «Что Литва делает, а? Неужели отвалит?»

— Та-ак. Теперь разворачиваем рулончик подлета к Могилеву со стороны Чернобыля, ленту гамма-фона. Видите, какая она, эта ленточка. — Кондратьев разглядел ее ребром ладони. — Какая она потрепанная, эта ленточка. Множество людей рассматривало ее. Вот из-за этого, на вид самого обыкновенного рулончика, подозреваю, и покончил с собой академик Легасов. Он ужаснулся. Я сам видел, как у него руки задрожали, когда он разворачивал рулончик. Спрятана она была под очень сильным грифом в большом сейфе у верхнего начальства...

— А как быть с подпиской о неразглашении?

Сосед оторвался от прибалтийской газетки.

— Недавно всё раскрыли. Всё-всё раскрыли. Что надо и что не надо. Хотя мне иногда кажется, вдруг опять придет незаметный человек с усталыми серыми глазами. Впрочем, посмотрим ленту. Чистенькая запись, и вдруг — пик! Шесть кюри на квадратный кило-

метр. И опять пошла спокойная чистая фоновая запись. Академик Легасов не был геологом. Он просто не понимал, почему так легла радиоактивность. Ведь вокруг Чернобыля по циркулю нарисовали тридцатикилометровую зону заражения. Я же увидел, что работают линеаменты. Нет никакой мистики. Работают физические поля. Какие? Сколько? Я честно скажу — не знаю. Знаю, что если летит крылатая ракета, то надо вводить поправку на гравитацию. Знаю, что гравитация реагирует на наш уважаемый рельеф, на красивое слово «линеament». Возьмем Брагинский выступ. Здесь градиентная зона силы тяжести — образно говоря, гравитационная стена. Вряд ли на уступе поставили бы атомную станцию, а на гравитационной стеночке — ничего, соорудили. Космонавт Соловьев сдавал мне зачет по дешифрированию. Он технарь, Бауманское училище окончил. Через месяц полета Соловьев увидел: вся облачность сидит на линеаментах.

У меня в руках жесткая информация. Я знаю, что если радиоактивным частичкам понравились физико-геологические условия, то вы можете снимать слой земли хоть в десять метров. Идет страшный процесс — выброс на громадные расстояния, а высаживается вся эта дрянь как раз на линеаменты. Где же были наши службы? Еще в восемьдесят шестом году простодушный корреспондент писал в газете «Красная звезда»: «Едем в бронетранспортере. С нами радиометрист. Вдруг — повышенный фон, стрелка зашкаливает». Наивный корреспондент назвал это полосовым загрязнением, невольно выдав страшную тайну. Он разбил миф о тридцатикилометровой зоне.

Мы ленивы и нелюбопытны. Это теперь меня активно втаскивают в чернобыльские дела. Одиннадцатого одиннадцатого восьмидесяти девятого года читаю в «Правде» отчет о заседании Политбюро: «Дезактивация не дала положительного эффекта». Горбачев спрашивает Рыжкова: «Сколько всё это стоило?» Вся идеология дезактивации — лопата и руки, ребята, одетые в солдатскую форму. Вот и все. А через две недели фон восстанавливается. Опять приезжают полки так называемой гражданской обороны. Вооружение — опять та же гимнастерка и та же лопата. Я взял материалы Юрия Антониевича Израэля в той же «Правде» и перевел на свою карту. Нет никакой правильной тридцатикилометровой зоны вокруг Чернобыля, а есть громадные вытянутые полосы радионуклидов до пятнадцати кюри, перекрывающие ряд областей страны. Есть пятна в Прибалтике, даже в Сухуми. Но вернемся в чернобыльский

очаг. В деревнях, где фон тридцать-сорок кюри, полки ГО срезают пять сантиметров покрова. «Куда вывозите?» — «На диспозицию». Дис-по-зи-цию! Ладно, люди в деревнях успокаиваются. А через две недели фон на обнаженных песочках почему-то восстанавливается. Почему-то! Опять собирают доблестные полки...

А теперь я скажу вам еще одну поганку, задам совсем детский вопрос. А как же это получается, что мы узнали о масштабах беды только в одна тысяча девятьсот восемьдесят девятом году? Где все-таки были уважаемые службы? Украина и Белоруссия три года как посажены на попу, делая дезактивацию. Та же безграмотная идеология — и в сегодняшних программах. Скажем, коровка пается. Она не знает, что травка дает активный пичок. Она тихо потребляет эту травку и дает нам молочко с радионуклидами, считай, цианистый калий. Потом случайный замер случайно показывает особую грязь. Так вот, коровка не знает, что опасная зона идет до Актюбинска. В результате президент ВАСХНИЛ ломает голову, как дипломатов обеспечить чистыми продуктами. Они ведь даже воду везут свою. Мы просто не в состоянии жить дальше. В Чернобыле вывезли людей в Иванковский район, потому что туда, видите ли, была дорога. А через две недели поняли — зря. Город Славутич построили точно на линеаменте. Помните, показывали, как Михаил Сергеевич с супругой приехал в этот новенький город. Их окружали охранники, какие-то оптимистические строители с красивыми эмблемами на куртках. Специалистов же по нашим делам там не было. А природа не прощает безграмотности.

5

Как же обрадовалась тетя Корочка лазуритовым выкраскам! Тот же абажур, тот же чай с печеньем. Как я обрадовался утренним словам — «Раскурепкивайся, потягивайся, просыпайся»!

Волик как раз пришел из рейса. Игорь приехал из Питера на окончательную защиту. В доме есть спальники и кофе, как в охотничьем домике.

Волик сжал руку в кулак, приложил его к скатерти, ругнулся интеллигентно.

— У, бляга.

— Ты чего это?

— Если бы я попал на ядро, может, не было бы Чернобыля. Тотальное вранье! Тотальное вранье вызывает тотальное засекре-

чивание. И наоборот. Надо учиться не врать. А если врать, то не в кубе, а хотя бы в квадрате. Я всю жизнь на войну работаю! Как-то после жуткого шторма в Японском море я выбрался на палубу, с тоской посмотрел на небо — а оно зеленое!

— Успокойся, буй тур.

— Зато ночью видел дорожку от света Венеры!

Мы разговаривали перед сном, как в детстве — о шурфах, которые мы роем и сидим в них.

— Мой шурф очень глубокий, — сказал Игорь. — Завтра — к Сорохтину, я у Олега подзащитный. Потом надо заехать к Дагмаре Максимилиановне Раузер-Черноусовой — ух, еле выговорил! Тетя Липочка просила захватить камешки с древними морскими ежами. Никто в мире не знает морских ежей лучше, чем тетя Липочка!

Он раскрыл коробку с отпечатками ежей и, дурачась, запел:

*— От силура до девона
Пучеглазый факонс жил,
Лепердицию любил,
От силура до девона
Он гулять ее водил!*

6

К чернобыльскому обрыву подводил Гридин: смотрите же, смотрите, не отворачивайтесь, смотрите — и дно бездно высветлялось. Смотрите, смотрите! Никто нам не поможет, кроме нас самих.

— Копаем дальше. Докладываю: Первое римское. Первое арабское. Поговорим о линеаментах типа самотлорских. Показываю: течет река Днепр. Редкая птица долетит до середины и так далее. Островок на Днепре. Пускаю по рукам аэроснимок. Половина островочка — рябчато-крапчатая, другая половинка — плоская. То есть островок разрезается линеаментом. Если на нем что-нибудь построить, развалится непременно.

Гридин достал альбом из папки, едва помещающейся на столе.

— Название этого документа — «USSR energy», что в переводе означает «Энергетика СССР». Обратите внимание на издателя — «СИА». Совершенно верно — Си Ай Эй, Центральное разведывательное управление. Снимки нашего любимого Самотлора с «Ландсата», старые еще, времен разрядки. Переснимались раз в восемнадцать суток. Приглядитесь к этому снимочку. Вот они — активные линейные зоны земной коры, линеаменты. Какая полу-

чилась интеллигентная фраза. Вот он, Гданьско-Соликамский линеамент — рассекает Европу, чихает на Урал, идет через Самотлор на восток, к широтному Уссури-Ханкайскому линеаменту.

— Эту веселую картинку я рассматриваю, как громадную пощечину нашим безграмотным специалистам. Там у них в Лэнгли, в шпионском, как говорится, ведомстве, сидит ихний какой-нибудь Гридин, вставляет нам пистон и прикладывает нас мордой об стол. Что вы думаете, мы не видели эти линеаменты? Видели. Тем не менее наши уважаемые геологи чихали на них, когда вели разведку Самотлора. А после того как порвались сотни колонн в одной зоне, после того как красиво угробили месторождение — тогда и заметили. Потому что колонны рвались именно в скважинах, попавших в линеаменты.

— Не может быть!

— Что значит — не может быть? Вы из Нижневартовска? Проверьте меня, как честные специалисты. Я знаю, что стихийно правы местные геологи. Вопросы? Кстати: пришла телетайпограмма из министерства: «Вчера Тюмень после временного снижения уровня добычи нефти вновь вышла на уровень, — он сделал паузу, — миллион тонн в сутки».

Аплодисментов не последовало. Гридин обернулся к тюменцам:

— А говорили, для Тюмени триста миллионов — это предел.

— Тех, кто это говорил, уже нет. Их предельщиками обозвали и повыгоняли.

Я поднял руку и встал как школьник:

— А у нас в Перми добыча падает, и неизвестно, на каком уровне остановится. У нас на Среднем Урале найдены раннепермские линейные мобильные зоны. Вы можете нам?

— У нас на Среднем Урале... Поисками нефти не занимаюсь. Всю жизнь занимался, а сейчас не занимаюсь. А прожил я жизнь в страданиях и борьбе. Несколько раз был на грани вылета из партии. Много событий было, есть что рассказать. На меня дело заводили: Гридин-де вводит в заблуждение советскую власть и всю королевскую рать. Говорю всем: я вижу так.

Нефтяники сейчас извиваются. Да и чистые геологи хороши. Начали бурить Кольскую сверхглубокую скважину, и сразу же полетела вся геология.

— Мы можем заключить с вами договор, Виталий Иванович.

— Выкручивайтесь сами. Живите за свой счет. Без меня. Сами.

Са-ми! К геологам могу пойти только в виде троянского коня. Как дело было? Однажды я увидел пятно нефтяного загрязнения на северо-востоке Каспия. Сто восемьдесят туш тюленей-самоубийц, в каждой пасти ведро нефти. Вот после этих тюленей... И еще — бакланов видел, в глаза им смотрел. Перья в нефти, лететь не могут. Тут я налился злобой — закрыть к чертовой бабушке всю нефтяную лавочку! Тогда-то я в первый раз в жизни сердце почувствовал и решил: буду заниматься только экологией. Иначе все пропадем к чертям.

Итак, я пошел к экологам в качестве троянского коня. Сделал карты загрязнения Каспия — по воздуху, по земле. Сердце отпустило. Вышел на ноу-хау, начал стремительно уходить вперед. В Москве меня заметили. Вот карты загрязнения по Белокаменной. Надо сказать, реки — очень чуткие индикаторы, они связаны с линеаменами. А Москва-река — не просто достаточно широкий водоток, петляющий среди холмов — Боровицкого, Сретенского... Сотни миллионов лет, с протерозоя она держит свое русло. Так вот, полоса промышленного загрязнения идет примерно по реке. Смотрите карты. Загрязнение — густой фиолетовый цвет, вытянутое разлапистое пятно, повторяющее изгибы Москва-реки. Говорю всем: я вижу так. А вам я свои глаза не вставляю.

Гридин поднес к глазам часы, как это делает футбольный арбитр в конце игры, сложил карты в свою широченную папку и унес ее, держа прямо перед собой, как хоругвь.

В курилке говорили о Литве.

— Ну что делают, а? О чем думают? Мало им Карабаха, Алматы, Ферганы, Тбилиси, Сумгаита, Кишинева, в Баку заварушка, Литва вот-вот отвалит. Скоро афишу прочитаем: «Звезды зарубежной эстрады — Лайма Вайкуле, Анне Вески».

— Литва поняла, что ей не прокормить Советский Союз, и решила отделиться. Горбачев: «Алё! Литва? Не признал, богатенькими будете!»

Посмеялись невесело.

— Чему смеется? Улыбка наша должна быть очень маленькая и обращена внутрь себя.

— Да куда она денется, Литва. Вот, допустим, баба моя загуляла. Что я должен делать? Разводиться? Нет, сначала я должен ее проучить...

Новые слова — новое мышление, кооперативные туалеты. Сломать стагнацию, партия должна выйти из окопов...

Светлана прислала письмо: «Деньги 100 рублей тебе выслала, а ты пишешь про 75 рублей. Теперь ты наверняка получил и 100, и 75 рублей. А с моей зарплатой плохие дела. Я получила всего 69 рублей. Оказывается, была задолженность 50 рублей. Аванс нам не дали, я заняла 60 рублей, а получку мне не видать, потому что удержали кредит за два месяца. Работы много — добыча не идет, комиссия за комиссией, Дулепов зверствует, и на нас это отражается — Шершневы тоже лютуют. Что еще написать? Мы живы-здоровы, ждем тебя. Я отмочила чернослив, косточки вынула, и туда — орешки с чесночком. С Санчиком встретишься — он уезжает в Москву на экскурсию».

Договорились встретиться у Люси Антоненко в Беляево-Богородском. Люся сказала мне по телефону: «За тобой — горячее, но учти, с этим сложно».

Я вышел во двор к проломленному брандмауэру, нашел старый лаз, проходным двором — к Печатникову и дальше на Рождественский спуск, где когда-то жил Юрка Фомин по прозвищу «Моя мечта» в домике за стеной Рождественского монастыря. Машины неслись к Трубе. Везде облом. Сороковой трамвай выкатился на Бульварное кольцо. Москва-река слитком блеснула на солнце. Незримая фиолетовая полоса нависала над рекой. А может быть, и нет его вовсе, этого пятна, — солнце так славно отражается в воде. По Кировской я попал на Садовое кольцо. Закрывать глаза и плыть по Самотеке... Спиртного — нигде.

Свернул на Сретенку, зашел в угловой гастроном — и сразу увидел Папу Карло, или Железного Кирилла. Он стоял в кондитерском отделе с початой бутылкой алиготе, мешая очереди. Папа Карло спокойно объяснял:

— Это место забронировано. Это мое законное место. Тут пост номер один, а я как бы при знамени. Вот у меня какая сила воли: не хотел пить, а выпил. Нинка, зачем ты употребляешь косметику, зачем ее у цыганок покупаешь? Смотрите, люди, ведь ей не нужна никакая косметика! Хочешь, я дам тебе народное средство?

— Не хочу.

— Не могу, не могу, не могу! Пугачева так и поёт: не хочу, не могу, не буду!

— Кирилл, уходи отсюда.

— Почему ты оскорбляешь меня, русского офицера? Я ездил в Киев поклониться святому Владимиру, а ты...

Тут-то он и заметил меня. Я смотрел на него во все глаза, на великого артиста, известного по обе стороны Сретенки.

Кирилл спросил меня:

— Ты где живешь?

— Жил в Колокольниковом.

— Прозвище у тебя...

— Гуммоз.

— У вас Седой был, он в Печатниковом. С другой стороны Сретенки, в Даевом, тоже был Седой — Юрка Визбор. Ты уехал — куда?

— В Пермь.

— Где это, за Уралом?

— Перед Уралом.

— А, это где эков много? У нас тоже столько развелось пацанов, у которых кулаки чешутся. А если тебе хочется подраться со мной, а мне с тобой, почему бы нам не подраться? Никогда не задавай боксеру вопросов, на которые он не может ответить.

Такой хороший московский трёп.

И вдруг я решил:

— Кирилл, помоги водки достать!

Папа Карло поднял узкую бутылку как пионерский горн, шумно отхлебнул:

— Я тебе помогу, Гуммоз. Хороший сорт — не обещаю. Это раньше было — и тебе московская, и столичная, и пшеничная, и особая, это пятьдесят градусов, и адмиралтейская с кораблями — не то сорок два, не то сорок пять градусов, голова стала — дуршлаг-башка, и петровская, и просто водка — сучок, проще говоря... Ещё андроповка была — тридцатиградусная. Эту коленвалом звали, зеленые бутылки были. Затем посольская, российская, опять же русская, охотничья, юбилейная, чешская, женшневая...

По Сретенке мы шли на Кировскую.

— Опять же возьми настоечки — кориандровая, лимонная, зубровка, горный дубняк, старка, из перцовых — тридцатиградусная, стрелецкая — это двадцать восемь, горилка с перцем — сорок градусов, далее — можжевельная, померанцевая тридцатиградусная, калгановая...

Закрывать глаза и плыть по Самотеке, по Сретенке — дрожащей, малахольничьей, и встретиться в прощальной суматохе с забытым переулком Колокольниковым... Там, внизу, на спуске со Сретенского

холма, на Трубной площади когда-то текла река Неглинка. Эта река и сейчас живет под землей, как живут и другие спрятанные под асфальтом реки — Протока, Черногорязка. И эти невидимые реки тоже лепили висящее над городом фиолетовое пятно на отделиф-рированном аэроснимке в большой папке, спрятанной в сейфе.

— Вижу цель!

Целью был винный магазинчик в Большевиcтском переулке, где-то рядом, говорят, была когда-то Ставка Верховного Главнокомандования. В сорок первом мы уходили с мамой и Свечкой на ночь от бомбежек в метро «Площадь Дзержинского», хотя Кировская была ближе. Но туда не пуcкали.

Торговли еще не было, но говорили, что уже разгружают машину. Дверь распахнулась. Толпа подобралась и вздрогнула; передние дзвыли. Я понял — надежды нет.

— Бабки давай скорее. — Папа Карло сжал деньги в кулаке и пропал в черной толпе. Неожиданно быстро вынырнул, звеня бутылками. — Только зубровка.

В подворотне Папа Карло зубами рванул пробку. Будешь?.

— О! Теперь вспомнил. Тебя еще Мускатный Парень звали.

Хлынул дождь. К вечеру метро подтопило — я еле добрался до Беляево.

— Сенька, как ты доехал?

Снег шел когда-то в Сокольниках, и театр-вахтанговская Таня Бабанова рядом с трамваем заблудилась, и танго такое раскачивалось, и музыка в самом разлете остановилась — сброс, разрыв, и снова, но тихо-тихо, — танго. Ну что поделать — снег идет, и дым, струясь, восходит в небо. По снегу женщина идет, с глазами, светлыми от снега...

— Это ты о чем?

Ладно, это тоже пройдет. Пройдет и заживет. Всё заживет, как заживает детство. Никто не знает, как умела отдувать кверху прядку легких волос и поводить плечиком. Я-то вижу деревенскую девчонку с пажеским квадратиком милого лица, и это всегда будет со мной.

— Юрка, а ты как добрался? В метро черт-те что творится.

— На «Волге», конечно, на «Волге». Служебной, конечно. Ты простой геолог, он простой работага, а я простой советский генеральный директор. Я занимаюсь аэрогеологией.

— Как проходит ваш трудовой день, товарищ генеральный директор?

— Утром я приезжаю на работу, сажусь в кресло. Потом звоню секретарше...

— Хорошенькая?

— Конечно, сам подбирал. Прошу принести кофе.

— Со сливками?

— Непременно со свежими сливками. Потом поудобнее устраиваюсь в кресле, опускаю голову на грудь и засыпаю.

— А как же работа?

— Мне приносят бумаги, и я их подписываю.

— Не читая?

— Конечно. Чего их читать? Я доверяю своим сотрудникам. Потом я снова пью кофе. Потом — дрема. Снова кофе, новая порция бумаг. Мои люди Землю по-чапаевски нутром чувствуют. И так до конца дня. Помню, когда я был в Хьюстоне...

— Хьюстоне! Мы будем звать тебя мистер Петрофф.

— Что хочешь со мной делай — ставь в печь, пожалуйста, только горшком не зови.

Юрка смеялся так, как он смеялся в юности — копил-копил смех, взрываясь, хохотал, запрокидывая голову.

— Люся, ни хт скучай. Комм цу мир, унзере меланхолик бэби. Я тебе расскажу, как это делается. Это очень и очень просто делается. У тебя поправляют галстук, одно легкое движение, вот так, — он поднес руки к воротничку, одно движение, и ты гибнешь. Ах ты, певунья, плясунья, говорунья!

— *Плясать пошла, золотой нашла,*

Что-то, что-то под ногой —

Не еще ли золотой.

— Люська, так это же про мой последний полевой сезон! Это я нашел золотой! Как сказал поэт: если я на то имею право — разменяйте мне мой золотой!

Юрка не мог остановиться:

— Знаки на золото были, и хорошие знаки. Несколько лет мы бурили помаленьку, шурфы били, но кондиции нет, настоящего золота нет! Сомнение меня обуяло — да есть ли оно? По знакам — должно быть! Рядом, рядом должно быть! Решил разобраться за сезон. Убедил непосредственное начальство — повис на ногах, законсервировал работы на олово. Собрал команду людей, которые думают одно, а делают то же самое. Сказал: не обещаю вам ни ры-

балки в новых местах, ни охоты — ничего, кроме жаркой работы. Я лучшую технику собрал. У меня ведь есть инстинкт игрока. В конце июля просёк — золото не в четвертичных руслах, где только знаки идут, а глубже — в погребенном русле, в неогеновых породах. Лето кончается, а мы как в кино каком-нибудь героическом, вроде «Неотправленного письма». Да... Применили колымскую методику Билибина, с Аляски тот взял — grip sampling, быстрое хватание, оперативный отбор проб. Заморозки пошли, а мы всё промываем песочек, золотишко моем. Набралось с портсигар, есть у меня такой японский портсигар с пружинным замочком. И вот мы смотрим на крупиночки золота — не рваного, расплющенного при дроблении руды, а промывного, естественно-россыпного, речного, пескового. Яркого — глаз не оторвать! Ладно. Вызывают меня в Москву по поводу нецелевого использования ассигнований на геологоразведочные работы. Пусть будет выговор — это легкие детские хлопки пониже спины.

Надо успеть карты построить. Остается час и десять минут — давай-давай скорее. Самолет в десять Москвы улетает, и мысль — хорошо, что такая разница во времени, это запас — сжатое время. «Волга» стоит на малом газу — двигатель торх-торх. Надо успеть карты достроить. До последнего чертили — тум-тум-тум.

Остается час и десять минут — давай-давай скорее. Бумаги в папку, графику скрутили, и в тубус. Машина — ж-ж-ж, еле успели к концу регистрации. В самолете чертим карты — тум-тум-тум. Писчую машинку «Эрика» — с собой, в самолете промышленные запасы досчитали, трогательная цифирка получилась, текст допечатали.

Ладно. Приезжаем на Грузинскую, заходим в кабинет к министру; в зоопарке гуси орут. Козловский берет в руки портсигар с золотом — и роняет его! Тяжелый оказался, портсигарчик-то японский! Докладываю: в нашей стране открыт новый золотоносный район. В текущем сезоне проведена его промышленная оценка. Вопросы есть? Вопросов нет. Попробуй мне не дать деньги на следующий год. Погодите, картинку нарисую. Я расскажу про свою палеоречку. Мои речные пески тоскуют по золоту, рыжему, как солнце, вот как твои волосы, Люсенька. О, о! — как я запел.

Нарисовал картинку, полюбовался. Вскричал:

— Есть такая партия! Но мы пойдем другим путём. Всё, шляфенгемахт, куда же ещё?

— Эк завернул.

Юрка Петров:

— Не надо никаких ворчалок. А то я ударюсь в теоретизирование. Гранитные материки — окалина нашего шарика. Ниже — что-то вроде Оливинового пояса, куда полез инженер Гарин. А откуда взялся наш голубой шарик?

— Ну тебя понесло!

— Было какое-то газовое облако, так? Потом был Большой взрыв — Биг Бенг, когда протон начал расширяться. Это придумали Хаббл с Фридманом.

— Фридман — наш, пермский.

— У тебя все пермские! Разнесу! И вот я стою перед вами — именитая, деловитая, знаменитая, прямо как в кино...

У Люси такое милое измученное лицо. Леди Мадонна! Надо заштопать чулки и еще много чего сделать, дети растут. Спортивный стиль, простенький по давним временам, ей всегда шел, но теперь на ней не сатиновые шаровары, а джинсы с манжетами; вместо брезентовой штормовки — стильная ветровочка с капюшоном из прозрачной марлевки. Я не забыл, как я влюбился и как без памяти любил, я ничего не позабыл и ничему не научился; не научился не стареть, дороги выбирать любые, не научился не глядеть в глаза, когда-то голубые. И ничего-то не прошло, и ничего-то не зажило, и всё окрашено именем твоим, и голосом твоим, и этим небом, и этим хмелем...

— Итак, начало было десять миллиардов лет назад. И еще будем расширяться сколько-то миллиардов. Потом сжиматься — и крышка, коллапс. На небе фиолетовые письма напишутся — конец света, и все свернется в протон.

— Молчи! Запорю!

— Поэтому надо петь! — сказал Олег.

Пели геологические песни — «Степь да степь кругом», «Где-то на сопках багульник цветет», даже «Пусть свято хранит он камень-гранит», потом «Очарована, окварцована».

— Мы, геологи, едим часто, но помногу. Винни-Пух считал, что подходящая компания — это такая кампания, где можно чем-нибудь подкрепиться и где с удовольствием послушают твою ворчалку.

— Сколько можно говорить — того нет, сего нет, — сказал Юрка Малиновский. — Ну и что из того, что нет? Помрешь, и уйдет все это — «того нет, сего нет». Всё есть. Всё есть, не знаем, куда девать. Зубровка есть? Егурец есть? Что может быть лучше стопочки под угурец? А то разнылись: мы все умрем! Как всё плохо!

- Мне декабрь кажется маем...
- Мой Сашка в детском саду был Апрелем из «Двенадцати месяцев»...
- Ландыши на сегодня кончились.
- Что за скепсис? Завтра свежие подвезут.
- Не верю. Станиславский.
- Я так думаю...
- Если Сеня думает...
- Нас приветствует радистка Кэт. Волшебница!
- Вас воллен зи?
- Выпьем и пойдем в светлое будущее. Мы завсегда туда идем, когда выпьем.
- Й-я, й-я, натюрлих. Вот мы тут сидим, а радистка Кэт в Кейптаунском порту, и батарейки у неё кончились...
- Я ей вышлю...
- Понятно, почему ты до получки не можешь дотянуть.
- О, вино зазвучало!
- Это радио. Доклад комиссии Собчака о тбилисских событиях. Потом пожар на складе готовой продукции.
- Что ни включишь — «возбуждено уголовное дело», «огонь перекинулся на другие строения». Тьфу! Выключи!
- Как всё хорошо, — сказала Люся, — работа, магазины, очереди, в метро давка, и вдруг так хорошо с вами.
- Люсь, родненька, что такое счастье?
- Счастье? Одинокая палатка на берегу пустынного моря.
- Белеет парус одинокий.
- Пусть белеет. Но одинокий.

Какое-то облако, или же тень его, висит над нами, прошлое наступило внезапно.

*Сквозь серое чуть брезжит синева.
Весенний день. Опаловое небо.
Казалось бы, красивые слова.
Красивое сравнение нелепо.
Но, понимаешь, мне необходимо
Сквозь облако опалового дыма
Увидеть всех товарищей моих.
Их разметало время по Руси,
Когда-нибудь мы все в Россию канем.*

*Дай Бог вам видеть в придорожном камне
Осколок неба средней полосы.*

— Хорошо-то как, — сказал Паша.

8

От реки наплывы холода; вечны река, стена Кремля, бег машин у стены, это как лес, поле, облака. Прошел по реке водометный катер, вода стекала по каменным откосам, запахло речной сыростью, как на деревенской реке вроде Неглинки, и башня называлась Водовзводной.

На Арбате я остановился: здесь же, по тем же камням, под брусчаткой из мячковских карьеров, под асфальтом — камни, по которым Пушкин ходил, а ниже — хрустящая под подошвой галька прареки, и вода придвинулась к моим ногам. Вот на этом самом месте Пушкин стоял, откинув фалды, облокотился...

К музею Скрыбина теперь не пройдёшь со стороны Калининско-го. Огромные, вытянутые по вертикали плоскости домов разворачивались, приглашая идти дальше, к Зубовской — малому Броду. В широких мощных массах воздуха между домами разворачивались и перестраивались слои туч. И вдруг подумалось — но не так, как в юности — «у вас нет каменного материала», а так: нам не выжить без нашей работы, без палеореки, без линеаментов. Неведомые люди идут навстречу, и так уверенно идут, не боясь ничего, знают ли они о грядущих потрясениях, о помрачении разума?

На Пушкинской — митинг, толпа, дикие голоса: «Идти к Кремлю!» — будто во времена стрелецких бунтов. Кажется, никто в Москве не работает.

В метро слушал и смотрел, качался, прислонясь к стеклу, опускал глаза, разглядывал туфельки, выше, выше, ах, какая ножка, какой лебединый изгиб ступни, Пай-хой! Теперь поднять глаза — какое же лицо должно быть у этой ножки!

Смотри же, смотри, оно уходит от тебя — это лицо, Хуа-лу, я хочу видеть всё лицо, а не скользом, но платформа с левой стороны, я и не знал, это же «Площадь Ногина». Где же Пай-Хой, Хуа-лу?

Сидел, руки широко на спинке скамьи, смотрел на облака, просвеченные изнутри солнцем. Вокруг одного облачка — золотистая каемка, как линия Бекке в микроскопе, как цветной театральный воздух в бабановской «Тане», обнимающая душу каемка. Облака медленно перетекали друг в друга, вытягивались, разлетались в

разные стороны. Хотелось думать о почтовых голубях. Дым, дым, всё это дым.

Дождь шел — прямо весенний, капли как слезы. Тучи расходились, и солнце светило, и казалось, что именно так ложится свет на скатерть и можно так и так поворачивать вазу, так и так поворачивать чашку с нарисованной птицей. Стоял на эскалаторе, всматривался в усталые лица.

Бег по Москве в поисках маленьких блесен, мормышек, импортной лески на ноль тринадцать для рыбаков, сыра, твердой колбасы, конфет «Ассорти», «Мармелад в шоколаде», овсяного печенья, изюма, косхалвы кирпичиком из длинного списка. Ничего-то и не найдешь в бедной растрепанной Москве. Правда, осталось знаменитое взбитое мосторговское мороженое. Потом на сто одиннадцатом автобусе — надо же, не забыл, на Ленинский, в «Дом обуви». Везли контейнер с женскими сапожками — югославские, в списке есть, основные размеры, и никакой давки, вот что значит окраина. Пройти до конца линии, вернуться и спокойно купить. На обратном пути: «За чем очередь?» — «Сапоги югославские выбросили».

Еле вырвался из толпы. Гагарин взлетал в небо над метро, над домами, над магазином «Тысяча мелочей».

Дядя Андрюша сказал:

— Пристрастился я — к чему, ты думаешь? — к пейзажам. — Он раскладывал картонные. — Под окном тополь — каждый день разный. Рисую, Сенинька, яблоко, хлеб на скатерти. И еще — крыши, крыши, крыши... Хочется в лес, в метро. Расскажи, где ты был? Что видел?

— Что видел? Тучи ползут, ветер, мокрые мостовые...

— Я не понимаю Гоголя, я просто его не понимаю, когда он с тоской говорит о мокрых заборах, галках на воротах, восклицает: «Скучно жить на свете, господа!» Но ведь это так интересно — мокрые заборы! Я только сейчас начал чувствовать краски. Я люблю ван-гоговским лимонным кадмием, просто люблю, насколько позволяют мои слабые глаза. Посмотри, как вещи относятся друг к другу! Как яблоко укладывается в изгиб скатерти, как на нее ложится свет лампы, как он дрожит! Меня волнуют отношения черных веток за окном друг к другу.

Сейчас мне близок Хокусай, когда он говорит, что за семьдесят лет он не сделал ничего значительного, но в сто лет он будет соз-

давать картины, подобные божественному чуду. Как хочется писать траву, тротуар под дождем!... Я очень многое сейчас не могу читать. А это — читаю и перечитываю: Сетон-Томсон, Андерсен, Решетова — ты мне прислал... «О Боже, как на клюквенном болоте лягушки... лягушки бедные... бедные поют...» Нет, не так. «Лягушки... беззащитные поют... Беззащитные, без-за-щит-ные...» — И глаза его наполнились слезами, пальцем смахивал.

Снились мне фьорды, спокойная скандинавская вода, грабен Осло.

9

Я позвонил Люсе:

— Знаешь, Санчик в Москву приехал с экскурсией. И мы с ним пойдем в театр на спектакль, ммм, какая-то битловская строчка — «Облако, висящее надо мной», так, что ли, нет, как-то подругому.

— У меня Машка — битломанка.

Маленькая девочка Маша когда-то выходила из комнаты, где она рассказывала урок внимательному королевскому пуделю, жаловалась маме: «Я хочу, чтобы меня послушал кто-нибудь из людей!»

— Хочешь, я куплю вам билеты?

— Купи.

— А помнишь, на съемочной практике ты с Юркой уходила в горы, на куэстовые обрывы, в древний город Чуфут-Кале...

— А ты сочинял бесконечную поэму «Двое на куэсте»...

— Ты это помнишь? Сочинял до тех пор, пока не поставил большую жирную кляксу на шикарную геологическую карту, которую завтра предстояло защищать перед строгой комиссией. Отчаяние юного геолога не имело границ. Неожиданное спасение пришло в виде люсиного совета, простого как мычание: «Сделай из кляксы город на карте. А что, может быть, когда-то и был какой-нибудь город, вроде Чуфут-Калы. В благодарность за подсказку он присвоил кляксе имя своей спасительницы — Люсь-Кала. Это означает, как ты понимаешь, «Город Люся». А что может быть дороже твоего имени на карте!

5

И опять, отдавшись течению, я ушел в дрейф по Кировской — к Арбату.

Сестрица Аленушка, она же Неточка Незванова, пригорюнившись, продавала акварельки — туманные подмосковные пейзажики. У соседа — изображение летающей тарелки, зависшей над потонувшем в озере градом Китежем; рядом сельская церквушка, вертикально стартующая в опаловое небо. Двое иностранцев выбрали другую картину — храм Василия Блаженного со стороны Москва-реки. «Йес, йес», — лепетал художник. Англосаксы освобождали картину от рамы, отсчитывали доллары. «Ваш автограф. Нет, нет, полностью. И адрес». — «Плиз». Глухая стена разрисована: «С весной вас, господа!», «Люди, у вас молоко убежало!» Последний, наверное, из лозунгов: «Наша цель — ускорение».

Растрепанный цыганенок бежал по Арбату. И вдруг прочиталось — «Арбат — табор». Где-то далеко, у «Праги» играли «Ламбаду», а у вахтанговского театра — «Хелло, Долли!», и у ног саксофониста — баночка из-под растворимого кофе «Пеле». А рядом, в Николопесковском, — старый дом со стертыми ступенями, с венецианскими фонарями в прихожей, с абажуром. Тогда зернистый свет лампы освещал яблоко на столе. Здесь жил Скрябин, и как ракета в хмурое небо поднялась отсюда весенняя труба «Поэмы экстаза», и Коля Журило бежал на буровую по апрельской грязи в чешских ботинках.

Неточка Незванова всё так же сидела на камушке — кому нужны туманные акварельки? Свитерок под горло, и в лице — тайна. Посмотрела на тебя, и — раньше этого не было — мимо твоих глаз — вскользь. Щелк-щелк. И черт с ним, с фиолетовым облаком; обидно, что не возьмешь сейчас в толпу этот чудный акварельный взгляд.

Вот еще где работа шла — улицу Герцена разрыли до самой Консерватории. Стройбатовцы ставили в траншеях деревянные щиты; тянулись в небо финские краны «Скайлифт». И эту землю я немного знаю, эту реку, и эту палеореку. Вдруг перед глазами — «Вчера наступило внезапно», потряс головой — что-то очень знакомое: «Битлз!»! Купил два билета — второй ряд, хорошо, пусть будет второй ряд.

Добрел до Шведского тупика, задремал на скамеечке. Когда-то мог носиться по Москве, не уставая. Как это Маккартни, пацаном еще, всё угадал и отцу спел: «Буду ли я тебе нужен, когда мне будет шестьдесят четыре?» Ведь знал же мальчишка, что и самому будет столько лет, сколько клеток на шахматной доске? «Будешь ли ты меня кормить? Я буду всегда под рукой и почию пробки, когда

погаснет свет. Брось мне открытку!» Пошел, куда глаза глядят; вышел на Тверскую. У нового МХАТа летом, наверное, хорошо сидеть на неотесанных глыбах диабазы, да, это именно диабаз; сидеть, щурясь на солнце, смотреть на бульвар, листать свежий «Тайм», купленный запросто за трояк, трогать рукой траву в трещинах между глыбами.

10

Я летел вверх по вздыбленной, вкривь и вкось перекопанной улице Герцена, хватаясь за неокоренные горбыли ограждений. Впереди два паренька кривлялись, один дирижировал, а другой пел:

— *В одном из баров Ливерпуля...*

Даже спины у них казались вдохновенными в толпе, придавленной заботами. Я проскочил и обернулся: лица-то какие у этих спин? Дурашливые, у певца — галстук-бабочка. Понятно, рядом консерватория. Билеты на спектакль, слава богу, еще были.

Потом стояли вместе — Люся, Маша, Санчик и я.

Санчик независимо поднял воротник, руки в карманах. Маша — растрепанная, в джинсах, хмуро глядела из-под соломенной прядки, отдувая ее кверху.

— Не горбись, — сказала Люся.

Маша похожа на Флёр Форсайт. Яблони, залитые лунным светом, и дикий тмин, и жаворонки, и утренние далекие колокола. Платочек уронит ли?

На маленькой сцене — стена, как в Колокольниковом, настоящая незыблемая стена детства, и на этой стене — портреты четырех мальчишек: Леннон в черной рамке; у Маккартни лицо тонкое, девичье; это барабанщик Ринго Старр. Как же четвертого звать?

— Это Харрисон, — быстро сказала Маша.

Ливерпульские пацаны смотрели нам прямо в глаза. Давным-давно было — музыка из окна — «ooo, гё-о-рл-л» («р» — воркующее, тающее) — гласные аукаются обволакивающе, будто тень облака, «это зо-ло-то о-сен-нее».

Посмотрел на Санчика — летит куда-то в желтой подводной лодке — «Наутилус?» Когда-то были у него пухлые ручонки в ниточку. Доверчиво вкладывалась рука в отцовскую руку; однажды он мягко, но непреклонно высвободил ее.

Кристофер Робин был старым, в растянутом свитере, шаркал шлепанцами.

— «Пух, обещай, что ты меня никогда-никогда не забудешь. Никогда-никогда! Даже когда мне будет сто лет». — «А сколько тогда мне будет?» — «Девяносто девять». — «Обещаю». — «Пух, если я, если я буду не совсем такой...» И они пошли. Но куда бы они ни пришли и что бы ни случилось с ними по дороге, здесь, в Зачарованном Месте на вершине холма в Лесу, маленький мальчик будет всегда, всегда играть со своим медвежонком».

Винни-Пух распевал песню из одного слова — «хонни-пай, хонни-пай», что значит «медовый пирог». А Сашку-букашку на самом деле у Милна звали гордо — Александр Битл.

А Пятачок подарил Ослику Иа-Иа шарик, и шарик лопнул, и Ослик сказал: «Мой шарик лопнул. Мой любимый красный цвет». Потом все-все-все отправились в экспедицию к полюсу — это когда все идут друг за другом.

— Ну, тронулись.

— Тронулись?

— Надо взять с собой провизию.

— Про что?

Винни-Пух сказал, что надо сразу съесть *про-визию*, тогда легче идти в *экспедицию*.

Люся засмеялась, и Маша засмеялась, и те двое — дирижер и уличный певец в галстук-бабочке — засмеялись. Маша передавала маме программку и — вот оно и случилось! — уронила. Флёр нагнулась, и юный Форсайт тоже, и руки их соприкоснулись. Когда-то, давным-давно Ева протянула Адаму яблоко, и дело тут вовсе не в том, что она протянула яблоко, а в том, что руки их встретились. Со-прикоснулись, в том-то всё и дело...

А потом было землетрясение, и не стало домика у Иа-Иа, и все-все-все стали думать, как ему помочь. Пятачок снял со стены портрет Леннона, и он гробом оказался, этот портрет.

— Это и есть мой дом? — спросил Ослик. — Данке, Швайн.

И он лег в гроб, и старый Кристофер Робин никому не мог помочь. «У меня земля уходит из-под ног, протяните руку кто-нибудь». И все-все-все протянули Ослику руки. И вот тогда-то Десмонд Джонс, который торговал на рынке с тележки, сказал Молли, которая пела в джазе: «Я люблю тебя». И Молли взяла его за руку, и спела: «Обла-ди, обла-да, снег идет, жизнь идет. Ах, как она идет! Бре-ла-ла!» Потом они на троллейбусе поехали в ювелирный ма-

газин, и Десмонд купил кольцо в двадцать карат, а Молли ждала его у дверей, и Десмонд надел ей колечко, и Молли запела. А потом Джонсы начали строить свой дом. И вот у них уже двое детей, и Джонсы играют с ними, и Молли поёт: «Ла-ла! Жизнь прекрасна! Происходит жизнь, и она прекрасна!»

— Почему бы тебе не подойти ко мне?

— Почему бы и мне не подойти к тебе?

И номерок упал из рук Флёр. «Пятак покатился...» — сказала она. «...звения и подпрыгивая!» — сказал юный Форсайт.

Вокруг уличных фонарей дрожал цветной театральный воздух; деревянные щиты казались театральными декорациями. В траншеях — настоящая, а не театральная земля — плотная четвертичная глина с гравием и дресвой, а под этой оскольчатой глиной — палео-русло прареки.

Санчик и Маша не смотрели друг на друга.

В одном из баров Ливерпуля

В длинных пиджаках

Стоят четыре фраера

С гитарами в руках...

Уличный певец заглянул Маше в глаза, не удержался на скользких мостках и полетел в лужу. Упал нехорошо, но вскочил элегантно и отряхнулся легко: «А вот это, вот это самое, — задыхался от смеха, — Чарли Чаплин! Бастер Китон! Это уж вовсе ни к чему! Вовсе ни к чему!»

А Маша подбежала к нему, поправила бабочку и тоже засмеялась, да еще как засмеялась — а-ха-ха! — как только девчонки смеются, а это великий, это величайший смех! А-ха-ха! А певец ей: «Сенкью!» А Санчик кривил-кривил губы, копил смех, копил-копил, но не выдержал и расхохотался: «Обла-ди-облада! А-ха-ха! Бре-ла-ла! Жизнь идет, о как идёт жизнь!»

11

Шершневу дал мне почитать том Яблокова — «Визейские реки на Русской платформе», «синюю книгу». Была область сноса на северо-западе — гранитный Балтийский щит. И стекали с него три реки — Вуктыльская, наша Кизеловская и южная река, кажется, ее называли Рязано-Саратовской. Нашей палеорекой занимался Володя Пахомов из Политехнического института, знаток угленоски.

Обломки гранита теряли сначала слюду, потом полевые шпаты, наконец, оставались только кварцевые зерна — кварц Балтийского щита. Дельта реки, которая ветвилась по принципу «птичьей лапы», несла в Уральский океан русловые и дельтовые песчаники — мощные, крупнозернистые, пористые. В океане — «теплая темносиняя вода», как писал старый Наливкин. Никаких гор не было — Уральский хребет вырастет позже — в пермское время.

Под микроскопом можно увидеть ориентированные следы брызг в песке — ветер отклонял их. Можно узнать, откуда дул сырой ветер в карбоне. Следы брызг — это когда есть уступ, о который разбивались волны.

Экс-боксер главный инженер Гнеев (властный, гудящий голос, когда говорит, пританцовывает и делает боксерские движения головой — уходы, нырки, особенно заметно на трибуне) знает, что есть зона «А» — мощные кварцевые песчаники — вместилища нефти, не подозревая ни о каких руслах и дельтах. Он знает, что в зоне «А» есть скважины — «киты», где можно взять хорошую нефть — чувствует пласт.

Стены комнаты нашего сектора НЛО (неструктурные ловушки) увешаны профилями Ирины Литвиновой и Алевтины Ильиных — истинными произведениями искусства. Кама строго следует борту северо-западного Барьера. Только в одном месте она вильнула в сторону Краснокамска. Ирина Ивановна доказала сбросовую природу границ Пермского свода, который ныне опускается.

*Прихожу на работу к восьми тридцати,
Каждый день опоздать я рискую,
И, как будто могу человека спасти,
Ископаемый ветер рисую.
Он шумит по излукам алмазной реки,
По её погребенной долине.
Мне нужна ежедневная твердость руки,
Чтобы в кружеве изолиний
Увидать — он находится именно здесь,
Среди глин листоватых печальных —
Русловой, крупнозернистой, пористой, весь
Пропитавшийся нефтью песчаник.
И проступят на карте из-под руки
Длинномеры и тяжеловесы.
До утра красновишерские мужики*

*На руках будут нянчить железо...
Золотистую нефть на зелёном сукне
Повело, понесло, потащило.
— Да горите, горите вы в синем огне
Брокера-рокера-рэкетеры!
Прихожу на работу к восьми тридцати,
Каждый день опоздать я рискую,
И, как будто могу человека спасти,
Ископаемый ветер рисую.*

12

Алевтина Ильиных:

— Как-то еще при Винниковском я была в Куйбышеве на совещании по палеогеографии. Рейс отложили, аэропорт Курумоч закрыт. Случайно встретилась с Спартакoм Арoнычем. Мы сидели в ресторане. Не знаю, o чем говорить с начальством. Я ему рассказала o визейской палеореке, а он мне про своего учителя Князева и про учителя Князева — Леммлейна. Тот на Апшероне в продуктивной толще определил источник кварца по типам погасания его в шлифах. Утром он мне сказал...

— Утром?

— Ну да, утром. Мы ведь всю ночь просидели в аэропорту. Он мне и сказал: «Аля, ты идеалистка...»

— Ты? Он с тобой на «ты»?

— Да, в четыре утра мы с ним почему-то выпили шампанского на брудершафт и перешли на «ты». Я спела:

*Течет речка, да по песочку,
Бережочек точит,
Молодой солдат, молодой солдат
Командира просит...*

А у него другой вариант:

*Молодой жиган, молодой жиган
Начальничка просит...*

Сергей Калабин:

— О палеореке. Травы-то в палеозое еще не было. Читайте «Основы палеонтологии Давиташвили». Не было травы, значит, не было и берегов. А без берегов — какая же это речка?

— Берега гуляли. Но есть такое понятие — водоток.

Вот такая идея вспыхнула. Нефть двигалась из зоны генерации по реальным каналам миграции — в каждом цикле по своему каналу. Если канала не было, то и движения флюида не было. Самый верхний пласт в продуктивной толще — пласт Тл2а на территории юго-восточного зарифья — водяной, потому что не имел подводящего канала.

Нашел канал, нашел нить и не выпускай ее, ступай за ней на юг, пока нефть не кончится! Денк сомневался в пользе этих построений: ведь русловые песчаники тяготели к погруженным зонам ЛМЗ, лишь в отдельных случаях они выплескивались на своды поднятий. Однако его сомнения развеяла Петуховская структура, где мощные песчаники захватили всю структуру. К слову, сначала это поднятие для юмора назвали в честь Вадима Курочкина *Петушковским*. Потом Отелло Эдуардович на одном из поднятий Шатовской площади, сильно рискуя, сам кривил скважину в сторону русла — и попадал в него!

Геннадий Иванович Куклин, начальник отдела, сказал:

— Вот что, ребята, Кобяков отказался подписать наш план работ на следующий год.

— Почему?

— Говорит, там есть элемент изобретения. Так что...

— Времени жалко.

— Начальству виднее.

Изобретение было названо «Метод поиска месторождений нефти и газа в районах, удаленных от зоны генерации».

Потом Вадик Тихомиров наводил критику:

— Дальней миграции нефти не бывает.

— Не бывает, если ей не по чему двигаться. Но если есть русловые песчаники, подобные трубопроводу...

Глава 39. После бала

1

Каманин на пенсии. Несколько дней он безрезультатно охотился за кометой Когоутека — мешали огни санатория «Подмосковье» и

дымка у горизонта. Наконец ее удалось увидеть в ночной электронный бинокль — чуть повыше линии Венера — Сатурн. Она быстро удалялась от Земли, но ее выдал хвост. Каманин видел комету впервые в жизни, и сердце его затрепетало.

Он вспоминал ребят. Были любимцы? Пожалуй, нет. Разве что Леонов. Они не похожи на летчиков его юности. «Смело шагайте вперед, наши соколы», — впереди «шагающих соколов» ждала война. С Титовым хуже всего: после полета стал неузнаваем — выпивки, бешеная езда на машине. Это Гагарин сказал, что готов выполнить любое задание партии. Титов же в космос не рвался — так худо было ему на орбите; просил дать ему возможность заниматься «Спиралью» — орбитальным самолетом.

Запись в дневнике Каманина: «Герман Титов не ночевал сегодня дома». Люди на Луну летят, а Титов фестивалит с киношниками, сомнительными друзьями. Будучи задержан за управление машиной в нетрезвом виде, сбил женщину, ударил милиционера по лицу, сопровождая свои действия нецензурными выражениями. У него много защитников. Сам Щелоков, министр общественной безопасности, звонил Каманину, просил не взыскивать строго с Титова. Ладно, что тот надумал поступать в академию Генштаба. Дела по программе «Спираль» Титов сдал инженер-полковнику с прелестной фамилией Соколов-Соколенок.

И у Терешковой с Николаевым неладно на семейном фронте. Валина мама жалуется на Андрияна. Министру обороны собиралась писать.

Юрий Гагарин отяжелел — встречи, приемы, не следит за здоровьем, утреннюю гимнастику не делает.

Должен быть порядок: Каманин всегда помнил о сгоревшем на земле Бондаренко. Каманин проверяет сигналы о выпивках Быковского и Шонина. А ведь Шонина готовили к полету на «Салюте». Он, когда просил в последний раз поверить ему, странную фразу сказал: «Снимите с меня звезду Героя, снимите погоны полковника, но только пошлите в космический полет!» Еще Каманин обнаружил, что Николаев и Севастьянов курили перед сном — лично видел. А они в основном экипаже «Союза-9». Лучше бы они ночью со штурманом изучали звездное небо — новый электронный бинокль в инфракрасном диапазоне спектра позволяет видеть в полной темноте. Каманин мечтал об идеальных ребятах. Тут еще пред-

ложили быть консультантом фильма по роману Станислава Лема «Солярис» — в сердцах отказался: Лем принижает достоинство человека и чернит перспективы существования цивилизации. Каманин так воспитан.

Молоков и Каманин, два старых полярных летчика, жили в одном дачном поселке. Когда-то на банкете в Георгиевском зале Каманин сидел рядом со Сталиным. Вождь сказал: «Посмотрите на Каманина, какой он молодой! Что он знает о старом режиме? Он же городского не видел!» И это вся страна повторяла: «Он не видел городского».

Каманин делает гимнастику, холодное обтирание — дисциплина. Как принято в авиации? Сначала дают вести машину по прямой, потом на разворотах, потом на взлете, потом на посадке, потом уже высший пилотаж. У его штурмана Шелыганова свойство было — всегда знал, над какой точкой планеты его самолет.

Каманин моложе Молокова, звал его по имени-отчеству — Василий Сергеевич, а тот его — Коля:

— Помнишь, Коля, как от Олюторки летели на Анадырь? Летел, как бы в гору носом не ткнуться.

Чубатый Молоков говорил медленно и полновесно. Он похож на артиста Охлопкова.

«Скучно», — говорят летчики, попадая в какой-нибудь переплет. Во время разговора руками показывают движение самолета. Сухопутники говорят: сесть «козлом», а морские летчики — «барсом», ну, пошел «барсить». Машину нельзя волновать. Надо уметь ждать погоду. В Анадыре шесть дней выжидали ее. Садились в ледяные ропаки.

Каманин — лидер, старший летной группы, командир звена. Надо вести машину по прямой, но она металась то вправо, то влево, то вверх, то вниз. В воздухе не надо делать что-нибудь особенное. Машина пошла вправо, ну и пусть идет вправо, а вы ее спокойно выправьте. Если не будете дергать машину, она вас будет слушаться. В пургу меняется даже звук мотора. Садиться нельзя ни по ветру, ни против ветра, а только по накату снега.

Когда впервые один полетел — неопишное чувство радости. Служил в Спаске, на границе. Аварий у Каманина никаких никогда не было.

В последние годы ему стало тяжело. Даже с Шаталовым пришлось вести воспитательную работу — он требует объяснений,

почему его разлучили с Елисеевым и не включили в состав первого экипажа для орбитальной станции. Он за один год слетал в космос два раза, а его товарищи уже больше шести лет ждут первого полета. Кроме того, в каждом экипаже станции должны быть космонавты, имеющие опыт стыковки. Вот и пришлось их с Елисеевым разъединить.

20 августа 1978 года Каманина пригласили в новый ЦУП. Попросили переговорить с экипажем станции «Салют-6» — Владимиром Коваленком и Александром Иванченковым:

— Как слышите меня, «Фотоны»? Говорит Каманин.

Ему показалось, что ребята вздрогнули от неожиданности.

Каманин одинок. Как-то 12 апреля, в День космонавтики, он увидел по телевизору Леонова. Алексей с такой теплотой говорил о Гагарине, что Каманин заплакал.

2

Ярослав Голованов: «В декабре 1984 года на даче Челомей вывел свой «Мерседес» из гаража и, стоя спиной к машине, стал отпирать ворота. «Мерседес» тихо покатился вперед и сломал своему хозяину ногу. Его отвезли на московскую квартиру, вызвали врача. На всякий случай решили госпитализировать. В больнице он узнал, что Устинов при смерти: тяжелый инсульт — он недвижим, не говорит».

Он умер во время разговора с женой: «Я тако-ое придумал». Тромб — и мгновенная смерть.

Устинову принесли лист бумаги с текстом: «Умер Челомей». Он прочел и прикрыл глаза. Он пережил Челомея на двенадцать дней.

3

Верный Яремич, который мог входить в кабинет Глушко без доклада, вызвал шефу «скорую помощь».

10 января 1989 года — меньше, чем через два месяца после пуска «Бурана» — Глушко не стало. Он успел дать распоряжение Яремичу: тело кремировать, пепел — на Луну, Марс или Венеру. Он хотел встать рядом с Королевым. «Буран» — это наш ответ фон Брауну — Королева и его, Глушко. Переставьте буквы: «Буран» — «Браун». Айтматовский буранный полустанок — это Тюратам, Байконур.

Глава 40. Мгновения

1

Кажется, вчера это было: все четверо — мы со Светланой, Тима, Саша ждем пригородный поезд на станции Кукуштан. Светлана сидит на тумбе с букетом садовых ромашек, перебирает ромашковые лепесточки. Подошел мужик, из дачных.

— Продаешь? И почему эта херня?

— Хотите, погадаю?

— Не смейся. Наморщи нос.

— Да прям.

— Скажи еще раз — да прям.

— Не хочу. Вчера у меня был отгульный день. Пошла за продуктами, стояла за котлетами — не досталось, за колбасой — за десять человек кончилась. Время перед обедом — стою за курами. На обед выгоняют — говорят, будут переписывать. Думаю: подойдут меня переписывать — сразу дам в лоб! Война, что ли? Повезло всё же, до обеда взяла курицу. В троллейбусе так меня перемяли; выхожу на Вижайской в шесть часов вечера, злая, как пантера — день прошел. Правда, на Крохалевке отстояла очередь за пельменями, взяла две пачки, так выскакивает какая-то тетка, и давай меня поносить, а глаза у нее честные-честные.

Тут Сашка и говорит:

— Мама, давай говорить о звездах? Знаешь, что меня волнует? Расширение Вселенной. Я думаю об этом каждую минуту. Это правда, что мы все умрем?

— Многие считают, что наши души могут переселиться в кого-нибудь...

— Хорошо бы, чтобы потом они так переселились, чтобы мы снова оказались вместе — ты, папа, Тимка и я. И всегда были вместе.

— Мы всегда будем вместе.

2

В дулеповской передней нас встретил Гавря — боксер с желеобразным животиком, спиной, как у нерпы и с мордой, подобной растоптанному лыжному ботинку. Юрий Аркадьевич жаловался:

— Черт знает, что творится — нигде ничего нельзя купить, чем пса и кормить? Утром сижу на кухне, ем оладьи, а он смотрит жалобно. Кинешь оладью — не ест, провожает взглядом, а со сметаной кину — на лету хватает. Вот пса и раскормил.

Гавре не нравилось, что так много гостей.

— Прекрати, Гавря! Это наши люди.

Прекратить-то он прекратил, но как прекратил? Полморды к гостям — брыли распустил, зубы показал, двуликий Янус, а полморды к хозяину — с умильным, преданным выражением.

— Где-то вычитал, — сказал Дулепов, — «Господи, сделай меня таким человеком, за которого меня принимает моя собака».

3

Сидим на бревнах в садовом товариществе «Геофизик» с Петром Михайловичем Шнарсом. Рассказы его — «малая история», частная, исчезающая, метки времени. Переписчики и летописцы сохраняли ее.

— Семигудыч, тебе, поди, интересно узнать, как твоя жена Светлана Торхова квартиру получила?

— Еще как интересно.

К 24 съезду партии трест сдал жилой пятиэтажный дом на Крохалевке, и неожиданно жене моей дали двушку на пятом этаже.

— Гаврин, как ты знаешь, не хотел ей давать жильё, хотя она в списках молодых специалистов много лет ходила. Трест много тогда строил. На профкоме обсуждали распределение квартир. Пятый этаж, проблемный по водоснабжению, первоочередники не брали — лучше подождем до следующего дома. Я Светлану поставил в список на пятый этаж, а Гаврин ее вычеркнул — у нее, видишь ли, муж в списках «Пермнефти» состоит. Я говорю: «О'кей». Вопрос переносится на следующее заседание профкома». Гаврин: «Э-э-э». Я ладонь на стол: «До встречи на профкоме». Ровно через тридцать один день в районе после обеда по телефону приглашаю Гаврина на заседание жилищной комиссии. Он говорит: «Заходите ко мне». — «Нет, Юрий Георгиевич, заседание состоится в профкоме».

Он пришел, и я ему даю в руки отпечатанный список на получение ордеров. Гаврин берет список, видит в нем фамилию Торховой и сразу ищет авторучку — вычеркнуть! Я говорю: «Не торопитесь, Юрий Георгиевич. Администрация могла подать, но не подала апелляцию в установленный тридцатидневный срок. Прошел же

тридцать один день. Закон есть закон, ничего не поделаешь. Как говорил Павел Иванович Чичиков: «Я немею перед законом». Он мне пальцем грозит: «Имейте в виду, Петр Михайлович, — никто не забыт, и ничто не забыто». А я уже ничего не боюсь. С водой у вас на пятом этаже, я знаю, форменная труба.

— Кто-то сказал, что истинное назначение дома в том, чтобы защищать бумаги от ветра.

— Это всё лирика, Сеня. Я пятиэтажникам на Крохалевке пробил насосы. А Светка мне так и не поставила пузырек. Щучу, конечно. Я ведь ни-ни. Однажды пошли мы с Тамарой в гости. Я пригубил там шампанского — и вдруг так потянуло к зелью, что бросил всё и побежал на Банную Гору!

Когда бросил пить, решил зубами заняться. У нас это хозяйство отстало. В двадцать первом году за неимением лучшего как начали делать железные зубы, так и лепят из нержавейки. Какой фарфор, какая пластмасса? Задумал я сделать зубы на мягкой основе. Прихожу в клинику, а там очередь на полгода. Хотите — лечитесь у студентов. Я говорю: «Давайте студентов, какая разница». Старшей у них поставили Машеньку, старательную девчущку. Она говорит: «Мягкая основа не получится. У вас десна оголённая, и еще глазной зуб мешает. Но он здоровый». Я говорю: «Если надо — рви!» Рвать доверили долговязому, небритому, лохматому студенту. Он тянул, тянул, аж вспотел. Я долго терпел, потом говорю ему: «На каком мы этаже?» — «На втором». — «Если за одну минуту не вырвешь, вылетишь в окно. Обратный отсчет пошел». Потом завернули меня в балахон куклуксклановский, связали руки-ноги, только пятки имели одну степень свободы, и набросились, как говорится, всей пятеркой. Потом я им говорю: «Вы мне объясните, ребята, как у меня во рту две руки поместилось?» — «Почему две руки? Не две руки, а четыре».

Где мне только не пластали зубы! Какая ещё анестезия? В Кочевов рвали чуть не плоскозубцами. А вот вставлял зубы я в губернии, в Перми. Потом очень даже мне пригодилась челюсть — внука убаюкивать, Кешку. «Спи, Кеша, я тебя всё равно убаюкаю». — «Как?» — «А вот так! Хочешь, себе зубы вырву? Р-раз! Видал?» И ведь верил мне! Как-то пошли мы с ним в зоопарк. «Это клетка волка. А это — носорога». — «Дедушка, а где клетка Бабы-Яги?» Вызвали как-то на Новый год из бюро добрых услуг Деда Мороза со Снегурочкой подарки Кеше вручить. Он и говорит: «Дед Мороз, подарки оставь, сам уходи. А Снегурочка пусть останется».

Ветер шумит в деревьях.

— Меня дети любят. Как-то отдыхал я в Сочи с дочкой. Леночке тогда лет семнадцать было. Солнце, пляж, шезлонги, лежаки, курортные романы и всё такое. Микрокомпании всякие образуются, а вокруг меня в основном детишки. Ленка мне и говорит:

— Папочка, пофлиртуй с Лидией Ивановной!

Я присмотрелся — пышная брюнетка постбальзаковского возраста, вся в бриллиантах. С двумя мальчишками. Дай, думаю, преподам дочке жизненный урок. Она недавно узнала слово «флирт» и с удовольствием его произносит: «флирт, флиртовать».

Говорю:

— Ну хорошо, я, предположим, пофлиртую с этой дамой, а ты меня потом маме заложишь.

— Нет, нет, папочка, не заложу, не заложу! Пойди, пофлиртуй с ней! Ну что тебе стоит, ведь ты у нас такой симпатичный! У тебя получится, ведь мама тебя зовет дамским угодником.

— А знаешь, что, Леночка, я, пожалуй, пофлиртую. Но не с ней, а вон с той девушкой, загорелой, как сметана, которая лежит в шезлонге и читает журнал «Иностранная литература». С этой девушкой я бы с удовольствием пофлиртовал. Южным вечером прошелся бы с ней по аллее фонтанов или же даже по платановой аллее, где у девушек в темноте при свете звезд так блестят глаза, — говорю я своей дочке. Эксперименты она ставит над отцом, видите ли.

— Но ведь ты старый, папа.

— Ну и что с того, что я старый. Зато будет из-за чего страдать. Ведь ты меня рано или поздно продашь маме Тамаре.

А сынок Лидии Ивановны старшенький, Илюшка, возле меня крутится.

— Дядя Петя, знаете, какая у меня мечта? Я хочу стать знаете кем?

— Кем же?

— Секретарем у Леонида Ильича Брежнева. Для этого я хожу в английскую школу и еще беру уроки французского языка.

— А где вы живете?

— Мы живём в Киргизии, в городе Ош.

— А кто твой папа?

— Папа? Папа ушел от нас.

— Прости меня за глупый вопрос.

— Ничего. Он живет в городе Ленинграде. Работает в оркестре.

— А мама кем работает?

— Мне неудобно говорить.

— А почему неудобно? У нас все профессии почетны.

— Ну, в общем, она работает... Газированную воду она продаёт.

— Хорошая профессия. У вас в городе Ош летом жарко, наверное, многие пить хотят. Очень хорошая работа — продавать газированную воду.

— Да нет, дядя Петя, вы не понимаете. Мама немножко недоливает. Она говорит — мальчишкам на молочишко. Поэтому у мамы бриллианты, а меня в спецшколу приняли. Мама хочет, чтобы я еще испанский учил. А я хочу эсперанто. Как вы думаете, я смогу работать секретарем у Леонида Ильича Брежнева?

— Нет, — отрубил я. — Не сможешь.

Он аж в лице изменился.

— Как? Мама говорит, может, ещё японский выучить... Почему я не смогу?

— Знаешь, Илюша, все люди смертны. Когда ты вырастешь, Брежнев умрет.

Я заметил, что к нам стали прислушиваться. Встал, потянулся, напряжился.

— Утреннюю зарядку делаешь?

— Нет.

— Зря. Будешь делать зарядку, станешь стройным, как дядя Петя Шнарс.

4

Март 1982 года. Пресс-конференция по результатам запусков «Венер-13, -14», успешно севших на поверхность планеты. Барсуков, директор института геохимии и аналитической химии, докладывал в своем кабинете. За спиной — глобус Луны.

Получены данные о химическом составе пород с помощью грунтозаборных устройств. Породы схожи с океаническими базальтами Земли. На Венере — оранжевое небо, и всё оранжевое — нет синей части спектра. На уровне 12 км от поверхности у американцев сгорали датчики. Причина — грозы. При этом образуется большое количество циана. Барсуков показывал диапозитивы. Их то и дело заедало. «Свет, свет», — раздраженно сказал Барсуков. Свет долго не давали. «В темноте читать сложно».

Началось строительство постоянной орбитальной станции «Мир» с помощью челомеевского «Протона».

12.2.85. Министр Мальцев освобожден от работы. Он узнал об этом из новостей по «Маяку». Ему нет и 58-ти лет. Борис Щербина, он уже зампред Совета министров, сказал Мальцеву: «Так надо». Министром стал Василий Динков.

Генеральный директор «Пермнефти» после ухода Хабибуллина — Александр Черкасов из «Полазнанефти».

Апрель 1985 года. Апрельский пленум. Слова замелькали — интенсификация, ускорение, наша цель — ускорение, наша цель — перестройка, ля-ля-ля, бя-бя-бя, ноу-хау, совместное предприятие, менеджмент с маркетингом — с ударением на первом слоге — это обязательно, холдинги-молдинги, негатив, паллиатив, откуда нефтишка, откуда дровишки?

Вся надежда на западно-сибирскую нефть. Динамика добычи внушительная. 1965 год — 1 млн тонн, 1970 год — 31,4; 1975 год — 148,0; 1980 год — 312,6; 1984 год — 377,9 млн т.

Сентябрь 1985 года. Саудовская Аравия увеличивает добычу нефти — втрое. Декабрь 1985 года. Цены на нефть обрушились. ОПЕК принимает решение о снижении добычи. Стоимость барреля в 1986 году — 19,9 доллара.

Американская экономика в четыре раза мощнее советской, но мы за счет нефти из всех сил поддерживаем военный паритет.

1985 год, сентябрь. Поездка Горбачева в Тюмень. Смена ряда руководителей. Снижение добычи приостановлено. Во время поездки по региону Горбачев сказал министру геологии Козловскому:

— Посмотрите, что натворили в Западной Сибири.

— Люди делают то, что вы им предначертали решениями ЦК партии.

Не сказал:

— Вашими минеральными реформами. У нас эти самые минеральные воды вот где стоят.

1986 год. Егор Гайдар считает, что были нанесены три удара по советской экономике: антиалкогольная кампания, программа ускорения (увеличение ассигнований, рост незавершенного производства), сокращение закупок товаров народного потребления.

1987 год — ликвидировано Министерство геологии РСФСР.

1987 год, февраль. Салманов переведен в Москву заместителем министра геологии СССР. Анатолий Васильевич Брехунцов стал главным геологом «Главтюменьгеологии» по нефти и газу. В глав-

ке — 40 экспедиций. Брехунцов — человек, никогда не теряющий надежду. Есть ачимовская толща на больших глубинах — ее чуть копнули.

15.5.87. Через тридцать лет после старта первой в мире межконтинентальной «семерки» сверхтяжелая ракета «Энергия» успешно взлетела с *глушковского* стенда-старта. Она слетала дважды — безупречно.

1987 год — баррель стоит 24,9 доллара.

15.11.88. Ровно через полтора года после старта «Энергии» — первый и последний полет многоразового ракетно-космического комплекса «Энергия» — «Буран». Беспилотный «Буран» дважды облетел земной шар и точно приземлился на аэродроме при сильном боковом ветре. Глушко не был при пуске. Ему 81 год. «Буран», наш ответ «Шаттлу», никому не нужен.

Борн: «Путешествие в космическом корабле является триумфом человеческой мысли и трагическим поражением рассудка».

Хамминг: «Общее доброе правило — попытаемся ответить на вопрос: а что мы собираемся делать с ответом? Цель расчетов — не числа, а понимание».

1988 год — введен в действие закон о госпредприятиях. Начались проедание накопленного производственного капитала и распродажа государственных запасов.

1988 год, март. Волгоград, ежегодная сессия ГКЗ по оперативному подсчету запасов. Главный геолог Анисимов в нелегкое время организовал быт — вплоть до кофейного и чайного столиков. У разливающей девушки золотая цепочка на нежной шее, прозрачная кофточка.

Во главе комиссии — Лысянский Валентин Гаврилович. У него семья недавно погибла в автокатастрофе. Эксперт Бреев (пробор — как лунная дорожка) не сидит, а ходит за спинами, курит, дышит над ухом, пьет минеральную воду после вчерашнего. Лопатина Вера Ивановна — активная, все схватывает, перед ней формы 33-ТП и 6-ГР. К обеду дамы переодеваются, красятся — где еще и блистать. Трепещите, израненные мужские сердца! Одни женщины смотрятся в зеркало, проходя мимо, другие проходят мимо — сами не знают, как они прекрасны.

Лысянский мог сказать: «Тише, сороки!» На самих экспертов ГКЗ — прикрикнуть!

Он отмечает дефекты в нашей обзорной карте.

— На следующий год переречтим.

— Ты думаешь, я доживу до следующего года?

За ночь мы перечертили карту.

На одной из площадей идет испытание скважины.

Анисимов по телефону:

— Пласт простреляли?

— Часть простреляли.

— Когда получишь фонтан? Почему тянете?

Обернулся к Лысянскому:

— Валентин Гаврилович, через час получают нефть. Тридцать лет работаю, но они не могут мой стиль работы усвоить. Хотел матом прогнать, да это была женщина...

— Фонтан! Зона тянется в Саратов. О! Благодаря нашему интуи-энтюизиазму!

Вносят огромный торт.

— Все ведь знают в Волгограде Мамаев курган — «Родина-мать». Так вот, на левом берегу Вучетич хотел поставить скульптуру Стеньки Разина — склонился Стенька над Волгой-рекой и держит в руках, что бы вы думали?

— Княжну?

— Женщины меня поймут. Ромашку он держит! Любит — не любит!

— Ну, чтоб до смерти девки снились!

1988 год. Баррель стоит 19,5 доллара. К концу года экономическая ситуация быстро ухудшается. Тотальный дефицит.

1989 год. «Главтюменьгеологию» в порядке исключения оставили как промежуточное звено управления. Ни одно другое предприятие не могло работать в полном цикле от геофизических работ до защиты запасов. Но Главк мог немного — распределять то, что ему выделило Мингео СССР. Для реальной работы пошли на создание совета предприятий.

Июнь 1989 года.

Оперативка. Мокичев:

— На нефтяников всегда можно показать длинным пальцем. По жуткой аварии в Башкирии, в Аше. После нее назначили комиссию по проверке трубопроводов, водоводов. В Чайковском шесть магистральных газопроводов по 1420 мм идут рядом на 1400 км из Западной Сибири.

В Аше, думаю, так дело было. Суббота, ночь — всё начальство на дачках цветочки окучивало. Диспетчер, скажем, Феничка ее зовут, увидела — давление в продуктопроводе упало. Никого из начальства

она не нашла. Оно, начальство, на дачках. Стрелка упала, вот Феня и жиманула: включай насосы! Сжечь к чертовой матери дачи, гаражи, тогда все будут заниматься делом!

Котлованы — бетонировать, пленка, клеим, кладем брезент. Черный дым появился — пожарник на коне, инспектор по воздуху, акт огромный. Все люди живые знают, как это делается. Какие могут быть программы — пятьсот дней, шестьсот секунд, когда время идет в пузырь общего развала? Какие могут быть вопросы? Это как в клубе веселых и находчивых — даже Саша Масляков бы не нашелся. Большие люди полетят — это точно.

06.07.89. Селекторное совещание у министра Василия Александровича Динкова.

Динков:

— Посмотрите каждую скважину, каждый уголок. О деньгах не ставьте даже вопрос. Деньги должны заработать сами.

— Спасибо за отеческие слова.

Динков:

— Может быть, мы не встретимся на оперативных совещаниях.

— Всё равно будем работать под флагом ваших указаний.

— Селекторное совещание закончилось. Каналы сдать в работу. До свидания, Василий Александрович.

1989 год. Черток в Париже уговаривал французов принять участие в создании глобальной системы связи с помощью тяжелой универсальной космической платформы (УКП) массой 18 тонн. На геостационарную орбиту ее способна вывести единственная в мире ракета «Энергия». Французы вежливо дали понять, что у них есть ракета «Ариан». И немцы не рискнули вкладывать деньги в космос.

Новый генеральный конструктор «Энергии» Юрий Семенов добился одобрения предложений по УКП на Совете обороны. Они признаны третьими по важности после «Бурана» и орбитальной станции «Мир». Но из всего списка остался только «Мир».

12.08.89. Селекторное совещание у нового министра — Филимонова Леонида Ивановича.

Филимонов:

— Крайне напряженное положение. Идет дестабилизация. «Война все спешит» — пожар на Каспии, авария на продуктопроводе. За одну неделю моей работы четыре дня ушло на разбирательство с нижевартовцами. Образно говоря — будто бы наступил конец света. Надо размять вопрос, потом порешать его на месте, потом выходить на Рыжкова.

Что делать? 1. Еще не вечер. 2. Взяться за понятное и простое дело — работу. 3. Спрос за дисциплину. Золотой запас — сверхплановая добыча с начала года. Осталось три миллиона тонн.

О Каспии, о морях. Курбан Аббасович, посмотрите бездействующий фонд, суходойки, малодебитный фонд. Вы можете усмехнуться: новый министр по-новому метет. Но дело в том, что начался отлив из Западной Сибири строителей. Первая задача — стабилизация уровня добычи.

Школьный, главный инженер Варьегана:

— Нет людей.

Филимонов:

— Поближе к микрофону.

Школьный:

— Нет людей. Массовые увольнения. Полтреста увольняется, операторы увольняются. Одно добывающее управление прекратило работу.

Филимонов:

— Почему Сивака нет? Вы безруки. Комиссия Муслимова была объективная. Задача: поднять добычу на 6000 тонн. Дорогу в пустыню построили на 180 километров. Вопросы ваши я лучше доложу. Если вы будете бездельем заниматься в Варьегане, мы вас попросим. Надо решать вопросы по дорогам, по поселкам, по ЛЭП. Сорок тысяч жителей, а дороги нет.

Виктор Гаврилович, из Пурпэ:

— Отставание по суткам 2490 тонн.

Филимонов:

— Этот вопрос надо поднять до острого ножа. Ты думаешь допустить минус до 600 000 тонн. Это зря. Девяностый год уже поделен со всеми вытекающими.

Нижневартонск (его прозвали Нижнекартонском):

— Здравствуйте, Леонид Иванович! Здравствуйте, уважаемые члены коллегии! Мы не видим выполнения госзаказа по августу. В сентябре выйдем на суточный график. Будем стараться выполнить намеченные мероприятия.

Филимонов:

— Выполнить план, а не мероприятия! Ты семь лет не выполнял план. Ты у нас боец. Думаешь заплакался, в коленях министра посидел...

— Наш многотысячный коллектив...

Филимонов:

— Ваш многотысячный коллектив...

Пауза.

— ...опять телевизор поедет в Западную Сибирь. У вас — за-
крома! Но вы с фондом скважин не справляетесь. У меня простая
правда — неосвоение новых месторождений.

Тенгиз. Новиков!

— Моя фамилия Трифонов.

— Где Новиков?

— Новиков в отъезде.

— Задание: отыскать Новикова. Чтобы вышел на связь со мной.

— Новиков в командировке. В Уральске.

— Отыскать. Грознефть.

— Хачатуров говорит. У нас землетрясение. Есть разрушения.

Очень тяжелая обстановка.

Пауза.

Филимонов:

— Позвоните мне после коллегии.

Пауза.

— Подводим итоги. Милосердие надо? Я не скрываю: грозить не
будем, а меры принимать будем. Если я заострил — это по жизни.
Смысл нашей жизни и деятельности — чтобы была *родная* в до-
статочном для страны количестве. Не попадайте в плеяду тех, кто
старается не выполнить план.

Селекторное совещание закончилось. Каналы сдать в работу.

1989 год, декабрь. «Главтюменьгеология» упразднена. Образован
концерн «Тюменьгеология» во главе с Логановым. Произошла де-
зинтеграция минерально-сырьевого комплекса. Месторождения,
в соответствии с законодательством, бесплатно закреплялись за
добывающими организациями. Пур, Мегион, Обь смогли получить
лицензии на не востребуемые добычниками месторождения.
РАО «Газпром» в этот период отказалось принимать в магистраль-
ные газопроводы попутный газ, который добывали геологи. Урен-
гой, Ямал, Заполярка, подготовившие сырьевую базу для «Газпрома»,
самоликвидировались, а «Газпром» начал параллельно создавать
геологическую службу и буровые предприятия.

Брехунцов сделал большое дело — собрал в кулак геологиче-
ские силы, возглавил Сибирский научно-аналитический центр —
СибНАЦ.

Декабрь 1989 года.

Дулепов:

— Посмотрите в отделе варианты размещения атомной станции. Дали, суконцы, на согласование. Да еще комиссия приезжает министерская после того взрыва трубы в Башкирии, когда два поезда накрыло. А у нас рядышком лежат шесть ниток магистральных газопроводов из Западной Сибири — шесть ниток! Чуть зазеваешься — и... У нас опять порыв трубы. Почему? Наш свинорой нефтянский... — Дулепов рубанул воздух. — Ни один вариант атомной станции не подпишу, хоть режь. Пусть ходят по коридорам, трясут бородой, трясут яйцами. — Щека у него дергалась. — До чего дошло — буровик пишет в балансе времени — «простой из-за махорки». И еще Литва эта...

Герман Михайлов:

— В Пермском крае недооценка гидрогеологии привела к затоплению Третьего калийного рудника. Образовалась чаша, заполненная минерализованной водой, размером с Лужники.

1989 год. Баррель стоит 22,8 доллара. Егор Гайдар: «Катастрофа очевидна». Вся валютная выручка идет на обслуживание внешнего долга.

18.09.90. Селекторное совещание у Филимонова.

Филимонов:

— Известий особо приятных у меня к вам не заготовлено. Только наша отрасль удерживает страну на плаву. Вчера у Рыжкова смотрели 91-й год. Он очень сложный. Как у Салтыкова-Щедрина: «Третий раз гневаемся, а репа всё не растет». Обстановка с нефтепродуктами крайне напряженная. Нам удастся держать ситуацию. Зима будет трудной. Если ситуация сохранится, упадем на 17–18 миллионов тонн — до 550 млн. США добывают 800 миллионов тонн. Ряд поселков и городов мы передали советской власти. Нельзя оставлять советскую власть наедине с зимой. Дайте валюту, и мы начнем сводить счета с поставщиками. Надо всем сделать глубокий вздох. Дадим выступить китам.

— Ваше слово, товарищ Ноябрьск!

Наконец-то:

— Слишком быстро мы засобирались неизвестно куда. Мы все-таки профессионалы. Как работают буровики — непонятно.

— Баку!

— Баку на повреждении.

— Внимание всем на контроле в студии: совещание закончено. Каналы сдать в работу. Каналы сдать в работу.

20.11.90. Дулепов:

— Сидите за полированными столами. Ты ночью спал? А я не спал полночи. Скважина горит на Орде. Пожарники приехали из Перми и Кунгура, из трех стволов тушат. НГДУ взвыло. А вы меня бумагами заваливаете! Почему в Полазне валят добычу, нагло валят добычу, в глаза смотрят и говорят — добычи нет. Не надо мне греть уши! Ваксман пишет протоколы коротко и неясно. Чернышев — пока дочитаешь до конца, начало забудешь. Что мне делать?

— Плясать от печки.

— Сложи сначала печку, потом пляши от нее! Написать бымыс-бымс, чтобы дураку было понятно, чтобы разработчику было понятно, я сам разработчик.

Разговоры в курилке:

— Мы как зашоренные лошади. Если нам долота выплунут в конце года, нам нечем рассчитаться.

— Министр сказал — 139 позиций обеспечения.

— Ничего не будет.

— И хрен с ним — пусть не будет.

— Министр вынашивает решение о концерне — от разведки до бензоколонки. Вопрос начал разбухать.

1990 год. В СССР высокий урожай — 218 млн т в амбарном весе. Но в госрезервы поступило 66, 8 млн т. Производители не отдают зерно. Им никто не указ.

1991 год.

Новый начальник гражданской обороны «Пермнефти»:

— Я руководил ГО города Перми.

— Вам не повезло...

— Можно так сказать. Сажу в кабинете — вдруг сирена. Печет звонит: «Что там орёт у тебя? Что там звенит у тебя?» Я выхожу на оперативного дежурного на улице Плеханова. Оказывается, он задумал поменять пульты управления. В итоге Якушев замкнул всю систему. У него 10 текстов на магнитофоне записано. Запустили тревогу вместо текста: «Техническая проверка состояния системы оповещения». В итоге первая в стране несанкционированная воздушная тревога в большом городе в мирное время. Меня сняли.

— Кому-то повезло. Пошел на повышение...

— Помните эту тревогу?

— Как не помнить? Как перед войной. Прощались люди, в последний раз миловались. Да-а...

Учения в бункере — очень не вовремя. Группа прогнозирования — я и Ливерий Иванович. Первые удары по Перми и Березникам. Скорее! Скорее! Дано: скорость среднего ветра, мощность взрыва. Выдали прогноз уровня радиации по добывающим управлениям. И вдруг — новая серия ударов — Чернушка, Кунгур, Оса!

— Скорее! Скорее!

Ливерий спас — без формул, без вычислений на глазок дал фронт радиации. Нас похвалили: молодцы прогнозисты!

1990 год. Баррель стоит 28,2 доллара. 1989–1990 годы — низкие урожаи зерновых в мире.

15.02.91. Техсовет «Пермнефти» по разливам нефти у Полазны — Ширяевское техногенное «месторождение» нефти.

Костарев:

— Полазна — сильный карстовый массив. Задействованы все три зоны карста. Мертвое озеро было до заполнения Камского водохранилища в 1954 году — сейчас оно под водой. Скотина озеро обходила. На дне его — белые фонтанчики. Весной — красивая зеленая пленка, литр на квадратный метр.

Михайлов:

— До законтурного заводнения выходов нефти не было. Сероводородные воды агрессивны к колонне, к стали марки «Д». Бор — это яд, он разгружался в озеро. В паводок дамбу заливало. В Каме пузырьки всплывали. Нужен трубопровод и товарный парк для Ширяевского «месторождения». Разлом не доказан.

Дулепов:

— На балансе 10 млн т балансовых запасов, в том числе 1 млн т извлекаемых. Нужен дюкер — переправлять нефть на левый берег Камы, три куста разгрузочных скважин.

1991 год, март. Леонид Богомазов рассказывает о программе «Горизонт»:

— Первая горизонтальная скважина — любимый ребенок. Сначала, конечно, вертикальный ствол, потом в колонне вырезается окно набором райберов. Дух захватывает — шарнирный отклонитель, труба как кочерга, гибкий двигатель, бескабельная телесистема, датчик зенитного угла, фирма «Истмен-Кристенсен»! Коридор полтора метра — для наших маломощных пластов.

1991 год, апрель. Дулепов:

— Первой девятина первого года встречаем в необычной обстановке. Демонстрации в Москве не будет. Сверх госзаказа добыли 36 тысяч тонн нефти.

1991 год. На 21 мая в стране муки осталось на 15 дней.

26.07.91. Прошли выборы президента РСФСР.

Пронин: «Каротаж на скв. 108 прошел на десятый день после дня возрождения России».

9.8.91. Умер Эрвье. Буровой мастер Глебов как-то увидел его в Москве, подошел: «Юрий Георгиевич?» Тот обнял мастера, которого он когда-то в Коркино перевел из помбуров в бурильщики, уткнулся в плечо, закашлялся и ушел, стесняясь своей слабости. В Москве ему и жене Ксении Васильевне было одиноко. Не стало сына Юрия и дочери Маши. Анатолий Григорьев в 1987 году работал главным инженером главка, а Эрвье был на пенсии, но постоянно приезжал в Тюмень.

Григорьев: «В один осенний день, когда Логанов, начальник главка, был в командировке, а я исполнял его обязанности, раздался звонок — и я услышал хриловатый голос: «Анатолий, ты чего там сидишь, старику скучновато одному, подскочи ко мне на заимку. Расскажешь, как дела». Григорьев приехал с заместителем начальника главка Валовым, хорошо знавшим Эрвье.

Встретил нас сухощавый, немного сгорбленный старичок. Он вспомнил, где работал Григорьев, и это меня поразило.

— А что вы медлите со строительством школы в Тарко-Сале?

Юрий Георгиевич — прекрасный стрелок, иногда осенью охотился на гусей и уток. Любил собирать грибы и ягоды. Однажды он попросил Григорьева, чтобы его похоронили в Тюмени.

— Я знаю, чувствую, сколько мне осталось.

У Пархомовича же остался долг перед Эрвье. Тогда в Москве проходила 19-я партконференция. Юрий Георгиевич болел, позвонил в гостиницу и попросил зайти. Но сразу после окончания Богомяков отправил домой тюменскую делегацию. Больше встретиться не удалось.

5

19.08.91. Утро. «Геологи, включайте «Маяк»!»

Русская народная музыка, наигрыши, «Вижу чудное приволье», «Гляжу в озера синие». «Московское время 7 часов 37 минут. До-

брое утро, дорогие радиослушатели! В эфире — экономический вестник, деловые новости».

И всё оборвалось. Потом: «Песенка про танцующих утят».

Переворот. Состав ГКЧП: Бакланов, Пуго, Язов, Янаев, Павлов (что успел записать). «Родина слышит, Родина знает».

Диктор Самойлов: «Прослушайте очередной указ *так называемого* ГКЧП». Чрезвычайное положение вводится с 4:00 19 августа на 6 месяцев. «Ой, не свите мисяченько». 14:40. «Передаем «Серепаду» Николая Мясковского».

20.08.91. Ельцин: «Хунта рухнула. Хунта рух-ну-ла!» По городу расклеены цветные портреты Ельцина. Плакаты «Комитета в защиту Ельцина» — «Россия будет возрождена». На здании Облсовпрофа черной краской — танк, зачеркнутый крестом: «Нет — диктатуре!»

21.08.91. Селекторное совещание у Черкасова.

Черкасов:

— Канада, США отказывают нам в закупках зерна. Буш не поддерживает ГКЧП. Мы сейчас в глубоком провале. Провоцирует тот, кто ничего не теряет, сам в стороне, а нам остается *мурцовка*. Зарплату подняли в два раза — надо упираться. Сверху жмут и снизу подпирают. Должен главенствовать союзный закон. Чернушка!

— Положение нормальное.

— Оса!

— Положение нормальное.

— Кунгур!

— Депутаты предлагают провести митинг.

— Краснокамск!

— Всё нормально.

— Березники!

— Положение нормальное. Только МВД просит нефть.

— Вишера! Как слышите?

— Слышу хорошо. Ведем заготовку кормов для совхоза «Бумажник». Заканчиваем подготовку к зиме. С 1 сентября надо затапливать котлы микрорайона.

Черкасов:

— Вчера должен был состояться пленум ЦК. Пермский партийный секретарь Чернышев вылетел в Москву, но пленум не состоялся. По телевизору передали: наконец-то коммунистам придет настоящий конец. День нефтяника, первое воскресенье сентября, — наш

великий праздник. Чернушка, подтянитесь. Добыча была в июле, но вы умеете расслабляться. Посмотрите окрест себя.

«Маяк»: эстрадный концерт. «Пока звучит тамтам в ночи».

22.08.91. «Маяк» транслирует митинг. 15:35. После митинга — «Торжественная увертюра» Глазунова, потом Цой.

Скандируют: «Ельцин — Хасбулатов», «Россия — Ельцин — Хасбулатов», «Россия — Ельцин — Руслан». Белле Курковой кричат: «Иди быстрее — «Шестьсот секунд», «Три секунды!»

Ельцин о священнике Глебе Якунине: «Пусть что-нибудь про Бога скажет!»

Гаврилов вернулся из Волгограда. Создается ассоциация буровых подрядчиков. Интерес буровиков — получить долю нефти, сохранить бригады — за полгода потеряли 160 единиц.

Мокичев:

— Надо создавать средства производства, надо перевоспитать человека. Надо, чтобы каждый мог получить башмаки, кусок мяса. Надо строить заводы глинопорошков. Не ракеты, а всего лишь глинопорошки — не можем! У нас веревочки и хомуты, а в Кувейте 150 человек горноспасателей заглушили 400 из 600 скважин, которые поджег Саддам Хусейн.

29.10.91. Актив объединения «Пермнефть».

Черкасов:

— На нефть все летят. Полазненцы одели начальника в бартер. На бартер претендуют все — врачи, учителя, пожарники, горный округ, геофизики, лесорубы. Со смежниками надо делиться, чтобы им кушечек обломился. Иначе — кирпич из Германии возить прикажете?

Организована корпорация «Роснефтегаз». Дьяков — министр топлива и энергетики СССР. Узнали по телевизору — образовано Министерство экологии и природопользования. Угнусение: слова «геология» нет. Рухнула Тюмень.

1991 год, ноябрь.

Поехали с Калабиным и Макаловским в Москву на Губкинские чтения. В поезде приготовил за постель два рубля. Шум в соседнем купе — постель стоит пятерку.

Директор ИГиРГИ Еременко:

— Кризис был тогда, когда в магазинах продавали иностранные шмотки, французских кур, австралийскую баранину, аргентинскую говядину. Пили-ели-веселились. Были крики — догнать добычу до миллиарда тонн нефти в год. Много голов полетело, много

инфарктов. Я внесу, выражаясь современным жаргоном, элемент шокинга. Это мы, нефтяники, виноваты в том, что происходит с промышленностью. Косыгинские реформы провалились? Ничего страшного. Появилась Тюмень, дешевая нефть, хватит на всё — на ракеты, на зерно, ведь цены на нефть после семидневной войны на Ближнем Востоке взлетели. И что в итоге? Мы даже не развивающаяся страна. Мы разваливающаяся страна.

Возвращение в Пермь. Приготовил пятерку за постель. Опять шум — постель стоит десятку.

Заметил: в 1991 году люди как никогда ждали прибавления света в декабре.

Макаловский:

— Как-то неудобно мне, замдиректору института, просить в столовой гарнир с подливом без фрикадельки. Как говорится, Штирлиц вышел на Мюллера, но ему всё равно не удалось отоварить декабрьские талоны на стиральный порошок.

1991 год, декабрь. Председателем правления концерна «Тюмень-геология» выбран Анатолий Григорьев.

В 1991 году баррель стоит 22,9 доллара. Начинается почти непрерывное снижение стоимости до 13,6 доллара в 1998 году. Добыча нефти в СССР снижается: 1988 год — 624,3 млн тонн, 1989-й — 607,2 млн тонн; 1990-й — 570,0; 1991-й — 515,8 млн т. Внутренняя потребность страны — 467 миллионов тонн.

05. 01.92. Дулепов слетал в Америку:

— Поздравляю вас с Новым годом! Как жизнь?

— Минус разведка, минус эксплуатация.

— Я вас понял. Простите, у меня схватывает язык от клофелина. Если не станет хуже, то полегчает. Помогло куме — поможет и мне.

Прилетели в Хьюстон. Что сказать про него? Я думал, что это пригород. Нефтяная столица, город небоскребов. На улице одни машины, там даже тротуаров нету. Была презентация — бизнес-мены из 68 фирм. Столы треугольником. Крупная фирма хочет купить большой кусок Западной Сибири, исключительное право на 30 лет. На приеме — ну что это такое? Наливают столько, сколько я обычно недопиваю. Рука не сходится, такой маленький румочка держал. До указа, бывало, как врежешь, всё из головы выветрится. В ресторане мы составили столы, официанты натащили пива, пятнадцать минут — и всё готово, никто не крикнул: куда, суконцы, стол тащите?

В первом часу ночи, уже в гостинице Лисовский, он самый опытный, говорит: «Надо как следует выпить. Стакан есть. СПИД через стакан не передается». Ко мне наклонился: «Ты моложе всех, Юрий Аркадьевич, жми в супермаркет. На тебя надеется всё прогрессивное человечество». — «Что это такое, супермаркет?» — «Магазин такой. Там есть всё. Работает круглые сутки. Купишь русскую водку, черный хлеб и селедку». — «Там всё это есть?» — «Там всё это есть!» — «В час ночи?» — «В час ночи».

Помню, на платформе в Северном море огромный зал, бесплатное питание. Шведский стол — почище московского ресторана. Ведь человек ест не в два пуза. Три автомата — мороженое, фанта-манта. Но здесь лучше — как дома с мужиками где-нибудь в гараже. Никаких тостов. Лисовский сказал:

— Нет страны.

— В этой стране...

— Ты что, с Луны смотришь на свою страну?

Молча выпили.

Утром голова — как кирпич. Анекдот есть такой. Жена: «Пил? Выговариваем первое проверочное слово — «Гибралтар». — «Нет, не пил». — «Скажи «сиреневенький»!» — «Ну, пил». Утром: «Квазску бы холодненького! Кто пойдет в супермаркет?» Кое-кто принимал холодный душ, обвязывался полотенцем и бегал. У них это просто...

А с Техасом так получилось. Приехали фирмачи, переводчица стройная такая, фигуристая. Я внушил американцам: «Я должен твердо знать, что представляет собой ваша фирма», — и полетел с мисс Уолтон. Я пролетел по всем филиалам — от Техаса до Аляски. На приемах подавали в основном минеральные воды. В «Боинге» я принимал коньяк, но есть ничего не ел, отказался от еды. Скандал! По трассе передают — летит русский геолог, ничего не ест, питается только коньяком. Ладно, в итоге привез тоненькую прозрачную папочку — это что? — бизнес-план по совместному предприятию «Урал-Техас».

Потом я полетел в Даллас, Давенпорт, Денвер. Где русские — там толпа, они выбрасывают стойки. На внутренних рейсах — не положено больше трех человек у стойки. Офисы похожи. У каждого кабинет, персональный компьютер. Наших курилок не видел. Ни карт, ни карандашей, ни одного графика от руки.

Теперь к делу. Январских каникул в этом году не будет — я понятно говорю или невнятно?

13.01.92. Дулепов:

— За праздники ветры потрепали добычу. Сейчас и пойдем — кто есть кто и что есть что. Доводить дело до конца, оставить следы пальцев. А тут еще повезли американцев в Кунгурскую пещеру. Взяли японский автобус. В Ергаче он сгорел. Загорелся двигатель. Огнетушители, то-сё. Дежурную машину не взяли. Я, дурак, разрешил шоферу не ездить. А они легко одеты, выскочили. Один пожилой американец из Хьюстона фильм снимал, как горело. О, этот Сашка Копалин — чтоб он на месте буксовал. О, зачем отпустил я его! Не давать, не давать волю добрым чувствам!

31.01.92. Дулепов:

— Кто голосовал за Ельцина, может сразу выйти. Ельцин решил: за проданную в третьем-четвертом кварталах нефть валюту не начислять. Доллары арестовали. Перестройка вошла в штопор. Сибирь создала глухой концерн. Я вернулся из Полазны — ездил с американцами, взял полдипломата таблеток. Был вынужден пить с американцами. Хотя они ничего не пьют. Они говорят: на Каменном Логу клюкву добывать можно, нефть — нельзя.

18.02.92. Дулепов:

— Владимир Дмитриевич *скупулезно* вникал в каждую скважину перед тем, как запасы попали к Лисовскому и его окружению, включая товарища Лещенко. Я знаю то, что мне нужно кожаное пальто по бартеру, мне не в чем ходить. Все-таки на дворе перестройка.

Гребнев был в Москве у этого мальчика — министра топлива и энергетики — Лопухина, что ли, говорит: «Эти угланы никаких законов не признают».

04.08.92. Роснефтегаз сохранил объемы. У нас совместное предприятие с Эквадором на Гарюшках, наши насосы не берут нефть с девонских глубин. Разговоры — они хотят сорвать банк и уйти.

— Юрий Аркадьевич, вы заняты?

— Заходи. Ты с чем?

— С Гарюшками.

— Давай карты. А лучше с утра. Я вчера из Парижа приехал — голова, как пьяной котел. С горничной полчаса говорил по-французски, она чуть не заплакала, ничего не могла понять, кроме «Вив ля Франс», «Бонжур, месье» и «Не вуле ву пэ дю шампань» — «Не желаете ли вы шампанского?» Это я у Березина научился. Все в Версаль поехали, а я в гостинице остался, был не в полном здравии, головку решил поправить. Потом мужики поехали девочек смотреть.

— Куда?

— Куда, куда, на Пляс Пигаль, вот куда. А я один в баре «Желтая собака» просидел на улице Фрошо. Потом они приехали, всё мне доложили про девочек. Так что давай завтра. Утром я бодрячком предстану. А потом в Киото карты по Гарюшкам повезу, что я говорю, не в Киото, а в Кито, в Эквадор, то есть! Я не хочу попасть, как хрен во щи. А то удар придется по мне всей плоскостью.

— Ага, Ливерий нарисовал... Рембрандт, блин. Вот это я и жаждал увидеть. Мы должны осуществить всё, что надумано. Ты мне скажи: откуда они нефть берут?

— Люди говорят — *коробчат*.

— Ты вот что, не лезь в эти дела. Нам работать, и нам садиться. А твои движения — это шорох воробья в сухом венике. Я не злопамятный — просто я злой и памятный. Так что не лезь. Я очень злой, и память у меня очень хорошая.

— Шекспир сказал: «Не бывает времен настолько тяжелых, чтобы не быть честным».

— Во! Во как честные заговорили. Значит, так: сделаешь текстовку, таблицы, найдешь меня и подпишешь мной.

— Давай бумаги — подпишу. Ты мне не переводи. Я всё усек. Пионер, бляха муха.

Ваня Чернышев сказал мне:

— Ты что, с дуба упал? Людочка жалуется, что ты у неё весь кактус ощипал.

— Нервничал после разговора с Дулеповым.

— Кактусом не покалечился?

— Нет, потому что сильно очень нервничал.

Я вышел из управы. У магазина-стометровки курил мужик, прижимая к губам пальцы. К нему подошли:

— Закурить не найдется?

Мужик опустил руку с сигаретой, обнажив щедрую наколку. Поперек лица — шрам, рассекающий губу. «Закурить, говоришь?»

И отшатнулись бродяги в ужасе.

Ночью приснился закипающий разговор, и на излете, перед будильником: «...Вы лжете!»

— Нет, не так всё было — я не сказал, что он лжет. Я сказал, что он не отличает лжи от правды. Англичане сказали бы, что он экономит правду.

25.08.92. Хозактив (уже не партхозактив).

Черкасов:

— Надо выжить. Надо нагнетать обстановку. Я сказал Гайдару, рядом с ним оказался: «Егор Тимурович, нам многие должны, но не платят». Он ответил: «Что вы хотите, вся Россия в долгах». Вольский рядом был, пошутил: «Правительство — общество закрытого типа с ограниченной ответственностью».

03.09.92. Дулепов рассказывал о поездке в древнюю столицу Японии Киото на мировой нефтяной конгресс:

— Летели на Ил-62 весело — пиво, обед, виски. Конгресс открыл наследный принц, но мы опоздали Анкета на английском — другого языка они не понимают. А мы наши доклады только по-русски и понимаем. Муслимов искал на карте Татарию — и не нашел. Я взял с собой Макаловского, знатока английского, на котором и шли доклады в Палас-отеле. Переводчица смылась по магазинам. Кожан у меня есть, теперь нужна цифровая видеокамера и импортная леска. Пошли покупать рыболовные лески. Взял Мака, пошли искать. Мака использовали на всю катушку. Что сказать про их магазины? Цены: бутылка пива у них 3500 иен стоит, к ней подают бокал холодной воды. Перешел на сакэ. Они его подогревают, подают в фарфоровых стопочках, фын-шмын, выпил, улицу перешел, всё! Морда красная, и больше ничего. На другой стороне улицы опять надо сакэ искать. Мак говорит: «Не волнуйтесь, начальник должен быть спокоен...» Ваксман, привез вам с Серегой труды конгресса, все секции, на английском языке четыре пухлых тома петитом, но с японской плоской лупой. Еле дотащил. Для вас старался. Мог бы выбросить в любую урну в Киото, что Муслимов и сделал.

Новости: «Пермнефть» вышла из «Нафты» и вошла в «Таникс». «Нафте» платили 0,6 процента, а «Таниксу» один процент — там три девочки и три мальчика. Зачем входили в «Таникс»?

1992 год. Принят «Закон о недрах», который конкретизировал механизм накопления и использования финансовых средств. Дефолт 1998 года обрушил фонд ВМСБ (воспроизводство минерально-сырьевой базы).

1992 год — баррель нефти стоит 22 доллара.

20.1.93. И. о. гендиря Гребнев неделю сидел в Москве, ждал вместе с 19 другими нефтяными генералами встречи с Черномырдиным. Сначала назначили на два часа ночи, потом на восемь вечера. Не принял их ни Ельцин, ни Черномырдин. Хижа представил нового министра топлива и энергетики — Шафраника. Тот сказал,

что нефть он знает, а в угле не разбирается, поэтому едет в Кузбасс. Гендиры сами составили пакет предложений и разъехались. Нефть упала в цене до 14,5 доллара за баррель. Правда, зима теплая.

15.3.93. Отправили меня встречать бельгийцев из фирмы «Петрофина». Это Жан-Поль Прюдо, д'Авиньи — руководители московской службы, Пауль Бауман — главный геолог, переводчица Таня Лопатина — француженка. Дали для встречи дежурный «Рафик» с шофером Валентином. Машина — грязная, на заднем стекле по грязи надпись: «Луис Альберто, вернись в семью!» Все смотрели тогда мексиканские сериалы.

Я ждал в аэропорту рейс 321, держал табличку «Пермнефть». Рядом — какие-то южные люди с десантными автоматами. Бельгийцы привезли два неподъемных кофра.

Прюдо: «Мы бы хотели поселиться в «Интуристе».

Я: «У нас нет «Интуриста».

— Проблема в том, что у меня нет фрака.

— Достаточно пиджака.

— У меня нет и пиджака.

Действительно, на нем свитер с кожаными вставками на локтях.

— Мы почти что в Сибири.

Колесо просело в Верхних Муллах. Справа — бордюр грязного снега, слева — миргородская лужа.

Таня: «Господин Прюдо говорит, что он никогда не видел, чтобы пассажиры не выходили из машины, когда меняют колесо».

Пацаны на лыжах уцепились за трамвай.

Мы завезли гостей в старинный особняк на Карла Маркса, 31, в гостиницу «Пермнефти». Бедная переводчица привезла с собой спальник:

— Будет ли горячая вода?

Сестра-хозяйка:

— У нас есть всё. Есть русская банька, есть сауна. Номера люкс. Лестницы из камня уральских пород.

26.01.93. Дулепов позвонил:

— Покажи англосаксам наши древние реки на скудном правобережье Камы.

Джеймс Данлоп — с повадками туриста, фотоаппаратом на груди, и Дедрик Бакстер — синеглазый бизон в сиреневом свитере, — недоверчиво разглядывали профиль — монотонное погружение слоев на восток от «финских хладных скал». «Ноу, ноу!» Им

подавай готовое месторождение. Вкладывать деньги на поиски в условиях риска они не желают. И вдруг! Понял я, что нужна карта распространения разновозрастных русел визейской палеореки и на правобережье Камы. Еле дождался ухода гостей, построил профиль с выравниванием кровли тульского горизонта и всё стало на свое место. Три уровня развития реки — тула, бобрик, радай! Мощности рифов к северу уменьшается, и по палеоруслу нефть может быть проброшена в зарифье. Это перспектива. Рисковая, но перспектива!

Там есть два месторождения — Тукачевское и Романшорское, оба на тульском русле. Иди на восток по нему до Барьера! Иди на запад, пока не упруешься в пустой Воскресенский вал! Всё! Нефти не хватило.

От мощного съемщика Володи Куртлацкова услышал как-то:

— Эта подлая баба всех сведет и разведет.

— Какая баба?

— Геология, кто еще. Она продаст тебя сто раз, двести раз, а ты ее — никогда.

6

3.10.92. На этот день в объединенной Германии намечалось празднование в Пенемюнде по случаю пятидесятилетия первого успешного запуска ракеты «Фау-2». Многие считали, что это было начало космической эры. Возмущение во всем мире. Канцлер Гельмут Коль отменил торжества...

03.10.93.

Оперативка у Мокичева.

— Скважина 753, параметрическая — плотницкие работы.

— Не плотницкие, а сварочные.

— Я и говорю: ПСР — плотницко-сварочные работы без расшифровки.

— Так говорят, когда не знают, что сказать. Еще пишут: сварка линий, настил полов. Доблестные геологи, зачем вам эта скважина рядом с Уралом?

— Геофизики нарисовали одиночный риф в автохтоне, перекрытый аллохтоном.

— Скажи по-русски.

— Риф в ненарушенных породах, сверху перекрытый сдвинутой с Урала пластиной.

Дома тепла еще не дали. Смотрим телевизор, завернувшись в одеяла. События в Москве. Я записывал для ребят по телевизору французский фильм «Френч капкан». И вдруг: «Вооруженная толпа ворвалась в здание Останкинского телецентра. Мы прекращаем передачу в связи с вооруженной осадой».

Валерий Виноградов — «Вести». Он говорит сбивчиво, узел галстука ослаблен: «На первом этаже идет бой».

«Тушинское сидение» в Белом доме. Слушаем «Голос Америки». У Правдюка — Олег Басилашвили.

Грузовик с выбитыми стеклами. Мальчик в свитере несет щит.

— Не звоните те, кто успел принять стакан на грудь. На первом этаже эфирной студии идет бой. Это был Игорь Апухтин.

Правдюк пригласил Собчака и Беляева.

04.10.93. 2:25. В эфир вышла Пермь.

Москва: передача «Урок истории» — памяти Некрича. В Москву вошла Рязанская дивизия. Капитан: «Те, кто в Белом доме, не знают, что такое десантно-штурмовые войска».

«Маяк» — песня:

*Но не унять, не утомить мне жажды,
И не уйти, куда ты зовешь.*

10:50. ТВ — Эй, ты, артист, чего стоишь? «Сникерсов» наелся? Пойдем с нами.

— Куда?

— Останкино брать.

— Эх ты, дурак.

Обращение Ельцина:

— Вы всё поняли в эту ночь...

«Подмосковные вечера».

Людмила Семина у Моссовета.

Камбурова:

— Я бы спела «Тишину» — «Слезы горячие наши да одолеют броню». Или «Россию» Галича — «Чтобы в сердце, как в Китеже, слышать благовест твой».

14.00. По «Маяку» — куранты. Давно их не транслировали. Ожидается выступление Черномырдина.

По «Маяку» — опять «Подмосковные вечера». И балалайка. К вечеру — опять тревожно. «Маяк» идет с Шаболовки. На Останкино опять движутся боевики.

1994 год, февраль. Ликвидация концерна «Тюменьгеология». В верхах возобладало мнение о сверхвысокой обеспеченности страны разведанными запасами.

Геология стала «лоскутной» — работа только в пределах лицензионных площадей.

Добыча «Пермнефти» за 1993 год — 7,2 миллиона тонн.

1994 год. «Пермнефть» объявлена неплатежеспособным предприятием. Анатолий Тульников, вице-губернатор Пермской области, стал генеральным директором «Пермнефти». Рабочую группу по реорганизации возглавил Николай Кобяков. Появилась прибиль — тысяча долларов! Черкасов потом корил себя за то, что сразу не вошел в «ЛУКОЙЛ» — тянулся к «Славнефти», «Роснефти». За «Пермнефть» шло сражение.

Дулепов — Мокичеву (по телефону):

— План есть — мы пошли по-красному. Чернушка уменьшила мертвые остатки, но очень тяжело шла. Не сглазить бы. Владимир Иванович, подожди, я с мысли сорвался. Я тебе позвонил по поводу... забыл... по поводу... вышибло...

— По 753-му номеру?

— Нет.

— Юрий Аркадьевич, вы просили выяснить с 753-м номером.

— Нет. Теперь окончательно вышибло. По этому номеру — генеральный метал икру, нас послал далеко-далеко, где кочуют туманы, — вы что, ребятки, до мантии хотите бурить? До фенькина заговенья?

Нас поймала параметрическая скважина 753 на Всеволодовильеве, попавшая как на грех в ту узкую полосу, где Урал сопрягается с платформой, в зону смятия, и буровики не могли выйти из надвинутой чешуи, из аллохтона. Скважина не допускала даже до забоя, а ниже, под забоем — как в шкатулке — одиночный риф, в котором явно была нефть. Ведь Королюк предупреждала нас — не бурите в зоне смятия. А как узнаешь, где она?

Мокичев уехал в Железноводск, в санаторий, «отбывать срок», как говорили диспетчера.

Березин:

— Начинаем оперативку на уровне уборщиц.

Шеф заходит — сальдо, бульдо,

Уходит — снова преферанс.

*Кот из дома — мыши в пляс,
Опять расписывают пулюку.*

Владимир Иванович, наверное, гуляет с какой-нибудь железной леди. А где наш подарок любимому начальнику? Мичуринцы уже косят цветы. Третья форма хозрасчета — расстрел.

Мокичев приехал неожиданно:

— Они мне как дали промывку по всему стволу, всё прочистили вдоль по туловищу (показал рукой). Однажды приснился мне в Железноводске вещий сон по скважине 753. Ребята растерялись, сопли развесили, молодые еще, и я тут горячей мочой ссать начал.

Утром сводку по телефону прочитали: «Поведение скважины за сутки не изменилось». Тут я понял: дело плохо, надо домой ехать. Конечно, недоотдохнул, недоперепил. Как говорит товарищ Дулепов, взад дороги нет. Чего не сделаешь для государства Российского? Поди, ребята сидят, задницу греют, тихобздеи. Там кочегарить надо, чтобы скважина не ёкнулась. Если потеряешь ствол, ставишь мост — и в сторону. Буровику что нужно? Твердость. Он, буровик, чувствует очень хорошо, если геолог дрогнул. Ведь давление в двести атмосфер надо держать на рычаге. Когда пласт испытывают — геолог или технолог станет рядом с бурильщиком, а то и руку на плечо положит, и он сразу спокойнее делается. На устье скважины решения принимаются без защитной реакции. В кабинете какие угодно решения можно принимать, а на устье... И вот что любопытно — фонтанчики не любят, когда нет пожара. Пожар — там всё ясно, а от струи газа всего можно ожидать.

Всё! Махнул Владимир Иванович серебряным крылом — и на утреннюю лошадь — домой, на 753-й номер.

— Вы нас штудируете за плохую работу. Хы...

— Не хыкай. Ваша служба не знает, хрен ли кто что узнает... Всё. Начинай, Березин. Начинай с 753 номера.

16.7.94. Столкновение первого обломка кометы Шумейкер-Леви с Юпитером. Во время своего предыдущего прохождения эта комета была разорвана гравитационным полем планеты на кучу гигантских обломков. После падения первого обломка — взрыв, газовый султан поднялся на 3200 км. Потом в Юпитер врезался обломок G — вспышка была видна с Земли. НАСА создает программу обнаружения околоземных объектов.

1994 год. ПНОСу предложили вместо 13-14 млн тонн — 8-9. Это не соответствовало технологическому режиму. Идея — сделать предприятие от скважины до нефтепереработки. Историческая встреча Вениамина Сухарева, директора «Пермнефтеоргсинтеза», с Вагитом Алекперовым.

1994 год — баррель стоит 17,7 доллара.

1995 год. Решение «Пермнефти» войти в АО «Лукойл». Предприятие зачем-то разделено на две части. Граница — Кама.

1995 год — баррель стоит 18,7 доллара.

1995 год. Токарев дольше других продержался в годы перестройки, возглавляя «Ханты-Мансийскнефтегазгеологию» и получил в 1995 году американскую премию «Факел Бирмингема» — «за выживание в трудных геологических условиях».

19.5.96. Астероид по имени JA1 приблизился к Земле на расстояние 280 000 км — шесть часов лёта до столкновения. С начала регистрации ни один крупный объект так близко не приближался к Земле. Он был от нас в четырех сутках пути, когда его обнаружили два астронома в штате Аризона и сообщили в НАСА. Никто никому ничего не сказал. В последний момент его унесло прочь. Эдвард Теллер, отец американской водородной бомбы, считал, что величайшая угроза человечеству — не ядерная война, а космическое столкновение. Мы продолжаем жить так долго благодаря чистой случайности.

6.11.96. Сестренка моя тяжело больна. «За что? За что?» — «Мы пронырем. Свечка, мы прорвемся, как в тот раз. У тебя есть я». — «За что?»

Серая Шейка осталась в замерзающей полынье. Мизинец — в щелочку почтового ящика. Разве трудно бросить письмо, чтобы оно помчалось на поезде или полетело, тоскуя, на воздушном корабле? Идет моя Серая Шейка с фунтиком печенья из китайского магазина на Кировской, заходит в подъезд — о, радость! Конверт! Почему я так редко писал ей, ведь это так просто — опустить письмо в почтовый ящик.

Мы со Свечкой даже спели отрадное, студенческое, Сухарева — «По улицам Москвы гуляет листопад», Шангин-Березовского — «В Звенигород, в Звенигород идем».

Мы с ней ночи напролет говорили, пока боли не начались. Лежали, руки за голову, и говорили-говорили, как в детстве, не могли наговориться — о чём раньше никогда и не говорили. Картина проступала на стене, где утро, туман на реке. Свечка открывала мне свои тайны.

— Мерабчик взял меня за руку — почему у тебя такая рука холодная?

Теперь она рядом с мамой. Когда цветут липы, я приезжаю к ним на кладбище поправить могилку, присмотреть за барвинками. Недавно мимо кладбища по Головинскому шоссе, в газетах писали и по ящику показывали, строем маршировали баркашовцы — в форме со свастикой, в ремнях. Фашисты именно здесь ближе всего подошли к Москве. Лужков прекратил эти марши.

Когда уже боли Свечку мучали, она рассказала мне — чтобы это с нею не ушло навсегда:

— Как-то в застолье разговор завели — кто как в первый раз крепко захмелел. Мераб вот что рассказал — после всех этих историй про портвейн «три семерки» в подъездах с девочками. Никто уже никого не слушал, когда Мераб начал говорить — очень тихо, но все замолчали. Ему было лет пятнадцать, в деревню ездил к деду, погреб для вина делали. Вечером, конечно, был стол, настоящий грузинский стол под яблоней, и дали ему рог с маджари, и он пригубил молодое вино, и он отпил, и он начал пить, и он увидел яблоки, и рог восходил, как месяц над горами, и лицо его все вышло, и, наконец, он увидел звезды, и звезд становилось все больше и больше, и он увидел всё небо, он увидел все звезды неба, и они стали как яблоки. И вдруг большие мохнатые звезды как яблоки упали на землю! И небо упало на землю!

Я ложусь на траву, смотрю вверх, пока не загорается на потемневшем небе первая звезда. Теперь мы вместе, и папа где-то недалеко, *под Москвой*.

31 июля 1999 года — «Лунар Проспектор» доставил в кратер на Луне капсулу с прахом планетолога Юджина Шумейкера. Капсула врезалась в Луну, как комета Шумейкеров-Леви в Юпитер.

2002 год. Упразднен действующий фонд ВМСБ.

2003 год. Перед новым 2004 годом образована единая организация — ООО «ЛУКОЙЛ-Пермь». Простые названия: «геологический отдел», «отдел разработки» исчезли. Появились — «отдел геологоразведочных работ и лицензирования», «отдел проектирования уровней добычи и разработки и лицензирования». Конечно, Викторин придумал аббревиатуры: отделы ОГРИЛ и ОПУДРИЛ. Главный геолог *огрил* и *опудрил*. Или наоборот — *опудрил* и *огрил*.

Калабин рассказывал:

— Я познакомился с человеком, который вместо Лангепас—Урай—Когалым придумал слово, и оно заиграло — «ЛУКОЙЛ»! Оле-Лукойе!

Глава 41. Генерал Леонов

Алексей Леонов был командиром первого экипажа на «Союзе-11», но Кубасов заболел, полетели дублеры и погибли при возвращении на Землю. Отменили и полет на «Союзе-12». Леонов должен был лететь на станцию «Салют-2», но станция была утеряна в результате аварии ракеты-носителя. Из всех нештатных положений он выкарабкивался, прошел огонь, воду, медные трубы и чертovy зубы.

В августе 1991 года Леонов, заместитель руководителя Центра подготовки космонавтов, был уволен. Причина? Накануне у него была деловая встреча с путчистами Язовым и Баклановым. Заодно разогнали весь первый отряд космонавтов. Министр обороны Шапошников сказал:

— Знаете ли, новое время требует новых людей.

— Ладно, я пошел.

В конце концов, он не только космонавт. У него в руках профессия — он художник. Еще он строитель, архитектор, ученый, каменщик, политик, столяр, спортсмен, садовод. Он обаятелен. «Соколики» — это его словцо, подаренное Королевым.

Как-то к Новому году на грузовом корабле «Прогресс» Леонов отправил на станцию «Мир» посылку с огурчиками собственного засола — со своего огорода.

Леонов стал бизнесменом. Бизнесмен — это человек дела: «Надоело быть серыми, худыми». Работы — по горло: лес, техническое стекло, конфеты, цемент. Дальнему Востоку нужно много цемента — для нефтегазовой программы «Сахалин-2», для федеральной трассы Чита — Хабаровск. Леонов привык всё делать в высшей степени профессионально. А начинать дело, бизнес нужно так:

— Всем вместе сесть за стол, посмотреть в глаза друг другу. И вдруг стать прозрачными для понимания.

Мы еще не поняли, что наша маленькая планета Земля — это международная космическая станция.

Генерал Леонов Алексей Архипович разглядывает конфетные обертки новой кондитерской фабрики. Разглаживает фантик:

— А меня в детстве никто конфетками не кормил. Я привык больше к простой еде — огурцам, помидорчикам, картошечке.

Еще бы — у него шесть сестер и двое братьев, шахтерская семья.

Именно он, космонавт Леонов, привлек к конфетному делу европейскую компанию, когда-то вложившую капитал в железнодорожное строительство в дореволюционной России...

Голубой мундир, голубая рубашка, глаза — голубые, мальчишеские. Талисманный фильм космонавтов — «Белое солнце пустыни» — Леонов видел сорок четыре раза!

Он из породы мушкетеров. И Павел Беляев — тоже. Он был командиром Великой космической экспедиции, слава которой досталась второму пилоту.

Серебров пел на встрече космонавтов митяевскую песню — «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». Леонов не пел. Он, как сейчас говорят, безпафосный человек.

На его столе — бизнес-план: приобретение новых линий по переработке какао-бобов, по производству карамелей «Раковая шейка», «Гусиные лапки», вафельных батончиков. Однако же надо внедряться и в шоколадный сектор — как по развесным конфетам, так и по коробкам. Леонов знает, какие сласти у нас идут лучше всего — мягкие конфеты с помадными начинками, глазированные шоколадом. Он едет в Центральную Азию, чтобы узнать, что там подают к чайным столам. Последняя новость — начали выпуск пакетированной по триста граммов карамели «Слами» — леденцовой, ванильной и еще — со вкусом амаретто.

Леонов поднимает голову.

— Мы могли первыми облететь Луну. Мы по глупости не реализовали лунную программу.

Рука сжимается в кулак:

— Ведь могли! Могли! Могли!

Глава 42. Охранник южного входа

1

Как-то попал я в больницу на Городских Горках. Там много было народа из «Пермских моторов», как в то время стал называться Свердловский завод.

Иван Степаныч работал охранником южного входа.

— Вот так и жили-поживали, добро наживали, коммунизм приближали, а рельсы-то, как водится, на горизонте сходятся. В шестьдесят втором году паспорта колхозникам раздали, и все как побежали, как побежали из деревни-то. Сосед Никола через год приехал — модный, в затемненных очках. А потом и я уехал, но все такой же простой деревенский парень остался — кость да жила. Ведь всю жизнь трудился — работа, общественные нагрузки — дружина, выборы...

— погоди, Степаныч! Эй! Радио погромче! Еще громче!

— Экстренное сообщение из Байконура... В рамках осуществления программы изучения планеты Марс... ракета-носитель «Протон»...

И пошло по всем коридорам и палатам:

— «Протон» в шахте... Москва передала: ракета уже в шахте!

Женя — конструктор, читал «Петра Первого» Алексея Толстого — кирпич как раз для больничного чтения. Он потянулся со сладким хрустом:

— Так, ракета в шахте. У нас в Перми первую ступень «Протона» делают. А разгонный двигатель — это уже в Самаре. Ракета в шахте — это хорошо. Я ведь красной планетой интересуюсь с тех пор, как «Аэлиту» прочитал. Я себя инженером Лосем воображал. А потом уже Марс стал работой — стендовые испытания, искали причины неудач, а их хватало. Мы ведь туда летали года с шестидесятого, еще до Гагарина. Только на четвертом пуске, на «Марсе-первом» что-то получили, но азот потёк. До этого то на околоземную орбиту не можем выйти, то разгонный двигатель отключится или даже взорвется, то солнечные батареи не раскроются.

— А американцы?

— Загнивающие начали летать много позже, года с шестьдесят четвертого, когда запустили «Маринера», по-нашему «Моряка». А потом началось! Лунная гонка, суперсерия, будто хоккей-заруба, не до Марса стало. А после того, как американцы Луну взяли, все

снова на Марс навалились. У них успехи на «Маринерах», у нас — неудача за неудачей. Зато в семьдесят первом году наш «Марс-третий» первым мягко сел. У них следом — «Маринер-девятый» попал в пыльную бурю, зато, когда наглотался, когда переждал ее, выдал такие снимки Фобоса и Деймоса! Потом у них оба «Викинга» мягко сели. Американцам больше с Марсом везло, а нам с Венерой — богиней любви, укутанной в облака. В шестьдесят первом году мы пальнули два раза — полтонны надо было разогнать до второй космической. Первый раз — неудачно, а второй — отработали все четыре ступени, от Венеры прошли на сто тысяч километров. Потом «Маринер-второй» пролетел от Венеры в тридцати тыщах километров, а наш «Зонд» — в двадцати. Наконец, наша «Венера-три» привезла туда вымпел с гербом. Корольчик маленько не дожид до этого. Бабакинские «Венеры» мягко садились, и мы узнали: атмосфера адская — углекислый газ, чуть-чуть кислорода, азота нет...

Тут ко мне пришел гость — Лева Баньковский. Он когда-то работал на Свердловском заводе.

— Не понимаю, зачем лететь на Венеру и Марс.

— А вдруг есть жизнь на Марсе? Там сила тяжести вполовину меньше земной. Атмосфера есть, правда, разреженная.

— Да, но это углекислый газ, кислорода нет.

— С температурой полегче, чем на Луне.

— Летом днем тепло, а ночью — Антарктида.

Лев взорвался:

— Раз Марс существует, значит нам туда надо! Если колонизация Марса невозможна, надо делать исследовательскую базу.

2

Под Женино рокотание и высокий срывающийся говор Баньковского я отложил книгу и принял двойное обезболивающее — не до Марса мне было.

Степаныч — полушепотом:

— Тянет, браток?

— Есть маленько.

— У нас на заводе оперативка, пятиминутка, а у врачей линейка называется. И вот что я узнал, земляк, у сестричек про хирургов. У них вроде как лесенка. Галина Михайловна, скажем, кандидат наук. Ступенька — доцент, и так по ступенькам — до профессора.

Но ей мужики хода не дают. Ведь все они очень сильные ребята. Франц Иванович мне операцию делал, и тебе будет делать. У него всё на улыбочке, сам конопатенький, срыжа, очки на кончике носа. Он по железам работает, камни выбрасывает, печень режет; по гружевикам, вроде тебя, по зобарям.

— Этим, говорят, морская капуста помогает, спецтаблетки иодированные. А рак лечат так, я слышал, — от акулы мускул берут, ага. Один грузинский ученый установил...

— ...а потом, когда Бабакина уже не стало, империалисты запустили «Магеллан» — спутник Венеры, нанесли на карту имена своих знаменитых дам...

После операции на постель меня перекладывали всей палатой, и Степаныч от кружки с горячим чаем оторвался.

— Я не похож на привидение? Холодно после наркоза.

— Это банальная физика, — сказал Женя и снова взялся за «Петра Первого». — Между прочим, за бугром есть специальные палаты пробуждения.

— Так то у них, в задней Европе, а мы без высшего образования, сами себя в порядок приводим, — сказал Степаныч. — Как вы думаете, почему я по утрам всегда пью крепкий горячий сладкий чай? Потому что отходы потом больно хорошо идут. После горячего чая кашлять очень хорошо. Я ведь на станке работал, любил сжатым воздухом охлаждаться — лицо, бывало, подставишь, го-го-го! Вот и наглотался: трахей-дыхало подпортил. Сужено у меня трах-дыхало, да и бронхи стали неисправны. Платили на станке мало, зато получал за всякую рацуху. Резец поменял — всё, гони пятерку! В итоге мотоцикл «Минск» купил. Но это так, к слову.

Чай Степаныч пил байховый (он говорил — *байковый*), крутой заварки черный индийский чай «Королевское сафари», пил свирепо, плотно обхватив кружку двумя руками, всей душой вдыхая теиновые флюиды, так что глаза его серые, как осенний денек, до слезы заволакивались. Менялись соседи, а он оставался — Иван Степаныч Ощепков. На табурете — потертая кожаная офицерская сумка. На газетке «Местное время» — кружка крепкого чая, пачка «Примы», на ней спичечный коробок.

— У меня еще много каких болячек. Астма, например. Ее как получил? Первую готовность объявили — заправляли ракету, я окислителем отравился, и астма у меня открылась. В Бершети был передвижной состав. Отвлекающие цели, штук двадцать. Офицеры — за

машинистов. Сейчас эти шахты ракетные все повзрывают — и в Жилино, и в Шадейке.

— Секретные сведения выдаешь, Степаныч!

Он рассмеялся, раскашлялся.

— Как-то шпиона американского забросили в наш город. Ищет ракетный завод, баня ориентиром. «Как пройти к бане?» — «К бане-то? Легко! Баня у нас аккурат против ракетного завода!» Продолжу. После отравления меня перевели на легкую работу. Жизнь пошла на конус, ядрена гуща. А что в конторе делать? По костяшкам щелкать, да на голяшки поглядывать. Ушел оттуда, сейчас в охране работаю, на южном входе. Как-то сидел в будке в восемьдесят четвертом цехе. Ливень линул, гром и молния. Ветку тополя сбросило на сигнализацию. Вытяжная труба оборвалась и полетела в периметр. Ракетостроители шли как раз с обеда. Хорошо, что вытяжная упала не на людей, а на тепловую трубу сверху грохнулась. Начальник караула Марухин звонит: что у тебя? Ну, думаю, загремлю под фанфары, как говорят в кинокартине «Вечный зов». Ладно, прибыл к Марухину. У него стол, телефон, журнал прошнурованный, пронумерованный, проштемпюлеванный сюргучной печатью, прошитый суровыми нитками, дратвой, из льна ее делают. Правда, секретарши у него нет — бабы с такой попой сидячей. Ну да он и сам парень емкий...

Степаныч опустил в стакан кипятильник, сработанный из двух старых лезвий «Балтика» и клистирной трубки.

— В другой раз Марухин вызывает: надо нового директора охранять. Фамилия его такая интересная — Киндеркнехт. Тут у меня потолок поехал. Раньше я не слышал, чтобы так говорили, но у меня действительно потолок потёк, то есть крыша в пути, резьба сорвалась, шифер сыпется. Ведь у нас в охране дебилов очень много. Менты списанные приходят — ни одного нормального нет. И вот такая мысль у меня запала в мозговые клетки — просят ведь автоматами. Еще с нами дежурили два парня на мотоциклах. С наганами, ага. Потом ко мне домой как-то вечером приходит участковый. «Жена дома?» — «Супруга, к тебе пришли». И вот что он ее спросил: можно ли мне, то есть Ивану Степанычу Ощепкову, доверить оружие. После этого пришлось таскать на пузе восемьсот пятьдесят граммов железа. Но мысль из мозговых клеток не выходила — как быть, если на тебя да с автоматами...

Койка Степаныча заправлена по форме, табуретом заглажена. Подушка, как пилоточка, сбита набекрень. Мне ни разу не удавалось так задраить кровать.

— Ничего, ничего. Корабль на Марс полетит на нашем «Прото-не» — может, получится на этот раз, заплатят хоть за май-июнь. Ведь ноябрь на дворе! «Буран», помню, делали. В сорок третьем цехе план по титановой стружке двадцать семь тонн был. Стружка-то легкая, двести килограмм бадья. Потопчешь — до четыреста килограмм получается. А потом не топтали и не взвешивали, а писали по четыреста килограмм. Тогда еще платили вовремя.

— Как же вы без денег-то живете?

Иван Степанович повернулся ко мне по-волчьи, всем телом. Ко всему прочему миазит его мучил.

— Как живем? Я сам с супругой живу во Фролах. У нас есть животные. Их надо накормить — свиней, кур. Свиней чем кормим? Картошка, комбикорм, крапива и обязательно — ложка маргарина. Это обязательно! Похолодает — завалим поросю. На свежати-ну захмелимся с супругой обоюдно — хорошо! Так и живем. Без растений и животных не знаю, как и жили бы. А тебе-то, парень, платят?

— Да платят пока.

— Однако кефир пьешь трехпроцентный. Ты с какого года-то?

— С тридцать шестого.

— А я с тридцать восьмого. Вам, которые с тридцать шестого года, еще повезло маленько — поди, нигде и не довелось побывать. Тридцать шестой год в самый перекур угадал — и в Корею не влетел, и во Вьетнам не попал. А мы, тридцать восьмой год, например, Кубу маленько прихватили. Добровольцев набирали. Кто поедет — шаг вперед. Ну а ежели вы не желаете — приказ будет. Ладно. Поехали к Феде Кострову, то есть Фиделю Кастро. Нас в трюмах прятали, на баржах. Сначала мы думали — в Индонезию везут. Однако же прибыли на остров свободы. Каски нам выдали, противогазы новенькие, с боковым поглотителем. Потом блокада началась, нас обратно попёрли. Круиз, бляха-муха! Сидим на палубе под вид отдыхающих, на нас костюмы тропические шикарные. Американские истребители пикируют, а мы в шезлонгах сигары курим. Еще и спички специальные выдали. Хо-хо! В Карибском море купались! Отдыхающие!

Тут Женя выступил:

— А мы как-то в Венгрии в сапогах, в противогазах до озера Балатон два километра топали. Морду всю стянуло. Клапан-то я убрал. Подбежали к Балатону, а вода в нем как щелок теплая...

Он будто черпанул в горсть теплую балатонскую воду.

Ждали новости по «Маяку». Женя приложился ухом к хрипящему приемнику.

— Ну что там?

— Ракета в шахте.

— Мы это слышали!

— Э-э-э, отложили запуск. Что же это значит, по большому счету? И вчера передавали, ракета в шахте.

— Это значит, наши деньги опять прошли, как над Штирлицем журавли. По большому счету. Как бы наш «Протон» чем не накрылся.

— Накаркаешь, Иван Степаныч. Эх, скорей бы утро, да на работу! У меня ведь ракета на кульмане, а не в шахте.

— Коля, друг!

Они поздоровались кулак в кулак.

— Как жизнь молодая, Степаныч? Ждешь, когда «Протон» полетит?

— А ты не ждешь? Вся палата ждет, вся больница, весь завод наш ждет с большим волнением. Но мы скоро всё будем знать о нашем «Протоне». Телевизор обещал принести мой зятек. Он богатей. А нам с супругой без золотого запаса больно худо. Горбачеву хорошо, у него, говорят, дача семь комнат, в каждой по цветному телевизору. Дочь у меня родилась в шестьдесят четвертом году, так супруга двести рублей декретных получила. Я их на зверь-книжку отнес, а потом телевизор «Енисей» купили черно-белый. Недоведенный до ума ящик попался, ох и намучились мы с ним. У Ельцина тоже, поди, не один цветной телевизор. В девяносто третьем он в Москве шухер наводил. Потом, правда, у всех от заднего мостика отлегло...

— Ельцин — распродаешь твою медь...

— Коля, ты прямо как наши старые директора. Генерал-майор Солдатов всех богов и боженьят собирал. Поэтому женщин на оперативках у него отродясь не было. Мне кое-что порассказывал бывший его референт, потом в тридцать четвертом цехе работал. А Субботина я невзлюбил, хотя один раз с ним по ручкам здоровался. Ты хочешь знать, где это я с Субботиным по петухам здоровался? Как-то я в приемную бумаги относил от Марухина. И там я увидел самого Павла Садырина, великого тренера нашей команды «Звезда», а после уже — питерского «Зенита». Садырин пришел

просить, чтобы футболистов отпускали на сборы вместе с женами. И заметил я, что у него самого в одежде непорядок — носки разные, и пуговицы на курточке дамские. Субботин из кабинета вышел, всем руки пожал — и Садырину, и мне, и другим. А невзлюбил я его вот из-за чего. Живу я, как ты знаешь, во Фролах, где летно-испытательная станция. Как-то закеросинил. Утром смена в семь двадцать. Автобус ЛИСовский ушел. Только бы добраться вовремя! «Волга» идет субботинская. У него ведь два шофера было на сменку, по сто семьдесят рублей каждый получал. Голосую. Руку вверх! Обе руки! Нет! Знал же, что мне на работу. Ладно, газончик шел следом, и я в цех поспел.

— Чего захотел, Степаныч — чтоб директор тебя на работу возил.

— Н-да. Однако же надо сказать, что как директор он справедлив был. Брат его инспектором работал. Как-то Субботин ушел в отпуск, а подхалимы тем временем брату квартиру сделали. Субботин воротился из Кисловодска — квартиру у брата отобрал, всех по кочкам разнес! А Черкасов поначалу работал начальником снабжения. Потом генеральным стал. Сам маленький росточком, а баритон грубый такой. Киндеркнехт как раз после него пришел. Но я про механо-сборочный цех хочу сказать. Там ох какие сильные мастера были...

— В котором это цехе?

— В сорок четвертом.

— Степаныч, да как ты не запутаешься с этими цехами?

— Да ничего особого. Какие у нас цеха? К примеру, восемьдесят третий цех — древесный, одиннадцатый — обдирочный, сорок четвертый — механо-сборочный, девяност второй цех — благоустройство, это самое последнее дело. Скажи, Коля?

4

— Наш корреспондент передает из Байконура...

— Тишина! Ти-ха!

— ...На околоземную орбиту выведен российский космический корабль «Марс-16»!

Я сказал:

— Ну, мужики, радоваться надо!

— Рано радоваться, — сказал Женя, — он еще на промежуточной орбите. Между прочим, Марс для нас — какая-то заколдован-

ная планета. Штук пятнадцать запусков неудачных, и «Марсы», и «Зонды» — то с земной орбиты не уйдут, то система ориентации не сработает, то ступень взрывается. Но все же облетели его, и мягкие посадки были. У американцев немногим лучше «Маринеры», «Викинги» работали...

— Ну и музыка, — сказал Степаныч, — плакать хочется.

— Рихард Вагнер. «Тангейзер», — сказал я.

По радио вызванивали позывные «Маяка».

— Ракета-носитель успешно взлетела, вывела на орбиту Земли космический аппарат...

— Ур-р-ра-а-а!

— ...четвертая ступень загорелась и отбросила зонд в неизвестном направлении...

— ...твою-ю ма-а-ать!

— ...в результате марсианский корабль рухнул в Тихий океан между чилийским берегом и островом Пасхи...

— ...ма-а-ать твою-ю!

Женя скривился:

— Наша-то пермская ступень сработала. Это самарский разгонный блок накрылся. Скорее всего, он включился раньше времени. Корабль чиркнул по атмосфере, и... — Он сжатыми пальцами показал снижение...

— Деньги на ветер.

— Как это могло произойти? — спросил я.

— Это ты критическую точку затронул, — сказал Степаныч.

Задумался:

— Вот что я скажу: бардак. Как-то, помню, у нас резиновую заглушку в топливной магистрали оставили — из Москвы комиссию прислали. Еще воруют много. Я вот, к примеру, охраняю южный вход. По мелочи — болт, гвоздодер — неси, но чтобы начальство не видело.

— А по-крупному?

— А по-крупному, скажем, поковки с никелем — нет. Нет! Мне в тюрьме не выжить с молодыми зверями. Шоферу говорю: «Что везешь?» — «Найдешь — твое». Не знаю, как на северных воротах или на железнодорожной ветке, но у меня на южном входемышь не проскочит. Правда, вывозить-то особо нечего, все уже вывезли. Зашел я как-то в гости к одному водиле. Кухня у него речечкой обита. «Рейка-то с восемьдесят третьего цеха, поди?» Смеется. «А как вывозил?» — «Как — да на машине». — «Через мою проходную?» —

«Нет, через северный вход». — «Да как же, скажи, вывез-то?» — «Трубы загрузил, а рейки вовнутрь труб затолкал». — «Ладно, что не через южный вход».

— Алексашка Меньшиков говорил: «Герр Питер, мин херц, вели всем нашим карманы зашить», — сказал Женя. «Пошто?» — «Да голландцы-то, дураки, дверей вовсе не запирают».

Степаныч потянулся:

— Значит, накрылся «Протон». Опять мимо кассы. Придется нам с Пахомовной приговорить подсвинка к смерти-казни...

Встал во фрунт, взял под козырек:

— Именем Российской Федерации, руководствуясь статьей тридцать три, часть вторая, пункт третий. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит.

5

Выписали меня внезапно. Степаныча я нашел на пятом этаже. Курил он так же, как чай пил, вдумчиво, тяжело затягиваясь, без остатка вбирая дым, напиваясь им. Я оставил Степанычу шприцы, таблетки от боли и ушел к сестре-хозяйке за одеждой. Там он и нашел меня. Протянул кипятильник.

— Ты не должен быть в обиде на палату — и коллектив нормальный, и кормежка приличная.

Я надевал куртку, рукав не слушался. И вдруг мы неудобно обнялись, молча постояли. Потом Степаныч быстро ушел, а я никак не мог попасть в рукав, да еще и молнию заело.

Глава 43. «В том городе есть сад»

1

Над столом — репродукция с картины Уистлера «Гармония в синем и серебряном. Трувиль». Облачное серое небо, пляж. Человек смотрит на небо.

Сейчас имя Баньковского овеяно легендами как в реальном мире, так и в пространстве интернета. Московский романист Анатолий Королев, сам родом из Перми, поведал, будто бы к Леве об-

ратились за помощью три буддийских монаха из Катманду — обриту головы, шафранные одежды. Они искали таинственную гору, где находится выход в Шамбалу, место, где земля сходится с небом. Только один из монахов изъяснялся по-английски. Он сумел поведать Лева о видении священной горы — холма, поросшего еловым лесом у истока большой реки, текущей к Ледовитому океану, и просил его быть проводником. И Лева повел монахов к горе в верховьях Печоры, которую он видел в молодости. Он-то знал, что холм, поросший еловым лесом, на языке коми, древнего лесного народа, зовется пармой. Только ель вызывает образ зубчатой стены, а ельник на холме дает уединение на вершине. На склоне холма их настигла грозная туча. Но они продолжали подъем. На самой вершине светило солнце, а вокруг горы — молнии и ливень стеной. «Дух горы спасает нас», — объяснили монахи.

Потом Лева уточнил:

«Есть гора из чистого золота. Раз в тысячу лет на ее вершину прилетает ворон и точит свой клюв. Так вот, когда им будет истечена вся гора, это и будет секунда вечности».

Будто о нем писал Андрей Платонов в «Чевенгуре»: «Как и каждого человека, его влекла даль земли, будто все далекие и невидимые вещи скучали по нем и звали его». Баньковский исходил Урал от Пай-Хоя до Мугуджар, искал подтверждения своих идей. Он стал кандидатом географических наук, доцентом. Диссертацию защитил на стыке географии, геологии и ботаники. Он преподавал геоэкологию в Соликамском пединституте, занимался мониторингом и прогнозом развития геоэкологической ситуации.

2

От соликамского аэропорта можно за несколько минут пешком добраться до жилых районов. Из окна самолета Лев выискивал место для будущего сада — до Клестовки, Карналлитово, Боровска. Нынешний соликамский дендрарий еле разглядишь.

Когда-то именно в Соликамске, в Красном Селе Григорий Демидов заложил большой ботанический сад. В оранжереях и в открытом грунте — редчайшие растения. Ананасы поставлялись московскому двору. Сам Стеллер, работая в этом чудесном саду, начал писать «Флору Перми». Великий Карл Линней так понравился Демидову, что тот всех трех своих сыновей отправил к нему в Швецию, в город Упсала — учиться науке ботанике. После смерти

Григория сад продан и поделен, разделив судьбу чеховского «Вишневого сада». Мало того, соликамские коллекции увезли в Москву, где они стали основой главного ботанического сада страны. Это еще одна ниточка к Чехову: «В Москву, Москву, Москву!» Какой еще сад может быть в Пера маа, в дальней земле!

*По улице брести, почти что не колеблясь,
Под небом голубым смеяться невпопад,
Авоською пустой остановить троллейбус:*

— Спасибо, милая, спасибо.

— Едем в парк!

— Мы едем в парк! Спасибо, дорогая.

Как локон у нее трепещет завитой,

Когда она троллейбус распрягает

И песенку поет про город золотой!

У Баньковского был личный интерес к саду. Самые первые цветы на Земле появились на излете пермского периода. Какими они были? Время сохраняет пыльцу, отпечатки листьев — но не лепестки. Великий палеоботаник Сергей Мейен подозревал, что они похожи на магнолию. Лева вглядывался в подснежник — ветреницу пермскую, редчайший (500 экземпляров!) астрагал кунгурский — и они помогали ему. Он понимал Уэбстера — тот упал на колени и молился, увидев в Шотландии желтый цветок утёсника.

Линии разломов Баньковский, профессиональный геоэколог, считал реальными миграционными путями растений. По его представлениям, на древнюю Тимано-Монгольскую систему северо-западной ориентировки — от Кольского полуострова до Монголии, наложена субмеридиональная Уральская система. Он выделял ботанические индикаторы движений крупных геоблоков. Отсюда — дорога к геоэкологии. В последние годы главное дело для него — провалы грунта в городе Березниках, затопление калийных рудников. Одна из его книг называется «Опасные ситуации природного характера».

Баньковский считал, что Березники, Соликамск, Усолье со временем неизбежно сольются в один город, который свяжет Средний Урал с Белым и Баренцевым морями, с Архангельском и Сыктывкаром. Будущий миллионник видится очень домашним городом.

По слову Алексея Решетова:

*Мой город тих и невелик,
Без шумных улиц с гаражами,*

*И облаков прощальный клик
Прекрасно слышат горожане...*

Клик облаков... Журавли — где-то за облаками...

«Здесь будет город-сад. Несмотря ни на что, вопреки всему, этот город — вечен», — вот что сказал всем нам на прощание Лев Владимирович Баньковский — мальчик, притворившийся большим.

Байрон:

*Покуда Колизей неколебим,
Великий Рим стоит неколебимо.
Но рухни Колизей — и рухнет Рим,
И рухнет мир, когда не станет Рима.*

Уитмен:

*Приснился мне город, который нельзя одолеть,
Хотя бы напали на него все страны вселенной.
Мне снилось, что это был город Друзей,
Какого еще никогда не бывало,
И что превыше всего в этом городе
Крепкая ценилась любовь, и в ней была главная суть,
И что каждый час она сказывалась в каждом
Поступке жителей этого города,
Во всех их словах и взорах.*

Ширра, американский астронавт:

— На высоте ста миль не существует границ, и если смотреть из кабины космического корабля, не видно их и на Земле.

Глава 44. Открывая Землю

1

Старые пермские геологи помнят, как иностранных участников уральской экскурсии Международного геологического конгресса 1937 года катали на прогулочном пароходе по Каме до Трухият. Сам конгресс проходил в Большом зале консерватории — Колонный зал Дома Советов был отведен для процессов над «врагами народа». В Перми иностранцы обратили внимание на корпуса мотовилихинской промзоны. Им объяснили: — «Это завод сельскохозяйственных машин». На обратном пути через Каму поле-

тели снаряды — пушки пристреливали по закамским целям. «Что это?» — «Не обращайтесь внимания. Идут испытания сельскохозяйственных машин».

Международный геологический конгресс в честь 150-летия установления пермской системы в Пермском культурно-деловом центре открывал доктор Алан Нейрн — могучий, седовласый, в белой рубашке с отложным воротничком, в клетчатых брюках. Голубые глаза, как проруби. Конгресс состоялся в августе 1991 года, как раз перед путчем, перед тем как танки вошли в Москву.

Нейрн:

— Шотландцу трудно удержаться от того, чтобы не воспользоваться возможностью приехать в город, который называется Пермь. У нас в Шотландии есть город Перт и поселок Москва. Город Перт и река Мэрчисон есть даже в Австралии. Почему шотландцы так любят Пермь? Все дело в том, что полтора века назад в Россию приехал мой земляк Родерик Мэрчисон, добрался до Урала и открыл для всего человечества геологическую страну «Пермь». Дядю Родерика звали Александром Маккензи. Он был бригадным генералом, богатым человеком. Моего дядю тоже звали Александром, но мне он ничего не оставил. Тем не менее у меня есть законный интерес к пермской системе и повод встретиться с коллегами-пермофилами. Я вижу множество своих друзей из разных стран, и все они не спят. После наших дружеских встреч допустимы два варианта: может болеть голова, может болеть живот. В оргкомитете имеются соответствующие смеси для каждого из этих вариантов. Еще может быть неудобно сидеть. Но тут оргкомитет ничем не может помочь.

Эти шутки — в манере Мэрчисона и Седжвика.

На огромной эмблеме конгресса, как раз за спиной Нейрна, изображены сбитые воедино континенты — *Omnis terra*, Пангея пермского времени, и на ней удобно расположился хмурый пермский ящер по имени иностранцевия. Круговая надпись — девиз международных геологических конгрессов: «*Mente et malleo*» — «Умом и молотком».

Железная рама докладов, живая река сообщений...

О, как много можно было узнать на конгрессе — о Полюде, об Уральском глубинном разломе — зоне столкновения двух континентов, гранитной оси Урала, алмазах Урала и Аппалачей!

Но я поспешил на палеонтологическую секцию, пристроился поближе к миловидной переводчице. Куда вбить «золотой гвоздь»

стратотипов перми? В программе обещали открытую дискуссию. Выступления по пять минут, справка одна минута. Предстояла яростная схватка с американцами и китайцами — они утверждали, что на пермской земле — бедные фауной континентальные разрезы, и предлагали свои аналоги с богатой морской фауной.

Я не ожидал, что схватка будет столь яростной! Техасцы никак не хотели признавать нашу кунгурскую семислойку. Помощь пришла из Австралии. У них в кунгуре была своя семислойка — работали мировые ритмы пермского времени. Говорили все вместе. Быстро перешли на английский. Переводчица озибалась в ужасе. Алан Нейрн сказал:

— Если вопрос поставить на ребро, как говорят русские, то он никуда не уйдет. Система останется пермской, и только пермской — именно здесь континентальные разрезы связывают между собой моря — Бореальное и Тетис.

Термин «пермская система» удержался, когда город Пермь был переименован в честь видного партийца Молотова. Железные маски: «Сталин», «Молотов» пермскую систему не тронули.

Еще предлагали развалить пермь не на две, а на три части. Припомнили, что наш Николай Палыч Герасимов в поздних работах склонялся к этому. В конце концов так и сделали, выделив снизу вверх: предуралий, гваделупий, лопингий. Американцы и китайцы успокоились. Этот порядок утвердили совсем недавно, на конгрессе во Флоренции. Период остался пермским!

— Радченко прав! В раннем карбоне он выделил Шотландско-Казахстанскую область.

— Эх хватил шилом патоки — где Шотландия, и где Казахстан!

— Я ссылаюсь на мнение такого знатока ископаемой древесины, как Лепёхина, которая, в свою очередь, опирается на представления своего учителя Яценко-Хмелевского, крупнейшего специалиста по анатомии растений!

— У Бхарадваджа и Венкатачала другое мнение о спорах и пыльце.

— Послушайте, я дошел в корреляции до Шпицбергена.

— У вас южные районы выпали. Хорошо бы это на Памире доказать.

— Вы сидите за рекой, без связи, у разрушенной мельницы. Там и сидите.

— Прав Йонгманс! Он подтвердил представления Зейлера!

— Это девятнадцатый век! Вы еще Мэрчисона вспомните!

- Вспомню и Мэрчисона! И Залесского! И Мейена!
- Оба неправы, и Йонгманс, и Радченко!
- Правы оба, леший тебя бей. Извините.
- Нет, не извините.
- Йонгманс ничего не знал о сибирских растениях!
- Attention! Внимание! Кофе-брейк!

Нет, вы не знаете, что такое кофе-брейк девяносто первого года. И не было ни эллина, ни иудея, и все возвращались в то далекое время, когда дружная интернациональная команда открывала для геологии новую систему, мировой геологический стандарт, получивший высокое имя «Пермь», что означает «дальняя страна».

Танки Кантемировской дивизии входили в Москву, когда в Перми на всякий случай отменили часть экскурсий по Уралу.

Алан Нейрн сказал с высокой трибуны:

— Те, кто уезжает из Шотландии во внешний мир, видят дорожный знак «Скорее домой!» И трудно понять, относится это к тем, кто уезжает, или же к тем, кто остается. В Перми я бы поставил такой знак: «Уезжайте только для того, чтобы скорее вернуться сюда».

2

Шестьсот лет назад три английских судна вышли из устья Темзы с целью обогнуть Северный мыс и добраться до Китая. Суда разлеталось, прохода в Китай не оказалось. До Белого моря добрался только парусник Ричарда Ченслера «Эдуард — благое предприятие». От устья Северной Двины на санях в голубой суконной форменке он прибыл к московскому двору, где его величали «посол Рыцарт». По дороге домой он попал в руки голландцев, которые дочиста ограбили корабль. Но цареву грамотку с разрешением на свободную торговлю для английских купцов Ченслер уберет!

1 сентября 1939 года телевидение Би-би-си прервало передачи на середине мультфильма о Микки Маусе. Началась Вторая мировая война. Почти полтора года Англия воевала с фашистами в одиночку. Старые кадры военной хроники: 1944 год, военный аэродром. Уинстон Черчилль по-бульдожьей медленно идет вдоль строя почетного караула, вглядываясь в лица солдат — как эти мальчики сумели сломать нацистскую машину? Как? Черчилль ничего и не понял, и честно написал: «Россия — это загадка, обернутая в мистику и скрытая в тайне».

Для Родерика Мэрчисона Россия не была загадкой. Он мечтал о новой русско-английской экспедиции. Писал президенту Российской академии наук академику Литке: «Если бы мне было дано увидеть единение русских и британских моряков в общих усилиях достичь Северного полюса и Полюны, то я сердечно порадовался бы, что в мои старые годы мне удалось снова спаять истинную международную дружбу, коей я был свидетелем. Эта цель всегда была близка моему сердцу, и я никогда не упускаю ни одной возможности ей содействовать». Британское адмиралтейство было против.

Всё-таки сбылась мечта Мэрчисона — о новой совместной работе русских и англичан. Он сделал все, что мог, для того, чтобы разорвать цепную реакцию вражды, отчужденности, ненависти. Русские и британские моряки были вместе, когда в годы Второй мировой войны конвоировали ленд-лизовские караваны с военными грузами, идущими в нашу страну.

Идею конвоев — «самого страшного плавания в мире» — предложил Черчилль. Первое время конвои отплывали из Исландии, а с сентября 1941 года они формировались на базе Лох-Ив в бухтах Лох-Ю и Скапа-флоу в Шотландии — это глубоководный залив на западном ее берегу. В деревушке Пул-Ю на южном окончании залива — штаб-квартира конвоев. Сейчас там военно-морская база Холи-Лох. В отеле номера носят названия кораблей, уходивших отсюда в Россию. В репертуаре театра Глазго — оратория Генделя «Мессия» — Спаситель.

Заправлялись конвои в Рейкьявике. Их путь лежал в Мурманск, Архангельск, Северодвинск (тогда — Молотовск). Самый первый конвой под кодовым названием «Дервиш» покинул гавань Ливерпуля 12 августа, через пятьдесят один день после начала войны. Везли мины, каучук, шерсть, грузовики, истребители «Харрикен», горюче-смазочные материалы, солдатские ботинки. Через девять дней грузы доставлены в Архангельск. После «Дервиша» появился код PQ — по инициалам офицера Питера Квилана (Peter Quelan) и дальше — по номерам.

В первый год войны это была единственная дорога для транспортировки грузов. У англичан было правило: если транспорт подбьют, спасти экипаж, а судно топить. 99 судов не дошло до цели. 3000 моряков погибли.

Проводку конвоев до острова Медвежий вели английские и американские корабли, дальше — наши «морские охотники». Борьба на море началась, когда в Норвегии появилась немецкая авиабаза.

Англичанам, владевшим немецким секретным кодом «Энигма», удалось потопить линкор «Шарнхорст». В июле 1942 года на перехват конвоя PQ-17 немцы бросили тяжелые крейсера «Адмирал Шеер», «Лютцов», линкор «Тирпиц» и другие суда. «Лютцов» и три эсминца сели на рифы в норвежских шхерах, и удар по союзному конвою нанесли самолеты-торпедоносцы и подводные лодки, рыскавшие по три-четыре — это называлось — «волчья стая».

Получив шифровку о выходе немцев, первый лорд британского адмиралтейства Паунд, «начальник паники», отдал гибельный приказ конвою рассредоточиться и пробиваться поодиночке, хотя силы охранения превосходили вражеские. Именно тогда подводная лодка К-21 Николая Лунина двумя торпедами поразила «Тирпиц», хотя он и остался на плаву. Спустя некоторое время во фьорде Тромсё «Тирпиц» был потоплен английскими летчиками, вылетевшими с аэродрома Ягодник под Архангельском.

Конвой PQ-17 был перехвачен немцами, но одиннадцать транспортов прорвались в советские порты. Гидрографическое судно «Мурманец» огнем из двух крупнокалиберных пулеметов по артиллерийской прислуге сумело отогнать немецкую подводную лодку и поднять на борт 147 британских, американских и голландских моряков.

Анастас Микоян, в войну занимавшийся снабжением страны:

«Осенью 1941 г. мы всё потеряли, и если бы не ленд-лиз, не оружие, продовольствие, теплые вещи для армии и другое снабжение, еще вопрос, как обернулось бы дело».

Ленд-лиз — это три четверти автотранспорта, каждый шестой истребитель, каждый пятый бомбардировщик, радиолокация, гидроакустика.

В Мурманске учительница рассказывала детям: «Эти дяди из Америки оставили свои дома и семьи, переплыли через океан, чтобы доставить хлеб и пушки вашим отцам, которые служат в Красной Армии. Вот кто они такие!»

3

Есть такие замороженные места — Усолье, Шотландия, — места, где сошлись многие дороги...

Врагу не сдается наш славный «Варяг»,

Пощады никто не желает...

9 февраля 1904 года крейсер «Варяг», выйдя с внешнего рейда нейтрального корейского порта Чемульпо, принял бой с японской

эскадрой: «Жизнь — Родине, душу — Богу, честь — никому». Корабль затоплен. Большая часть команды была спасена английскими и французскими моряками. Дальнейшая судьба корабля фантастична. Через год он был поднят японцами. Несколько лет он носил имя «Соя», стал учебным кораблем. Капитан Всеволод Руднев был награжден японским орденом Восходящего Солнца. В 1916 году Россия выкупила крейсер, он вошел в состав флотилии Северного Ледовитого океана, совершил переход из Владивостока на Мурман. Потом — ремонт в Великобритании. Советская Россия работу не оплатила, и крейсер был продан Германии на металлолом. При шторме он попал на камни у берегов Шотландии в заливе Фертоф-Клайд. На берегу, возле селения Лендалфут в сентябре 2007 года поставлен памятник — «Русскому крейсеру «Варяг».

Однако наша история начала раскручиваться раньше. Ребята из Перми на заработанные деньги поставили перед своей школой №9 штуф благородного камня серпентинита из Зеленокаменного пояса Урала в честь шотландца Родерика Мэрчисона, увидевшего всю Землю. Лежит этот камень естественно и просто, как будто он всегда был здесь.

Шотландцы же после памятника крейсеру «Варяг» установили на Оркнейских островах, в местечке Скара Брей памятные знаки в честь Гагарина — человека, впервые увидевшего всю Землю из космоса, и Армстронга — первого землянина, ступившего на лунный реголит. Это две мраморные плиты с очень простыми надписями — «First Man in Space, 1961» и «First Man on Moon, 1969».

Потом екатеринбуржцы из Общества уральско-шотландской дружбы установили трехметровую глыбу — «Великому исследователю Земли Родерику Мэрчисону» на реке Чусовой, недалеко от того места, где Мэрчисон с де Вернейлем, как мы помним, перевернулись на лодке, но спасли свои полевые книжки. Памятник — из ракушечника, украшенного обломком гигантского аммонита, как воспоминание о раннепермском Уральском океане. Проект уральцев называется «Открывая Землю». Позже, в 2011 году, в дни празднования пятидесятилетия первого космического полета, англичане открыли памятник Юрию Гагарину в Лондоне, на улице Пелл Мелл, близ Трафальгарской площади. Как раз против мальчика на шаре (копия памятника в Люберцах, где Гагарин учился в ремесленном училище) — памятник капитану Джеймсу Куку, который в восемнадцатом веке дважды обогнул земной шар, составил карту Тихого океана, почти такую же, какой мы ее знаем сейчас.

Ответ шотландцев: в Скара Брей, рядом со знаками Гагарина и Армстронга, открыт памятник северным конвоям: «Монумент воздвигнут в честь всех участников конвоев, отправлявшихся из Скапа-флоу в Россию в 1941–1945 годах. Мы всегда будем помнить тех, кто жертвовал собой ради целей свободы». Здесь формировались конвои. Последние участники войны из клубов «Русский конвой» и «Северная Россия» — в белых, цвета Арктики, беретах, со знаками «Арктическая звезда» на лацканах — съехались в небольшой порт Лайнесс на Оркнейских островах. Когда-то кораблей было так много, что не было видно воды. На островках вокруг бухты кипела жизнь — здесь было до десяти тысяч человек. Теперь там — заросшие мхом и вереском развалины.

В Рейкьявике есть такой памятник погибшим морякам: девушка на берегу моря машет платком. У ног ее — плиты с названиями погибших кораблей.

Есть официальный памятник Леонову, человеку, впервые шагнувшему в открытый космос, и его командиру Беляеву — на высоком берегу Камы, рядом с мостом, возле Усолья. Космонавты смотрят на Землю — «Спит Земля в сиянье голубом». Есть и неофициальный памятник: бетонный репер над скважиной 5455 Чезской площади, пробуренной на месте приземления корабля «Восход-2» — как спутник в Землю.

Это и есть то, что Марина Цветаева называла «круговая порука добра»...

В 1977 году, в конце лета, когда Америка оплакивала уход из жизни Элвиса Пресли, два американских космических корабля, носящих французское имя *Voyager* — «Вояджер», то есть «путешественник» отправились в самое дальнее путешествие в истории человечества. К борту каждого из них были приторочены круглые алюминиевые коробки с позолоченными видеодисками. Записи: плач ребенка, мамин шопот, голоса птиц, зверей, людей на пятидесяти пяти языках, грохот вулканов и землетрясений, шуршание песка, океанский прибой, музыка Баха, Моцарта, Бетховена, джазовые композиции Армстронга, Чака Берри, народная музыка. После того как «Вояджеры» получили качественные снимки самых дальних планет, они получили новое задание — изучить переходные области между солнечной и межзвездной плазмой и попытаться вылететь за пределы

Солнечной системы. Корабли попали в зону «гелиопаузы» — там влияние Солнца, «солнечный ветер» ослабевает, но его еще не может одолеть «галактический ветер». Последние новости: «Вояджеры» преодолели границу и вышли за пределы Солнечной системы. Это самая дальняя «Пера маа». За далью даль, за далью даль...

*Закончился век. Начинается время,
Когда мы все-все друг от друга зависим,
И всё тяжелее становится бремя
Отравленных рек,
Неотправленных писем...*

Широтный пояс линеаментов — Гданьско-Соликамский, Уссури-Ханкайский — от Гданьска до Владивостока сшивает нашу страну. Для геологов Земля, разлинованная линеаментами, — неделима.

4

Что будет, когда кончится нефть, газ? Это произойдет скоро — в XXI веке точно. Угля хватит на 200 лет, но он плох экологически. Альтернативные источники — ветер, биотопливо, фотоэлектрические батареи — нас не спасут. Бич атомной энергетики — радиоактивные отходы.

Эрик Михайлович Галимов, мой однокурсник, которого я провожал когда-то в пермскую гостиницу «Урал», теперь важный академик, директор Института геохимии и аналитической химии имени Вернадского. Он уверенно сидит в кресле Барсукова, того самого, который впервые рассказал нам об оранжевом небе Венеры. За спиной — глобус Луны, тот же, что был при Барсукове.

Книга Галимова называется откровенно: «Замыслы и просчеты. Фундаментальные космические исследования последнего десятилетия. Двадцать лет бесплодных усилий». Книгу можно было бы назвать «Затмение Земли» и предпослать ей два эпиграфа — Камю: «Мы должны быть на высоте понимания грядущих катастроф», и Эйнштейна: «Наиболее непостижимая вещь в мире заключается в том, что мир постижим».

Конечно, коэффициент извлечения нефти повышается благодаря различным изощренным методам, например, микросейсмическому мониторингу гидроразрыва пласта с использованием наземной системы наблюдений. Пласт разрывается нагнетанием жидкости, образуются трещины. Кремнеземистые проппанты закрепляют

трещину. Деформация пласта вызывает веер упругих микроколебаний, которые можно уловить и по ним судить о состоянии трещин! Символично, что мониторинг был начат на месторождении, названном в честь неутомимого искателя Константина Шершнева! Круглосуточную вахту несут ребята из группы сопровождения горизонтального бурения из института «ПермНИПИнефть». Всю ночь светятся окна в центральном офисе «ЛУКОЙЛа-Пермь».

Есть еще резерв — сланцевый газ и сланцевая нефть. Но всё равно — нефть и газ закончатся в этом веке.

Так что же нам делать? «Только детские книги читать, только детские мысли лелеять», как сказал поэт. Есть такая детская книга — «Таинственный остров». Люди летят на воздушном шаре. «Поднимаемся?» — «Какое там! Книзу идем! Хуже, мистер Смит! Падаем!» — «Боже мой, балласт за борт!» — «Последний мешок сбросили!» — «Как теперь? Поднимаемся?» — «Нет!» Но инженер Сайрес Смит со своей командой спаслись на маленьком острове Линкольн.

Американцы привезли 378 килограммов лунных пород. Из них первый геолог на Луне Харрисон Шмитт привез на «Аполлоне-17» 117 килограммов. Мы автоматами «Луна-16», «Луна-20», «Луна-24» накопили 330 граммов лунного грунта. Потрясающее открытие, сделанное на границе тысячелетий: в лунном грунте — реголите оказалось много изотопа гелия-3. Его почти нет на Земле. Это — экологически чистое ядерное топливо. Что такое реголит? Песок с расплавленными частичками — агглютинатами. Луна лишена атмосферы. Поэтому солнечный ветер насыщает реголит гелием-3. Одна тонна гелия-3 заменяет двадцать миллионов тонн нефти. Лунного гелия-3 землянам хватит на 1000 лет. Доставить гелий-3 с Луны на Землю — труднейшая инженерная задача. Термоядерный синтез, который пока не получается — тоже труднейшая инженерная задача. Галимов считает, что надо начинать работать с гелием-3. Он накоплен на Земле в результате радиоактивных превращения трития, используемого в термоядерном оружии. В России и США имеется несколько сот килограммов гелия-3. Можно начинать опытничают. Лучше — вместе. У землян в запасе до конца столетия не больше восьмидесяти лет...

Удивительно то, что люди, не думая о лунном гелии-3 как источнике энергетики будущего, вели планомерную рекогносциров-

ку Луны, охотясь за «лунным зайцем». С запада на восток — два «Аполлона» сели в самом обширном океане Бурь, по одному в море Дождей, в море Ясности, в море Спокойствия. Лишь «Аполлон-16» рискованно прилунился на плато в гористой местности к юго-западу от Моря Спокойствия. Пилот лунного модуля Чарльз Дьюк сказал тогда: «Братца Кролика бросили в его родной терновый куст».

Наши же «Луны» работали к востоку от американцев: Море Кризисов, Море Изобилия и гористый район между ними.

Попав в безвыходное положение, люди сразу начинают искать выход. Фридрих Цандер начинал утро со слов: «Вперед, на Марс!» Королев смеялся: «Почему Марс? Ведь Луна гораздо ближе». Он еще не знал о изотопе гелий-3.

Божья коровка, улети на небо!

Улети на небо, принеси нам хлеба!

Принеси нам хлеба...

5

Один раз в жизни насквозь засекреченный Королев провел отпуск за границей — в братской Чехословакии. Однажды он отвел душу, разговорился с братьями-чехами, которые понятия не имели об этом человеке. И о чем же был разговор? Об экологии.

— А вы уверены, что сама современная концепция научно-технической революции верна? Я не уверен. Мы не достигаем единства с природой.

Для него существовала запретная черта — экологический императив. Глушко, работающий с грязным ракетным топливом, стал для Королева, человека XXI века, личным врагом. Трагедия Глушко — он все-таки сделал самую мощную «Энергию» на чистом топливе, но эта ракета в то время оказалась ненужной игрушкой.

Академик Лихачев часто приводил слова Клода Леви-Стросса: «XXI век будет веком гуманитарных наук или его не будет вовсе». Тончайший озоновый слой цивилизации противостоит невежеству и фанатизму.

6

Во глубине старой Перми, в Мотовилихе, от цеха завода «Первый хлеб» к остановке автобуса №77 «Левшино — «Ироничная

компания» шел с мамой парнишка лет десяти и на ходу читал книгу Гончарова «Фрегат «Паллада». Подошел автобус, и кто-то выщелкнул бычок на тротуар улицы с замечательным названием «Красная площадь». «Он не любит Родину» — сказал мальчишка.

Чеховский рассказ «Мальчики»: «Сначала в Пермь... — тихо говорил Чечевицын... — оттуда в Тюмень... потом Томск... потом... потом... в Камчатку».

Давным-давно в ветхой газете (кто автор — не знаю) попался мне на глаза такой рассказ:

«Я хорошо знал этого мальчика. Совсем маленьким он собирал каштаны в скверах большого южного города. Каштаны падали на землю с резиновым, упругим стуком и, раскалываясь, выбрасывали лакированные коричневые ядра.

Он так и не стал биологом...

В глубине мощенного сизыми базальтовыми плитами двора под окнами жильцов первого этажа лежало огромное спиленное дерево. Он становился на край бревна и, глядя в пустую катушку из-под ниток, разыгрывал перед сверстниками эпизоды из фильма «Адмирал Нахимов».

Он так и не стал актером...

Я не знаю, когда именно я его потерял. Он куда-то расползся, незаметно исчез, оставив о себе только неясные воспоминания.

Где он теперь? Что с ним случилось?

Я очень по нему скучаю.

Поэтому просьба: если вы случайно встретите его, сообщите немедленно.

Приметы: у него мои имя и фамилия».

Космонавт, доктор наук Феокистов как-то сказал: «Я убежден, что, готовясь к плаванию на своих каравеллах, Христофор Колумб в какой-то степени втирал очки королю и королеве, когда говорил о заокеанских сокровищах. Он просто искал и хотел найти нечто новое. Любознательность и любопытство были и остаются одним из важнейших рычагов человеческого прогресса». Самых первых вела не власть золота, пряностей, а стремление, по словам Гейне, «удлинить цепь, сковывающую человечество». Они были из тех ребят, что остаются после урока, чтобы решить нерешаемую задачу о квадратуре круга. Это была честная игра. Джим Хокинс умел держать честное слово, пусть даже данное Сильверу, пирату, чье имя значит «серебро».

Это потом началась кровавая история борьбы за колонии, богатства, деньги, за раздел мира. Это — потом: «Пиастры! Пиастры! Пиастры!», это потом — доллары, франки, фунты, рубли, золото, серебро, мягкая рухлядь — меха и все такое прочее. Потом! Сначала было «О Русь, ты уже за холмом», «За далью даль, за далью даль», сначала были дальние страны, дальняя земля — Пера маа, Перемь, Пермь.

С появлением человека на Земле он стремится побывать всюду. Всюду! Надо ходить в море, надо опускаться в глубины океана, надо подниматься в космос, надо ступить на Луну — и надо возвращаться домой.

Американский космонавт Купер из космоса увидел грузовик, движущийся вдоль границы с Мексикой, хотя разрешающая способность человеческого глаза (около одной угловой минуты) позволяет увидеть предметы размером не менее двухсот метров. Ему не поверили. Наш Виталий Севастьянов в начале полета видел только материки и океаны, различил Кавказ, Черное море, потом высмотрел мыс Адлер, то место, где рядом с мысом река Мзымта подкрашивает море своим илом, потом узнал Сочинский порт. Через некоторое время по оси от главного причала он увидел телевизионную вышку, кипарисовую аллею. Глаза его обрели соколиную зоркость — 22 июня 1975 года, на тридцатые сутки полета он увидел маленькую точку среди кипарисов — родительский дом. Ему показалось, что блеснули на повороте стекла родимых окон.

*И умолк мой ямицик, а дорога
Предо мной далека-далека...*

Содержание

Глава 1. Утка-мандаринка	4
Глава 2. Если завтра война	16
Глава 3. Война.....	32
Глава 4. После войны.....	39
Глава 5. Спутник.....	43
Глава 6. Михал Иванович.....	62
Глава 7. Вперед, на Луну!	75
Глава 8. Поезд идет на восток.....	81
Глава 9. Суйфун.....	89
Глава 10. Спит Земля в сиянье голубом.....	138
Глава 11. Летят утки.....	153
Глава 12. Начало лунной гонки.....	172
Глава 13. Лоцман пермского моря.....	178
Глава 14. Великий Барьер	214
Глава 15. Шнарс.....	232
Глава 16. Выхожу один я на дорогу.....	236
Глава 17. Три дороги	249
Глава 18. Алга!	257
Глава 19. Самотлор.....	271
Глава 20. Неоконченный этюд.....	274
Глава 21. Уренгой	283
Глава 22. Унесенные ветром.....	294
Глава 23. Уньва	298
Глава 24. Флоренский	304
Глава 25. Баньковский.....	309
Глава 26. Токарев	318
Глава 27. Труба	323
Глава 28. Лунная гонка	331
Глава 29. А Луна канула.....	347
Глава 30. Орбитальная станция.....	355

Глава 31. Занавес опускается	361
Глава 32. Глушко.....	363
Глава 33. Маленькая Сибирь	369
Глава 34. Пермская катастрофа.....	374
Глава 35. Дулепов.....	388
Глава 36. Мокичев.....	402
Глава 37. Дороховский полигон	406
Глава 38. Вчера наступило внезапно	428
Глава 39. После бала.....	454
Глава 40. Мгновения	458
Глава 41. Генерал Леонов.....	487
Глава 42. Охранник южного входа	489
Глава 43. «В том городе есть сад».....	497
Глава 44. Открывая Землю	500

Литературно-художественное издание

Ваксман Семен Иегудович

ПОЛЕВАЯ КНИЖКА

Ответственный редактор Б. Эренбург

Корректор Н. Шилов

Компьютерная верстка Е. Тесленко

В оформлении обложки
использована графика
Р. Б. Исмагилова

Отпечатано в типографии
ООО «Форвард-С»

Формат 84×108 1/32,
печать офсетная, бумага ВХИ,
гарнитура Minion Pro

Заказ №688. Тираж 500 шт.

ISBN 978-5-903236-13-8

9 785903 236138

ISBN 978-5-903236-13-8

